

**ТВОРЕНИЯ СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО
ИОАННА ЗЛАТОУСТА АРХИЕПИСКОПА
КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО**

ТОМ ПЕРВЫЙ

КНИГА ВТОРАЯ

Святитель Иоанн Златоуст
Благовещенский собор Московского Кремля 14 век

ОГЛАВЛЕНИЕ.

О СВЯЩЕНСТВЕ

1. СЛОВО ПЕРВОЕ. Лучший друг детства Иоанна Златоуста - Василий. - Они никогда не расставались между собой. - Намерение их обоих принять иночество. - Слезы и просьбы матери, отклонившие Иоанна от исполнения этого намерения. - Подвижническая жизнь друзей. - Слух о намерении посвятить их обоих в епископский сан. - Уклонение Златоуста и избрание Василия. - Жалобы Василия и оправдания Иоанна. Нравственное значение хитрости - в зависимости от намерения. - Польза ее как в мире, так и на войне. - К ней прибегают как врачи тела, так и врачи души. - Исцеление больных таким способом. - Ею пользуется и ап. Павел, чтобы привлечь иудеев к Иисусу Христу.

2. СЛОВО ВТОРОЕ. Священство есть наивысшее доказательство любви, какое только можно дать в отношении к Иисусу Христу. - Преимущества священства. - Кровь Иисуса Христа есть цена душ. - Любовь Иисуса Христа к Своей церкви. - Обязанности священства более важны, чем всякого другого положения. - Мало достойных для него. - Ответственность священника. - Враги стада Христова. - Лечение душ труднее, чем лечение овец. - Трудность постижения самой причины боления душ. - Нет другого средства, кроме убеждения. - Священство требует превосходной души. - Насколько благоразумие необходимо священнику. - Священство есть должность, исполненная затруднений и опасностей. - Необходимость вполне знать кандидата на священство. - Превосходные свойства человеколюбия. - Похвала Василию. - Его человеколюбие. - Почему Златоуст отказался от епископства. - Его отказ не только не послужит ко вреду избирателей, но избавит их от нареканий, которым они иначе подверглись бы.

3. СЛОВО ТРЕТЬЕ. Златоуст продолжает свое оправдание. - Его отказ произошел не от гордости. - Обвинять других в неуважении к священству значит обнаруживать свое невысокое мнение о нем. - Отказ его произошел не из тщеславия. - Любовь к славе напротив должна бы побудить его принять епископство. - Священство имеет небесный характер. - Величавая обстановка священства ветхозаветного и превосходство священства новозаветного. - Величие христианского тайнодействия. - Священник сильнее ангелов. - Источники его могущества. - Священники ветхозаветные только давали свидетельство об исцелении проказы тела, а священники новозаветные исцеляют проказу души. - Если наши родители дают нам жизнь телесную, то священники сообщают нам жизнь духовную, и они могут нам давать ее, когда даже мы потеряли ее. - Крещение. - Покаяние. - Даже ап. Павел трепетал, размышляя о высоте своего служения. - То же самое устрасило и Златоуста. - Ясное сознание высоты священнослужения с одной стороны и сознание своей слабости - как побуждения, заставившие его отказаться от епископства. - Другие побуждения, как заключающиеся в опасностях и трудностях, сопряженных со священнослужением. - Устранение тщеславия со всеми сопровождающими его страстями. - Чем возвышеннее священство, тем омерзительнее злоупотребления им. - Можно желать священства, но не возвышения и власти, связанных со священством. - Священник должен быть господином над самим собой: печальные последствия гнева. - Погрешности священников быстро становятся известными всем и происходящий отсюда соблазн. - Примеры неудачных избраний. - Управление вдовицами, попечение о девственницах, церковное судопроизводство, связанные с ним трудности. - Отлучение и требуемое им благоразумие.

4. СЛОВО ЧЕТВЕРТОЕ. Возражения Василия, что все сказанное его другом относится к тем, которые сами добиваются священства, а не к тому, кого против воли привлекают к нему. - Провержение этого возражения. - Примеры Саула, Илии, Аарона и Моисея. - Иуда был

призван к апостольству. - Рукополагающие недостойных подлежат одинаковому с ними наказанию. - Необходимо рукополагать с крайней осторожностью. - О церковном служении. - Дар слова, как необходимая принадлежность священника. - Без дара слова не достаточно ни доброго примера, ни даже дара чудотворения. - Слово, как единственное оружие, которым можно отражать врагов Церкви. - Сравнение Церкви с сильной крепостью. - Главные враги, с которыми приходится Церкви иметь дело: иудеи, язычники, манихеи, валентиниане, маркиониты, савеллиане, ариане. - Враги домашние, возбуждатели праздных и неразрешимых вопросов. - Возражения Василия: не презирал ли красноречия ап. Павел? - Нет, он осуждал только легкомысленное искусство риториков своего времени. - Если какой служитель Иисуса Христа мог бы обойтись без дара слова, то именно ап. Павел, обладавший даром чудотворения и несравненной любовью к Господу Иисусу. - Красноречие ап. Павла - простое и сильное, единственно основанное на знании и восторженности. - Похвальный отзыв о его посланиях. - Необходимость для епископа обладать ученостью, чтобы наставлять других. - Он должен быть способен защищать догматы веры.

5. СЛОВО ПЯТОЕ. Продолжение рассуждения о церковном красноречии. - Беседы, предназначенные для народа, требуют большего труда. - Трудность удовлетворить слушателей, потому что они часто приходят не за тем, чтобы назидаться, но за тем, чтобы судить о проповеднике. - Чтобы с успехом преодолеть эту трудность и овладеть слушателями, необходимы две вещи: пренебрежение к похвалам и сила слова. - Пренебрежение к похвалам не имеет никакого значения без силы слова, и наоборот. - К пренебрежению похвалами нужно прибавить и презрение к зависти. - Недостаточно приобрести дар слова, нужно еще сохранять его трудом и упражнением, потому что красноречие есть дар изучения еще более, чем природы. - Чем выше у проповедника дар слова, тем более он должен трудиться над ним. - Козни великому проповеднику со стороны его завистливых врагов. - Немного людей, которые в состоянии основательно судить о беседах. - Сильный сознанием своего дара, проповедник может становиться выше суждений толпы. - Еще больше уверенности ему может дать стремление к главной цели - благоугодить Богу. - Пренебрежение к похвалам не менее необходимо и тому, кто не обладает даром красноречия.

6. СЛОВО ШЕСТОЕ. Ответственность священника за грехи вверенной ему паствы. - Благоразумие и осторожность, с которыми нужно жить, чтобы предохранить себя от заражения делами мира сего и сохранять красоту души. - Ревность, тщательность и бдительность в отправлении священнослужения. - Священники суть посланники Божии не к одному только городу, но ко всей земле. - Они поставлены, чтобы молиться и ходатайствовать о прощении грехов людей, и не только живых, но и умерших. - Призвав Св. Духа, они благоговейно приносят великую жертву, приближаться к которой должно со страхом и трепетом. - Они носят в своих руках Владыку и Господа всех людей. - Необходимость для них самого тщательного благоразумия, чтобы не оскорбить кого-нибудь из ближних, приспособляться ко всем, не прибегая к хитрости, притворству и лести, но скорее действуя с великим дерзновением и свободой, причем попеременно, смотря по обстоятельствам, можно употреблять суровость или мягкость. - Как ни велики труды монахов и как ни трудна брань, которую они ведут, но во всяком случае служение епископа труднее отшельничества. - Осуществлять добродетель в пустыне легче, чем при исполнении церковных дел, так как эти дела подвергают епископа многим случайностям и легко открывают в нем пороки и недостатки, которые не обнаружили бы в пустыне. - Повторение совета не пренебрегать народной молвой, хотя бы она была ложной. - Нетрудно спастись самому себе. - Священник подлежит более страшному наказанию, чем простые верующие. - Состояние, которое должен переживать человек, когда его хотят

возвести в священный сан. - Нет более страшной брани, как та, которую воздвигает на нас в таких случаях диавол.

7. БЕСЕДА ПО РУКОПОЛОЖЕНИИ ВО ПРЕСВИТЕРА.

Мысли и чувства по случаю возведения в высокий сан священства. Неуверенность в своих способностях. - Вся вселенная хвалит Бога, за исключением грешников. - Но и грешник может найти способ славословия. - Похвала Флавиану, епископу антиохийскому. - Знатность его происхождения и великость его подвижничества. - Воспоминание о Мелетие, епископе антиохийском. - Просьба о молитве за нового пресвитера.

ПРОТИВ АНОМЕЕВ

8. СЛОВО ПЕРВОЕ. Похвала Флавиану. Величие его человеколюбия. - Смысл изречения: "еще разум испразднится". - Опровержение аномеев. - Проповедник намерен вразумлять, а не побивать своих противников. - Бог непостижим не только в своей сущности, но и в Своем промыслении; не только в Своем промыслении, насколько оно управляет всем творением, но еще и насколько оно управляет судьбами одного народа, например народа иудейского. - Увещание.

9. СЛОВО ВТОРОЕ. В рассуждении о божественных предметах нужно руководиться не разумом, а верой. - Аномеи притязают на то, что они знают Бога так же, как Он знает Самого Себя. - Испытывать Его сущность с чрезмерным любопытством значит оскорблять Его. - Необходимость умеренности в рассуждениях с еретиками.

10. СЛОВО ТРЕТЬЕ. Славословие Бога более полезно человеку, чем Богу. - Бог непостижим для ангелов. - Человек не может проникнуть даже в существо ангелов. - Верховные силы не могут постигнуть Бога и при Его снисхождении. - Укор антиохийцам за то, что они тотчас после беседы ушли из церкви. - Действенность общественной молитвы.

11. СЛОВО ЧЕТВЕРТОЕ. О непостижимости естества Божия. - Краткое повторение предшествующих бесед. - Ангелы узнали о некоторых тайнах только с нами и через нас. - Они не знают естества Божия. - Похвала антиохийцам за ту послушность, с которой они исполнили данные им советы. - Предостережение против карманных воров, появившихся в церкви.

12. СЛОВО ПЯТОЕ. О непостижимости естества Божия. - Сын и Св. Дух вполне знают Отца. - Слова: Бог и Господь одинаково свойственны Отцу и Сыну. - Мудрость ап. Павла в его наставлениях. - Не только существо ангелов, но даже и существо нашей души непостижимо для нас. - Возражение аномеев, что нельзя поклоняться тому, чего не знаешь. - Ответ на это возражение. - Сила молитвы. - Смирением производится дерзновение.

13. СЛОВО ШЕСТОЕ. О святом Филогонии. - Насколько будущая жизнь выше настоящей. - Св. Филогоний сначала был адвокатом. - Избранный во епископа, он предался совершению всякого рода добродетелей. - Назидание по случаю приближения праздника Рождества Христова. - Истинное покаяние, даже краткое, может очистить совесть. - Способ совершения покаяния.

14. СЛОВО СЕДЬМОЕ. О единосущии Сына с Отцом. - Необходимость внимательного отношения к слову Божию. - Сын единосущен Отцу. - Выражения св. Писания, по видимому уничижающие Сына, находят себе объяснение в воплощении. - Другие

побуждения для таких изречений св. Писания. - Две воли во Иисусе Христе. - Увещание к молитве.

15. [СЛОВО ВОСЬМОЕ](#). О суде и милостыне и о просьбе матери сынов Зеведеевых. - Ответ на возражение еретиков. - Сын имеет ту же власть, что и Отец. - Милостыня измеряется не по величине подаяния, но по чистоте намерения. - Похвала ап. Павлу, изречения которого приводит проповедник. - В каком смысле сказал Иисус Христос "несть Мое дати". - Награду заслуживает тот, кто подвизается.

16. [СЛОВО ДЕВЯТОЕ](#). О четырехдневном Лазаре. - Иисус Христос знал, где находится Лазарь. - Не должно быть слишком легковерным. - Почему Иисус Христос молился перед воскрешением Лазаря? - Не вследствие необходимости, а вследствие присутствовавшего там народа и в ответ на просьбу Марфы.

17. [СЛОВО ДЕСЯТОЕ](#). Вступление. - Различие между долгом денежным и долгом духовным. - Иисус Христос единосущен Отцу. - Уничтожение принято Им для того, чтобы снизойти к нашей немощи и чтобы наставить нас не только словами, но и примером. - Ему свойственно то же всемогущество, что и Отцу. - Доказательство, заимствованное из исцеления слепорожденного. - Как несовершенен закон. - Сын равен Отцу. Доказательства из св. Писания. - Нужно избегать всякой вражды. - Увещание к примирению с врагами.

18. [СЛОВО ОДИННАДЦАТОЕ](#). О непостижимости существа Божия. - Когда дело идет об истинах веры, то следует основываться главным образом на св. Писании. - Божество Иисуса Христа, доказываемое на основании первой главы книги Бытия. - Согласие Ветхого и Нового заветов. - Обязанность христиан присутствовать при собраниях верующих и водить туда своих детей. - Присутствие в этих собраниях в церквях приносит двоякую пользу.

19. [СЛОВО ДВЕНАДЦАТОЕ](#). О расслабленном, бывшем в расслаблении тридцать восемь лет и на слова: "Отец Мой доселе делает и Аз делаю" (Ин.5:17). - Сравнение проповедника с землешцем. - Почему Иисус Христос показывался иудеям в дни праздников. - Исцеление расслабленного. - Почему Иисус Христос спрашивает больного. - Похвала расслабленному. - Почему Иисус Христос повелевает ему взять и понести постель. - Иисус Христос по всемогуществу равен Отцу. - Увещание присутствовать в собраниях церкви.

20. [РАССУЖДЕНИЕ ПРОТИВ ИУДЕЕВ И ЯЗЫЧНИКОВ О ТОМ, ЧТО ИИСУС ХРИСТОС ЕСТЬ ИСТИННЫЙ БОГ.](#)

Нелюбовь большинства людей к длинным рассуждениям. - Простое общедоступное рассуждение. - Обращение к язычникам с доказательствами, что Иисус Христос есть Бог: основание Церкви, быстрое распространение Евангелия, обращение римлян и варваров, совершенное в непродолжительное время лицами совсем презренными, без всякой посторонней помощи. - Такое дело не могло быть делом рук человеческих. - Обращение к иудеям. - Против них гласит Ветхий Завет. - Все главные тайны и события христианства предсказаны были пророками. - О том, что Христос будет Богом и человеком, предсказывал пророк Варух. - Что Он родится от девы - Исаия. - Что родится в Вифлееме - Михей. - Что будет исцелять всякие болезни - Исаия. - Неблагодарность иудеев также предсказана Давидом и Исаией. - Проповедь апостолов - Давидом и Иоанном. - Об отвержении иудеев предсказывали Малахия, Исаия, Моисей. - Страшный суд предвозвещен Малахией, Давидом, Варухом, Исаией. - Чествование, воздаваемое кресту.

- Частое употребление крестного знамения. - Части истинного Креста, находимые по всему миру. - Исполнение пророчеств Иисуса Христа. - Чудо распространения Евангелия. - Поражение императоров в войне, воздвигнутой ими против Церкви. - Тщетность усилий, которые иудеи с помощью Юлиана отступника употребляли для восстановления храма вопреки пророчеству Иисуса Христа.

ПРОТИВ ИУДЕЕВ.

21. СЛОВО ПЕРВОЕ. Прерывая свои беседы против аномеев о непостижимости существа Божия, проповедник переходит к обличению иудействующих. - Христианам не должно принимать участия в праздниках иудейских, потому что 1) иудеи люди жалкие, делающие все несвоевременно. - Они не постились, когда следовало им поститься, и постятся теперь, когда не следует поститься: потому-то они и отвергнуты и на их место явились христиане. - 2) Их синагога не лучше театра, место распутства и вертеп разбойников; она есть обиталище демонов, между тем как церковь есть дом Божий. - Обладание св. Писанием не делает синагогу досточтимой и не может служить оправданием для тех, кто посещает ее, ибо 1) иудеи оскорбляют св. Писание, утверждая, что оно не говорит ничего об Иисусе Христе; 2) они пользуются им лишь для того, чтобы обольщать немощных; 3) не только синагога, но и самая душа иудеев есть обиталище демонов. - Бог отверг их жертвы, их праздники и самый храм, предавая его в руки язычников. - Не может служить оправданием посещения синагоги и желание получить исцеление от какой-нибудь болезни, потому что 1) обитающие в ней демоны не могут исцелять; 2) даже если бы они и могли, не следует губить душу ради исцеления тела. - Нужно употреблять все средства к тому, чтобы отвращать своих братьев от иудействования, особенно потому, что не делая этого, мы участвуем в их преступлении и подвергнемся одинаковому с ними наказанию.

22. СЛОВО ВТОРОЕ. Против тех, которые содержат иудейский пост, и против самих иудеев. - Не должно соблюдать иудейского поста, потому что 1) лишаются благодати Христовой те, кто служат ветхому закону, хотя бы в одном каком-нибудь отношении; 2) соблюдающие закон в одном отношении, тем самым обязываются соблюдать его весь под страхом проклятия. - Закон есть добрая вещь, но под условием, если он приводит к Иисусу Христу. - Он есть зло для тех, которых не приводит к Нему, следовательно для иудействующих. - Бог более ревнует о чести верующих, чем о собственной славе; взаимно и верующие должны ревновать о чести Божией и допускать своих жен посещать синагоги.

23. СЛОВО ТРЕТЬЕ. К тем, которые по-прежнему постятся в Пасху. - Не должно участвовать в соблюдении поста, который иудеи соблюдают перед своей пасхой, потому что это может служить причиной раскола и разномыслия, а разномыслие есть худшее из зол: таково учение Павла и отцов Никейского собора. - Бог, разрушая город, в котором только и можно было законно совершать иудейскую пасху, с достаточностью показал, что Он отверг все праздники иудейские и освободил нас от обязанности соблюдать дни, установленные законом. - У самих иудеев соблюдение места должно бы стоять выше и иметь больше важности, чем соблюдение времен, потому что соблюдение времен часто бывает совершенно невозможным.

24. СЛОВО ЧЕТВЕРТОЕ. Против иудеев, на трубы их пасхи. Сказано в Антиохии, в великой церкви. - Чтобы судить, хорошо, или худо известное действие, нужно не столько соображаться с его сущностью, сколько с волей Божией. - Между тем пост иудейский идет против воли Божией. - Все священнодействия должны в действительности совершаться в Иерусалиме, а не в другом каком-либо месте, как это доказывает сам закон и пример

святых праведников. - Разрушая Иерусалим, Бог ясно показал, что Ему не благоугодно было более богослужение иудеев.

25. [СЛОВО ПЯТОЕ](#). Похвала усердию слушателей. - Храм иудейский не будет восстановлен. - Это доказывается: 1) предсказанием Иисуса Христа, которое несомненно возымеет силу, так как другие предсказания Сына Божия уже исполнились; 2) на основании пророков: те же пророки, которые предсказывали начало и конец трех первых пленений, не только не указали конца для четвертого, теперешнего их пленения, но прямо предсказывали, что оно не окончится; 3) тщетностью усилий, которые иудеи употребляли для восстановления их храма; 4) на основании пророчеств, которыми предвозвещено, что новозаветное богослужение распространится по всей земле. - Увещание христианам удалиться от праздников иудейских.

26. [СЛОВО ШЕСТОЕ](#). Предшествующая длинная беседа, как причина горловой болезни проповедника. - Жажда к обличению иудеев. - Краткое обобщение предшествующей беседы. - Чему иудеи могут приписать теперешнее свое бедствие. - Нельзя приписывать его ни тяжести грехов, ни могуществу людей. - Несмотря на старание соблюдать закон, они теперь более несчастны, чем когда-либо, и это потому, что они распяли Господа Иисуса. - Подтверждение этого на основании пророков. - Из их бедствий обнаруживается божество Иисуса Христа, потому что если бы Он был обманщик, то несмотря на все их грехи, Бог пощадил бы их ради Имени Своего, чтобы не дать основания для прославления врага Своего. - Кроме своего города и своего храма, иудеи потеряли и все свои преимущества, они не имеют более и священства. - Что же такое их теперешние священники в сравнении с древними священниками? - Изложение обрядов посвящения и других обстоятельств, придававших досточтимый характер священству в древности. - Обличение христиан, посещающих синагоги. - Поведение их подлежит осуждению и неизвинительно ни в каком отношении. - Увещание к более благоразумным отвращать своих собратьев от этих нелепых, как и преступных суеверий.

27. [СЛОВО СЕДЬМОЕ](#). Если храм иудейский, как доказано выше, разрушен окончательно, то вследствие этого у иудеев не может уже быть ни жертвоприношений, ни священства. - Эти учреждения, как доказывает св. Писание и особенно ап. Павел, отменены вследствие их несовершенства, жертвоприношением воплотившегося Бога, и они не будут восстановлены. - На место священства по чину Ааронову явилось священство по чину Мелхиседека и древний закон заменен новым, соответственно новому священству.

28. [СЛОВО ВОСЬМОЕ](#). Недостаточно только предостерегать своих братьев прежде, чем они согрешили; нужно еще заботиться о них и после того, как они подпали греху. - Так Бог действовал по отношению к Адаму и Каину, ап. Павел по отношению к блуднику, самарянин к израненному разбойниками. - Мы не должны разглашать о проступках наших братьев, а должны стараться о том, чтобы излечить согрешающих и удержать их от иудействования, внушая им особенно, как нелепо прибегать к демонам для поправления здоровья. - Христианин должен скорее страдать, чем грешить, по примеру Иова, расслабленного и Лазаря. - Эти страдания посылаются от Бога для исправления нас, и сын не должен жаловаться на отца, когда он исправляет его. - Кроме того, терпение в страдании приносит добрые плоды; на земле оно приобретает похвалу и преклоняет Бога к исцелению переносимых болезней, а на небе оно prepares получение венца мученического.

29. [СЛОВО О ПРОКЛЯТИИ](#).

Связь этого слова с беседами против аномеев. - После опровержения еретиков проповедник обращается к тем из своих слушателей, которые по избытку ложной ревности проклинали еретиков, не имея права на то. - Проклинающие грешат против человеколюбия. - Любовь Иисуса Христа ко всем людям. - Пример ап. Павла. - Его мягкость и умеренность. - Не должно проклинать ни живых, ни мертвых, потому что суд над ними принадлежит уже Богу.

30. СЛОВО НА НОВЫЙ ГОД.

Сожаление об отсутствии епископа (Флавиана). - Намерение проповедника продолжать похвалу ап. Павлу, начатую за несколько дней раньше, но обстоятельства заставили его изменить предмет речи и заняться обличением безумств, происходивших в городе Антиохии. - Обличение языческих суеверий. - Заблуждение тех, которые думают, что для того, чтобы весело и счастливо провести наступающий год, необходимо весело и счастливо провести первый день его. - Истинное средство быть счастливым в течение всего года состоит в том, чтобы и начать, и проводить его в страхе Божиим и в соблюдении Его заповедей. - Дни не разделяются на счастливые и несчастные. - Кто имеет чистую совесть - всегда счастлив, а чья совесть обременена грехами - всегда несчастлив, что бы он ни делал. - Изъяснение изречения ап. Павла: "аще убо ясте, аще ли пиете, вся во славу Божию творите".

О ЛАЗАРЕ

31. СЛОВО ПЕРВОЕ. Похвала слушателям за то, что они не предавались новогодним безумствам и сделали из новолетия день духовных радостей. - Многие однако перешли от церкви в корчемницу, издеваясь над увещаниями. - Обличение их. - Их издевательства не препятствуют высказывать истину и восставать против безобразий. - Образ действий Иисуса Христа по отношению к Иуде, которого Он не переставал предостерегать и наделять благами, чтобы напоминать ему о его обязанностях. Так же нужно и вообще поступать по отношению к грешникам. - Неодинаковая судьба уготована в будущей жизни тем, которые живут в изнеженности и наслаждениях, и тем, которые проводят жизнь в бедности и страдании. - Пример Лазаря и бессердечного богача. - Трапеза христианина должна сопровождаться молитвой и чтением св. Писания. - Нужно есть и пить умеренно.

32. СЛОВО ВТОРОЕ. Продолжение истории Лазаря и бессердечного богача. - Опровержение народного поверья, перешедшего от язычников, что люди, умершие насильственной смертью, становятся демонами. - Если Иисус Христос называет иудеев сынами диавола, то потому, что они подражали делам диавола. - Через свои грехи, а не через насильственную смерть люди могут уподобляться демону. - Трогательное описание смерти бедного Лазаря и смерти бессердечного богача. - Жестокость богача в сопоставлении с человеколюбием Авраама. - Закон милостыни. - Если бедный нуждается в хлебе, то нужно подать ему, хотя бы он был негодным человеком.

33. СЛОВО ТРЕТЬЕ. Почему сказано богачу не: "приял еси благая твоя в животе твоём", но "восприял"? - Почему праведники часто подвергаются опасностям, а грешники избегают их? - Необходимо всем христианам читать св. Писание, не только духовным, но и светским. - Последним еще более необходимо это чтение, потому что они более подлежат искушениям. Св. книги так превосходны, что они всегда полезны даже и тем, которые понимают их лишь немного. - То, что осталось непонятным при первом чтении, делается понятным при втором. - Незнание св. Писания есть источник ересей. - Бог не оставляет без вознаграждения никакого добра, даже совершенного злыми людьми, равно как не оставляет без наказания никакого греха, даже у добрых людей, и у них даже в

особенности. - Нет ничего опаснее положения нечестивого, который благоденствует. - Похвала терпению. - Нетерпеливость есть мать богохульства. - Почему Бог не наказывает всех в этом мире? - Примеры терпения, заимствованные из Ветхого Завета.

34. [СЛОВО ЧЕТВЕРТОЕ](#). Предложение объяснения притчи о богаче и Лазаре. - Евангельские примеры и особенно пример богача показывают, что все мольбы отошедших отсюда отягченными грехами будут бесполезны. - Рассматриваемая притча есть превосходный урок для богатых и бедных, она может одинаково смирать первых и унижать последних, заставить нас любить бедность и презирать богатство. - Св. Писание и разум с достаточностью убеждают нас в существовании загробной жизни; нет надобности, чтобы мертвые возвращались к нам для удостоверения нас в этом. - Сила и значение совести, напоминающей нам о старых наших прегрешениях. - Подтверждение этого изложением истории Иосифа.

35. [СЛОВО ПЯТОЕ](#). Рассуждение о воскресении. - Объяснение слов ап. Павла о будущем воскресении 1Фес.4:12. - Утешение верующим в скорби по случаю смерти дорогих для них лиц. - Они должны отличаться от неверных своим поведением так же, как они отличаются от них и своим верованием. - При смерти дорогих и близких лиц не нужно предаваться скорби, а нужно уподобляться в этом отношении прав. Иову и Аврааму, которые оба обнаружили великодушие и мужество: первый не пал духом при лишении всех своих детей, а второй не поколебался даже принести в жертву своего единственного наследника - сына.

36. [СЛОВО ШЕСТОЕ](#). Страшно проявление всемогущества и благодати Божией в землетрясении. - Но день последнего суда будет еще страшнее. - Нужно бояться не землетрясения, а причины, его производящей. - Нужно сожалеть не о тех, которые огорчены, а о тех, которые грешат. - Возвращение к притче о богаче и Лазаре. - Сравнение житейских событий с представлением на театральной сцене. - В будущей жизни всякий явится тем, что он в действительности. - Благородство состоит не в знаменитости предков, а в добродетели. - Происхождение рабства. - Всемирный потоп. - Сравнение ковчега с Церковью. - Употребление вина для исцеления скорби. - В чем состоит истинное рабство. - В чем состоит истинное богатство. - Различные степени праведников и грешников, но никто не без греха. - Добро и зло получают должное воздаяние.

37. [СЛОВО СЕДЬМОЕ](#). Огорчение при виде того, что многие из слушателей, несмотря на увещания проповедника, посещают ристалища. - Несмотря на тяжесть своей вины, пусть они не отчаиваются в возможности загладить свой грех покаянием. - Бессердечный богач - пример тех, которые следуют широким путем в жизни: Лазарь - пример тех, которые идут узким путем. - Великое различие цели, к которой каждый из них пришел по своей дороге. - В чем состоят истинные блага. - Находящиеся в бедности и огорчении не должны считать себя несчастными. - Пропасть, отделяющая Лазаря и бессердечного богача в загробной жизни. - Заключение.

О СВЯЩЕНСТВЕ.

Слова о Священстве написаны св. Иоанном Златоустым по следующим обстоятельствам: в 374 году по Р. Х., когда он жил вместе с другом и сверстником своим Василием вдали от мирских дел, собравшиеся в Антиохии епископы вознамерились поставить их обоих

епископами, о чем молва дошла и до них; св. Иоанн, представляя высокую важность пресвитерского и епископского служения и считая себя неприготовленным к надлежащему исполнению обязанностей пастыря Христовой церкви, скрылся тайно от всех и даже от своего сожителя, который и был возведен в сан епископа (вероятно, Рафаны Сирийской, близ Антиохии); но вскоре затем, увидевшись с св. Иоанном, высказал ему свои дружеские упреки за уклонение от священного сана, на которые и служат блистательным ответом предлагаемые шесть слов о Священстве. Таким образом, написание этих слов должно быть отнесено к годам после 374-го, но не позже 386 года, в котором св. Иоанн уже был рукоположен в пресвитера.

СЛОВО ПЕРВОЕ.

Лучший друг детства Иоанна Златоуста - Василий. - Они никогда не расставались между собой. - Намерение их обоих принять иночество. - Слезы и просьбы матери, отклонившие Иоанна от исполнения этого намерения. - Подвижническая жизнь друзей. - Слух о намерении посвятить их обоих в епископский сан. - Уклонение Златоуста и избрание Василия. - Жалобы Василия и оправдания Иоанна. Нравственное значение хитрости - в зависимости от намерения. - Польза ее как в мире, так и на войне. - К ней прибегают как врачи тела, так и врачи души. - Исцеление больных таким способом. - Ею пользуется и ап. Павел, чтобы привлечь иудеев к Иисусу Христу.

Много было у меня друзей, искренних и верных, знавших и строго соблюдавших законы дружбы; но из многих один превосходил всех других любовью ко мне и столько успел в этом опередить их, сколько они - людей равнодушных ко мне. Он всегда был неразлучным спутником моим: мы учились одним и тем же наукам и имели одних и тех же учителей; с одинаковой охотой и ревностью занимались красноречием и одинаковые имели желания, проистекавшие от одних и тех же занятий. И не только в то время, когда мы ходили к учителям, но и по выходе из училища, когда надлежало совещаться, какой нам лучше избрать путь жизни, и тогда мы оказались согласными в своих мыслях.

2. Кроме этих и другие причины сохранили единодушие наше неразрывным и твердым; ибо мы не могли превозноситься один перед другим знаменитостью отечества; не было и того, чтобы я изобиловал богатством, а он жил в крайней бедности, но мера нашего имущества столь же была равна, как и наши чувствования. И происхождение было у нас равностное, и все содействовало нашему согласию.

3. Но когда надлежало ему, блаженному, приступить к монашеской жизни и к истинному любомудрию, тогда у нас нарушилось равновесие; его чаша, как более легкая, возвысилась, а я, еще связанный мирскими стремлениями, унижил свою чашу и склонил вниз, отяготив ее юношескими мечтами. Хотя при этом дружба наша и оставалась столь же крепкой, как и прежде, но общежитие расторглось; потому что не возможно было жить вместе занимающимся не одним и тем же. Когда же и я несколько освободился от житейской бури, то он принял меня к себе с распростертыми руками; но и тогда мы не могли соблюсти прежнего равенства; опередив меня и временем и оказав великую ревность, он опять стоял выше меня и достигал великой высоты.

4. Впрочем, как человек добрый и дорого ценивший нашу дружбу, он, отказавшись от всех других, разделял со мной все время, чего и прежде желал, но встречал препятствие к тому в моей беспечности. Кто был привязан к судилищу и гонялся за сценическими увеселениями, тот не мог часто проводить время с человеком, который был привязан к книгам и никогда не выходил на площадь. Но когда, после прежних препятствий, он

привлек меня к одинаковой с ним жизни, тогда и выразил желание, которое давно хранил в себе, и уже не оставлял меня ни на малейшую часть дня, не переставая убеждать, чтобы каждый из нас оставил свой дом и мы оба имели одно общее жилище, в чем и убедил меня, и это даже уже было близко к исполнению.

5. Но непрестанные увещания матери воспрепятствовали мне доставить ему это удовольствие, или лучше, принять от него этот дар. Когда мое намерение сделалось ей известным, тогда она, взяв меня за руку и введя во внутреннее свое жилище, посадила у одра, на котором родила меня, и стала проливать источники слез и высказывать слова, горестнейшие самых слез. Рыдая, она говорила мне так: "сын мой, я сподобилась не долго наслаждаться сожителем с добродетельным отцом твоим; так угодно было Богу [1]. Смерть его, последовавшая вскоре за болезнями твоего рождения, принесла тебе сиротство, а мне преждевременное вдовство и горести вдовства, которые могут хорошо знать только испытавшие их. Никакими словами невозможно изобразить той бури и того волнения, которым подвергается девица, недавно вышедшая из отеческого дома, еще неопытная в делах и вдруг пораженная невыносимой скорбью и принужденная принять на себя заботы, превышающие и возраст, и природу ее. Она, конечно, должна исправлять нерадение слуг, замечать их проступки, разрушать козни родственников, мужественно переносить притеснения собирающих общественные повинности и строгие требования их при взносе податей. Если еще после смерти супруг оставит дитя, то, хотя бы это была дочь, и она причинит много забот матери, впрочем, не соединенных с издержками и страхом, а сын подвергает ее бесчисленным опасениям каждый день и еще большим заботам. Я не говорю о тех денежных издержках, которые она должна употребить, если желает дать ему хорошее воспитание. Однако же ничто из всего этого не заставило меня вступить во второй брак, и ввести другого супруга в дом отца твоего; но среди смятений и беспокойств я терпела и не убежала из жестокой печи вдовства; меня, во-первых, подкрепляла вышняя помощь, а затем немалое утешение в этих горестях мне доставляло то, что я постоянно взирала на твое лицо и видела в нем живой и вернейший образ умершего. Поэтому, быв еще младенцем и едва умея лепетать, когда дети особенно бывают приятны родителям, ты приносил мне много отрады. Ты не можешь сказать и укорять меня и за то, что я, мужественно перенося вдовство, растратила на нужды вдовства твое отцовское имущество, как потерпели, я знаю, многие несчастные сироты. Я сохранила в целости все это имущество и вместе не жалела издержек, требовавшихся для наилучшего твоего воспитания, употребляя на это собственные деньги, с которыми я вышла из отеческого дома. Не подумай, что я говорю теперь это в укоризну тебе; но за все это я прошу у тебя одной милости: не подвергай меня второму вдовству и скорби, уже успокоившейся не воспламеняй снова; подожди моей кончины. Может быть, спустя немного времени, я умру. Молодые надеются достигнуть глубокой старости, а мы состарившиеся ничего другого не ожидаем, кроме смерти. Когда предашь меня земле и присоедилишь к костям отца твоего, тогда предпринимай далекие путешествия и переплывай моря, какие хочешь; тогда никто не будет препятствовать; а пока я еще дышу, потерпи сожителем со мной; не прогневай Бога тщетно и напрасно, подвергая таким бедствиям меня, не сделавшую тебе никакого зла. Если ты можешь обвинять меня в том, что я вовлекаю тебя в житейские заботы и заставляю печься о твоих делах, то беги от меня как от недоброжелателей и врагов, не стыдясь ни законов природы, ни воспитания, ни привычки, и ничего другого; если же я делаю все, чтобы доставить тебе полное спокойствие в течение жизни, то, если не что другое, по крайней мере, эти узы пусть удержат тебя при мне. Хотя ты и говоришь, что у тебя много друзей, но никто из них не доставит тебе такого спокойствия; потому что нет никого, кто бы заботился о твоём благополучии столько, сколько - я".

6. Это и еще больше этого говорила мне мать, а я передал благородному другу; но он не только не убедился этими словами, а еще с большим усилием убеждал меня исполнить

прежнее намерение. Когда мы были в таком состоянии, и часто он упрашивал, а я не соглашался, вдруг возникшая молва возмутила обоих нас; пронесся слух, будто намереваются возвести нас в сан епископства. Как скоро я услышал эту весть, страх и недоумение объяли меня: страх того, чтобы не взяли меня против моей воли; недоумение потому, что, часто размышляя, откуда у людей явилось подобное предположение обо мне, и углубляясь в себя самого, я не находил в себе ничего достойного такой чести. А благородный (друг мой), пришедши ко мне и наедине сообщив эту весть мне, как бы не слышавшему ее, просил меня и в настоящем случае, как и прежде, действовать и мыслить одинаково, уверяя, что он, со своей стороны, готов следовать за мной, какой бы я ни избрал путь, убежать ли, или быть избранным. Тогда я, увидев готовность его и думая, что я нанесу вред всему обществу церковному, если, по своей немощи, лишу стадо Христово юноши прекрасного и способного к предстоятельству над народом, не открыл ему своего мнения об этом, хотя прежде никогда не скрывал от него ни одной моей мысли; но, сказав, что совещание об этом должно отложить до другого времени, так как теперь нет необходимости спешить, скоро убедил его не заботиться об этом и твердо надеяться на меня, как единокровного с ним, если действительно случится с нами что-нибудь такое. По прошествии некоторого времени, когда прибыл тот, кто имел рукоположить нас, а я между тем скрылся, друг мой, не знавший ничего этого, отводится под некоторым другим предлогом и принимает это иго, надеясь по моим ему обещаниям, что и я непременно последую за ним, или лучше, думая, что он следует за мной. Некоторые из присутствовавших там, видя его сетующим на то, что взяли его, усилили недоумение, взывая: "несправедливо будет, когда тот, кого все считали человеком более смелым, - разумея меня, - с великим смирением покорился суду отцов, этот более благоразумный и скромный станет противиться и тщеславиться, упорствовать, отказываться и противоречить". Он послушался этих слов; когда же услышал, что я убежал, то пришел ко мне с великой скорбью, сел возле меня и хотел что-то сказать, но от душевного волнения не могши выразить словами испытываемой скорби, как только порывался говорить, останавливался; потому что печаль прерывала его речь прежде, чем она вырывалась из уст. Видя его в слезах и в сильном смущении, и зная тому причину, я выражал смехом свое великое удовольствие и, взяв его руку, спешил облобызать его, и славил Бога, что моя хитрость достигла конца благого и такого, какого я всегда желал. Он же, видя мое удовольствие и восхищение и узнав, что еще прежде с моей стороны была употреблена с ним эта хитрость, еще более смущался и горевал.

7. Когда волнение души его немного утихло, он сказал: если уже ты презрел меня, и не обращаешь на меня никакого внимания, - не знаю, впрочем, за что, - по крайней мере, тебе надлежало бы позаботиться о твоей чести; а теперь ты открыл всем уста; все говорят, что ты из тщеславия отказался от этого служения, и нет никого, кто бы защитил тебя от такого обвинения. А мне нельзя даже выйти на площадь: столь многие подходят ко мне и укоряют каждый день. Знакомые, увидев меня где-нибудь в городе, отводят в сторону и большей частью осыпают меня укоризнами. "Ты, говорят они, зная его мысли, - ибо он не таил от тебя ничего, что до него касалось, - не должен бы скрывать их, а сообщил бы нам, и конечно мы приняли бы меры к его уловлению". Но я краснею и стыжусь сказать им, что мне неизвестно было твое давнее намерение, чтобы не подумали, что дружба наша была лицемерной. Если это так, - как и на самом деле так, от чего и ты не отречешься после настоящего твоего поступка со мной, - то от посторонних людей сколько-нибудь знающих нас, нужно скрыть наше недоброе отношение. Сказать им правду, как было дело между нами, я не решаюсь; поэтому принужден молчать, потуплять глаза свои в землю, уклоняться и избегать встречных. Если даже я избегну первого нареkania (в неискренности дружбы), то непременно будут укорять меня за ложь. Они никогда не согласятся поверить мне в том, чтобы ты и Василия сравнил с другими, которым не

следует знать твои тайны. Впрочем, я и не забочусь много об этом: так тебе было угодно; но как перенесем позор других обвинений? Одни приписывают тебе гордость, другие - честолюбие; а те из обвинителей, которые еще безжалостнее, осуждают нас за то и другое вместе и прибавляют, что мы оскорбили самих избирателей, о которых говорят: "справедливо они потерпели это, хотя бы и большему подверглись бесчестьем от нас, за то, что оставив столь многих и столь почтенных мужей, избрали юношей, которые, так сказать, вчера еще были погружены в житейские заботы и на короткое время приняли степенный вид, надели серое платье и притворились смиренными, и вдруг возвели их в такое достоинство, о котором они и во сне не мечтали. Те, которые от самого первого возраста до глубокой старости продолжают свое подвижничество, остаются в числе подчиненных; а ими управляют их дети, даже не слышавшие о тех законах, которыми должно руководствоваться в управлении". С такими и еще большими укоризнами они постоянно пристают ко мне, а я не знаю, чем мне защищаться против этого; прошу тебя, скажи мне. Думаю, что ты не просто и не без причины обратился в бегство и открыто объявил вражду столь великим мужам, но конечно решился на это с какой-нибудь обдуманной и определенной целью, из этого я заключаю, что у тебя готова речь и для оправдания. Скажи же, какую справедливую причину мы можем представить нашим обвинителям. А что ты несправедливо поступил со мной, за это я не виню тебя, ни за твой обман, ни за твою измену, ни за то расположение, которым ты пользовался от меня во все прежнее время. Я душу свою, так сказать, принес и отдал в твои руки, а ты так хитро поступил со мной, как будто тебе надлежало остерегаться каких-нибудь неприятностей. Если ты признавал полезным это намерение (избрания в епископа), то тебе не следовало лишать себя пользы от него; а если вредным, то следовало предохранить от вреда и меня, которого, по твоим словам, ты всегда предпочитал всем. А ты сделал все, чтобы я попался, и не опустил никакого коварства и лицемерия против того, кто привык говорить и поступать с тобой просто и без коварства. Впрочем, я, как уже сказал, несколько не виню тебя за это, и не укоряю за одиночество, в котором ты меня оставил, прервав те совещания, от которых мы часто получали и удовольствие и немаловажную пользу; но все это я оставляю и переношу молчаливо и кротко, не потому впрочем, чтобы поступок твой со мной был кроток, но потому, что с того самого дня, когда вступил в дружбу с тобой, я поставил себе правилом - никогда не доводить тебя до необходимости оправдываться в том, чем ты захотел бы огорчить меня. Что ты нанес мне не малый вред, это знаешь и сам ты, если помнишь, что всегда говорили посторонние о нас и мы сами о себе, именно, что весьма полезно для нас быть единомышленными и ограждать себя взаимной любовью. Прочие все даже говорили, что наше единомыслие принесет немалую пользу и многим другим, хотя я со своей стороны никогда не думал, чтобы мог доставить пользу другим, но говорил, что от этого, по крайней мере, мы получим ту немалую пользу, что будем неприступными для желающих нападать на нас. Об этом я никогда не переставал напоминать тебе. Теперь трудное время; зложелателей много; искренняя любовь исчезла; место ее заступила пагубная ненависть; мы ходим "посреди сетей", и шествуем "по зубцам городских стен" (Сирах. 9:18); людей, готовых радоваться постигающим нас несчастьям, много; они отовсюду окружают нас; а соболезнующих - нет никого, или очень мало. Смотри, чтобы нам, разлучившись, когда-нибудь не навлек на себя великого осмеяния и еще большего вреда. "Брат от брата вспомоществуемый - как город крепкий и высокий, и силен как прочное царство" (слав. - Притч. 18:19). Не разрывай же этого единения, не разрушай этого оплота. Непрестанно я говорил тебе это и больше того, ничего не подозревая и считая тебя совершенно здравым в отношении ко мне, и только от избытка чувств желая предложить врачевание здравствующему; но я не знал, как оказывается, что давал лекарство больному; и таким образом я, несчастный, ничего не достиг, и не произошло для меня никакой пользы от такой заботливости. Ты вдруг отверг все это и не подумал, что пустил меня, как ненагруженный корабль, в беспредельное

море, и не представил себе тех свирепых волн, с которыми должно мне бороться. Если случится, что откуда-нибудь нападет на меня клевета или осмеяние или другая какая обида и неприязнь (а это нередко должно случаться), то к кому я тогда прибегну? Кому сообщу свое уныние? Кто захочет помочь мне, отразить оскорбителей и заставить их не оскорблять более, а меня утешит и подкрепит переносить непристойности других? Нет никого, так как ты стал далеко от этой жестокой борьбы и не можешь даже услышать моего голоса. Знаешь ли ты, сколь великое сделал ты зло? Признаешь ли, по крайней мере, после поражения, какой смертельный удар ты нанес мне? Но оставим это; сделанного же невозможно исправить, и из безвыходного положения - найти выход. Но что мы скажем посторонним? Чем будем защищаться против их обвинений?

8. Златоуст. Будь спокоен, - отвечал я, - не только в этом я готов дать отчет, но и в том, в чем ты прощаешь меня, постараюсь оправдаться, сколько могу. И если угодно, с этого прежде всего начну свою защиту. Я был бы весьма безрассуден и не благодарен, если бы, заботясь о мнении людей посторонних и принимая все меры к прекращению их укоризн нам, не мог уверить в невинности моей того, кто для меня любезнее всех, и кто столько щадит меня, что не желает обвинять даже за то, в чем, по его словам, я виновен перед ним, и не заботясь о себе, еще продолжает печься обо мне, - если бы показал более невнимания в отношении к такому человеку, нежели, сколько он показал заботливости обо мне. Итак, чем я оскорбил тебя? Отсюда я намерен пуститься в море защиты. Тем ли, что употребил хитрость перед тобою и скрыл мое намерение? Но это служило к пользе и твоей, когда ты обманулся, и тех, которым посредством укрывательства я выдал тебя. Если укрывательство во всех отношениях есть зло и никогда нельзя употреблять его даже на пользу, то я готов принять наказание, какое тебе угодно, или лучше, так как ты никогда не согласишься наказать меня, я сам себя накажу так, как наказывают судьи преступников, обличенных обвинителями. Если же оно не всегда бывает вредно, но делается худым или хорошим по намерению действующих, то оставь обвинять за то, что ты обманулся, а докажи, что эта хитрость употреблена была на зло; а пока это не будет доказано, не только не должно укорять и обвинять, но справедливо было бы, если бы желающие быть признательными даже хвалили употребившего хитрость. Хитрость благовременная и сделанная с добрым намерением приносит такую пользу, что многие часто подвергались наказанию за то, что не воспользовались ею. Припомни, если хочешь, отличнейших из военачальников, начиная с глубокой древности, и ты увидишь, что их трофеи большей частью были следствием хитрости, и такие более прославляются, чем те, которые побеждали открытой силой. Последние одерживают верх с великой тратой денег и людей, так что никакой выгоды не остается им от победы, но победители бедствуют нисколько не меньше побежденных и от истребления войска и от истощения казнохранилища; притом они не могут наслаждаться вполне и славой победы, ибо не малая часть ее принадлежит иногда и побежденным, которые побеждаются только телами, преодолевая душами, и если бы возможно было им не падать от ударов и постигшая смерть не сразила их, они никогда не потеряли бы мужества. А победивший хитростью подвергает неприятелей не только бедствию, но и посмеянию. Там оба (и победители и побежденные) равно получают похвалы за мужество; а здесь - относительно благоразумия не так, но трофеев всецело принадлежит победителям и, что не менее важно, они приносят в город радость о победе безукоризненную. Изобилие денег и множество людей не то, что благоразумие души; те истрачиваются, когда кто непрестанно пользуется ими на войне, и пользовавшиеся лишаются их; а благоразумие, чем более кто употребляет его в дело, тем более обыкновенно увеличивается. И не на войне только, но и в мирное время можно находить великую и необходимую пользу от хитрости, и не только в делах общественных, но и в домашних, у мужа в отношении к жене и у жены к мужу, у отца к сыну и у друга к другу и даже у детей к отцу. Так дочь

Саула не могла бы иначе исхитить мужа своего из рук Саула, если бы не употребила хитрости в отношении к отцу, и брат ее (Ионафан), желая спасенного ею спасти от новой опасности, воспользовался тем же самым средством, каким и жена (Давидова) (1 Цар, гл. 19 и 20).

Василий сказал: все это не относится ко мне; я не враг и неприятель и не из числа желающих причинить обиду, но совершенно напротив; поверяя всегда твоему усмотрению все мои мысли, я поступал так, как ты приказывал.

9. Златоуст. Но, почтеннейший и добрейший, для того я и сказал предварительно, что не только на войне и против врагов, но и во время мира и в отношении к любезнейшим полезно употреблять хитрость. Что действительно это бывает полезно не только употребляющим хитрость, но и тем, в отношении к которым она употребляется, для этого подойди к кому-нибудь из врачей и спроси, как они лечат больных, и ты услышишь от них, что они не всегда довольствуются одним искусством своим, но иногда употребляют и хитрость и при ее помощи восстанавливают здоровье больных. Когда упрямство больных и жестокость самой болезни делают недействительными советы врачей; тогда, по необходимости, врачи прибегают к хитрости, чтобы, как на сцене, можно было скрыть истину. Если хочешь, я расскажу тебе одну хитрость из многих, которые, как я слышал, устраивают врачи. К одному человеку пристала вдруг сильная горячка и жар увеличивался; все средства, которые могли бы потушить огонь, больной отвергал, а желал и усиленно настаивал, умоляя всех приходящих к нему, принести ему много вина и дать ему утолить мучительную жажду. Но кто согласился бы доставить ему это удовольствие, тот не только усилил бы горячку, но и привел бы несчастного в умопомешательство. Тогда, когда искусство было бессильно и не имело более средств, но совершенно было отвергнуто, употребленная хитрость показала такую силу, как тотчас услышишь от меня. Врач берет глиняной сосуд, лишь только вынутый из печи, погружает его в вино, и потом, вынув его пустым, наполняет его водой; комнату, в которой лежал больной, приказывает сделать темной посредством многих занавесок, дабы свет не изобличил хитрости, и дает больному пить из сосуда, как бы наполненного вином. Тот, прежде, нежели взял сосуд в руки, вдруг обольщенный запахом вина, не хотел и разбирать того, что было дано ему; но, уверяемый обонянием, обманываемый темнотою и побуждаемый сильным желанием, выпил данное ему с великой охотой; и, насытившись, тотчас получил облегчение от жара и избег угрожавшей опасности. Видишь ли пользу хитрости? Но если бы исчислять все хитрости врачей, то не было бы и конца слову. И можно указать, что не только врачующие тела, но и пекущиеся об исцелении душевных болезней, часто пользуются таким врачеством. Так, блаженный (Павел) привел к Христу многие тысячи иудеев (Деян. 21:20-26). С этим намерением он обрезал Тимофея, тогда как к Галатам писал, что "если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа" (Деян. 16:3; Гал. 5:2). Для того он был под законом, хотя считал "тщетою" оправдание от закона при вере во Христа (Филип. 3:7-9). Велика сила такой хитрости, только бы она употреблялась не со злонамеренной целью; или лучше сказать, ее должно называть не хитростью, но некоторой предусмотрительностью, благоразумием и искусством, способствующим находить много выходов в безвыходных положениях и исправлять душевные недостатки. Так, я не назову Финееса убийцей, хотя он одним ударом пронзил двух человек (Числ. 25:8); также и Илию - за сто (убитых) воинов с их военачальниками, и за обильный поток крови, пролитой им при убиении жрецов демонских (4 Цар. 1:3 Цар. 18). Если же мы опустим это из виду, и если кто будет смотреть на одни дела, не принимая во внимание намерения действовавших, тот может и Авраама обвинить в детоубийстве, а внука и потомка его обвинить в злодеянии и коварстве; потому что один (Иаков) овладел первородством (брата своего), а другой (Моисей) перенес египетские сокровища в израильское войско (Быт. 27. Исх. 12:35-36). Но нет, нет;

не допустим такой дерзости! Мы не только не виним их, но и прославляем их за это; потому что сам Бог восхвалил их за это. Обманщиком справедливо должен называться тот, кто пользуется этим средством злонамеренно, а не тот, кто поступает так со здравым смыслом. Часто нужно бывает употребить хитрость, чтобы достигнуть этим искусством величайшей пользы; а стремящийся по прямому пути нередко наносит великий вред тому, от кого не скрыл своего намерения.

[1] Анфуса, мать св. Иоанна Златоустаго, овдовела на двадцатом году своей жизни.

О СВЯЩЕНСТВЕ.

СЛОВО ВТОРОЕ.

Священство есть наивысшее доказательство любви, какое только можно дать в отношении к Иисусу Христу. - Преимущества священства. - Кровь Иисуса Христа есть цена душ. - Любовь Иисуса Христа к Своей церкви. - Обязанности священства более важны, чем всякого другого положения. - Мало достойных для него. - Ответственность священника. - Враги стада Христова. - Лечение душ труднее, чем лечение овец. - Трудность постижения самой причины боления душ. - Нет другого средства, кроме убеждения. - Священство требует превосходной души. - Насколько благоразумие необходимо священнику. - Священство есть должность, исполненная затруднений и опасностей. - Необходимость вполне знать кандидата на священство. - Превосходные свойства человеколюбия. - Похвала Василию. - Его человеколюбие. - Почему Златоуст отказался от епископства. - Его отказ не только не послужит ко вреду избирателей, но избавит их от нареканий, которым они иначе подверглись бы.

Что позволительно употреблять силу хитрости на добро и что даже нельзя и называть ее хитростью, а некоторой похвальной предусмотрительностью, об этом можно было бы говорить еще больше; но так как для доказательства достаточно сказанного, то было бы обременительно и скучно без нужды распространять речь об этом. Остается тебе самому подтвердить: действительно ли послужил к твоей пользе совершенный мной поступок? Василий сказал: какая же произошла для меня польза из этой предусмотрительности, или благоразумия, или как иначе угодно тебе назвать это, по которой я убедился бы, что я не обманут тобой?

Иоанн. А может ли что быть, сказал я, важнее той пользы, как оказаться исполняющим то, что служит доказательством любви к Христу, по словам самого Христа? Обращаясь к верховному из апостолов, Он говорит: "Симон Ионин! любишь ли ты Меня?", и когда тот исповедал любовь свою, Он прибавляет: если любишь Меня, "паси агнцев Моих" (Иоан. 21:15-16). Учитель спрашивает ученика, любим ли Он им, не для того, чтобы Самому узнать это (ибо может ли не знать Испытующий сердца всех?), но чтобы научить нас, как Он печется о спасении этого стада. Если же это очевидно, то будет также ясно и то, что великая и неизъяснимая уготована награда принимающему на себя тот труд, который дорого ценится Христом. Если и мы, видя людей, пекущихся о наших слугах или стадах, принимаем такое попечение их за знак их любви к нам, хотя все это приобретается за деньги, то Стяжавший себе это стадо не деньгами и не другим чем, но собственной смертью, и вместо цены давший за него кровь Свою, каким даром вознаградит пасущих его? Посему, когда ученик отвечал: "Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя", и призвал самого Любимого в свидетели своей любви, то Спаситель не остановился на этом, но указал и самый знак любви. Ибо Он хотел показать тогда не то, сколько Петр любил Его, - это уже из многого было известно нам, - но, сколько Он сам любит Церковь свою, и благоволил научить и Петра и всех нас, чтобы и мы прилагали великое о ней попечение. Для чего Бог не пощадил и Единородного Сына своего, но предал Его (Рим. 8:32; Иоан.

16)? Для того чтобы примирить с Собой людей, находившихся с Ним во вражде, и сделать их "народом особенным" (Тит. 2:14). Для чего (Сын Божий) пролил кровь свою? Для того чтобы приобрести тех овец, которых Он вверил Петру и его преемникам. Не без причины Христос говорил: "кто же верный и благоразумный раб, которого господин его поставил над слугами своими" (Матф. 24:45)? Опять слова имеют вид недоумения, но Произносивший их не имел недоумения; как спрашивая Петра, любим ли Он им, Он спрашивал не потому, чтобы имел нужду узнать любовь ученика, но чтобы показать чрезмерность Своей любви; так и здесь слова: "кто верный и благоразумный раб", Он сказал не потому, что не знал верного и мудрого раба, но, желая показать, как редки такие рабы и как важно это управление. Смотри, какова и награда: "над всем имением своим поставит его" (Матф. 24:47).

2. Еще ли будешь подозревать меня в том, будто употреблена недобрая хитрость с тобой, имеющим блюсти все достояние Божье и совершать то, за исполнение чего, как сказал Христос, Петр мог превзойти прочих апостолов? Петр, говорит Христос, "Симон Ионин! любишь ли ты Меня больше, нежели они? Паси агнцев Моих." Он мог бы сказать ему: если любишь Меня, подвизайся в посте, спи на голой земле, бодрствуй непрестанно, защищай притесняемых, будь сиротам вместо отца и матери их вместо мужа; но теперь, оставив все это, что говорит Он? "Паси агнцев Моих." То, что выше я сказал, легко могли бы исполнить многие и из пасомых, не только мужи, но и жены; а когда нужно предстоять в Церкви и взять на себя попечение о столь многих душах, то весь женский пол и большая часть мужского должны устраниваться от этого великого дела, а выступить те, которые много превосходят всех и столько превышают прочих душевной добродетелью, сколько Саул (превосходил) весь народ еврейский высотой тела (1 Цар. 10:23), или еще гораздо более; ибо здесь не мера только телесной величины должна приниматься во внимание, но сколько одаренные разумом люди отличаются от бессловесных, такое же должно быть различие между пастырем, и пасомыми, даже можно сказать и более, так как находится в опасности гораздо важнейшее. Кто погубит овец, которых или волки расхитят, или разбойники разграбят, зараза или другой какой несчастный случай истребит, тот, может быть, получит себе некоторую пощаду от господина стада; если же и потребует от него отчет, то ущерб будет только в деньгах; но кому вверены люди, это разумное стадо Христово, тот, во-первых, погибелью таких овец наносит ущерб не имуществу, а душе своей; а затем и подвиг предстоит ему гораздо важнейший и труднейший. Он борется не с волками, страшится не разбойников и заботится не о том, чтобы отвратить заразу от стада, но с кем у него война и с кем борьба? Послушай блаженного Павла, который говорит: "потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной" (Ефес. 6:12). Видишь ли страшное множество врагов и свирепые полчища, вооруженные не железом, но имеющие достаточную силу в самом существе своем вместо всякого оружия? Хочешь ли видеть и другое войско, дерзкое и жестокое, которое нападает на это стадо? Можешь увидеть и его с той же самой высоты (св. Писания). Тот же, кто сказал нам о первых, указывает нам и этих врагов в следующих словах: "дела плоти известны; они суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, (соблазны), ереси" (Галат. 5:19-20; 2 Кор. 12:20), и другие многочисленнейшие; ибо не все он исчислил, но предоставил по этому заключать и о прочем. Притом у пастыря бессловесных намеревающихся разграбить стадо, когда увидят, что страж обратился в бегство, оставляют борьбу с ним и довольствуются расхищением стада; а здесь враги хотя бы захватили все стадо, и тогда не отстают от пастыря, но сильнее наступают и более свирепствуют, и не прежде прекращают борьбу, пока или его одолеют, или сами будут побеждены. Кроме того, болезни у овец бывают явны, голод ли то, зараза ли, рана или

что другое, причиняющее вред; а это не мало способствует к излечению болезни. Есть нечто и другое важнейшее, что ускоряет здесь исцеление от болезни. Что же именно? Пасущие овец могут с полной властью заставить их принять врачевство, если они добровольно не хотят этого; когда нужно прижечь и отсечь, то легко могут и связать их и не выпускать долгое время, если это полезно, и дать пищу одну вместо другой, и удержать от питья, и все прочее, что только найдут полезным для здоровья животных, они могут употребить с великим удобством.

3. Но болезни человеческие, во-первых, не легко видеть человеку; ибо никто "из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем" (1 Кор. 2:11). Как же можно употребить лекарство против болезни, не зная ее свойства, а часто не зная и того, болен ли кто, или нет? Если же болезнь открыта, тогда врачу еще более предстоит трудности; потому что он не может с такой же властью лечить всех людей, с какой пастух овцу. И здесь бывает нужно связывать и удерживать от пищи, прижигать и отсекают; но чтобы принято было врачевание, в этом властен не тот, кто предлагает врачевство, а кто страдает болезнью. Зная это, и тот дивный муж (Павел) говорил Коринфянам: "не потому, будто мы берем власть над верою вашею; но мы споспешествуем радости вашей" (2 Кор. 1:24). Христианам преимущественно перед всеми запрещается - насилием исправлять впадающих во грехи. Внешние (языческие) судьи, подвергая преступников суду по законам, показывают большую власть над ними, и против воли удерживают их от их навыков; а здесь должно исправлять грешника не насилием, а убеждением. И законами нам не дана такая власть к удержанию грешников; и даже если бы и была дана, мы не могли бы воспользоваться этой силой, так как Бог награждает тех, которые воздерживаются от пороков по доброй воле, а не по принуждению. Посему требуется много искусства для того, чтобы страждущие убедились добровольно подвергнуться врачеванию от священников, и даже чтобы благодарили их за врачевание. Если связанный освободит себя от уз (ибо он властен на это), то увеличит свое бедствие; и если презрит слова, рассекающие подобно железу, то этим пренебрежением прибавит себе новую рану, и средство врачевания сделается причиной тяжчайшей болезни; ибо с принуждением и против желания больного никто не может лечить его.

4. Что же делать? Если легко поступить с тем, кто нуждается в сильном врачевании, и не глубоко разрезать рану тому, кто имеет нужду в этом, то рану частью уврачуешь, а частью нет; если же без пощады произведешь надлежащее рассечение, то больной иногда может, не вытерпев мучения, вдруг отвергнуть все, и лекарство и перевязку, и устремиться в пропасть, сбросив иго и разорвав узы. Я могу указать на многих, дошедших до крайней степени зла, потому что на них было наложено наказание, соответствующее их грехам. Определять наказание по мере грехов должно не просто, но, соображаясь с расположением грешников, чтобы, зашивая разрыв, не сделать большей прорехи, и стараясь поднять падшего, не причинить еще большего падения. Немощные и расслабленные и наиболее преданные удовольствиям мира, и притом превозносящиеся своим происхождением и властью, если будут отклоняемы от грехов своих постепенно и мало-помалу, могут хотя и не совершенно, то, по крайней мере, отчасти освободиться от обладающих ими пороков; а если кто вдруг предложит им вразумление, тот лишит их и малейшего исправления. Душа, если принуждением хотя раз будет приведена в стыд, впадает в нечувствительность, и после того уже не слушается и кротких слов, не преклоняется и угрозами, не трогается и благодеяниями, но бывает гораздо хуже того города, который, порицая, пророк говорил: "но у тебя был лоб блудницы, ты отбросила стыд" (Иерем. 3:3). Посему, пастырю надобно иметь много благоразумия и много очей, чтобы со всех сторон наблюдать состояние души. Как многие приходят в ожесточение и

предаются отчаянию в своем спасении потому, что не могут переносить жестокого врачевания; так, напротив, есть и такие, которые, не получив наказания соответственного грехам, предаются беспечности, становятся гораздо хуже и решаются грешить еще больше. Итак, долг священника - ничего такого не оставлять без испытания, но, по строгом исследовании всего, употреблять соответственные меры со своей стороны, чтобы усердие его не осталось тщетным. И не в этом только можно видеть трудность его деятельности, но и в присоединении к церкви отделившихся от нее членов. Стадо идет в след своего пастыря, куда он поведет его; если же какие овцы уклонятся от прямого пути и, удалившись от хорошей пажити, будут блуждать по неплодным и утесистым местам, то ему следует только закричать сильнее, чтобы опять собрать отделившихся и присоединить к стаду; а если человек совершит с пути правой веры, то пастырю предстоит много трудов, усилий, терпения. Человека нельзя ни силой влечь, ни страхом принуждать, но должно убеждением опять приводить к истине, от которой он раньше отпал. Посему, нужна душа мужественная, чтобы не ослабеть, чтобы не отчаяться в спасении заблуждающихся, чтобы непрестанно и мыслить и говорить: "не даст ли им Бог покаяния к познанию истины, чтобы они освободились от сети диавола, который уловил их в свою волю" (2 Тим. 2:25-26). Посему и Господь, беседуя с учениками, сказал: "кто же верный и благоразумный раб" (Матф. 24:45)? Подвизающийся сам по себе приносит пользу одному себе, а польза от пастырской деятельности простирается на весь народ. Раздающий деньги нуждающимся, или каким-либо другим образом помогающий притесняемым, приносит некоторую пользу ближним, но на столько меньше священника, на сколько тело ниже души. Поэтому справедливо Господь сказал, что попечение о Его стаде есть знак любви к Нему самому.

Василий. А ты разве не любишь Христа?

Златоуст. Люблю, и никогда не перестану любить, но боюсь, чтобы не оскорбить Любимого мной.

Василий сказал: может ли что быть темнее этой загадки? Христос повелел любящему Его пасти овец Его; а ты отрекаешься пасти потому, что любишь Повелевшего это.

Златоуст. Никакой нет загадки в словах моих, - сказал я, - напротив они весьма ясны и просты. Если бы я, имея возможность исполнять эту должность так, как хотел Христос, уклонялся от нее, то следовало бы недоумевать при словах моих; но если душевная немощь делает меня бесполезным для этого служения, то требуют ли пояснения слова мои? Я боюсь, чтобы, приняв стадо Христово здоровым и крепким и потом по невнимательности причинив ему вред, мне не прогневать против себя Бога, Который так возлюбил его, что для искупления и спасения его предал Самого Себя.

Василий сказал: это говоришь ты в шутку; а если не в шутку, то я не знаю, чем другим ты лучше мог бы доказать, что я справедливо скорблю, как не этими словами, которыми ты старался рассеять мое уныние. Я и прежде сознавал, что ты хитрил и выдавал меня, но теперь, когда ты усиливался освободиться от обвинений, я еще более уверился в том и ясно вижу, до каких бед ты довел меня. Если ты устранил себя от этого служения по сознанию, что душа твоя не достаточно сильна для тяжести этого дела, то наперед нужно бы устранить меня, хотя бы даже я сильно стремился к тому, тем более что я сообщил тебе все мои намерения касательно этого; а теперь ты, заботясь только о себе, забыл меня, - и о, если бы только забыл, и это было бы вожделенно; - но ты нарочито устроил, чтобы искавшие удобнее могли взять меня. Ты не можешь прибегнуть и к тому оправданию, будто людское мнение увлекло тебя и расположило подозревать во мне нечто великое и дивное. Я не принадлежу к людям, приобретшим удивление и славу, а если бы это и было так, и тогда не следовало бы людскую молву предпочитать истине. Если бы мы с тобой никогда не жили в близком общении друг с другом, то ты имел бы некоторую благовидную причину судить обо мне по людской молве; если же никто так не знал меня, как ты, и душа моя была известна тебе более, нежели самим родителям и

воспитателям моим, то какие убедительные слова могут уверить кого-нибудь в том, что ты не с намерением ввергнул меня в такую опасность? Но оставим теперь это; я не принуждаю тебя оправдываться в этом; скажи, что мы будем отвечать обвинителям? Златоуст. Я не приступлю к этому до тех пор, - сказал я, - пока не оправдаюсь перед тобой, хотя бы ты сам тысячекратно извинял меня. Ты сказал, что если бы я, не зная тебя, довел тебя до настоящего положения, то неведение доставило бы мне оправдание, освободив меня от всякого обвинения; а так как я предал тебя не по неведению, но совершенно зная тебя, поэтому нет у меня никакой благовидной и справедливой причины к моему оправданию. Но я говорю совсем противное; потому что в этих делах требуется строгое испытание, и тот, кто намерен представить способного к священству, не должен довольствоваться только людской молвой, но вместе с тем более всех и прежде всех сам должен удостовериться в его способностях. Блаженный Павел, сказав: "надлежит ему также иметь доброе свидетельство от внешних" (1 Тим. 3:7), этим не отвергает нужды в строгом и верном испытании и не поставяет этого свидетельства главнейшим признаком достоинства таких лиц. Предварительно сказав о многом, он после присовокупил и это, показывая тем, что в избрании не должно довольствоваться этим одним признаком, но вместе с другими принимать во внимание и этот. Молва людская часто бывает обманчива; а после предварительного строгого испытания нельзя от нее опасаться никакой опасности. Посему, после прочего он упоминает и о свидетельстве от внешних. Он не просто сказал: "надлежит ему также иметь доброе свидетельство", но прибавил: "и от внешних", желая изъяснить, что свидетельству внешних должно предшествовать строгое испытание. А так как я сам знал тебя лучше родителей твоих, как ты засвидетельствовал, то, по справедливости, я могу быть свободным от всякой вины. Василий сказал: по этой самой причине ты и не мог бы оправдаться, если бы кто захотел обвинять тебя. Или не помнишь того, о чем и я многократно говорил тебе, и что ты видел на самом деле, как немощна душа моя? Не потому ли ты постоянно смеялся над моим малодушием, что при малейших заботах я скоро падал духом?

5. Златоуст. Помню, - сказал я, - что, часто слышал от тебя такие слова, и не отрекись. Если же я когда-нибудь смеялся, то делал это в шутку, а не по правде. Впрочем, теперь я не буду спорить об этом; не прошу и тебя быть искренним передо мной, когда я стану припоминать о некоторых из присущих тебе добродетелей. Если ты вздумаешь обличать меня в неправде, то я не пощажу тебя, но докажу, что ты возражаешь более по скромности, чем по справедливости, и приведу в свидетельство истины слов моих не что другое, а твои же слова и дела. Во-первых, я хочу спросить тебя: знаешь ли ты, какова сила любви? Христос, не упоминая обо всех чудесах, которые имели быть совершены апостолами, сказал: "по тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою" (Иоан. 13:35); а Павел говорит, что любовь есть "исполнение закона" (Римл. 13:10), и что без нее и дарования не приносят никакой пользы (1 Кор. 13:1-2). Это то превосходное сокровище, отличительное свойство учеников Христовых, превышающее дарования, я видел крепко насажденным в душе твоей и приносящим обильные плоды. Василий сказал: сознаюсь, что я много забочусь об этом и очень стараюсь соблюдать эту заповедь; но что еще и в половину не исполнил ее, это и сам ты засвидетельствуешь, если, оставив лесть, захочешь говорить истину. Златоуст. Итак, я обращусь к доказательствам, - сказал я, - и чем угрожал, то теперь и сделаю, именно докажу, что ты хочешь быть более скромным, чем справедливым. Расскажу одно событие, недавно случившееся, не упоминая о прежнем, дабы кто не подумал, что я стараюсь давностью времени затемнить истину; здесь самая близость времени не позволит мне прикрыть что-нибудь льстивыми словами.

6. Когда один из наших друзей, оклеветанный в проступках дерзости и гордости, подвергся крайней опасности, и тогда, как никто не призывал тебя и сам обвиняемый не просил, ты сам себя ввергнул в опасности. Так было дело; но чтобы обличить тебя и словами твоими, припомню и сказанное тобой. Когда такую ревность твою одни порицали, другие хвалили и превозносили, ты сказал порицателям: "что делать? - иначе не умею любить, как, жертвуя душой моей, когда нужно спасти кого-либо из друзей, находящегося в опасности", повторив, хотя другими словами, но в том же смысле, слова Христовы, которые Он сказал ученикам, определяя совершенную любовь: "нет больше той любви", говорил Он, "как если кто положит душу свою за друзей своих" (Иоан. 15:13). Таким образом, если нет высшей степени любви, ты успел дойти до конца: и делами и словами своими достиг самой вершины ее. Посему я и предал тебя, посему и придумал такую хитрость. Теперь убедил ли я тебя, что не из зложелательства и не с намерением ввергнуть в опасность, но, предвидя пользу, я привлек тебя на это поприще? Василий сказал: итак, ты думаешь, что для исправления ближних достаточно силы любви? Златоуст. Большею частью, - сказал я, - она весьма может содействовать этой цели; если же ты желаешь, чтобы я привел доказательства и твоего благоразумия, то приступлю и к этому, и докажу, что ты благоразумен более, нежели сколько любвеобилен.

Василий, при этом, покраснев от стыда, сказал: касающееся меня оставим теперь; я и вначале не требовал от тебя речи об этом; если же ты можешь сказать что-нибудь справедливое для "внешних", то я с удовольствием буду слушать. Посему, оставив этот пустой спор, скажи, чем мы оправдаемся перед прочими, как удостоившими тебя чести, так и перед теми, которые с сожалением смотрят на них, как бы на оскорбленных?

7. Златоуст. Я и сам, - сказал я, - спешу перейти к этому. Так как с тобой я кончил речь, то обращусь и к этой части защиты. Какое же их обвинение, и какие вины? Говорят, будто избиратели оскорблены и унижены тем, что я не принял чести, которой они хотели почтить меня. Но, во-первых, скажу, что не должно думать об оскорблении, наносимом людям, когда уважением к ним мы поставляемся в необходимость оскорбить Бога. И для самих огорченных оскорбляться этим, я полагаю, не только не безопасно, но и весьма вредно. Людям, посвятившим себя Богу и взирающим на Него одного, по моему мнению, должно быть столь благочестивыми, чтобы и не считать оскорблением, хотя бы им тысячу раз пришлось испытать это огорчение. А что такая или другая какая-нибудь дерзость не приходила мне и на мысль, это видно из следующего. Если бы я дошел до этого по гордости и честолюбию, - как некоторые клеветают, о чем ты неоднократно говорил, - и тем подтвердил бы мнение обвинителей, то я был бы весьма несправедлив, презрев людей достоуважаемых и великих и притом благодетелей моих. Если оскорбление, нанесенное тем, которые не сделали никакой несправедливости, достойно наказания, то люди, добровольно желавшие оказать почесть, какого не заслуживают почтения? Никто не может сказать и того, будто они, получив от меня малое или великое добро, сделали воздаяние за эти благодеяния. Какого же заслуживало бы наказания воздаяние противным тому? Если же это никогда и на ум мне не приходило, но с другим намерением я отклонил от себя тяжелое бремя, то вместо того, чтобы извинить, если не хотят оправдать, почему обвиняют меня в том, что я пощадил душу свою? Я так мало был расположен оскорблять этих мужей, что и самым отказом, думаю, почтил их. Не удивляйся, если слова мои странны; я скоро объясню их.

8. Если бы я был рукоположен, тогда, если не все, то считающие за удовольствие разносить худую молву могли бы подозревать и говорить многое и обо мне и об избравших меня; например: что избиратели смотрят на богатство, что предпочитают знаменитость рода, что возвели меня на эту степень за мою лесть и даже не знаю, не стал

ли бы кто-нибудь подозревать, что они подкуплены от меня деньгами; сказали бы, что Христос призывал на эту должность рыбарей, делателей шатров и мытарей; а они отвергают людей, питающихся от дневной работы, а того, кто занимается мирскими науками и проводит праздную жизнь, принимают и превозносят; почему они пренебрегли мужей, много потрудившихся в делах церкви, а того, кто никогда и не прикасался к этим трудам, но всю жизнь свою истратил на суетное занятие мирскими науками, вдруг возвели на такую почесть? Так и еще больше того могли бы сказать, когда бы я принял эту должность. Но теперь нет; всякий предлог к злословию отнят; ни меня в ласкательстве, ни избирателей в мздоимстве не могут обвинять, разве кто захотел бы просто безумствовать. Как может употребляющий лесть и истрачивающий деньги для того, чтобы получить почесть, уступить ее другим, когда следовало самому получить? Это было бы похоже на то, если бы кто, много потрудившись над землей, чтобы жатва его изобиловала плодами и точила были преисполнены вином, после многих трудов и больших издержек, когда нужно пожинать плоды и собирать виноград, предоставил другим воспользоваться этим плодородием. Видишь ли, что хотя бы такие слова были и далеки от истины, однако желающие имели бы предлог клеветать на избирателей и говорить, что они сделали избрание не по здравому рассуждению? А теперь мы не позволим им и слова сказать, и даже просто уст открыть. Это, и еще больше того было бы говорено вначале. А после, по вступлении в самое служение, у меня не достало бы сил каждый день оправдываться перед обвинителями, хотя бы все поступки мои были безукоризненны, разве пришлось бы в чем-нибудь погрешить по неопытности и по незрелому возрасту. Теперь я избавил избирателей и от этого обвинения, а тогда подверг бы их бесчисленным укоризнам. Чего не сказали бы? Несмысленным детям они поручили столь досточтимые и великие дела, погубили стадо Божье, забавой и посмешищем сделали христианство. Но теперь "всякое нечестие заграждает уста свои" (Псал. 106:42). Хотя тоже могут сказать и о тебе, но ты делами своими скоро докажешь, что не должно судить о благоразумии по возрасту, и отличать старца по седине, и не всякого юного отстранять от этого служения, но юного по вере (новокрещенного); между тем и другим - большая разность.

О СВЯЩЕНСТВЕ.

СЛОВО ТРЕТЬЕ.

Златоуст продолжает свое оправдание. - Его отказ произошел не от гордости. - Обвинять других в неуважении к священству значит обнаруживать свое невысокое мнение о нем. - Отказ его произошел не из тщеславия. - Любовь к славе напротив должна бы побудить его принять епископство. - Священство имеет небесный характер. - Величавая обстановка священства ветхозаветного и превосходство священства новозаветного. - Величие христианского тайнодействия. - Священник сильнее ангелов. - Источники его могущества. - Священники ветхозаветные только давали свидетельство об исцелении проказы тела, а священники новозаветные исцеляют проказу души. - Если наши родители дают нам жизнь телесную, то священники сообщают нам жизнь духовную, и они могут нам давать ее, когда даже мы потеряли ее. - Крещение. - Покаяние. - Даже ап. Павел трепетал, размышляя о высоте своего служения. - То же самое устрашило и Златоуста. - Ясное сознание высоты священнослужения с одной стороны и сознание своей слабости - как побуждения, заставившие его отказаться от епископства. - Другие побуждения, как заключающиеся в опасностях и трудностях, сопряженных со священнослужением. - Устранение тщеславия со всеми сопровождающими его страстями. - Чем возвышеннее

священство, тем омерзительнее злоупотребления им. - Можно желать священства, но не возвышения и власти, связанных со священством. - Священник должен быть господином над самим собой: печальные последствия гнева. - Погрешности священников быстро становятся известными всем и происходящий отсюда соблазн. - Примеры неудачных избраний. - Управление вдовицами, попечение о девственницах, церковное судопроизводство, связанные с ним трудности. - Отлучение и требуемое им благоразумие.

Что я уклонился от чести (епископства) не для оскорбления желавших почтить меня и не для того, чтобы подвергнуть их стыду, в доказательство этого достаточно сказать и то, что уже сказано; а что я поступил так не по внушению гордости, постараюсь и это теперь объяснить тебе по силам моим. Если бы мне предстояло избрание в начальника войска или страны, и если бы я отнесся к этому с таким же расположением, то иной справедливо мог бы подозревать во мне гордость, или никто не стал бы винить меня и в гордости, а все назвали бы безрассудным; но когда предстояло священство, которое столько выше (всякой) власти, сколько дух превосходит плоти, тогда кто осмелится обвинять меня в гордости? И не странно ли - отказывающихся от маловажного обвинять в неразумии, а уклоняющихся от превосходнейшего освобождать от обвинения в неразумии, но обвинять в надменности? Это подобно тому, как если бы кто пренебрежительно относящегося к стаду волов и не желающего быть пастухом стал обвинять не в надменности, но в безрассудстве, а того, кто отказывается от владычества над всей вселенной и от начальствования над всемирным войском, назвал бы не безумным, а гордым. Нет, нет, не меня, а скорее самих себя обвиняют говорящие это. Ибо одна мысль о том, что возможно человеку презирать такое достоинство (священства), служит доказательством, какое мнение об этом предмете имеют сами высказывающие ее. Если бы они не считали его маловажным и обыкновенным, то им не пришло бы и на ум такое подозрение. Почему никто никогда не осмелится подумать что-нибудь подобное о достоинстве ангелов, и сказать, что есть такая душа человеческая, которая по гордости не желала бы достигнуть достоинства ангельского естества? Это потому, что мы имеем высокое понятие о силах небесных, и оно не позволяет нам верить, чтобы человек мог представить себе что-нибудь выше этого достоинства. Таким образом, справедливее было бы обвинять в гордости самих тех, которые меня обвиняют в этом. Они никогда не стали бы подозревать в этом других, если бы наперед сами не признали этого предмета ничтожным. Если же они говорят, что я поступил так из честолюбия, то они окажутся противоречащими и явно сражающимися с самими собой; ибо, я не знаю, какие другие кроме этих они придумали бы речи, если бы освободили меня от обвинений в тщеславии.

2. Если бы во мне было это тщеславие, то мне нужно бы скорее принять (избрание), чем бежать. Почему? Потому что оно принесло бы мне великую славу. Находящемуся в таком возрасте и недавно отставшему от житейских забот, вдруг оказаться для всех столь дивным, что быть предпочтенным перед людьми, проводившими всю жизнь в таких трудах, и получить избирательных голосов больше всех их - это внушило бы всем удивительные и великие мысли обо мне и сделало бы меня почтенным и знаменитым. А теперь, кроме немногих, большая часть церкви не знает меня и по имени; даже не всем будет известно, что я отказался (от призвания), а только некоторым немногим, из которых, я думаю, не все знают об этом точным образом, а вероятно многие и из них думают, что я или вовсе не был избран, или по избрании был отвергнут, как оказавшийся неспособным, а не сам убежал добровольно.

3. Василий. Но знающие истину будут удивляться.

Златоуст. А ты же сказал, что они обвиняют меня в тщеславии и надменности. От кого же ожидать похвалы? От народа? Но он не знает дела в точности. От немногих? Но и у них

превратно понято мое дело. Для того ты теперь и пришел сюда, чтобы узнать, чем можно оправдаться перед ними. Но для чего об этом теперь распространять речь? Хотя бы все знали истину, и тогда не следовало бы обвинять меня в гордости или честолюбии; потерпи немного, и ты ясно увидишь это. При этом еще узнаешь и то, что немалая угрожает опасность не только тем, которые с таким дерзновением осмеливаются (принимать священство), если только есть такие люди, - чему я не верю, - но и тем, которые подозревают в этом других.

4. Священнослужение совершается на земле, но по чиноположению небесному; и весьма справедливо; потому что ни человек, ни ангел, ни архангел, и ни другая какая-либо сотворенная сила, но сам Утешитель учредил это чинопоследование, и людей, еще облеченных плотью, соделал представителями ангельского служения. Посему священнодействующему нужно быть столь чистым, как бы он стоял на самых небесах посреди тамошних Сил. Страшны и величественны были принадлежности (богослужения) и прежде благодати, как-то: звонки, яблоки, драгоценные камни на наперснике и нарамнике, митра, кидар, подир, золотая дщица, Святое Святых, глубокая тишина внутри (Исх. гл. 38). Но если кто рассмотрит свойства служения благодатного, то найдет, что те страшные и величественные принадлежности незначительны (в сравнении с последними), и здесь признает истинным сказанное о законе: "прославленное даже не оказывается славным с сей стороны, по причине преимущественной славы" (2 Кор. 3:10). Когда ты видишь Господа закланного и предложенного, священника предстоящего этой Жертве и молящегося, и всех окропляемых этой драгоценной кровью, то думаешь ли, что ты еще находишься среди людей и стоишь на земле, а не переносишься ли тотчас на небеса и, отвергнув все плотские помышления души, светлой душой и чистым умом не созерцаешь ли небесное? О чудо, о человеколюбие Божье! Сидящий горе с Отцом в этот час объемлется руками всех и дает Себя осязать и воспринимать всем желающим. Это и делают все очами веры. Ужели все это тебе кажется достойным презрения, или таким, над чем кто-нибудь мог бы выказать свое высокомерие? Хочешь ли видеть и из другого чуда превосходство этой Святыни? Представь перед очами своими Илию, и стоящее вокруг бесчисленное множество народа, и лежащую на камнях жертву; все другие соблюдают тишину и глубокое молчание, один только пророк молится, и за тем внезапно пламень ниспадает с небес на жертву (3 Цар. 18:30-38); все это дивно и исполнено ужаса. Теперь перейди отсюда к совершаемому ныне, и ты увидишь не только дивное, но и превосходящее всякий ужас. Предстоит священник, низводя не огонь, но Святого Духа; совершает продолжительное моление не о том, чтобы огонь ниспал свыше и попалил предложенное, но чтобы Благодать, нисшедши на Жертву, воспламенила через нее души всех и соделала их светлейшими очищенного огнем серебра. Кто же, кроме человека совершенно иступленного или безумного, может презирать такое страшнейшее таинство? Или ты не знаешь, что души человеческие никогда не могли бы перенести огня этой жертвы, но все совершенно погибли бы, если бы не было великой помощи Божественной благодати?

5. Кто размыслит, как важно то, что человек, еще облеченный плотью и кровью, может присутствовать близ блаженного и бессмертного Естества, тот ясно увидит, какой чести удостоила священников благодать Духа. Ими совершается эти священнодействия и другие, не менее важные для совершенства и спасения нашего. Люди, живущие на земле и еще обращающиеся на ней, поставлены распорядиться небесным, и получили власть, которой не дал Бог ни ангелам, ни архангелам; ибо не им сказано: "что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе" (Матф. 18:18). Земные властители имеют власть связывать, но только тело; а эти узлы связывают самую душу и проникают в небеса; что священники совершают на земле, то Бог

довершает на небе, и мнение рабов утверждает Владыка. Не значит ли это, что Он дал им всю небесную власть? "Кому" говорит (Господь), "простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся" (Иоан. 20:23). Какая власть может быть больше этой? "Отец весь суд отдал Сыну" (Иоан. 5:22); а я вижу, что Сын весь этот суд вручил священникам. Они возведены на такую степень власти, как бы уже переселились на небеса, превзошли человеческую природу и освободились от наших страстей. Если бы царь предоставил кому-нибудь из своих подданных власть заключать в темницу и опять освобождать, кого он захочет, такой подданный у всех был бы славен и знаменит; а о том, кто получает от Бога власть настолько превосходнейшую этой, сколько небо превосходит землю и души тел, некоторые думают, что он получает маловажную честь, и будто бы возможно представить, что кто-нибудь из получивших этот дар будет не уважать его. Отвергнем такое безумие! Действительно безумно не уважать такую власть, без которой нам невозможно получить спасения и обетованных благ. Если никто не может войти в царствие небесное, "если кто не родится от воды и Духа" (Иоан. 3:5), и не "ядущий плоти" Господа и не "пьющий крови Его" лишается вечной жизни (Иоан. 6:53), а все это совершается ни кем иным, как только этими священными руками, т. е. руками священника, то, как без посредства их можно будет кому-нибудь избежать геенского огня, или получить уготованные венцы.

б. Священники для нас суть те мужи, которым вручено рождение духовное и возрождение крещением; через них мы облакаемся во Христа, и погребаемся вместе с Сыном Божиим и соделываемся членами этой блаженной Главы. Посему, справедливо мы должны не только страшиться их более властителей и царей, но и почитать более отцов своих; эти родили нас "от крови, от хотения плоти" (Иоан. 1:13), а те суть виновники нашего рождения от Бога, блаженного "пакибытия", истинной свободы и благодатного усыновления. Священники иудейские имели власть очищать тело от проказы, или лучше, не очищать, а только свидетельствовать очищенных (Лев. гл. 14); и ты знаешь, как завидно было тогда достоинство священническое. А наши (священники) получили власть не свидетельствовать только очищение, но совершенно очищать, - не проказу телесную, но нечистоту душевную. Посему не уважающие их гораздо преступнее Дафана и его сообщников, и достойны большего наказания; потому что эти домогались не принадлежащей им власти (Числ. гл. 16), однако имели высокое мнение о ней и доказали это тем самым, что домогались ее с великим усилием; а теперь, когда священство украсилось гораздо более и возвысилось до такой степени, не уважать его - значит отваживаться на гораздо большую дерзость; ибо не одно и то же: домогаться не принадлежащей себе чести, и презирать такие блага; последнее настолько тяжелее первого, насколько различны между собой презрение и уважение. Есть ли такая несчастная душа, которая презирала бы столь великие блага? Я не могу представить ни одного такого человека, разве кто пришел в демонское неистовство. Впрочем, возвращусь опять к тому, о чем шла речь. Бог дал священникам больше силы, нежели плотским родителям, не только для наказаний, но и для благодеяний; те и другие столько различаются между собой, сколько жизнь настоящая от будущей. Одни рожают для настоящей жизни, другие для будущей; те не могут избавить детей своих от телесной смерти и даже защитить от вторгшейся болезни, а эти часто спасали страждущую и готовую погибнуть душу, то, употребляя кроткое наказание, то, удерживая от падения при самом начале, не только учением и внушением, но и помощью молитв. Они не только возрождают нас (крещением), но имеют власть разрешать и от последующих грехов: "болен ли кто из вас", говорится (в Писании), "пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазав его елеем во имя Господне. И молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь; и если он соделал грехи, простятся ему" (Иак. 5:14-15). Кроме того, плотские родители не могут оказать никакой помощи детям, когда они

оскорбят кого-нибудь из знатных и сильных людей, а священники часто примиряли верующих не с вельможами и не с царями, но с самим Богом, разгневанным ими. Кто после этого осмелится обвинять меня в гордости? Напротив, я думаю, что сказанное мной возбудит в душах слушателей такое благоговение, что они будут обвинять в гордости и дерзости не убегающих, но тех, которые сами приходят и стараются приобрести себе это достоинство. Если начальники городов, когда они не очень благоразумны и деятельны, подвергая города разорению, губят и себя самих, то обязавшейся украшать Невесту Христову, сколько, думаешь ты, должен иметь силы и собственной и свыше ниспосылаемой, чтобы не погрешить?

7. Никто не любил Христа более Павла, никто более его не показал ревности, никто не был удостоен большей благодати; но и при таких преимуществах он еще боится и трепещет как за свою власть, так и за подвластных ему. "Но боюсь, чтобы, как змий хитростью своею прельстил Еву, так и ваши умы не повредились, [уклонившись] от простоты во Христе"; и еще: "и был я у вас в немощи и в страхе и в великом трепете" (2 Кор. 11:3; 1 Кор. 2:3), говорит человек, восхищенный до третьего неба, соделавшийся причастником тайн Божьих, претерпевший столько смертей, сколько по уверованию жил дней, и не желавший пользоваться данной ему от Христа властью, чтобы кто из верующих не соблазнился (1 Кор. гл. X). Если он, исполнивший более того, что повелено Богом, и искавший во всем не своей пользы, но пользы подвластных ему, всегда был исполнен такого страха, взирая на величие этой власти, то, что будем чувствовать мы, часто ищущие своей пользы, не только не исполняющие более того, что заповедано Христом, но большей частью престаупающие Его заповеди? "Кто изнемогает", говорил он, "с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?" (2 Кор. 11:29)? Таков должен быть священник, или лучше, не только таков; это мало и незначительно в сравнении с тем, что я намереваюсь сказать. Что же это? "Я желал бы", говорит он, "сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти" (Римл. 9:3). Кто может произнести такие слова, чья душа возвысилась до такого желания, тот справедливо может быть осуждаем, когда убегает (священства), а кто так чужд этой добродетели, как я, тот заслуживает порицания не тогда, когда убегает, но когда принимает его. Если бы при избрании в достоинство военачальника имеющие власть дать это достоинство, представив медника, или кожевника, или кого-нибудь из подобных ремесленников, поручали ему войско, то я не похвалил бы того несчастного, который не убежал бы и не сделал всего, чтобы не ввергнуть себя в предстоящую гибель. Если бы достаточно было только называться пастырем и исполнять это дело, как случится, и от этого не было никакой опасности, то всякий желающий пусть обвиняет меня в тщеславии; если же принимающему на себя такую заботу должно иметь великое благоразумие, и еще прежде благоразумия великую благодать Божью, правоту нравов, чистоту жизни, и добродетель более, нежели человеческую, то не отказывай мне в прощении, что я не хотел погибать тщетно и напрасно. Если бы кто-нибудь, отправляя большое судно, наполненное гребцами и нагруженное дорогими товарами, вручал мне кормило его, и приказывал переплыть Эгейское или Тирренское море [1], то я при первых словах его обратился бы в бегство; и если бы кто спросил, почему? - я отвечал бы: чтобы мне не потопить корабля. Если же тогда, когда ущерб состоит в деньгах, и опасность простирается до смерти телесной, никто не будет осуждать людей за предусмотрительность, то здесь, где потерпевшим кораблекрушение предстоит впасть не в это море, а в бездну огненную, и ожидает их смерть, не душу от тела отделяющая, но душу с телом отправляющая на вечное мучение, почему вы будете гневаться и негодовать, что я легкомысленно не вверг себя в такое бедствие?

8. Не делайте этого, прошу и умоляю. Я знаю свою душу немощную и слабую; знаю важность этого служения, и великую трудность этого дела. Душу священника обуревают волны, большие тех, какие бывают от ветров, возмущающих море.

9. И во-первых, является тщеславие, как бы скала ужаснейшая и гораздо опаснейшая скалы Сирен, которую вымыслили баснописцы [2]; многие могли проплыть мимо этой скалы безвредно; но для меня это так трудно, что даже и теперь, когда никакая нужда не влечет меня к этой пропасти, я не могу избавиться от опасности. А если кто вручит мне эту власть, тот как бы свяжет мне назад обе руки и предаст меня чудовищам, живущим в этой скале, чтобы они каждый день терзали меня. Какие же это чудовища? - Гнев, уныние, зависть, вражда, клеветы, осуждения, обман, лицемерие, козни, негодование на людей невинных, удовольствие при неблагополучии служащих, печаль при их благосостоянии, желание похвал, пристрастие к почестям (оно более всего вредит душе человеческой), учение с угождением, неблагодарное ласкательство, низкое человекоугодие, презрение бедных, услужливость богатым, предпочтения неразумные и вредные, милости опасные как для приносящих, так и для принимающих их, страх рабский, приличный только презреннейшим невольникам, недостаток дерзновения, степенный вид смиренномудрия, но без истинного смирения, уклончивые обличения и наказания, или лучше сказать, перед незначительными людьми - чрезмерные, а перед сильными - безмолвные. Столько и еще больше чудовищ вмещает в себе эта скала, и те, которые однажды захвачены ими, необходимо доходят до такого рабства, что даже в угодность женщинам делают много такого, о чем и говорить непристойно. Закон Божественный удалил женщин от этого служения, а они стараются вторгнуться в него; но так как сами по себе не имеют власти, то делают все через других, и такую присваивают себе силу, что и избирают, и отвергают священников по своему произволу; пословица: "кверху дном" сбывается здесь на деле. Начальниками управляют подначальные, и пусть бы мужчины, но - те, которым не позволено и "учить" (1 Тим. 2:12). Что говорю учить? - которым блаженный Павел запретил и "говорить" в церкви (1 Кор. 14:34). Я слышал от одного человека, будто их допустили до такой дерзости, что они даже делают выговоры предстоятелям церквей и обращаются с ними суровее, нежели господа со своими слугами.

10. Пусть никто не думает, что обвинения мои относятся ко всем; есть, много есть таких (священников), которые избегли этих сетей, и их гораздо более чем уловленных. И самое священство я не виню в этих бедствиях; не желаю дойти до такого безумия. Не меч обвиняют за убийство, не вино за пьянство, не силу за оскорбление, не мужество за безрассудную дерзость, но все благоразумные люди обвиняют и наказывают употребляющих во зло дары Божьи. Так, само священство справедливо осудит нас, распорядившихся им неправильно. Не оно причиной изложенных мной зол, а мы сами черним его, сколько можем, без разбора вверяя его таким людям, которые, не узнав наперед собственных душ и не посмотрев на трудность этого дела, охотно принимают предлагаемое, а когда приступят к делу, тогда по неопытности сами пребывают во мраке и на вверенный им народ навлекают множество зол. Это самое едва не случилось и со мной, если бы Бог скоро не избавил меня от этих опасностей, охраняя свою церковь и щадя мою душу. Отчего, скажи мне, по твоему мнению, происходят такие смятения в церквях? Я думаю, ни от чего иного, как от того, что избрания и назначения предстоятелей совершаются без разбора и как случится. Глава должна быть крепкой, чтобы она могла располагать и приводить в надлежащее состояние вредные испарения, поднимающиеся из прочих частей тела; а когда она сама по себе слаба и не может отклонять болезненных влияний, то и сама делается еще слабее и вместе с собою губит все тело. Чтобы не случилось того же и теперь, Бог оставил меня в положении ног (церковного тела), в котором я и был с самого начала. Кроме сказанного много есть, Василий, иного другого,

что нужно иметь священнику, и чего я не имею; и, прежде всего, у него душа должна быть совершенно чистой от стремления к этому делу; если он будет иметь пристрастное расположение к нему, то по получении его загорится сильнейшим пламенем, и если будет взят насильно, то для утверждения его за собой потерпит множество бед, когда нужно будет льстить, или допустить что-нибудь неблагородное и недостойное, или тратить много денег. Что некоторые, домогаясь этой власти, даже заполняли церкви убийствами и производили возмущения в городах, об этом я умалчиваю теперь, чтобы кто не подумал, что говорю невероятное. По моему мнению, должно с таким благоговением относиться к этому делу, чтобы убегать от тяжести этой власти, а по получения ее не ожидать суждений от других, когда случится совершить грех, заслуживающий низвержение, но ранее самому отречься от этой власти. Таким образом, еще возможно будет получить помилование от Бога; удерживать же себя в этом достоинстве вопреки благопристойности - значит лишать себя всякого прощения и еще более воспламенять гнев Божий, прилагая к одному другое тягчайшее преступление.

11. Но никто не осмелится на это; потому что бедственно, поистине бедственно домогаться этой чести. Говорю это, не противореча блаженному Павлу, но совершенно согласно с его словами. Что же он говорит? "Если кто епископства желает, доброго дела желает" (1 Тим. 3:1). И я назвал бедственным желание не самого дела, а первенства и власти. Это желание, по моему мнению, должно тщательно изгонять из души и даже не позволять ему в самом начале овладевать ею, чтобы можно было действовать во всем свободно. Кто не желает величаться этой властью, тот не боится и лишиться ее; а, не боясь этого может делать все со свойственной христианам свободой; напротив, опасующиеся и боящиеся низвержения претерпевают жалкое рабство, соединенное со многими бедствиями, и часто принуждены бывают оскорблять и людей и Бога. Не таково должно быть настроение души; но как на сражениях мы видим доблестных воинов и сражающимися усердно и падающими мужественно, так и вступающие в это служение должны и священствовать и принимать низвержение с этой власти так, как надлежит христианским мужам, знающим, что такое низвержение доставляет не меньший венец, как и самая власть. Кто подвергается ему, не сделав ничего непристойного и противного этому достоинству, тот уготовляет несправедливо низложившим его наказание, а себе большую награду: "блаженны вы", говорит (Господь), "когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах" (Мат. 5:11-12). Это бывает тогда, когда кто-нибудь низвергается сослужащими или по зависти, или из угождения другим, или по вражде, или по какой-либо другой несправедливой причине; когда же случится кому потерпеть это от врагов, то, я думаю, не нужно и доказывать, какую пользу они доставляют ему своей злобой. Итак, нужно всюду вникать и тщательно наблюдать, не скрывается ли какая-нибудь тлеющая искра такого желания. Счастливы те, которые с самого начала были чисты от этой страсти и могли избежать ее по достижении власти. Если же кто еще прежде достижения этой чести питает в себе этого страшного и лютого зверя, то нельзя и выразить, в какую печь ввергает он себя по достижении власти. У меня также (не подумай, что я из скромности хочу сказать тебе нечто ложное) есть это желание в сильной степени, но оно не менее всего другого и устало меня и обратило в бегство. Как страдающие плотской любовью, пока находятся близ любимых, чувствуют жесточайшее мучение страсти, а когда удалятся как можно дальше от любимых, укрощают ее неистовство, так и стремящиеся к этой власти, когда приближаются к ней, терпят невыносимое мучение, а когда теряют надежду получить ее, то вместе с надеждой погашают и желание.

12. Не маловажна и одна эта причина; если бы она была единственной, то сама по себе была бы достаточна для того, чтобы отклонить меня от этого достоинства; но теперь к ней присоединилась другая, не меньшая той. Какая же? Священник должен быть бодрствующим и осмотрительным, и иметь множество глаз со всех сторон, как живущий не для себя одного, а для множества людей (1 Тим. III, 2). А я небрежен и слаб, и едва могу печься о собственном спасении, как ты и сам согласишься, хотя и стараешься, из любви ко мне, более всех скрывать мои слабости. Не говори мне здесь ни о посте, ни о ночном бодрствовании, ни о возлежании на земле, ни о других телесных изнурениях; ты знаешь, как я еще не совершен и в этом. Если бы даже я со всей строгостью исполнял это, и тогда при моей настоящей слабости это не могло бы принести мне никакой пользы в предстоятельстве. Это может быть весьма полезно человеку, заключившемуся в какой-нибудь келье, и заботящемуся только о своих делах; а кто разделяется на такое множество народа, и имеет особенные заботы о каждом из подчиненных, у того какую вероятную пользу это может принести для их преуспеяния, если он не будет иметь души крепкой и весьма мужественной?

13. Не удивляйся, если вместе с этой строгостью жизни я требую еще опытов душевного мужества. Пренебрегать яствами, напитками и мягким ложем для многих, как мы видим, не составляет труда, особенно для людей грубых, и воспитанных так с малолетства, и для многих других, у которых сложение тела и привычка смягчают суровость таких подвигов; но переносить оскорбление, клевету, язвительное слово, насмешки от низших необдуманные и обдуманные, напрасные и тщетные укоризны от начальников и подчиненных могут не многие, а один или два; и можно видеть, что люди крепкие в тех подвигах так возмущаются этими неприятностями, что свирепствуют хуже диких зверей. Таких особенно нужно удалять от обители священства. Если предстоятель не изнуряет себя голодом и не ходит босыми ногами, это нисколько не вредит церковному обществу; а свирепый гнев причиняет великие несчастья, как самому преданному этой страсти, так и ближним. Не соблюдающим первого, Бог ничем не угрожает, а гневающимся напрасно - угрожает геенною и огнем геенским (Матф. V, 22). Как преданный тщеславию, получив власть над народом, доставляет больше пищи огню (этой страсти), так и тот, кто, живя уединенно и обращаясь с немногими, не мог удерживать гнева, но легко воспламенялся, когда получит в управление целый народ, подобно зверю, уязвляемому отовсюду и всеми, и сам не может быть никогда спокоен, и вверенных ему подвергает бесчисленным бедствиям.

14. Ничто так не помрачает чистоту души и ясность мыслей, как гнев необузданный и выражающийся с великой силой. "Гнев губит и разумных" говорит Премудрый (слав - Притч. 15:1). Помраченное им око души, как бы в ночном сражении, не может отличать друзей от неприятелей и честных от бесчестных, но относится ко всем одинаково и, хотя бы предстояло потерпеть какой-нибудь вред, скоро решается на все, чтобы доставить удовольствие душе; ибо пылкость гнева заключает в себе некоторое удовольствие, и даже сильнее всякого удовольствия овладевает душой, низвращая все ее здоровое состояние. Он производит гордость, несправедливые вражды, безрассудную ненависть, часто принуждает без разбора и без причины наносить оскорбления и заставляет говорить и делать много другого подобного, так как душа увлекается сильным напором страсти и не может собраться со своими силами, чтобы противостоять ее стремлению.

Василий сказал: но я не потерплю более, чтобы ты притворялся; кто не знает, как ты далек от этого недуга?

Златоуст. Что же, почтеннейший, - сказал я, - ты хочешь поставить меня близ костра, раздражить покоящегося зверя? Или ты не знаешь, что я и сдерживал эту страсть не силой воли, но любовью к спокойствию? А кто так настроен, тот может избежать этого пламени, оставаясь с самим собой или имея общение не более, как с одним или двумя друзьями, но не повергаясь в бездну таких забот? В противном случае он не себя одного, но и других многих увлекает вместе с собой в бездну погибели, и делает их более беспечными в соблюдении скромности. Подчиненный народ большей частью привык смотреть на поведение своих начальников, как на некоторый образец и подражать им. Как же может укротить надменность других тот, кто сам надмевается. Кто из народа пожелает быть кротким, видя начальника гневливым? Нельзя, нельзя священникам скрыть свои недостатки; и малые из них скоро делаются известными. Ратоборец, пока остается дома и ни с кем не вступает в борьбу, может скрываться, хотя бы он был слабейшим; но когда выступит на подвиги, тотчас изобличается. Так и люди, ведущие частную и недеятельную жизнь, уединением прикрывают свои грехи; но, быв выставлены на вид, бывают принуждены сбросить с себя одиночество, как бы одежду, и обнаружить для всех души свои посредством внешних движений. Как добрые дела их приносят пользу, побуждая многих к соревнованию, так и проступки их делают более нерадивыми о делах добродетели и располагают к уклонению от похвальных трудов. Посему душа священника должна со всех сторон блистать красотой, дабы она могла и радовать и просвещать души взирающих на него. Грехи людей незначительных, совершаемые как бы во мраке, губят одних только согрешающих; а грехи человека значительного и многим известного наносят всем общий вред, делая падших более нерадивыми о добрых подвигах, а внимательных к себе располагая к гордости. Кроме того, проступки простолюдинов, хотя бы и обнаружались, никому не наносят значительной беды; а (проступки) стоящих на высоте священнического достоинства, во-первых, у всех на виду; затем, хотя бы они сделали малейшую погрешность, другим она представляется уже великой, потому что все измеряют грех не важностью самого действия, но достоинством погрешающего. Поэтому священник должен со всех сторон оградить себя, как бы каким адамантовым оружием, тщательной бдительностью и постоянным бодрствованием над своей жизнью, всюду наблюдая, чтобы кто-нибудь не нашел открытого и не оберегаемого места и не нанес смертельного удара; ибо все окружающие готовы уязвлять и поражать его, - не только враги и неприятели, но многие и из тех, которые притворяются друзьями. Итак (для священства) должны быть избираемы такие души, какими по благодати Божьей оказались некогда тела святых отроков в печи вавилонской (Дан. 3:22-46). Здесь не хворост, смола и лен служат пищей огню, но нечто гораздо опаснейшее, так как здесь и огонь не вещественный, но всепожирающий пламень зависти окружает священников, поднимаясь со всех сторон, устремляясь на них, и проникая в жизнь их упорнее, чем тогда огонь в тела отроков. Если он найдет хотя малые следы соломы, тотчас пристает к ней, и, сжегши эту гнилую часть, и все прочие части, хотя бы они были светлее солнечных лучей, опалает и очерняет дымом. Пока жизнь священника хорошо устроена во всех отношениях, дотоле он остается неприступным для наветов; но если он не досмотрит чего-нибудь малого, как свойственно человеку, и притом переплывающему многомятежное море настоящей жизни, то прочие добрые дела его несколько не помогут ему заградить уста обвинителей; но этот малый проступок затемняет все прочее. Все начинают судить о нем не как о существе, облеченном плотью и имеющем человеческую природу, но как об ангеле непричастном никаким слабостям. Как тирана, пока он властвует, все боятся и льстят ему, потому что не могут низложить его; но когда заметят, что дела его начинают переменяться, тогда, оставив притворную лесть, недавние друзья вдруг делаются врагами и неприятелями и, узнав все его слабости, стараются лишить его власти; так тоже самое бывает и со священником: те, которые недавно, когда он был в силе, почитали его и угождали ему, воспользовавшись незначительным поводом, сильно вооружаются на него,

и стараются низвергнуть его, не как тирана только, но как еще худшего человека. Как тиран боится своих телохранителей, так и священник опасается своих близких и сослужащих более всех; потому что никто столько не домогается его власти и никто лучше всех других не знает дел его, как они; находясь близ него, они прежде других узнают случившееся с ним, и легко могут встретить доверие даже клеветам своим и, представляя малое великим, повредить оклеветанному. Тогда оправдывается в обратном смысле апостольское изречение: "страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены" (1 Кор. 12:26). Разве только тот, кто стяжал великое благочестие, может выдержать все это. На такую войну ты посылаешь меня? И думаешь, что душа моя способна к столь разнородной и разнообразной борьбе? Как и от кого ты узнал это? Если Бог открыл, покажи Его определение, и я повинуюсь; если же не можешь этого сделать и произносишь приговор по людской молве, то перестань обманываться. Относительно нашего состояния должно верить более нам самим, нежели другим; потому что "кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем" (1 Кор. 2:11). Если не прежде, то теперь настоящими словами, я думаю, ты убедился, что я, приняв эту власть, подверг бы осмеянию и себя самого и избирателей, и с великим вредом возвратился бы в то состояние жизни, в котором нахожусь теперь. Не зависть только, но что гораздо сильнее и зависти, желание этой власти обыкновенно вооружает многих против того, кто имеет ее. Как корыстолюбивые дети тяготятся старостью родителей, так некоторые и из этих людей, видя чье-нибудь священство продлившимся долгое время и умерщвление такого священника считая делом беззаконным, спешат лишиться его власти, желая все поступить на его место и каждый надеясь, что эта власть достанется ему самому.

15. Хочешь ли, я покажу тебе и другой вид этой борьбы, исполненной тысячи опасностей? Иди и посмотри на народные празднества, где большей частью и положено производить избрание на церковные должности, и ты увидишь, что на священника сыплется так много порицаний, как велико число подчиненных. Все, имеющие право предоставлять эту честь, разделяются тогда на многие части, и в собрании пресвитеров не увидишь согласия их ни между самими собой, ни с епископом, но каждый стоит сам по себе, избирая один одного, другой другого. Причина в том, что не все смотрят на то, на что единственно нужно бы смотреть, на добродетель души; но бывают и другие побуждения к предоставлению этой чести: например, говорят: такой-то должен быть избран, потому что он происходит из знатного рода; другой - потому, что владеет великим богатством и не будет иметь нужды содержаться на счет церковных доходов; третий - потому, что добровольно перешел к нам от противников наших; и стараются предпочесть другим один своего приятеля, другой - родственника, а иной - даже льстеца; но никто не хочет смотреть на способного и сколько-нибудь узнать душевные качества. Я же так далек от того, чтобы упомянутые причины считать достаточными свидетельствами достоинства священников, что даже и того, кто отличался бы великим благочестием, не мало полезным для этой власти, и его не осмелюсь тотчас избрать, если он не окажется имеющим вместе с благочестием и великое благоразумие. Я знаю многих из прошедших всю жизнь свою в затворничестве и изнурявших себя постом, которые, пока пребывали в уединении и пеклись только о себе, были угодны Богу и каждый день более и более преуспевали в этом любомудрии, а когда явились к народу и должны были исправлять невежество людей, тогда одни из них с самого начала оказались неспособными к такому делу, а другие, хотя по нужде и продолжали служение, но, оставив прежнюю строгость жизни, причинили величайший вред самим себе и не принесли никакой пользы другим. Даже если бы кто оставался всю жизнь свою на низшей степени служения и достиг глубокой старости, и того я не возвел бы на высшую степень по уважению к одному только возрасту его. Что будет, если он и в таком возрасте окажется неспособным?

Говорю это теперь, не желая унижить седины или узаконить, чтобы принадлежащие к лику монашествующих вовсе были устраняемы от этого предстоятельства, - ибо случилось, что многие и из числа их прославлялись на этой должности, - но стараюсь доказать, что если ни благочестие само по себе, ни глубокая старость не могут делать владеющего ими достойным священства, то тем менее сделали бы это вышесказанные причины. Некоторые представляют еще другие безрассуднейшие побуждения, так одни избираются в состав клира из опасения, чтобы не предалась на сторону противников, другие - за свою злобу, чтобы они, быв обойдены, не сделали много зол. Что может быть беззаконнее этого, когда люди негодные и исполненные множества пороков получают честь за то, за что надлежало бы наказывать их, и за что не следовало бы позволять им переступать порога церковного, за то самое они возводятся в священническое достоинство? Еще ли мы будем искать, скажи мне, причины гнева Божья, позволяя людям порочным и ничего не заслуживающим губить дела столь святые и страшные? Когда управление делами вверяется или тем, кому они вовсе не свойственны, или тем, силы которых много превышаются ими, тогда церковь становится нисколько не отличной от Еврипа [3] .

Прежде я смеялся над морскими начальниками за то, что при раздаянии почестей они обращают внимание не на добродетель душевную, а на богатство, преклонность лет и покровительство людей; но уже не стал считать это так странным, когда услышал, что такое неразумие проникло и в наши дела. Удивительно ли, что так погрешают люди мирские, ищущие славы от народа, и делающие все для денег, когда и выдающие себя за отрекшихся от всего поступают нисколько не лучше тех и, препираясь о небесном, как бы совещаясь о десятинах земли или о чем другом подобном, берут ничтожных людей и поставляют их над теми делами, для которых Единородный Сын Божий не отрекся унижить славу Свою, соделаться человеком, принять образ раба, претерпеть заплевания и заушения, и умереть по плоти поносной смертью (Филип. 2:7; Матф. 26:67)? И на этом одном они не останавливаются, а прибавляют и другое более безрассудное: не только избирают недостойных, но и отвергают способных. Как будто нужно с обеих сторон разрушать крепость церкви, или как будто недостаточно одной причины к воспламенению гнева Божья, они прибавляют другую, не менее тяжкую. По моему мнению, равно преступно отдавать людей полезных и допускать бесполезных; и это делается для того, чтобы стадо Христово ни в чем не могло находить утешения и отрады. Не достойно ли это тысячи молний и геенны ужаснейшей, нежели та, которая угрожает нам? Однако переносит и терпит такие злые дела "не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был" (Иезек. 33:11). Кто не удивится человеколюбию Его? Кто не изумится милосердию Его? Христиане губят принадлежащее Христу более врагов и неприятелей, а Он, Благий, еще милосердствует и призывает к покаянию. Слава Тебе, Господи, слава Тебе! Какая бездна человеколюбия у Тебя! Какое богатство долготерпения! Те, которые именем Твоим из простых и незнатных сделались почтенными и знатными, обращают эту честь против Почтившего их, дерзают на недоступное дерзновенно, оскорбляют святыню, устраняя и отвергая доблестных для того, чтобы при великом оскудении и с крайней свободой порочные низвращали все по своему произволу. Если желаешь узнать причины и этого зла, то найдешь, что они одинаковы с прежними; потому что корень и, так сказать, мать их одна - зависть; но они имеют не один вид, а различаются между собой. Говорят: этот должен быть отвергнут потому, что молод; другой потому, что не умеет льстить; третий потому, что поссорился с таким-то; четвертый, чтобы такой-то не оскорбился, увидев, что предложенный им отвергнут, а избран этот; пятый потому, что добр и скромн; шестой потому, что слишком страшен для согрешающих; седьмой - по другой подобной причине. Вообще, не затрудняются приводить столько предлогов, сколько захотят; если же не найдут ничего другого, то поставляют на вид и богатство, и то, что не должно возводить в эту честь вдруг, а постепенно и мало-помалу, и другие причины могут найти, какие захотят. Теперь я

желал бы спросить: что должно делать епископу в борьбе с такими ветрами? Как ему устоять против таких волн? Как ему отразить все эти нападения? Если он будет руководствоваться в делах здравым рассудком, то и ему и избранным все становятся врагами и неприятелями, делают все вопреки ему, каждый день производят раздоры и преследуют избранных бесчисленными насмешками, пока не низвергнут их или не возведут своих приверженцев. И бывает подобное тому, как если бы внутри плывущего корабля кормчий имел своими спутниками морских разбойников, которые и ему, и гребцам, и плователям постоянно и ежечасно причиняли бы козни. Если же епископ предпочтет угождение этим людям собственному спасению, приняв тех, кого не следовало, то вместо них будет иметь врагом своим - Бога; что может быть ужаснее этого? И положение его в отношении к ним будет труднее, чем прежде, так как все они, содействуя друг другу, через то самое более усиливаются. Как от сильных ветров, встретившихся с противных сторон, дотоле спокойное море вдруг начинает свирепствовать, вздымает волны и губит плователей, так и церковная тишина, по принятии вредных людей, возмущается и претерпевает много кораблекрушений.

16. Представь же, каким должен быть тот, кому предстоит выдерживать такую бурю и отвращать такие препятствия общему благу? Он должен быть важным и негордым, суровым и благосклонным, властным и общительным, беспристрастным и услужливым, смиренным и не раболепным, строгим и кротким, чтобы он мог удобно противостоять всем препятствиям; он должен с полной властью принимать человека способного, хотя бы все тому противились, а неспособного с такой же властью отвергать, хотя бы все действовали в его пользу, иметь в виду только одно благосостояние церкви и ничего не делать по вражде или из угождения кому-нибудь. Итак, ясно ли для тебя, что я не напрасно отказался от этого служения? Впрочем, я не все еще изъяснил тебе; есть и другое, о чем могу сказать, а ты не потяготись выслушать искреннего друга, желающего оправдаться перед тобой в том, за что укоряешь его; это не только будет полезно тебе для защиты меня перед другими, но, может быть, принесет не малую пользу для самого распоряжения этим делом. Необходимо, чтобы намеревающийся вступить на этот путь жизни, наперед хорошо разведать все, относящееся к этому служению, и потом приступал к нему. Почему? Если не по чему другому, то, по крайней мере, потому, что, хорошо зная все, он не будет приходить в смущение от новости предметов, когда они представляются. Желает ли, чтобы я начал речь с призрения вдовиц, или с попечения о девственницах, или с трудностей судебного дела? Каждое из этих дел сопряжено с различными заботами и еще больше забот - со страхом. И, во-первых, - начнем с того, которое кажется легче других, - призрение вдовиц, по-видимому, представляет пекущимся о них заботу, ограничивающуюся денежными издержками (1 Тим. 5:16); но бывает не так: требуется тщательное исследование и тогда, когда нужно принимать их, так как включение их в список просто и без разбора причиняло множество бед. Они и расстраивали дома, и расторгали браки, и часто были уличаемы в краже, нетрезвости и других подобных поступках. Содержание таких вдовиц на счет церкви навлекает и наказание от Бога, и крайнее осуждение от людей, и самих благодетелей делает менее расположенными к благотворительности. Кто решится когда-нибудь на то, чтобы имущество, которое ему заповедано жертвовать для Христа, тратить на тех, которые поносят имя Христово? Поэтому нужно делать тщательное и строгое исследование, чтобы не только такие вдовицы, но и те, которые в состоянии сами себя пропитывать, не истребляли трапезы беднейших. За этим разбором следует другая не малая забота о том, чтобы жизненные припасы для них притекали обильно, как бы из источников, и никогда не оскудевали. Непроизвольная бедность дурна тем, что бывает ненасытна, взыскательна и неблагодарна. Требуется много благоразумия и много старания, чтобы заграждать им уста, пользующиеся всяким предлогом к осуждению. Народ как скоро увидит кого-нибудь

непристрастного к богатству, тотчас объявляет его способным к распоряжению этим делом. Но я думаю, что для него недостаточно одного этого великодушия, но, хотя оно прежде всего необходимо, так как без этого он будет более губителем, нежели покровителем, и волком, а не пастырем; но вместе с тем нужно ему иметь и другое качество. Это - терпение, причина всех благ для людей; оно приводит и вселяет душу как бы в какую тихую пристань. Вдовицы и по своей бедности и по возрасту и по свойству своего пола позволяют себе некоторую неумеренную дерзость, так сказать; они кричат безвременно, обвиняют напрасно, жалуются на то, за что надлежало бы благодарить, и порицают за то, за что надлежало бы хвалить. Все это предстоятелю надобно переносить мужественно и не раздражаться ни безвременными требованиями, ни безрассудными укоризнами. Этот пол должно щадить в несчастии, а не оскорблять; так как быть безжалостным к их несчастиям и прибавлять к скорби от бедности еще скорбь от обиды было бы крайне жестоко. Посему, один премудрый муж, видя своекорыстие и надменность человеческой природы, и зная свойство бедности, которая способна унижить и доблестнейшую душу и часто располагать к бесстыдному повторению одних и тех же просьб, в наставление, чтобы кто на просьбы бедных не гневался и от раздражения на непрестанную их настойчивость не сделался вместо помощника гонителем, увещевает его быть снисходительным и доступным для нуждающегося: "приклоняй", говорит он, "ухо твое к нищему" без огорчения, "и отвечай ему ласково, с кротостью" (Сирах. 4:8). Оставив человека раздражительного (ибо что можно сказать больному?), он обращается к тому, кто может перенести слабость бедного, и увещевает прежде подаяния ободрять его кротким взором и ласковым словом. Если кто хотя и не берет себе достояния вдовиц, но осыпает их множеством укоризн и оскорбляет их и раздражается против них, тот не только не облегчает их уныния от бедности подаянием, а еще увеличивает ее тяжесть своими порицаниями. Хотя по требованию чрева они и бывают принуждены забывать стыд, однако они сетуют на это принуждение. Таким образом, когда нужда от голода заставляет их просить, и в просьбах пренебрегать стыд, а за бесстыдство они опять подвергаются огорчениям, то на душу их нападает разнообразная и производящая густой мрак сила уныния. Пекущийся о них должен быть столь великодушным, чтобы не только не увеличивать их уныния укоризнами, но по возможности облегчать их состояние утешением. Как тот, что потерпел обиду, при большом изобилии не чувствует пользы от богатства по причине нанесения обиды, так и тот, кто слышал ласковое слово, и принял поданное с утешением, более веселится и радуется, и самый дар бывает вдвое большим от такого способа даяния. Говорю это не от себя, но со слов того, кто и выше предложил увещание. "Сын мой!", говорит он, "при благотворениях не делай упреков, и при всяком даре не оскорбляй словами. Роса не охлаждает ли зноя? так слово — лучше, нежели даяние. Поэтому не выше ли доброго даяния слово? а у человека доброжелательного и то и другое" (Сирах. 18:15-17). Попечитель их должен быть не только кротким и незлобивым, но не менее того и бережливым; в противном случае, имущество бедных подвергается одинаковому ущербу. Так некто, приняв на себя это служение и собрав много золота, хотя не издержал его на себя, но не раздавал и бедным, кроме малой части, а большую часть зарыв в землю, хранил до тех пор, как наставшее тяжелое время предало это имущество в руки врагов. Посему нужна великая предусмотрительность, чтобы ни умножать до чрезмерности, ни доводить до оскудения церковное имущество, но все собранное немедленно раздавать бедным, из добровольных же приношений народа собирать церковные сокровища. Также для принятия странных и врачевания больных сколько, думаешь ты, требуется денежных издержек, сколько старания и благоразумия попечителей? Здесь нужны расходы нисколько не меньшие упомянутых, а часто и большие, и попечитель должен собирать средства с кротостью и благоразумием, чтобы располагать богатых делать свои пожертвования с охотой и без сожаления, дабы, заботясь о призрении немощных, не огорчить душ жертвователей. Усердия же и ревности

здесь нужно оказывать гораздо больше, потому что больные по свойству своему раздражительны и беспечны; и если не прилагать во всем великой попечительности и заботливости, то довольно и малого какого-нибудь опущения, чтобы причинить великое зло больному.

17. При попечении же о девственницах бывает тем более страха, чем это сокровище драгоценнее и чем этот сонм выше других; потому что и в лик этих святых вторглись многие, исполненные множества зол и произвели здесь большое горе. Как не все равно, свободная ли дева согрешит, или ее служанка, так нельзя (в этом отношении сравнивать) девственницу со вдовицей. Для вдовиц празднствовать, ссориться между собой, льстить, забывать стыд, всюду являться и ходить по площади считается безразличным; а девственница обрекла себя на высший подвиг и посвятила себя высшему любомудрию, обещает вести на земле жизнь ангельскую и стремится с этой плотью уподобиться бесплотным силам. Ей не следует излишне и часто отлучаться из дома и не позволяется вести пустые и бесполезные разговоры, а злословий и ласкательств она не должна знать и по названию. Посему она имеет нужду в строжайшем охранении и большей помощи. Враг святости непрестанно и наиболее восстает на девственниц и осаждает своими кознями, готовый поглотить ту, которая ослабеет и падет; также (действуют против нее) и многие злонамеренные люди, и вместе со всеми ими неистовство природы человеческой; вообще она должна выдерживать двоякую борьбу с неприятелями, отвне нападающими, и врагом, внутри ее воюющим. Поэтому попечителю ее предстоит много страха, а еще больше опасности и скорби, если случится что-нибудь нежелательное, чего да не будет! Если дочь для отца – тайная постоянная забота, и попечение о ней отгоняет сон" (Сирах. 42:9), если отец так боится, чтобы дочь его не осталась бесплодной, или не вышла из цветущего возраста, или не была ненавидима мужем, то, что перенесет пекущийся не об этом, но о другом гораздо более важном? Здесь отвращается не муж, но Сам Христос; неплодство подвергается не поношениям только, но оканчивается гибелью души: "всякое дерево", говорит (Господь), "не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь" (Лук. 3:9); и ненавидимой Женихом не достаточно взять разводное письмо и отойти, но за гнев Его она наказывается вечным мучением. Плотской отец имеет много удобств для хранения своей дочери: и мать, и воспитательница, и множество служанок и безопасность жилища способствуют родителю к сбережению девицы. Он не позволяет ей часто выходить на площадь города; и она, когда выходит, не имеет нужды показываться кому-нибудь из встречающихся; и вечерний мрак не менее стен дома скрывает не желающую показываться. Кроме того, никакие причины не заставляют ее являться когда-нибудь перед взорами мужчин; ни забота о домашних потребностях, ни притеснения обижающих, и ни что другое подобное не поставляет ее в необходимость такой встречи, так как обо всем этом печется ее отец. Сама же она имеет только одну заботу о том, чтобы не делать и не говорить ничего непристойного свойственной ей скромности. А здесь отечески пекущемуся многое делает трудным и даже невозможным надзор за девственницей; он не может иметь ее в своем доме, потому что не пристойно и не безопасно такое сожителство. Хотя бы от этого и не происходило для них никакого вреда, и хотя бы они постоянно соблюдали святость неприкосновенной, но они дадут ответ за души, которых подвергли соблазну, не меньший, как если бы они согрешили между собой. Так как сожителство невозможно, то нет способа наблюдать за движениями души и беспорядочные обуздывать, а правильные и стройные поощрять и улучшать; также неудобно наблюдать за выходами ее из дома. Бедность и одиночество ее не позволяют попечителю строго следить за свойственной ей благотворительностью. Так как она принуждена во всем служить сама себе, то, если захочет жить своевольно, может найти много предлогов к отлучкам. Кто стал бы заставлять ее всегда оставаться дома, тому нужно бы устранить и эти предлоги, доставить ей довольство в необходимом и для

услуг приставить к ней служанку; следовало бы удерживать ее и от похорон и панихид. Умеет, подлинно умеет тот хитрый змий и через добрые дела сеять яд свой!

Девственница должна быть ограждена отовсюду и выходить из дома немного раз в продолжение целого года, когда понуждают неотложные и необходимые причины. Если же кто скажет, что нет надобности поручать эти дела епископу, тот пусть знает, что заботы и причины случающегося с каждой из них имеют отношение к нему. А для него гораздо полезнее заведовать всем самому и избавиться от обвинений, которым он необходимо подвергается за погрешности других, нежели отказаться от этого служения и страшиться ответственности за дела других. Притом делающий это сам собой исполняет все с великим удобством; а принужденный делать это с участием мнения других, не столько имеет отдыха вследствие освобождения от собственной деятельности, сколько хлопот и неприятностей от людей недовольных и противящихся его суждениям. Но я не в состоянии исчислить всех забот о девственницах. Даже когда нужно ввести их в список, и тогда немалые затруднения они причиняют тому, на кого возложена эта обязанность. Судебная часть (служения епископа также) сопряжена со множеством неприятностей, большими хлопотами и такими трудностями, каких не переносят и мирские судьи; не легко найти правду; трудно и найденную сохранить неизвращенной. Здесь не только хлопоты и трудности, но бывает и опасность немалая. Некоторые из более слабых, подвергшись суду и не нашедши защиты, отпали от веры. Многие из обиженных, ненавидя обидчиков, ненавидят столько же и тех, которые не оказывают им помощи, не хотят принимать во внимание ни сложности дел, ни трудности обстоятельств, ни ограниченности священнической власти, и ничего другого подобного, но являются неумолимыми судьями, принимая в оправдание только одно - освобождение от угнетающих их бед. А кто не может этого сделать, тот, хотя бы представлял тысячи оправданий, никогда не избежит их осуждения. Упомянув о защите, я открою тебе и другой повод к укоризнам. Если епископ не будет ежедневно посещать домов более городских смотрителей, то отсюда происходят невыразимые неудовольствия; ибо не только больные, но и здоровые желают посещения его, - не по побуждению благочестия, но многие скорее домогаясь себе чести и уважения. Если же случится, что какая-нибудь нужда заставит его, для общего блага церкви, чаще видаться с кем-нибудь из богатейших и сильнейших людей, этим он тотчас навлекает на себя упрек в угодливости и лести. Но что я говорю о защите и посещениях? За один разговор свой он подвергается такому множеству нареканий, что часто, обремененный их тяжестью, падает от уныния: его судят и за взгляд; самые простые действия его многие строго разбирают, примечая и тон голоса, и положение лица, и меру смеха. С таким-то, говорят, он громко смеялся, обращался с веселым лицом и разговаривал возвышенным голосом, а со мной мало и небрежно. И если в многолюдном собрании он обращает глаза во время разговора не во все стороны, то также считают это обидой для себя. Кто же, не имея великого мужества, может так действовать, чтобы или совершенно не подвергаться суждениям столь многих обвинителей, или подвергшись - оправдаться? Нужно или вовсе не иметь обвинителей, или, если это невозможно, опровергать их обвинения; если же и это не удобно - есть, люди находящие удовольствие в том, чтобы обвинять без причины и напрасно, - то нужно мужественно переносить неприятность этих укоризн. Справедливо обвиняемый легко может перенести обвинение; потому что нет обвинителя жесточе совести и оттого, испытав наперед упреки этого жесточайшего обвинителя, мы легко переносим внешние обвинения, как более кроткие. Но если не сознающий за собой ничего худого обвиняется напрасно, то он скоро воспаляется гневом и легко впадает в уныние, если прежде не научился переносить невежество народа. Нет, невозможно, чтобы оклеветанный напрасно и осуждаемый не возмущался и не чувствовал никакой скорби от такой несправедливости. А что сказать о тех скорбях, которые (пастыри) чувствуют тогда, когда должно отлучить кого-нибудь от церковного общества? И о, если бы это бедствие

ограничивалось только скорбью! Но здесь предстоит и не малая беда. Опасно, чтобы наказанный сверх меры не потерпел того, что сказано блаженным Павлом: "дабы он не был поглощен чрезмерною печалью" (2 Кор. 2:7). Посему и здесь требуется величайшая внимательность, чтобы то самое, что делается для пользы, не причинило ему большого вреда; ибо за каждый из тех грехов, которые он совершит после такого врачевания, вместе с ним подлежит наказанию и врач, нехорошо лечивший рану. Каких же наказаний должен ожидать тот, который отдаст отчет не только за грехи, совершенные им самим, но подвергнется крайней опасности и за грехи других? Если мы, помышляя об отчете за собственные прегрешения, трепещем, не надеясь избежать вечного огня; то какое мучительное ожидание должно быть у того, кто будет отвечать за столь многих? А что это справедливо, выслушай блаженного Павла, или лучше говорящего в нем Христа: "повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет" (Евр. 13:17). Разве мал ужас такой угрозы? Нельзя сказать этого. Впрочем, всего этого достаточно для убеждения самых недоверчивых и суровых людей в том, что я не по гордости и честолюбию, но единственно устрашась за себя и представив трудность дела (пастырского), обратился в бегство.

[1] Эгейское море между Грецией и Малой Азией и Тирренское между Италией и Сицилией известны своей бурностью и опасностями для мореплавателей.

[2] Одисс. XII, 39-110.

[3] Еврип - узкий пролив, отделяющий о. Еввею от Виотии и Аттики, в котором, вода, по сказанию греков, прибывает и убывает семь раз в день и семь раз ночью.

О СВЯЩЕНСТВЕ.

СЛОВО ЧЕТВЕРТОЕ.

Возражения Василия, что все сказанное его другом относится к тем, которые сами добиваются священства, а не к тому, кого против воли привлекают к нему. - Опровержение этого возражения. - Примеры Саула, Илии, Аарона и Моисея. - Иуда был призван к апостольству. - Рукополагающие недостойных подлежат одинаковому с ними наказанию. - Необходимо рукополагать с крайней осторожностью. - О церковном служении. - Дар слова, как необходимая принадлежность священника. - Без дара слова не достаточно ни доброго примера, ни даже дара чудотворения. - Слово, как единственное оружие, которым можно отражать врагов Церкви. - Сравнение Церкви с сильной крепостью. - Главные враги, с которыми приходится Церкви иметь дело: иудеи, язычники, манихеи, валентиниане, маркиониты, савеллиане, ариане. - Враги домашние, возбуждатели праздных и неразрешимых вопросов. - Возражения Василия: не презирал ли красноречия ап. Павел? - Нет, он осуждал только легкомысленное искусство риториков своего времени. - Если какой служитель Иисуса Христа мог бы обойтись без дара слова, то именно ап. Павел, обладавший даром чудотворения и несравненной любовью к Господу Иисусу. - Красноречие ап. Павла - простое и сильное, единственно основанное на знании и восторженности. - Похвальный отзыв о его посланиях. - Необходимость для епископа обладать ученостью, чтобы наставлять других. - Он должен быть способен защищать догматы веры.

Василий, выслушав это и немного помедлив, сказал: если бы ты сам старался приобрести эту власть, то страх твой был бы основателен. Кто своим домогательством получить ее

признал себя способным к исполнению этого дела, тому, по получении ее, нельзя прибегать к неопытности для оправдания своих погрешностей. Он заранее сам лишил себя этого оправдания тем, что стремился и похитил это служение и, как добровольно и по собственному желанию приступивший к нему, уже не может сказать: я невольно погрешил в том-то и невольно погубил такого-то. Тот, кто тогда будет судить его за это, скажет ему: "почему же ты, сознавая в себе такую неопытность и не имея достаточно ума для безошибочного исполнения этой обязанности, стремился и осмелился принять на себя дела, превышающие твои силы? Кто принуждал? Кто насильно влек тебя, если ты уклонялся и убегал"? Но ты никогда не услышишь ничего такого; ты и сам не можешь упрекать себя в чем-либо подобном; и всем известно, что ты нисколько не домогался этой чести, но все сделано другими; и то, что лишает других прощения за погрешности, тебе доставляет важное основание к оправданию.

Златоуст. После этого я, покачав головой и немного улыбнувшись, подивился его простодушию и сказал ему: я и сам желал бы, чтобы дело было так, как ты сказал, добрейший из всех, не для того впрочем, чтобы я мог принять то, отчего убежал. Хотя бы мне не предстояло никакого наказания за мое небрежное и неопытное попечение о стаде Христовом, но если бы мне вверены были такие великие дела, для меня тяжелее всякого наказания было бы то, что я оказался столь недостойным перед лицом вверившего их мне. Для чего же я стал бы желать, чтобы мнение твое не было тщетным? Для того разве, чтобы этим жалким и несчастным (так должно назвать тех, которые не умели хорошо управлять этим делом, хотя бы ты тысячекратно говорил, что они были привлечены насильно и грешили по неведению) можно было избежать огня неугасимого, тьмы кромешной, червя неумирающего, рассечения и гибели вместе с лицемерами. Что же сказать тебе? Нет, это не так. И если хочешь, я представлю тебе доказательства верности слов моих, начав с царствования, за которое ответственность перед Богом не такова, какова за священство. Саул, сын Кисов, не по собственному домогательству сделался царем; он пошел искать ослиц и пришел спросить об них пророка, а тот стал говорить ему о царстве; и хотя он слышал об этом от пророка, но не стремился, а отказывался и отрицался, сказав: "кто я есть и какой дом отца моего" (1 Цар. 9:20-21)? И что же? Так как он злоупотреблял данной ему от Бога честью, то мог ли он этими словами своими избавиться от гнева Воцарившего его? Между тем он мог бы сказать обвинявшему его Самуилу: разве я сам стремился к царствованию? Разве я искал этой власти? Я желал вести жизнь частных людей, безмятежную и спокойную, а ты привлек меня к этому достоинству: оставаясь в уничиженном состоянии, я легко мог бы уклониться от преткновенений; находясь в числе простых и незнатных людей, я не был бы послан на такое дело и Бог не поручил бы мне войны с амаликитянами; а без этого поручения я не совершил бы такого греха. Но все это слабо для оправдания и не только слабо, но и опасно и еще более воспаляет гнев Божий. Кто почтен выше своего достоинства, тот не должен представлять в оправдание своих погрешностей величие этой чести, но великое о нем попечение Божье должен обращать в побуждение к большему преуспеянию в добре. Получивший высокое достоинство, и поэтому считающий дозволенным для себя грешить, делает не что иное, как старается представить человеколюбие Божье причиной грехов своих, что говорить всегда свойственно людям нечестивым и беспечно ведущим жизнь свою. Мы же не должны так думать и впадать в одинаковое с ними безумие, но во всем стараться по силам своим исполнять зависящее от нас самих и иметь и язык, и ум благоговейный. И Илий (от царствования мы перейдем теперь к священству, о котором идет у нас речь) также не старался приобрести эту власть. А какую пользу он получил от этого, что согрешил? Но что я говорю: не старался? Он даже не мог, хотя бы и желал, избежать ее по требованию закона, потому что он происходит из колена Левиина и должен был принять эту власть, нисходящую по родовому преемству.

Однако и он потерпел немалое наказание за своеволие детей своих (1 Цар, гл. 4). Так и бывший первым священником иудейским, о котором так много говорил Бог Моисею, за то, что не мог один противостоять безумию такого множества народа, не был ли почти у самой гибели, если бы предстательство брата не удержало гнева Божия (Исход. 32)? Так как я упомянул о Моисее, то благовременно подтвердить истину моих слов и случившимися с ним событиями. Сам блаженный Моисей так далек был от того, чтобы домогаться начальства над иудеями, что даже отказывался от предлагаемого, не соглашался на повеление Божье и разгневал Повелевавшего (Исход. 4:13). И не только тогда, но и после, уже по принятии власти, он охотно желал умереть, чтобы освободиться от нее: "умерти меня", говорил он, "когда Ты так поступаешь со мною" (Числ. 11:15). И что же? Так как он согрешил при изведении воды (Числ. 20:12), то непрерывные его отказы могли ли защитить его и склонить Бога к дарованию ему прощения? Не за другое ли что-нибудь он был лишен обетованной земли? Не за другое что, как известно всех нам, а именно за этот грех такой дивный муж не мог достигнуть того, чего достигли подвластные ему, но после многих подвигов и изнурений, после такого необычайного странствования, после сражений и побед, умер вне той земли, для которой подъял столько трудов и, претерпев бедствия мореплавания, не наслаждался благами пристани. Видишь, что не только похищающие (священство), но и те, которые получают его по старанию других, не могут ничем оправдываться в своих проступках. Если те, которые многократно отказывались, когда Сам Бог избирал их, подверглись такому наказанию, и ничто не могло избавить от этой опасности ни Аарона, ни Илию, ни того блаженного мужа, святого, пророка, дивного, "кротчайшего из всех людей на земле" (Числ. 12:3), который беседовал с Богом как друг (Исх. 33:11), то нам, которые столь далеки от его совершенства, едва ли послужит к достаточному оправданию наше сознание, что мы нисколько не искали себе этой власти, особенно когда многие из этих избраний бывают не по божественной благодати, но по старанию людей. Бог избрал Иуду, и включил его в святой лик учеников Христовых и даровал ему вместе с прочими апостольское достоинство и даже предоставил ему нечто большее перед другими - распоряжение деньгами. И что же? Когда он и тем и другим злоупотребил, - Того, Кого должен был проповедовать, предал, и из того, чем поручено ему распоряжаться ко благу, сделал худое употребление, то избежал ли наказания? Этим самым он еще увеличил для себя наказание, и весьма справедливо, потому что даруемые Богом преимущества должно употреблять не на оскорбление Бога, но на большее Ему угождение. Тот, кто думает избежать заслуженного им наказания за то, что получил большие перед другими почести, поступает подобно тому, как если бы кто из неверующих иудеев, услышав слова Христовы: "если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха"; также: "если бы Я не сотворил между ними дел, каких никто другой не делал, то не имели бы греха" (Иоан. 15:22-24), стал обвинять Спасителя и Благодетеля, и говорить: для чего же Ты пришел и глаголал? Для чего творил знамения? Для того ли, чтобы больше наказать нас? Но это - слова неистовства и крайнего безумия. Врач пришел не для того, чтобы судить тебя, но для того, чтобы врачевать, не для того, чтобы презреть тебя болящего, но чтобы совершенно освободить тебя от болезни, а ты добровольно уклонился от рук его; за это прими жесточайшее наказание. Если бы ты принял врачевание, то очистился бы от прежних болезней, а так как ты, видя пришедшего врача, убежал от него, то уже не можешь очиститься от них; если же не можешь, то будешь наказан за них и вместе за то, что попечение его о тебе сделал тщетным, сколько это от тебя зависело. Поэтому мы не одинаковому подвергаемся истязанию до принятия или после принятия почестей от Бога, но в последнем случае гораздо строжайшему. Кого не исправляют благодеяния, тот достоин большего наказания. Итак, если это оправдание слабо, как доказано нами, и если оно не только не спасает прибегающих к нему, но еще большей подвергает опасности, то нам надобно искать другой защиты.

Василий сказал: Какой же? Я теперь даже сам себя не чувствую: в такой страх и ужас ты привел меня этими словами.

Златоуст. Нет, - сказал я, - прошу и умоляю, не предавайся такому страху. Есть, есть защита: для нас немощных - никогда не вступать (в эту должность), а для вас крепких - по получении благодати Божьей полагать надежды спасения не в другом чем, а в том, чтобы не делать ничего недостойного этого дара и Бога, его давшего. Величайшее наказание заслужат те, которые, достигнув этой власти собственными усилиями, будут худо исполнять это служение или по нерадению, или по нечестию, или по неопытности. Но за это не будет прощения и тем, которые не домогались власти; и они не имеют никакого оправдания. По моему мнению, хотя бы тысячи людей призывали и принуждали, должно не на них смотреть, но наперед испытывать свою душу и исследовать все тщательно, и потом уступать принуждающим. Если построить дом не обещается никто из незнающих строительного искусства, и к лечению больных телом не приступит никто из незнающих врачебного искусства, и хотя бы многие насильно влекли их, они откажутся и не будут стыдиться своего незнания, то неужели тот, кому имеет быть вверено попечение о столь многих душах, не испытает наперед самого себя, но, хотя бы он был неопытнейшим из всех, примет это служение потому, что такой-то приказывает, такой-то принуждает и чтобы не огорчить такого-то? Не ввергает ли он себя вместе с ними в явную беду? Тогда как ему можно было спасти самого себя, он губит с собой и других. Откуда же можно ожидать спасения? Откуда получить прощение? Кто будет защищать нас тогда (на будущем суде)? Может быть те, которые теперь принуждают и влекут силой? Но кто спасет их самих в то время? Они сами будут нуждаться в других, чтобы избежать огня. А что я теперь говорю это не с тем, чтобы утратить тебя, но чтобы показать истинное положение дела, послушай, что говорит блаженный Павел ученику своему Тимофею, истинному и возлюбленному сыну: "рук ни на кого не возлагай поспешно, и не делайся участником в чужих грехах" (1 Тим. 5:22). Видишь ли, от какого не только осуждения, но и наказания я со своей стороны избавил тех, которые намеревались возвести меня в это достоинство?

2. Как для избранных не довольно сказать в свое оправдание: я не сам вызвался, я не предвидел и потому не уклонился; так и избирающим нисколько не может помочь то, если они скажут, что не знали избранного: но поэтому самому вина и становится большей, что они приняли того, кого не знали, и кажущееся оправдание служит к увеличению осуждения. Если желающие купить невольника показывают его врачам и требуют поручителя за продаваемого, и расспрашивают соседей и после всего этого не решаются купить, но требуют еще долгого времени для испытания, то не безрассудно ли, что намеревающиеся назначить кого-нибудь на такое служение свидетельствуют и присуждают просто и как случится, как покажется кому-нибудь, в угождение, или по вражде к другим, не делая никакого другого испытания? Кто будет защищать нас тогда, когда и те, которые должны бы защищать, сами будут нуждаться в защитниках? Итак, и намеревающийся избрать должен делать большое испытание, а еще гораздо больше - избираемый. Хотя избиратели вместе с ним подвергаются наказанию за его погрешности, однако и он, не освобождаясь от наказания, даже подвергается еще большему, если только избиратели по какому-либо человеческому побуждению не поступили вопреки требованию справедливости. Если же они будут обличены в том, что по какому-нибудь предлогу заведомо приняли недостойного, то они подвергнутся равному с ним наказанию, избравшие неспособного - может быть и большему. Кто вручит власть человеку вредному для церкви, тот будет виновен в дерзких его поступках. Если же он ни в чем таком не будет виновен, но скажет, что он обманут мнением народа, и тогда он не

останется без наказания, а только будет наказан немного менее избранного. Почему? Потому, что избиратели действительно могут сделать это, обманувшись ложным мнением; а избранный никак не может сказать, что не знал самого себя, как не знали его другие. Посему, чем он тяжелее принявших его имеет быть наказан, тем строже их должен испытывать самого себя; и если бы они по неведению стали привлекать его, он должен придти и точно объяснить причины, которыми остановил бы обманутых и, объявив себя недостойным испытания, избежал тяжести столь великих дел. Почему тогда, когда идет совещание о деле воинском, о торговле, о земледелии и других житейских занятиях, ни земледелец не решится плыть по морю, ни воин обрабатывать землю, ни кормчий сделаться воином, хотя бы кто угрожал им тысячью смертей? Очевидно потому, что каждый из них предвидит опасность от своей неопытности. Если же там, где ущерб маловажен, мы действуем с такой осмотрительностью и противимся требованию принуждающих, то здесь, где за предоставление священства несведущим предстоит вечное мучение, как мы без рассуждения и без разбора будем подвергать себя такой опасности, ссылаясь на насилие других? Но, имеющий судить нас тогда не примет такого оправдания. Следовало бы соблюдать осторожность в делах духовных гораздо более, чем плотских; а теперь мы оказываемся не соблюдающими и одинаковой осторожности. Скажи мне: если бы мы, считая какого-нибудь человека знающим строительное искусство, тогда как он в самом деле не знает его, пригласили бы на эту работу, и он согласился бы и потом, взяв приготовленный для строения материал, растратил бы и дерева и камни, и построил такой дом, который тотчас разрушился бы, неужели достаточно было бы к оправданию его то, что он не сам вызвался строить, а другие принудили его? Нет; и весьма основательно и справедливо. Ему следовало отказаться, когда и другие приглашали его. Если же растратившему дерева и камни не будет никакой возможности избежать наказания, то погубляющий души и назидаящий их беспечно как может думать, что принуждение от других поможет ему избежать наказания? Не крайне ли это безрассудно? Я еще не прибавляю того, что никто не может принудить кого-нибудь против воли. Но положим, что кто-нибудь подвергся тысячи насилий и многообразным хитростям, так что принужден будет уступить, и это избавит ли его от наказания? Нет. Увещаю, не будем столько обольщать себя, и притворяться незнающими того, что ясно и для малолетних детей, тем более, что, при отчете в делах такое притворное незнание не может принести нам пользы. Ты сам не домогался приобрести эту власть, сознавая свою немощь? Хорошо и честно. С таким же сознанием следовало отказаться и тогда, когда другие приглашали. Или тогда, когда никто не приглашал, ты был немощен и неспособен; а как скоро нашлись люди, вознамерившиеся предоставить тебе эту честь, ты вдруг сделался сильным? Это смешно, и лживо, и достойно крайнего наказания. Посему и Господь увещевает желающего построить башню не полагать основания прежде, нежели он сообразит свою состоятельность, чтобы не подать присутствующим тысячи поводов к осмеянию его (Лук. 14:28-29). Но для него беда ограничивается смехом, а здесь наказанием будет огонь неугасимый, червь неумирающий, скрежет зубов, тьма кромешная, рассечение и погибель вместе с лицемерами (Иса. 26:24. Матф. 25:30). Обвинители же мои не хотят знать ничего этого; иначе они перестали бы укорять того, кто не хочет погибнуть напрасно. Настоящее наше рассуждение касается не распоряжения пшеницей или житом, волами и овцами, или чем-либо другим подобным, но самого тела Христова. Ибо церковь Христова, по словам блаженного Павла, есть тело Христово (Кол. 1:18); и тот, кому оно вверено, должен содержать его в великом благосостоянии и превосходной красоте, всюду наблюдать, чтобы какая-нибудь "не имеющая пятна, или порока, или чего-либо подобного" пятна не повредила ее доброты и благолепия (Ефес. 5:27). Не должен ли он представлять это тело достойным нетленной и блаженной его Главы по мере сил человеческих? Если заботящиеся о благосостоянии ратоборцев имеют нужду и во врачах, и руководителях, и строгом образе жизни, и непрестанном

упражнении и множестве других предосторожностей (ибо и какая-нибудь малость, оставленная у них без внимания, разрушает и ниспровергает все); то принявшие на себя попечение об этом теле, ведущем борьбу не с телами, но с невидимыми силами, как могут сохранить его невредимым, и здоровым, если не будут иметь добродетель, гораздо более человеческой и знать всякое врачество, полезное для души?

3. Или ты не знаешь, что это тело (церкви) подвержено большим болезням и напастям, нежели плоть наша; скорее ее повреждается и медленнее выздоравливает? Врачами телесными изобретены разные лекарства и разнообразные орудия, и роды пищи, приспособленные к больным; часто одно свойство воздуха было достаточно для выздоровления больных; даже иногда благовременный сон освобождал врача от всякого труда. А здесь ничего такого придумать нельзя; но после примера дел предоставлен один вид и способ врачевания - учение "словом". Вот орудие, вот пища, вот превосходное растворение воздуха! Это вместо лекарства, это вместо огня, это вместо железа; нужно ли прижечь или отсечь, необходимо употребить слово; если оно нисколько не подействует, то все прочее напрасно. Им мы восстанавливаем падшую и укрощаем волнуемую душу, отсекаем излишнее, восполняем недостающее и совершаем все прочее, что служит у нас к здравью души. Наилучшему устройению жизни может содействовать жизнь другого, располагая к соревнованию; но когда душа страдает болезнью, состоящей в "неправых догматах", тогда весьма полезно слово, не только для ограждения своих, но и для борьбы с посторонними. Если бы кто имел меч духовный и щит веры такой, что мог бы совершать чудеса и посредством чудес заграждать уста бесстыдным, тот не имел бы нужды в помощи слова; или лучше, оно по свойству своему и тогда было бы не бесполезно, но даже весьма необходимо. Так и блаженный Павел действовал словом, хотя повсюду славился знамениями. И другой из лика апостольского увещевает заботиться о силе слова: "готовы" будьте, говорит он, "всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании" (1 Петр. 3:15). И все они тогда не по другой какой-либо причине предоставили Стефану и его сотрудникам попечение о вдовицах, но для того, чтобы сами беспрепятственно могли заниматься "служением слова" (Деян. 6:4). Если бы мы имели силу знамений, то не стали бы так много заботиться о слове; но если не осталось и следа той силы, а между тем со всех сторон и непрестанно наступают неприятели, то уже необходимо нам ограждаться словом, чтобы нам не поражаться стрелами врагов, и чтобы лучше нам поражать их.

4. Посему должно тщательно стараться, "Слово Христово да вселяется в вас обильно" (Кол. 3:16). Мы готовимся не к одному роду борьбы; но эта война разнообразна и производится различными врагами. Не все они действуют одним и тем же оружием и стараются нападать на нас не одинаковым образом. Поэтому кто намеревается вести войну со всеми, тот должен знать способы действия всех их, быть и стрельцом и пращником, предводителем полка и начальником отряда, воином и военачальником, пешим и всадником, сражающимся на море и под стенами. В военных сражениях, какое кому назначено дело, так он и отражает наступающим врагов, а здесь этого нет; если намеревающийся побеждать не будет сведущ во всех частях этого искусства, то дьявол и через одну какую-нибудь часть, если она останется в пренебрежении, сумеет провести своих грабителей и расхитить овец; но он не будет (так смел), когда увидит пастыря выступающего с полным знанием и хорошо сведущего во всех его кознях. Итак, нужно хорошо ограждаться во всех частях. Пока город огражден со всех сторон, до тех пор, находясь в совершенной безопасности, он смеется над осаждающими его; но если кто разрушит стену его, хотя только в меру ворот, то для него уже нет пользы от окружности стены, хотя бы прочие части ее оставались твердыми. Так и город Божий, когда его отовсюду ограждает вместо стены прозорливость и благоразумие пастыря, все покушения врагов обращает к их стыду и посмеянию, а живущие внутри города остаются

невредимыми; если же кто успеет разрушить какую-нибудь часть его, хотя всего и не разрушит, то от этой части, так сказать, зарождается и все прочее. Что пользы, если он хорошо борется с язычниками, а его опустошают иудеи? Или он преодолевает тех и других, а его расхищают манихеи? Или после победы над этими - распространяющие учение о судьбе станут убивать овец, находящихся внутри его? Но для чего исчислять все дьявольские ереси? Если пастырь не умеет хорошо отражать все эти ереси, то волк может и посредством одной пожрать множество овец. В воинском деле от противостоящих и сражающихся воинов всегда должно ожидать и победы и поражения; а здесь совершенно иначе. Часто битва с одними доставляет победу таким врагам, которые вначале не ополчались и нисколько не трудились, а оставались спокойно сидящими; и не имеющий в этих делах большой опытности, поразив себя собственным мечем, делается смешным и для друзей и для врагов. Например (я постараюсь объяснить тебе сказанное примером), последователи лжеучения Валентина и Маркиона, и одержимые одинаковыми с ними болезнями, исключают из числа книг Божественного Писания закон, данный Богом Моисею; иудеи же так почитают его, что и теперь, когда уже время не позволяет, стараются вполне соблюдать его вопреки воле Божьей. А церковь Божья, избегая крайностей тех и других, идет средним путем, - и не соглашается подчиняться игу закона, и не допускает хулить его, но хвалит его и по прекращении его за то, что он был полезен в свое время. Поэтому тот, кто намеревается бороться с теми и другими, должен соблюдать это равновесие. Если он, желая научить иудеев, что они не благовременно держатся древнего законодательства, начнет без пощады порицать его, то подаст немалый повод желающим из еретиков хулить его; а если, стараясь заградить уста этим еретикам, станет неумеренно превозносить закон и выхвалять его, как необходимый в настоящее время, то откроет уста иудеям. Также, одержимые неистовством Савеллия и беснованием Ария, те и другие по неумеренности отпали от здоровой веры; и хотя те и другие удерживают имя христиан, но если кто исследует учение их, тот найдет, что одни нисколько не лучше иудеев и разве только различаются названиями, а учение других имеет большое сходство с ересью Павла Самосатского, но что и те и другие далеки от истины [1]. Здесь предстоит большая опасность, узкий и тесный путь, окруженный с обеих сторон утесами, и немалый страх, чтобы кто-нибудь, намереваясь поразить одного, не был ранен другим. Так, если кто скажет, что Божество едино, то Савеллий тотчас обратит это слово в пользу своего безумного учения; если же покажет различие, называя одного Отцом, другого Сыном, третьего Духом Святым, то выступит Арий и станет относить разность лиц к различию в существе. Между тем должно отвращаться и убегать как нечестивого смещения Савеллиева, так и безумного разделения Ариево, и исповедовать единое Божество Отца и Сына и Святого Духа, но притом в трех Лицах; таким образом, мы можем заградить вход тому и другому. Можно бы привести тебе и многие другие затруднения, с которыми если кто не будет бороться мужественно и тщательно, тот сам останется со множеством ран.

5. А что сказать о распрях своих ближних? Они не меньше внешних нападений, но еще более представляют труда для наставника. Одни из любопытства тщетно и напрасно хотят исследовать такие предметы, которые и знать было бы бесполезно и познать невозможно; другие требуют от Бога отчета в судьбах Его, и усиливаются измерить эту великую бездну; ибо "судьбы Твои", говорится в Писании, "бездна великая" (Псал. 35:7). Пекущихся о вере и жизни найдется немного; а гораздо более таких, которые исследуют и изыскивают то, чего найти невозможно, и изыскание чего оскорбляет Бога. Когда мы усиливаемся познать то, чего Бог не хотел открыть нам, то мы и не узнаем этого (ибо как можно узнать, если это не угодно Богу?) и за любопытство свое только подвергнемся опасности. Между тем, и при таком положении дела, кто с властью станет заграждать уста исследующим недоступные предметы, тот навлечет на себя упрек в гордости и невежестве. Поэтому и здесь предстоятелю нужно действовать с великим благоразумием,

чтобы и отклонять других от нелепых вопросов, и самому избежать сказанных обвинений. Для всего этого не дано ничего другого, кроме одной только помощи слова, и если кто не имеет этой силы, то души подчиненных ему людей постоянно будут находиться в состоянии нисколько не лучше обуреваемых кораблей; я говорю о людях слабейших и любопытнейших. Посему священник должен употреблять все меры, чтобы приобрести эту силу.

Василий сказал: почему же Павел не старался приобрести эту силу, и даже не стыдится скудости своего слова, но прямо признает себя "невеждой", и притом в послании к коринфянам, которые славились красноречием и весьма хвалились им (2 Кор. 11:6)?

6. Златоуст. От этого самого, - сказал я, - многие и погибли и сделались менее ревностными к истинному учению. Так как они не могли в точности постигнуть глубину мыслей апостола и уразуметь смысл слов его, то и проводили все время в дремоте и сонливости, хваля невежество, не то, которое приписывал себе Павел, но от которого он так был далек, как ни один человек, живущий под небом. Впрочем, оставим этот предмет до другого времени, а теперь я скажу следующее: положим, что Павел был невеждой в том смысле, какого они желают; как это относится к нынешним людям? Он имел силу, гораздо высшую слова и способную совершать гораздо большие действия; при одном появлении своем и при молчании он был страшен для демонов; а нынешние все, собравшись вместе, с бесчисленными молитвами и слезами своими не могли бы сделать того, что некогда могли совершать полотенца Павловы (Деян. 19:12). Павел молитвой воскрешал мертвых и совершал другие чудеса такие, что язычники принимали его за Бога (Деян. 14:11); и еще прежде переселения из здешней жизни он удостоился быть восхищенным до третьего неба и слышать такие слова, которых не может слышать человеческая природа (2 Кор. 2:2-4). А нынешние люди (впрочем, я не намерен говорить ничего неприятного и тяжелого, и это теперь говорю, не укоряя их, но изумляясь) как не страшатся сравнивать себя с таким мужем? Если мы, оставив чудеса, перейдем к жизни этого блаженного и посмотрим на ангельскую его деятельность, то увидим и в ней еще более чем в знамениях, превосходство этого ратоборца Христова. Кто может изобразить его ревность, кротость, постоянные опасности, непрерывные заботы, непрестанные беспокойства о церквях, сострадание к немощным, многие скорби, многократные гонения, каждодневные смерти (2 Кор. 12:24-28. 1 Кор. 9:22)? Какое место во вселенной, какая земля, какое море не знают подвигов этого праведника? Его знала и пустыня, часто принимавшая его во время его опасностей. Он претерпел все роды козней и одержал всякого рода победы; никогда не переставал и подвизаться и получать венцы. Впрочем, я не знаю, как я увлекся до того, что стал оскорблять этого мужа; доблести его превышают всякое слово, а мое - столько, сколько превышают меня искуснейшие в красноречии. Но, не смотря на это (блаженный будет судить меня не за выполнение дела, а за намерение), я не перестану, пока не скажу того, что выше сказанного столько, сколько он выше всех людей. Что же это такое? После таких подвигов, после бесчисленных венцов он желал низойти в геенну и быть преданным вечному мучению для того, чтобы иудеи, которые часто бросали в него камни и готовы были убить его, спаслись и обратились к Христу (Римл. 9:3). Кто так любил Христа, если можно назвать это любовью, а не чем-либо другим высшим любви? Еще ли мы будем сравнивать себя с ним, после такой благодати, какую он получил свыше, и после таких добродетелей, какие он оказал со своей стороны? Может ли быть что-нибудь дерзновеннее этого? А что при всем том он не был невеждой, как те называют его, теперь и то постараюсь доказать. Они называют невеждою не только того, кто не упражнялся в искусстве светского красноречия, но и того, кто не умеет защищать истинного учения; и справедливо так рассуждают. Но Павел назвал себя невеждою не в том и другом, а только в одном; и в подтверждение этого он сделал точное разграничение, сказав, что он "невежда в слове, но не в познании" (2 Кор. 11:6). Если бы я

требовал (от пастыря церкви) изящества речи Исократа, силы Демосфена, важности Фукидида и высоты Платона, то следовало бы указать на это свидетельство Павла [2]; но теперь я оставляю все это и изысканные внешние украшения, и не думаю ни о выражениях, ни о произношении речи. Пусть кто-нибудь будет скуден в словах и состав речи его прост и неискусен, только пусть он не будет невеждой в познании и верном разумении догматов, и, для прикрытия своего нерадения, не отнимает у этого блаженного мужа величайшего из его достоинств и главной из его заслуг.

7. Как он, скажи мне, приводил в замешательство иудеев, живущих в Дамаске, когда еще и не начинал совершать знамений? Как преодолел еллинистов? Почему был препровожден в Тарс? Не потому ли, что сильно побеждал словом и до того довел их, что они, не вытерпев поражения, раздражились и решились убить его (Деян. гл. 9)? Тогда он еще не начинал творить чудес; и никто не может сказать, что народ удивлялся ему по молве об его чудотворениях и что боровшиеся с ним уступали по причине такого мнения об этом муже; доселе он побеждал только словом своим. А как он боролся и состязался с теми, которые в Антиохии намеревались жить по-иудейски (Гал. гл. 2)? И член ареопага, житель суевернейшего города, не от одной ли проповеди его сделался его последователем вместе с женой (Деян. 17:34)? И от чего Евтих упал с окна? Не от того ли, что до глубокой ночи занят был слушанием поучения Павлова (Деян. 20:9)? А что в Солуне и в Коринфе? Что в Ефесе и в самом Риме? Не целые ли дни и ночи кряду он проводил в изъяснении писаний? Что сказать о состязаниях с эпикурейцами и стоиками (Деян. 17:18)? Если бы мы захотели исчислять все, то речь наша была бы слишком обширна. Итак, если оказывается, что и прежде знамений и при них Павел часто действовал словом, то, как еще осмелятся называть невеждой того, кому за беседу и проповедь в особенности все удивлялись? Почему ликаонцы приняли его за Меркурия? Что их (Павла и Варнаву) приняли за богов, причиной тому были чудеса; а что Павла приняли за Меркурия, причиной тому уже не чудеса, а слово (Деян. 14:12). Чем этот блаженный превзошел прочих апостолов? Почему по всей вселенной имя его наиболее обращается в устах всех? Почему он прославляется более всех не только у нас, но и у иудеев и язычников? Не за достоинство ли своих посланий, которыми он принес пользу не только тогдашним верным, но и жившим с того времени до ныне, будет приносить пользу имеющим существовать до последнего пришествия Христова и не перестанет делать это, пока продолжится род человеческий? Его писания ограждают церкви во всей вселенной подобно стене, построенной из адаманта. Он и ныне стоит посреди, как мужественнейший ратоборец, "ниспровергаем замыслы и всякое превозношение, восстающее против познания Божия, и пленяем всякое помышление в послушание Христу" (2 Кор. 10:4-5). Все это он производит оставленными нам посланиями своими, удивительными и исполненными божественной мудрости. Его писания полезны нам не только для ниспровержения ложных учений и защиты истинного, но весьма не мало служат и к преуспеянию в благочестивой жизни. Предстоятели церкви, пользуясь ими, еще и ныне устраивают, совершенствуют и доводят до духовной красоты чистую деву, которую он обручил Христу (2 Кор. 11:2). Ими они отражают приключающиеся ей болезни и охраняют присущее ей здравие. Такие врачества оставил нам этот "невежда", имеющие такую силу, которую хорошо знают часто пользующиеся ими на самом деле. Отсюда видно, что Павел оказал великую ревность в этом деле.

8. Послушай еще, что он говорит в послании к ученику: "занимайся чтением, наставлением, учением". Потом говорит и о плодах этого: "так поступая, и себя спасешь и слушающих тебя" (1 Тим. 4:13,16). И еще: "рабу же Господа не должно ссориться, но быть приветливым ко всем, учительным, незлобивым". И далее говорит: "а ты пребывай в том, чему научен и что тебе вверено, зная, кем ты научен. Притом же ты из детства знаешь

священные писания, которые могут умудрить тебя во спасение". И еще: "все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности" (2 Тим. 2:24; 3:14-16). Послушай, что он пишет к Титу, беседуя о постановлении епископов: "ибо епископ должен быть", говорит, "держась истинного слова, согласного с учением, чтобы он был силен и противящихся обличать" (Тит. 1:7,9). Как же кто-нибудь, оставаясь невеждой, как те говорят, может обличать противящихся и заграждать им уста? И какая нужда заниматься чтением и писаниями, если должно оставаться в таком невежестве? Все это вымыслы и предлоги и прикрытие беспечности и лени. Но это, скажут, предписывается священникам; ибо у нас теперь идет речь о священниках. Что это относится и к находящимся под их властью, о том послушай, как он еще в другом послании увещевает других: "Слово Христово да вселяется в вас обильно, со всякою премудростью"; и еще: "слово ваше [да будет] всегда с благодатию, приправлено солью, дабы вы знали, как отвечать каждому" (Колос. 3:16; 4:6). И слова: "готовы" будьте "к ответу", сказаны всем (1 Петр. 3:15). И в послании к Фессалоникийцам (Павел) говорит: "назидайте один другого, как вы и делаете" (1 Фессалон. 5:11). А когда он беседует о священниках, то говорит: "достойно начальствующим пресвитерам должно оказывать сугубую честь, особенно тем, которые трудятся в слове и учении" (1 Тим. 5:17). Это - совершеннейший способ учения, когда и делами и словами приводят поучаемых к той блаженной жизни, которую предписал Христос; ибо одних дел недостаточно для научения. Это не мои слова, а Самого Спасителя: "а кто", говорит Он, "сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном" (Матф. 5:19). Если бы "творить" значило "учить", то напрасно было бы прибавлено второе слово; довольно было бы сказать только: "а кто сотворит"; а теперь разделением того и другого Он показывает, что иное зависит от дел, а иное от слова, и каждая из этих двух частей имеет нужду одна в другой, чтобы здание было совершенно. Слышишь ли, что говорит пресвитерам ефесским избранный сосуд Христов: "посему бодрствуйте, памятуя, что я три года день и ночь непрестанно со слезами учил каждого из вас" (Деян. 20:31)? Какая нужда в слезах или в словесном учении, когда так ярко сияла жизнь апостольская? Жизнь (его) могла много содействовать нам к исполнению заповедей; но не скажу, чтобы и в этом отношении она одна совершила все.

9. Когда возникает спор о догматах и все будут бороться на основании одних и тех же писаний, тогда какую силу может оказать жизнь? Какая польза от многих подвигов, когда кто-нибудь после этих подвигов по великой неопытности своей впадает в ересь, и отделится от тела церкви? Я знаю многих, с которыми это случилось. Какая ему польза от терпения? Никакой; равно как (нет пользы) и от здоровой веры при развращенной жизни. Поэтому тот, кто поставлен учить других, должен был опытнее всех в таких спорах. Хотя бы сам он оставался в безопасности, не потерпев никакого вреда от противников, но множество простых людей, находящихся под его руководством, когда увидит, что вождь их побежден и не может ничего сказать противникам, будет винить в этом поражении не его слабость, а нетвердость самого учения; по неопытности одного много людей подвергнется крайней гибели. Если они и не перейдут совершенно на сторону противников, то принуждены бывают сомневаться в том, в чем были уверены; и к чему приступали с твердой верой, тому уже не могут внимать с такой же твердостью; и поднимается такая буря в душах их от поражения учителя, что бедствие оканчивается кораблекрушением. А какая гибель и какой огонь собирается на несчастную главу его за каждого из этих погибающих, об этом мне нет нужды говорить тебе: все это ты сам хорошо знаешь. Итак, от гордости ли, от тщеславия ли происходит мое нежелание быть виновником гибели столь многих людей, и на самого себя навлечь наказание больше того, какое теперь ожидает меня там? Кто может сказать это? Никто, разве кто хотел бы укорять напрасно и предаваться рассуждениям при чужих несчастиях.

- [1] Валентиниан и Маркион - ересеначальники сект, известных под именами Валентиниан и Маркионитов - II-го века; Савеллий и Павел Самосатский - ересеначальники Савеллиан и Павлиан (Самосаситов) - III-го века; Арий - ересеначальник Ариан - IV-го века по Р. Х.
- [2] Исократ и Демосфен - ораторы, Фукидид историк и Платон философ - аттические писатели, жившие в V и IV веках до Р. Х.

О СВЯЩЕНСТВЕ.

СЛОВО ПЯТОЕ.

Продолжение рассуждения о церковном красноречии. - Беседы, предназначенные для народа, требуют большего труда. - Трудность удовлетворить слушателей, потому что они часто приходят не за тем, чтобы назидаться, но за тем, чтобы судить о проповеднике. - Чтобы с успехом преодолеть эту трудность и овладеть слушателями, необходимы две вещи: пренебрежение к похвалам и сила слова. - Пренебрежение к похвалам не имеет никакого значения без силы слова, и наоборот. - К пренебрежению похвалами нужно прибавить и презрение к зависти. - Недостаточно приобрести дар слова, нужно еще сохранять его трудом и упражнением, потому что красноречие есть дар изучения еще более, чем природы. - Чем выше у проповедника дар слова, тем более он должен трудиться над ним. - Козни великому проповеднику со стороны его завистливых врагов. - Немного людей, которые в состоянии основательно судить о беседах. - Сильный сознанием своего дара, проповедник может становиться выше суждений толпы. - Еще больше уверенности ему может дать стремление к главной цели - благоугодить Богу. - Пренебрежение к похвалам не менее необходимо и тому, кто не обладает даром красноречия.

Довольно сказано мной о том, какую опытность должен иметь наставник в борьбе за истину; кроме этого я хочу сказать о другом предмете, который бывает причиной множества опасностей, или лучше сказать, не он бывает причиной, а те, которые не умеют хорошо пользоваться им; а само это дело может доставить спасение и многие блага, когда им будут заниматься мужи ревностные и способные. Что же это? Великий труд, состоящий в беседах перед народом в общих собраниях. Во-первых, пасомые большей частью не хотят относиться к говорящим, как к наставникам, а поднимаясь выше положения учеников, принимают положение зрителей, присутствующих на мирских зрелищах. Как там народ разделяется, и одни принимают сторону одного, а другие другого: так и здесь разделившись, одни принимают сторону одного, а другие другого, и слушают говорящих, сообразуясь со своим благоприятным или враждебным расположением. И не в этом только состоит трудность, но не меньше того и в другом. Если случится кому из говорящих прибавить к своим словам какую-нибудь часть чужих трудов, то он подвергается большим укоризнам, чем похитители чужого имущества; а часто терпит такое обвинение и тот, кто только подозревается в этом, хотя ни у кого ничего не заимствовал. Но что я говорю о чужих трудах? Часто он не может пользоваться и своими сочинениями. Люди большей частью привыкли слушать не для пользы, а для удовольствия, представляя себя как бы судьями трагиков, или игроков на кифаре; и то искусство слова, которое мы теперь признали излишним, здесь так одобряется, как у софистов, когда они вынуждаются спорить друг с другом.

2. Итак, и здесь нужен человек с душой мужественной, много превосходящей нашу немощь, чтобы он мог отвлекать народ от этого непристойного и бесполезного удовольствия и приучать его к слушанию более полезного так, чтобы народ ему следовал и повиновался, а не он руководился прихотями народа. Но этого нельзя достигнуть иначе, как двумя способами: "презрением похвал и силою слова". Если не будет одного из них, то и остальной по отделении от первого, будет бесполезен. Если презирающий похвалы не преподает учения, "растворенного благодатью и солью" (Кол. 4:6), то он лишается уважения у народа, не получая никакой пользы от своего великодушия; а если исправный по этой части будет прельщаться славой рукоплесканий, то произойдет одинаковый вред и для народа и для него самого, как старающегося по пристрастию к похвалам говорить более для удовольствия, нежели для пользы слушателей. И как тот, кто не имеет пристрастия к похвалам и не умеет говорить, хотя не угождает народу, но не может приносить ему и какой либо значительной пользы от того, что не может ничего сказать; так и увлекающийся страстью к похвалам, хотя может вести беседы назидательные для народа, но вместо них предлагает то, что более услаждает слух, приобретая этим себе шум рукоплесканий.

3. Итак, отличный руководитель должен быть силен в том и другом, чтобы недостаток одного не уничтожил и другого. Когда он, выступив среди народа, станет говорить обличения живущим беспечно, но потом смешается и станет запинаться и по скудости речи принужден будет краснеть, тотчас исчезает вся польза от сказанного. Обличаемые, негодуя на сказанное и не имея другого средства отомстить ему, осыпают его насмешками за его неумение, надеясь этим прикрыть свои недостатки. Посему нужно ему, как бы какому отличному вознице, хорошо владеть обоими этими совершенствами, чтобы можно было надлежащим образом действовать тем и другим. Когда он окажется безукоризненным во всем, тогда, с какой угодно властью, может и наказывать и освобождать всех вверенных его руководству; а без этого трудно приобрести такую власть. Впрочем, великодушные не должны ограничиваться одним только презрением похвал, но и простираются далее, чтобы польза опять не осталась не совершенной.

4. От чего же еще должно воздерживаться? От ненависти и зависти. Полезно ни чрезмерно опасаться и бояться несправедливых обвинений (а предстоятелю неизбежно подвергаться безрассудным укоризнам), ни совершенно пренебрегать ими; но хотя бы они были ложны, хотя бы возводимы были на нас людьми неважными, надобно стараться скорее погашать их. Ничто так не увеличивает славы худой и доброй, как нерассудительный народ; привыкнув и слушать и говорить необдуманно, он повторяет без разбора все приключившееся, нисколько не заботясь об истине. Посему не должно пренебрегать народом, но возникающие худые подозрения тотчас истреблять, убеждая обвинителей, хотя бы они были бессмысленнейшие из всех людей, и не опуская ничего из всего того, что может уничтожить недобрую славу; если же и после того, как мы сделаем со своей стороны все, обвинители не захотят вразумиться, тогда отнестись к ним с презрением. Кто упадет духом от таких неприятностей, тот никогда не будет в состоянии совершить что-нибудь доблестное и достохвальное; уныние и непрестанные беспокойства могут сокрушить силу души и довести до крайнего изнеможения. Священник должен относиться к пасомым так, как бы отец относился к своим малолетним детям; как от этих мы не отвращаемся, когда они оскорбляют, или ударяют, или плачут, и даже, когда они смеются и ласкаются к нам, не очень заботимся об этом, так и священники не должны ни надмеваться похвалами народа, ни огорчаться порицаниями, если они будут неосновательны. Трудно это, блаженный, а может быть, я думаю, и не возможно. Слышать себе похвалы и не радоваться, не знаю, случалось ли когда-нибудь кому-либо из людей: а кто радуется этому, тот конечно и желает получать их; желающий

же получать их непременно будет печалиться и унывать и скучать и досадовать, когда лишается этих похвал. Как богачи, пока богаты, веселятся, а, обеднев, сетуют и, привыкнув к роскоши, не могут переносить жизни бедной, так и пристрастные к похвалам не только тогда, когда их порицают напрасно, но если их и не часто хвалят, терзаются в душе как бы каким голодом, если они привыкли к похвалам или услышат, что другие удостоиваются похвал. Сколько же трудов и сколько огорчений, думаешь ты, предстоит вышедшему на подвиг учения с такой страстью? Невозможно, чтобы море когда-нибудь не волновалось; невозможно, чтобы и душа такого человека оставалась без забот и скорби.

5. Кто владеет великой силой слова (а ее у немногих можно найти), даже и тот не бывает свободен от непрестанных трудов. Так как сила слова не дается природой, но приобретается образованием, то хотя бы кто довел ее до высшего совершенства, и тогда он может потерять ее, если постоянным усердием и упражнением не будет развивать этой силы. Таким образом, образованнейшие должны более трудиться, нежели менее образованные; ибо нерадение тех и других сопровождается не одинаковым ущербом, но у первых он столько важнее, сколько различия между тем, чем владеют те и другие. Последних никто не будет укорять, если они не произносят ничего отличного; а первые, если не всегда будут предлагать беседы, превышающие то мнение, которое все имеют о них, то подвергаются от всех великим укоризнам. Притом последние и за малое могут получать великие похвалы; а первые, если слова их не будут сильно удивлять и поражать, не только не удостоиваются похвал, но и находят многих порицателей. Слушатели сидят и судят о проповеди не по ее содержанию, а по мнению о проповедующих. Потому, кто превосходит всех красноречием, тому более всех нужно усердно трудиться; ему нельзя извиняться тем общим недостатком природы человеческой, что невозможно успевать во всем; но если беседы его не вполне будут соответствовать высокому мнению о нем, то они сопровождаются множеством насмешек и порицаний от народа. Никто сам в себе не рассуждает о том, что приключившееся уныние, беспокойство, забота, а часто и гнев, помрачают чистоту ума и не позволяют произведениям его являться светлыми, и что вообще человеку невозможно всегда быть одинаковым и во всем успевать; но естественно иногда и погрешить и оказаться слабее собственной силы. Ни о чем этом, как я сказал, не хотят подумать, но винят проповедника, судя о нем, как об ангеле. И вообще человек таков, что на заслуги ближнего и многочисленные и великие не обращает внимания; а если откроется какой-нибудь недостаток, - хотя бы незначительный, хотя бы давно случившийся, - тотчас узнает его, немедленно привязывается к нему, и всегда помнит его: и это малое и незначительное часто уменьшает славу многих и великих мужей.

6. Видишь, почтенный, что сильному в слове нужно иметь особенно большую ревность, а вместе с ревностью и такое терпение, в каком нуждаются не все из вышеупомянутых мной. Многие непрестанно беспокоят его напрасно и без причины, и, не имея, в чем обвинять его, враждуют против него за то, что он всеми уважается. Нужно мужественно переносить гнусную их ненависть. Не желая скрывать этой проклятой ненависти, питаемой ими без всякой причины, они злословят и порицают, клеветают тайно и враждуют явно. Если душа при всякой такой неприятности станет беспокоиться и раздражаться, то она не может быть бодрой, изнемогая от печали. И не только сами они мстят ему, но стараются делать это и через других; часто, выбрав кого-нибудь, не умеющего ничего сказать, они превозносят его похвалами и удивляются ему выше его достоинства; одни делают это по безумию, другие и по невежеству и по зависти, чтобы унижить славу достойного, а не для того, чтобы прославить недостойного. Но не только с ними бывает борьба у доблестного мужа, но часто и с невежеством целого народа. Так как невозможно, чтобы весь собравшийся народ состоял из людей образованных, но

иногда большую часть собрания составляют люди простые; прочие же хотя и разумнее этих последних, но в сравнении с людьми, способными судить о красноречии, гораздо более несведущи, чем все другие в сравнении с ними; а найдется едва один или два человека, имеющих такую способность, неизбежно происходит то, что говоривший лучше получает менее рукоплесканий, а иногда остается и без всяких похвал. Нужно вооружаться мужеством против таких несправедливостей, и тех, которые поступают так по невежеству, прощать, а тех, которые делают это по зависти, оплакивать как несчастных и жалких, и быть уверенным, что собственная сила ни от тех, ни от других не умаляется. Так и живописец отличный и превышающий всех в своем искусстве, видя, что люди несведущие в этом искусстве осмеивают картину, написанную им с большой тщательностью, не должен падать духом и считать картину худой, по суду невежд, равно как и считать удивительной и прекрасной действительно худую картину потому только, что ей восхищаются невежды.

7. Отличный художник должен быть сам и судьей своих произведений; хорошими или худыми они должны считаться тогда, когда произведший их ум произнесет о них тот или другой приговор; а о мнении посторонних, неверном и неопытном, никогда и думать не нужно. Так и принявший на себя подвиг учительства должен не внимать похвалам посторонних людей, и не ослабевать своей душой без них; но составляя поучения так, чтобы угодить Богу (ибо это должно быть у него правилом и единственной целью тщательнейшего составления поучений, а не рукоплескания и похвалы), если будет хвалим людьми, пусть не отвергает похвал, если же не получает их от слушателей, пусть не ищет и не сетует; потому что для него достаточное и наилучшее утешение в трудах есть то, если он может сознавать в самом себе, что он составлял и направлял свои поучения на благоугождение Богу.

8. Подлинно, кто предается страсти к безрассудным похвалам, тот не получит никакой пользы ни от многих трудов своих, ни от силы своего слова; потому что душа, не умеющая переносить неразумных осуждений народа, слабеет и теряет охоту к упражнению в слове. Посему больше всего нужно приучаться презирать похвалы; потому что без этого недостаточно одного умения говорить для сохранения в себе этой силы. Даже если кто захочет обратить тщательное внимание на того, у кого недостает этой способности, то найдет, что и он не меньше того имеет нужду в презрении похвал. Не достигая славы от народа, он неизбежно впадет во множество грехов. Так, не имея сил сравняться с отличающимися способностью красноречия, он не удержится от вражды к ним, и зависти, и напрасных порицаний, и многих подобных непристойностей; но решится на все, хотя бы предстояло погубить свою душу, только бы приобрести славу их скудостью своих способностей. Кроме того, он утратил и ревность к этим трудам, так как некоторое расслабление постигнет душу его. Много трудиться, а получать мало похвал - это действительно может изнурить и погрузить в глубокий сон не умеющего презирать похвалы. Так и земледелец, вынужденный трудиться над неплодным полем и возделывать каменистую землю, скоро оставляет труды свои, если не имеет большой склонности к работе и не опасается голода. Если же способные говорить с великой властью, имеют нужду в постоянном упражнении для сохранения этой способности, то несколько не приготовившийся ранее и принужденный думать об этом во время самых подвигов какие встретит трудности, какое беспокойство, какое смущение, чтобы с великим трудом приобрести какой-нибудь малый успех! А если кто-нибудь из поставленных после него и занимающих низшее положение успеет более его прославиться по этой части, тогда нужна душа как бы божественная, чтобы не предаться ненависти и не впасть в уныние. Стоять на высшей степени достоинства и быть превзойденным низшими, и переносить это мужественно, это свойственно

необыкновенной и не моей душе, но как бы адамантовой. Эта неприятность бывает еще сносной, когда превзошедший скромнен и весьма умерен; но если он будет дерзок, и горд, и честолюбив, тогда тому нужно каждый день желать себе смерти; до такой степени горькой для того жизнь сделает он, превозносясь над ним явно, насмехаясь тайно, отнимая от него власть более и более, стремясь заменить его во всем, и во всех этих случаях находя себе важную опору в свободе речи, расположенности к нему народа и приверженности всех пасомых. Разве ты не знаешь, какая ныне развилась в душах христиан любовь к красноречию и что занимающиеся им больше всех уважаются не только у внешних (язычников), но и "своим по вере" (Гал. 6:10)? Кто же может перенести такой стыд, когда во время его беседы все молчат, и тяготятся и ожидают окончания слова как бы какого отдыха от трудов, а другого, хотя и долго говорящего, слушают с долготерпением, досадуют, когда он хочет остановиться, и гневаются, когда он намеревается замолчать? Все это теперь кажется тебе мало важным и не заслуживающим внимания, как не испытанное, но может погасить ревность и ослабить душевную силу, разве кто, отрешившись от всех человеческих страстей, потщится уподобиться бесплотным Силам, не подверженным ни зависти, ни славолюбию, ни другой какой-нибудь подобной слабости. Если найдется такой человек, который может попрасть этого неуловимого, неодолимого и дикого зверя, т. е. народную славу, и отсечь многочисленные его головы, или лучше не допустить этой славы и зародиться в начале, тот будет в состоянии удобно отражать все эти нападения, и остаться спокойным, как бы в тихой пристани; а кто не освободился от нее, тот обременяет свою душу, как бы разнообразной борьбой, постоянным смятением, и унынием и множеством других страстей. Нужно ли исчислить и прочие затруднения, о которых не может и говорить и знать тот, кто не испытал их на самом деле?

О СВЯЩЕНСТВЕ.

СЛОВО ШЕСТОЕ.

Ответственность священника за грехи вверенной ему паствы. - Благоразумие и осторожность, с которыми нужно жить, чтобы предохранить себя от заражения делами мира сего и сохранять красоту души. - Ревность, тщательность и бдительность в отправлении священнослужения. - Священники суть посланники Божии не к одному только городу, но ко всей земле. - Они поставлены, чтобы молиться и ходатайствовать о прощении грехов людей, и не только живых, но и умерших. - Призвав Св. Духа, они благоговейно приносят великую жертву, приближаться к которой должно со страхом и трепетом. - Они носят в своих руках Владыку и Господа всех людей. - Необходимость для них самого тщательного благоразумия, чтобы не оскорбить кого-нибудь из ближних, приспособляться ко всем, не прибегая к хитрости, притворству и лести, но скорее действуя с великим дерзновением и свободой, причем попеременно, смотря по обстоятельствам, можно употреблять суровость или мягкость. - Как ни велики труды монахов и как ни трудна брань, которую они ведут, но во всяком случае служение епископа труднее отшельничества. - Осуществлять добродетель в пустыне легче, чем при исполнении церковных дел, так как эти дела подвергают епископа многим случайностям и легко открывают в нем пороки и недостатки, которые не обнаружили бы в пустыне. - Повторение совета не пренебрегать народной молвой, хотя бы она была ложной. - Нетрудно спастись самому себе. - Священник подлежит более страшному наказанию, чем простые верующие. - Состояние, которое должен переживать человек, когда его хотят

возвести в священный сан. - Нет более страшной брани, как та, которую воздвигает на нас в таких случаях диавол.

Так бывает в здешней жизни, как о том ты слышал; а как мы перенесем имеющее быть тогда, когда должны будем отдать отчет за каждого из вверенных нам? Там наказание не ограничится стыдом, но предстоит вечное мучение. "повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших" (Евр. 13:17); об этом хотя я и прежде говорил, но и теперь не умолчу; страх такой угрозы постоянно потрясает мою душу. Если соблазняющему только одного и притом малейшего "лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской", и если все уязвляющие совесть братьев, согрешают против Самого Христа (Матф.18:6. 1Кор.8:12); то что некогда потерпят и какому подвергнутся наказанию те, которые погубили не одного, двух или трех, но такое множество? Им нельзя оправдываться неопытностью, прибегать к неведению, извиняться необходимостью и принуждением; к такой защите, если бы было позволено, скорее мог бы прибегнуть кто-нибудь из подчиненных для оправдания себя в собственных грехах, чем предстоятели - для оправдания в грехах других людей. Почему? Потому, что поставленный исправлять невежество других и предварять о наступающей борьбе с дьяволом, не может оправдываться неведением и говорить: я не слышал трубы, я не предвидел войны. Он, как говорит Иезекииль, для того и посажен, чтобы трубить для других и предвозвещать об угрожающих бедствиях; почему неминуемо постигнет его наказание, хотя бы погиб только один человек. "Если страж", говорит он, "видел идущий меч и не затрубил в трубу, и народ не был предостережен, - то, когда придет меч и отнимет у кого из них жизнь, сей схвачен будет за грех свой, но кровь его взыщу от руки стража" (Иезек. 33:6). Перестань же вовлекать меня в столь неизбежную ответственность. Мы говорим не о предводительстве войском и не о царствовании (земном), но о деле, требующем ангельских добродетелей.

2. Священник должен иметь душу чище самых лучей солнечных, чтобы никогда не оставлял его без себя Дух Святой, и чтобы он мог сказать: "и уже не я живу, но живет во мне Христос" (Гал. 2:20). Если живущие в пустыне, удалившиеся от города, рынка и тамошнего шума, и всегда находящиеся как бы в пристани и наслаждающиеся тишиной, не решаются полагаться на безопасность своей жизни, но принимают множество и других предосторожностей, ограждая себя со всех сторон, стараясь говорить и делать все с великой осмотрительностью, чтобы они могли с дерзновением и истинной чистотой приступать к Богу, сколько позволяют силы человеческие; то какую, думаешь ты, должен иметь силу и твердость священник, чтобы он мог охранять душу свою от всякой нечистоты и соблюдать неповрежденной духовную красоту? Ему нужна гораздо большая чистота, чем тем, а кому нужна большая чистота, тому более предстоит случаев очерниться, если он постоянным бодрствованием и великим напряжением сил не сделает душу свою неприступной для этого. Благообразие лица, приятность телодвижений, стройность походки, нежность голоса, подкрашивание глаз, расписывание щек, сплетение кудрей, намащение волос, драгоценность одежд, разнообразие золотых вещей, красота драгоценных камней, благоухание масел, и все другое, чем увлекается женский пол, может привести душу в смятение, если она не будет крепко ограждена строгим целомудрием. Впрочем, приходиться в смятение от всего этого несколько неудивительно; а то, что дьявол может поражать и уязвлять души человеческие предметами противоположными этим, возбуждает великое изумление и недоумение. Некоторые, избегнув сетей, впали в другие, весьма отличные от них. Небрежное лицо, неприбранные волосы, грязная одежда, неопрятная наружность, грубое обращение, несвязная речь, нестройная походка, неприятный голос, бедная жизнь, презренный вид, беззащитность и одиночество, это сначала возбуждает жалость в зрителе, а потом доводит до крайней гибели.

3. Многие, избежав первых сетей, состоящих из золотых вещей, мастей, одежд и прочего, о чем я сказал, легко впадали в другие, столь отличные от них, и погибали. Если же и бедность и богатство, и красивый вид и простая наружность, обращение благоприличное и небрежное, и вообще все то, что я исчислил, может возбуждать борьбу в душе зрителя и окружать его напастьми со всех сторон, то как он может успокоиться среди столь многих сетей? Где найдет убежище, не скажу - для того, чтобы не быть увлеченным насильно (от этого избавиться не очень трудно), но чтобы сохранить душу свою от возмущения нечистыми помыслами? Не говорю о почестях - причине бесчисленных зол. Почести, оказываемые женщинами, хотя и ослабляются силой целомудрия, однако часто и низвергают того, кто не научился постоянно бодрствовать против таких козней; а от почестей, оказываемых мужчинами, если кто будет принимать их не с великим равнодушием, тот впадает в две противоположные страсти - рабское угождение и безумное высокомерие, с одной стороны вынуждаясь унижаться перед льстецами своими, а с другой - воздаваемыми от них почестями надмеваясь перед низшими и низвергаясь в пропасть безумия. Об этом уже было сказано мной; а какой отсюда происходит вред, этого никто не может хорошо знать без собственного опыта. И не только этим, но и гораздо большим опасностям неизбежно подвергается обращающийся среди людей. А возлюбивший пустыню свободен от всего этого; если же иногда греховный помысел и представляет ему что-нибудь подобное, то представление бывает слабо и скоро может погаснуть, потому что зрение не доставляет извне пищи для пламени. Монах боится только за себя одного, если же и вынуждается заботиться о других, то о весьма немногих; а хотя бы их было и много, однако число их всегда менее принадлежащих к церквам, и заботы о них гораздо легче для настоятеля, не только по малочисленности их, но и потому, что все они свободны от мирских дел и не имеют надобности печься ни о детях, ни о жене, ни о другом чем-либо подобном. А это делает их весьма послушными настоятелям и позволяет им иметь общее жилище, где погрешности их тщательно могут быть замечаемы и исправляемы; такой постоянный надзор наставников немало способствует к преуспеянию в добродетели.

4. Напротив, большая часть из подведомых священнику стеснена житейскими заботами, которые делают их менее расположенными к делам духовным. Поэтому учитель должен, так сказать, сеять ежедневно, чтобы слово учения, по крайней мере, непрерывностью своей могло укрепиться в слушателях. Чрезмерное богатство, величие власти, беспечность, происходящая от роскоши, и, кроме того, многое другое подавляет посеянные семена; а часто густота этих терний не допускает пасть семенам даже на поверхность почвы. С другой стороны, чрезмерная скорбь, нужды бедности, непрестанные огорчения и другие причины, противоположные вышесказанным, препятствуют заниматься божественными предметами; что же касается до грехов, то и малейшая часть их не может быть известна священнику; как он может знать их, когда большей части людей он и в лице не знает? Такие неудобства сопряжены с обязанностями его в отношении к народу; если же кто рассмотрит обязанности его в отношении к Богу, то найдет, что те обязанности ничтожны: столь большей и тщательнейшей ревности требуют эти последние. Тот, кто молится за весь город, - что я говорю за город? - за всю вселенную, и умоливляет Бога за грехи всех, не только живых, но и умерших, тот каким сам должен быть? Даже дерзновение Моисея и Илии я почитаю недостаточным для такой молитвы. Он так приступает к Богу, как бы ему вверен был весь мир и сам он был отцом всех, прося и умоляя о прекращении повсюду войн и усмирении мятежей, о мире и благоденствии, о скором избавлении от всех тяготеющих над каждым бедствий частных и общественных. Посему он сам должен столько во всем превосходить всех, за кого он молится, сколько предстоятелю следует превосходить

находящихся под его покровительством. А когда он призывает Святого Духа и совершает страшную жертву и часто прикасается к общему всем Владыке; тогда, скажи мне, с кем на ряду мы поставим его? Какой потребуем от него чистоты и какого благочестия? Подумай, какими должны быть руки, совершающие эту службу, каким должен быть язык, произносящий такие слова, кого чище и святее должна быть душа, приемлющая такую благодать Духа? Тогда и ангелы предстоят священнику, и целый сонм небесных сил взывает, и место вокруг жертвенника наполняется ими в честь Возлежащего на нем. В этом достаточно удостоверяют самые действия, совершаемые тогда. Я некогда слышал такой рассказ одного человека: некоторый пресвитер, муж дивный и неоднократно видевший откровения, говорил ему, что он некогда был удостоен такого видения, именно во время службы вдруг увидел, сколько то было ему возможно, множество ангелов, одетых в светлые одежды, окружавших жертвенник и поникших главами, подобно воинам, стоявшим в присутствии царя. И я верю этому. Также некто другой рассказывал мне, не от другого узнавши, но, удостоившись сам видеть и слышать, что готовящихся отойти отсюда, если они причастятся Таин с чистой совестью, при последнем дыхании окружают ангелы и препровождают их отсюда ради принятых ими Таин. А ты не трепещешь, привлекая мою душу к столь священному таинству, и возводя в священническое достоинство одетого в нечистые одежды, какого Христос изгнал из общества прочих собеседников (Матф. 22:13)? Душа священника должна сиять подобно свету, озаряющему вселенную; а мою душу окружает такой мрак от нечистой совести, что она, всегда погруженная во мрак, не может никогда с дерзновением воззреть на своего Владыку. Священники – "соль земли" (Матф. 5:13); а мое неразумие и неопытность во всем может ли кто легко перенести, кроме тебя, привыкшего чрезмерно любить меня? Священник должен быть не только чист так, как удостоившийся столь великого служения, но и весьма благоразумен и опытен во многом, знать все житейское не менее обращающихся в мире, и быть свободным от всего более монахов, живущих в горах. Так как ему нужно обращаться с мужами, имеющими жен, воспитывающими детей, владеющими слугами, окруженными большим богатством, исполняющими общественные дела и облеченными властью, то он должен быть многосторонним; говорю - многосторонним, но не лукавым, не льстецом, не лицемером, но исполненным великой свободы и смелости и, однако, умеющим и уступать с пользой, когда потребует этого положение дел, быть кротким и вместе строгим. Нельзя со всеми подвластными обращаться одинаковым образом, также как врачам нельзя лечить всех больных одним способом, и кормчому - знать одно только средство для борьбы с ветрами. И корабль церкви волнуют постоянные бури; эти бури не только вторгаются извне, но зарождаются и внутри, и требуют от священника великой внимательности и тщательности.

5. Все эти разнообразные действия направляются к одной цели - к славе Божьей, к созиданию церкви. Велик подвиг и велик труд монахов. Но если кто сравнит труды их со священством, хорошо исправляемым, тот найдет между ними такое различие, какое между простолудином и царем. У тех хотя и велик труд, но в подвиге участвуют и душа и тело, или лучше сказать, большая часть его совершается посредством тела; и если оно не будет крепко, то ревность и остается только ревностью, не имея возможности выразиться на деле. Напряженный пост, возлежание на земле, бодрствование, неумовление, тяжелый труд и прочее, способствующее изнурению тела, - все это оставляется, если не крепко тело подлежащее измождению. А здесь - чистая деятельность души, и нет нужды в здоровом теле, чтобы проявить ее добродетель. Содействует ли нам крепость телесная в том, чтобы не быть гордыми, гневливыми, дерзкими, а быть трезвенными, целомудренными, скромными, и иметь все прочие качества, который блаженный Павел исчислил при изображении превосходного священника (1 Тим. 3:2)? Но этого нельзя сказать о добродетели монашествующего. Как представляющим зрелища нужны многие

орудия - колеса, веревки и мечи, - а у философа вся деятельность заключается в душе его, так что он не нуждается ни в чем внешнем; так и здесь. Монахи имеют нужду в благосостоянии телесном и в местах, удобных для жительства, чтобы не быть очень удаленными от общения с людьми, и иметь тишину пустыни, а также не лишаться и благорастворенного воздуха; потому что для изнуряющего себя постами нет ничего вреднее, как неблагоприятность воздуха.

6. Я не стану теперь говорить о том, сколько они принуждены бывают иметь забот о приготовлении одежд и пропитания, стараясь делать все сами для себя. А священник не имеет нужды ни в чем этом для своего употребления, но живет без забот о себе и в общении (с пасомыми) во всем, что не приносит вреда, слагая все познания в сокровищнице своей души. Если же кто станет превозносить уединение внутри самого себя и удаление от общения с народом, то, хотя и сам я назвал бы это знаком терпения, но это не служит достаточным доказательством полного душевного мужества. Управляющий рулем внутри пристани еще не представляет точного доказательства своего искусства; но того, кто среди моря и во время бури мог спасти корабль, никто не может не назвать превосходным кормчим.

7. Итак, мы не должны чрезмерно удивляться тому, что монах, пребывая в уединении с самим собой, не возмущается и не совершает многих и тяжких грехов; он удален от всего, раздражающего и возмущающего душу. Но если посвятивший себя на служение целому народу и обязанный нести грехи многих остается непоколебимым и твердым, в бурное время управляя душой, как бы во время тишины, то он по справедливости достоин рукоплесканий и удивления всех; потому что Он представил ясное доказательство своего мужества. Посему и ты не удивляйся тому, что я, избегая площади и общения с людьми, не имею против себя многих обвинителей; и не следовало удивляться, если я во время сна не грешил, не ратоборствуя не падал, не сражаясь не был ранен. Кто же, скажи, кто станет обличать и открывать мою порочность? Эта кровля и эта келья? Но они не могут говорить. Мать, которая более всех знает мои качества? Но с ней особенно у меня нет ничего общего и никогда у нас не было распри. А если бы это и случилось, то нет никакой матери столь жестокой и нечадолюбивой, которая бы без всякой побудительной причины и без всякого принуждения стала хулить и позорить перед всеми того, кого носила, родила и воспитала. Если бы кто захотел тщательно испытать мою душу, то нашел бы в ней много слабостей, как знаешь и сам ты, привыкший больше всех превозносить меня похвалами перед всеми. Что я говорю это не по скромности, припомни, сколько раз я говорил тебе, - когда у нас бывала речь об этом - что, если бы кто предложил мне на выбор: где я более желал бы заслужить доброе о себе мнение, в предстоятельстве ли церковном, или в жизни монашеской, я тысячекратно избрал бы первое. Я никогда не переставал улаживать перед тобой тех, которые могли хорошо исправлять это служение; и никто не будет спорить, что я не убежал бы от того, что сам улаживал, если бы был способен исполнять это. Но что мне делать? Ничто так не бесполезно для предстоятельства церковного, как эта праздность и беспечность, которую иные называют каким-то дивным подвижничеством; а я нахожу в ней как бы завесу собственной негодности, прикрывая ею множество моих недостатков, и не допуская их обнаружиться. Кто привык находиться в таком бездействии и жить в великом спокойствии, тот хотя бы имел большие способности, от недеятельности тревожится и смущается, и не малую часть собственной силы ослабляет, оставляя ее без упражнения. А если он вместе с тем будет еще слаб умом и неопытен в красноречии и состязаниях - в каком положении я и нахожусь, - то, приняв управление, он нисколько не будет отличаться от каменных (истуканов). Поэтому немногие из этого подвижничества переходят на подвиги священства; и из них большая часть оказываются неспособными, падают духом и

испытывают неприятные и тяжелые последствия. И это нисколько не удивительно; если подвиги и упражнения не одинаковы, то подвизающийся в одних нисколько не отличается от не упражнявшихся в других подвигах. Выходящий на поприще священства в особенности должен презирать славу, преодолевать гнев, быть исполнен великого благоразумия. Но посвятившему себя иноческой жизни не представляется никакого повода к упражнению в этом. При нем нет людей, которые бы раздражали его, чтобы он привык укрощать силу гнева; нет людей, восхваляющих и рукоплещущих, чтобы он научился пренебрегать похвалами народа; не много заботы у них и о благоразумии, потребном в церковных делах. Посему, когда они приступают к подвигам, которых не испытывали, то недоумевают, затрудняются и приходят в замешательство, и, кроме того, что не успевают в добродетели, часто многие теряют и то, с чем пришли.

8. Василий сказал: Что же? Неужели поставлять на управление церковью людей, обращающихся в мире, пекущихся о житейских делах, упражняющихся в распрях и ссорах, исполненных множества несправедливостей и привыкших к роскоши?

Златоуст. Успокойся, блаженный, - сказал я. О таких и думать не должно при избрании священников; но о таких, кто, живя и обращаясь со всеми, мог бы более самих иноков соблюсти целыми и ненарушаемыми чистоту, спокойствие, благочестие, терпение, трезвенность и прочие добрые качества, свойственные монахам. А кто имеет много слабостей, но в одиночестве может скрывать их, и без общения с людьми оставлять их неприложимыми к делу, тот, выступив перед всеми, не достигнет ничего другого, кроме того, что сделается смешным и подвергнется большей опасности; чего едва не потерпел и я, если бы провидение Божье скоро не отклонило этого огня от главы моей. Когда такой человек будет поставлен на виду, то он не может укрыться, но всегда обличается; как огонь испытывает металлические вещества, так и клир испытывает человеческие души и распознает, гневлив ли кто, или малодушен, или честолюбив, или горд, или имеет какой-либо другой порок, открывает и скоро обнаруживает все слабости, и не только обнаруживает, но и делает их тягчайшими и упорнейшими. Как телесные раны, быв растравляемы, делаются неудобоисцелимыми: так и страсти душевные, быв возбуждаемы и раздражаемы, обыкновенно более ожесточаются и принуждают преданных им более грешить; человека невнимательного к себе они склоняют к славолюбию, к надменности и к корыстолюбию, вовлекают в роскошь, расслабление и беспечность и мало-помалу в дальнейшие, рождающиеся от них, пороки. Среди людей много может ослабить ревность души и остановить ее стремление к Богу; и, прежде всего, обращение с женщинами. Нельзя предстоятелю, пасущему все стадо, печься об одной части его - о мужчинах, а другую оставить в пренебрежении, т. е. женщин, которые особенно нуждаются в большей заботливости, по причине удобопреклонности к грехам; но принявший епископство должен заботиться и об их здоровье, если не в большей, то в равной мере; обязан навещать их, когда они больны, утешать, когда скорбят, укорять предающихся беспечности, помогать бедствующим. А при исполнении этого лукавый найдет много путей к нападению, если кто не оградит себя тщательным охранением. Взор не только невоздержанной, но и целомудренной женщины поражает и смущает душу, ласки обольщают, почести поработают, и пламенная любовь - эта причина всех благ - делается причиной бесчисленных зол для тех, которые неправильно пользуются ей. Также и непрестанные заботы притупляют остроту ума и способного возноситься подобно птице делают тяжелее свинца; и гнев, овладевая душой, омрачает всю ее внутренность, подобно дыму. Кто может исчислить прочие вредные действия - обиды, порицания, укоризны от высших и от низших, от разумных и от неразумных?

9. Особенно люди, неспособные к правому суждению, бывают взыскательны и не скоро принимают оправдание. Доброму предстоятелю нельзя презирать и этих людей, но должно отвечать на обвинения всех их с великой кротостью и с готовностью - лучше прощать им неразумные укоризны, нежели досадовать и гневаться. Если блаженный Павел, опасаясь со стороны учеников подозрения в хищении, допустил и других к распоряжению деньгами, - "чтобы нам не подвергнуться", говорит, "от кого нареканию при таком обилии приношений, вверяемых нашему служению" (2 Кор. 8:20), - то не должны ли мы делать все, чтобы уничтожить худые подозрения, хотя бы они были ложны, хотя бы безрассудны и весьма несообразны с нашей славой? Ни от какого греха столько не далеки мы, как Павел от хищения; и, однако, он, столь далекий от этого худого дела, не пренебрег подозрением народа, хотя весьма бессмысленным и безумным; ибо действительно безумно было подозревать в чем-либо подобном эту блаженную и дивную главу. Несмотря на то, что это подозрение было так безрассудно и могло быть разве у какого-нибудь сумасшедшего человека, тем не менее Павел заранее устраняет причины его; он не презрел безрассудности народа, и не сказал: кому может придти на мысль подозревать меня в этом, когда и чудеса и скромность жизни приобрели мне от всех уважение и удивление? Совершенно напротив, он предвидел и предполагал это дурное подозрение, и вырвал его с корнем, или лучше, не допустил появиться и началу его. Почему? Потому, что "стараемся о добром", говорит он, "не только пред Господом, но и пред людьми" (2 Кор. 8:21). Столько и даже еще более надобно стараться о том, чтобы не только истреблять и останавливать возникающую худую молву, но и предвидеть издали, откуда она могла бы произойти, наперед уничтожать причины, от которых она происходит, и не ждать, пока она составится и распространится в устах народа; потому что тогда уже не легко истребить ее, но весьма трудно, и может быть даже невозможно, и притом будет опасно, чтобы не произошел вред для народа. Впрочем, доколе я не остановлюсь, преследуя недостижимое? Исчислять все здешние трудности значит не что иное, как измерять море. Если и тот, кто чист от всякой страсти, что, впрочем, не возможно, - неизбежно подвергается бесчисленным горестям для исправления погрешностей других, то при собственных слабостях, представь, какую бездну трудов и забот и какие страдания должен перенести желающий преодолеть и свои и чужие пороки!

10. Василий сказал: А ты теперь не подвизаешься в этих трудах и не имеешь забот, живя одиноким?

Златоуст. Имею и теперь, сказал я; - как можно человеку, проводящему эту многотрудную жизнь, быть свободным от забот и подвигов? Но не одно и то же пуститься в беспредельное море, и переплывать реку; таково различие между теми и этими заботами. Если бы я мог быть полезным для других, я и сам теперь пожелал бы, и это было бы предметом моей усердной молитвы; а так как я не могу принести пользы другому, то удовольствуюсь тем, если, по крайней мере, успею спасти и исхитить из бури самого себя.

Василий сказал: Неужели ты считаешь это великим делом, и, вообще, неужели думаешь спастись, не быв полезным никому другому?

Златоуст. Хорошо и справедливо ты сказал, - отвечал я; - и сам я не верю, чтобы можно было спастись тому, кто ничего не делает для спасения ближнего. Несчастному рабу несколько не помогло то, что он не уменьшил таланта, но погубило его то, что он не умножил и не принес вдвое больше (Матф. 25:24-30). Впрочем, я думаю, что мне будет более легкое наказание, когда буду обвиняем за то, почему я не спас других, нежели

когда бы погубил и других и себя, сделавшись худшим по принятии такой почести. Я уверен, что теперь ожидает меня такое наказание, какого требует тяжесть грехов моих, а по принятии власти - не двойное и не тройное, но многократное за соблазн многих и за оскорбление Бога, удостоившего меня большей чести.

11. Поэтому и израильтян Бог весьма сильно обличал, показывая им, что они достойны большего наказания за грехи, совершенные после дарованных им от Него преимуществ. Иногда Он говорил: "только вас признал Я из всех племен земли, потому и взыщу с вас за все беззакония ваши", а иногда: "из сыновей ваших Я избирал в пророки и из юношей ваших - в назореи" (Амос. 3:2; 2:11). И еще прежде пророков, при установлении жертв желая показать, что грехи священников подлежат гораздо большему наказанию, нежели грехи простолюдинов, Он повелевает приносить за священника такую жертву, какая (была приносима) за весь народ (Лев, гл. 4). Этим он выражает не что иное, как то, что раны священника нуждаются в большей помощи и такой, в какой - раны всего вообще народа; а они не нуждались бы в большей помощи, если бы не были тягчайшими, тягчайшими же они бывают не по своей природе, но по достоинству священника, который совершает эти грехи. Но что я говорю о мужах, проходящих это служение? Дочери священников, которые не имеют никакого отношения к священству, по причине достоинства отцов своих за одни и те же грехи подвергаются гораздо строжайшему наказанию. Преступление бывает одинаково как у них, так и у дочерей простолюдинов, например: любодеяние у тех и других, - но первые подвергаются наказанию гораздо тягчайшему, нежели последние (Лев. 21:9; Второз. 22:21).

12. Видишь ли, с какой силой Бог внушает тебе, что начальник заслуживает гораздо большего наказания, нежели подчиненные? Наказывающий дочь священника более других дочерей за отца ее, подвергнет не равному с другими наказанию того, кто бывает виновником такого увеличения наказаний ее, но гораздо большему; и весьма справедливо; потому что вред не ограничивается только самим начальником, но губит и души слабейших и взирающих на него людей. И пророк Иезекииль, желая внушить это, различает один от другого суды над овнами и над овцами (Иезек. 34:17). Ясно ли теперь для тебя, что я имел причины утраститься? Прибавлю к сказанному следующее: хотя теперь мне нужно много трудиться, чтобы не одолели меня совершенно страсти душевные, однако я переносу этот труд и не убегаю от подвига. Так тщеславие и теперь овладевает мной, но я часто и вооружаюсь против него, и сознаю, что нахожусь в рабстве; а случается, что и укоряю поработившуюся душу. И теперь нападают на меня худые пожелания, но не столь сильный возжигают пламень; потому что глаза не могут получать извне вещества для этого огня; а чтобы кто-нибудь говорил худое, а я слушал говорящего, от этого я совершенно свободен, так как нет разговаривающих; стены же, конечно, не могут говорить. Равным образом нельзя избежать и гнева, хотя и нет при мне людей, которые бы осаждали. Часто воспоминание о непристойных людях и их поступках воспламеняет мое сердце, но не вполне: я скоро укрощаю пламень его, и успокаиваю его, убеждая, что весьма несообразно и крайне бедственно, оставив свои пороки, заниматься пороками ближних. Но, вступив в народ и предавшись беспокойствам, я буду не в состоянии делать себе таких увещаний и находить руководственные при этом помыслы; но, как увлекаемые по скалам каким-нибудь потоком или чем либо иным, хотя могут предвидеть гибель, к которой они несутся, а придумать какой-либо помощи для себя не могут, так и я, впадши в великую бурю страстей, хотя в состоянии буду видеть наказание, с каждым днем увеличивающееся для меня, но углубляться в себя, как теперь, и удерживать со всех сторон эти яростные порывы мне уже будет не так удобно, как прежде. У меня душа слабая и невеликая и легко доступная не только для этих страстей, но и худшей из всех - зависти, и не умеет спокойно переносить ни оскорблений, ни

почестей, но последние чрезвычайно надмевают ее, а первые приводят в уныние. Лютые звери, когда они здоровы и крепки, одолевают борющихся с ними, в особенности слабых и неопытных; а если кто изнурит их голодом, то и усмирит их ярость, и отнимет у них большую часть силы, так что и не весьма храбрый человек может вступить в бой и сражение с ними; так бывает и со страстями душевными: кто ослабляет их, тот делает их покорными здравому рассудку, а кто усердно питает их, тот готовит себе борьбу с ними труднейшую и делает их столь страшными для себя, что всю жизнь свою проводит в рабстве и страхе. А какая пища для этих зверей? Для тщеславия - почести и похвалы, для гордости - власть и величие господства, для зависти - прославление ближних, для сребролюбия - щедрость дающих, для невоздержания - роскошь и частые встречи с женщинами, и для других - другое. Все эти звери сильно нападут на меня, когда я выступлю на середину, и будут терзать душу мою и приводить меня в страх, и отражать их будет для меня весьма трудно. А когда я останусь здесь, то хотя тогда потребуются большие усилия, чтобы побороть их, однако они подчинятся по благодати Божьей, и до меня будет достигать только рев их. Поэтому я и остаюсь в этой келье недоступным, необщительным, нелюдимым, и терпеливо слушаю множество других подобных порицаний, которые охотно желал бы отклонить, но, не имея возможности сделать это, сокрушаюсь и скорблю. Невозможно мне быть общительным и вместе оставаться в настоящей безопасности. Поэтому я и тебя прошу - лучше пожалеть, чем обвинять того, кто поставлен в такое затруднительное положение. Но я еще не убедил тебя. Посему уже время сказать тебе и то, что одно оставалось не открытым. Может быть, многим это покажется невероятным, но при всем том я не устыжусь открыть это. Хотя слова мои обнаружат худую совесть и множество грехов моих, но так как всеведущий Бог будет судить меня строго, то, что еще может быть мне от незнания людей? Что же осталось неоткрытым? С того дня, в который ты сообщил мне об этом намерении (избрания в епископа), часто я был в опасности совершенно расслабеть телом, такой страх, такое уныние овладевали моей душой! Представляя себе славу Невесты Христовой, ее святость, духовную красоту, мудрость, благолепие, и размышляя о своих слабостях, я не переставал оплакивать ее и называть себя несчастным, часто вздыхать и с недоумением говорить самому себе: кто это присоветовал? Чем столько согрешила Церковь Божья? Чем так прогневала Владыку своего, чтобы ей быть предоставленной мне, презреннейшему из всех, и подвергнуться такому посрамлению? Часто размышляя таким образом с самим собой, и не могши перенести мысли о такой несообразности, я падал в изнеможении подобно расслабленным и ничего не мог ни видеть, ни слышать. Когда проходило такое оцепенение (иногда оно и прекращалось), то сменяли его слезы и уныние, а после продолжительных слез опять наступал страх, который смущал, расстраивал и потрясал мой ум. В такой буре я проводил прошедшее время; а ты не знал, думал, что я живу в тишине. Но теперь я открою тебе бурю души моей: может быть, ты за это простишь меня, прекратив обвинения. Как же, как открою тебе это? Если бы ты захотел видеть ясно, то нужно бы обнажить тебе мое сердце; но так как это невозможно, то постараюсь, как могу, по крайней мере, в некотором тусклом изображении представить тебе мрак моего уныния; а ты по этому изображению суди о самом унынии. Представим, что дочь царя, обладающего всей вселенной, сделалась невестой, и что она отличается необыкновенной красотой, превышающего природу человеческую и много превосходящую всех женщин, и такой душевной добродетелью, что даже всех мужчин, бывших и имеющих быть, далеко оставляет позади себя, благонаравием своим превышает все требования любомудрия, а благообразием своего лица помрачает всякую красоту телесную; представим затем, что жених ее не только за это пылает любовью к этой девице, но и, кроме того, чувствует к ней нечто особенное, и силой своей привязанности превосходит самых страстных из бывших когда-либо поклонников; потом (представим, что) этот пламенеющий любовью откуда-то услышал, что с дивной его возлюбленной намеревается вступить в брак кто-то

из ничтожных и презренных людей, низкий по происхождению и уродливый по телу, и негоднейший из всех. Довольно ли я выразил тебе скорбь мою? И нужно ли далее продолжать это изображение. Для выражения моего уныния, я думаю, достаточно; для этого только я и привел этот пример; а чтобы показать тебе меру моего страха и изумления, перейду к другому изображению. Пусть будет войско, состоящее из пеших, конных и морских воинов; пусть множество кораблей покроет море, а отряды пехоты и конницы займут пространства полей и вершины гор; пусть блистает на солнце медное оружие, и лучи его пусть отражают свет от шлемов и щитов, а стук копий и ржание коней доносятся до самого неба; пусть не видно будет ни моря, ни земли, а повсюду медь и железо; пусть выстроятся против них и неприятели - люди дикие и неукротимые; пусть настанет уже и время сражения; потом пусть кто-нибудь, взяв отрока, воспитанного в деревне и не знающего ничего, кроме свирели и посоха, облечет его в медные доспехи, проведет по всему войску и покажет ему отряды с их начальниками, стрелков, пращников, полководцев, военачальников, тяжело вооруженных воинов, всадников, копьеносцев, корабли с их начальниками, посаженных там воинов и множество сложенных в кораблях орудий; пусть покажет ему и все ряды неприятелей, свирепые их лица, разнообразные снаряды и бесчисленное множество оружия, глубокие рвы, крутые утесы и недоступные горы, пусть покажет еще у неприятелей коней, как бы силой волшебства летающих, и оруженосцев как бы несущихся по воздуху, всю силу и все виды чародейства; пусть исчислит ему и ужасы войны - облака копий, тучи стрел, великую мглу, темноту и мрачнейшую ночь, которую производит множество метаемых стрел, густотой своей затеняющих солнечные лучи, пыль, затемняющую глаза не менее мрака, потоки крови, стоны падающих, вопли стоящих, груды лежащих, колеса, обгащенные кровью, коней, вместе с всадниками стремглав низвергающихся от множества лежащих трупов, землю, на которой все смешано - кровь, луки и стрелы, копыта лошадей и вместе с ними лежащие головы людей, рука и шея, голень и рассеченная грудь, мозги приставшие к мечам и изломанное острие стрелы, вонзившейся в глаз; пусть исчислит и бедствия морского сражения - корабли, то сжигаемые среди воды, то потопляемые с находящимися на них воинами, шум волн, крик корабельщиков, вопль воинов, пену смешанную из волн и крови и ударяющуюся о корабли, - трупы, лежащие на палубах, утопающие, плывущие, выбрасываемые на берега, качающиеся в волнах и заграждающие путь кораблям; ясно показав ему ужасы воинские, пусть еще прибавит и бедствия плена, и рабство, тягчайшее всякой смерти, и, сказав все это, пусть прикажет ему тотчас сесть на коня и принять начальство над всем этим войском. Думаешь ли ты, что этот отрок в состоянии будет даже выслушать такой рассказ, а не тотчас, с первого взгляда, испустит дух?

13. Не думай, что я словами преувеличиваю дело; (так кажется) потому, что мы, заключенные в теле как бы в какой темнице, не можем видеть ничего невидимого; а ты не считай сказанного за преувеличение. Если бы ты мог когда-нибудь увидеть глазами своими мрачнейшее ополчение и яростное нападение дьявола, то увидел бы гораздо большую и ужаснейшую битву, нежели изображаемая мной. Здесь не медь и железо, не кони, колесницы и колеса, не огонь и стрелы и не подобные видимые предметы, но другие снаряды, гораздо страшнейшие этих. Таким врагам не нужно ни панциря, ни щита, ни мечей и копий, но одного вида этого проклятого войска достаточно, чтобы поразить душу, если она не будет весьма мужественной и еще прежде своего мужества не будет укрепляема Промыслом Божьим. Если бы возможно было, сложив с себя это тело, или и с телом, чисто и без страха собственными глазами видеть все ополчение дьявола и его битву с нами; то ты увидел бы не потоки крови и мертвые тела, но такое избиение душ и такие тяжелые раны, что все изображение войны, которое я сейчас представил тебе, ты почел бы детской игрой и скорее забавой, нежели войной: так много поражаемых

каждый день! И раны эти причиняют смерть не такую, какую раны телесные; но, сколько душа различается от тела, столько же различается та и другая смерть. Когда душа получит рану и падет, то она не лежит бесчувственной подобно телу, но мучится здесь от угрызений злой совести, а, по отшествии отсюда, во время суда предается вечному мучению. Если же кто не чувствует боли от ран, наносимых дьяволом, тот нечувствительностью своей навлекает на себя еще большее бедствие, потому что, кто не пострадал от первой раны, тот скоро получает и вторую, а после второй и третью. Нечистый, видя душу человека беспечной и пренебрегающей прежними ранами, не перестает поражать его до последнего издыхания. Если хочешь узнать и способы его нападения, то увидишь, что они весьма сильны и разнообразны. Никто не знает столько видов обмана и коварства, сколько этот нечистый, чем он и приобретает большую силу; и никто не может иметь столь непримиримой вражды к самым злейшим врагам своим, какую имеет этот лукавый демон к человеческому роду. Если еще посмотреть на ревность, с какой он ведет борьбу, то в этом отношении смешно и сравнивать его с людьми; пусть кто-нибудь изберет самых лютых и свирепых зверей и противопоставит его неистовству, тот найдет, что они весьма кротки и тихи в сравнении с ним; такой он дышит яростью против наших душ! Притом и время тамошнего сражения кратко, и при краткости его бывает много отдыхов. И наступившая ночь, и утомление от сражения, и время принятия пищи, и многое другое обыкновенно дает воину отдохновение, так что он может снять с себя оружие, несколько ободриться, оживиться пищей и питьем, и другими многими средствами восстановить прежнюю силу. А в борьбе с лукавым никогда нельзя ни сложить оружия, ни предаться сну для того, кто желает всегда оставаться не раненным. Необходимо избрать одно из двух: или, сняв оружие, пасть и погибнуть, или всегда вооруженным стоять и бодрствовать. Этот враг всегда стоит со своим ополчением, наблюдая за нашей беспечностью и гораздо более заботясь о нашей гибели, нежели мы - о своем спасении. Особенно трудной борьбу с ним делает для непостоянно бодрствующих то, что он невидим нами и нападает внезапно (это наиболее причиняет множество зол). И ты желал, чтобы в этой войне я предводительствовал воинами Христовыми? Но это значило бы - предводительствовать для дьявола. Если обязаный распоряжаться и управлять другими будет неопытнее и слабее всех, то, по неопытности предавая вверенных ему, он будет предводительствовать более для дьявола, нежели для Христа. Но зачем вздыхаешь? Зачем плачешь? Не плача достойно то, что теперь случилось со мной, но веселья и радости.

Василий сказал: но не мое положение; напротив, оно достойно безмерных рыданий; потому что теперь едва я мог понять, в какие беды ты ввергнул меня. Я пришел к тебе узнать, что мне говорить в твоё оправдание обвинителям; а ты отпускаешь меня, наложив на меня новую заботу, вместо прежней. Я не о том уже забочусь, что мне сказать им за тебя, но о том, как мне отвечать за себя и за свои грехи перед Богом? Но прошу и умоляю тебя: если ты имеешь какое-нибудь попечение обо мне, "если [есть] какое утешение во Христе, если [есть] какая отрада любви, если [есть] какое общение духа, если [есть] какое милосердие и сострадательность" (Филип. 2:1), (ибо ты знаешь, что сам ты более всех подверг меня этой опасности), подай руку помощи, говори и делай все, что может ободрить меня; не позволяй себе оставлять меня и на кратчайшее время, но устрой, чтобы мне вместе с тобой теперь еще дружнее, чем прежде, проводить жизнь.

Златоуст. На это я с улыбкой сказал: чем же я могу помочь, какую принести пользу тебе при таком бремени забот? Но если это тебе угодно, не унывай, любезная глава. Время, в которое тебе можно будет отдохнуть от забот, я буду проводить с тобой, буду утешать и не опущу ничего, что будет по моим силам. При этом, заплакав еще более, он встал; а я, обняв его и поцеловав его голову, проводил его, увещевая мужественно переносить

случившееся. Верю, говорил я, Христу, призвавшему тебя и предоставившему тебе овец своих, что от этого служения ты приобретешь такое дерзновение, что и меня, находящегося в опасности, в тот день примешь в вечную свою обитель.

БЕСЕДА ПО РУКОПОЛОЖЕНИИ ВО ПРЕСВИТЕРА.

Произнесена св. Иоанном в Антиохии по рукоположении его во пресвитера Флавианом, епископом антиохийским, в начале 386 г. по Р. Х. В заглавии называется первой, т. е. из всех произнесенных с церковной кафедры, беседой "о себе, и об епископе, и о множестве народа".

Мысли и чувства по случаю возведения в высокий сан священства. Неуверенность в своих способностях. - Вся вселенная хвалит Бога, за исключением грешников. - Но и грешник может найти способ славословия. - Похвала Флавиану, епископу антиохийскому. - Знатность его происхождения и великость его подвижничества. - Воспоминание о Мелетие, епископе антиохийском. - Просьба о молитве за нового пресвитера.

Неужели истинно то, что случилось со мной? Действительно ли совершилось то, что совершилось, и я не обманываюсь? Неужели настоящее ни ночь и сновидение, но действительно день, и мы все бодрствуем? Кто поверил бы тому, что днем, когда люди не спали и бодрствовали, смиренный и презренный юноша вознесен на такую высоту власти? Ночью нисколько не странно бы этому случиться. Тогда иные, уродливые телом и не имеющие даже необходимой пищи, уснувши, видали себя стройными и красивыми и наслаждающимися царской трапезой, но эти представления были - сон и обман сновидений. Таково свойство сновидений: они изобретательны и причудливы и потешаются странными забавами. Но днем и на самом деле никто не увидит этого так легко случившимся. А ныне случилось, сбылось и свершилось, как видите, все такое, что невероятнее сновидений: и город, столь великий и многолюдный, и народ чудный и великий устремился к моему смирению, как бы надеясь услышать от меня что-либо великое и важное. Но, хотя бы я тек подобно рекам не иссякающим, и в устах моих содержались источники речей, и тогда, при таком множестве стекшихся для слушания, поток от страха тотчас остановился бы у меня и устремил воды свои назад; а когда я не имею не только рек и источников, но и скудной капли, то, как не опасаться, чтобы и этот малый поток не иссяк, засохши от страха, и чтобы не было того же, что обыкновенно случается с телами? Что же бывает с телами? Часто держа в руке много вещей и сжимая их своими пальцами, мы, испугавшись, роняем все, от расслабления наших нервов и упадка телесных сил. Это же, боюсь, не случилось бы сегодня и с моей душой, и с великим трудом собранные мной для вас мысли, хотя малые и скудные, от страха пришедши в забвение, не исчезли бы и не улетели бы, оставив ум мой пустым. Поэтому прошу всех вас вообще, начальствующих и подчиненных, чтобы вы, сколько навели на меня страха прибытием для слушания, столько же вдохнули в меня смелости усердием в молитвах, и умолили "Дающего слово благовествующим с великою силою" (Пс. 67:12) дать и мне "слово во отвержение уст" (ср. Еф. 6:19). Для вас столь многих и великих, конечно, не трудно опять укрепить расслабленную страхом душу одного юноши; и справедливо было бы, если бы вы исполнили эту просьбу мою, так как для вас же я решился принять этот жребий, для вас и вашей любви, которой нет ничего сильнее и властительней, которая и меня, не очень опытного в красноречии, убедила говорить и заставила выйти на поприще учения, хотя я никогда прежде не выступал на таком поприще, но всегда был в ряду

слушателей и наслаждался спокойным молчанием. Но кто так суров и необщителен, что пройдет молчанием ваше собрание, и, нашедши пламенно желающих слушать, не скажет им ничего, хотя бы он был безгласнее всех людей? Итак, намереваясь в первый раз говорить в церкви, я хотел начатки вступления посвятить Богу, давшему нам этот язык; так бы и следовало; потому что не только начатки гумна и точила, но и начатки слов надлежит посвящать Слову, даже начатки слов гораздо более, нежели начатки снопов. Притом, этот плод и нам свойственнее, и самому чтимому Богу приятнее. Гроздья и колосья произрастают недра земли, питают потоки дождей и обрабатывают руки земледельцев: а священную песнь рождает благочестие души, воспитывает добрая совесть, и в сокровищницы небесные принимает Бог. Но насколько душа лучше земли, настолько и это произрастание лучше того. Посему и некто из пророков, муж чудный и великий, - Осия имя ему, - внушает оскорбившим Бога и желающим умилоствовать Его, чтобы они приносили в жертву не стада волов и не муки столько-то и столько-то мер, не горлицу и голубя и не что-либо другое подобное, но что? "Возьмите", говорит, "с собою слова" (Ос. 14:3). Что за жертва слова? - может быть, скажет кто-нибудь. Величайшая, возлюбленный, и драгоценнейшая, и лучшая всех других. Кто говорит это? Тот, кто верно и лучше всех знает это, доблестный и великий Давид. Принося некогда благодарственную жертву за победу, одержанную на войне, он так говорил: "буду славить имя Бога [моего] в песни, буду превозносить Его в славословии" (Пс. 68:31). Потом, показывая нам превосходство этой жертвы, присовокупил: "и будет это благоугоднее Господу, нежели вол, нежели телец с рогами и с копытами" (Пс. 68:32). Так, хотел и я сегодня принести эти жертвы и облагородить кровью этих приношений духовный жертвенник; но что мне делать? Один премудрый муж заграждает мне уста и устрашает меня словами: "неприятна похвала в устах грешника" (Сир. 15:9). Как в венках должны быть чисты не только цветы, но и свивающая их рука; так и в священных песнях должны быть благочестивы не только слова, но и сплетающая их душа. А у меня она не чиста, не имеет дерзновения и исполнена многих грехов. Но людям такого свойства заграждает уста не только этот закон, но и другой, древнейший и прежде него постановленный. И этот закон ввел, сейчас беседовавший с нами о жертвах, Давид; ибо, сказав: "хвалите Господа с небес, хвалите Его в вышних", и немного после еще сказав: "хвалите Господа от земли" (Пс. 148:1,7), и призвав ту и другую тварь, горную и дольную, чувственную и умственную, видимую и невидимую, находящуюся выше неба и под небом, и из той и другой составив один хор, и так повелев хвалить Царя всех, он нигде не призывал грешника, но и здесь затворил перед ним двери.

2. А чтобы слова мои были яснее для вас, я прочитаю вам сначала самый псалом. "Хвалите Господа с небес", говорит он, "хвалите Его в вышних, хвалите Его, все Ангелы Его, хвалите Его, все воинства Его" (Пс. 148:1-2). Видишь ли хвелящих ангелов, видишь ли архангелов, видишь ли херувимов и серафимов, - эти вышние силы? Ибо, когда он говорит: "все воинства Его", то понимает весь горний сонм. Но видишь ли здесь грешника? Как же, скажешь, можно ему явиться на небе? Пойдем же, низведем тебя на землю, переставив в другую часть хора; и здесь опять не увидишь его. "Хвалите Господа от земли, великие рыбы и все бездны: звери и всякий скот, пресмыкающиеся и птицы крылатые" (Пс. 148:7,10). Не напрасно и не без причины при этих словах я замолчал; смутились мысли в уме моем и пришлось горько заплакать и тяжело вздохнуть. Что может быть, скажи мне, достойнее жалости? Скорпионы, и змеи, и драконы призываются к хвалению Создавшего их; один грешник исключается из этого священного хора; и справедливо. Грех есть злой и свирепый зверь, не только выказывающий злость к сослужебным ему существам, но изливающий яд злобы и на славу Господню: "ради вас", говорит Господь, "имя Божие хуляется у язычников" (Ис. 52:5, Римл. 2:24). Посему пророк и изгнал грешника из вселенной, как бы из священного отечества, и отправил в ссылку. Так и отличный

музыкант отсекает от стройной кифары разногласящую струну, чтобы она не расстраивала согласия прочих звуков; так и искусный врач отсекает загнивший член, чтобы зараза от него не перешла на прочие здоровые члены. Так сделал и пророк, отсекая грешника от целого тела тварей как бы разногласящую струну и как бы загнивший член. Что же мне делать? Так как я отринут и отсечен, то, конечно, надобно молчать. Итак, скажите, ужели замолчать мне? Ужели никто не разрешит мне восхвалить нашего Владыку, и я напрасно просил ваших молитв, напрасно прибежал к вашему покровительству? Нет, не напрасно. Я нашел, нашел и другой способ славословия, по вашим же молитвам, которые среди этого недоумения заблестали, как молнии во мраке; я буду хвалить сослужителей. Можно хвалить и сослужителей; а когда они будут хвалимы, то прославление, конечно, перейдет и на Владыку. А что он и таким образом прославляется, это показывает Сам Христос в словах: "да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного" (Матф. 5:16). Вот и другой способ славословия, который можно и грешнику употребить и не нарушить закона.

3. Итак, кого, кого из сослушателей восхвалить мне. Кого же другого, как не общего учителя отечества [1], а через отечество и всей вселенной? Как он вас научил стоять за истину до смерти, так вы других людей научили скорее расставаться с жизнью, нежели с благочестием. Хотите ли, сплетем ему из этого венцы похвал? Хотел бы и я; но вижу неизмеримую бездну подвигов, и боюсь, чтобы слово, опустившись в глубину, не оказалось бессильным возвратиться наверх. Нужно было бы исчислить древние подвиги, - путешествия, бдения, заботы, советы, борьба, трофеи за трофеями и победами, деяния, превосходящие не только мой, но и всякий человеческий язык, требующие апостольского голоса, движимого Духом, который может обо всем сказать и научить. Но, минуя эту область, обратимся к другой, более безопасной, которую можно переплыть и на малой ладье. Поведем речь о воздержании и скажем, как он поработил чрево, как презрел роскошь, как отверг богатую трапезу, и притом быв воспитан в знатном доме. Нисколько не удивительно, когда к такой убогой и суровой жизни приступает живший в бедности; он имеет в самой бедности спутницу и сообщницу, ежедневно облегчающую ему это бремя; но кто владел богатством, тому нелегко вырваться из оков его; такое множество недугов объемлет его душу, т. е. страстей, которые как бы густое и темное облако, заграждая взоры ума, не попускают взирать на небо, но заставляют преклоняться вниз и смотреть в землю. Нет, нет ничего другого, что столь препятствовало бы шествию на небеса, как богатство и происходящие от богатства беды. Не мое это слово, но приговор, произнесенный Самим Христом, Который сказал: "удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие" (Матф. 19:24). Но вот это неудобное, а лучше сказать, невозможное стало возможным; и о чем некогда Петр недоумевал перед Учителем и хотел узнать, это мы все познали на самом деле, и даже более того; ибо этот муж не только сам восшел на небо, но и вводит туда столько народа, хотя имел кроме богатства и другие, не меньшие препятствия, - молодость и преждевременное сиротство, которые еще более могут омрачить всякую человеческую душу: такое имеют они обаяние, такую представляют отраву! Он же и над ними восторжествовал, и устремился к небесам, и прилепился к тамошнему любомудрию, не подумал о блеске настоящей жизни и не посмотрел на знаменитость предков, а лучше сказать посмотрел на знаменитость предков, - не тех, которые связаны с ним по естественной необходимости, но тех, которые близки к нему по благочестивому настроению. Посему он и сделался таким. Он посмотрел на патриарха Авраама, посмотрел на великого Моисея, который был воспитан в царском доме, наслаждался роскошной трапезой и вращался среди шума египетского (а вы знаете, каковы варвары, какой исполнены они гордости и тщеславия), но, пренебрегши всем этим, добровольно перешел к глине и плинфоделанию, - царь и сын царский пожелал быть в числе рабов и

пленников. Поэтому он и возвратился в блистательнейшем виде, нежели какой прежде имел и отверг. После бегства и служения у тестя и после бедствий на чужбине, он возвратился властителем царя, или лучше, богом царя: "поставил тебя", говорит Господь, "Богом фараону" (Исх. 7:1). И был он славнее царя, не имея диадемы, не облакаясь в багряницу и не выезжая на золотой колеснице, но, поправ всю эту пышность; ибо "вся слава", говорится (в Писании), "дщери Царя внутри" (Пс. 44:14). Он возвратился со скипетром, которым повелевал не только людям, но небу, и земле, и морю, и естеству воздуха и воды, озерам, источникам и рекам; ибо стихии делались всем тем, чего хотел Моисей; в руках его тварь преобразовывалась, и, как бы какая покорная рабыня, увидевшая пришедшего друга своего господина, во всем слушалась и повиновалась ему, как самому Владыке. На него взирая и этот муж сделался таким, и, притом, будучи оным, если только он был когда-либо юным; я не верю этому; - такой старческий ум был у него от самых пелен. Но и будучи юным по возрасту он объял все любомудрие и познав, что наша природа подобна полю, заросшему лесом, легко отсекал душевные недуги словом благочестия, как бы каким серпом, представляя земледельцу чистую ниву для посева семян, и, принимая все эти семена, внедрял их в глубину, чтобы они, укоренившись снизу, не страдали от жара солнечных лучей и не были подавляемы тернием. Так он возделывал свою душу, а похотения плоти укрощал врачевствами воздержания, возлагая на тело, как бы на какого непослушного коня, узду поста, и до того сдерживал его, что самые уста похотей обаграл кровью, с надлежащей, впрочем, умеренностью; ибо и не напрягал тела слишком сильно, чтобы связанный путами конь не оказался негодным ему для службы, и не попускал ему впасть в чрезмерную тучность, чтобы оно, сделавшись слишком плотским, не восстало на правящий им ум, но заботился вместе и о здоровье его и о благопристойности. И не в юности только он был таким, но, и, миновав этот возраст, не прекратил такой заботливости; напротив и теперь, когда находится в старости, как бы в тихой пристани, продолжает соблюдать ту же попечительность. Подлинно юность, возлюбленные, подобна яростному морю, исполненному свирепых волн и бурных ветров; а седина вводит души состарившихся как бы в безмятежную пристань, предоставляя им наслаждаться свойственной этому возрасту безопасностью. Ей наслаждаясь теперь и находясь, как я выше сказал, в пристани, этот муж не менее того беспокоится и о тех, которые обуреваются среди моря; такой боязни он научился у Павла, который и после того, как восходил на небо и, перешедши следующее за ним, достигал даже до третьего неба, говорил: боюсь, "дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным" (1 Кор. 9:27). Посему и этот муж держит себя в постоянном страхе, чтобы постоянно быть в безопасном состоянии, и сидит при кормиле, наблюдая не восхождения звезд, не подводные камни и скалы, но нападения демонов и козни дьявола, и восстания помыслов, и, обходя вокруг своего воинства, соблюдает всех в безопасности. Он не только смотрит за тем, чтобы ладья не потонула, но принимает все меры к тому, чтобы и никто из плывущих не испытал какого-нибудь беспокойства. Благодаря ему и его мудрости мы все и плывем благополучно, распустив вполне паруса корабля.

4. Когда мы потеряли прежнего отца [2], который родил нам и этого, то наше положение было затруднительно. Поэтому и плакали мы горько, как бы не надеясь, что этот престол получит другого такого мужа. Но когда явился этот муж и стал посреди, то разогнал все наше уныние, как облако, и рассеял все печали, прекратив наш плач, не постепенно, а вдруг так, как будто бы тот блаженный сам, вставши из гроба, опять взошел на этот престол. Впрочем, увлекшись подвигами нашего отца, я незаметно продолжил беседу сверх меры, не сверх меры его подвигов, - о них я еще и не начинал говорить, - но сверх меры, какая прилична моей юности. Остановим же беседу, как бы в пристани, молчанием. Хотя она не хочет остановиться, а с ропотом и негодованием желает вполне насладиться цветами (красноречия); но, дети, это невозможно. Перестанем же гнаться за

недостижимым; для нашего утешения довольно и сказанного. Так бывает и с драгоценными мастями: они не только тогда, когда кто-либо прольет их из сосуда, но и когда пальцами коснется крайней поверхности его, растворяются в воздухе и всех присутствующих обдают благоуханием; то же произошло и теперь не силой моих слов, но доблестью подвигов этого мужа. Отойдем же, отойдем, обратившись к молитвам: помолимся о том, чтобы общая наша мать (церковь) пребывала непоколебимой и неподвижной, и чтобы этот отец, учитель, пастырь, кормчий, жил долгие лета. Если вы удостоиваете какого-нибудь внимания и меня (ибо я не осмеливаюсь ставить себя на ряду со священниками, как "извергов" нельзя считать наравне с совершеннорожденными), - если вы вообще удостоиваете какого-нибудь внимания и меня, хотя бы как некоего "изверга" (1 Кор. 15:8), то помолитесь о ниспослании мне великой помощи свыше. Я нуждался в защите и прежде, когда жил сам по себе спокойной жизнью; когда же я выведен на середину, - не говорю как, человеческим ли содействием или Божественной благодатью; не рассуждаю с вами об этом, чтобы не сказал кто-нибудь, будто говорю притворно, - но когда я выведен и принял на себя это крепкое и тяжелое иго, то мне нужно много рук помощи, нужны бесчисленные молитвы, чтобы я мог в целости возратить залог давшему его Владыке в тот день, когда получившие таланты будут названы и приведены и должны будут отдать в них отчет. Итак, помолитесь, чтобы мне быть не в числе связанных и ввергаемых во тьму (кромешную), но в числе имеющих получить хотя малое снисхождение, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава, и держава, и поклонение во веки веков. Аминь.

[1] Флавиана, епископа антиохийского.

[2] Св. Мелетия, предшественника Флавианова на епископской кафедре в Антиохии.

ПРОТИВ АНОМЕЕВ.

Двенадцать слов под заглавием "против Аномеев" направлены против чистых ариан, которые не признавали Сына Божьего Иисуса Христа не только единосущным Богу-Отцу, но и подобным Ему по существу, и, между прочим, приписывали себе знание самого существа Божьего. Не прекращавшееся во времена св. Иоанна Златоустого лжеучение этих еретиков, которых нарицательное название (аномеоіоі) тогда обратилось в собственное имя, подало повод святителю составить против них слова о "непостижимом" существе Божьем и "единосущии" Сына Божья с Богом-Отцом и произнести первые десять слов в Антиохии в 386 и 387 годах не непрерывно, но с некоторыми промежутками времени, а последние в Константинополе в 398 году. Каждое из этих слов в подлиннике имеет более подробное заглавие, соответствующее его содержанию. Так, полное заглавие 1-го слова следующее: "о непостижимом, в отсутствии епископа, против Аномеев".

СЛОВО ПЕРВОЕ.

Похвала Флавиану. Величие его человеколюбия. - Смысл изречения: "если знание упразднится". - Опровержение аномеев. - Проповедник намерен вразумлять, а не побивать своих противников. - Бог непостижим не только в своей сущности, но и в Своем промыслении; не только в Своем промыслении, насколько оно управляет всем

творением, но еще и насколько оно управляет судьбами одного народа, например народа иудейского. - Увещание.

Что это? Пастырь отсутствует [1], а овцы стоят весьма благочинно. И в этом заслуга пастыря, что пасомые не только в присутствии его, но и в отсутствии показывают полное усердие. С бессловесными животными бывает так: когда нет человека, выгоняющего овец на пастбище, они по необходимости остаются в загонах, или, если вырвутся из загона без пастуха, долго блуждают; здесь же не случилось ничего такого, но и в отсутствии пастыря вы стеклись на обычные пастбища с великим благочинием; или, лучше сказать, и пастырь здесь присутствует, если не телом, то произволением, если не присутствием телесным, то благочинием паствы. Поэтому особенно я удивляюсь и ублажаю его, что он мог внушить вам такую ревность. И военачальнику мы в особенности удивляемся тогда, когда даже в его отсутствии войско соблюдает порядок. Этого и Павел требовал от учеников: "итак", говорит он, "возлюбленные мои, как вы всегда были послушны, не только в присутствии моем, но гораздо более ныне во время отсутствия моего" (Филип. 2:12). Почему: "гораздо более ныне, во время отсутствия моего?" Потому, что в присутствии пастыря, хотя бы и пришел к стаду волк, он легко прогоняется от овец; когда же пастырь отсутствует, пасомые по необходимости бывают в большем беспокойстве, так как никто не защищает их. Притом, если пастырь присутствует, он разделяет с пасомыми награды за усердие, а, не присутствуя, он дает возможность ясно обнаружиться собственной их заслуге. Это говорит и учитель наш, сказавший вам, что, где бы он ни находился, он представляет себе и нынешнее ваше собрание и взирает не столько на тех, которые теперь находятся и присутствуют при нем, сколько на вас отсутствующих. Я знаю его любовь кипящую, пламенеющую, горячую и непреодолимую, которую он укоренил в самой глубине души и хранит с великим усердием. Он совершенно знает, что любовь есть глава, корень, источник и мать всех благ, и что без нее все прочее не приносит нам никакой пользы; она есть знак учеников Господа, отличительное свойство рабов Божьих, признак апостолов. "По тому узнают все", говорит (Иисус Христос), "что вы Мои ученики" (Иоан. 13:35). Что же, скажи мне, значит – "по тому"? О воскрешении ли мертвых, или очищении прокаженных, или изгнании бесов? Нет, говорит Он; и, умалчивая обо всем этом, присовокупляет: "по тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою". Такие дела суть дары одной вышней благодати, а любовь есть добродетель, зависящая и от человеческого усердия. Человека доблестного обыкновенно отличают не столько дары, посылаемые свыше, сколько заслуги собственных его трудов. Потому Христос и говорит, что Его ученики узнаются не по знамениям, а по любви. Когда есть любовь, то стяжавший ее не имеет недостатка ни в какой части любомудрия, но обладает всецелой, всесовершенной и полной добродетелью; равно как без нее он лишается всех благ. Поэтому и Павел восхваляет и превозносит ее, или вернее сказать, сколько бы он ни говорил, никогда не в состоянии вполне выразить ее достоинства.

2. Что может сравниться с той, которая заключает в себе пророков и весь закон и без которой ни вера, ни знание, ни ведение тайн, ни самое мученичество и ничто другое не может спасти того, кто достиг всего этого? "И отдам тело мое", говорит апостол, "на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы" (1 Кор. 13:3). И еще, в другом месте, объясняя, что любовь больше всего и есть глава всех благ, он сказал: "любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится, пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше" (1 Кор. 13:8,13). Впрочем, речь о любви привела нас к немаловажному вопросу. Что "пророчества прекратятся, и языки умолкнут", это не тяжко; потому что эти дарования принесли нам в свое время пользу и, прекратившись, не могут несколько повредить учению; так, например, теперь нет ни пророчества, ни дара языков, и, однако, учение

благочестия не встречает никакого препятствия; а что и знание прекратится, это требует исследования. Сказав: "пророчества прекратятся, и языки умолкнут", апостол присовокупил: "и знание упразднится". Если же прекратится знание, то дело будет клониться у нас не к лучшему, а к худшему; потому что без знания мы совершенно перестанем быть людьми: "бойся Бога", говорит (премудрый), "и заповеди Его соблюдай, потому что в этом все для человека" (Еккл. 12:13). Если быть человеком значит бояться Бога, а страх Божий происходит от знания, знание же "упразднится", как говорит Павел, то мы, когда не будет знания, совершенно погибнем, все у нас исчезнет, и мы будем несколько не лучше бессловесных, но еще гораздо хуже; потому что мы превосходим их разумом, а во всем прочем телесном много уступаем им. Итак, что значит и о чем говорит Павел в словах: "знание упразднится"? Не о всецелом знании, а о части знания он говорит это, называя упразднением переход к лучшему, так что частное, по его упразднению, будет уже не частным, а совершенным. Как возраст дитяти упраздняется не уничтожением его существования, но возрастая и переходом его в возраст совершенного мужа, так бывает и со знанием. Это малое, говорит он, уже не будет малым, когда сделается впоследствии великим; вот что значит: "упразднится", это яснее нам он выразил в следующих словах. Чтобы кто-нибудь, услышав об упразднении, не подумал, что оно есть совершенное уничтожение, но знал, что это только некоторое возрастание и переход к лучшему, он, сказав: "упразднится", присовокупил: "ибо мы отчасти знаем, и отчасти пророчествуем: когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится" (1 Кор. 13:9-10), так что знание будет уже не отчасти, но совершенным. Несовершенство его упразднится тем, что оно будет уже не несовершенным, а совершенным. Таким образом, это упразднение есть восполнение и переход к лучшему.

3. И посмотри на мудрость Павла; он не сказал: часть мы разумеем, но: "отчасти знаем", выражая, что мы обладаем частью части. Может быть, вы желаете слышать, какую часть мы обладаем и какой нам недостает, и большей ли мы обладаем, или меньшей? Чтобы ты знал, что обладаешь меньшей частью, и не просто меньшей, но, можно сказать, сотой или тысячной, послушай следующее. Впрочем, прежде прочтения вам апостольского изречения, я приведу пример, который, сколько возможно для примера, может показать вам, какой части недостает нам и какой мы ныне обладаем. Какое же различие между знанием, которое будет дано нам, и настоящим. Такое различие, какое между мужем совершенным и грудным младенцем; так велико превосходство будущего знания в сравнении с настоящим. А что это истинно, и что первое действительно настолько выше последнего, об этом пусть опять скажет сам Павел. Сказав: "отчасти знаем", и желая показать, от какой части и что мы именно обладаем ныне малейшей частью, он присовокупил: "когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое" (Кор. 13:11), причем сравнил настоящее знание с состоянием младенца, а будущее знание с состоянием совершенного мужа. И не сказал: когда я был отроком, - ибо отроком называется и двенадцатилетний, - но: "когда я был младенцем", представляя нам младенца грудного, еще питающегося молоком и сосущего грудь. А что Писание такого именно называет младенцем, послушай слова псалма: "Господи, Боже наш! как величественно имя Твое по всей земле! Слава Твоя простирается превыше небес! Из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу" (Псал. 8:1-2). Видишь ли, что младенцем везде (Писание) называет грудное дитя? Потом, приводя духом бесстыдство будущих людей, апостол не удовольствовался одним только этим примером, но и вторым и третьим подтвердил нам тоже. Как Моисей, посылаемый к иудеям, получил в удостоверение три знамения, дабы, если они не поверят первому, послушались голоса второго, а если пренебрегут и этим, то устыдились бы третьего и приняли пророка (Исх, гл.

4), так и Павел приводит три примера: один - младенца, когда говорит: "когда я был младенцем, то по-младенчески мыслил"; второй - зеркала, и третий - гадания. Сказав: "когда я был младенцем", он присовокупил: "мы видим как бы сквозь [тусклое] стекло, гадательно" (1 Кор. 13:12). Вот второй пример нынешней нашей немощи и того, что наше знание несовершенно; третий еще: "гадательно". И младенец видит, слышит и говорит многое, но ясно ничего не видит, не слышит и не говорит; он и мыслит, но ни о чем не мыслит отдельно; так и я, хотя знаю многое, но не разумею способа существования предметов. Я знаю, что Бог существует везде, и то знаю, что Он везде существует всецело; но каким образом, этого не знаю; знаю, что Он безначален, не рожден, вечен; но как, этого не знаю, потому что ум не может постигнуть, как может быть существо, не имеющее начала бытия своего ни от себя самого, ни от другого. Я знаю, что Он родил Сына, но как, этого не разумею; знаю, что Дух из Него; но как из Него, этого не постигаю; я вкушаю яства, но как они обращаются в мокроту, в кровь, в соки, в желчь, не знаю. Того, что мы каждый день видим и вкушаем, мы не разумеем; как же мы хотим исследовать существо Божье?

4. Итак, где те, которые говорят, что они получили все знание, а между тем впали в бездну неведения? Ибо они, утверждая, что постигли все в настоящее время, в будущем лишают себя всецелого знания. Когда я говорю, что знаю только отчасти, и затем утверждаю, что это знание упразднится, то я ожидаю лучшего и совершеннейшего, так как частное упразднится и наступит совершеннейшее; а тот, кто говорит, что он обладает полным, всецелым и совершенным знанием, и потом признает, что оно в будущем упразднится, объявляет себя лишенным знания, так как это знание упразднится, а другое совершеннейшее не наступит, если настоящее, по их мнению, есть совершенное. Видите ли, как они, усиливаясь здесь иметь все, и здешнего не имеют, и там лишают себя всего? Таково зло - не оставаться в пределах, которые от начала назначил нам Бог! Так и Адам, в надежде на большую честь, лишился и той, какая была; так бывает и со сребролюбцами: многие, желая большего, часто теряют и настоящее; так и эти люди, надеясь здесь иметь все, лишились и части. Посему увещаваю избегать их безумия; ибо крайнее безумие - присваивать себе знание того, что есть Бог по существу. А дабы убедиться, что это крайне безумно, я объясню вам это из пророков. Пророки, как видно, не только не знали, что есть Бог по существу, но и о премудрости Его недоумевали, как она велика, хотя не существо зависит от премудрости, а премудрость от существа. Если же пророки не могли постигнуть с точностью даже этого (свойства Божьего), то, как безумно было бы думать, что собственными суждениями можно определить самое существо Божье? Итак, выслушаем, что говорит пророк о премудрости Божьей: "дивно для меня ведение [Твое]" (Псал. 138:6). Впрочем, начнем речь с другого места: "славлю Тебя, потому что я дивно устроен" (Псал. 138:14). Что значит: "дивно"? Многому мы удивляемся теперь, но не со страхом; например - красоте колонн, произведениям живописи, цветам тел; удивляемся и величию моря, также и неизмеримой бездне, но со страхом тогда, когда в эту бездну будем погружаться. Так и пророк, углубившись в беспредельное и неизмеримое море премудрости Божьей, изумился и в удивлении с великим страхом отступил, взывая так: "славлю Тебя, потому что я дивно устроен. Дивны дела Твои"; и еще: "дивно для меня ведение [Твое], - высоко, не могу постигнуть его" (Псал. 138:14,6). Посмотри на признательность раба: благодарю Тебя, говорит он, за то, что я имею непостижимого Владыку; говорит здесь не о существе Его; - это он оставляет, как уже признанное непостижимым; - но говорит здесь о вездесущии Божьем, выражая, что он не знает и того, как Бог везде присутствует. А что он именно об этом говорит, выслушай следующее: "взойду ли на небо - Ты там; сойду ли в преисподнюю - и там Ты" (Псал. 138:8). Видишь ли, как Бог везде присутствует? И, однако, пророк не знает, но изумляется, недоумевает и ужасается при одной только мысли об этом. Итак, не крайне ли безумны те, которые,

будучи столь далеки от благодати пророка, усиливаются постигнуть самое существо Божье? Тот же пророк говорит: "внутри меня явил мне мудрость" (Псал. 50:8); и, однако, познав безвестное и тайное премудрости Его, о ней самой он говорит, что она беспредельна и непостижима. "велик Господь наш", говорит он, "и велика крепость [Его], и разум Его неизмерим", т. е. нет возможности постигнуть его (Псал. 146:5). Что же ты говоришь? Для пророка премудрость (Божья) непостижима, а для нас постижимо и существо Его? Не явное ли это безумие? Величие Его не имеет предела, а ты ограничиваешь существо Его?

5. Размышляя об этом, и Исаия сказал: "род Его кто изъяснит" (Иса. 53:8)? Не сказал: кто исповедает, но: "кто изъяснит", устранив возможность этого и в будущем. Давид говорит: "дивно для меня ведение [Твое]" (Пс. 138:6); а Исаия говорит, что не ему только, но и всему человеческому роду недоступно это исповедание. Впрочем, посмотрим, не знал ли этого Павел, так как ему дана была большая благодать; но он сам говорит: "отчасти знаем, и отчасти пророчествуем" (1 Кор. 13:9), - и не только здесь, но и в другом месте, где рассуждает не о существе (Божьем), но о премудрости, видимой в промышленности, и притом исследует не всецелую премудрость Божью, по которой Он промышленяет об ангелах, архангелах и вышних силах, а только ту часть промысла (Божья), по которой Он промышленяет о людях на земле, и даже только часть этого промысла. Он исследует не всю премудрость, по которой Бог совершает восход солнца, по которой вдыхает души, по которой образует тела, по которой питает людей на земле, по которой содержит мир, по которой дает ежегодную пищу; но, оставив все это и наследуя некоторую малую часть промысла Божья, по которой Он отверг иудеев и принял язычников, и при взгляде на эту самую малую часть, как на беспредельное море, он изумился и, увидев неизмеримую бездну, тотчас отступил и громко воскликнул: "о, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как неисследимы судьбы Его" (Римл. 11:33): не сказал: непостижимы, но: "неисследимы"; если же невозможно испытать их, то тем более невозможно постигнуть. "И неисследимы пути Его". Скажи мне, если пути Его неисследимы, неужели сам Он постижим? Но что я говорю о путях? Даже ожидающие нас награды непостижимы; ибо "не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его" (1 Кор. 2:9). И дар Его невыразим: "благодарение Богу", говорит апостол, "за неизреченный дар Его" (2 Кор. 9:15). "И мир Божий, который превыше всякого ума" (Филип. 4:7). Что же ты говоришь? Судьбы Его непостижимы, пути Его неисследимы, мир превосходит всякий ум, дар невыразим, уготованное Богом любящим Его не приходило на сердце человеку, величие не имеет предела, разум без числа, все непостижимо, а сам Он постижим? Не крайняя ли это степень безумия? Удержи еретика; не позволяй ему удалиться; спроси, что говорит Павел в словах: "от части знаем"? Может быть, он скажет, что Павел говорит здесь не о существе (Божьем), а о делах домостроительства. Тем лучше, если у него была речь и о делах домостроительства, то еще больше наша победа; ибо, если дела домостроительства Божья непостижимы, то гораздо больше - Он сам. А что здесь апостол говорит не о делах домостроительства, но о самом Боге, выслушай следующее. Сказав: "отчасти знаем, и отчасти пророчествуем", он присовокупил: "теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан" (1 Кор. 13:9,12). От кого же он познан был: от Бога, или от дел домостроительства? Очевидно, от Бога; следовательно, Его он и "знает отчасти". "Отчасти", сказал он не в том смысле, будто одну часть Его существа он знает, а другой не знает (Бог - существо простое), но он знает, что Бог существует, а того, что Он есть по существу, не знает; знает, что Он премудр, а насколько премудр, не знает; не знает, что Он велик, а насколько велик, или каково величие его, этого не знает; знает, что Он везде присутствует, а как это, не знает; не знает, что Он промышленяет, содержит все и сохраняет в целости, но каким образом Он делает это, не знает. Посему он и сказал: "отчасти знаем, и отчасти пророчествуем".

6. Но, если угодно, оставим Павла и пророков и взойдем на небеса, нет ли там кого-нибудь знающего, что есть Бог по существу. Конечно, хотя бы там и нашлись знающие, у них нет ничего общего с нами; ибо велико различие между ангелами и людьми; однако, чтобы ты сильнее убедился, что и там ни одна созданная сила не знает этого, послушаем ангелов. Что же? О существе ли Божьем они беседуют там и вопрошают друг друга? Нет, но что? Они прославляют, поклоняются непрестанно с великим трепетом воссылают хвалебные и таинственные песнопения; и одни говорят: "слава в вышних Богу" (Лук. 2:14); серафимы взывают: "Свят, Свят, Свят" (Иса. 6:3), и отвращают очи свои, не имея сил сносить даже снисхождения Божья; а херувимы восклицают: "благословенна слава Господа от места своего" (Иезек. 3:12), не потому, чтобы было место у Бога, - да не будет, - но как мы сказали бы, выражаясь по-человечески: где бы Он ни был, или как бы Он ни был, - если только и это безопасно сказать о Боге, так как наш язык - человеческий. Видишь ли, какой страх вверху, и какое пренебрежение внизу? Те прославляют, а эти исследуют; те славословят, а эти испытывают; те закрывают лица, а эти усиливаются бесстыдно взирать на неизреченную славу. Кто не будет вздыхать, кто не будет оплакивать их бессмысленность и такое крайнее безумие? Я желал бы еще продолжить речь, но так как я теперь в первый раз вступил в эти состязания, то, думаю, для вас полезно будет пока удовольствоваться сказанным, чтобы множество предметов, о которых будет сказано, сменяясь с великой стремительностью, не изгладило и этого из памяти; но непременно, если Бог допустит, мы еще много будем заниматься этим предметом. Я давно питал желание вести с вами речь об этом, но медлил и отлагал, видя, что многие из зараженных этой болезнью с удовольствием слушают нас; не желая отгонять добычу, я до сих пор удерживал язык от этих состязаний, чтобы, сильнее привлеки их, потом и выступить на борьбу; а так как, по благодати Божьей, они сами, как я слышал, приглашают и вызывают меня на эти состязания, то я уже смело выступил на борьбу и взял "оружия", помышления "и всякое превозношение, восстающее против познания Божия" (2 Кор. 10:4-5). Впрочем, я взял это оружие не для того, чтобы низложить противников, но чтобы восстановить лежащих; сила этого оружия такова, что любящих споры оно может поражать, а благонамеренных слушателей исцелять с великим успехом; оно не наносит ран, но исцеляет раны.

7. Итак, не будем сердиться и гневно относиться к ним, но будем кротко беседовать с ними; ибо нет ничего сильнее скромности и кротости. Посему и Павел повелел тщательно придерживаться этого, сказав: "рабу же Господа не должно ссориться, но быть приветливым ко всем" (2 Тим. 2:24); не сказал: к братьям только, но: "ко всем". И еще: кротость ваша да будет известна всем человекам", - не сказал: братьям, но - "всем человекам" (Филип. 4:5). Ибо, что пользы, говорит (Господь), "если вы будете любить любящих вас" (Матф. 5:46)? Если дружба с кем-нибудь вредит и влечет к участию в нечестии, то, хотя бы то были родители, удались от них; хотя бы то был глаз, исторгни его. "Если же", говорит Господь, "правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его" (Матф. 5:29); Он говорит не о теле: как это может быть? Если бы Он говорил о телесной природе, то вина падала бы на Создателя природы; притом надобно было бы исторгнуть не один глаз; потому что, если останется левый, то он также может соблазнять владеющего им. Но чтобы ты знал, что здесь речь не о глазе, Господь прибавил: "правый", указывая на то, что хотя бы кто был для тебя так дорог, как правый глаз, вырви его и расторгни свою дружбу с ним, если он соблазняет тебя. Что пользы иметь глаз, если погибнет целое тело? Итак, если дружба, как я сказал, причиняет вред, то будем избегать ее и удаляться; а если она несколько не вредит нашему благочестию, то будем привлекать и привязывать к себе друзей; если же сам ты не приносишь пользы другу, а от него получаешь вред, то предпочитай оставаться невредимым в разлуке с ним, и избегай дружеских связей, если

они вредят, - только избегай, а не ссорься и не враждуй. Так увещевает и Павел следующими словами: "если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми" (Римл. 12:18). Ты - раб Бога мира; Он, изгонявший бесов и совершавший множество добрых дел, когда называли Его беснующимся, не ниспослал молнии, не поразил поносителей, не сжег языка столь бесстыдного и неблагодарного, хотя мог сделать все это, а только отклонил укоризну, сказав: "во Мне беса нет; но Я чту Отца Моего" (Иоан. 8:49). А когда раб первосвященника ударил Его, что сказал Он? "если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня" (Иоан. 18:23)? Если же владыка ангелов отвечает и оправдывается перед рабом, то нет нужды говорить более. Храни только эти слова в уме, часто повторяй их и говори: "если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня?" Представляй себе, Кто говорит это, кому говорит и почему, и будут для тебя эти слова некоторым божественным и непрестанным припевом, который в состоянии будет утишить всякое раздражение; представляй достоинство Оскорбленного, ничтожество оскорбившего, чрезмерность оскорбления. Раб не только поносил, но и ударил, и не просто ударил, но в ланиту; нет ничего поноснее такого удара; однако Господь все перенес, чтобы ты наилучшим образом научился смиренномудрию. Об этом не только будем рассуждать теперь, но вспомним и тогда, когда придет время. Вы похвалили сказанное, но выразите мне эту похвалу делами. Ратоборец упражняется в своей школе для того, чтобы при ратоборстве показать пользу этих упражнений; так и ты, когда разгневаешься, покажи пользу здешнего слушания, и непрестанно повторяй эти слова: "если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня?" Начертайте это в своем уме; для того я непрестанно и повторяю вам эти слова, чтобы все сказанное внедрилось в вашей душе, чтобы осталось неизгладимым в вашей памяти, и от этого памятования была польза. Если мы будем иметь эти слова ясно начертанными в нашем уме, то никто не будет столь каменным, непризнательным и бесчувственным, чтобы когда-нибудь увлечься гневом; эти слова, лучше всякой узды и всяких удил, могут удерживать наш язык, выходящий из пределов умеренности и благопристойности, успокоить возбужденный ум, расположить к постоянной скромности и водворить в нас полный мир, которым да сподобимся мы наслаждаться всегда, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава и поклонение, ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

[1] Епископ антиохийский Флавиан

ПРОТИВ АНОМЕЕВ.

В заглавии этого слова сказано: (св. Иоанна Златоустого) за много дней прежде говорившего против аномеев, потом против иудеев, потом не говорившего по причине присутствия епископов и совершавшихся воспоминаний о многих мучениках, теперь опять (слово) против аномеев, о непостижимом.

СЛОВО ВТОРОЕ.

В рассуждении о божественных предметах нужно руководиться не разумом, а верой. - Аноеи притязают на то, что они знают Бога так же, как Он знает Самого Себя. - Испытывать Его сущность с чрезмерным любопытством значит оскорблять Его. - Необходимость умеренности в рассуждениях с еретиками.

Выступим опять против неверных аномеев; если они негодуют, получая название неверных, то пусть они избегают самого дела, и я не буду употреблять этого названия; пусть они оставят неверные мысли, и я оставлю оскорбительное название. Если же они, бесчестя веру делами и подвергая себя посрамлению, не стыдятся; то почему негодуют на меня, укоряющего их словами в том, что они сами показывают делами? Когда я недавно, как вы помните, начал рассуждения о них и даже вступил в борьбу с ними, тотчас заняли меня состязания с иудеями, ибо не безопасно было оставить без внимания собственные заболевшие члены. Для рассуждений против аномеев всегда есть время; а тогда, если бы я предварительно и скоро не спас от иудейского пожара больных наших братьев, зараженных иудейскими мнениями, не последовало бы никакой пользы от нашего увещания, так как у них распространялся грех касательно поста. После же состязаний с иудеями меня опять заняло прибытие многих духовных отцов, собравшихся сюда от многих мест, и мне не благовременно было продолжать свои рассуждения, когда все они стеклись как бы реки в это духовное море; а по отбытии их непрестанно следовали одни за другими воспоминания о мучениках, и должно было бы не пренебрегать прославлением этих подвижников. Говорю это и перечисляю для того, чтобы вы не подумали, будто замедление состязаний с аномеями произошло у меня от лености и нерадения. Теперь же, когда я уже освободился от борьбы с иудеями, и отцы возвратились в свои отечества, и довольно насладились мы славословием мучеников, я приступлю к удовлетворению давнего вашего желания слушать меня. Я хорошо знаю, что каждый из вас желает слушать рассуждения об этом не менее того, сколько я желаю говорить; а причина та, что город наш издавна христолюбив и такое вы получили наследие от предков, чтобы не пренебрегать искажением благочестивых догматов. Откуда это видно? Некогда, при ваших предках, пришли "некоторые из Иудеи" (Деян. 15:1), искажая чистые догматы апостольского учения и повелевая обрезываться и соблюдать закон Моисеев. Тогдашние жители вашего города не потерпели этого нововведения и не смолчали; но подобно тому, как поступают верные псы, увидев волков, нападающих и повреждающих все стадо, они восстали против них и перестали выгонять их отовсюду и преследовать не прежде, как сделали то, что по всей вселенной разосланы были апостолами догматы, полагающие преграду такому нападению на верных как этим людям, так и всем после них.

2. С чего начать нам рассуждения против аномеев? С чего иного, как не с обличения их в неверии? Они делают и предпринимают все, чтобы исторгнуть из души слушателей веру; а какая вина больше этой может быть доказательством нечестия? Когда Бог объявляет что-нибудь, то сказанное должно принимать с верой, а не исследовать дерзко. Пусть, кому из них угодно, называют меня неверным: я не досаую. Почему? Потому, что я делами показываю, как называть меня. Что я говорю: пусть называют неверным? Пусть называют меня даже безумным о Христе; и этим названием я восхищаюсь, как венцом; потому что разделяю это название с Павлом, который говорит: "мы безумны Христа ради" (1 Кор. 4:10). Это безумие разумнее всякой мудрости; потому что чего не могла достигнуть внешняя (языческая) мудрость, то совершенно буйством о Христе; оно разогнало мрак вселенной, оно принесло свет ведения. Но что такое "безумие" о Христе? То, когда мы укрощаем собственные помыслы, мятущиеся безвременно, когда освобождаем и очищаем свой ум от внешнего учения, чтобы, когда нужно принимать Христово учение, он был у нас свободен и очищен для принятия божественных вещаний. Когда Бог объявляет что-нибудь такое, чего не должно исследовать, то надлежит принимать верой. Исследовать причины этого, требовать отчета и допытываться способа осуществления, свойственно душе самой дерзкой и отчаянной. Это я постараюсь доказать также из самых Писаний. Некто Захария был муж дивный и великий, почтенный первосвященством,

получивший от Бога право предстательствовать за весь народ. Этот Захария, вошедши во Святое Святых, в место самое недоступное, которое видеть тогда позволялось только ему одному из всех людей (заметь, он был равносителен целому народу, так что мог возносить к Богу молитвы за весь народ и умолять Владыку за рабов; видишь ли величие дерзновения его, как бы некоторого посредника между Богом и людьми?), увидел ангела стоявшего внутри; и так как вид его устрашал человека, то ангел сказал: "не бойся, Захария, ибо услышана молитва твоя", и вот ты родишь сына (Лук. 1:13). Какая же здесь последовательность? Тот просил за народ, молился за грехи, испрашивал прощения подобным себе рабам, а (ангел) говорит: "не бойся, Захария, ибо услышана молитва твоя", и в доказательство того, что она услышана, возвещает, что у него родится сын Иоанн? Весьма правильная последовательность; так как Захария молился за грехи народа, а имел родить сына, который взывал: "вот Агнец Божий, Который берет [на Себя] грех мира" (Иоан. 1:29); то ангел справедливо говорит: "услышана молитва твоя", и ты родишь сына. Что же Захария? Речь у нас о том, что допытываться способов исполнения вещаний божественных непростительно, что нужно принимать эти определения верой. А Захария знал свой возраст, седины, ослабевшее тело, знал бесплодие жены, и не поверил, пожелал узнать способ исполнения и сказал: "по чему я узнаю это" (Лук. 1, 18)? Как говорит он, это исполнится? Вот, "ибо я стар" и поседел, "и жена моя" бесплодна, "в летах преклонных"; возраст поздний, природа неспособная; как исполнится обещанное? Я - сеятель слабый, нива неплодна. Не кажется ли кому-нибудь, что он достоин извинения, спрашивая об исполнении дела, и, по-видимому, не справедливо ли он говорит? Но перед Богом он не оказался достойным извинения; и весьма справедливо. Когда Бог объявляет что-нибудь, то не должно поднимать суждений и указывать на последовательность дел, или требование природы, и на что-либо другое подобное; потому что сила определения (Божья) выше всего этого и не останавливается никаким препятствием. Что делаешь ты, человек? Бог обещает, а ты указываешь на возраст и ссылаешься на старость. Неужели старость сильнее обетования Божья? Неужели природа могущественнее Творца природы? Разве ты не знаешь, что крепки дела слов Его? Словом Его утверждено небо, слово Его произвело тварь, слово Его сотворило ангелов, а ты сомневаешься в рождении? Поэтому ангел и разгневался и не простил Захарии даже ради его священства; напротив, по этому самому он был больше наказан. Тот, кто был почтен более других, должен был превосходить других и верой. Какой же способ наказания? "И вот, ты будешь молчать, и не будешь иметь возможности говорить" (Лук. 1:20). Язык твой, говорит он, послужил к произнесению слов неверия; он же получит и наказание за неверие: "и вот, ты будешь молчать, и не будешь иметь возможности говорить до того дня, как это сбудется". Представь человеколюбие Господа: ты не веришь мне, говорит Он, - прими же теперь наказание; а когда я оправдаю это самыми делами, тогда прекращу гнев; когда узнаешь, что ты справедливо наказан, тогда освобожу тебя от наказания. Пусть послушают аномеи, как гневается Бог, когда Он подвергается исследованию. Если же Захария наказывается за то, что не поверил смертному рождению, то, скажи мне, как избежешь наказания ты, исследуя неизреченное и вышнее? Захария не утверждал чего-нибудь, а только желал узнать, и однако не получил прощения; какое же будешь иметь оправдание ты, утверждающий, что знаешь даже невидимое и непостижимое для всех, какого не навлечешь на себя наказания?

3. Впрочем, рассуждения о рождении пусть останутся до удобного времени; а теперь приступим к прежнему предмету, которого я прежде не докончил, стараясь вырвать губительный корень, мать всех зол, от которого и произошли у них такие мнения. Какой же это корень всех зол? Поверьте, ужас объемлет меня, когда я намереваюсь назвать его; не решаюсь языком произнести то, что они постоянно держат в уме. Какой же корень этих зол? Человек дерзнул сказать: я знаю Бога так, как сам Бог знает себя. Нужно ли обличать

это? Нужно ли доказывать? Не довольно ли только произнести такие слова, чтобы показать все их нечестие? Это - явное безумие, непростительное безрассудство, новейший вид нечестия; никто никогда не дерзал ни помыслить, ни произнести языком ничего подобного. Подумай, несчастный и жалкий, кто ты и Кого исследуешь? Ты - человек, а исследуешь Бога? Достаточно одних этих названий, чтобы выразить крайность безумия: человек - земля и пепел, плоть и кровь, трава и цвет травы, тень, и дым, и тщета, и все, что только есть негоднее и немощнее этого. Не подумайте, что это сказано к осуждению природы (человеческой); не я говорю это, но пророки так рассуждают, не к бесчестию нашего рода, но для усмирения надменности безумных, не для унижения нашей природы, но для низложения гордости неистовствующих. Если после таких и столь многих изречений пророков нашлись люди, превзошедшие дерзостью самого дьявола, то скажи мне, до какого безумия дошли бы они, если бы ничего такого не было сказано? Если они страдают недугом (безумия), имея перед собой врачевство, то какой гордостью и высокомерием не надмевались бы они, если бы пророки не произнесли таких и столь многих выражений о природе человеческой? Послушай, что говорит праведный патриарх о себе самом: "я, прах и пепел" (Быт. 18:27). С Богом беседовал он, и, однако, это достоинство не произвело в нем гордости; напротив оно именно и научило его быть смиренным. А эти люди, недостойные и тени его, считают себя больше самих ангелов, что и служит доказательством их крайнего безумия. Неужели, скажи мне, ты исследуешь Бога, безначального, неизменяемого, бестелесного, нетленного, вездесущего, превосходящего все и превышающего всякую тварь? Послушай, что говорят о Нем пророки, и убойся. "Призывает на землю, и она трясется" (Псал. 103:32); Он возрел только и поколебал столь великую землю. "Прикасается к горам, и дымятся" (Пс. 103:32); "сдвигает землю с места ее, и столбы ее дрожат" (Иов. 9:6); угрожающий морю и иссушающий его; "бездне говорит: иссохни!" (Иса. 44:27); "море увидело и побежало; Иордан обратился назад. Горы прыгали, как овны, и холмы, как агнцы" (Псал. 113:3-4). Вся тварь колеблется, страшится, трепещет; только они одни пренебрегают, презирают, унижают собственное спасение, не хочу сказать - Владыку всех. Прежде я вразумлял их примером вышних сил, ангелов, архангелов, херувимов, серафимов, теперь же - примером бесчувственных тварей, но они и этим не вразумляются. Не видишь ли это небо, как оно прекрасно, как величественно, как увенчано разнообразным сонмом звезд? Сколько лет продолжает оно существовать? Пять тысяч с лишком лет стоит оно, и такое долгое время не состарило его; но как юное и здоровое тело сохраняет цвет и силу, свойственные его возрасту, так и небо сохранило красоту, которую получило сначала, и нисколько не сделалось дряхлее от времени. Но это небо прекрасное, величественное, светлое, украшенное звездами, крепкое, устоявшее в течение столь долгого времени, создал тот Бог, Которого ты исследуешь и заключаешь в пределы собственных суждений, создал с такой легкостью, с какой кто-нибудь шутя делал бы палатку. Изображая это, Исаия говорил: "Он распростер небеса, как тонкую ткань, и раскинул их, как шатер для жилья" (Иса. 40:22). Хочешь ли взглянуть и на землю? Он и ее сотворил, как ничто. О небе (пророк) говорит: "Он распростер небеса, как тонкую ткань, и раскинул их, как шатер для жилья"; а о земле: "восседает над кругом земли, землю делает чем-то пустым судей земли" (Иса. 40:22-23). Видишь ли, как он назвал "ничем" столь великую землю?

4. Представь, какую тяжесть гор, сколько племен людей, сколько высоких и разнообразных растений, сколько городов, сколько огромных зданий, какое множество четвероногих, зверей, пресмыкающихся и разных животных земля носит на раменах своих. И, однако, такую громаду Бог создал так легко, что пророк не мог найти даже подобия этой легкости, а сказал, что Он создал землю, как "ничто". Так как величие и красота видимого недостаточны для изображения могущества Создателя, но весьма далеко отстоят от величия и всего могущества Создавшего их, то пророки нашли другой

способ, посредством которого по силам своим могли несколько полнее выразить могущество Божье. Какой же это способ? Они не только изображают величие тварей, но указывают и на способ создания, чтобы из того и другого, из величия тварей и из легкости создания, мы могли получить, по силам своим, достойное понятие о могуществе Божьем. Итак, принимай во внимание не только величие тварей, но и легкость, с какой Бог создал их. Это объяснение относится не только к земле, но и к самой природе человеческой: ибо (пророк) говорит: "восседает над кругом земли, и живущие на ней - как саранча" (Иса. 40:22); и в другом месте говорит: "вот народы - как капля из ведра" (Иса. 40:15). Не принимай этих слов поверхностно, но вникни в них и исследуй: перечисли все народы, сирийцев, киликийян, каппадокийян, вифинян, жителей Евксинского Понта, Фракии, Македонии, всей Греции, живущих на островах, в Италии, за нашей областью, на островах британских, савроматов, индийцев, населяющих землю персидскую, и другие бесчисленные народы и племена, которых и по именам мы не знаем; все эти народы, говорит (пророк), "как капля из ведра". Какую же, скажи мне, часть этой капли составляешь ты, испытующий Бога, перед Которым все народы, "как капля из ведра"? Но для чего говорить о небе, земле, море и природе человеческой? Взойдем мыслью на небо и обратимся к ангелам. Вы, конечно, знаете, что один только ангел равносильен этой видимой твари, или даже гораздо важнее ее. Если весь мир не достоин праведного человека, как говорит Павел: "те, которых весь мир не был достоин" (Евр. 11:38); то тем более он не может быть достойным ангела, потому что ангелы гораздо выше праведников. И, однако, существуют мириады мириад ангелов, существуют и тысячи тысяч архангелов, престолы, господства, начала, власти, бесчисленные сонмы бестелесных сил и неисповедимые роды их, и все эти силы (Бог) сотворил с такой легкостью, которой не может выразить никакое слово. Для всего этого Ему достаточно было только захотеть, и как для нас хотение не составляет труда, так для Него - создание столь многих и столь великих сил. Выражая это, пророк сказал: "Господь творит все, что хочет, на небесах и на земле" (Пс. 134:6). Видишь ли, что не только для создания живущих на земле, но и для сотворения вышних сил Ему достаточно было одного хотения? Слыша это, скажи мне, как не оплакиваешь себя и не скрываешься в землю ты, дошедший до такой степени безумия, что Бога, Которому следовало бы только воздавать славословие и поклоняться, ты усиливаешься исследовать и испытывать, как что-нибудь из предметов самых маловажных? Посему и Павел, исполненный великой мудрости, созерцая несравненное превосходство Божье и немощь природы человеческой, негодует на испытующих дела домостроительства Его и, с великой силой укоряя их, говорит: "ты кто, человек, что споришь с Богом" (Римл. 9:20)? Кто ты? Вникни прежде в свою природу; невозможно найти названия, которое могло бы выразить твою немощь.

5. Но ты скажешь: я человек, почтенный свободой. Ты почтен не для того, чтобы употреблять свободу на прекословие, а для того, чтобы употреблять эту честь на послушание Почтившему. Бог почтил тебя не для того, чтобы ты оскорблял Его, но чтобы прославлял; оскорбляет же Бога тот, кто исследует существо Его. Если не исследовать обещаний Его - значит прославлять Его, то испытывать и исследовать не изречения только, но самого Изрекшего, значит бесчестить Его. А что не исследовать обещаний Его - значит прославлять Его, видно из слов Павла, который говорит об Аврааме, его послушании и вере во всем: "он не помышлял, что тело его, почти столетнего, уже омертвело, и утроба Саррина в омертвлении: не поколебался в обетовании Божьем неверием, но пребыл тверд в вере" (Римл. 4:19-20). Природа и возраст, говорит он, повергали его в отчаяние, но вера поддержала благие надежды. "И будучи вполне уверен, что Он силен и исполнить обещанное" (Римл. 4:21). Видишь ли, как Авраам, уверенный в том, что обещает Бог, воздает славу Богу? Итак, если тот, кто верит Богу, воздает Ему славу, то тот, кто не верит Ему, обращает бесчестие Его на свою собственную голову. "Ты кто, человек, что споришь с

Богом" (Римл. 9:20)? Потом, желая показать различие между человеком и Богом, апостол показал это, хотя не столько, сколько следовало бы, но так, что из приведенного подобия можно получить понятие и о гораздо большем их различии. Что говорит он? "Изделие скажет ли сделавшему его: "зачем ты меня так сделал?; Не властен ли горшечник над глиною, чтобы из той же смеси сделать один сосуд для почетного [употребления], а другой для низкого" (Римл. 11:20-21)? Что говоришь ты? Неужели я должен быть подвластным Богу так, как брение горшечнику? Да, говорит он; такое различие между человеком и Богом, какое между брением и горшечником, или лучше сказать, не такое различие, но гораздо большее. У брения и горшечника одно естество, как и у Иова сказано: не говорю о "живущих в храминах из брения, из которого мы сами из того же брения" (Иов. 4:19). Если же человек кажется лучше и благообразнее брения, то это различие произошло не от разности в существе их, но от мудрости Художника, так как (в сущности) ты ничем не отличаешься от брения. Если же не веришь, то пусть убедят тебя могилы и гробницы; подошедши к гробам предков, ты убедишься, что это действительно так. Между брением и горшечником нет различия; а между Богом и людьми такое различие по существу, какого ни слово представить, ни ум измерить не может. Поэтому, как брение следует за руками горшечника, куда бы он ни направил и ни подвинул его, так и ты, подобно брению, будь безгласен, когда Бог желает устроить что-нибудь. Впрочем, Павел сказал это не для того, чтобы отнять у нас свободу и унижить нашу самостоятельность (да не будет!); но для того, чтобы с большей силой обуздать нашу самонадеянность; если угодно, рассмотрим и это. Что желали некогда узнать те, которым Павел столь сильно заградил уста? Существо ли Божье они исследовали? Нет; на это никто никогда не дерзал; но они желали знать гораздо меньшее - дела домостроительства Божьего; например, почему такой-то наказывается, а такой-то получает помилование; почему такой-то освобождается от наказания, а другой страдает, один получает прощение, а другой не получает, - это и подобное тому они желали знать. Откуда это видно? Из предыдущих слов Павла; он сначала сказал: "кого хочет, милует; а кого хочет, ожесточает. Ты скажешь мне: "за что же еще обвиняет? Ибо кто противостанет воле Его?"; а потом присовокупил: "а ты кто, человек, что споришь с Богом" (Римл. 9:18-20)? Итак, Павел заграждает уста людей, хотевших исследовать дела домостроительства Божьего. Он не позволяет им даже этого; а ты, исследуя блаженное всеустраивающее Существо, не считаешь себя достойным тысячи молний? Не крайнее ли это безумие? Послушай, что говорит пророк, или лучше, Бог через него: "если Я отец, то где почтение ко Мне? и если Я Господь, то где благоговение предо Мною?" (Мал. 1:6)? Кто страшится, тот не исследует, но поклоняется, не испытывает, но славословит и прославляет. Пусть научат тебя этому и вышние силы и блаженный Павел; укоряя других, он и сам не имел противоположного настроения. Послушай, что говорит он Филиппийцам; объясняя, что он имеет частное знание, а еще не всецелое, как он говорил и в послании к Коринфянам: "от части знаем" (1 Кор. 13:9), он и теперь повторяет: "братия, я не почитаю себя достигшим" (Фил. 3:13). Что яснее этих слов? Громче трубы он провозгласил, научая всю вселенную довольствоваться данной мерой знания, и любить ее, и не думать - когда-нибудь постигнуть все. Что, скажи мне, говоришь ты? Ты имеешь Христа, вещающего в тебе, и говоришь: "я не почитаю себя достигшим"? Потому, отвечает он, я и сказал это, что я имею Христа, вещающего во мне; Он сам научил меня этому. Так и эти люди, если бы не были совершенно лишены помощи Духа и не отклонили от души своей всякое Его действие, то, слыша слова Павла: "не почитаю себя достигшим", не думали бы, что они сами постигли все.

6. Откуда, скажут, видно, что Павел говорит это о вере и знании и догматах, а не о жизни и поведении, и что его слова не значат: я считаю себя несовершенным в жизни и поведении? Это особенно он объяснил словами: "подвигом добрым я подвизался,

течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды (2 Тим. 4:7-8). Надеющийся получить венец и окончивший шествие не сказал бы: "я не почитаю себя достигшим". Притом никому из людей не безызвестно, что должно и чего не должно делать, но это известно и ведомо всем, и варварам, и персам, и всему роду человеческому. Впрочем, дабы яснее представить то, что я говорю, прочту этот отдел послания по порядку. Сказав: "берегитесь псов, берегитесь злых делателей" (Фил. 3:2), и предложив многое о тех, которые не благовременно вводили иудейское учение, Павел продолжает: "но что для меня было преимуществом, то ради Христа я почел тщетою: Да и все почитаю тщетою, и найтись в Нем не со своею праведностью, которая от закона, но с тою, которая через веру во Христа, с праведностью от Бога по вере" (Фил. 3:7-9). Потом объясняет, какой верой: "чтобы познать Его, и силу воскресения Его, и участие в страданиях Его" (Фил. 3:10). Что значит: "силу воскресения Его"? Показан некоторый новый образ воскресения, говорит он; ибо многие мертвые воскресали и прежде Христа, но так, как Он, не воскрес ни один. Все другие воскресавшие опять возвращались в землю, и, освободившись на время от владычества смерти, опять подвергались ее власти; а тело Господа по воскресении не возвратилось в землю, но вознеслось на небеса, разрушило всю власть врага, воскресило вместе с собой всю вселенную и ныне сидит на царском престоле. Представляя все это и объясняя, что никакой ум не может постигнуть столь многих и столь великих чудес, а одна только вера может познать и ясно представить их, Павел сказал: "верой познать силу воскресения Его". Если ум не может постигнуть и простого воскресения (так как оно выше человеческой природы и порядка вещей), то какой ум в состоянии будет постигнуть воскресение, столько отличающееся от других воскресений? Никакой; но нам нужна одна вера, которой мы могли бы убедиться, что умершее тело и воскресло, и перешло в жизнь бессмертную, не имеющую ни предела, ни конца; это Павел выражает и в другом месте: "Христос", говорит он, "воскреснув из мертвых, уже не умирает: смерть уже не имеет над Ним власти" (Римл. 6:9). Здесь двойное чудо: воскреснуть и воскреснуть таким именно образом. Посему Павел и сказал: "верой познать силу воскресения Его". Если же воскресения невозможно постигнуть умом, то не тем ли более - высшего рождения? Рассуждая об этом, беседуя и о кресте и страдании, Павел отнес и это к силе веры; потом, окончив речь об этом, он далее сказал: "братия, я не почитаю себя достигшим" (Филип. 3:13). Не сказал: "братия, я не почитаю себя познавшим", но: "достигшим"; не приписал себе ни совершенного неведения, ни совершенного знания. Сказав: "я не почитаю себя достигшим", он выразил, что находится еще на пути, идет и подвигается вперед, а конца еще не достиг. Тоже советует он и другим и говорит так: "кто из нас совершен, так должен мыслить; если же вы о чем иначе мыслите, то и это Бог вам откроет" (Фил. 3:15). Не ум научит, говорит он, но Бога откроет. Видишь ли, что речь идет не о жизни и поведении, а о догматах и вере? Не поведение и жизнь имеют нужду в откровении, а догматы и знание. И в другом месте объясняя то же самое, он сказал: "кто думает, что он знает что-нибудь, тот ничего еще не знает", не сказал просто: "ничего не знает", но прибавил: "как должно знать" (1 Кор. 8:2); т. е. хотя он и имеет знание, но неточное и несовершенное.

7. А чтобы тебе убедиться, что это истинно, не будем более рассуждать о вышнем, но, если угодно, поведем речь о видимой твари внизу. Видишь ли это небо? Мы знаем, что оно имеет вид свода, и это мы узнали не по соображениям ума, но из божественного Писания (Иса. 40:22); знаем и то, что оно объемлет всю землю, слышав об этом также из Писания; а каково оно по существу своему, не знаем. Если же кто будет опровергать и спорить, тот пусть скажет, что такое небо по существу своему: кристалл ли затверделый, облако ли сгустившееся, или воздух плотнейший? Никто не может сказать об этом ясно. Итак, скажи мне, нужны ли еще доказательства, чтобы убедиться в безумии тех, которые говорят, что они познали Бога? Ты ничего не можешь сказать о природе неба, видимого

ежедневно, а утверждаешь, будто в точности познал существо невидимого Бога? Кто столь нечувствителен, чтобы не осуждать крайнего безумия говорящих это? Посему увещаю всех вас стараться по силам вашим врачевать их, как впадших в болезнь сумасшествия и безумствующих, беседуя с ними снисходительно и кротко. Их учение произошло у них от безумия, и велика надменность ума их; а воспалившиеся раны не выносят наложения руки и не терпят крепкого прикосновения. Посему благоразумные врачи отирают такие раны какой-нибудь мягкой губкой. Итак, если и в душе этих людей есть воспалившаяся рана, то мы, собрав все сказанное, как бы напоив какую-нибудь нежную губку приятной и полезной водой, постараемся успокоить их воспаление и уничтожить всю надменность; и хотя бы они оскорбляли, хотя бы отталкивали, хотя бы плевали, и что ни делали бы, ты, возлюбленный, не прекращай врачевания. Врачуящим человека сумасшедшего необходимо терпеть много подобного; и, не смотря на все это отступить не следует, но поэтому особенно и нужно сокрушаться о них и плакать, что таков род их болезни. Это говорю я тем, которые более сильны и тверды и не могут получить никакого вреда от сообщения с больными; а кто более слаб, тот пусть избегает их сообщества, пусть удаляется от разговоров с ними, чтобы дружественное отношение не послужило поводом к нечестию. Так поступал и Павел; сам обращался с больными и говорил: "для Иудеев я был как Иудей, для чуждых закона - как чуждый закона" (1 Кор. 9:20-21); а учеников и более слабых отклонял от этого, увещевая и научая так: "худые сообщества развращают добрые нравы" (1 Кор. 15:33); и еще: "выйдите из среды их и отделитесь, говорит Господь" (2 Кор. 6:17). Если врач приходит к больному, то часто приносит пользу ему и самому себе; а несведущий, обращаясь с больными, вредит и самому себе и больному; больному он не может доставить никакой пользы, а самому себе причинит большой вред от болезни. Чему подвергаются те, которые смотрят на больных глазами, заражаясь от них этой болезнью, то же испытывают и вступающие в общение с богохульниками: если сами они слабы, то могут усвоить себе великую часть их нечестия. Итак, чтобы нам не причинить себе величайшего вреда, будем избегать их сообщества, будем только молить и просить человеколюбивого Бога, "Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины" (1 Тим. 2:4); да избавит их от заблуждения и дьявольской сети и приведет к свету познания, к Богу и Отцу Господа нашего Иисуса Христа, с животворящим и всесвятым Духом, Которому слава и держава ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

ПРОТИВ АНОМЕЕВ.

Полное заглавие этого слова следующее: "о непостижимом и о том, что даже снисхождение Божье невыносимо для серафимов".

СЛОВО ТРЕТЬЕ.

Славословие Бога более полезно человеку, чем Богу. - Бог непостижим для ангелов. - Человек не может проникнуть даже в существо ангелов. - Верховные силы не могут постигнуть Бога и при Его снисхождении. - Укор антиохийцам за то, что они тотчас после беседы ушли из церкви. - Действенность общественной молитвы.

Трудолюбивые земледельцы, видя бесплодное и негодное дерево, препятствующее трудам их и вредящее нежным растениям и твердостью корня и густотой, старательно вырубают его. Часто и ветер, подувший откуда-нибудь, помогает им в этой работе;

устремляясь на ветви дерева и сильно потрясая его, он сокрушает и повергает его на землю, и таким образом много облегчает труд земледельцев. Так как и мы отсекаем дерево дикое и негодное - ересь аномеев, то помолимся Богу о ниспослании нам благодати Духа, чтобы она, устремившись сильнее всякого ветра, исторгла с корнем эту ересь, и тем облегчила труд наш. Как земля, запущенная и не возделываемая руками земледельцев, часто произрастает из недр своих дурные травы, множество терния и дикие деревья, так и душа аномеев, пустая и незанятая упражнением в Писаниях, сама по себе и из себя произрастила дикую и негодную ересь. Этого дерева ни Павел не насаждал, ни Аполлос не напоил, ни Бог не возвращивал, а насадила его неуместная пытливость умствований, напоила горделивая надменность и возрастила страсть тщеславия. Нам нужен пламень Духа, чтобы не только исторгнуть, но и сжечь этот корень. Призовем же Бога, ими хулимого, а нами прославляемого, и помолимся, чтобы Он и языку моему даровал большую силу, и ум мой разверз для яснейшего раскрытия предмета речи. Весь труд наш для Него и для Его славы, или лучше, для собственного нашего спасения. Богу никто не может ни порицанием повредить, ни славословием доставить большую славу, но Он всегда остается в своей славе, не возвеличиваясь от славословий и не умаляясь от хулений; и те из людей, которые прославляют Его по достоинству, - впрочем, никто не может прославлять Его по достоинству, а только по своей силе, - получают себе пользу от этого славословия; те же, которые хулят и унижают Его, вредят собственному спасению. Изречение: "кто бросает камень вверх, бросает его на свою голову", сказал некто о богохульниках (Сир. 27:28). Как тот, кто бросает в высоту камень, не может пронзить вещества неба и даже докинуть до высоты его, но принимает удар на собственную голову, потому что камень обратно летит на бросившего; так точно и тот, кто хулит блаженное Существо Божье, никогда не может нисколько повредить Ему, - ибо Оно столь велико и высоко, что не доступно ни для какого вреда, - но сам изощряет меч на свою душу, оказываясь неблагодарным Благодетелю. Призовем же самого Бога неизреченного, неуразумяемого, невидимого, непостижимого, побеждающего силу человеческого языка, превосходящего понятие смертного ума, неисследимого для ангелов, незримого для серафимов, непостижимого для херувимов, невидимого для начал, властей, сил и вообще для всякой твари, а познаваемого только Сыном и Святым Духом. Знаю, что будут осуждать слова мои за дерзновение, с которым я сказал, что Он непостижим и для вышних сил; а я при этом буду осуждать их великое безумие и гордость. Дерзко - не то, когда говорят, что Создатель выше разумения всех тварей, но когда утверждают, что Непостижимого для вышних сил могут изъяснить и обнять своими слабыми умами те, которые пресмыкаются внизу и столь далеко отстоят от тех существ. Впрочем, если я не докажу того, что обещал, то по справедливости могу подвергнуться обвинению в дерзости; но если вы и после того, как я докажу, что Бог непостижим для вышних сил, еще будете спорить и утверждать, будто вы познали Его, то каких пропастей, каких стремнин будете достойны вы, хвалящиеся точным знанием Незримого для всех бестелесных сил?

2. Итак, приступим теперь к самым доказательствам, обратившись перед речью опять к молитве; потому что самое упражнение в молитве может доставить нам доказательство в пользу искомого. Призовем же Царя царствующих и Господа господствующих, единого имеющего бессмертие и живущего в свете неприступном, "Которого никто из человеков не видел и видеть не может. Ему честь и держава вечная! Аминь" (1 Тим. 6:15-16). Это не мои слова, а Павловы; ты же обрати внимание на благочестие души его и укоренившуюся в ней любовь. Вспомнив о Боге, он позволил себе приступить к изложению учения не прежде, как воздал Ему должное, заключив речь славословием. Если "память праведника пребудет благословенна" (Притч. 10:7), то тем более воспоминание о Боге - с благохвалением. То же Павел делает и в начале посланий; часто, начиная послание и

вспомнив о Боге, он не прежде приступает к учению, как воздав Ему должное славословие. Послушай, как говорит он в послании к Галатам: "благодать вам и мир от Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа, Который отдал Себя Самого за грехи наши, чтобы избавить нас от настоящего лукавого века, по воле Бога и Отца нашего, Ему слава во веки веков. Аминь" (Гал. 1:3-5). И еще в другом месте: "Царю же веков нетленному, невидимому, единому премудрому Богу честь и слава во веки веков. Аминь" (1 Тим. 1:17). Но, может быть, он делает так только в отношении к Отцу, а в отношении к Сыну не так? Послушай, как он и в отношении к Единородному делает то же самое; сказав: "я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти", он присовокупил: "которым принадлежат усыновление и слава, и заветы, и законоположение, и богослужение, и обетования, и от них Христос по плоти, сущий над всем Бог, благословенный во веки, аминь" (Римл. 9:3-5). Как Отцу, так и Единородному он сначала воздал славословие, а потом и приступил к продолжению речи; потому что слышал слова Христа: "дабы все чтити Сына, как чтут Отца" (Иоан. 5:23). А чтобы вы убедились, что самая молитва может доставить нам доказательство, теперь и представим это. "Царь царствующих", говорит он, "и Господь господствующих, единый имеющий бессмертие, Который обитает в неприступном свете" (1 Тим. 6:15-16). Здесь остановись и спроси еретика, что значит: "обитает в неприступном свете", и обрати внимание на точность выражений Павла. Не сказал он: сущий светом неприступным, но: "обитает в неприступном свете", дабы ты знал, что если жилище неприступно, то гораздо более живущий в нем Бог. Это сказал он не для того, чтобы ты подразумевал жилище и место у Бога, но чтобы ты с большим убеждением признал непостижимость Его. Притом не сказал: "обитает в свете" непостижимом, но: "неприступном", что гораздо больше непостижимости. Непостижимым называется то, что хотя исследовано и найдено, но остается непонятным для ищущих его; а неприступное - то, что не допускает и начала исследования и к чему никто не может приблизиться. Например, непостижимым называется то море, в котором, погружаясь, водолазы, даже спускающиеся в далекую глубину, не могут достигнуть конца, а неприступным называется то, чего и в начале невозможно ни искать, ни исследовать.

3. Что ты скажешь на это? Для людей, скажешь, Он непостижим, но не для ангелов, не для вышних сил. Итак, ты ангел, скажи мне, и принадлежишь к сонму бестелесных сил? Разве ты не человек и не одной со мной природы, или ты забыл и о своей природе? Положим, что Бог неприступен только для людей, хотя этого не прибавлено, и не сказал Павел: для людей "обитает в неприступном свете", а для ангелов не в неприступном; однако, если угодно, допустим это; но ты сам разве не человек? Хотя бы Он и не был неприступным для ангелов, как это относится к тебе, который состязаешься, исследуешь и утверждаешь, что Его существо постижимо для человеческой природы? А чтобы ты убедился, что Он неприступен не только для людей, но и для вышних сил, послушай, что говорит Исаия; когда же я называю Исаию, то привожу изречение Духа; ибо пророк вещает все по внушению Духа. "В год смерти царя Озии видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном, вокруг Него стояли Серафимы; у каждого из них по шести крыл: двумя закрывал каждый лице свое, и двумя закрывал ноги свои" (Иса. 6:1-2). Почему, скажи мне, они покрывают лица и ограждаются крыльями? По чему же иному, как не потому, что не могут выносить блеска и лучей, исходящих от престола? Между тем они созерцали еще не самый света беспримесный и не самую сущность чистую, но созерцаемое ими было только "снисхождением". Что такое "снисхождение"? То, когда Бог является не так, как Он есть, но показывает Себя столько, сколько имеющий созерцать Его способен к этому, приспособляя явление лица к немощи созерцающих. А что это было снисхождение, видно из самых слов: "видел", говорит пророк, "Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном"; но Бог не сидит, потому что это положение

свойственно только телам; и "на престоле", но Бог не объемлется престолом, потому что Божество неограниченно. Однако серафимы не могли сносить и снисхождения, хотя стояли близко: "Серафимы стояли вокруг Него". По тому самому они и не могли взирать, что были близко; впрочем, словом окрест не место означает, но этим словом Дух Святой благоволил показать, что серафимы находятся ближе нас к существу Божьему, однако и они не могут созерцать Его; поэтому пророк и говорит: "вокруг Него стояли Серафимы", означая этим не место, но близостью по месту выражая, что они ближе нас к Богу; ибо мы не так знаем непостижимое, как небесные силы, насколько они чище и мудрее и прозорливее человеческой природы. Как нестерпимость солнечных лучей не столько известна слепому, сколько зрячему, так и непостижимость Божью не столько знаем мы, сколько они; ибо как велико отличие слепого от зрячего, таково же различие между нами и ими. Таким образом, слыша слова пророка: "видел Господа", не предполагай, что он видел самое существо Его, но только снисхождение, и притом темнее, нежели вышние силы, так как он не мог видеть столько, сколько херувимы.

4. Но что я говорю об этом блаженном Существо, когда для человека невозможно без страха взирать и на существо ангельское? Чтобы вы убедились в справедливости этого, я представлю вам человека, друга Божия, имевшего великое дерзновение по мудрости и праведности и прославившегося многими другими совершенствами, святого Даниила. Когда я скажу, как он изнемогал, ослабевал и падал при появлении ангела, то никто пусть не думает, будто он испытывал это по причине своей греховности и нечистой совести; но, если, несомненно, душевное его дерзновение, то ясно обнаруживается в том немощь природы. Даниил постился три седмицы дней, "вкусного хлеба я не ел; мясо и вино не входило в уста мои, и мастями я не умащал себя" (Дан. 10:3). Когда же душа его, сделавшись посредством поста легче и духовнее, стала более способной к принятию явления, тогда он и увидел видение. Что же говорит он? "и поднял глаза мои, и увидел: вот один муж, облеченный в льняную одежду", т. е. в одежду священную, "и чресла его опоясаны золотом, Тело его - как топаз, лице его - как вид молнии; очи его - как горящие светильники, руки его и ноги его по виду - как блестящая медь, и глас речей его - как голос множества людей. И только один я, Даниил, видел это видение, а бывшие со мною люди не видели этого видения; но сильный страх напал на них и они убежали, чтобы скрыться, но во мне не осталось крепости, не стало во мне бодрости" (Дан. 10:5-8). Что значит: "не стало во мне бодрости"? Даниил был благообразный юноша, но страх при появлении ангела так изменил его, как изменяются обмирающие, произвел великую бледность и уничтожил здоровый цвет и всю свежесть лица его; почему он и говорит: "не стало во мне бодрости". Когда возница испугается и выпустит вожжи, то все лошади несутся стремглав, и самая колесница опрокидывается; так обыкновенно бывает и с душой, когда ей овладевает страх и ужас; испугавшись и как бы опустив вожжи своего влияния на каждое из телесных чувств, она оставляет эти члены свободными, и они, не сдерживаемые ее силой, падают и изнемогают, как случилось тогда и с Даниилом. Что же ангел? Он поднял его и сказал: "Даниил, муж желаний! вникни в слова, которые я скажу тебе, и стань прямо на ноги твои; ибо к тебе я послан ныне" (Дан. 10:11). Он встал в трепете. Когда же опять ангел стал говорить ему и сказал: "с первого дня, как ты расположил сердце твое, чтобы достигнуть разумения и смирить тебя пред Богом твоим, слова твои услышаны, и я пришел бы по словам твоим" (Дан. 10:12), то он снова упал на землю, как случается с обмирающими. Обмершие, пробудившись, пришедши в себя и увидев, что мы держим их и окропляем лицо их холодной водой, часто опять обмирают на руках наших; так случилось и с пророком. Душа его от страха не могла снести даже вида явившегося (небесного) сослужителя своего и вынести этого света, смутилась и порывалась освободиться от уз плоти, как бы от каких оков; но он еще удержал ее. Пусть выслушают это те, которые исследуют Владыку ангелов. Даниил, который смущал глаза львов и в

человеческом теле имел силу выше человеческой, не вынес присутствия небожителя, но повергся бездыханным: "повернулись", говорит он, "от этого видения внутренности мои, и не стало во мне силы" (Дан. 10:16-17). А те, которые столь далеки от добродетели этого праведника, хвалятся, что они со всей точностью познали самое Существо высочайшее, начальное и сотворившее мириады этих ангелов, из которых даже одного созерцать Даниил не имел силы.

5. Но обратим речь к прежнему предмету и покажем, что Бог недоступен взорам и вышних сил, даже и в своем снисхождении. Почему, скажи мне, серафимы ограждаются крыльями? Этим своим действием они возвещают апостольское изречение: "обитает в неприступном свете" (1 Тим. 6:16), и не только они, но и высшие их - херувимы. Серафимы стоят вблизи, а херувимы служат Богу престолами; это сказано о херувимах не потому, чтобы Бог нуждался в престоле, а чтобы отсюда ты уразумел достоинство этих сил. Послушай, что говорит о них и другой пророк: "было слово Господне к Иезекиилю, сыну Вузия, при реке Ховаре" (Иезек. 1:3). Иезекииль стоял тогда при реке Ховар, а Даниил при реке Тигре. Когда Бог намеревается показать рабам своим какое-нибудь дивное видение, то выводит их из городов на место удаленное от шума, чтобы душа не развлекалась ничем, ни видимым, ни слышимым, но, наслаждаясь спокойствием, вся занялась созерцанием видения. Что же видел он? "Вот облако", говорит он, "шло от севера, клубящийся огонь, и сияние вокруг него, а из середины его как бы свет пламени из середины огня; и из середины его видно было подобие четырех животных, - и таков был вид их: облик их был, как у человека. и у каждого четыре лица, и у каждого из них четыре крыла. А ободья их - высоки, и страшны были, ободья их у всех четырех вокруг полны были глаз, Над головами животных было подобие свода, как вид изумительного кристалла страшное, простертого сверху над головами их каждого два крыла покрывали тела их. А над сводом, который над головами их подобие престола по виду как бы из камня сапфира, а над подобием престола было как бы подобие человека вверху на нем. И видел я как бы вид огня внутри него вокруг; от вида чресл его и выше и от вида чресл его и ниже я видел как бы некий огонь, и сияние [было] вокруг него, В каком виде бывает радуга на облаках во время дождя" (Иезек. 1:4-6, 18, 22-23, 26-28). И после всего этого пророк, желая показать, что ни он сам, ни небесные силы не приближались к чистому Существо, говорит: "такое видение подобия славы Господней" (Иез. 2:1). Видишь ли и там и здесь снисхождение? Однако и эти силы закрывают себя крыльями по той же причине, хотя они суть мудрейшие, разумнейшие и чистейшие силы. Откуда это видно? Из самых названий их. Как ангел называется так потому, что возвещает людям повеления Божья; и архангел называется так потому, что начальствует над ангелами, так и те небесные силы носят названия, показывающие нам их мудрость и чистоту; и как вообще крылья показывают высоту естества, - Гавриил представляется летящим не потому, чтобы у ангела были крылья, но чтобы ты знал, что он является человеческому роду из высочайших мест и вышних обителей, - так и у них крылья означают не что иное, как высоту естества их. Итак, крылья означают высоту естества, престол - то, что на них почивает Бог, глаза - прозорливость, присутствие близ престола и непрестанное славословие Бога - неусыпность и бодрость; точно также и названия одних означают мудрость, а других - чистоту. Что значит: херувим? Полное ведение. А что - серафим? Пламенные уста. Видишь ли, как названия выражают и чистоту и мудрость? Если же те, которые обладают полным ведением, не могут ясно созерцать даже снисхождения Божья, а имеют частное знание, как говорит Павел: "от части знаем", и "как бы сквозь [тусклое] стекло, гадательно" (1 Кор. 13:12); то какое было бы безумие - считать для себя известным и явным то, что и для них незримо?

б. Я желал бы теперь доказать, что Бог непостижим не только для херувимов и серафимов, но и для начал, и властей и всякой сотворенной силы; но ум наш утомился, не от обилия, но от страшного содержания предметов речи. Душа трепещет и ужасается, долго занимаясь вышними созерцаниями. Низведем же с небес и успокоим ее, объятую ужасом, обратившись к обычному утешению. В чем это утешение? В молитве о том, чтобы страждущие этой болезнью когда-нибудь выздоровели. Если нам повелено умолять Бога о больных, о находящихся в рудниках и в тяжком рабстве и одержимых (демонами), то не гораздо ли более (нужно молиться) о таких людях? Нечестие хуже демона; неистовство бесноватых может быть прощено, а эта болезнь не имеет никакого оправдания. Вспомнив о молитве за бесноватых, я хочу сказать нечто вам, возлюбленные, для искоренения тяжелой болезни в церкви; странно было бы, - врачую посторонних с таким усердием, оставить без внимания собственные члены. Какая же эта болезнь? Невыразимое множество народа собралось теперь и с таким вниманием слушает речь, а в самый страшный час я часто ищу его и не вижу и сильно вздыхаю, что, когда беседует сослужитель ваш, вы показываете великое усердие и напряженную ревность, теснитесь друг перед другом и остаетесь до конца; когда же предстоит явиться Христу в священных таинствах, то церковь бывает пуста и безлюдна. Достойно ли это прощения? Через такое нерадение вы лишаетесь всех похвал, заслуженных ревностью к слушанию. Кто из вас не осудит и меня, видя, что плод слушания так скоро у вас пропадает? Если бы вы усердно внимали сказанному, то доказывали бы свою ревность делами; а если по выслушивании тотчас уходите, это служит доказательством того, что не усвоили ничего из сказанного и не приложили к сердцу; ибо, если бы сказанное было внедрено в душах, то оно конечно удержало бы вас в церкви и возбудило бы в вас большее благоговение к страшным таинствам. А теперь, как бы выслушав какого-нибудь игрока на кифаре, вы удаляетесь без всякой пользы, как только умолк говорящий. Но какое слышится от многих холодное оправдание? Молиться, говорят, могу я и дома, а слушать беседу и учение дома невозможно. Ошибаешься ты, человек; молиться, конечно, можно и дома, но молиться так, как в церкви, где такое множество отцов, где единодушно воссылается песнь к Богу, дома невозможно. Ты не будешь так скоро услышан, молясь Владыке у себя, как молясь со своими братьями. Здесь есть нечто большее, как то: единодушие и согласие, союз любви и молитвы священников. Для того и предстоят священники, чтобы молитвы народа, как слабейшие, соединялись с их молитвами сильнейшими, вместе с ними восходили на небо. С другой стороны, какая может быть польза от беседы, когда с ней не соединяется молитва? Прежде молитва, а потом слово; так говорят и апостолы: "а мы постоянно пребудем в молитве и служении слова" (Деян. 6:4). Так и Павел поступает, в начале посланий совершая молитву, чтобы свет молитвы предшествовал учению, как свет светильника. Если ты приучишь себя молиться с усердием, то не будешь иметь нужды в наставлении сослужителей твоих, так как Сам Бог без всякого посредника будет озарять ум твой. Если же молитва одного имеет такую силу, то гораздо более - молитва с народом; у последней больше силы и гораздо больше дерзновения, нежели у молитвы, совершаемой дома и наедине. Откуда это видно? Послушай, что говорит сам Павел: "Который и избавил нас от столь [близкой] смерти, и избавляет, и на Которого надеемся, что и еще избавит, при содействии и вашей молитвы за нас, дабы за дарованное нам, по ходатайству многих, многие возблагодарили за нас" (2 Кор. 1:10-11). Так и Петр избежал темницы: "церковь прилежно молилась о нем Богу" (Деян. 12:5). Если же Петру помогла молитва церкви и извела из темницы этот столп (церкви), то, как ты, скажи мне, пренебрегаешь ее силой и какое можешь иметь оправдание? Послушай и самого Бога, Который говорит, что Его умилостивляют благоговейные молитвы многих. Так, оправдываясь перед Ионой по поводу тыквенного растения, Он говорит: "ты сожалеешь о растении, над которым ты не трудился и которого не растил Мне ли не пожалеть Ниневию, города великого, в котором более ста двадцати тысяч человек" (Ион. 4:10-11). Не

напрасно Он ссылается на множество жителей, но чтобы внушить тебе, что единоподушная молитва имеет великую силу. Это я хочу объяснить вам и из человеческой истории.

7. Лет десять тому назад некоторые, как вы знаете, были обличены в стремлении к тирании. Один из вельмож, обвиненный в этом преступлении, с веревкой в устах был везен на смерть [1]. Тогда весь город сбегался на конское ристалище, вывели и рабочих из мастерских, и весь народ, сошедшись вместе, избавил от царского гнева человека осужденного и недостойного никакого помилования. Так, желая смягчить гнев земного царя, вы все стеклись с детьми и женами; а, намереваясь умиловить Царя небесного, и избавить от Его гнева не одного человека, как тогда, и не двоих, троих или сто, но всех грешников вселенной и освободить одержимых демоном из сетей дьявола, неужели вы будете оставаться вне церкви и не стечетесь все вместе, чтобы Бог, возрев на ваше единоподушие, и тех освободил от наказания и вам простил грехи? Если в это время ты будешь находиться на рынке, или дома, или в необходимых занятиях, то неужели не разорвешь все эти узы сильнее всякого льва, и не придешь к общей молитве? Какую же, скажи мне, возлюбленный, ты будешь иметь в таком случае надежду на спасение? Не люди только одни здесь страшно взывают, но и ангелы припадают к Владыке и архангелы молятся. Самое время благоприятствует им, самое жертвоприношение содействует. Как люди, взяв масличные ветви, потрясают их перед царями, напоминая им этими ветвями о милости и человеколюбии; так точно и ангелы, представляя вместо масличных ветвей самое тело Господне, умоляют Владыку за род человеческий, и как бы так говорят: мы молимся за тех, которых Сам Ты некогда удостоил такой любви Своей, что предал за них собственную Свою душу; мы изливаем моления за тех, за которых Сам Ты пролил кровь; мы просим за тех, за которых Ты принес в жертву Свое тело. В это время диакон вводит и одержимых (демонами), повелевая им только наклонить голову и таким положением тела совершать моление, так как им не позволительно молиться вместе с общим собранием братьев. Поэтому он и вводит их, чтобы ты, сжалившись над ними, над их несчастием и безгласностью, по собственному дерзновению ходатайствовал за них (перед Богом). Итак, зная все это, будем стекаться в этот час, чтобы привлечь милость и обрести благодать и благовременную помощь. Вы похвалили сказанное, приняли увещание с великим шумом и рукоплесканием; но чтобы вам выразить эти похвалы мне и делами, вот наступает время для выражения послушания: после увещания последует молитва. Такой я ищу похвалы, такого рукоплескания - посредством самых дел. Убеждайте же друг друга стоять так, как стоите; а кто уклонится от порядка, того старайтесь удержать, чтобы, получив двойную награду, и за собственное усердие и за попечение о братьях, вы могли с большим дерзновением изливать моления, и умиловить Бога, и получить здешние и будущие блага, благодать и человеколюбие Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, вместе со Святым Духом, слава и держава во веки веков. Аминь.

[1] Вероятно, один из тех Феодоров, которых император Валент с 374 г. преследовал по подозрению в домогательстве верховной власти. Созомена, Церк. Ист. Кн. VI, гл. 35.

ПРОТИВ АНОМЕЕВ.

СЛОВО ЧЕТВЕРТОЕ.

О непостижимости естества Божия. - Краткое повторение предшествующих бесед. - Ангелы узнали о некоторых тайнах только с нами и через нас. - Они не знают существа

Божия. - Похвала антиохийцам за ту послушность, с которой они исполнили данные им советы. - Предостережение против карманных воров, появившихся в церкви.

Доказав раньше, что Бог непостижим для людей, и даже для херувимов и серафимов, можно было бы оставить этот предмет и не продолжать более; но так как наша ревность и заботливость клонится не к тому только, чтобы заградить уста противников, но и к тому, чтобы более научить вас, возлюбленные, то коснемся опять того же предмета и продолжим речь. Занятие этим предметом и вам сообщит более познаний, и нам доставит славнейшую победу, истребив остаток (ереси), какой мог еще удержаться. Так и вредные растения надобно не только срезать сверху (иначе они снова вырастают от корней, находящихся внизу), но и вырывать их из самых внутренних недр земли и выбрасывать открытыми на солнечный зной, чтобы они скорее засохли. Итак, я словом возведу вас опять на небо, не для того, чтобы испытать и исследовать (небесное), но чтобы уничтожить неуместную любознательность тех, которые не знают самих себя и не хотят знать пределов человеческой природы. Для этого я весьма обстоятельно показал вам, как для праведника было невыносимо явление не только Бога, но и ангелов; излагая вам всю эту историю, я неоднократно замечал, как блаженный Даниил бледнел, трепетал и находился в состоянии, не лучшем состоянии обмирающих, когда душа порывается расторгнуть узы плоти. Как ручной и смирный голубь, живущий в каком-нибудь домике и испуганный чем-нибудь, в страхе взлетает к потолку и старается вылететь через окна, чтобы освободиться от испуга, так точно и душа этого блаженного мужа старалась выйти из тела, всячески порывалась вон и вышла бы, отлетела и оставила бы тело бездушным, если бы ангел не поспешил тотчас же избавить ее от смущения и не возвратил опять в собственное ее жилище. Это я говорил тогда для того, чтобы эти люди, узнав, как велико различие между ангелом и человеком, и вразумившись превосходством небожителя, отстали от своего безумия в отношении к Господу. Праведник, имевший такое дерзновение, не мог смотреть на ангела; а они, столь далекие от его добродетели исследуют не ангела, но Самого Владыку ангелов. Даниил укротил ярость львов, а мы не можем одолевая даже лисиц; тот расторг пополам дракона и дерзновением перед Богом победил природу зверя, а мы боимся и малейших пресмыкающихся; тот остановил царя, свирепствовавшего подобно льву, и, явившись, укротил гнев Навуходоносора, устремившийся против толпы иноплеменников сильнее всякого пламени, и озарил светом все сокровенное. Но и этот просветитель, увидев пришедшего к нему ангела, был объят ужасным мраком. Какое же оправдание будут иметь те, которые усиливаются постигнуть блаженное естество Божье? Но на этом я не остановил тогда своей беседы, а возвел речь и к мудрым силам, сказав о том, как они отвращают свои взоры, закрываются крыльями, выпрямляют свои голени, непрестанно славословят, равно как и о том, что всем этим бестелесные силы обнаруживают свое изумление и ужас. Чем они мудрее, чем ближе нас к неизреченному и блаженному Существо, тем более нас знают непостижимость Его; потому что высшая степень мудрости производит высшую степень благоговения. Я сказал вам, что такое неприступное, сказал, что оно значит гораздо более чем непостижимое, присовокупил и причину, состоящую в том, что непостижимое оказывается непостижимым после исследования, а неприступное не допускает и приближения и начала исследования, приведши пример моря. Заметил я, что Павел не сказал о Боге: будучи светом неприступным, но: "обитает в неприступном свете" (1 Тим. 6:16); а если жилище неприступно, то тем более - живущий в нем Бог. Это говорил Павел не для того, чтобы ограничить Бога местом, но чтобы точнее выразить непостижимость и неприступность Его. Указал я и на другие силы, на херувимов, и сказал, как над ними являлась твердь, кристалл, подобие престола, вид человека, пламень, огонь, дуга; и после всего этого пророк сказал: "такое видение подобия славы Господней" (Иезек. 2:1). Во

всем этом я показал вам снисхождение Божье, которое, однако, невыносимо и для вышних сил.

2. Не напрасно я повторяю это, но потому, что считаю себя вашим должником в том, что обещал вам, и хочу узнать с точностью, что я заплатил, и что еще осталось. Так поступают и должники при уплате займа: взяв расписку, где записан весь счет, и показав своим заимодавцам, они уплачивают остальное. Посему и я, раскрыв память нашей души, как бы книгу, и указав словом, как бы перстом, на преподанное, перехожу теперь к остальному. Что же осталось? Осталось доказать, что ни начала, ни власти, ни господства, ни какая-либо другая сотворенная сила не имеет точного понятия о Боге. Есть и другие силы, которых мы не знаем и по именам. Представьте же безумие еретиков: мы не знаем даже имен рабов, а они исследуют самое существо Владыки. Есть ангелы и архангелы, престолы и господства, начала и власти; но не одни эти сонмы существуют на небесах, а бесконечные полчища и неисчислимыя племена, которых не может изобразить никакое слово. Откуда же известно, что кроме этих сил есть много других, которых мы не знаем и по именам? Павел, сказав о первых, упоминает и о вторых, выражаясь о Христе так: Посадил Его "превыше всякого Начальства, и Власти, и Силы, и Господства, и всякого имени, именуемого не только в сем веке, но и в будущем" (Ефес. 1:21). Видите ли, что есть некоторые имена, которые будут известны там, а теперь неизвестны? Поэтому Павел и сказал: "именуемого не только в сем веке, но и в будущем". И удивительно ли, что они не имеют точного понятия о существе (Божьем)? Это доказать нисколько не трудно; так как и о многих из дел домостроительства Божьего не знают вышние силы, начала, власти, господства. А это я докажу словами апостола, что некоторые из них вместе с нами узнали о делах домостроительства Его, о которых раньше нас не знали, и не только узнали вместе с вами, но и через нас. "Не была возведена прежним поколениям", говорит апостол, "как ныне открыта святым Апостолам Его и пророкам Духом Святым, чтобы и язычникам быть сонаследниками, составляющими одно тело, и сопричастниками обетования Его", - а обетования даны были иудеям, - "которого служителем сделался я по дару благодати Божьей" (Ефес. 3:5-7). Откуда же видно, что вышние силы узнали об этом только ныне? Приведенные слова относятся к людям. Послушай. "Мне, наименьшему из всех святых", говорит апостол, "дана благодать сия - благовествовать язычникам неисследимое богатство Христово" (Ефес. 3:8). Что значит: "неисследимое"? То, что не может быть найдено, и не только не может быть найдено, но даже и исследовано. Пусть эти (еретики) опять послушают, как часто и непрерывно он бросает в них стрелы. Если "богатство неисследимо", то, как может быть не неисследимым Податель богатства? "и открыть всем, в чем состоит домостроительство тайны, сокрывавшейся от вечности в Боге дабы ныне соделалась известною через Церковь начальствам и властям на небесах многоразличная премудрость Божия" (Ефес. 3:9-10). Слышишь ли, что небесные силы узнали все это теперь, а не прежде? Что замышляет царь, того не знает щитоносец. "Дабы ныне соделалась известной через Церковь начальствам и властям на небесах многоразличная премудрость Божия". Посмотри, какая честь оказана человеческому роду: вместе с нами и через нас вышние силы узнали тайны Царя. Но откуда видно, что апостол говорит здесь о небесных силах? Началами и властями он называет иногда и демонов: "наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего" (Еф. 6:12). Не о демонах ли и здесь говорит он, что они тогда узнали об этом? Нет, он говорит о вышних силах; сказав: "начальствам, властям", он присовокупил: "на небесах". Эти начала и власти - небесные, а те начала и власти поднебесные, поэтому он называл последних и "мироправителями", выражая, что небо для них недоступно и что всю свою власть они обнаруживают в здешнем мире.

3. Видишь ли, что небесные силы узнали это вместе с нами и через нас? Но теперь я поведу речь в уплату долга и покажу, что существа Божьего не знают ни начала, ни власти. Кто говорит об этом? Уже не Павел, не Исаия, не Иезекииль, но другой святой сосуд, сам сын грома, возлюбленный ученик Христов Иоанн, возлежавший на персях Господних и почерпавший из них божественные струи. Что же говорит он? "Бога не видел никто никогда" (Иоан. 1:18). По истине - сын грома: издал голос громче трубы, который может пристыдить всех прекословящих. Однако обратим внимание и на то, что, по-видимому, противоречит этому. Что, скажи мне, вещаешь ты, Иоанн? "Бога не видел никто никогда"? Что же нам думать, когда пророки говорят, что они видели Бога? Так, Исаия говорит: "видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном" (Иса. 6:1); также и Даниил: "видел я, наконец, что поставлены были престолы, и воссел Ветхий днями" (Дан. 7:9); и Михай: "я видел Господа, сидящего на престоле Своем" (3 Цар. 22:19); и еще другой пророк: "видел я Господа стоящим над жертвенником, и Он сказал: ударь в притолоку над воротами" (Амос. 9:1). И много можно собрать таких свидетельств. Как же Иоанн говорит, что "Бога не видел никто никогда"? Нужно знать, что он говорит о точном понятии и ясном видении. А все, виденное пророками, было снисхождением, и никто из них не созерцал чистого существа Божия, как видно из того, что каждый из них созерцал Бога различным образом. Бог есть существо простое, не сложное и не имеющее образа; а они все видели Его под различными образами. Это также объявляет Бог через другого пророка, и, удостоверяя, что пророки видели не чистую сущность, говорит: "умножал видения, и чрез пророков употреблял притчи" (Ос. 12:10); не самую сущность Мою показывал Я, говорит Он, но снисходил приспособительно к немощи созерцавших. Притом Иоанн говорит не о людях только, что "Бога не видел никто никогда"; это известно было и из вышесказанного, т. е. из пророческого изречения, в котором говорится: "умножал видения, и чрез пророков употреблял притчи", и из ответа, данного Моисею; именно, когда Моисей желал видеть Бога лицом к лицу, то Он сказал ему: "человек не может увидеть Меня и остаться в живых" (Исход. 33:20). Таким образом, это уже было известно нам и не подлежало сомнению. Итак, не об одном нашем роде, но и вышних силах говорит Иоанн: что "Бога не видел никто никогда": поэтому он и указывает на Единородного, как на учителя этого догмата. Чтобы кто-нибудь не сказал: откуда это известно? - он присовокупляет: "Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил" (Иоан. 1:18), приводя достоверного свидетеля и учителя этого догмата. Если бы он хотел объяснить нам изречение Моисеево, то излишне было бы говорить, что Единородный исповедал это; не сказал бы он: "Единородный, Он явил", потому что еще прежде, нежели произнес это Иоанн, наученный Единородным, возвестил нам о том же пророк, наученный Богом. А так как Иоанн хотел открыть нам нечто большее сказанного прежде, именно то, что и вышние силы не видят Бога, то он и приводит учителем Единородного. Под "видением" же здесь разумей знание; у бестелесных сил нет ни зрачков, ни глаз, ни ресниц; но что у нас видение, то у них знание. Таким образом, когда ты слышишь, что "Бога не видел никто никогда", разумей то, что никто не познал Бога по существу, во всей точности. И когда услышишь о серафимах, что они закрывали глаза и отвращали взоры, и о херувимах, что они делали то же самое, не думай, что у них есть глаза или зрачки: - это принадлежности тел; - но веруй, что через это пророк указывает на их знание. Когда пророк говорит, что они не могли видеть снисходящего Бога, то понимает не что иное, как то, что они не могут воспринять ясного знания о Нем и точного постижения, и не дерзают пристально смотреть не только на чистое и совершеннейшее существо, но и на самое снисхождение Его. А пристально смотреть значит знать. Поэтому Евангелист, признавая, что человеческой природе несвойственно знать это, и что Бог непостижим даже для вышних сил, выставляет нам учителем этого догмата Самого сидящего одесную Бога и знающего это в точности. Притом он не просто сказал: "Сын", хотя и этого слова было бы достаточно для того, чтобы заградить уста бесстыдных; ибо, как много называвшихся

христами, но истинный Христос один, и много называвшихся господами, но Господь один, и много называвшихся богами, но Бог один; так многие называются и сынами, но Сын один, и прибавка члена (о) достаточно может показать преимущество Единородного. Однако, евангелист не удовольствовался этим, но сказав: "Бога не видел никто никогда", присовокупил: "Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил". Сначала он сказал: "Единородный", а потом: "Сын"; потому что многие по общности этого названия уничтожают Его славу, почитая Его одним, из многих (сынов), так как название "Сын" есть общее всем. Посему, апостол сначала поставил название: "Единородный", как принадлежащее Ему исключительно, собственно, и несвойственное никому другому, чтобы ты был уверен, что и то общее название (Сын) не есть общее, но Его собственное, исключительное и никому другому не свойственное так, как Ему.

4. Чтобы пояснить сказанное мной, я раскрою то же самое полнее. Название "сын" принадлежит и людям, принадлежит и Христу, но нам не собственно, а Ему собственно; название же "единородный" принадлежит только Ему, никому другому не принадлежит даже и не собственно. Итак, чтобы из названия, не принадлежащего никому, кроме Его одного, ты заключил, что и другое название, принадлежащее многим, есть Его собственное, апостол сначала сказал: "Единородный", а потом: "Сын". Если же для тебя недостаточно и этого, говорит он, то я приведу еще третье (понятие), хотя простое и человеческое, однако такое, которое может и пресмыкающихся по земле возвести к мысли о славе Единородного. Какое же это? "Сущий в недре Отчем". Выражение простое, но достаточное для обозначения близости, если мы будем понимать его богоприлично. Как слыша о престоле и сидении одесную, ты представляешь не престол, не место и не очертание, но под названием престола и общением в сидении разумеешь одинаковость и равенство чести; так и, слыша о лоне, представляй не лоно и не место, но под названием лона разумеешь близость и дерзновение Сына в отношении к Родившему. Пребывание в лоне гораздо яснее, нежели сидение одесную, открывает и изображает нам близость Его к Родившему; потому что ни Отец не мог бы иметь Сына в своем лоне, если бы Он был не одного и того же с Ним существа, ни Сын не перенес бы пребывания в лоне Отчем, если бы существо Его было ниже. Посему, так как Сын и Единородный, пребывающий в лоне Отчем, в точности знает все Отчее, то Евангелист и употребил эти слова, чтобы представить точное знание Сына об Отце; потому что речь была о знании; а если это не так, то для чего упомянуто лоно? Если Бог не есть существо телесное, как и действительно Он не таков, и если приведенное выражение не указывает ни на сродство, ни на близость к Родившему, то оно поставлено без причины и напрасно, не доставляя нам никакой пользы. Но оно поставлено не напрасно, - нет, Дух ничего не вещает напрасно, а показывает близость Сына к Отцу. Евангелист, изрекая ту великую истину, что и вышние твари не видят Бога, т. е. не знают Его в точности, и, желая представить достоверного учителя этой истины, употребляет приведенные слова, чтобы ты верил во всем Ему, как Сыну, как Единородному и как пребывающему в лоне Отчем, и ни в чем уже не сомневался. Если бы никто не оказался столь бесстыдным, чтобы спорить, то я сказал бы, что это слово доказывает и вечность. Как в словах, сказанных Моисею: "Я есмь Сущий" (Исход. 3:14), мы разумеем вечность; так и в этом изречении: "Сущий в недре Отчем", можно разумеет вечное существование Сына в лоне Отца. Итак, всем этим у нас доказано, что существо Божье непостижимо для всякой твари; затем остается доказать, что только Сын и Дух Святой знают Его со всей точностью. Но, отлагая это до другой беседы, чтобы множеством сказанного не обременить памяти, я опять предложу обычное увещание. Какое же у нас было обычное увещание? Пребывать в непрестанной молитве трезвенным умом и бодрствующей душой. Беседуя и прежде об этом, я видел во всех готовность к послушанию; посему странно было бы, обличая беспечных, не хвалить исправных. Итак, я хочу сегодня похвалить вас и воздать вам благодарность за послушание. А эта

благодарность будет состоять в том, что я объясню вам, почему та молитва бывает прежде прочих, и для чего диакон повелевает тогда вводить бесноватых и одержимых злым неистовством и наклонять им головы. Для чего же он делает это? Демонское обладание составляет узы тяжкие и мучительные, узы крепчайшие всякого железа. Как в то время, когда выходит судья и намеревается сесть на возвышенном месте, темничные стражи выводят из здания всех содержимых в темнице и помещают их за решетками и занавесами судилища, неопрятных, нечистых, обросших волосами, одетых в рубища; так точно, по установлению отцов, в то время, когда Христос имеет явиться в таинствах и как бы сесть на возвышенном месте, приводятся бесноватые, как бы какие узники, не для того, чтобы они отдали отчет в преступлениях, как те узники, и подверглись наказанию и мучению, но чтобы в присутствии народа и всего города внутри (храма) совершались о них общие молитвы, чтобы все единодушно умоляли о них общего Владыку и с сильным воплем просили помиловать их.

5. Прежде я обличал тех, которые не остаются на такую молитву и проводят это время вне храма; теперь же я хочу обличить находящихся внутри храма, не за то, что они находятся внутри, но за то, что они, оставаясь здесь, бывают несколько не лучше пребывающих вне, разговаривая между собой в столь страшное время. Что делаешь ты, человек? Видишь, сколько твоих братьев как бы в узах стоят около тебя, и разговариваешь о предметах посторонних? Неужели одного вида их недостаточно, чтобы поразить тебя и расположить к состраданию? Брат твой - в узах, а ты - в беспечности? Какое же, скажи мне, может быть прощение тебе, столь бесчувственному, столь бесчеловечному, столь жестокому? Как ты не боишься, чтобы в то время, когда ты разговариваешь, предаешься беспечности и рассеянности, какой-нибудь демон, выскочив оттуда и нашедши твою душу праздною и пустой, не вошел беспрепятственно в дом твой, увидев его оставленным без дверей? Не следует ли в этот час всем вместе проливать источники слез, всем смотреть плачущими глазами и во всей церкви происходить сетованиям и воздыханиям? После приобщения таинств, после принятия бани возрождения, после сочетания с Христом, этих агнцев волк успел похитить из стада и удержать их у себя; а ты, видя такое несчастье, не плачешь? Достойно ли это прощения? Ты не хочешь сострадать брату? По крайней мере, страшись за себя самого и бодрствуй. Если бы ты увидел горящим дом своего соседа, то скажи мне, хотя бы этот сосед был злейшим из всех твоих врагов, не побежал ли бы ты гасить пожар, опасаясь, чтобы огонь, распространяясь далее, не дошел и до твоих дверей? Точно также рассуждай и о бесноватых; демонское обладание есть жестокий пламень и пожар. Смотри, чтобы демон, пролагая себе дорогу, не занял и твоей души, и, когда заметишь его присутствие, с великим усердием прибегни к Владыке, чтобы демон, увидев душу твою пламенной и бодрствующей, признал твой ум недоступным для себя. Если он увидит тебя рассеянным и беспечным, то скоро вселится в тебя, как в пустое жилище; а если увидит тебя внимательным, бодрствующим и стремящимся к небесам, то не дерзнет даже смотреть на тебя. Итак, если ты презираешь братьев, то побереги по крайней мере себя самого, и загради лукавому демону вход в твою душу. А ничто так обыкновенно не ограждает вас от нападения, как молитва и усердное прошение. Это именно и повелевает всем диакон, когда говорит: прости, станем добре; и это установлено не напрасно и не без причины, но для того, чтобы мы возвышали пресмыкающиеся по земле помыслы, чтобы, отвергнув рассеянность, происходящую у нас от забот о предметах житейских, могли представить душу свою прямо стоящей пред Богом. А что это справедливо, и что слово это относится не к телу, а к душе, и повелевает исправлять ее, можем узнать и от Павла, который употребил это выражение в том же смысле. В послании, обращаясь к людям павшим и отчаявшимся под бременем несчастий, он говорил: "укрепите опустившиеся руки и ослабевшие колени" (Евр. 12:12). Что же мы скажем? Неужели он говорит о руках и коленях телесных? Нет, он беседует не со скороходами и не с борцами,

но убеждает этими словами восстановить силу внутренних помыслов, ослабевшую от искушений. Представь, близ кого ты стоишь, с кем будешь призывать Бога: с херувимами! Подумай, с кем вместе ты ликуешь, и этого достаточно будет для возбуждения в тебе бдительности, когда вспомнишь, что ты, облеченный телом и связанный плотью, удостоен прославлять общего всем Владыку вместе с бесплотными силами. Итак, никто с рассеянной душой пусть не участвует в этих священных и таинственных песнопениях, никто пусть не имеет в себе житейских помыслов в такое время, но, изгнав из души все земное, переселив всего себя на небо и как бы стоя близ самого престола славы и воспаряя вместе с серафимами, пусть каждый возносит всесвятую песнь Богу славы и величия. Для того и повелевается нам стоять добре в это время; ибо стоять добре значит не что иное, как стоять так, как следует человеку стоять перед Богом, со страхом и трепетом, с трезвенной и бодрствующей душой. А что и это изречение относится к душе, объясняет также Павел, когда говорит: "стойте так в Господе, возлюбленные" (Фил. 4:1). Как стрелок, желая метко пускать стрелы, прежде всего, заботится о своем положении, старается стать прямо против цели и тогда начинает пускать стрелы; так и ты, намереваясь стрелять в злую голову дьявола, сначала позаботься о состоянии своих помыслов, чтобы, приняв прямое и удобное для себя положение, успешно пускать в него стрелы.

б. Это о молитве. Но так как дьявол придумал, кроме нерадения в молитвах, еще некоторое другое весьма прискорбное зло, то нужно заградить для него и этот вход. Какое же зло придумал лукавый демон? Видя, что вы соединены как бы в одно тело и слушаете проповеди с великим усердием, он не посмел подослать кого-нибудь из своих слуг, чтобы их советами и внушениями отвлечь вас от слушания, так как знал, что никто из вас не допустит таких советников; но он вмешал в вашу толпу каких-то разбойников и карманных воров и настроил их похищать у многих, часто собирающих сюда, завязанное в их кошельках золото; это случалось здесь нередко и со многими. Итак, чтобы этого не было и чтобы потеря денег со временем не погасила ревности к слушанию, если многие будут подвергаться этому, я прошу и убеждаю всех вас, чтобы никто не входил сюда, имея при себе золото; ваше усердие к слушанию не должно служить для них поводом к злодеянию, и получаемое вами удовольствие от пребывания здесь не должно отравляться кражей денег. Дьявол устроил это не для того, чтобы сделать вас бедными, но чтобы потеря денег, тяжело огорчая вас, отвлекала от ревности к слушанию. Так и Иова он лишил всего имущества не для того, чтобы сделать его бедным, но чтобы отклонить его от благочестия. Дьявол заботится не о том, чтобы отнимать деньги (он знает, что деньги - ничто), - но чтобы лишением денег вовлечь душу в грех; и если он не в состоянии будет сделать этого, то будет считать себя не успевшим ни в чем. Итак, когда он отнимает у тебя золото или при помощи хищников, или каким-нибудь другим способом, ты, возлюбленный, зная его намерение, прославь Владыку; тогда ты приобретешь более, чем потерял, и нанесешь врагу двойной удар, - тем, что не огорчился, и тем, что возблагодарил (Бога). Если он увидит, что потеря денег сокрушает тебя и побуждает роптать на Владыку, то никогда не перестанет делать тоже; а если увидит, что ты не только не хулишь создавшего тебя Бога, но и благодаришь Его при каждом случающемся бедствии, то перестанет подвергать тебя искушениям, поняв, что искушение бедствиями служит для тебя поводом к благодарности и приготовляет тебе светлейшие венцы и большие награды. Тоже было и с Иовом. Когда дьявол, отняв у него имущество и поразив его тело, увидел его приносящим благодарение (Богу), то не посмел более приступить, но потерпел постыдное и решительное поражение и отступил, сделав подвижника Божьего более славным. Зная это, будем и мы бояться только одного - греха, а все прочее переносить мужественно, хотя бы постигла нас потеря имущества, или телесная болезнь, или неуспех в делах, или оскорбление, или клевета, или какое-нибудь другое бедствие; все это не по свойству своему таково, что не только не повредит нам, но может принести

нам величайшую пользу, если мы будем переносить это с благодарностью, и доставит нам большие награды. Ты знаешь, что и Иов после того, как увенчался всякими венцами терпения и мужества, получил вдвойне все потерянное. А ты получишь все не вдвойне и не втройне, но во сто крат больше, если будешь переносить несчастье мужественно и наследуешь жизнь вечную, которой да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

ПРОТИВ АНОМЕЕВ.

СЛОВО ПЯТОЕ.

О непостижимости естества Божия. - Сын и Св. Дух вполне знают Отца. - Слова: Бог и Господь одинаково свойственны Отцу и Сыну. - Мудрость ап. Павла в его наставлениях. - Не только существо ангелов, но даже и существо нашей души непостижимо для нас. - Возражение аномеев, что нельзя поклоняться тому, чего не знаешь. - Ответ на это возражение. - Сила молитвы. - Смирением производится дерзновение.

Если кто намеревается говорить о предмете обширном, который требует продолжительных рассуждений и вполне разъясняется не в один, два или три дня, но в более продолжительное время, тот должен, по моему мнению, предлагать учение уму слушателей не все вдруг и за один раз, но разделить целое на многие части и через такое раздробление сделать бремя речи легким и удобоприемлемым. Наш язык, и слух, и каждое из наших чувств имеют свою меру, законы и назначенные им пределы, и если кто решается когда-нибудь преступить эти пределы чувств, то лишается и присущей им силы. Что приятнее света, скажи мне? Что радостнее солнечных лучей? Однако это приятное и радостное становится неприятным и тягостным, когда действует на глаза наши чрезмерно. Для того Бог и определил после дня следовать ночи, чтобы она, приняв утомленные глаза наши, сомкнула веки, усыпила зрачки, успокоила ослабевшую у нас зрительную силу и сделала ее способнейшей к созерцанию следующего дня. Поэтому бодрствование и сон, противоположные друг другу, при умеренности одинаково приятны, и, называя приятным свет, мы называем приятным также и сон, разлучающий нас со светом. Так, неумеренное всегда тягостно и неприятно, а умеренное приятно, полезно нам и отрадно. Посему и я, продолжая речь о непостижимом уже четвертый или пятый день, и сегодня не намерен окончить ее, но, предложив вам, возлюбленные, умеренную беседу об этом, думаю опять дать отдохновение уму вашему. На чем же мы ранее остановили речь? Необходимо продолжить ее с того места; потому что учение следует в непрерывном порядке. Тогда мы говорили, что сын грома сказал: "Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил" (Иоан. 1:18). Сегодня надобно узнать, где исповедал это сам Единородный Сын Божий. "Сказал" Иисус иудеям, говорит евангелист, "в ответ: не то, чтобы кто видел Отца, кроме Того, Кто есть от Бога; Он видел Отца" (Иоан. 6:43,46). Здесь опять "видением" Он называет знание. Сказал не просто: "никто не знает Отца", и замолчал, чтобы кто-нибудь не подумал, что это говорится только о людях; но, желая показать, что ни ангелы, ни архангелы, ни вышние силы (не знают Отца), Он объяснил это прибавлением; ибо сказав: "не то, чтобы кто видел Отца", Он присовокупил: "кроме Того, Кто есть от Бога; Он видел Отца". Если бы Он сказал просто: "никто", то многие из слушателей, может быть, подумали бы, что это сказано только о нашем роде; а теперь, сказав: "никто", и прибавив: "только" Сын, этим

прибавлением Единородного Он исключил всякую тварь. Неужели, скажут, Он исключил и Духа Святого? Нет, так как Дух не есть часть творения. Слово "никто" всегда употребляется для исключения одной только твари. Равным образом, когда говорится об Отце, то не исключается Сын, и когда говорится о Сыне, то не исключается Дух. А чтобы здесь показать, что слово: "никто" сказано не для исключения Духа, но для изъятия твари, послушаем, как о том же самом знании, которое приписывается одному Сыну, говорит Павел в беседе с Коринфянами. Что же говорит он? "Ибо кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем? Так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божия" (1 Кор. 2:11). Как здесь слово: "никто" не исключает Сына, так и изреченное Христом слово: "никто" не исключает Духа Святого. Отсюда очевидна истина сказанного. Если бы в словах: "никто" не видел Отца, "кроме Того, Кто есть от Бога", исключался Дух, то напрасно Павел говорил бы, что как человек знает находящееся в нем самом, так и Дух Святой с точностью знает сущее в Боге. В таком же смысле употребляется и слово "один", оно имеет одинаковое с тем значение и силу. Смотри: "один", говорит апостол, "Бог Отец, из Которого все, и мы для Него, и один Господь Иисус Христос, Которым все, и мы Им" (1 Кор. 8:6). Если наименование Отца "единым Богом", исключает Сына из Божества, то и наименование Сына "единым Господом" исключает Отца из господства; но Отца не исключают из господства слова: "один Господь Иисус Христос", следовательно, и Сына не исключают из Божества слова: "один Бог Отец".

2. Если же опять скажут, что Отец называется "единым Богом" потому, что Сын, хотя и есть Бог, но не такой Бог, как Отец; то из тех самых положений, которые допускают еретики (а мы не сказали бы этого), следовало бы, что Сын называется "единым Господом" потому, что Отец, хотя есть и Господь, но не такой Господь, как Сын. Если же последнее нечестиво, то и первое неосновательно. Напротив, как выражение: "един Господь" не исключает Отца из истинного господства и не приписывает господства одному только Сыну; так и выражение: "един Бог" не исключает Сына из истинного, существенного и совершенного Божества, и не показывает, что оно принадлежит только Отцу. А что Сын есть Бог и такой же Бог, как Отец, оставаясь, впрочем, Сыном, это видно из самого прибавления. Если бы имя "Бог" принадлежало только Отцу и не могло указывать нам на другую Ипостась, кроме одной не рожденной и первой Ипостаси, для которой одной оно было бы собственным и отличительным именем, то излишне было бы прибавлено слово "Отец"; тогда достаточно было бы, сказать "един Бог", и мы поняли бы, о ком говорится. Но так как имя "Бог" есть общее для Отца и Сына, и, сказав: "един Бог", Павел не определил бы, о ком он говорит, то ему нужно было прибавить: "Отец", чтобы показать, что он говорит о первой и не рожденной Ипостаси, так как название "Бог" не могло именно на нее указывать, потому что оно есть общее у Отца с Сыном. Одни из этих имен суть общие, а другие собственные; общие употребляются для того, чтобы показать безразличие существа, а собственные для того, чтобы означить свойство Ипостасей. Имена: "Отец" и "Сын" суть собственные имена каждой Ипостаси; а имена "Бог" и "Господь" - общие. Итак, поставив общее имя: "един Бог", апостол должен был прибавить и собственное имя, чтобы ты знал, о ком он говорит и чтобы нам не впасть в безумие (еретика) Савеллия. А что имя "Бог" не больше имени "Господь", и имя "Господь" не меньше имени "Бог", видно из следующего. Во всем Ветхом Завете Отец непрестанно называется Господом. "Господь Бог твой", говорится, "Господь один есть" (Втор. 6:4); и еще: "Господа, Бога твоего, бойся, и Ему [одному] служи" (Втор. 6:13); и еще: "велик Господь наш и велика крепость [Его], и разум Его неизмерим" (Псал. 146:5); и еще: "и да познают, что Ты, Которого одного имя Господь, Всевышний над всею землею" (Псал. 82:19). А если бы имя "Господь" было меньше имени "Бог" и недостойно этого существа, то не следовало бы говорить: "да познают, что Ты, Которого одного имя Господь". Также, если бы имя "Бог" было больше и досточтимее имени "Господь", то не следовало бы Сыну, Который, по их мнению, менее

Отца, называться именем, принадлежащим Отцу, таким, которое было бы собственным именем одного только Отца. Но это не так, не так. И Сын не менее Отца, и имя "Господь" не ниже имени "Бог". Посему Писание и употребляет эти названия безразлично и об Отце и о Сыне. Вы слышали, что Отец называется Господом; теперь мы покажем вам, что и Сын называется Богом. "се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил, что значит: с нами Бог" (Ис. 7:14; Матф. 1:23). Видишь ли, что и Отцу принадлежит имя "Господь", и Сыну имя "Бог"? Как там сказано: "и да познают, что Ты, Которого одного имя Господь"; так и здесь говорится: "нарекут имя Ему: Еммануил". И еще: "ибо младенец родился нам - Сын дан нам; и нарекут имя Ему: Чудный, Советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира" (Ис. 9:6). Обрати внимание на благоразумие и духовную мудрость пророков. Чтобы, сказав просто: "Бог", не внушить мысли, будто они говорят об Отце, они сначала упоминают о домостроительстве, так как, конечно, не Отец родился от Девы и был отроком. И другой пророк говорит о Нем таким же образом: "Сей есть Бог наш, и никто другой не сравнится с Ним" (Варух. 3:36). Но о ком он говорит это? Не об Отце ли? Нет; потому что и он, послушай, как упоминает о домостроительстве. Сказав: "Сей есть Бог наш, и никто другой не сравнится с Ним", он присовокупил: "Он нашел все пути премудрости и даровал ее рабу Своему Иакову и возлюбленному Своему Израилю: После того Он явился на земле и обращался между людьми" (Варух. 3:37-38). А Павел говорит: "и от них Христос по плоти, сущий над всем Бог, благословенный во веки, аминь" (Рим. 9:5); и еще: "никакой блудник, или нечистый, или любостяжатель, который есть идолослужитель, не имеет наследия в Царстве Христа и Бога" (Ефес. 5:5); и еще: "явления славы великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа" (Тит. 2:13). Так же называет Его и Иоанн, изрекая: "в начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог" (Иоан. 1:1).

3. Так, скажут, но ты покажи и те места, где Писание, упоминая о Сыне вместе с Отцом, называет Отца Господом. А я покажу не только это, но и то, что Писание и Отца называет Господом и Сына Господом, также называет Отца Богом и Сына Богом, поставляя вместе оба имени. Где же можно найти это? Христос, беседуя некогда с иудеями, говорит: "что вы думаете о Христе? чей Он сын? Говорят Ему: Давидов. Говорит им: как же Давид, по вдохновению, называет Его Господом, когда говорит: сказал Господь Господу моему: сиди одесную Меня" (Матф. 22:42-44)? Вот Господь и Господь. Хочешь ли знать, где Писание говоря об Отце вместе с Сыном, называет их Богом и Богом? Послушай пророка Давида и апостола Павла, которые показывают нам это. "Престол Твой, Боже, вовек; жезл правоты - жезл царства Твоего. Ты возлюбил правду и возненавидел беззаконие, посему помазал Тебя, Боже, Бог Твой елеем радости более соучастников Твоих" (Псал. 44:7-8). И Павел также привел это свидетельство в словах: "об Ангелах сказано: Ты творишь Ангелами Своими духов и служителями Своими пламенеющий огонь. А о Сыне: престол Твой, Боже, в век века" (Евр. 1:7-8). Но скажут, почему же, в упомянутом месте (1 Кор. 8:6) Павел назвал Отца Богом, а Сына Господом? Там он сделал это не напрасно и не без причины, а потому, что у него была речь к язычникам, страдавшим многобожием. Чтобы они не могли сказать ему: обвиняя нас за то, что мы признаем многих богов и многих господ, ты сам подлежишь тому же обвинению, когда говоришь о богах, а не о Боге; поэтому Павел, снисходя к их немощи, называет Сына другим именем, имеющим одинаковую силу. А что это истинно, для убеждения я прочитаю это место повыше, и вы ясно увидите, что сказанное не есть моя догадка. "О идоложертвенных [яствах] мы знаем, потому что мы все имеем знание: но знание надмевает, а любовь назидает: об употреблении в пищу идоложертвенного мы знаем, что идол в мире ничто, и что нет иного Бога, кроме Единого" (1 Кор. 8:1, 4). Видишь ли, что он говорит это, обращаясь к тем, которые признавали многих богов? "Ибо хотя и есть так называемые боги, или на небе, или на земле" (опять он восстает против них), "так как есть много богов и господ много", т. е. так

называемые боги; "но у нас один Бог Отец, из Которого все, и мы для Него, и один Господь Иисус Христос, Которым все, и мы Им" (1 Кор. 8:5-6). Для того он и присовокупил слово: "один", чтобы они не подумали, будто опять вводится многобожие; он назвал Отца "единым Богом", не исключая Сына из Божества, равно как и Сына назвал "единым Господом", не исключая Отца из Господства, но, исправляя недостаток слушателей и не желая подавать им какого-либо повода к заблуждению. Это было причиной и того, что пророки не ясно и открыто, но темно и редко возвещали иудеям о Сыне Божьем. Едва только избавившись от многобожного заблуждения, иудеи снова подверглись бы той же болезни, если бы опять услышали о Боге и Боге. Посему пророки везде непрестанно говорят, что Бог "Господь есть Бог, [и] нет еще кроме Его" (Втор. 4:35; Иса. 45:5, 21), говорят, не отвергая Сына, - да не будет, - но, желая исцелить немощь иудеев и отклонить их от мысли о многих и мнимых богах. Итак, когда ты услышишь слова: "один и нет еще кроме Его" и другое подобное, то не унижай славы Троицы, но из этих выражений заключай о расстоянии между Ей и тварью; ибо в другом месте сказано: "кто уразумел дух Господа" (Иса. 40:13. Римл. 11:34)? А что здесь также не отрицается разумение ни в Сыне, ни в Духе, это объяснено уже сказанным ранее, когда мы приводили в свидетельство слова: "ибо кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем? Так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божия" (1 Кор. 2:11): Также и Христос говорит: "никто не знает Сына, кроме Отца; и Отца не знает никто, кроме Сына" (Матф. 11:27). Так и в следующих словах: "не то, чтобы кто видел Отца, кроме Того, Кто есть от Бога; Он видел Отца" (Иоан. 6:46). Сказав, что он знает Отца с точностью, Христос вместе с тем привел и причину, почему Он знает. Какая же эта причина? Бытие от Него; а доказательством бытия от Него служит опять то, что Он знает Отца с точностью; ибо потому Он знает Отца совершенно, что имеет бытие от Него; признаком же бытия от Него служит совершенное знание Его. Никакое существо не может хорошо знать высшего существа, хотя бы между ними было и малое расстояние. Послушай, что говорит пророк об ангелах и человеческом роде, как не велико различие между ними. Сказав: "что [есть] человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его", он присовокупил: "не много Ты умалил его пред Ангелами" (Псал. 8:5-6). И, однако, так как несомненно есть между ними некоторое расстояние, хотя и малое, мы не знаем с точностью существа ангелов и не можем узнать его, сколько бы ни размышляли о нем.

4. Но что я говорю об ангелах, когда мы не знаем хорошо, или вернее, нисколько не знаем даже сущности нашей души? А если те будут спорить, будто знают ее, то спроси, что такое душа по существу: воздух ли, или дыхание, или ветер, или огонь? Они скажут, что душа не есть ни одна из этих вещей, потому что все они телесны, а душа бестелесна. Итак, они не знают ни ангелов, ни собственных своих душ, а утверждают, будто знают с точностью Владыку и Создателя всего? Что может быть хуже такого безумия? Но для чего я говорю: что такое душа по существу? Даже и того нельзя сказать, как она находится в нашем теле. Что можно сказать об этом? То ли, что она распространяется по составу тела? Но это нелепо; потому что это свойственно телам; а к душе это не относится, как видно из того, что часто и по отсечении рук и ног она остается целой и нисколько не сокращается от искажения тела. Или она не находится во всем теле, а сосредоточена в какой-нибудь его части? В таком случае прочие части необходимо должны быть мертвыми; потому что бездушное совершенно мертво. Но и этого сказать нельзя. Таким образом, то, что душа существует в нашем теле, мы знаем, а как она существует, этого не знаем. Познание о ней Бог сокрыл от нас для того, чтобы сильнее заградить нам уста, удержать нас и заставить оставаться внизу, а не любопытствовать и не исследовать того, что выше нас. Впрочем, чтобы нам не доказывать этого соображениями разума, мы опять обратимся к Писанию. "не то, чтобы кто видел Отца", говорит (Господь), "кроме Того, Кто есть от Бога; Он видел Отца" (Иоан. 6:46). Что же из этого? - скажут, - этим изречением еще не приписывается

Сыну совершенное знание. То, что тварь не знает Отца, Он выразил в словах: не "не то, чтобы кто видел Отца", и то, что Сын знает Его, Он также выразил в прибавлении: "кроме Того, Кто есть от Бога; Он видел Отца"; но что он знает Отца совершенно и так, как самого Себя, это еще не доказано. Можно думать, скажут, что вполне не знает Его ни тварь, ни Сын, и что Сын, хотя имеет понятие об Отце более ясное, нежели тварь, но также несовершенно. То, что Он видит Отца, каков Он есть, и знает Его, Он сказал; а что Он знает Его совершенно и так, как самого Себя, этого еще не объявил. Но хотите ли, я докажу и это Писаниями, и именно изречением самого Христа? Послушаем, что говорит Он к иудеям: "как Отец знает Меня, [так] и Я знаю Отца" (Иоан. 10:15). Какого еще хочешь ты знания совершеннее этого? Спроси возражающего: совершенно ли Отец знает Сына и точно ли имеет всякое знание о Нем, так что ничто не сокрыто от Него касательно Сына, но "Ему" принадлежит полное знание? Да, скажет он. Итак, когда ты услышишь, что и Сын знает Отца так, как Он - Сына, не ищи больше ничего, когда знание их совершенно одинаково. Тоже самое выражает Он и в другом месте, когда говорит: "никто не знает Сына, кроме Отца; и Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть" (Матф. 11:27). А открывает Он об Отце не столько, сколько Сам знает, но сколько мы вмещаем. Так поступает не только Христос, но даже Павел, который говорит своим ученикам: "и я не мог говорить с вами, братия, как с духовными, но как с плотскими, как с младенцами во Христе. Я питал вас молоком, а не [твердою] пищею, ибо вы были еще не в силах, да и теперь не в силах, потому что вы еще плотские (1 Кор. 3:1-2). Но, скажут, он говорил это только коринфянам. А что, если я докажу, что он знал и нечто другое, чего не знал никто из людей, и умер, зная это один из всех людей? Где же сказано об этом? В послании к Коринфянам, где он сам говорит: "и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать" (2 Кор. 12:4). И, однако, тот самый, который слышал тогда "и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать", имел знание частное и гораздо меньшее будущего. Сам он, сказав то, сказал и это: "мы отчасти знаем, и отчасти пророчествуем", и еще: "когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал", и еще: "теперь мы видим как бы сквозь [тусклое] стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу" (1 Кор. 13:9, 11, 12). Из этого открывается нам вся лживость еретиков; если самое существо неведомо не в том, что оно существует, а в том, каково оно, то было бы крайне безумно давать ему название. Даже если бы оно было известно и познано, и тогда нам было бы не безопасно самим от себя давать наименование существу Владыки. Если Павел не осмелился дать названия вышним силам, но, сказав, что Бог посадил Христа "превыше всякого Начальства, и Власти, и Силы, и Господства, и всякого имени, именуемого не только в сем веке, но и в будущем" (Ефес. 1:21), и научив нас, что есть такие названия сил, которые мы узнаем только в будущем, не дерзнул сам заменить их другими и даже исследовать их, то, какого прощения, или какого оправдания могут удостоиться те, которые дерзают поступать так в отношении к существу Владыки? Если самое существо (Божье) неведомо, то надобно удаляться от них, как от сумасшедших. То, что Бог не рожден, известно; а что это название есть название Его существа, этого не сказал никакой пророк, не открыл никакой апостол, никакой евангелист. И это вполне понятно, потому что не зная самого существа, как они могли бы назвать его по имени?

5. Но что я говорю о божественных Писаниях, когда эта нелепость так очевидна и беззаконие так велико, что даже язычники, уклонившиеся от истины, никогда не дерзали сказать что-нибудь подобное? И из них никто не осмелился определить Божественное существо и выразить его одним названием. И что я говорю о Божественном существе, когда они, рассуждая о природе бестелесных существ, даже ее не определили надлежащим образом, но предлагали некоторое темное изображение и описание ее, а не определение? А как еще умничают еретики? Таким образом, говорят они, ты не знаешь

того, что почитаешь? На это совсем не следовало бы даже отвечать после того, как из Писаний доказано, что невозможно знать Бога в Его существе; но так как я говорю не по вражде, а для их исправления, то теперь докажу, что не знают Бога не те, которые не знают Его существа, а те, которые усиливаются познать это существо. Скажи мне: если бы два человека спорили между собой о знании величины неба, и один из них говорил бы, что человеческим глазом невозможно объять его, а другой утверждал бы, что все небо можно измерить пядью руки, то кому из них мы приписали бы знание величины неба, тому ли, кто утверждает, будто знает, сколько в нем пядей, или тому, кто признает свое незнание? Если же тот, кто отступает перед величиной неба, оказывается более знающим эту величину, то, как мы не будем относиться с таким же благоговением к Богу? Не крайнее ли это безумие? От нас требуется только знать, что Бог существует, а не исследовать Его существа, о чем послушай, как говорит Павел: "надобно, чтобы приходящий к Богу веровал, что Он есть" (Евр. 11:6). Также и пророк, осуждая некоторых в нечестии, осуждает не за незнание того, "что" такое Бог, но за непризнание того, что Бог "существует", говорит он, безумен в сердце своем: "нет Бога" (Псал. 13:1). Итак, если этот безумец оказывается нечестивым не потому, что не знает существа Божьего, а потому, что не признает бытия Божьего, то для благочестия довольно признавать, что Бог "существует". Но у них придумано и некоторое другое возражение. Какое же? Сказано, говорят они, что "Бог есть дух" (Иоан. 4:24). Но разве этим, скажи мне, определяется существо Его? Кто может допустить это, если он хотя сколько-нибудь приближался к дверям божественных Писаний? На таком основании можно было бы сказать, что Бог есть огонь; как написано, что Бог есть дух, так же написано, что "Бог наш есть огонь поедающий" (Евр. 12:29); а в другом месте, - что Он есть "источник воды живой" (Иер. 2:13); и не только можно было бы сказать, что Бог есть дух, источник и огонь, но и душа, и ветер, и ум человеческий, и многое другое, гораздо более неуместное; не нужно перечислять все и подражать их безумию. Название "дух" означает многое; например - нашу душу, как говорит Павел: "предать сатане в измождение плоти, чтобы дух был спасен" (1 Кор. 5:5); и ветер, как говорит пророк: "восточным ветром сокрушил" их (Псал. 47:8). Тем же именем называется и духовное дарование: "самый дух", говорит апостол: "свидетельствует духу нашему" (Римл. 8:16); и еще: "стану молиться духом, стану молиться и умом" (1 Кор. 14:15). Так же называется и гнев, как говорит Исаия: "не ты ли помышлял духом жестоким убить их" (Иса. 27:8 – слав.)? Духом называется и помощь Божья: "Дыхание жизни нашей, помазанник Господень" (Плач. Иер. 4:20). Всем этим, по их мнению, был бы у нас Бог, и слагался бы из всего этого. Но чтобы нам не пустословить, выставляя на вид не нуждающееся в опровержении, окончим теперь речь против них и всецело обратимся к молитве; и чем более они оказывают нечестия, тем более мы будем просить и молиться о них, чтобы они когда-нибудь оставили свое безумие. "ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу, Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины" (1 Тим. 2:3-4).

6. Итак, не перестанем совершать о них моления. Молитва есть оружие великое, сокровище неоскудевающее, богатство никогда неистощимое, пристань безмятежная, основание спокойствия; молитва есть корень, источник и мать бесчисленных благ и могущественнее царской власти. Бывает иногда, что облеченный диадемой страдает горячкой и лежит на постели в воспалении, а около него стоят врачи, копьеносцы, слуги, военачальники, но ни искусство врачей, ни присутствие друзей, ни услужливость рабов, ни множество лекарств, ни драгоценность убранства, ни изобилие богатства, и ни что другое человеческое не может облегчить постигшей его болезни. Если же войдет кто-нибудь, имеющий дерзновение перед Богом, и только коснется его тела, и вознесет о нем чистую молитву, то вся болезнь исчезает, и, таким образом, чего не могли сделать богатство, множество прислужников, опытное искусство и величие царской власти, то

часто могла совершать молитва одного бедного и нищего. Впрочем, я говорю о молитве не пустой и рассеянной, но возносимой с усердием, из души скорбящей и сердца сокрушенного. Такая молитва восходит к небу; как вода, пока течет по ровной местности и имеет большой простор, не поднимается кверху, а когда руки водопроводчиков снизу задержат и стеснят ее, то она быстрее всякой стрелы устремляется в высоту, так точно и душа человеческая, пока пользуется большой свободой, развлекается и рассеивается, а когда низменные обстоятельства стеснят ее, то она, выдержав хорошее испытание, возносит горе чистые и усердные молитвы. А чтобы тебе убедиться, что молитвы, совершаемые в скорби, скорее могут быть услышаны Богом, послушай, что говорит пророк: "к Господу воззвал я в скорби моей, и Он услышал меня" (Псал. 119:1). Возбудим же свою совесть, опечалим душу памятью о грехах, опечалим не для того, чтобы стеснить ее, а для содействия тому, чтобы она была услышана, чтобы она трезвилась, бодрствовала и достигала до самых небес. Ничто так не отгоняет беспечности и рассеянности, как скорбь и печаль; она отовсюду сосредоточивает душу и обращает ее к самой себе. Кто так скорбит и молится, тот после молитвы может испытать в своей душе великое удовольствие. Как сгустившиеся облака сначала делают воздух мрачным, а, испустив обильный дождь и излив всю влагу, оставляют воздух чистым и светлым; так точно и печаль, пока скопляется внутри, помрачает наш ум, а когда разрешится словами молитвы и соединенными с ней слезами, и выйдет изнутри вон, то оставляет в душе великую ясность, так как в душу молящегося входит, как некоторый луч, помощь Божья. Между тем, какая у многих холодная отговорка? Я не имею дерзновения, говорят они, я стыжусь и не могу открыть уста. Это - сатанинская стыдливость, это - прикрытие беспечности; этим дьявол хочет затворить для тебя двери, ведущие к Богу. Ты не имеешь дерзновения? Но великое дерзновение, великая польза в том и состоит, чтобы считать себя не имеющим дерзновения; равно как стыд и крайняя опасность - считать себя имеющим дерзновение. Если ты имеешь много заслуг и не знаешь за собой ничего худого, но считаешь себя имеющим дерзновение, то всякая молитва твоя не действительна; если же ты носишь в совести великое бремя грехов и при этом признаешь себя последним из всех, то ты будешь иметь великое дерзновение перед Богом, хотя еще нет смиренномудрия в том, чтобы грешник считал себя грешником. Смиренномудрие состоит в том, чтобы, сознавая за собой много великого, ничего великого о себе не думать, чтобы, уподобляясь Павлу и имея возможность сказать: "я ничего не знаю за собою", в то же время говорить: "но тем не оправдываюсь" (1 Кор. 4:4), и еще: "Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый" (1 Тим. 1:15). В том и состоит смиренномудрие, когда кто, будучи высоким по заслугам, смиряет сам себя в уме. Впрочем, Бог, по неизреченному Своему человеколюбию, не отвергает от Себя и принимает не только смиренномудрствующих, но и тех, которые искренно исповедуют грехи свои, - бывает милостив и благ даже и к таким людям. А чтобы тебе убедиться, какое великое благо - не мечтать о самом себе ничего великого, представь в уме две колесницы, из которых в одну запряги праведность и высокомерие, а в другую грех со смиренномудрием, и ты увидишь, что колесница греха опередит праведность не собственной силой, но силой, сопряженного с ним смиренномудрия; а колесница праведности отстанет, не по немощи праведности, но по тяжести и громадности высокомерия. Как смиренномудрие своей превосходной высотой преодолевает тяжесть греха и быстро восходит на небо, так высокомерие, по своей великой тяжести и громадности, может пересилить и превыспреннюю праведность и легко увлечь ее вниз.

7. А что первая колесница бывает быстрее последней, вспомни о фарисее и мытаре. Фарисей впряг вместе праведность и высокомерие, и говорил так: "фарисей, став, молился сам в себе так: Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь" (Лук. 18:11). О безумие! Его

высокомерие не удовлетворялось сравнением со всем родом человеческим, но с великим неистовством напало и на близ стоявшего мытаря. Что же тот? Он не восстал против поношения, не оскорбился укоризной, но великодушно перенес сказанное, и стрела врага сделалась для него врачевством и исцелением, поношение - похвалой, укоризна - венцом. Так велико благо - смиренномудрие; так полезно - не оскорбляться злословиями других и не раздражаться обидами ближних! Можно и от них получить себе великое и важное благо, как и было с мытарем. Претерпев поношение, он очистился от грехов, и, сказав: "будь милостив ко мне грешнику" (Лук. 18:13), "пошел оправданным в дом свой более, нежели тот" (Лук. 18:14); слова оказались выше дел, изречениями побеждены деяния. Фарисей выставял на вид праведность, пост и десятины; а мытарь произнес простые слова, и избавился от грехов, потому что Бог не слова только слышал, но видел и душевное расположение, с которым они были произнесены, нашел его униженным и сокрушенным и помиловал, по Своему человеколюбию. Впрочем, это я говорю не для того, чтобы мы грешили, но чтобы были смиренномудрыми. Если мытарь, человек отличавшийся крайним нечестием, приобрел такое благоволение Божье не смиренномудрием, а только раскаянием, объявлением грехов своих и исповеданием того, чем он был, то какую великую помощь получают от Бога те, которые совершили много добрых дел и ничего великого о себе не думают? Посему прошу, убеждаю и умоляю вас - непрестанно исповедовать свои грехи перед Богом. Я не выставяю тебя на вид перед подобными тебе рабами и не принуждаю открывать грехи людям; раскрой совесть свою перед Богом, покажи Ему свои раны и проси у Него врачевства, покажи Тому, Который не укоряет, а врачует; Он видит все, хотя бы ты и умолчал. Скажи же, чтобы тебе получить пользу, скажи, чтобы, сложив с себя здесь все грехи, отойти туда чистым и безгрешным, и избавиться от будущего невыносимого их обнаружения. Три отрока находились в печи, предав душу свою за исповедание Владыки, и однако, после столь великих подвигов, они говорят: "ныне мы не можем открыть уст наших; мы сделались стыдом и поношением для рабов Твоих и чтущих Тебя" (Дан. 3:33). Для чего же вы отверзаете уста? Для того, говорят они, чтобы сказать именно это, что "мы не можем открыть уст наших", и этим преклонить к себе Владыку. Сила молитвы погашала силу огня, обуздывала ярость львов, останавливала войны, прекращала сражения, утишала бури, прогоняла демонов, отверзала врата неба, расторгала узы смерти, отгоняла болезни, отражала злобу, укрепляла колеблющиеся города; и свыше посылаемые удары, и человеческие козни, и все вообще бедствия отклоняла молитва. Опять я говорю не о той молитве, которая бывает только на устах, но о той, которая возносится из глубины души. Если деревья глубоко пустили свои корни, то их не сокрушат и не вырвут даже бесчисленные напоры ветра, потому что корнями своими они крепко держатся в глубине земли; так точно и молитвы, возносимые из глубины души, имея там свои корни, безопасно возносятся горе и не задерживаются никакими нападениями помыслов. Поэтому и пророк говорит: "из глубины взываю к Тебе, Господи" (Псал. 129:1). Я говорю все это не для того, чтобы вы только хвалили, но чтобы исполняли и на деле. Если несчастные получают некоторую отраду, высказывая людям свои несчастья и с прискорбием описывая постигшие их бедствия, как будто в словах своих находят некоторое облегчение, то тем более ты получишь облегчение и великое утешение, если откроешь твоему Владыке страдания души своей. Человек часто тяготится тем, кто сетует и плачет перед ним, отстраняется и отвращается от несчастного; а Бог поступает не так, но принимает и привлекает к Себе, и хотя бы ты продолжительно высказывал Ему свои несчастья, Он тогда еще более любит тебя и внимает твоим молениям. Это самое выражая, Христос говорил: "придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас" (Матф. 11:28). Итак, Он зовет, - не отвратим своего слуха; Он влечет, - не будем убегать от Него; хотя бы у нас было множество грехов, тогда еще более будем прибегать к Нему, потому что таких Он и призывает. "Я пришел", говорит Он, "призвать не праведников, но грешников к покаянию"

(Матф. 9:13). И там Он называет обремененными и труждающимися тех, которые обременены тяжестью грехов. Он называется "Отец милосердия и Бог всякого утешения" (2 Кор. 1:3), потому что его непрестанная деятельность та, чтобы утешать и призывать скорбящих и сетующих, хотя бы у них было множество грехов. Только предадим Ему себя, только прибегнем к Нему и не будем отступать, и тогда мы на опыте познаем истину сказанного, и ничто случающееся с нами не в состоянии будет опечалить нас, если будем возносить молитву напряженную и усердную; посредством ее мы избавимся от всего, что бы нас ни постигло. И удивительно ли, что сила молитвы может прекращать человеческие горести, если она легко погашает и истребляет самые грехи? Итак, чтобы нам легко провести настоящую жизнь, свергнуть все грехи, какие мы навлекли на себя, и с дерзновением предстать перед престолом Христовым, будем постоянно готовить себе это врачевство, составляя его из слез усердия, постоянства и терпения. Таким образом мы и будем наслаждаться постоянным здоровьем и получим будущие блага, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, вместе со Святым Духом, слава ныне, и всегда и во веки веков. Аминь.

ПРОТИВ АНОМЕЕВ.

Полное заглавие этого слова следующее: "О блаженном Филогонии, который сделался из адвоката епископом, и о том, что для благоугождения Богу ничто не может сравниться с попечением об общей пользе, и о том, что за невнимательное причастие Божественных таинств мы подвергаемся невыносимому наказанию, хотя бы дерзнули на это однажды в год. Сказано за пять дней до Рождества Христова".

СЛОВО ШЕСТОЕ.

О святом Филогонии. - Насколько будущая жизнь выше настоящей. - Св. Филогоний сначала был адвокатом. - Избранный во епископа, он предался совершению всякого рода добродетелей. - Назидание по случаю приближения праздника Рождества Христова. - Истинное покаяние, даже краткое, может очистить совесть. - Способ совершения покаяния.

Я и сегодня готовился выйти на борьбу с еретиками и уплатить вам остаток долга; но день блаженного Филогония, которого праздник мы совершаем ныне [1], побуждает меня к повествованию об его подвигах; и, конечно, надобно повиноваться. Если "кто злословит отца своего, или свою мать, того должно предать смерти" (Исх. 21:17), то очевидно, что прославляющий их непременно будет наслаждаться жизнью; и если мы должны оказывать такое расположение к естественным родителям, то тем более - к духовным, особенно когда от нашей похвалы умершие не делаются более славными, а мы собравшиеся, и говорящие и слушающие, делаемся лучшими. Кто взошел на небо, тот не нуждается в человеческих похвалах, как уже достигший лучшего и блаженнейшего наследия; а мы, доселе живущие здесь и всегда нуждающиеся в великом утешении, имеем нужду в похвалах ему, чтобы пробудить и в себе такую же ревность. Один премудрый дает такое наставление: "память праведника пребудет благословенна" (Прит. 10:7), не потому, что отшедшие получают от этого великую пользу, но потому, что ее получают прославляющие их. Итак, если мы получаем так много пользы от этого

прославления, то послушаемся премудрого и не станем противиться: и самое время удобно для такой беседы. Сегодня этот блаженный переселился в безмятежную жизнь и ввел свою ладью туда, где уже не нужно опасаться ни кораблекрушения, ни уныния, ни печали. И удивительно ли, что та обитель свободна от печали, когда Павел, беседуя с людьми еще живыми, говорит: "всегда радуйтесь; непрестанно молитесь" (1 Фессал. 5:16-17)? Если же здесь, где болезни, огорчения, преждевременные смерти, клевета, зависть, уныние, гнев, порочные похоти, бесчисленные козни, повседневные заботы, частые и непрерывные бедствия приносят со всех сторон множество скорбей, если здесь, по словам Павла, можно всегда радоваться тому, кто хотя немного освобождается от тревожных житейских дел и хорошо устраивает жизнь свою; то тем более можно достигнуть этого блага по отшествию туда, где нет ничего такого, ни болезней, ни страсти, ни повода к грехам, где нет слов: "мое" и "твое" - этих холодных слов, которые вносят в нашу жизнь все бедствия и производят бесчисленные войны. Поэтому особенно я и ублажаю этого святого, что он, переселившись отсюда и вышедши из нашего города, взошел в другой град - Божий; оставив эту церковь, вступил в ту "Церковь первородных, написанных на небесах"; и, прекратив участие в здешних праздниках, переселился к торжеству ангелов. А что там есть и город и Церковь и торжество, об этом послушай Павла, который говорит: "приступили ко граду Бога живого, к небесному Иерусалиму и тьмам Ангелов, к торжествующему собору и церкви первенцев, написанных на небесах" (Евр. 12:22-23). Торжеством он называет все тамошнее, не только по множеству вышних сил, но и по обилию благ и непрестанной радости и веселью. Торжество обыкновенно составляет не иное что, как многочисленность собравшихся и обилие предлагаемых вещей, когда привозят и пшеницу, и ячмень, и всякого рода плоды, и стада овец, и табуны волов, и одежды, и другое подобное, и одни продают, а другие покупают. Что же из этих вещей, спросят, есть на небесах? Из этих вещей - ничего, но есть нечто гораздо более досточтимое. Не пшеница, ячмень и другие произведения, но повсюду там в великом изобилии всякие плоды Духа - любовь, радость, веселье, мир, благость и кротость, на небесах можно видеть не стада овец и табуны волов, но души совершенных праведников, душевные добродетели и нравственные совершенства, не одежды и платья, но венцы драгоценнее всякого золота, награды, воздаяния и бесчисленные блага, уготованные добродетельным. И сонм собравшихся там гораздо почтеннее и многочисленнее; он состоит не из городских и сельских жителей, но в одном месте мириады ангелов, в другом - тысячи архангелов, здесь сонмы пророков, там лики мучеников, чины апостолов, собрания праведников и различные общества всяких угодников. Поистине это дивное торжество; а что важнее всего, среди этого торжества собравшихся пребывает сам Царь всех их, о чем апостол после слов: "к тьмам Ангелов, к торжествующему собору", сказал так: "и к Судии всех Богу" (Евр. 12:23). Кто видал когда-нибудь, чтобы царь присутствовал на торжище? Здесь этого никто никогда не видал, а пребывающие там непрестанно, сколько им возможно, видят Его самого присутствующим и украшающим светлостью Своей славы всех собравшихся. Здешние торжества часто прекращаются среди дня, а тамошнее не таково; оно не знает ни месячных оборотов, ни годовых круговращений, ни числа дней, но продолжается постоянно, и все блага его не имеют предела, не знают конца, не могут ни состариться, ни увянуть, но суть нестареющие и бессмертные. Нет там никакого шума, как здесь, никакого смятения, но совершенный порядок оттого, что все с надлежащим благочинием и стройно, как бы на какой кифаре, воспевают Владыке тех и других тварей согласную и приятнейшую всякой музыки песнь, а душа их там, как бы в каких таинственных святилищах и при божественных таинствах, совершает божественное священнодействие.

2. В эту блаженную и нестареющую жизнь переселился ныне блаженный Филогоний. Какое слово может быть достойно человека, получившего такое прекрасное наследие?

Нет такого слова. Что же, скажи мне, поэтому мы будем молчать? Для чего же и собрались мы? Скажешь ли, что мы не в состоянии изобразить величие дел его? Но поэтому и нужно говорить, так как важнейшая часть похвалы в том и состоит, что слова не могут сравняться с делами; чьи подвиги выше смертной природы, тому и похвала, очевидно, выше языка человеческого. Впрочем, за это он не отвергнет нашего слова, но поступит подобно самому Господу, Который вдовице, положившей только две лепты, дал награду не за две только лепты. Почему? Потому, что Он обратил внимание не на количество денег, а на богатство души. Если ты посмотришь на деньги вдовицы, то найдешь крайнюю бедность; а если вникнешь в ее намерение, то увидишь неизъяснимое сокровище душевного величия. Так и ваше приношение, хотя мало и бедно, но таково, какое мы имеем; хотя оно не соответствует душевному величию доблестного и праведного Филогония, но и то будет величайшим доказательством его великодушия, если он не отвергнет и малого приношения, а поступит подобно богатым. Они, приняв от бедных малое, в чем сами нисколько не нуждаются, прибавляют к этому еще свое, вознаграждая тех, которые принесли им, что могли. Так точно и этот блаженный, приняв от нас словесную хвалу, в которой он нисколько не нуждается, воздаст нам действительное благословение, в котором мы всегда нуждаемся. С чего же нам следует начать похвалы? С чего иного, как не с той власти, которую вверила ему благодать Духа? Внешняя власть не всегда может быть доказательством добродетели тех, которым она вверяется, напротив часто свидетельствует об их порочности. Почему? Потому, что для получения такой власти обыкновенно помогают и ходатайства друзей, и происки, и льстивые речи, и многие другие более постыдные способы. Но когда избирает и определяет Бог и когда Его десница касается святой главы, тогда определение не лицепривно, суд не подлежит подозрению, и несомненным одобрением рукополагаемого служит достоинство Рукополагающего. А что Бог избрал блаженного Филогония, это видно из самого образа избрания. Он взят был из среды торжища и возведен на этот престол; такой почтенной и светлой жизнью отличался он раньше, имея жену и дочь и обращаясь в судилище; он сиял яснее солнца, так что прямо оттуда явился достойным власти, и с седалища судейского возведен на седалище священное. Тогда он защищал людей от козней людей же, делая обиженных сильнейшими обижающих; а пришедши сюда, защищал людей от нападения демонов. А сколь важным доказательством его добродетели служит то, что он удостоился этой власти от благодати Божьей, об этом послушай, что говорит воскресший Христос Петру. Когда Господь спросил его: "Симон Ионин! любишь ли ты Меня", и тот отвечал: "так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя" (Иоан. 21:16), тогда Христос не сказал: оставь имущество, изнуряй себя постом и суровыми подвигами, воскрешай мертвых, изгоняй демонов, не упомянул ни о чем таком, ни о других знамениях и о подвигах, но умолчал обо всем этом, говорит: если ты любишь Меня, "паси овец Моих" (Иоан. 21:17). Это сказал Он для того, чтобы показать нам величайший знак не только любви к Нему, но и Своей любви к овцам, и эту любовь (к овцам) признал важнейшим доказательством любви к Нему самому, как бы так сказав: кто любит овец Моих, тот любит Меня. Посмотри, сколько претерпел Христос для этого стада: Он сделался человеком, приняв образ раба, подвергнулся оплеванию и заушению, наконец, не отказался и от смерти и смерти самой позорной: на кресте пролил кровь Свою. Итак, если кто хочет благоугодить Ему, тот пусть печется об этих овцах, пусть ищет общей пользы, пусть заботится о своих братьях; нет никакого подвига драгоценнее этого перед Богом; посему и в другом месте Он говорит: "Симон! Симон! се, сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу, но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя" (Лук. 22:31-32). Какое же ты дашь Мне воздаяние за такое попечение и промышление? А какого воздаяния Он сам требует? Опять того же самого: "и ты", говорит, "некогда, обратившись, утверди братьев твоих" (Лук. 22:32). Так и Павел говорит: "будьте подражателями мне, как я Христу" (1 Кор. 11:1). Каким же образом он был подражателем Христу? "Так, как и я угождаю всем во всем, ища не своей пользы, но

[пользы] многих, чтобы они спаслись" (1 Кор. 10:33); и в другом месте он говорит: "ибо и Христос не себе угождал" (Рим. 15:3). И нет другого такого свидетельства и знака веры и любви к Христу, как попечение о братьях и заботливость об их спасении.

3. Пусть слушают это и все монашествующие, и обитающие на вершинах гор, и всеми способами распявшие себя для мира, чтобы и они, по мере сил своих, помогли предстоятелям церквей, содействовали им молитвами, единодушием, любовью; пусть знают, что если они, даже находясь вдали, не будут всячески содействовать поставленным благодатью Божьей и обремененным такими заботами, то самое главное в жизни их потеряно и вся мудрость их объюродела. Отсюда видно, что любовь к ближним служит величайшим доказательством любви к Христу. Теперь посмотрим, как блаженный правил епископством; или лучше сказать, здесь не нужно слов и нашего голоса; потому что самое усердие ваше доказывает это. Кто войдет в виноградник и увидит виноградные лозы, покрытые листьями, обремененные плодами и обнесенные со всех сторон плетнями и оградами, тот не будет нуждаться ни в каких словах и других доказательствах, чтобы убедиться в хороших качествах садовника и земледельца; так точно и здесь кто войдет и увидит эти духовные виноградные лозы и ваши плоды, тому не нужны будут никакие слова и объяснения, чтобы узнать вашего предстоятеля; как и Павел говорит: "вы - наше письмо, написанное в сердцах наших, узнаваемое и читаемое" (2 Кор. 3:2). Река указывает на источник, и плод на корень. Следовало бы сказать и о времени, в которое вверена была ему эта власть, так как и это составляет не малую часть похвалы и весьма достаточно может свидетельствовать о добродетели этого мужа. Много трудностей было тогда, когда гонение только что прекратилось, еще оставались следы этой жесточайшей бури, и дела требовали великого исправления. К этому следовало бы еще прибавить, что ему пришлось останавливать начавшуюся при нем ересь, так как мудрость его предвидела все; но речь моя спешит перейти к другому необходимому предмету. Посему, предоставив сказать о том нашему общему отцу и подражателю блаженного Филогония, как лучше нас знающему все древнее, я перейду к другому предмету собеседования. Скоро настанет праздник, который более всех праздников достоин почитания и благоговения, и который безошибочно можно назвать матерью всех праздников. Какой же это праздник? Рождество Христово по плоти. От него получили начало и основание Богоявление и священная Пасха, и Вознесение, и Пятидесятница. Если бы Христос не родился по плоти, то и не крестился бы, что и есть Богоявление, - и не распялся бы, что и есть Пасха, - и не послал бы Духа, что и есть Пятидесятница. Таким образом, от Рождества Христова, как различные потоки от источника, проистекли все эти праздники. И не поэтому только этот справедливо мог бы занимать первенство, но и потому, что событие этого дня есть самое поразительное из всех событий. Что Христос, сделавшись человеком, умер, это было в порядке вещей; потому что, хотя Он и не сделал греха, но принял смертное тело. Конечно, и это достойно удивления; но что Он, будучи Богом, благоволил сделаться человеком и уничтожить Себя так, что и умом постигнуть невозможно, - это самое поразительное и изумительное дело. Удивляясь этому, и Павел говорит: "и бесспорно - великая благочестия тайна". Какая "великая"? "Бог явился во плоти" (1 Тим. 3:16). И в другом месте: "ибо не Ангелов восприимлет Он, но восприимлет семя Авраамово. Посему Он должен был во всем уподобиться братьям" (Евр. 2:16-17). Особенно для того я приветствую этот день с любовью и объявляю перед всеми эту любовь, чтобы и вас сделать участниками такой любви; посему прошу и убеждаю всех вас собраться тогда со всей ревностью и усердием, оставить каждому дом свой, чтобы нам увидеть поразительное и дивное зрелище - Владыку нашего, лежащего в яслях и повитого пеленами. Какое может быть нам оправдание, какое прощение, если, тогда как сам Он для нас сходит с небес, мы и из дому не придем к Нему? Тогда как волхвы, эти варвары и иноплеменники, стремятся из Персии, чтобы увидеть Его лежащего в яслях, ты,

христианин, не потрудишься пройти и малое расстояние, чтобы насладиться этим блаженным зрелищем? Так, если мы придем с верой, то несомненно увидим Его лежащим в яслях, потому что эта трапеза заменяет собой ясли. Здесь будет возлежать тело Господне, не пеленами повитое, как тогда, но со всех сторон осеняемое Духом Святым. Посвященные в тайны знают, о чем я говорю. Волхвы только поклонились Ему; а тебе, если ты приступишь с чистой совестью, мы позволим взять и самое тело Его и возвратиться домой. Приди же и ты с дарами, не с такими, как они, но с гораздо драгоценнейшими. Они принесли золото, ты принеси целомудрие и добродетель; они принесли ливан, ты принеси чистые молитвы, эти духовные благовония; они принесли смиренну, ты принеси смиренномудрие, сердце уничиженное и милостыню. Если ты придешь с такими дарами, то с великим дерзновением насладишься этой священной трапезой. Говорю сегодня все это потому, что я уверен, что многие в тот день непременно придут и приступят к этой духовной жертве. Итак, чтобы нам сделать это не к вреду и не в осуждение, но во спасение души нашей, я уже теперь предупреждаю и прошу вас всячески очистить самих себя и потом приступать к священным таинствам.

4. Никто пусть не говорит мне: я стыжусь, совесть моя полна грехов, я ношу тягчайшее бремя. Срок этих пяти дней достаточен для того, чтобы очистить множество грехов, если будешь трезвиться, молиться и бодрствовать. Несмотря на то, что время кратко, а имей в виду, что Господь человеколюбив; ниневитяне и в три дня отклонили от себя гнев Его, и несколько не помешала им краткость времени, но все сделало душевное усердие их, при помощи человеколюбия Господа (Ион. гл. 3). И блудница, приступившая ко Христу, в краткое мгновение времени смыла с себя весь позор; и когда иудеи негодовали, что Христос допустил ее к Себе и дозволил ей такую смелость, то Он заградил им уста, а ее отпустил, простив ей все грехи и приняв ее усердие (Лук. гл. 7). Почему так? Потому, что она приступила с теплым расположением, с пламенной душой и с горячей верой, и коснулась святых и священных ног Его, распустив волосы, проливая из очей потоки слез и возливая миро. Чем она обольщала людей, из того устроила и врачество покаяния; чем возбуждала взоры похотливых, тем и источала слезы; теми волосами, которыми увлекала многих к греху, отирала ноги Христа, тем миром, которым уловляла многих, намащала стопы Его. Так и ты, чем прогневал Бога, тем и умилостивляй Его. Ты прогневал Его хищением денег? Ими и умилостиви Его, возвратив обиженным похищенное, и еще прибавив к тому, и скажи подобно Закхею: "воздам в четверо" за все, что я похитил (Лук. 19:8). Ты прогневал Бога языком и злословием, которым оскорбил многих? Языком и умилостивляй его, воссылая чистые молитвы, благословляя порицающих, восхваляя злословящих, благодаря наносящих обиды. На это не нужно много дней и годов, а нужно только благорасположение, и все исполнится в один день. Отстань от зла, полюби добродетель, прекрати порочную жизнь и обещай больше не поступать так, и этого достаточно будет для твоего оправдания. Я свидетельствую и уверяю, что если каждый из нас грешников, отстав от прежних грехов, даст искренний обет Богу не повторять их, то Бог ничего другого больше не потребует для оправдания. Он человеколюбив и милостив, и как находящаяся в муках рождения желает разрешиться от бремени, так и Он желает излить Свою милость; но грехи наши препятствуют этому. Разрушим же эту преграду и с этого начнем праздник, отказавшись от всего в течение этих пяти дней; прощайте судилища, прощайте совещания, удалитесь житейские дела, условия и договоры: я хочу спасти Свою душу. "Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит" (Мат. 16:26)? Волхвы вышли из Персии, удались и ты от житейских дел, и иди к Иисусу; расстояние не велико, если мы захотим идти. Не нужно ни переплывать море, ни переходить вершины гор, но, оставаясь дома, и оказывая благоговение и великое сокрушение, можно видеть Христа, разрушить всякую преграду, уничтожить препятствие, сократить пространство пути. "Разве Я - Бог [только] вблизи, говорит Господь, а не Бог и

вдали" (Иерем. 23:23); и: "близок Господь ко всем призывающим Его в истине" (Пс. 144:18). А ныне многие из верующих дошли до такого безумия и пренебрежения, что, преисполняясь множеством грехов и нисколько не заботясь о себе, нерадиво и как случится приступают в праздники к этой трапезе, а того не знают, что время приобщения определяется не праздником и торжеством, но чистой совестью и безукоризненной жизнью. Как человеку, не сознающему за собой ничего худого, можно приобщаться каждый день, так, напротив, погрязшему в грехах и не раскаявшемуся не безопасно приступать к этой трапезе и в праздник. То, что мы приступаем лишь однажды в год не освобождает нас от вины, если приступаем недостойно; напротив то самое и служит к большему осуждению, что мы, и, приступая однажды в год, не приступаем чистыми. Посему увещаваю всех вас приступать к божественным таинствам не по поводу праздника только; но если вы пожелаете приобщиться этого святого приношения, то за несколько дней должны очищать себя покаянием, молитвой, милостыней и занятием духовными предметами, и не возвращаться назад, как "пес на свою блевотину" (2 Петр. 2:22). Не странно ли, что о телесных вещах прилагают такое попечение; за несколько дней до наступления праздника вынимают из сундуков самое лучшее платье и приводят его в порядок, покупают обувь, делают обильнейшие запасы для стола, придумывают множество всяких приготовлений и всячески убирают и украшают самих себя; а о душе, оставленной в пренебрежении, неочищенной, оскверненной, томящейся голодом и остающейся нечистой, нисколько не заботятся; тело приводят сюда украшенным, а душу оставляют обнаженной и безобразной? Между тем тело твоё видит подобный тебе раб, и тебе не будет никакого вреда, как бы оно ни было одето; а душу видит Господь и за нерадение о ней подвергает величайшему наказанию. Разве вы не знаете, что эта трапеза исполнена духовного огня, и как источники изобилуют естественной водой, так и она содержит в себе невыразимый пламень? Приступай же к ней не с соломой, деревом и сеном, чтобы тебе не усилить этого пламени и не сжечь приобщающейся души, но приступай с драгоценными камнями, золотом и серебром (1 Кор. 2:22), чтобы и это вещество сделать более чистым, и выйти отсюда с великой прибылью. Если есть что-нибудь худое в душе твоей, извергни, изгони это вон из нее. Врага ли кто имеет и потерпел великие обиды? Пусть он прекратит вражду, пусть усмирит воспламененную и раздраженную душу, чтобы внутри не оставалось никакого волнения и смятения. Через приобщение ты примешь в себя Царя; а когда Царь входит в душу, тогда в ней должна быть великая тишина, великое спокойствие, глубокий мир помыслов. Но ты потерпел великие обиды и не можешь укротить гнева? Для чего же ты сам причиняешь себе еще большую и жесточайшую обиду? Не столько повредит тебе враг, что бы он ни делал, сколько ты вредишь самому себе, не примиряясь с ним и попирая законы Божьи. Человек оскорбил тебя? Неужели, скажи мне, из-за этого ты станешь оскорблять Бога? Не примиряясь с оскорбившим значит не столько мстить ему, сколько оскорблять Бога, заповедавшего примирение. Итак, смотри не на подобного тебе раба и не на тяжесть обид его, но, представляя в уме своего Бога и страх Его, имей в виду, что чем больше ты станешь принуждать свою душу и заставляя ее после бесчисленных обид примиряясь с оскорбившим, тем большую честь ты получишь от Бога, Который заповедовал это; и как ты здесь примешь Его с великой честью, так и Он там примет тебя с великой славой и за такое послушание воздаст тебе тысячекратные награды, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, вместе со Святым Духом, слава, честь, держава и поклонение во веки веков. Аминь.

[1] Св. Филогоний, 21-й антиохийский епископ, защитник православной веры против еретика Ария, ум. в 323 или 324 году по Р. Х. Память его празднуется 20 декабря.

ПРОТИВ АНОМЕЕВ.

Полное заглавие этого слова следующее: о не пришедших в собрание, и доказательства того, что Сын единосущен Отцу, и что все, сказанное и сделанное Им уничиженно, было сделано и сказано не по немощи силы Его и не к унижению Его, но по разным целям домостроительства; и о непостижимом, и пр.

СЛОВО СЕДЬМОЕ.

О единосущии Сына с Отцом. - Необходимость внимательного отношения к слову Божию. - Сын единосущен Отцу. - Выражения св. Писания, по-видимому уничижающие Сына, находят себе объяснение в воплощении. - Другие побуждения для таких изречений св. Писания. - Две воли во Иисусе Христе. - Увещание к молитве.

Опять конские скачки, и опять у нас собрание стало меньше. Впрочем, когда вы присутствуете, то оно не может быть меньше. Как земледелец, видя цветущий и зрелый хлеб, не много заботится о падающих листьях; так точно и я теперь, когда у нас есть плод, не очень печалюсь, взирая на оторванные листья. Хотя я скорблю и об их беспечности, но эту скорбь о них облегчает усердие вашей любви. Они, если иногда и приходят, то и тогда не присутствуют, но тело их стоит здесь, а душа блуждает вне; вы же, если иногда и отсутствуете, то и тогда присутствуете; ибо ваше тело находится вне, а душа - здесь. Хотел я вести длинную речь против них, но чтобы мне, обличая отсутствующих и не слушающих, не оказаться сражающимся с тенью, отложу эту речь до их прибытия, а теперь, при помощи Божьей, постараюсь вывести вас, возлюбленные, на обычный луг и море божественных Писаний. Внимайте же и бодрствуйте. Плывущим на корабле не угрожает никакая опасность, хотя бы они все спали, а бодрствовал только один кормчий, так как его бодрствование и искусство без всего прочего достаточны для безопасности плавания; здесь же не так, но хотя бы проповедующий непрестанно бодрствовал, если слушающие не окажут такого же бодрствования, то наша речь как бы погрузится в море и погибнет, не встретив души, которая приняла бы ее. Будем же бодрствовать, будем внимательны; наше плавание имеет в виду важнейшие предметы; мы плывем не за золотом, серебром и другими погибающими вещами, но за будущей жизнью и небесными сокровищами; и здесь гораздо больше путей, нежели на море и на земле, так что, если кто не умеет верно находить их, тот подвергнется жесточайшему кораблекрушению. Итак, все вы, плывущие с нами, оказывайте не беспечность сидящих на корабле, но неусыпность и заботливость кормчих. В то время, как все прочие спят, кормчие сидят при руле и не только наблюдают водные пути, но, взирая и на далекое небо и руководствуясь, как бы какой рукой, течением звезд, безопасно направляют судно; и никто из неопытных не может так безопасно плыть по морю днем, как спокойно плывут они среди ночи, когда море представляется более страшным; они бодрствуют и невозмутимо показывают свое искусство, наблюдая не только водные пути и течение звезд, но и направление ветров; и мудрость этих людей такова, что часто, при сильнейшем напоре ветра, угрожающем повернуть корабль, они частыми переменами парусов благовременно предупреждают всякую опасность и, противопоставляя свое искусство сильным порывам ветров, избавляют судно от кораблекрушения. Если же они, плавая за земными вещами по вещественному морю, постоянно сохраняют такую бодрость души, то тем более нам нужно находиться в таком настроении, потому что здесь и больше опасности для беспечных, и больше безопасности для бодрствующих. Ладя у нас построена не из досок, но составлена из божественных Писаний; не звезды сверху руководят ей, но Солнце

правды направляет наше плавание; и мы сидим при руле, ожидая не дуновений ветра, но тихого веяния Духа.

2. Будем же бодрствовать и тщательно наблюдать свои пути; у нас опять будет речь о славе Единородного. Прежде я доказал, что познание существа Божьего гораздо выше мудрости и людей, и ангелов, и архангелов, и вообще всякой твари, и что оно доступно и ясно только для Единородного и Святого Духа; а теперь моя речь переходит к другой части состязания. Я спрашиваю, одна ли и та же сила, одна ли и та же власть, одно ли и тоже существо у Сына с Отцом? Впрочем, я не спрашиваю об этом, потому, что по благодати Христовой мы уже знаем и твердо содержим это; но я теперь намереваюсь тоже самое доказать тем, которые бесстыдно рассуждают об этом. Я стыжусь и краснею, приступая к речи о таком предмете. Кто не станет смеяться над нами, когда мы будем стараться доказывать и объяснять столь ясное? Кто не осудит тех, которые спрашивают, единосущен ли Сын Отцу? Такой вопрос противен не только Писаниям, но и общему разумению всех людей и самой природе вещей; ибо единосущие рожденного с родившим всякой может видеть не только на людях, но и на всех животных и на деревьях. Поэтому, не нелепо ли считать этот закон неизменным в отношении к растениям, людям и животным, а изменять и извращать его только в отношении к Богу? Впрочем, чтобы не показалось, что я подтверждаю это только предметами, близкими к нам, теперь я докажу это и из Писаний и таким образом буду вести речь. Тогда осмеянию подвергнемся не мы, уверенные (в этой истине), но они неверующие, противоречащие столь явному и противящиеся истине. Чему, скажут, явному? Если Он единосущен Отцу потому, что называется Сыном, то и мы можем быть единосущными Отцу, так как и мы называемся сынами Его: "Я сказал", говорит пророк, "вы - боги, и сыны Всевышнего - все вы" (Псал. 81:6). О, бесстыдство! О, крайнее безумие! Как во всем они показывают свое безрассудство! Когда мы вели речь о непостижимом, они усиливались присвоить себе то, что принадлежит одному Единородному, т. е. такое точное знание Бога, какое Он имеет о самом Себе; а теперь, когда у нас речь о славе Единородного, они усиливаются низвести Его до своего уничиженного состояния, утверждая, что и мы называемся сынами. Но это название вовсе не делает нас единосущными Богу. Ты только называешься сыном, а Он и есть таков; здесь название, а там дело. Ты называешься сыном, но не называешься "Единородным", как Он, не пребываешь в "лоне" Отчем, ты - не "сияние славы", не "образ ипостаси", не отображение Бога (Евр. 1:3). Итак, если тебя не убеждает сказанное прежде, то пусть убедит это и многое другое больше этого, что свидетельствует о Его высоком происхождении. Так, когда Он хочет показать одинаковость существа Своего с Родителем, то говорит: "видевший Меня видел Отца" (Иоан. 14:9); и об одинаковости Своей силы говорит: "Я и Отец – одно" (Иоан. 10:30); и о равенстве власти: "как Отец воскрешает мертвых и оживляет, так и Сын оживляет, кого хочет" (Иоан. 5:21); и о тождестве почитания: "дабы все чтити Сына, как чтут Отца" (Иоан. 5:23); и о власти изменять законы говорит: "Отец Мой доныне делает, и Я делаю" (Иоан. 5:17). Еретики же умалчивают обо всем этом и, принимая имя "Сын" не в собственном смысле, на том основании, что и сами они почтены названием сынов, низводят Сына до одинакового с собой уничиженного состояния, повторяя: "Я сказал: вы - боги, и сыны Всевышнего - все вы" (Псал. 81:6). Если ты говоришь, что Сын Божий, называясь сыном, не имеет никакого преимущества перед тобой, и потому не есть истинный Сын Его, то и из названия "богом", данного тебе, ты, может быть, станешь заключать, что и Отец не имеет никакого преимущества перед тобой; потому что ты назван не только сыном, но и богом. Но, называясь богом, ты не осмеливаешься говорить, что это имя в применении к Отцу есть одно название, а исповедуешь, что Отец есть истинный Бог; так и в отношении к Сыну не дерзай указывать на самого себя и говорить: и я назван сыном, и как я не одного и того же существа с Отцом; ибо все приведенное из Писания показывает, что Он есть истинный Сын и одного

и того же существа с Родителем. Так, когда говорится, что Он есть тождественное отображение и тождественный "образ", то, что иное выражается этим, как не одинаковость существа? Ибо у Бога нет ни образа, ни лица. Но, скажут, если ты говоришь об этом, то скажи и о том, что противоречит этому. Что же именно? Например, то, что Он молится Отцу; если Он имеет одинаковую силу и одно и тоже существо и делает все своей властью, то для чего Он молится?

3. А я не только скажу это, но точно изложу и все другое, что сказано о Нем уничиженного, заметив наперед, что касательно уничиженных выражений о Нем я могу привести много основательных причин, а ты касательно выражений о Его высоте и величии не можешь указать ни на какую другую причину, кроме той, что ими Сам Он хотел показать нам Свое высокое происхождение. Иначе, если бы это было не так, в Писаниях было бы несогласие и противоречие. Когда Сын Божий говорит: "как Отец воскрешает мертвых и оживляет, так и Сын оживляет, кого хочет" (Иоан. 5:21), и многое другое, о чем я сказал, и, однако, молится, когда нужно было совершить это, то, по-видимому, здесь есть противоречие; но если я укажу причины этого, то всякое противоречие исчезнет. Какие же причины того, что и сам Он, и апостолы говорили о Нем много уничиженного? Первая и важнейшая причина та, что Он был облечен плотью и хотел удостоверить как современников, так и всех потомков, что Он - не тень какая-нибудь, и явление Его - не призрак только, но действительная истина. Если после того, как и апостолы о Нем, и сам Он о Себе сказали столько уничиженного и человеческого, дьявол, однако успел убедить некоторых несчастных и жалких людей - отвергать учение о домостроительстве Его и дерзко говорить, что Он не принимал плоти, и ниспровергать все дело Его человеколюбия; то, если бы ничего такого не было сказано, сколь многие впали бы в эту пропасть? Не слышишь ли, как еще и теперь отвергает это домостроительство Маркион, и Манихей, и Валентин, и многие другие? Для того Он и говорил о Себе много человеческого, уничиженного и чуждого неизреченному существу, чтобы удостоверить в истине своего домостроительства. Дьявол сильно старался истребить эту веру между людьми, зная, что, если он истребит веру в домостроительство, то большая часть дела нашего спасения погибнет. Затем есть и другая причина - неспособность слушателей и невозможность для них, видевших Его тогда в первый раз и слышавших тогда в первый раз, усвоить себе высшее догматическое учение. А что сказанное не есть догадка, это я постараюсь показать и объяснить тебе из самых Писаний. Так, когда Он говорил что-нибудь великое, высокое и достойное своей славы, - что я говорю: великое, высокое и достойное своей славы? - когда Он говорил что-нибудь высшее человеческой природы, то они смущались и соблазнялись; а когда Он говорил что-нибудь уничиженное и человеческое, то прибегали к Нему и принимали учение. Где же, скажут, можно видеть это? Особенно у Иоанна; когда Христос сказал: "Авраам, отец ваш, рад был увидеть день Мой; и увидел и возрадовался", то они говорят: "Тебе нет еще пятидесяти лет, - и Ты видел Авраама" (Иоан. 8:56-57)? Видишь ли, что они относились к Нему, как к простому человеку? Что же Он? "Прежде, нежели был Авраам", говорит Он, "Я есмь". Они же "тогда взяли камень, чтобы бросить на Него" (Иоан. 8:58-59). И когда Он, излагая продолжительную речь о таинствах, говорил: "хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира", то они говорили: "какие странные слова! кто может это слушать? С этого времени многие из учеников Его отошли от Него и уже не ходили с Ним" (Иоан. 6:51,60,66). Что же, скажи мне, следовало Ему делать? Употреблять ли постоянно высшие выражения, чтобы отогнать уловляемых и отвратить всех от учения? Но это не согласно было бы с человеколюбием Божьим. И затем, когда он сказал: "кто соблюдет слово Мое, тот не вкусит смерти вовек", то они говорили: "иудеи сказали Ему: теперь узнали мы, что бес в Тебе. Авраам умер и пророки, а Ты говоришь: кто соблюдет слово Мое, тот не вкусит смерти вовек" (Иоан. 8:51-52)? И удивительно ли, что народ так относился к Нему, когда и

сами начальники имели такие же понятия? Так, Никодим, бывший начальником, приходивший к Христу с великим благорасположением и говоривший: "мы знаем, что Ты учитель, пришедший от Бога", не мог усвоить учения о крещении, которое было гораздо выше его немощи. Когда Христос сказал: "если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божье", то он предавался человеческим суждениям и говорил: "как может человек родиться, будучи стар? неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться"? Что же Христос? "Если Я сказал вам о земном, и вы не верите, как поверите, если буду говорить вам о небесном" (Иоан. 3:2,4-5,12)? - Он сказал это, как бы оправдываясь и объясняя, почему Он не беседовал с ними постоянно о вышнем рождении. Также перед самым распятием на кресте, после бесчисленных знамений, после многих доказательств Своей силы Он сказал: "отныне узрите Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных" (Матф. 26:64); а первосвященник, не перенесши этих слов, разодрал одежды свои. Как же нужно было говорить с теми, которые не выносили ничего высокого? Не удивительно, что Он ничего великого и высокого не говорил о Себе людям, пресмыкавшимся по земле и столь немощным.

4. Сказанного достаточно было бы для доказательства того, что действительно такова была причина и таков повод к употреблению уничиженных выражений; но я постараюсь объяснить это и с другой стороны. Вы видели, что они соблазнялись, смущались, отклонялись, хулили и убегали, когда Христос говорил что-нибудь великое и высокое; теперь я постараюсь показать вам, что они прибегали и принимали учение, когда Он говорил что-нибудь смиренное и уничиженное. Те, которые убегали от Него, те же самые в другое время, когда Он говорил: "Я ничего не делаю от Себя, но как научил Меня Отец Мой, так и говорю" (Иоан. 8:28), тотчас прибегали к Нему. И евангелист, желая показать нам, что они уверовали по причине смирения этих слов, в объяснение сказал: "когда Он говорил это, многие уверовали в Него" (Иоан. 8:30). И в других местах часто можно находить такие случаи. Поэтому Он много и часто говорил по-человечески, впрочем, не вполне по-человечески, но благоприлично и достойно высокого Его происхождения, с одной стороны снисходя к немощи слушателей, а с другой - соблюдая верность догматов. Чтобы постоянное снисхождение не внушило потомкам неправильного мнения о Его достоинстве, Он не пренебрег и этой последней стороны; хотя предвидел, что Его не будут слушать и даже будут хулить и убегать от него, однако говорил о Себе и высокое, устраивая именно то, на что я указал, и, делая ясной причину, по которой Он употреблял вместе с тем и уничиженные выражения. А причина была та, что слушатели еще не могли усвоить высоких изречений. Если бы Он не хотел устроить этого, то излишне было бы преподавание высоких догматов людям не слушавшим и не внимавшим; а теперь оно не принесло этим людям никакой пользы, но нас научило и подготовило к надлежащему понятию о Нем, и убедило, что именно по немощи их к усвоению высоких изречений Он употреблял в речи и уничиженные выражения. Итак, когда ты услышишь, что Он говорит уничиженно, то знай, что это - снисхождение, не вследствие уничиженного существа Его, но вследствие немощи разумения слушателей. Хотите ли, я укажу и третью причину? Он делал и говорил много смиренного не только по причине того, что был облечен плотью, и что слушатели были немощны, но и потому, что Он хотел научить их смиренномудрию; это и есть третья причина. Научая смиренномудрию, Он поучает этому не только словами, но и делами, показывая смирение и словом и делом. "Научитесь от Меня", говорит Он, "ибо Я кроток и смирен сердцем" (Матф. 11:29); и еще в другом месте: "Сын Человеческий не [для того] пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить" (Матф. 20:28). Таким образом, научая быть смиренными и никогда не домогаться первенства, но всегда довольствоваться уничиженным состоянием, и внушая это словами и делами, Христос имел много поводов говорить смиренное. Можно указать и на четвертую причину, не меньшую вышесказанных. Какая же она? Та, чтобы по причине великой и неизреченной

близости лиц в Божестве, мы как-нибудь но, дошли до мнения об одном лице в Нем, как некоторые уже и теперь впали в это нечестие, хотя Он редко говорил что-нибудь подобное. Так, слова Его: "Я и Отец – одно" (Иоан. 10:30), и: "видевший Меня видел Отца" (Иоан. 14:9), открывающие близость Его Родителю, Савеллий Ливийский обратил в повод к нечестию и к учению об одном лице и одной Ипостаси (в Божестве). Кроме этих причин была и та, чтобы никто не почитал Его первым и не рожденным существом и не считал Его большим Родителя. Так и Павел, по-видимому, опасался того, чтобы кто-нибудь не пришел к такому нечестивому и неправому мнению. Сказав: "ибо Ему надлежит царствовать, доколе низложит всех врагов под ноги Свои", и далее: "все покорил под ноги Его", он присовокупил: "Покорившему все Ему" (1 Кор. 15:25,27-28); а этого он не присовокупил бы, если бы не опасался, чтобы не явилось такое дьявольское мнение. Иногда Христос уничижал высоту изречений и для того, чтобы укротить ненависть иудеев и часто говорил сообразно с пониманием беседовавших с Ним, как, например, в словах: "если Я свидетельствую Сам о Себе, то свидетельство Мое не есть истинно" (Иоан. 5:31). Он сказал так, приспособляясь к пониманию иудеев; Он, конечно, хотел не то выразить, будто Он не истинен, но сказать: как вы думаете и подозреваете, не желая выслушать Меня, говорящего о самом Себе.

5. Можно найти много и других причин на это. Таким образом, мы можем указать много причин, по которым Христос употребляет о Себе уничиженные выражения; а ты укажи хотя одну причину высоких изречений Его, кроме той, о которой я сказал, именно желания Его - показать нам свое высокое происхождение; но ты не можешь указать другой причины. Великий может сказать о себе нечто и малое, и за это нельзя упрекать его, потому что это происходит от смирения; а малый, когда скажет о себе что-нибудь великое, не избегнет осуждения; потому что это происходит от гордости. Посему великого мы все хвалим, когда он говорит о себе смиренно; а низкого никто не похвалит, когда он станет говорить о себе что-нибудь великое. Таким образом, если бы Сын был гораздо ниже Отца, как вы утверждаете, то ему не следовало бы говорить слова, которыми Он выражал Свое равенство с Родителем; потому что это было бы гордостью; а если равный с Родителем говорит о Себе что-нибудь смиренное и уничиженное, это не подлежит никакому осуждению и не составляет вины, потому что служит в похвалу Ему и достойно величайшего удивления. А чтобы сказанное было более ясным, и чтобы все мы убедились, что я не противоречу божественным Писаниям, я возвращусь теперь к первой из указанных причин и приведу те места, где Христос, как облеченный плотью, ясно употребляет выражения, низшие собственного существа Своего; и, если угодно, представлю самую молитву, которой Он молился Отцу. Но слушайте меня со вниманием; я хочу изложить вам все, начав несколько выше. Вечеря была в ту священную ночь, в которую Христос был предан; называю ее священной потому, что от нее получили начало бесчисленные блага, которые дарованы вселенной. Тогда и предатель возлежал вместе с одиннадцатью учениками и, когда они вкушали, Христос говорит: "один из вас предаст Меня" (Матф. 26:21). Помните эти слова, чтобы впоследствии, когда мы дойдем до молитвы, нам было видно, для чего Он так молится. Обрати внимание и на промышление Господа; не сказал Он: "Иуда предаст Меня", чтобы ясностью обличения не сделать его более бесстыдным; но когда тот, угрызаемый совестью, сказал: "не я ли, Равви", тогда Он говорил Ему: "ты сказал" (Матф. 26:25); даже и тогда не хотел обличить его, но поставил его самого обличителем себя; однако и тогда Иуда не сделался лучше, но, взяв кусок хлеба, вышел. Когда же он вышел, то Иисус, обращаясь к ученикам, говорит: "все вы соблазнитесь обо Мне"; но Петр сказал в ответ; "если и все соблазняются о Тебе, я никогда не соблазнюсь". Иисус опять говорит: "истинно говорю тебе, что в эту ночь, прежде, нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня". Когда же тот опять стал возражать, то Христос оставил его (Матф. 26:31,33-34). Ты не убеждаешься словами, а

противоречишь, - как бы так говорит Господь; - убедишься самыми делами, что не должно противоречить Господу. И эти слова также помните; потому что памятование о них будет полезно нам при рассуждении о молитве. Он указал предателя, предсказал бегство всех и Свою смерть: "поражу пастыря", сказал Он, "и рассеются овцы стада" (Матф. 26:31); предсказал о том, кто отречется от Него, когда и сколько раз, и все это предсказал с точностью. После всего этого, представив достаточное доказательство своего предведения будущих событий, Он пришел в некоторое место и стал молиться. Еретики говорят, что эта молитва относится к Его Божеству, а мы говорим, что она относится к Его домостроительству; рассудите же вы сами и для славы Единородного произнесите беспристрастное решение. Хотя я обращаюсь к суду друзей, но убеждаю и прошу произвести суд беспристрастный, без угождения мне и без вражды к ним. Что эта молитва не относится к его Божеству, видно уже и из того, что Бог не молится; Богу свойственно принимать поклонение; Богу свойственно принимать молитву, а не возносить молитву. Но так как еретики бесстыдно упорствуют, то я постараюсь из самых слов молитвы объяснить вам, что все это есть дело домостроительства Христова и Его немощи по плоти. Когда Христос говорит что-нибудь смиренное, то говорит это смиренное и уничиженное таким образом, чтобы чрезмерность смирения слов Его могла и самых недоверчивых людей убедить, что эти слова весьма чужды непостижимому и неизъяснимому Существо. Приступим же к самым словам молитвы. "Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем, не как Я хочу, но как Ты" (Матф. 26:39). Здесь я спрошу еретиков: неужели не знает, возможно это или не возможно, тот, Кто незадолго говорил на вечери: "один из вас предаст Меня", Кто незадолго говорил: "написано: поражу пастыря, и рассеются овцы стада", и еще: "все вы соблазнитесь обо Мне"; и Петру сказал: "отречешься от Меня, трижды отречешься от Меня"; Он ли, скажи мне, теперь не знает этого? Кто из самых упорных может утверждать это? Если бы это неведомое было неизвестно никому ни из пророков, ни из ангелов, ни из архангелов, то, может быть, любители споров имели бы какой-либо повод к противоречию; но если это неведомое было так известно и очевидно для всех, что даже и люди знали об этом с точностью, то какое оправдание и какое прощение может быть тем, которые утверждают, что Христос говорил это по своему неведению? Как известно, и рабы знали с точностью этот предмет, о котором я говорю; они знали и то, что Он умрет, и то, что Ему надлежит претерпеть смерть на кресте; еще за много лет Давид, указывая на то и другое, говорил от лица Христова: "пронзили руки мои и ноги мои" (Псал. 21:17); он говорил о будущем, как бы о совершившемся уже, выражая этим, что, как бывшему невозможно не быть, так и его словам невозможно не сбыться. И Исаия, предвозвещая тоже самое, говорил: "как овца, веден был Он на заклание, и как агнец перед стригущим его безгласен" (Иса. 53:7). А Иоанн, увидев этого агнца, говорил: "вот Агнец Божий, Который берет [на Себя] грех мира" (Иоан. 1:29); это - тот агнец, говорит он, о котором предсказано. И обрати внимание, не просто сказано; "агнец", но прибавлено: "Божий". Так как был другой агнец - иудейский, то, желая показать, что это агнец - Божий, Иоанн и сказал таким образом. Тот агнец приносился только за один народ, а этот принесен за всю вселенную; кровь того избавляла только иудеев от телесного наказания, а кровь этого стала общим очищением целой вселенной. Притом кровь иудейского агнца могла совершать то, что совершала, не по собственному свойству, но имела такую силу потому, что была прообразом этой крови.

б. Где же те, которые говорят, что и Христос называется Сыном и мы называемся сынами, и, основываясь на одинаковости названия, стараются низвести Его до нашего уничиженного состояния? Вот "агнец" и "агнец" - одно название, но беспредельное различие между тем и другим существом. Поэтому, как здесь ты не думаешь о равенстве, слыша одинаковое название, так точно и там, слыша названия "сына" и "сына", не низводи Единородного до своего ничтожества. Впрочем, для чего говорить об

очевидном? Если бы молитва Его относилась к Божеству Его, то Он оказался бы опровергающим самого Себя, противоречащим и несогласным с самим Собой. Здесь Он говорит: "Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия", и колеблется и уклоняется от страдания (Матф. 26:39); между тем в другом месте, сказав, что Сыну человеческому надлежит преданным быть и пострадать, и, услышав слова Петра: "будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобою", так сильно укорил его, что сказал: "отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн! потому что думаешь не о том, что Божье, но что человеческое" (Матф. 16:22-23). Хотя не задолго перед тем Он похвалил Петра и назвал блаженным, однако теперь назвал его сатаной, не для того, чтобы огорчить апостола, но желая показать этой укоризной, что сказанное Петром было не согласно с Его волей, но противно ей столько, что сказавшего это, хотя то был сам Петр, Он не замедлил назвать сатаной. Также и в другом месте Он говорит: "очень желал Я есть с вами сию пасху" (Лук. 22:15). Почему Он говорит: "сию пасху", тогда как и прежде праздновал этот праздник вместе с ними? Почему? Потому, что за ней следовал крест. И еще: "Отче! прославь Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тебя" (Иоан. 17:1); и во многих других местах мы видим, что Он предсказывал свои страдания и желал, чтобы они исполнились, и что для них Он и пришел. Почему же здесь Он говорит: "если возможно"? Он показывает нам немощь человеческой природы, которая нелегко решается расстаться с настоящей жизнью, но уклоняется и колеблется по причине изначально внедренной в нее Богом любви к настоящей жизни. Если и после всех таких слов Его некоторые осмелились сказать, что Он не принимал плоти, то чего они не сказали бы, если бы не было сказано ничего подобного? Там Он, как Бог, предсказывает о Своих страданиях и желает, чтобы они были, а здесь, как человек, избегает их и уклоняется. Что Он добровольно шел на страдания, это видно из слов Его: "имею власть отдать ее и власть имею опять принять ее: никто не отнимает ее у Меня, но Я Сам отдаю ее" (Иоан. 10:18). Как же Он говорит: "впрочем, не как Я хочу, но как Ты"? Но удивительно ли, что прежде распятия на кресте Он так тщательно уверял в действительности Своей плоти, если и после воскресения, увидев неверующего ученика, Он не отказался показать ему Свои раны и язвы от гвоздей, дозволил осязать рукой эти раны и сказал: "осяжите Меня и рассмотрите; ибо дух плоти и костей не имеет" (Лук. 24:39)? Поэтому и в начале Он не воспринял человеческой плоти в возмужалом возрасте, но благоволил быть зачатым, и родиться, и питаться молоком, и столько времени пребывать на земле, чтобы и продолжительностью времени и всем прочим удостоверить людей в том же самом. Часто и ангелы и сам Бог являлись на земле в человеческом образе; но видимый образ был не истинным телом, а приспособлением; поэтому, чтобы ты не подумал, что и явление Христа таково же, каковы были те явления, но чтобы ты несомненно верил, что это было истинное тело, Он и был зачат, и рожден, и воспитан, и положен в яслях не в доме каком-нибудь, а при гостинице, в присутствии множества людей, чтобы рождение Его было всем известно. Поэтому Он и пеленался; поэтому и пророчества издревле предсказывали, что Он не только будет человеком, но будет и зачат, и рожден, и воспитан, как свойственно детям. Об этом Исаия взывает так: "се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил. Он будет питаться молоком и медом" (Иса. 7:14-15); и еще: "младенец родился нам - Сын дан нам" (Иса. 9:6). Видишь ли, что пророки предсказывали и о младенческом Его возрасте? Спроси же еретика: неужели Бог боится, уклоняется, колеблется и скорбит? Если он скажет: да, то отступи от него и считай его наравне с дьяволом, или лучше, ниже самого, дьявола; ибо и тот не осмелится сказать это. Если же он ответит, что все это недостойно Бога, то скажи: следовательно, Бог и не молится; и за тем все прочее было бы неуместно, если бы слова (молитвы) принадлежали Богу. Эти слова выражают не только скорбь, но и две воли, противоположные между собой, одну Сыновнюю, а другую Отчую; ибо сказать: "впрочем, не как Я хочу, но как Ты" (Матф. 26:39), значит выразить именно это. А этого и еретики никогда не допускали, но когда мы постоянно утверждали, что слова: "Я и Отец – одно"

(Иоан. 10:30), относятся к силе, они относили их к воле, утверждая, что у Отца и Сына одна воля. Но если у Отца и Сына одна воля, то, как же Он говорит здесь: "впрочем, не как Я хочу, но как Ты"? Таким образом, если бы эти слова относились к Его Божеству, то было бы некоторое противоречие и много несообразного произошло бы отсюда; а если они относятся к плоти, то сказаны основательно и безукоризненно. Нежелание смерти со стороны плоти не служит к ее осуждению; потому что это естественно; а Христос явил в себе вполне все свойственное человеческому естеству, кроме греха, так что заградил уста еретиков. Итак, когда Он говорит: "Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты", то выражает этим не что иное, как то, что Он был облечен истинной плотью, которая боится смерти, потому что ей свойственно бояться смерти, уклоняться от нее и предаваться скорби. Он иногда оставлял Свою плоть одинокой без собственного (Божеского) содействия, чтобы, показав ее немощь, внушить уверенность в ее (человеческой) природе, а иногда прикрывал ее, чтобы ты знал, что Он был не простой человек. Это могли бы подумать тогда, если бы Он постоянно показывал действия человеческие; равно как, если бы Он постоянно совершал свойственное Божеству, не поверили бы учению о домостроительстве. Посему Он разнообразил и перемешивал и слова и дела, чтобы не подать повода к болезни и безумию ни Павла Самосатского, ни Маркиона и Манихея; потому и здесь Он и предсказывает будущее, как Бог, и уклоняется от страданий, как человек.

7. Я хотел изложить и другие причины и показать из самых дел Христовых, что как здесь Он молился, обнаруживая немощь плоти, так в других случаях молился, имея в виду немощь слушателей; ибо не нужно думать, будто все, что сказано Им уничиженного, сказано было потому, что Он был облечен плотью; есть на это и другие причины, о которых я упомянул. Но, опасаясь, что вам трудно будет удержать множество сказанного, если я прибавлю еще то, что хотел сказать, то закончу на этом речь против еретиков и, отложив остальное до другого дня, снова предложу вам увещание о молитве. Хотя я часто говорил об этом предмете, но необходимо сказать о нем и теперь. Как те из одежд, которые были погружены в краску только однажды, имеют непрочный цвет, а те, которые красильщики неоднократно и часто погружали в краску, сохраняют свой цвет неизменным; так бывает и с нашими душами: если мы часто слышим одни и те же слова, то, приняв наставление, как бы какую краску, не скоро забудем его. Не будем же слушать невнимательно; нет, подлинно нет ничего сильнее молитвы и даже ничего равного ей. Не столько блистателен царь, одетый в багряницу, сколько молящийся, украшающийся беседой с Богом. Как тот, кто в присутствии войска и военачальников, многих вельмож и градоначальников, приблизившись к царю и вступив наедине в беседу с ним, обращает на себя взоры всех и от этого становится более досточтимым; так точно бывает и с молящимися. Подумай, сколь важное дело - в присутствии ангелов, архангелов, серафимов, херувимов и всех прочих сил, простому человеку приступить с великим дерзновением и беседовать с Царем этих сил; с какой это может сравниться честью? И не только честь, но и величайшую пользу доставляет нам молитва еще прежде, нежели мы получим то, чего просим. Как только кто-нибудь поднимет руки к небу и призовет Бога, он тотчас отрешается от всех дел человеческих и обращается мыслью к будущей жизни, представляет небесные блага и во время молитвы не думает о здешней жизни, если молится усердно. Воспламенится ли в нем гнев, он легко укрощается; возгорится ли похоть, она потухает; станет ли терзать его зависть, она весьма легко прогоняется, и в душе молящегося совершается то же, что, по словам пророка, бывает в природе при восходе солнца. Что же говорит он? "Ты простираешь тьму и бывает ночь: во время нее бродят все лесные звери; львы рыкают о добыче и просят у Бога пищу себе. Восходит солнце, [и] они собираются и ложатся в свои логовища (Псал. 103:20-22). Как при появлении солнечных лучей все звери обращаются в бегство и прячутся в свои норы; так

точно, когда молитва засияет, как луч, от наших уст и языка, ум наш просвещается, а все безумные и зверские страсти прогоняются, обращаются в бегство и скрываются в свои убежища, если только мы молимся усердно, с напряженной душой и бодрым умом. Хотя бы тогда присутствовал дьявол, он обращается в бегство, хотя бы демон, он удаляется. Когда господин беседует с рабом, то никто из других рабов и даже никто из имеющих перед ним дерзновение, не посмеет подойти и помешать их беседе, тем более демоны, как оскорбившие Бога и не имеющие перед Ним дерзновения, не могут беспокоить нас, беседующих с Богом с надлежащим усердием. Молитва есть пристань для обуреваемых, якорь для колеблемых волнами, трость немощных, сокровище бедных, твердыня богатых, истребительница болезней, хранительница здоровья; молитва соблюдает наши блага неизменными и скоро устраняет всякое зло; если нас постигнет искушение, она легко прогоняет его; если случится потеря имущества или что-нибудь другое, причиняющее скорбь нашей душе, она скоро устраняет все это; молитва прогоняет всякую скорбь, доставляет благодушие, способствует постоянному удовольствию; она есть матьлюбомудрия. Кто может усердно молиться, тот богаче всех, хотя бы он был беднее всех; напротив, кто не прибегает к молитве, тот, хотя бы сидел на царском престоле, беднее всех. Ахав был царем и владел бесчисленным количеством золота и серебра. Но так как он не возносил молитвы, то ходил искать Илию, человека, не имевшего ни убежища и никакой одежды, кроме одной только милоти. Что это, скажи мне, ты, имеющий столько сокровищ, ищешь не имеющего ничего? Да, говорит он; какая мне польза от сокровищ, когда он заключил небо и сделал все это бесполезным? Видишь ли, что Илия был богаче Ахава? Как только он изрек слово, царь впал в великую бедность со всем своим войском. О дивное дело: человек, не имевший даже одежды, заключил небо! Но потому он и заключил небо, что не имел одежды; так как он здесь ничего не имел, то и показал великую силу; а как только открыл уста, то и низвел свыше бесчисленные сокровища благ (3 Цар, гл. 17 и 18). О, уста, имеющие источники вод! О язык, источающий потоки дождей! О голос, производящий бесчисленные блага! Так, постоянно взирая на этого бедного, который был богат потому, что был беден, будем презирать настоящее и стремиться к будущему. Тогда мы получим и здешние и все тамошние блага, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с которым Отцу, вместе со Святым Духом, слава ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

ПРОТИВ АНОМЕЕВ.

Полное заглавие этого слова следующее: "об остальном против еретиков, о суде и милостыне, и о просьбе матери сынов Зеведеевых".

СЛОВО ВОСЬМОЕ.

О суде и милостыне и о просьбе матери сынов Зеведеевых. - Ответ на возражение еретиков. - Сын имеет ту же власть, что и Отец. - Милостыня измеряется не по величине подаяния, но по чистоте намерения. - Похвала ап. Павлу, изречения которого приводит проповедник. - В каком смысле сказал Иисус Христос "несть Мое дати". - Награду заслуживает тот, кто подвизается.

Вчера мы возвратились с войны, с войны и сражения против еретиков, с окровавленным оружием, с обгаренным мечем слова, сразив не тела, но низложив помыслы и "всякое

превозношение, восстающее против познания Божия" (2 Кор. 10:5). Такого рода эта война, таково свойство и оружия; преподавая наставление о том и другом, блаженный Павел говорил: "оружия воинствования нашего не плотские, но сильные Богом на разрушение твердынь: [ими] ниспровергаем замыслы и всякое превозношение, восстающее против познания Божия" (2 Кор. 10:4-5). Для тех, которые не были здесь, следовало бы сказать о бывших вчера поражениях еретиков, рассказать о сражении, борьбе, победе, трофеях; но чтобы не подать вам повода к невнимательности и чтобы вы, не бывшие, почувствовали потерю и сделались более внимательными, я умолчу о том и приступлю сегодня к дальнейшему. А кто любознателен и усерден, тот может узнать сказанное нами вчера от присутствовавших при этом, так как наши слушатели оказали такое усердие, что отправились домой, усвоив себе все и не опустив ничего из сказанного. Итак, прежде вы узнаете от них; а то, что нужно сказать сегодня, я скажу вам, представив возражение, которое приводят еретические исчадия. Какое же это? Мы беседовали прежде о власти Единородного, показали, что она равна власти родившего Его Отца, и много говорили об этом; поэтому они, пораженные сказанным, стали приводить иное евангельское изречение, которое сказано в одном смысле, а ими, разумеется, в другом. Они говорят: как же написано: "но дать сесть у Меня по правую сторону и по левую - не от Меня [зависит], но кому уготовано Отцом Моим" (Матф. 20:23)? Я всегда увещевал вас, возлюбленные, и сегодня также прошу и советую обращать внимание не на одни буквы Писания, но вникать и в смысл их; потому что, кто будет держаться одних выражений и не искать ничего, кроме написанного, тот много ошибется. Так, по словам Писания, Бог имеет даже крылья; ибо пророк говорит: "в тени крыл Твоих укрой меня" (Псал. 16:8); но из этого мы не будем заключать, что это духовное и бессмертное Существо владеет крыльями. Если этого нельзя сказать о людях, то тем более - о нетленном, невидимом и непостижимом Существо. Что же мы должны разуместь под именем крыльев? Помощь, ограждение, защиту, содействие, непобедимую силу этой помощи. Писание также называет Бога спящим, когда говорит: "Восстань, что спишь, Господи" (Псал. 43:24), называет не с тем, чтобы внушить нам мысль, будто Бог спит, - это было бы крайне безумно, - а чтобы под образом сна объяснить нам Его долготерпение и милосердие. А другой пророк говорит: "разве будешь как человек спящий" (Иер. 14:9)? Видишь, какое великое благоразумие необходимо нам при рассматривании сокровища божественных Писаний? Если же мы будем просто, поверхностно и невнимательно слушать сказанное в них, то не только произойдут упомянутые несообразности, но и окажется много противоречий в словах их. Так, один называет Бога спящим, а другой не спящим; но то и другое справедливо, если ты будешь понимать это в надлежащем смысле. Называющий Его спящим указывает на великое Его долготерпение; а называющий Его не спящим, объясняет нам нетленность Его существа. Если же нам нужно много благоразумия при чтении Писания, то не будем поверхностно относиться и к этому изречению: "не от Меня зависит, но кому уготовано Отцом Моим" (Матф. 20:23). Эти слова не лишают Сына власти и не уменьшают Его самостоятельности, но показывают Его премудрость, великое попечение и промысление о нашем роде. А что Он имеет власть и наказывать и награждать, послушай, как об этом Он сам говорит: "когда же придет Сын Человеческий во славе Своей, и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов - по левую. Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня: Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его: ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня" (Матф. 25:31,33-35,41-43). Видишь ли, как совершенен Его суд, как Он и награждает и наказывает, украшает венцами и подвергает казни, одних вводит в царство, других отсылает в геенну?

2. Заметь и здесь великое Его попечение о нас. Обращаясь к получающим венцы, Он говорит: "приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира"; а осуждаемым на наказание Он не сказал: "идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный вам", но: "уготованный диаволу". Людям я приготовил царство, говорит Он, а геенну приготовил не людям, но дьяволу и ангелам его; если же вы вели такую жизнь, что сделались достойными наказания и мучения, то должны сами винить в этом самих себя. И посмотри, как Он расположен к милости: когда еще не было подвижников, венцы уже были приготовлены, награды уже были наперед уготованы. "Наследуйте", говорит Он, "Царство, уготованное вам от создания мира". И в притче о десяти девах можно видеть то же самое. Когда надлежало придти жениху, то неразумные говорят мудрым: "дайте нам вашего масла"; а последние отвечают им: "чтобы не случилось недостатка и у нас и у вас" (Матф. 25:8-9). Не о елее и огне говорит здесь Писание, но о девстве и человеколюбии, означая девство под видом огня, а милостыню под видом елея, и показывая, что девство имеет великую нужду в человеколюбии, без которого невозможно спастись. Кто же те, которые продают этот елей? Кто иной, как не бедные? Они не столько получают, сколько сами дают. Считай же милостыню не за расход, а за приход, не за ущерб, а за приобретение; потому что через нее ты больше получаешь нежели даешь. Ты даешь хлеб, а получаешь жизнь вечную; даешь одежду, а получаешь одеяние бессмертия; даешь пристанище под своим кровом, а получаешь царство небесное; даешь блага погибающие, а получаешь блага постоянно пребывающие. Но, скажешь, как я могу подавать милостыню, когда я беден? Тогда особенно и можешь ты подавать милостыню, когда ты беден. Богатый, опьяненный обилием богатства, пламенеющий жесточайшей горячкой и одержимый ненасытной страстью, желает увеличить свое имущество; а бедный, не зараженный этой болезнью и свободный от этого недуга, легче сделает подаяние из того, что у него есть. Милостыня зависит не от количества имущества, но от степени душевного расположения. Так, вдовица отдала две лепты и превзошла пресыщенных богатством; и другая вдовица, имевшая только горсть муки и немного елея, приняла к себе (пророка), имевшего небесную душу; ни для одной из них бедность не была препятствием. Итак, не ссылайся на бесполезные и напрасные предлоги; Бог требует не изобилия приношения, но богатства душевного расположения, которое выражается не мерой подаваемого, но усердием подающих. Ты беден и беднее всех людей? Но ты не беднее той вдовицы, которая много превзошла богатых. Ты нуждаешься в самой необходимой пище? Но ты не беднее сидонской вдовицы, которая, дошедши до крайней степени голода, ожидая уже смерти с окружающими ее детьми, при всем том не пожалела своего достояния, и величайшей бедностью приобрела невыразимое богатство, сделала свою руку гумном и кувшин точилом и устроила так, что из малого произошло многое (3 Цар. гл. 17). Впрочем, возвратимся к своему предмету и не будем делать частых отступлений. Итак, когда надлежало придти Жениху, девы вели между собой такую беседу. Мудрые посылали неразумных к продавцам, но уже не было времени покупать елея; и справедливо. Продающих елей можно найти только в настоящей жизни; а после отшествия отсюда и по закрытии зрелища земной жизни уже невозможно найти ни прощения, ни оправдания, ни врачества против того, что сделано, но уже необходимо подвергнуться наказанию, как это и случилось с девами. Когда пришел Жених, за ним вошли те, которые имели горящие светильники, а другие, опоздав войти, стучали в двери брачного чертога, но услышали страшные слова: отойдите, "не знаю вас" (Матф. 25:12). Видишь ли опять, как Он сам награждает и наказывает, удостоивает и венцов и мучений, принимает и отвергает, как Он властен и в том и другом роде суда? Тоже можно видеть и в притче о винограднике, и в притче о пяти, двух и одном талантах: одних он принял и предоставил им больше прежнего, а других повелел связать и бросить во тьму кромешную.

3. Но какое их возражение нелепое, или лучше, исполненное великого безумия? Хотя Сын, говорят они, имеет власть наказывать и увенчивать, подвергать мучению и давать награды, но по Его словам, не в Его власти даровать небесное председательство и высочайшую честь. А что, если ты узнаешь, что ничто не изъято от Его решения, прекратишь ли тогда свои неуместные возражения? Послушай же, что Он сам еще говорит: "Отец и не судит никого, но весь суд отдал Сыну" (Иоан. 5:22). Если же Ему принадлежит весь суд, то ничто не изъято от Его решения; ибо кому принадлежит весь суд, тот властен наказывать и увенчивать всех. Слово же "дал" ты, возлюбленный, понимай здесь не по-человечески: Отец дал Ему, - это не значит, что Он прежде не имел, что рожден был несовершенно, и только впоследствии получил это, но "дал" значит, что Отец таким и родил Его, совершенным и полным. Это слово употреблено для того, чтобы ты не думал, будто два рожденных Бога, но чтобы ты видел и корень и плод, и не думал, будто Сын получил это впоследствии. В другом месте, когда спросили Его: "итак Ты Царь", Он не ответил: Я получил царство; не сказал, что оно дано Ему впоследствии; но ответил: "Я на то родился" (Иоан. 18:37). Если же Он родился совершенным царем, то, очевидно, что Он и судия и решитель, так как главное дело царя состоит в том, чтобы судить и решать, награждать и наказывать. И с другой стороны можно видеть, что Он имеет власть даровать и высшие почести. Когда мы укажем на человека, лучшего из всех людей, и покажем, что Он увенчивается Сыном, тогда какой у вас останется предлог для оправдания? Кто же лучше всех людей? Кто другой, как не тот делатель палаток, учитель вселенной, облетевший как бы на крыльях землю и море, сосуд избранный, жених Христов, насадитель Церкви, мудрый строитель, проповедник, быстрый путник, ратоборец, воин, наставник, оставивший во всей вселенной памятники своих добродетелей, прежде воскресения восхищенный на третье небо, вознесенный в рай, сподобившийся участия в неизреченных тайнах Божьих, слышавший и говоривший то, чего человеческой природе говорить невозможно, удостоившийся высшей благодати и совершивший большие труды? А что он потрудился больше всех, об этом, послушай, как он сам говорит: "более всех их потрудился" (1 Кор. 15:10). Если же он больше всех потрудился, то и увенчивается преимущественно перед всеми, потому что "каждый получит свою награду по своему труду" (1 Кор. 3:8). Если же он получает венец славнейший нежели другие апостолы (никто, не сравнялся с апостолами, а он больше и их), то, очевидно, что он удостоится самой высшей почести и председательства. Кто же будет увенчивать его? Послушай, как он сам говорит: "подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил: а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный" (2 Тим. 4:7-8). "Ибо Отец и не судит никого, но весь суд отдал Сыну" (Иоан. 5:22). И не отсюда только очевидно это, но и из следующих слов: "и не только мне, но и всем, возлюбившим явление Его" (2 Тим. 4:8). Чье это явление? Выслушай слова самого апостола: "ибо явилась благодать Божия, спасительная для всех человеков, научающая нас, чтобы мы, отвергнув нечестие и мирские похоти, целомудренно, праведно и благочестиво жили в нынешнем веке, ожидая блаженного упования и явления славы великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа" (Тит. 2:11-13).

4. Впрочем борьба с еретиками у нас кончилась, мы воздвигли трофей, одержали блистательную победу, доказав всем вышесказанным, что Сын властен и награждать и наказывать; Ему принадлежит весь суд, Он увенчивает и прославляет лучшего из всех, и в сказанных притчах представляется Сам совершающим то и другое. Теперь нужно успокоить и смущение братьев и объяснить, почему Он так сказал: "не от Меня зависит" (Матф. 20:23); я думаю, что многие недоумевают при этих словах. Чтобы разрешить недоумение и успокоить смятение души, напрягите ваше внимание, приготовьте ваш ум.

Мне предстоит теперь большой труд, так как не все равно - бороться или учить, поражать врага или исправлять своего; в последнем случае от меня требуется больше усилий, чтобы не оставить без внимания хромающий член и не миновать кого-нибудь из смущающихся. Я говорю, - но не смущайтесь словами моими, не беспокойтесь, - я утверждаю, что это не зависит не только от Сына, но и от Отца; я провозглашаю громким голосом и звучнее трубы, что "зависит" это не принадлежит Сыну, ни Ему, ни Отцу; ибо если бы это принадлежало Ему, то принадлежало бы и Отцу, и если бы принадлежало Отцу, то принадлежало бы и Ему. Поэтому Он и не сказал просто: несть "не от Меня зависит"; а что? "не от Меня [зависит], но кому уготовано Отцом Моим". Он объявляет, что это не зависит ни от Него, ни от Отца, а от некоторых других. Что же значат сказанные слова? Я думаю, что ваше смущение усилилось и недоумение возросло, и вы беспокоитесь; но не бойтесь; я не умолкну, пока не предложу объяснения. Позвольте же мне повести речь немного выше; иначе невозможно ясно представить все вашему уму. Итак, что значат сказанные слова? Когда Иисус шел в Иерусалим, мать сынов Заведеевых, Иакова и Иоанна, подошла к Нему с сыновьями и сказала: "скажи, чтобы сии два сына мои сели у Тебя один по правую сторону, а другой по левую в Царстве Твоем" (Матф. 20:21); а другой евангелист говорит, что этого просили у Христа сами сыновья (Марк. 10:38). Впрочем, здесь нет разногласия (не нужно оставлять без внимания и этих мелочей), но они послали наперед мать, а потом, когда она высказала их просьбу и как бы открыла им дверь, они сами повторили эти слова, не понимая того, о чем говорили, однако говорили. Хотя они были и апостолы, но были еще несовершеннолетними, как птенцы, которые не крепко сидят в гнезде, пока у них еще не выросли крылья. И это вам весьма нужно знать, что до креста ученики были несведущи во многом; потому Господь, укоряя их, и говорил: "неужели и вы еще не разумеете? как не разумеете, что не о хлебе сказал Я вам: берегитесь закваски фарисейской" (Матф. 15:16; 16:11)? И еще: "еще многое имею сказать вам; но вы теперь не можете вместить" (Иоан. 16:12). Они не только не понимали высших истин, но и то, что слышали, часто забывали от страха и робости; за это укоряя их, Он говорил: "и никто из вас не спрашивает Меня: куда идешь? Но от того, что Я сказал вам это, печалью исполнилось сердце ваше" (Иоан. 16:5-6), и еще об Утешителе говорил: "научит вас всему и напомнит вам все" (Иоан. 14:26). Он сказал бы: "напомнит", если бы они не забывали многого из сказанного. Это я говорю не без основания; так Петр оказывается иногда произносящим совершенное исповедание, а иногда забывшим все. Тот, который говорил: "Ты - Христос, Сын Бога Живого" (Матф. 16:16), и был назван за это блаженным, спустя немного времени так согрешил, что был назван сатаной; Господь сказал ему: "отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн! потому что думаешь не о том, что Божье, но что человеческое" (Матф. 16:23). Кто может быть несовершеннее того, который думает не о Божьем, но о человеческом? Когда Господь возвестил ему о кресте и воскресении, то он не понял ни глубины сказанного, ни тайны догматов, ни будущего спасения вселенной, и, приступив к Нему наедине, сказал: "будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобою" (Матф. 16:22). Видишь ли, что они ясно не знали ничего о воскресении? Выражая то же самое, евангелист сказал: "ибо они еще не знали из Писания, что Ему надлежало воскреснуть из мертвых" (Иоан. 20:9). Не зная об этом, они тем более не знали о другом, как-то: о небесном царствии, о нашем начатке [во Христе] (Кор. 15:20) и вознесении на небо: как бы привязанные к земле, они еще не могли парить в высоте. Имея такое разумение и ожидая, что скоро настанет царство Христово в Иерусалиме, ничего больше этого они не знали, как говорит и другой евангелист, замечая, что они думали, будто уже наступает царство Его, которое представляли человеческим, и полагали, что Он идет на такое царство, а не на крест и смерть, и хотя многократно слышали об этом, но ясно понимать не могли (Марк. 10:37).

5. Итак, еще не имея ясного познания догматов и думая, что Он идет на земное царство и будет царствовать в Иерусалиме, ученики (Иаков и Иоанн) приступили к Нему на пути, считая это время удобным, и предложили свою просьбу. Выделив себя из среды учеников и думая только о себе, они стали просить себе председательства и первенства перед прочими, полагая, что дела пришли уже к концу, что все уже исполнено и наступило время раздачи венцов и наград; но это происходило от крайнего неведения. А что это не догадка и не предположение, я представлю вам доказательство из слов самого Иисуса, знающего тайное. Послушай, что говорит Он им в ответ на их просьбу: "не знаете, чего просите" (Матф. 20:22). Что может быть яснее такого доказательства? Видишь ли, что они не знали, чего просили, и стали говорить с Ним о венцах, наградах, председательстве и чести, когда еще не начались подвиги? Этими словами: "не знаете, чего просите", Господь внушает две мысли: во-первых, ту, что они говорят о царстве, о котором у Христа не было и речи, так как Он возвещал не об этом царстве, земном и чувственном; во-вторых, ту, что они, домогаясь председательства и высших почестей и желая оказаться славнее и знатнее других, домогаются этого не во время, а весьма неблагоприятно. Тогда было время не венцов и наград, а подвигов, борьбы, трудов, усилий, опасностей и битв. Итак, смысл слов Его следующий: вы не знаете, чего просите, говоря Мне об этом тогда, когда вы еще не потрудились и не вышли на подвиги, когда вселенная остается еще не исправленной, нечестие господствует, и все люди погибают, а вы еще не выходили на поприще и еще не вступали в борьбу; "можете ли пить чашу, которую Я буду пить, или креститься крещением, которым Я крещусь" (Матф. 20:22)? Чашей и крещением Он называет здесь Свою крестную смерть, - чашей потому, что Он принимал ее с удовольствием; а крещением потому, что посредством ее Он очистил вселенную; и не только по этому, но и по легкости воскресения. Как крещающийся водой выходит из нее весьма легко, не встречая никакого препятствия в свойстве воды; так Он, погрузившись в смерть, восстал с великой легкостью; поэтому Он и называет Свою смерть крещением. А смысл слов Его следующий: можете ли вы подвергнуться умерщвлению и смерти, так как ныне время смертей, опасностей и трудов? Они отвечают: "можем", не понимая сказанного, но, побуждаясь надеждой получить желаемое. Он говорит им: "чашу Мою будете пить, и крещением, которым Я крещусь, будете креститься" (Матф. 20:23), возвещая их смерть; и, действительно, Иаков был усечен мечем, и Иоанн многократно был при смерти; "но дать сесть у Меня по правую сторону и по левую - не от Меня [зависит], но кому уготовано Отцом Моим" (Матф. 20:23). Смысл этих слов такой: смерти вы подвергнетесь, и умерщвлены будете, и мученичество потерпите, а сделаться вам первыми это не зависит от Меня, но может быть достигнуто подвизающимися, посредством особенного усердия, особенной ревности. Чтобы слова мои были яснее, представим какого-нибудь распорядителя при состязаниях; к нему подходит мать, у которой есть два сына ратоборца, вместе со своими сыновьями, и говорит ему: скажи, чтобы эти два сына мои получили венец. Что он ответит ей? Конечно, то же самое: дать это не от меня зависит; я распорядитель при состязаниях, назначающий награды не даром и не по желанию и просьбе приступающих, а по исходу борьбы. В том собственно и состоит дело распорядителя, чтобы воздавать честь мужеству, а не давать наград напрасно и как случится. Так поступает и Христос: Он сказал так, не унижая Своего существа, но выражая то, что не от Него одного зависит давать награды, но и подвизающиеся должны достигать их. Если бы это зависело только от Него, то все люди спаслись бы и пришли бы "в разум истины", если бы это зависело только от Него, то не было бы разных почестей, потому что Он сам создал всех и обо всех одинаково печется. А что почести различны, это послушай, как объясняет Павел: "иная слава солнца", говорит он, "иная слава луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится в славе" (1 Кор. 15:41). И еще: "строит ли кто на этом основании из золота, серебра, драгоценных камней" (1 Кор. 3:12). Павел сказал таким образом, чтобы показать разнообразие добродетелей, он выразил этими словами, что спящим и

дремлющим невозможно войти в царство небесное, но что тамошних наград нужно достигать посредством многих скорбей. Сыновья Заведеевы, пользуясь великой любовью Христовой и близостью к Нему, думали получить предпочтение перед другими; поэтому, чтобы они, воображая это, не сделались беспечными, Он отклоняет их от таких мыслей и говорит: "не от Меня зависит", но от вас зависит достигнуть этого, если вы захотите, если окажете большее усердие, большие труды, особенную ревность; Я назначаю венцы за дела, почести за труды, награды за усилия; самое лучшее ходатайство передо Мною - доказательство посредством дел.

б. Видишь, я не без основания говорил, что это зависит не от Него и не от Отца, но от подвизающихся, трудящихся и страдающих? Поэтому и обращаясь к Иерусалиму, Он говорил: "сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели! Се, оставляется вам дом ваш пуст" (Матф. 23:37-38). Видишь ли, что никто из нерадивых, беспечных и недеятельных никогда не может спастись? Отсюда мы узнаем и другую тайну, ту, что для получения высочайшей чести и первого места недостаточно даже мученичества. Вот Христос предсказал ученикам, что они потерпят мученичество, и, однако, не непременно получат первенство, потому что могут быть и такие, которые окажут еще больше заслуг. Выражая это, Он и говорил: "чашу Мою будете пить, и крещением, которым Я крещусь, будете креститься, но дать сесть у Меня по правую сторону и по левую - не от Меня [зависит], но кому уготовано Отцом Моим". Он не говорит этим, будто Он предоставляет сидеть при Себе, но выражает достижение большей чести, получение первенства, преимущество перед всеми; слова: "сесть у Меня по правую сторону и по левую" Он говорит применительно к их понятию, так как они искали первых мест и желали оказаться выше всех прочих. И то, чтобы вам оказаться больше прочих и выше всех, говорит Он, зависит не от одного только (мученичества); хотя вы и умрете, но высочайшую честь "не от Меня [зависит], но кому уготовано Отцом Моим". Кому же, скажи мне, это уготовано? Посмотрим, кто те блаженные и преблаженные, удостоивающиеся светлых венцов. Кто они, и какие подвиги сделают их столь блистательными? Об этом, послушай, что говорит Он сам; когда десять учеников вознегодовали на двоих за то, что они, выделившись из среды их, хотели присвоить себе высочайшую честь, то посмотри, как Он обуздывает страстное намерение тех и других. Призвав их, Он говорит: "вы знаете, что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими; но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет " последним из всех (Матф. 20:25-27). Видишь ли, что все они желали сделаться первыми, большими, высшими и, так сказать, начальниками прочих? Посему, останавливаясь на этом и обнаруживая тайну их, Он говорит: "и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом". Если вы, говорит Он, желаете председательства и высочайшей чести, то старайтесь занимать последнее место, быть ниже всех, смиреннее всех, меньше всех, поставлять себя после прочих. Такая добродетель и доставляет высочайшую честь; а пример этого - близкий и весьма сильный. "Сын Человеческий не [для того] пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих" (Матф. 20:28). Что действительно через это делаются славными и знаменитыми, посмотрите, говорит Он, на совершающееся со Мною, не нуждающимся ни в чести, ни в славе; и Я через то же самое достигаю бесчисленных благ. Действительно, пока Он не принял плоть и не смирил Себя, все погибало и разрушалось; а когда смирил Себя, то все возвел на высоту, уничтожил проклятие, упразднил смерть, отверз рай, умертвил грех, открыл своды небесные, вознес начаток наш на небо, наполнил вселенную благочестием, рассеял заблуждение, водворил истину, возвел начаток наш на престол царский, совершил бесчисленное множество благодеяний, которых ни я, ни все люди не могут изобразить словом. Прежде, нежели Он смирил Себя, Его знали только ангелы; а когда

смирил Себя, то Его узнал весь род человеческий. Так смирение не унизило Его, но доставило бесчисленные блага, бесчисленные заслуги, и сделало то, что слава Его просияла еще более. Если же для Бога, Который вседозволен и ни в чем не нуждается, смирение послужило к такому благу, доставило Ему больше слуг и распространило Его царство, то почему ты боишься унизиться от смирения? Тогда ты будешь более высоким, тогда великим, тогда славным, тогда знаменитым, когда будешь ставить себя ниже всех, когда не будешь стремиться к первенству, когда будешь подвергаться унижению, страданиям и опасностям, когда будешь стараться служить многим, печься и заботиться о них, и для этого будешь готов и делать и терпеть все. Итак, возлюбленные, помышляя об этом, будем с особенным усердием прилежать к смиренномудрию, и когда мы подвергаемся оскорблению и унижению и испытываем все крайние бедствия, и бесчестие и презрение, будем переносить все с радостью. Ничто так не способствует достижению высоты, славы и чести, и не доставляет величия, как добродетель смиренномудрия, которую исполняя тщательно, да сподобимся мы обетованных благ, благодатью и человеколюбием господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, честь и поклонение ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

ПРОТИВ АНОМЕЕВ.

СЛОВО ДЕВЯТОЕ.

О четырехдневном Лазаре. - Иисус Христос знал, где находится Лазарь. - Не должно быть слишком легковерным. - Почему Иисус Христос молился перед воскрешением Лазаря? - Не вследствие необходимости, а вследствие присутствовавшего там народа и в ответ на просьбу Марфы.

Лазарь, воскрешенный сегодня из мертвых, дает нам разрешение многих и различных недоумений. Не знаю, каким образом это (евангельское) чтение подало и еретикам и иудеям повод к противоречию, конечно, не по самой сущности своей, - этого не может быть, - но по коварству их души. Многие из еретиков говорят, что Сын не подобен Отцу. Почему? Потому, что Христос, говорят они, для воскрешения Лазаря имел нужду в молитве; а если бы не помолился, то и не воскресил бы Лазаря. Как же, говорят они, молившийся может быть подобным принимающему молитву? Здесь один молится, а другой принимает молитву от молящегося. Но они богохульствуют, не понимая, что молитва была делом снисхождения и по причине немощи присутствовавших. Скажи мне, кто больше: тот ли, кто умывает ноги, или тот, кому он умывает ноги? Конечно, скажешь, тот больше, кому другой умыл ноги. Но Спаситель умыл ноги предателя Иуды, который также был вместе с учениками. Кто же, не Иуда ли предатель больше Владыки Христа, если Христос умыл его ноги? Да не будет! А что ниже: умывать ноги или молиться? Конечно - умывать ноги. Итак, не отказавшийся сделать низшее, как отказался бы сделать высшее? Впрочем, все сделано было по причине немощи присутствовавших иудеев, как это покажет дальнейшая речь. Между тем иудеи, находя здесь повод к противоречию, говорят: как христиане считают Богом того, который даже не знал места, где лежал умерший Лазарь? Ибо Спаситель сказал сестрам Лазаря, Марфе и Марии: "где вы положили его" (Иоан. 11:34)? Видишь ли, говорят они, Его неведение? Видишь ли Его немощь? Как же тот, который даже не знал места, может быть Богом? Но я спрошу их, не сомневаясь сам, но для посрамления их противоречия: ты говоришь, иудей, что Христос

не знал этого, если сказал: "где вы положили его"? Так и Отец не знал в раю, где скрылся Адам, если Он ходил как бы ища его в раю, и говорил: "Адам, где ты" (Быт. 3:9), т. е. где ты скрылся? Почему прежде Он не говорил о месте, откуда Адам дерзновенно беседовал с Богом? "Адам, где ты"? Что же Адам? "голос Твой я услышал в раю, и убоялся, потому что я наг, и скрылся" (Быт. 3:10). Если ты, иудей, называешь неведением то, называй неведением и это. Христос говорил Марфе и Марии: "где вы положили его"? Ты называешь это неведением? Что же скажешь, когда услышишь Бога, говорящего Каину: "где Авель, брат твой" (Быт. 4:9)? Что ты скажешь на это? Если то называешь неведением, называй неведением и это. Выслушай и еще пример из Божественного Писания. Бог сказал Аврааму: "воплъ Содомский и Гоморрский, велик он, и грех их, тяжел он весьма; сойду и посмотрю, точно ли они поступают так, каков вопль на них, восходящий ко Мне, или нет; узнаю" (Быт. 18:20-21). "Ведающий сокровенное и знающий все прежде бытия его" (Дан. 13:42), "испытываешь сердца и утробы" (Псал. 7:10), "знает мысли человеческие" (Пс. 93:11) сказал: "сойду и посмотрю, точно ли они поступают так, каков вопль на них, восходящий ко Мне, или нет; узнаю". Если то означает неведение, то и это означает неведение. Но ни Отец не имел неведения в Ветхом Завете, ни Сын - в Новом Завете. Что же значит: "сойду и посмотрю, точно ли они поступают так, каков вопль на них, восходящий ко Мне, или нет; узнаю"? Слух, говорит Он, дошел до Меня, но Я желаю еще точнее на самом деле удостовериться в том, не потому, что Я не знаю, но потому, что желаю научить людей - не внимать одним словам и, когда кто скажет что-нибудь против другого, не верить легкомысленно, а сначала самим тщательно исследовать и на самом деле удостовериться, и потом уже верить. Поэтому и в другом месте Писания сказано: "не всякому слову верь" (Сир. 19:16). Ничто так не извращает жизни людей, как поспешная доверчивость ко всяким речам. Возвещая это, и пророк Давид сказал: "тайно клеветующего на ближнего своего изгону" (Пс. 100:5).

2. Видишь, что не по неведению Спаситель говорил: "где вы положили его", равно как не по неведению и Отец говорил Адаму: "где ты", или Каину: "где Авель, брат твой", или: "сойду и посмотрю, точно ли они поступают так, каков вопль на них, восходящий ко Мне, или нет; узнаю". Теперь же время выступить против тех, которые говорят, что Христос по немощи Своей молился, воскрешая Лазаря. Слушайте же, прошу вас, возлюбленные, со всем вниманием. Когда умер Лазарь, Иисус не был в тех местах, но был в Галилее и сказал Своим ученикам: "Лазарь, друг наш, уснул" (Иоан. 11:11). Они же, думая, что Он говорит о сне его, сказали Ему: "Господи! если уснул, то выздоровеет" (Иоан. 11:12). Тогда Он ясно сказал им: "Лазарь умер" (Иоан. 11:14). Затем Спаситель идет в Иерусалим к тому месту, где лежал Лазарь; Его встречает сестра Лазаря и говорит Ему: "Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой" (Иоан. 11:21). "Если бы Ты был здесь": немощна ты женщина! Эта женщина тогда не знала, что Христос, хотя не присутствовал телесно, но присутствовал силой Божества; она же ограничивала силу Учителя телесным присутствием. Марфа говорит Ему: "Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой. Но и теперь", говорит, "знаю, что чего Ты попросишь у Бога, даст Тебе Бог" (Иоан. 11:22). Вследствие ее просьбы Спаситель и совершает молитву. Бог не имел нужды в молитве, чтобы воскресить мертвого. Разве не воскрешал Он и других мертвецов? Когда Он встретил мертвого (юношу), выносимого из ворот, то коснулся только одра его, и воскресил мертвеца (Лук. 7:14). Разве имел Он тогда нужду в молитве, чтобы воскресить умершего? И в другой раз Он только сказал отроковице слова: "девица, тебе говорю, встань" (Марк. 5:41), и тотчас же передал ее родителям ее здоровой. Разве имел Он тогда нужду в молитве? Но что я говорю об Учителе? Ученики Его воскрешали мертвых одним словом. Не словом ли Петр воскресил Тавифу? Не одеждами ли своими Павел совершил много знамений? Узнай еще более удивительное: даже тень апостолов воскрешала мертвых. "Так что выносили", говорится в Писании, "больных на улицы, дабы, хотя тень проходящего Петра осенила

кого из них", и они тотчас вставали (Деян. 5:15-16). Что же? Тень учеников воскрешала мертвых, а Учитель имел нужду в молитве, чтобы воскресить мертвого? Нет, Спаситель совершает молитву по причине немощи женщины, которая говорила Ему: "Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой. Но и теперь знаю, что чего Ты попросишь у Бога, даст Тебе Бог". Ты просила молитвы, Я и даю молитву. Например: перед нами источник; кто принесет сосуд, наполняет его (водой); если сосуд велик, то он получает много; а если мал, то получает мало. Так и она просила молитвы, и Спаситель дает молитву. Один говорил: "Господи! я недостойн, чтобы Ты вошел под кров мой, но скажи только слово, и выздоровеет слуга мой": и Спаситель сказал ему: по вере твоей "будет тебе" (Матф. 8:8,13). Другой просил: "приди" исцели дочь мою; и Он отвечал ему: пойду за тобой (Матф. 9:18-19). Так, по настроению людей употребляется и лекарство врача. Еще другая женщина тайно коснулась края одежды Его, и тайно получила исцеление (Матф. 9:21); каждый как веровал, так и получал исцеление. Марфа сказала: "знаю, что чего Ты попросишь" от Отца, "даст тебе" Отец; и так как она просила молитвы, то Спаситель и дает молитву, не нуждаясь Сам в молитве, но сообразуясь с немощью этой женщины и желая показать, что Он не противник Богу, но все то, что делает Он, делает и Отец. В начале Бог сотворил человека, это творение было общим делом и Отца и Сына: "сотворим", говорит Бог, "человека по образу нашему и по подобию" (Быт. 1:26). Также Он, восхотев ввести разбойника в рай, изрек слово, и тотчас введен был разбойник в рай; и для этого Христос не имел нужды в молитве, хотя всем потомкам Адамовым Бог заградил вход в рай, поставив для охранения его пламенный меч. Христос же Своей властью и отверз рай и ввел в него разбойника. Разбойника, Владыка, Ты вводишь в рай? Отец Твой за один грех изгнал Адама из рая, а Ты вводишь туда разбойника, виновного в бесчисленных злодеяниях и бесчисленных преступлениях, и так просто, одним словом вводишь его в рай? Да; потому что и то совершилось не без Меня, и это - не без Отца Моего; но, как и то было Моим делом, так и это - дело Отца Моего. "Я в Отце и Отец во Мне" (Иоан. 14:10).

3. А чтобы ты видел, что воскрешение мертвого совершилось не вследствие молитвы, выслушай самую молитву. Что говорит Он? "Отче! благодарю Тебя, что Ты услышал Меня" (Иоан. 11:41). Что это? По виду своему разве это молитва, разве это прошение? "благодарю Тебя, что Ты услышал Меня: Я и", говорит, знал, что Ты всегда услышишь Меня" (Иоан. 11:42). Если же Ты, Господи, знаешь, что Отец всегда слушает Тебя, то для чего приступаешь к Нему с тем, что знаешь? Я знаю, говорит Он, что Отец всегда слушает Меня, "но сказал [сие] для народа, здесь стоящего, чтобы поверили, что Ты послал Меня" (Иоан. 11:42). Молился ли Он о покойнике? Просил ли, чтобы воскрес Лазарь? Сказал ли: Отче, повели, чтобы смерть повиновалась? Сказал ли: Отче, повели аду, чтобы он не заключал врат, но скоро возвратил мертвеца? "Но сказал [сие] для народа, здесь стоящего, чтобы поверили, что Ты послал Меня". Таким образом, это действие было не для чуда, но для поучения присутствовавших. Видишь, что молитва была не для мертвого, но для присутствовавших неверных, чтобы они познали, говорит Он, "что Ты послал Меня". Как, скажут, мы можем узнать, что Он послал Тебя? Слушай, прошу тебя, со всем вниманием. Вот, говорит Он, Я собственной Своей властью вызываю мертвого; вот, Я собственной силой повелеваю смерти. (Бога) Отца называю (Своим) Отцом и Лазаря вызываю из гроба. Если не истинно первое, то пусть не будет и последнего; если же (Бог) Отец истинно есть (Мой) Отец, то пусть послушается и мертвец для вразумления присутствующих. Что же сказал Христос? "Лазарь! иди вон" (Иоан. 11:43). Когда совершилась молитва, то мертвый не воскрес; а когда Он сказал: "Лазарь! иди вон", тогда мертвый воскрес. О, сила смерти! О могущество силы, удерживающей душу! О, ад! Совершилась молитва, и ты не освобождаешь мертвого? Нет, говорит ад. Почему? Потому, что мне не дано повеления. Я - страж, удерживающий здесь виновного; если не получаю повеления, то и не отпускаю; молитва же была не для меня, а для

присутствовавших неверных; не получая повеления, я не отпускаю виновного; ожидаю голоса, чтобы освободить душу. "Лазарь! иди вон", и мертвый услышал повеление Господне, и тотчас разрушил законы смерти. Да постыдятся еретики и да погибнут с лица земли! Эта речь доказывает, что молитва была не для воскрешения мертвеца, но по причине немощи присутствовавших тогда неверных. "Лазарь! иди вон". А для чего Христос назвал мертвого по имени? Для чего? Для того, чтобы, обратив речь вообще к мертвым, не вызвать всех из гробов, Он поэтому и говорит: "Лазарь! иди вон", тебя одного Я вызываю в присутствии этого народа, чтобы частным воскресением показать и силу будущего; так как Я, воскресил одного, воскрешу вселенную: "Я есмь воскресение и жизнь" (Иоан, 11:25). "Лазарь! иди вон. И вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами" (Иоан, 11:44). О, дивные дела! Тот, Кто разрешил душу от уз смерти, разрушил врата ада, сокрушил врата медные и двери железные, Тот, освободив душу от уз смерти, неужели не мог освободить мертвого и от погребальных пелен? Конечно, мог; но Он повелевает иудеям развязать пелены, которыми они обвили Лазаря при погребении, чтобы они признали эти пелены, и на основании того, что сами сделали, убедились, что это тот самый Лазарь, которого они приготовляли к погребению, и что здесь - Христос, пришедшей в мир по благоволению Отца, имея власть над жизнью и смертью. Ему слава и держава с безначальным Его Отцом и всесвятым и животворящим Духом, ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

ПРОТИВ АНОМЕЕВ.

Полное заглавие этого слова следующее: "о том, что безмолвие и несообщение другим того, что мы знаем, делает нас беднейшими и погашает благодать; и о молитвах, которыми Христос молился, и о власти, с какой Он совершал все; и об усовершенствовании ветхозаветного закона; и о том, что воплощение не уменьшает равенства Сына с Отцом, но еще более подтверждает его".

СЛОВО ДЕСЯТОЕ.

Вступление. - Различие между долгом денежным и долгом духовным. - Иисус Христос единосущен Отцу. - Уничужение принято Им для того, чтобы снизойти к нашей немощи и чтобы наставить нас не только словами, но и примером. - Ему свойственно то же всемогущество, что и Отцу. - Доказательство, заимствованное из исцеления слепорожденного. - Как несовершенен закон. - Сын равен Отцу. Доказательства из св. Писания. - Нужно избегать всякой вражды. - Увещание к примирению с врагами.

В предшествовавшие дни мы сказали довольно похвальных речей, изображая апостольские подвиги и наслаждаясь беседой о духовных доблестях: теперь же время отдать вам долг, так как ничто не препятствует этому. Знаю, что вы уже забыли о долгах моих по давности времени; однако я не скрою их по этой причине, но со всей готовностью отдам их вам. Это я делаю не только по признательности, но и для своей пользы. В договорах вещественных для должника выгодно, когда заимодавец забывает о долге; а в договорах духовных для имеющего платить долг - величайшая польза в том, чтобы имеющие получить постоянно помнили о долгах. Там отдаваемый долг уходит от дающего и переходит к получающему, уменьшает имущество первого и увеличивает имущество последнего; а в делах духовных не так: здесь можно, отдавая имущество, и

удерживать его, и, что удивительно, тогда особенно мы и удерживаем его у себя, когда отдаем другим. Если я скрою что-нибудь в душе и буду постоянно хранить это, не сообщая никому, то моя выгода сократится, богатство уменьшится; а если я предложу всем и сделаю многих участниками и общниками всего того, что знаю сам, то мое духовное богатство увеличится. А что это действительно так, что уделяющий другим увеличивает свое имущество, а скрывающий его лишается всего приобретенного, свидетельствуют об этом те, которым вверены были таланты, одному - пять, другому - два, третьему - один. Первые принесли вверенное им в двойном количестве и за это получили почести; а последний, сохранив талант у себя и никому не передав его, не мог удвоить его и за это был наказан. Итак, все мы, слыша это и опасаясь наказания, будем открывать братьям имеющееся у нас благо и предлагать его всем, а не скрывать. Когда мы станем делиться с другими, то сами будем более обогащаться; когда станем делать многих участниками нашего достояния, тогда увеличим собственное богатство. А ты думаешь, что слава твоя уменьшится, если вместе со многими будешь знать то, что знал ты один? Напротив, тогда и увеличится твоя слава и польза, когда ты подавишь в себе зависть, когда уничтожишь ненависть, когда покажешь великое братолюбие; если же ты будешь один пользоваться своим знанием, то люди будут отвращаться от тебя и ненавидеть тебя, как завистника и братоненавистника, а Бог осудит тебя на крайнее наказание, как злостного; кроме того, и самая благодать скоро покинет тебя и удалится. Так хлеб, постоянно оставаясь в житницах, портится и поедается молью; а если он будет вынесен и посеян на нивах, то умножается и снова обновляется. Так и слово духовное, оставаясь постоянно заключенным в душе, растлеваемой и снедаемой завистью, нерадением и расслаблением, скоро погибает; а если оно будет посеяно в душах братьев, как бы на плодородной ниве, то делается многократно умножившимся сокровищем и у принимающих его и у владеющего им. Как источник, если из него постоянно черпают воду, более очищается и делается обильнее, а если он бывает закрыт, то иссыкает; так и дар духовный и слово назидания, если из него постоянно черпают и заимствуют желающие, течет обильнее; а если задерживается завистью и ненавистью, то уменьшается и, наконец, прекращается. Итак, если от этого нам столько пользы, то теперь я предложу все, что имею и заплачу вам весь долг, напомнив наперед весь ряд этих долгов.

2. Вы знаете и помните, что раньше, беседуя о славе Единородного, я перечислил много причин снисхождения в Его изречениях, и сказал, что Христос часто говорил уничиженно не только как облеченный плотью и не только по причине немощи слушателей, но во многих случаях и для того, чтобы научить смиренномудрию. Эти причины я тогда достаточно исследовал, упомянув и о молитве при воскрешении Лазаря и о молитве, произнесенной на кресте, и ясно показав, что одну Он совершил для удостоверения в Своем домостроительстве, а другую для исправления немощи слушателей, не имея Сам нужду ни в какой помощи. А что Он многое делал и для научения людей смиренномудрию, об этом послушай далее. Он влил воду в умывальницу, и мало этого, - еще опоясался полотенцем, нисходя до крайнего уничижения; потом начал умывать ноги ученикам, а вместе с учениками умыл ноги и предателя. Кто не изумится и не подивится этому? Он умывает ноги тому, который намеревался предать Его. И Петра, который уклонялся и сказал: "не умоешь ног моих вовек", Он не обходит, но говорит ему: "если не умою тебя" ног твоих, "не имеешь части со Мною", тогда Петр сказал: "Господи! не только ноги мои, но и руки и голову" (Иоан. 13:8-9). Видишь ли благоговение ученика и в том и в другом - и в уклонении и в согласии? Хотя в словах его и было противоречие, но то и другое было сказано от пламенного душевного расположения. Видишь ли, как он был всегда пылок и ревностен? Но, повторяю, из уничиженного действия ты не должен выводить заключения об уничиженности существа Его; послушай, что говорит Он

ученикам после омовения: "знаете ли, что Я сделал вам? Вы называете Меня Учителем и Господом, и правильно говорите, ибо Я точно то. Итак, если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу. Ибо Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам" друг другу (Иоан. 13:12-15). Видишь ли, что Он делал многое для примера людям? Как исполненный мудрости учитель лепечет вместе с лепечущими детьми, и этот лепет служит знаком не неведения учителя, но заботливости его о детях; так точно и Христос делал это не по несовершенству существа Своего, но по снисхождению. Этого не должно оставлять без внимания; потому что если мы станем рассматривать дело само по себе, то смотри, какая может быть выведена нелепость. Если умывающего считать ниже того, кого он умывает (умывающим был Христос, а умываемыми - ученики), то Христос окажется ниже учеников; но этого никто, даже безумный, не может сказать. Видишь ли, какое зло - не знать причин, по которым Христос делал все, что делал? Или, лучше сказать, видишь ли, какое благо - исследовать все тщательно и не только смотреть на то, что Он сказал или сделал уничиженного, но и вникать, для чего и почему так? И не в этом только случае Он поступил так, но и в другом показал то же самое. Сказав: "кто больше: возлежащий, или служащий?", Он продолжал: "не возлежащий ли? А Я среди вас, как служащий" (Лук. 22:27). Так Он говорил и делал для того, чтобы показать, что Он многократно уничижал себя для назидания учеников, и вместе для того, чтобы расположить их к смирению. Очевидно, что не по несовершенству Своего существа, но для их назидания Он переносил все это. И в другом месте Он говорит: "князья народов господствуют над ними: но между вами да не будет так: кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом. Так как Сын Человеческий не [для того] пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить" (Матф. 20:25-28). Итак, если он пришел послужить и научить смиренномудрию, то не смущайся и не изумляйся, когда увидишь Его совершающим и говорящим свойственное слугам. И многие из молитв Он совершал с тем же намерением. К Нему подошли и сказали: "Господи! научи нас молиться, как и Иоанн научил учеников своих" (Лук. 11:1). Что же, скажи мне, Ему следовало делать? Не научать их молиться? Но Он для того и пришел, чтобы научить их всякому любомудрию. Следовало научить? В таком случае Ему надлежало и молиться. Скажут: это нужно было сделать только словом. Но не столько наставление словами, сколько делами, обыкновенно действует на учеников. Посему Он не словами только научает их молитве, но и Сам часто совершает молитвы и целые ночи молится в пустынях, вразумляя и научая нас, чтобы мы, когда намереваемся беседовать с Богом, избегали шума и смятений людских и удалялись в пустыню не по местности только, но и по всем обстоятельствам. Пустыней может быть не гора только, но и малая комната, удаленная от шума.

3. Для того чтобы вы убедились, что молитва Его была делом снисхождения, я особенно указал на происходившее с Лазарем; но то же видно и из других случаев. Почему Он молится не при больших чудесах, а при меньших? Если бы Он молился по нужде в помощи и по неимению в Себе достаточной силы, то Ему следовало бы молиться и просить Отца при всех чудесах, а если не при всех, то, по крайней мере, при больших. Но Он делает противоположное: при важнейших делах Он не молится и этим показывает, что Он, когда совершал молитву, делал это не потому, чтобы Сам не имел силы, но чтобы научить других; так, когда Он благословлял хлебы, то воззрел на небо и молился, чтобы научить нас не прикасаться к трапезе, не возблагодарив прежде Творца плодов - Бога. Воскрешая многих мертвых, Он не молился, а молился только при воскрешении Лазаря. О причине этого мы уже сказали: Он хотел исправить немощь предстоявших, о чем и сам Он сказал ясно, прибавив: "сказал [сие] для народа, здесь стоящего" (Иоан. 11:42). Я достаточно объяснил тогда, что не молитва, а воззвание Его воскресило этого мертвеца; но чтобы тебе лучше понять это, обрати внимание на дальнейшее. Когда нужно было наказать, или наградить, или отпустить грехи, или постановить закон, или когда нужно

было сделать что-нибудь гораздо важнейшее, то ты нигде не найдешь, чтобы Он при этом взывал к Отцу и молился, но все это Он совершал Своей властью. Я перечислю все это по порядку, а ты тщательно замечай, что Он никогда не нуждался в молитве. "Придите", говорил Он, "благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира" (Матф. 25:34); и еще: "идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его" (Матф. 25:41). Вот, Он с полной властью Сам наказывает и награждает и не нуждается ни в какой молитве. Также, когда надлежало исцелить тело расслабленного, Он говорит: "возьми свою постель и ходи" (Марк. 2:9); когда надлежало избавить от смерти: "девица, тебе говорю, встань" (Марк. 5:41); когда надлежало освободить от грехов: "держай, чадо! прощаются тебе грехи твои" (Матф. 9:2); когда надлежало изгнать демонов: "сказал ему: выйди, дух нечистый, из сего человека" (Марк. 5:8); когда надлежало укротить море: "умолкни, перестань" (Марк. 4:39); когда надлежало очистить прокаженного: "хочу, очистишься" (Матф. 8:3); когда надлежало постановить закон: "вы слышали, что сказано древним: не убивай: а Я говорю вам, что всякий: кто же скажет брату своему: "безумный", подлежит геенне огненной" (Матф. 5:21-22). Видишь ли, как Он совершает все собственной властью Господней, и в геенну ввергает, и в царство вводит, и расслабление исцеляет, и смерть отгоняет, и грехи отпускает, и демонов изгоняет, и море укрощает? Что же важнее, скажи мне, в царство ли ввести, и в геенну ввергнуть, и грехи отпустить, и законы даровать своей властью, или сделать хлебы? Не очевидно ли для всех и несомненно, что первое важнее последнего? Однако Он при важнейших делах не молится, показывая тем, что и при менее важных Он делал это не по недостатку силы, а для научения присутствовавших. А чтобы ты уразумел, какое великое дело отпускать грехи, я приведу тебе свидетелем пророка; никому другому, говорит пророк, не свойственно это, кроме одного Бога: "кто Бог, как Ты, прощающий беззаконие и не вменяющий преступления" (Мих. 7:18)? Хотя ввести в царство гораздо важнее, нежели избавить от смерти, но и это Христос совершал со властью. И издавать законы - дело не подчиненных, а царствующих; об этом свидетельствует самая природа вещей: только царям свойственно постановлять законы; это выражает и апостол в следующих словах: "относительно девства я не имею повеления Господня, а даю совет, как получивший от Господа милость" (1 Кор. 7:25). Так как он был раб и служитель, то и не осмелился прибавить что-нибудь к постановленному изначала. А Христос поступает не так: с великой властью Он исчисляет древние законы и вводит еще свои. Если же просто постановлять законы свойственно только царской власти, а Он оказывается не только постановляющим законы, но и исправляющим древние, то какое остается оправдание желающим бесстыдствовать? Отсюда видно, что Христос единосущен с Родителем.

4. Но чтобы то, о чем я говорю, сделалось более ясным, обратимся к самым словам Писания. Взошедши на гору, говорится там, Христос сел и начал говорить всем, окружавшим Его: "блаженны нищие духом, кроткие, милостивые, чистые сердцем" (Матф. гл. 5). Затем, после этих блаженств, Он говорит: "не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить" (Матф. 5:17). Кто же подозревал это? Почему Он говорит так? Разве сказанное Им было противоположно прежнему? "Блаженны", говорит Он, "нищие духом", т. е. смиренномудрые; но это говорил и Ветхий Завет: "жертва Богу - дух сокрушенный; сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже" (Псал. 50:19). Еще: "блаженны кроткие", и это также возвещает Исаия, когда говорит от лица Божия: "а вот на кого Я призрю: на смиренного и сокрушенного духом и на трепещущего пред словом Моим" (Иса. 66:2)? "Блаженны милостивые"; и это также часто повторялось: "не отказывай в пропитании нищему", говорит (Премудрый), "не отказывай угнетенному, умоляющему о помощи" (Сир. 4:1,4), и везде много говорится о человеколюбии. "Блаженны чистые сердцем"; тоже и Давид

говорит: "сердце чистое сотвори во мне, Боже, и дух правый обнови внутри меня" (Псал. 50:12). Если кто пересмотрит и прочие блаженства, то найдет большое согласие их (с Ветхим Заветом). Почему же Христос, не сказав ничего противоположного прежнему, присовокупил: "не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков"? Он относит эту оговорку не к тому, что было сказано, а к тому, что еще имело быть сказано. Так как Он хотел усилить заповеди, то, чтобы не подумали, будто это усиление есть опровержение и прибавление есть противоречие, Он и сказал: "не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков", т. е. Я хочу сказать нечто совершеннейшее того, что прежде было сказано, как-то: "слышали: не убивайте; а Я говорю вам: не гневайся: слышали: не прелюбодействуй; а Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал", и тому подобное (Матф. 5:21-22,27-28). Итак, не думайте, что усовершенствование есть нарушение; это - не нарушение, а восполнение; и что делал Он с телами, тоже делает и с законом. Что же Он делал с телами? Пришедши Он нашел много членов поврежденных и имеющих во всем недостатки; их Он и исправлял и возвращал им надлежащее благообразие, делами своими показывая всем, что Он сам постановил и древние законы и создал наше естество. А что Христос хотел показать это, видно в особенности из исцеления слепого. Проходя и увидев одного слепого, Он сделал брение, помазал этим брением слепые глаза и сказал ему: "пойди, умойся в купальне Силоам" (Иоан. 9:7). Для чего же Он, часто одним повелением Своим воскрешавший мертвых и совершавший много других чудес, здесь присовокупляет некоторое действие, составляя брение и созидавая глаза слепому? Не очевидно ли для того, чтобы ты, слыша, что Бог взял персть от земли и создал человека, из настоящего события убедился, что Христос есть Тот, Кто вначале создал человека? А если бы Он не хотел показать это, излишне было бы то, что Он сделал. Потом, чтобы ты знал, что не употребление брения содействовало Ему для дарования прозрения слепому, но что Он и без вещества мог бы одним повелением создать эти глаза, Он прибавляет: "пойди", говорит, "умойся в купальне Силоам". Показав нам самым способом чудотворения, Кто и вначале сотворил человека, Он потом говорит слепому: "пойди, умойся в Силоаме". Как отличный ваятель, желая показать на деле свое искусство, при изготовлении статуи оставляет некоторую часть ее неоконченной, чтобы на этой части представить доказательство своего искусства в устройстве целой статуи, так и Христос, желая показать, что Он, сам сотворив целого человека, оставил этого (слепого) несовершенным для того, чтобы, пришедши и даровав ему глаза, этою частью внушить нам веру в отношении к целому. И посмотри, с какой частью тела Он поступил так: не с рукой и ногой, но с глазами, прекраснейшим и необходимейшим из наших членов, драгоценнее которого у нас нет ни одного члена. А кто мог создать прекраснейший и необходимейший член, т. е. глаза, Тот, очевидно, может сотворить и руку, и ногу, и прочие члены. О, как блаженны те глаза, которые сделались предметом зрелища для всех присутствовавших, привлекали к себе всех, и своей красотой проповедовали, возвещая всем присутствовавшим о силе Христовой! Подлинно, дивное было событие: слепой учил зрячих прозрению. Выражая это, Христос и говорил: "на суд пришел Я в мир сей, чтобы невидящие видели, а видящие стали слепы" (Иоан. 9:39). О, блаженная слепота! Глаза, который слепой не получил от природы, он получил от благодати, и не столько потерпел вреда от промедления (в получении глаз), сколько получил пользы от способа создания их. Что может быть удивительнее тех глаз, которые создать удостоили непорочные и святые руки? И что случилось с бесплодной женой, то произошло и здесь. Как она не потерпела никакого вреда от долгого бесплодия, но, сделалась более славной, получив сына не по законам природы, а по законам благодати (Быт. 16:1; Лук. 1:7); так точно и слепой не потерпел никакого вреда от предшествовавшей слепоты, но и получил отсюда величайшую пользу, удостоившись сначала узреть Солнце правды, а потом - солнце видимое.

5. Это я говорю для того, чтобы мы не огорчались, когда увидим себя или других в несчастьях. Если мы будем с благодарностью и мужеством переносить все случающееся, то всякое несчастье непременно будет иметь благой для нас конец и сопровождаться многими благами. Но я начал говорить, что подобно тому, как тела, имевшие недостатки, Христос исправлял, так и закон, оказавшийся несовершенным, Он устраивал, преобразовывал и делал лучшим. Впрочем, слыша о несовершенстве закона, никто пусть не думает, будто я сужу Законодателя. Тот закон несовершенен не по своей сущности, но сделан несовершенным с течением времени; в то время, когда он был дан, он был, весьма совершенным и пригодным для принявших его; а когда род человеческий, руководимый им, сделан лучше, то закон стал менее совершенным, не по своей сущности, а по причине нравственного усовершенствования наученных им. Как луки и стрелы, сделанные царскому сыну для упражнения, а не для войны и сражения, становятся бесполезными, когда этот сын вырастет и научится отличать в сражениях, так точно случилось и с нашей природой: когда мы были менее совершенными и занимались упражнениями, тогда Бог дал нам и соответственное оружие, которое мы легко могли носить; но когда мы возросли в нравственном отношении, то от нашего усовершенствования это оружие сделалось несовершенным. Поэтому пришел Христос и предложил нам другое, совершеннейшее. И посмотри, с какой мудростью Он перечисляет древние законы и предлагает новые. "Слышали", говорит Он, "что сказано древним: не убивай" (Матф. 5:21). Скажи же: кем "сказано"? Ты ли сказал это, или Отец Твой? Но Он не говорит этого. Почему же Он умолчал и не назвал изрекшего (законодателя), но безлично привел закон? Потому, что если бы Он сказал: (Отцом) "сказано было: не убивай; а Я говорю вам: не гневайся", то слова Его показались бы неприятными по неразумию слушателей, которые еще не могли понимать, что Он предлагал Свои законы не для уничтожения прежних, а для их дополнения. Они сказали бы Ему: что говоришь Ты? Отец Твой сказал: "не убивай", а Ты говоришь: "не гневайся"? Итак, чтобы кто не подумал, будто Он противится Отцу, или как бы предлагает нечто более мудрое, чем данное Тем (Законодателем), Он и не сказал: "слышали от Отца". С другой стороны, если бы Он сказал: "слышали", как Я говорил древним; то и это показалось бы невыносимым не менее первого. Если тогда, когда Он сказал: "прежде нежели был Авраам, Я есмь" (Иоан. 8:58), намеревались побить Его камнями, то чего не сделали бы, если бы Он прибавил, что и Моисею Он же дал закон? Поэтому Он и не упомянул ни о Себе, ни об Отце, но неопределенно сказал: "слышали, что сказано древним: не убивай". Как Он поступал с телами, исправлением их недостатков внушая слушателям и то, Кто в начале сотворил человека; так поступает и здесь, исправлением закона и дополнением недостающего, внушая, Кто в начале дал и закон. Поэтому, беседуя и о сотворении человека, Он не упомянул ни о Себе, ни об Отце, но и там выразился безлично и неопределенно, сказав: "Сотворивший вначале мужчину и женщину сотворил их" (Матф. 19:4); в словах Он умалчивал о Создателе, а в делах указывал на Него, исправляя недостатки телесные. Так и здесь, сказав: "слышали, что сказано древним", Он умолчал о том, Кем это было сказано, а самыми делами указал на Себя; ибо Кто исправлял недостатки, Тот и в начале произвел человека. Древние же законы Он исчисляет для того, чтобы слушатели через сравнение поняли, что сказанное Им не заключает противоречия, и что Он имеет одинаковую власть с Родителем. Это и иудеи поняли и удивлялись. А что они удивлялись, об этом, послушай, как свидетельствует евангелист: "дивился", говорит он, "ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи" (Матф. 7:28-29). Но что, скажут, если они неправильно так думали? Однако Христос не осудил их и не укорил, а подтвердил их мнение. Когда вскоре после того подошел прокаженный и сказал: "Господи! если хочешь, можешь меня очистить" (Матф. 8:2), то что говорит Он? "хочу, очистишь" (Матф. 8:3). Почему Он не сказал просто: "очистишь", хотя прокаженный уже засвидетельствовал, что Он имеет на это власть, сказав: "если хочешь"? Чтобы ты не подумал, будто слова: "если

хочешь", составляют мнение прокаженного, Христос и Сам прибавил: "хочу, очистишься". Так Он нарочито везде показывал Свою власть и то, что Он совершает все самостоятельно; иначе, если бы не было так, эти слова были бы излишними.

б. Итак, мы уразумели из всего этого власть Христа, если же увидим, что в других случаях Он делал и говорил нечто смиренное, как по тем причинам, которые мы прежде исчислили, так и потому, что Он хотел расположить слушателей к смиренномудрию, то не будем вследствие этого приписывать Ему уничиженного естества. Самое принятие плоти Он допустил по смиренномудрию, а не потому, чтобы Он был ниже Отца. Откуда это видно? Враги истины разглашают и это, и говорят: если Христос равен Родителю, то почему Отец не принял плоти, а Сын облекся в образ раба? Не очевидно ли потому, что Он ниже Отца? Но если бы поэтому Он облекся в наше естество, то Дух, которого они сами считают меньшим Сына (а мы этого не говорим), должен был бы воплотиться. Если Отец больше Сына потому, что один воплотился, а другой не воплотился, то и Дух по той же причине был бы больше Сына, так как и Он не принял плоти. Впрочем, чтобы нам не доказывать умозаключениями, теперь подтвердим это самыми Писаниями и покажем, что Христос принял плоть по смиренномудрию. Павел, знающий это в точности, желая внушить нам что-нибудь полезное, приводит нам примеры добродетели свыше: например, многократно подавая совет о любви и желая расположить учеников к взаимной любви, он приводит в пример Христа и говорит: "мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь" (Ефес. 5:25). Также, беседуя о милосердии, он делает то же самое: "знаете", говорит, "благодать Господа нашего Иисуса Христа, что Он, будучи богат, обнищал ради вас, дабы вы обогатились Его нищетою" (2 Кор. 8:9). Смысл слов его следующий: как Владыка твой обнищал, облекшись плотью, так и ты обнищай деньгами; а как Ему нисколько не повредило обнищание славой, так и тебе не может повредить обнищание деньгами, но доставит тебе великое богатство. Также и о смиренномудрии, беседуя с филиппийцами, Он приводит в пример Христа, и сказав: "по смиренномудрию почитайте один другого высшим себя", прибавляет: "ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе, Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу, но уничижил Себя Самого, приняв образ раба" (Фил. 2:3,5-7). А если бы Христос благоволил принять плоть потому, что был по существу ниже Отца, то это уже не было бы делом смиренномудрия, и напрасно Павел указывал бы на это, научая смиренномудрию; так как смиренномудрие бывает тогда, когда равный повинуется равному. Выражая это, апостол и говорит: "Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу, но уничижил Себя Самого, приняв образ раба". Что значит: "не почитал хищением быть равным Богу, но уничижил Себя Самого, приняв образ раба"? Похитивший что-нибудь из не принадлежащего ему постоянно держит похищенное при себе и не решится отложить его, страшась и опасаясь за приобретение; а кто владеет неотъемлемым благом, тот не опасается и отложить его. Например, - поясним сказанное примером, - представим, что у одного и того же человека есть и раб и сын; если раб нагло присвоит себе свободу, вовсе ему не принадлежащую, и будет восставать против господина, то он не возьмется за какое-нибудь рабское дело и не будет повиноваться приказаниям, опасаясь, чтобы это не нарушило его свободы и чтобы подчинение не сделало ему унижения; так как он похитил честь и владеет ею не по достоинству. А сын не откажется делать всякое дело рабское, зная, что хотя бы он стал исполнять все рабские службы, свобода его не потерпит никакого вреда, но останется неизменной, так как природное благородство не может быть уничтожено рабскими делами; оно приобретено им не через хищение, как рабом, но наследовано им издавна, с первого дня. Объясняя это, и Павел говорит о Христе, что Он, быв по существу свободным и истинным Сыном Отца, не побоялся отложить это, как если бы хищением присвоил Себе равенство с Ним, но смело принял образ раба. Христос знал и точно знал, что уничижение

не может нисколько уменьшить Его славы; потому что она была не заимствованная, не приобретенная хищением, не чуждая и не несвойственная Ему, но естественная и истинная. Поэтому Он и принял образ раба, с ясным знанием и уверенностью, что это нисколько не может повредить Ему. Это действительно и не повредило Ему, но и в образе раба Он пребывал с той же славой. Видишь ли, как самое принятие плоти служит доказательством того, что Сын равен Родителю, и что это равенство не заимствованное, не приходящее и отходящее, но неизменное и постоянное и такое, какое следует иметь Сыну в отношении к Отцу?

7. Итак, будем говорить все это еретикам и стараться, насколько от нас зависит, отклонять их от злой ереси и обращать к истине. И сами мы не станем считать одну веру достаточной нам для спасения, но будем заботиться и о поведении, будем вести и наилучшую жизнь, чтобы и то и другое способствовало нам к достижению совершенства. К чему я прежде увещевал, к исполнению того же увещеваю и теперь: прекратим вражду между собой, и пусть никто не остается врагом ближнего долее одного дня, но до наступления ночи пусть укрощает гнев, чтобы, оставшись наедине и тщательно припоминая сделанное и сказанное по вражде, не сделать прекращение ее более трудным и примирение более неудобным. Вывихнутые кости нашего тела, быв тотчас вправлены, без большого затруднения занимают свое место; если же они долгое время останутся вне своего места, то с трудом вправляются и принимают прежнее положение, и вправленные требуют продолжительного времени для того, чтобы твердо установиться, укрепиться и не сдвигаться; так точно и мы, если тотчас станем мириться с врагами, то можем сделать это удобно и без большого труда войти в прежнюю дружбу; а если пройдет много времени, то, как бы ослепленные враждой, мы будем стыдиться, смущаться и иметь нужду в других, которые бы не только примирили нас, но и по примирении тщательно наблюдали за нами, пока мы достигнем прежней откровенности. Я не говорю уже о насмешках и стыде; ибо какого порицания не заслуживает то, чтобы нуждаться в других, которые помирили бы нас с нашими ближними? От медленности и отлагательства происходит не только это зло, но и то, что несуществующие грехи после кажутся нам грехами; о чем бы ни стал говорить враг, все мы принимаем с подозрением: и движения его, и взгляды, и голос, и походку; и, показываясь нам, он воспаляет нашу раздраженную душу, и не показываясь также огорчает нас. Обыкновенно не только вид оскорбивших, но и воспоминание о них постоянно раздражает нас; и, если услышим, что другой говорит что-нибудь о них, мы со своей стороны возвышаем голос и вообще всю жизнь проводим в унынии и огорчении, причиняя больше зла самим себе, нежели врагам, и имея в душе постоянную борьбу. Итак, возлюбленные, зная все это, будем всячески стараться не иметь ни с кем вражды, а если случится какая-нибудь неприязнь, то будем примиряться в тот же день; потому что, если она продолжится на второй и третий день, то скоро третий сделается четвертым, четвертый - пятым, а этот опять породит нам еще больше дней неприязни; и чем дольше мы будем откладывать примирение, тем больше будем стыдиться. Но тебе стыдно придти и поцеловаться с оскорбителем? Нет, это - хвала, это - венец, это - слава, это - польза и сокровище, исполненное бесчисленных благ; и сам враг одобрит тебя, и все присутствующие похвалят; а если и осудят люди, то Бог непременно увенчает тебя. Если же ты будешь ждать, чтобы враг наперед пришел и попросил прощения, то ты не получишь такой пользы: он предвосхитит награду и приобретет себе все благословение; а когда ты сам придешь, то не останешься ниже его, но победишь гнев, преодолеешь страсть, обнаружишь великое любомудрие, послушавшись Бога, и сделаешь более приятной последующую жизнь, избавившись от хлопот и тревоги. И не только перед Богом, но и перед людьми предосудительно и опасно иметь многих врагов. Что я говорю: многих? Одного и единственного врага иметь так же опасно, как безопасно и спасительно иметь всех друзьями. Не столько умножение

имущества, не столько оружие и стены, окопы и другие бесчисленные средства могут обезопасить нас, сколько искренняя дружба. Это - стена, это - крепость, это - богатство, это - утешение, это будет способствовать нам и настоящую жизнь проводить в душевном спокойствии, и доставит будущую жизнь. Итак, помышляя обо всем этом и представляя себе великую пользу от этого, будем делать все и принимать все меры, чтобы нам примириться с настоящими врагами, и не приобретать новых врагов, а друзей настоящих сделать более надежными. Начало и конец всякой добродетели - любовь; наслаждаясь ей искренно и постоянно, да сподобимся мы получить царство небесное, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

ПРОТИВ АНОМЕЕВ.

Полное заглавие этого слова следующее: "сказанное в Константинополе против аномеев, о непостижимом, и о том, что Новый Завет согласен с Ветхим, и о не присутствующих в священных собраниях".

СЛОВО ОДИННАДЦАТОЕ.

О непостижимости существа Божия. - Когда дело идет об истинах веры, то следует основываться главным образом на св. Писании. - Божество Иисуса Христа, доказываемое на основании первой главы книги Бытия. - Согласие Ветхого и Нового заветов. - Обязанность христиан присутствовать при собраниях верующих и водить туда своих детей. - Присутствие в этих собраниях в церквах приносит двоякую пользу.

Один день я беседовал с вами и с того дня так полюбил вас, как будто издавна и с раннего возраста жил среди вас; так я соединился с вами узами любви, как будто в течение несчетного времени наслаждался приятнейшим общением с вами. Это произошло не оттого, чтобы я был особенно склонен к дружбе и любви, но оттого, что вы вождественнее и любезнее всех. Кто не изумится и не удивится вашему пламенному усердию, непритворной любви, уважению к учителям, согласию друг с другом, которых вполне достаточно для того, чтобы привлечь к вам и каменную душу? Поэтому и я люблю вас не менее, чем ту церковь (антиохийскую), в которой я родился, воспитался и учился; эта церковь - сестра той, и вы делами доказали родство с ней. Если та старше по времени, то эта пламеннее по вере; там многочисленнее собрание и торжественнее зрелище, а здесь больше терпения и больше доказательств мужества. Волки со всех сторон окружают овец, а стадо не истребляется; буря, непогода и волнение непрестанно преследуют этот священный корабль, а пловцы не утопают; ярость еретического пламени объемлет со всех сторон, а находящиеся среди горячей печи наслаждаются духовной росой. Видеть церковь насажденную в этой части города так же удивительно, как увидеть среди горячей печи цветущую маслину, одетую листьями и обремененную плодами. Если же вы столь признательны и достойны бесчисленных благ, то теперь я со всей охотой исполню обещание, которое дал вам раньше, когда рассуждал перед вами об оружии Давида и Голиафа и говорил, как один был со всех сторон огражден великим множеством всякого оружия, а другой, вовсе не имея оружия, был огражден верой; один блистал снаружи латами и щитом, а другой изнутри (сиял) духом и благодатью. Поэтому отрок победил юношу, безоружный преодолел вооруженного, пастух низложил воина, обыкновенный камень пастуха разбил и сокрушил медные доспехи врага (1 Цар, гл. 17). Так и я возьму в

руки камень, т. е. краеугольный, духовный. Если Павлу можно было рассуждать о камне, бывшем в пустыне (1 Кор. 10:4), то, конечно, никто не будет укорять и меня, когда я буду таким же образом пользоваться этим камнем. Как у иудеев не природа видимого камня, а сила духовного камня произвела потоки вод; так и Давид не вещественным, а духовным камнем поразил голову иноплеменника; поэтому и я тогда обещал вам не говорить ничего по умственным соображениям; "оружия воинствования нашего не плотские, но сильные Богом [ими] ниспровергаем замыслы 5 и всякое превозношение, восстающее против познания Божия" (2 Кор. 10:4-5). Так, нам заповедуется низлагать помыслы, а не возвышать их, повелевается разрушать их, а не вооружаться ими. "Помышления смертных нетверды", говорит Премудрый (Премуд. 9:14). Что значит: "нетверды"? Боязливый, хотя бы шел и по безопасному месту, не бывает смел, но страшится и трепещет; так, и доказанное умственными соображениями, хотя бы и было истинно, не доставляет душе полного убеждения и достаточной уверенности. Если такова слабость умственных соображений, то я и приступлю теперь к борьбе с еретиками на основании Писаний. Откуда же мне должно начать речь? Откуда хотите, из Нового или Ветхого Завета; так как не только в евангельских и апостольских, но и в пророческих изречениях и во всем Ветхом Завете можно видеть славу Единородного сияющей с великим блеском. Посему мне кажется, что и оттуда можно бросать стрелы в этих еретиков (аномеев). Заимствуя мысли оттуда, мы в состоянии будем преодолеть не только этих одних, но и многих других еретиков, Маркиона, Манихея, Валентина и все секты иудейские. Как при Давиде пал один Голиаф, а все войско обратилось в бегство, смерть постигла одно тело и поражена была одна голова, но бегство и страх были общими для всего войска; так точно и у нас теперь, когда будет поражена и низложена одна ересь, произойдет общее бегство всех названных еретиков. Манихеи и страждущие одинаковой с ними болезнью, по-видимому, признают проповедуемого Христа, а проповедующих о Нем пророков и патриархов не почитают; иудеи же напротив, по-видимому, принимают и уважают проповедующих о Христе, т. е. пророков и законодателя своего, а Проповедуемого ими не почитают. Итак, если я по благодати Божьей докажу, что о славе Единородного много предвозвещено в Ветхом Завете, то буду в состоянии пристыдить все такие богопротивные уста и обуздать богохульные языки; потому что, если Ветхий Завет окажется проповедующим о Христе, то какое оправдание будет манихеям и их последователям, не почитающим Писания, которое предвозвещает об общем Владыке всех? Какое извинение и прощение будет и иудеям, не признающим Того, о котором возвещают пророки?

2. Итак, если нам предстоит столь великая победа, обратимся к древним книгам и к древнейшей из всех древних, т. е. книге Бытия, и в самой Книге Бытия обратимся к ее началу. Что Моисей говорил много о Христе, об этом, послушай, как сам Христос говорит: "ибо если бы вы верили Моисею, то поверили бы и Мне, потому что он писал обо Мне" (Иоан. 5:46). Где же Моисей писал о Нем? Это я и постараюсь теперь показать. Когда созданы были все твари, небо увенчано разнообразным сонмом звезд, а против него внизу земля украсилась различными цветами, когда вершины гор, поля и долины, и вообще вся земная поверхность покрыта была растениями, деревьями и травами, запрыгали стада мелкого и крупного скота, хор певчих птиц сообразно со свойствами своей природы наполнил весь воздух музыкой, моря стали изобиловать морскими животными, озера, источники и реки наполнились всем, что в них рождается, и ничего не осталось недоконченным, но все было уже готово, тогда тело ожидало главы, город - начальника, тварь - царя, т. е. человека. Бог, намереваясь создать его, сказал: "сотворим человека по образу Нашему по подобию Нашему" (Быт. 1:26). С кем Он беседует? Очевидно, что с Единородным Сыном Своим. Он не сказал: "сотвори", чтобы ты не принял этих слов за приказание рабу, но: "сотворим", чтобы под видом словесного совета открыть равенство чести (у Него с Сыном). Так, иногда говорится, что Бог имеет советника,

а иногда говорится, что - не имеет; и, однако, Писание не противоречит самому себе, но через то и другое открывает нам таинственные догматы. Когда оно желает представить, что Бог ни в чем не нуждается, то говорит, что Он не имеет советника; а когда желает показать равенство чести у Него с Единородным, тогда называет Сына Божия советником Его. А чтобы тебе убедиться в том и другом, как в том, что пророки называют Сына советником Божиим не потому, будто Отец имеет нужду в совете, но для того, чтобы нам знать честь Единородного, так и в том, что Бог не нуждается в советнике, послушай слова Павла: "о, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его! Ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему?" (Римл. 11:33-34)? Он изображает то, что Бог ни в чем не имеет нужды; а Исаия с другой стороны свидетельствуя о Единородном Сыне Божьем, говорит так: "будут отданы на сожжение, в пищу огню. Ибо младенец родился нам - Сын дан нам; и нарекут имя Ему: Чудный, Советник" (Ис. 9:5-6). Если же Сын есть "чудный советник", то почему Павел говорит: "кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему?" Потому, что Павел, как я выше сказал, хочет показать, что Отец ни в чем не имеет нужды, а пророк показывает равенство чести у Него с Единородным. Посему и здесь Бог не сказал: "сотвори", но: "сотворим", потому что слово: "сотвори" означает приказание, даваемое рабу, как можно видеть из следующего. Однажды подошел сотник к Иисусу и говорит: "Господи! слуга мой лежит дома в расслаблении и жестоко страдает". Что же Христос? "Я приду", сказал Он, "и исцелю его" (Матф. 8:6-7). Сотник не смел вести Врача в дом свой; но Промыслитель и Человеколюбец сам обещал идти к нему, чтобы доставить случай и повод показать нам его добродетель; ибо Христос, зная, что сотник намерен был сказать, обещал прийти, чтобы ты узнал благочестие этого мужа. Что же говорит сотник? "Господи! я недостойн, чтобы Ты вошел под кров мой" (Матф. 8:8). Даже тяжесть болезни и бедствия не подавила в нем благоговения, но и в несчастье он признавал величие Владыки; поэтому он и говорит: "но скажи только слово, и выздоровеет слуга мой; ибо я и подвластный человек, но, имея у себя в подчинении воинов, говорю одному: пойдя, и идет; и другому: приди, и приходит; и слуге моему: сделай то, и делает" (Матф. 8:8-9). Видишь ли, что слово: "сотвори" свойственно господину, говорящему с рабом? А слово: "сотворим" свойственно лицу, имеющему равную честь. Так, когда обращается господин к рабу, то говорит: "сотвори", а когда Отец беседует с Сыном, то говорит: "сотворим". Что же, скажут, если так думал сотник, а на деле было не так? Разве сотник был апостолом? Разве он был учеником (Христовым), чтобы мне принимать слова его? Он мог ошибаться, скажут (еретики). Хорошо; но что мы видим, далее? Исправил ли Христос слова его? Обличил ли его, как ошибающегося и высказывающего неправое учение? Сказал ли, ему: что делаешь ты, человек? Ты имеешь обо Мне высшее мнение, чем должно; ты приписываешь Мне более надлежащего; ты полагаешь, что Я могу самовластно повелевать, тогда как Я не имею такой власти. Сказал ли ему Христос что-нибудь подобное? Нет; Он даже подтвердил мнение сотника и следовавшим за Ним сказал: "истинно говорю вам, и в Израиле не нашел Я такой веры" (Матф. 8:10). Таким образом, одобрение от Владыки служит подтверждением слов сотника; а потому это уже не слова сотника, но вещание Господне; если Он сам похвалил сказанные слова и отозвался о них, как о словах, сказанных хорошо, то я принимаю их за божественное изречение; потому что они получили подтверждение свыше в ответе Христовом.

3. Видишь ли, как Новый Завет согласен с Ветхим, как тот и другой доказывают самостоятельную власть Христову? Но что из того (скажут), если Он, хотя сотворил человека, но сотворил, как слуга? Это - неуместное словопрение. Сказав: "сотворим человека", Бог не прибавил: "по образу твоему меньшему", или: "по образу моему большему", но что? "По образу нашему и по подобию", говорит Он, выражая этими словами, что у Отца и Сына один образ. Он не сказал "по образам", но: "по образу

нашему"; потому что не два неравных, а один и тот же одинаковый образ у Отца и Сына. Потому о Сыне же говорится, что Он сидит одесную Отца, дабы ты знал, что Он имеет равную честь и одинаковую власть с Отцом, так как слуга не сидит, а стоит. А что сидение означает равночестность и одинаковость власти Господней, стояние же свойственно рабству и подчинению, об этом послушай, что говорит Даниил: "видел я, наконец, что поставлены были престолы, и воссел Ветхий днями: тысячи тысяч служили Ему и тьмы тем предстояли пред Ним" (Дан. 7:9-10). Также Исаия: "видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном, Вокруг Него стояли Серафимы" (Иса. 6:1-2). И Михей: "я видел Господа, сидящего на престоле Своем, и все воинство небесное стояло при Нем, по правую и по левую руку Его" (3 Цар. 22:19). Видишь ли, что всегда вышние силы предстоят, а Он сидит? Итак, когда ты видишь, что и Сын имеет седалище одесную Отца, то не приписывай Ему рабского и служебного достоинства, а владычное и самостоятельное. Посему и Павел, зная, что стоять свойственно слугам, а сидеть - повелителям и начальникам, посмотри, как различает то и другое в следующих словах: "об Ангелах сказано: Ты творишь Ангелами Своими духов и служителями Своими пламенеющий огонь. А о Сыне: престол Твой, Боже, в век века" (Евр. 1:7-8), - под образом "престола" представляя нам царскую власть. Итак, если я доказал посредством всего сказанного, что Сын имеет достоинство не служебное, а владычное, то будем поклоняться Ему, как Владыке и равночестному с Отцом; и сам Он повелел это, сказав: "дабы все чтили Сына, как чтут Отца" (Иоан. 5:23). С правым же исповеданием догматов соединим и праведность жизни и дел, чтобы нам не на половину совершать свое спасение. А праведности поведения и чистоте жизни ничто не может так способствовать, как частое пребывание здесь и усердное слушание. Что для тела пища, то для души изучение божественных вещаний; ибо "не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божьих" (Матф. 4:4). Посему те, которые не участвуют в этой трапезе, обыкновенно испытывают голод. Послушай, как Бог угрожает этим голодом и ставит на ряду с наказанием и мучением: "пошлю на них", говорит Он, "не голод хлеба, не жажду воды, но жажду слышания слов Господних" (Амос. 8:11). Не безумно ли для избежания телесного голода делать все и принимать все меры, а душевный голод добровольно навлекать на себя, тогда как он тем тяжелее, чем больший от него бывает вред? Нет, прошу и убеждаю вас, не будем так худо относиться к самим себе, но будем предпочитать пребывание здесь всем занятиям и заботам. Столько ли, скажи мне, ты приобретешь, оставляя собрание, сколько потеряешь и для себя и для всего дома? Хотя бы ты мог найти целое сокровище золотое и ради него оставил это собрание, и тогда ты потеряешь больше, и настолько больше, насколько духовные блага выше вещественных. Последние, хотя бы они были многочисленны и стекались со всех сторон, не будут сопровождать нас в будущую жизнь, не переселятся с нами на небо и не предстанут перед страшным престолом, но часто еще прежде нашей смерти оставляют нас и исчезают; если же и останутся до конца, то при смерти непременно отнимутся. А духовное сокровище есть приобретение неотъемлемое; оно повсюду следует за нами и на пути и при отшествии нашем, и доставляет нам великое дерзновение перед престолом Божьим.

4. Если от других собраний бывает столько пользы, то от здешних собраний - вдвое более. Здесь мы получаем не только ту пользу, что орошаем душу божественными вещаниями, но и ту, что приводим в великий стыд врагов, а своим братьям доставляем великое утешение. В сражении полезно поспешать на помощь к той части войска, которая изнуряется и находится в опасности. Поэтому всем следует собираться сюда и отражать нападающих неприятелей. Но ты не можешь сказать длинную речь и не имеешь способности учить? Ты только приди сюда, и этим все исполнишь. Твое телесное присутствие увеличивает паству и много поощряет усердие твоих братьев, а врагам твоим причиняет стыд. Когда кто-нибудь, подошедши к этому священному преддверию, видит

малое число собравшихся, тогда и то усердие, какое небо было, охлаждается, и он ослабевает, уклоняется, делается равнодушным и уходит; так мало-помалу весь народ у нас делается беспечным и нерадивым. А если он видит собирающихся, усердствующих, стекающихся со всех сторон, тогда ревность других пробуждает усердие и в самом равнодушном и недейтельном. Камень, ударяемый о камень, часто производит искры: хотя, что может быть холоднее камня и что теплее огня, и, однако, непрерывные удары побеждают его природу; а если это бывает с камнем, то тем более может быть с душами, находящимися в общении между собой и согреваемыми огнем духовным. Разве вы не слышали, что у наших предков было всего сто двадцать человек верующих, а еще прежде ста двадцати было только двенадцать, и эти не все остались, но один из них, Иуда, погиб, и было всего одиннадцать? Однако из этих одиннадцати стало сто двадцать, и из ста двадцати - три тысячи, потом - пять тысяч, затем всю вселенную наполнили они познанием Бога. А причина этого та, что они никогда не прекращали общения между собой, но все вместе постоянно проводили дни в храме, занимаясь молитвами и чтением; потому они и воспламенили такой великий костер, что никогда не разъединялись, но привлекли к себе всю вселенную. Будем и мы подражать им. Не странно ли было бы - не оказывать даже такого попечения о церкви, какое оказывают женщины в отношении к своим соседкам? Они, увидев какую-нибудь бедную и беспомощную девицу, все оказывают ей свои услуги, заменяя родственников, и много шума бывает у собравшихся на брак такой девицы. Одни иногда приносят ей деньги, другие (делают честь) своим присутствием, и последнее не маловажно; потому что их усердие служит прикрытием ее скудости; и, таким образом, ее бедность они прикрывают своей услужливостью. Так поступайте и вы в отношении к этой церкви. Будем стекаться все отовсюду и прикрывать ее скудость, или лучше, прекратим ее бедность постоянным своим пребыванием здесь. "Муж есть глава жены" (Ефес. 5:23); а жена есть помощница мужа. Пусть же ни глава не решается без тела переступить эти священные пороги, ни тело без главы пусть не является, но весь человек пусть приходит сюда, приводя с собой и детей. Если приятно видеть дерево, имеющее произросшее от его корня молодое растение, то гораздо более приятно - и даже приятнее всякой маслины - видеть человека, подле которого стоит дитя, как бы молодое растение от его корня. Это не только приятно, но и полезно, так как собирающимся здесь будет, как я раньше сказал, большая награда. И земледельцу мы особенно удивляемся не тогда, когда он трудится над землей многократно возделанной, но когда он, взяв поля незасеянные и невспаханные, трудится над ними с великой заботливостью. Так поступал и Павел, предпочитая проповедовать Евангелие не там, где "[уже] было известно имя Христово" (Римл. 15:20). Будем же и мы подражать Ему, как для приращения церкви, так и для нашей пользы; будем стекаться сюда на каждое собрание. Если воспламенится в тебе похоть, ты легко можешь погасить ее, только увидев этот храм; если возбудится в тебе гнев, ты скоро укротишь этого зверя; если будет осаждать какая-нибудь другая страсть, ты можешь усмирить всякую бурю, и водворить тишину и великий мир в душе; чего да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, вместе со Святым Духом, слава ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

ПРОТИВ АНОМЕЕВ.

Полное заглавие этого слова следующее: "О расслабленном, бывшем в расслаблении своем тридцать восемь лет, и на слова: Отец Мой доселе делает, и Я делаю" (Иоан. 5:17).

СЛОВО ДВЕНАДЦАТОЕ.

О расслабленном, бывшем в расслаблении тридцать восемь лет и на слова: "Отец Мой доселе делает и Аз делаю" (Ин.5:17). - Сравнение проповедника с землепашцем. - Почему Иисус Христос показывался иудеям в дни праздников. - Исцеление расслабленного. - Почему Иисус Христос спрашивает больного. - Похвала расслабленному. - Почему Иисус Христос повелевает ему взять и понести постель. - Иисус Христос по всемогуществу равен Отцу. - Увещание присутствовать в собраниях церкви.

Благословен Бог: при каждом собрании я вижу, что нива увеличивается, жатва густеет, гумно наполняется, снопы умножаются. Не много дней прошло с тех пор, как я бросил семя, и вот уже вырос у нас богатый колос послушания. Отсюда видно, что не человеческая сила, а Божественная благодать возделывает эту церковь. Таково свойство духовного посева: он не ждет времени, не требует многих дней, не зависит от смены ни месяцев, ни времен года, ни погоды, ни годов, но в тот же самый день, когда посеяны (духовные) семена, можно целой и полной горстью снимать жатву. Возделывающим чувственную землю нужно много работать и долго ждать; они должны запрягать в ярмо рабочих волов, проводить глубокую борозду, обильно бросать семена, выравнивать поверхность земли, прикрывать землей все посеянное, ожидать умеренных дождей, прилагать много других трудов и ждать долгое время, и тогда уже достигать конца. А здесь можно и сеять и жать как летом, так и зимой, и часто в один и тот же день совершается и то и другое, особенно когда возделывается душа тучная и плодородная, как то можно видеть и на вас. Потому я так охотно и стремлюсь к вам, подобно тому, как земледелец охотнее обрабатывает ту ниву, плодами которой он часто наполнял гумно. Так как и вы за мой малый труд доставляете мне великое приобретение, то я с большим усердием приступаю к своему земледелию, я обращаюсь к вам с остатками того, о чем говорено было прежде. Тогда я вел речь о славе Единородного Сына Божьего на основании Ветхого Завета; то же самое и на том же основании буду делать и теперь; тогда я говорил, что Христос сказал: "ибо если бы вы верили Моисею, то поверили бы и Мне" (Иоан. 5:46); а теперь говорю, что Моисей сказал: "пророка из среды тебя, из братьев твоих, как меня, воздвигнет тебе Господь Бог твой, - Его слушайте" (Втор. 18:15; Деян. 3:22). Как Христос отсылает к Моисею, чтобы через него привлечь к Себе; так Моисей передает учеников Учителю, повелевая повиноваться Ему во всем. Будем же внимать как всему прочему, что говорит и делает Христос, так и тому, что прочитано нам сегодня о Его знамени. Какое же это знамение? "Был", говорится, "праздник Иудейский, и пришел Иисус в Иерусалим: есть же в Иерусалиме у Овечьих [ворот] купальня, называемая по-еврейски Вифезда, при которой было пять крытых ходов" (Иоан. 5:1-2). В нее, как повествует (Евангелие), в известное время сходил ангел, что узнавалось по движению воды; и первый, кто входил в купель по возмущении воды, выздоравливал, какой бы ни страдал болезнью. В этих притворах лежало множество больных, слепых, хромых, иссохших, ожидавших движения воды (Иоан. 5:3). Почему Христос часто посещал Иерусалим и в праздники обращался с иудеями? Потому, что тогда сходилась множество народа, и Он избирал это место и это время, чтобы помогать немощным; ибо не столько желали больные избавиться от болезней, сколько этот Врач прилагал усердия к исцелению их от немощи. Когда собрание было полно и зрелище совершенно готово, тогда Он и выходил открыто перед всеми и оказывал попечение о спасении души их. Итак, лежало множество больных, ожидавших движения воды, и первый, входивший по возмущении воды, исцелялся, а второй уже нет; врачевная сила прекращалась,

целительность благодати истощалась, и вода уже оставалась без действия, как будто недуг первого сошедшего совершенно обессиливал ее; и весьма правильно, так как та благодать была рабская. Когда же пришел Господь, то стало не так; не только первый, входящий в водную купель крещения, стал получать исцеление, но и первый, и второй, и третий, и четвертый, и десятый, и двадцатый; хотя бы ты назвал их тысячи, хотя бы вдвое или втрое более, даже беспредельное множество, хотя бы ты погрузил в водную купель всю вселенную, благодать нисколько не уменьшается, но остается той же, очищая всех их. Таково различие между силою раба (ангела) и властью Господа. Тот исцелял одного, а Этот - всю вселенную; тот - одного в год, а Этот - каждодневно, если бы вошли в купель тысячи, всех делает здоровыми; тот исцелял через схождение и возмущение воды, а Этот не так, но довольно произнести над водой одно Его имя, чтобы сообщить ей всю целительную силу; тот врачевал повреждения телесные, а Этот исцеляет недуги душевные. Видишь ли, как во всем открывается великое и беспредельное различие между ними?

2. Итак, лежало множество больных, ожидавших движения воды; потому что место это было духовной лечебницей. Как в лечебнице можно видеть множество людей и с выколотым глазом, и с поврежденной ногой, и с болезнью в другом члене, сидящих вместе и ожидающих врача; так и в этом месте можно было видеть множество собравшихся. В тех притворах "был человек, находившийся в болезни тридцать восемь лет. Иисус, увидев его лежащего и узнав, что он лежит уже долгое время, говорит ему: хочешь ли быть здоров? Больной отвечал Ему: так, Господи; но не имею человека, который опустил бы меня в купальню, когда возмутится вода; когда же я прихожу, другой уже сходит прежде меня" (Иоан. 5:5-7). Для чего Иисус, миновав всех прочих, подошел к нему? Для того, чтобы показать и силу Свою, и человеколюбие: силу, потому что болезнь сделалась уже неизлечимой и расслабление больного было безнадежно; человеколюбие, потому что Промыслитель и Человеколюбец, преимущественно перед другими, воззрел на того, кто особенно достоин был милости и благодеяния. Не будем относиться легкомысленно и к этому месту, и к числу тридцати восьми лет, в продолжение которых больной находился в расслаблении. Пусть услышат все, которые борются с постоянной бедностью, или проводят жизнь в болезни, или находятся в стеснительных житейских обстоятельствах, или подверглись буре и вихрю нечаянных бедствий. Этот расслабленный предлежит, как общая пристань человеческих несчастий. Никто не может быть так малодушен, так жалок и несчастлив, чтобы, взирая на него, не стал переносить все случающееся мужественно и со всей бодростью. Если бы он страдал двадцать лет, или десять, или только пять, то и их не достаточно ли было бы для сокрушения крепости его души? А он остается в таком положении тридцать восемь лет, и не падает духом, но показывает великое терпение. Может быть, оно вам кажется удивительным по такой продолжительности времени; но когда выслушаете его собственные слова, тогда особенно увидите все его любомудрие и терпение. Иисус подошел и говорит ему: "хочешь ли быть здоров"? Кто не знал того, что расслабленный хотел быть здоровым? Почему же Он спрашивает? Конечно, не по неведению: для Того, Кто знает тайные помышления человеческие, тем более известно было явное и очевидное для всех. Для чего же Он спрашивал? Как сотнику Он сказал: "Я приду и исцелю его" (Матф. 8:7), не потому, что не знал наперед его ответа, а потому, что, предвидя и весьма точно зная ответ, желал доставить этому сотнику повод и случай открыть всем скрывавшееся в тени благочестие его, и сказать: "Господи! я недостойн, чтобы Ты вошел под кров мой", так и этого расслабленного, о котором знал, что будет он отвечать, Господь спрашивает, хочет ли он исцелиться, не потому, что Сам не знал этого, но чтобы доставить расслабленному повод и случай высказать свое несчастье и сделаться учителем терпения. Если бы Он исцелил этого человека молча, то мы понесли бы важную потерю, не узнав твердости

души его. Христос не только устраивает настоящее, но удостоивает великого попечения и будущее. Он открыл в больном учителя терпения и мужества для всех живущих во вселенной, поставив его в необходимость отвечать на вопрос: "хочешь ли быть здоров"? Что же тот? Не огорчился, не вознегодовал, не сказал вопрошавшему: ты видишь меня расслабленным, знаешь давность моей болезни, и спрашиваешь, хочу ли я быть здоровым, не пришел ли ты посмеяться над моими несчастьями и пошутить над чужими бедствиями? Вы знаете, как малодушны бывают больные, если они лежат в постели даже один год, а кого болезнь продолжалась тридцать восемь лет, тому не естественно ли было потерять всякое любомудрие, истощавшееся в течение столь долгого времени? Однако расслабленный ничего такого не сказал и не подумал, но дал ответ с великой скромностью и сказал: "так, Господи; но не имею человека, который опустил бы меня в купальню". Смотри, сколько бед соединились вместе и досаждали этому человеку: и болезнь, и бедность, и отсутствие помощников. "Когда же я прихожу, другой уже сходит прежде меня". Это прискорбнее всего и могло бы тронуть самый камень. Мне кажется, я вижу, как этот человек каждый год ползет и, доползши до входа в купель, каждый год останавливается при самом конце доброй надежды; и это тем тяжелее, что он испытывал это не два года, не три, не десять, а тридцать восемь лет. Он употреблял все усилия, но не получал плода; подвиг совершался, а награда за подвиг доставалась другому, в продолжении столь многих лет; и, что еще тяжелее, он видел, как другие исцелялись. Вы, конечно, знаете, что мы сильнее чувствуем собственные бедствия, когда видим, что другие, впадши в такие же бедствия, освободились от них. Бедный тогда особенно чувствует свою бедность, когда видит другого богатым; и больной больше страдает, когда видит, что многие из больных избавились от своего недуга, а он не имеет никакой доброй надежды. Среди благополучия других мы яснее видим собственные несчастья; то же самое было и с расслабленным. Однако он столько времени боролся и с болезнью, и с бедностью, и с одиночеством, видя, что другие исцелялись, а сам он, хотя всегда старался, но никогда не мог достигнуть, и, не надеясь впоследствии освободиться от своего мучения, при всем том не отступал, но притекал каждый год. А мы, если однажды попросим о чем-нибудь Бога и не получим просимого, тотчас начинаем печалиться и впадаем в крайнюю беспечность, так что перестаем молиться и теряем усердие. Можно ли по достоинству как восхвалить расслабленного, так и осудить наше нерадение? Какого оправдания и прощения можем удостоиться мы, если он терпел тридцать восемь лет, а мы так скоро отчаиваемся?

3. Что же Христос? Показав, что расслабленный достоин исцеления, и что Он по справедливости предпочтительно перед другими подошел к нему, Христос говорит ему: "встань, возьми постель твою и ходи" (Иоан. 5:8). Видишь ли, что тридцать восемь лет нисколько не повредили расслабленному, так как он терпеливо переносил случившееся с ним? В это долгое время душа его, как бы в горниле очищаемая несчастьем, сделалась более любомудрой и он принял исцеление с большей славой: его исцелил не ангел, но сам Владыка ангелов. Для чего же Он повелел ему взять одр свой? Первой и главной причиной было то, что Христос хотел освободить иудеев от соблюдения закона (о субботе); потому что, когда явилось Солнце, то не следовало уже держаться светильника; когда открылась истина, то не должно было заботиться об образе ее. Поэтому, если Христос иногда нарушал субботу, то совершал в этот день величайшее знамение, чтобы, поражая зрителей величиим чуда, мало-помалу ослабить и уничтожить соблюдение бездействия. Во-вторых, Христос дал это повеление для того, чтобы заградить бесстыдные уста иудеев; так как они злонамеренно извращали смысл чудес Христовых и старались вредить славе совершаемых Им дел, то Он повелел открыто нести одр, как бы какой трофей и несомненное доказательство здоровья, чтобы и о расслабленном они не сказали того же, что говорили о слепом. А что они говорили о слепом? Одни говорили, что

это он, другие, - что не он, третьи, - что это он сам (Иоан. 9:9). И так, чтобы и о расслабленном они не сказали того же, обличителем их бесстыдства становится несомый высоко одр. Можно привести и третью причину, не меньшую указанных. Чтобы ты знал, что исцеление совершено было не человеческим искусством, а Божественной силой, Христос повелел исцеленному нести одр, представляя величайшее и ясное доказательство истинного и совершенного здоровья, так что никто из тех хульников не мог сказать, что расслабленный притворно и в угождение Христу пошел слабой походкой. Посему Христос и повелевает ему нести тяжесть на своих плечах. Если бы члены его не были хорошо укреплены и составы не были исправлены, то он не мог бы снести такой тяжести на плечах своих. Кроме того, он этим показывал всем, что, когда повелевает Христос, то совершается вдруг - и прекращение болезни, и возвращение здоровья. Врачи, хотя и излечивают болезни, но не могут вдруг вернуть больному здоровье; а требуют еще продолжительного времени для восстановления сил больного, так что остатки болезни мало-помалу изглаживаются и истребляются из тела. А Христос не так, но в одно мгновение Он и избавил от болезни, и возвратил здоровье; между тем и другим не было никакого промежутка времени, но как скоро священные слова слетали со святого языка Его, тотчас и болезнь оставила тело, слово стало делом, и весь недуг вполне исцелился. Как какая-нибудь беспокойная служанка, увидев своего господина, тотчас успокаивается и опять принимает надлежащую благопристойность; так и телесная природа, возмутившаяся тогда, подобно служанке, и произведшая расслабление, увидев пришедшего Владыку своего, возвратилась к прежнему благообразию и к надлежащему порядку. Все это сделано было одним изречением, потому что это были не простые слова, а глаголы Божьи, о которых сказано: "могуществен исполнитель слова Его" (Иоил. 2:11). Если Он сотворил человека не существовавшего, то тем более мог исправить расстроенного и расслабленного. Здесь я с удовольствием спросил бы исследующих существо Божье, как совокупились члены расслабленного, как связались кости, как укрепилась расстроенная деятельность чрева, как снова напряглись ослабевшие нервы, восстановились и укрепились упавшие силы? Но они не могли бы ответить на это. Поэтому и ты только удивляйся событию, а не исследуй способа его совершения. Когда, таким образом, расслабленный исполнил повеление и взял одр, тогда иудеи, увидев его, сказали: "сегодня суббота; не должно тебе брать постели" в субботу (Иоан. 5:10). Следовало поклониться совершившему (чудо), следовало подивиться совершившемуся, а они говорят о субботе, поистине отгоняя комара и поглощая верблюда. Что же расслабленный? "Кто меня исцелил", говорит он, "Тот мне сказал: возьми постель твою и ходи" (Иоан. 5:11). Видишь ли признательность этого человека? Он открыто признает врача и говорит, что давший ему это повеление достоин веры. Какое рассуждение высказал им слепой, такое и этот. А как рассуждал слепой? Иудеи говорили ему: "не от Бога Этот Человек, потому что не хранит субботы". Что же он на это? "Знаем", говорит, "что, грешников Бог не слушает: а Он отверз мне очи" (Иоан. 9:16,30-31). Смысл слов его следующий: если бы Он преступил закон, то согрешил бы; а если бы согрешил, то не имел бы такой силы, потому что где грех, там не оказывается сила, а Он явил силу; следовательно, Он, преступив закон, не согрешил. Так рассуждает и расслабленный; ибо слова его: "кто меня исцелил", значат: если Он явил силу, то несправедливо было бы подвергать Его обвинению в беззаконии. Что же иудеи? "Кто Тот Человек, Который сказал тебе: возьми постель твою и ходи" (Иоан. 5:12)? Посмотри, как они безумны и бесчувственны; посмотри, как душа их исполнена надменности! Глаза ненавистников ни на что не смотрят здраво, а только на то, в чем бы найти повод (к осуждению). Так и иудеи, когда исцеленный объявил им о том и другом, т. е. что Господь и исцелил его, и повелел взять одр, о первом не упомянули, а о последнем сказали, чудо скрыли, а нарушение субботы выставили на вид. Они не сказали: где тот, кто сделал тебя здоровым? Но умолчав об этом, сказали: "кто Тот Человек, Который сказал тебе: возьми

постель твою и ходи? Исцеленный же не знал, кто Он, ибо Иисус скрылся в народе, бывшем на том месте" (Иоан. 5:12-13). Вот величайшее оправдание этого человека; вот доказательство попечения Христова! Когда ты услышишь, что расслабленный не так принял пришедшего Господа, как сотник, и не сказал: "скажи только слово, и выздоровеет отрок мой" (Матф. 8:8), то не обвиняй его в неверии, потому что он не знал Иисуса; ему неизвестно было, кто Он; и как он мог знать того, кого прежде не видывал? Поэтому он и сказал: "не имею человека, который опустил бы меня в купальню"; если бы он знал Господа, то не упомянул бы о купели и о схождение в нее, но просил бы исцелить его так, как и был исцелен; но он принял Христа за одного из многих, за простого человека, и потому упомянул об обычном врачевании. Доказательство же попечения Христова состоит в том, что Он удалился от исцеленного и не открыл Себя ему. Иудеи не могли уже подозревать, будто это был свидетель подложный и будто он говорил так в присутствии и по внушению Христа; неведение его и отсутствие Христа устраняли такое подозрение, как об этом говорит и евангелист: "не знал, кто Он" (Иоан. 5:13).

4. Для того Он и отсылает исцеленного одиноким и предоставляет его самому себе, чтобы иудеи, если бы захотели, расспросили его наедине, исследовали событие и, достаточно разузнав дело, прекратили свое безумие. Сам Он ничего не говорит, а представляет им доказательство посредством дел, которые всегда вызывают яснее и звучнее всякой трубы. Таким образом никаких подозрений не возбуждало свидетельство: "кто меня исцелил, Тот мне сказал: возьми постель твою и ходи". Расслабленный делается благовестником, учителем неверных, врачом и проповедником к их стыду и осуждению - проповедником не посредством голоса, но посредством дел, не посредством слов, но посредством самых событий; он представлял ясное и неопровержимое доказательство и показывал на собственном теле то, что говорил. "Потом Иисус встретил его в храме и сказал ему: вот, ты выздоровел; не грехи больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже" (Иоан. 5:14). Видишь ли мудрость Врача? Видишь ли Его попечение? Он не только избавил от настоящей болезни, но предостерегает и от будущей; и весьма благовременно. Когда тот был на одре, Христос не говорил ему ничего такого, не напоминал ему о грехах, так как душа недужных бывает раздражительна и болезненна; а когда Он изгнал болезнь, когда возвратил здоровье, когда на деле доказал Свое могущество и попечение, тогда предлагает благовременный совет и увещание, оказавшись уже самыми делами достойным веры. Для чего же исцеленный пошел и объявил о Нем иудеям? Он хотел, чтобы и они приняли истинное учение. А они за это возненавидели и гнали Иисуса, говорит евангелист. Теперь слушайте меня внимательно, так как здесь вся сущность дела. "И стали Иудеи гнать Иисуса и искали убить Его за то, что Он делал такие [дела] в субботу" (Иоан. 5:16). Посмотрим же, как Он оправдывается; потому что способ Его оправдания показывает нам, принадлежит ли Он к числу подвластных или свободных, служащих или повелевающих. Действие Его казалось величайшим беззаконием; и собиравший некогда дрова в субботу был побит камнями за то, что в субботу носил тяжести (Числ. 15:32-36). В этом великом грехе и обвиняли Христа, именно в том, что Он нарушал субботу. Посмотрим же, просит ли Он прощения, как раб и человек подвластный, или является, как имеющий власть и самостоятельность, как Владыка, стоящий выше закона и сам давший заповеди. Как же Он оправдывается? "Отец мой", говорит, "доныне делает, и Я делаю" (Иоан. 5:17). Видишь ли Его власть? Если бы Он был ниже и меньше Отца, то сказанное Им служило бы не к оправданию, но к большему обвинению и тягчайшему осуждению. Если кто-нибудь делает то, что позволительно делать только тому, кто выше его, и потом, быв взят и подвергнут суду, говорит: так как это делал высший, то и я сделал, - тот не только не освобождает себя от вины таким способом оправдания, но подвергает себя еще большему обличению и осуждению, потому что братья за то, что выше собственного достоинства, свойственно высокомерию и гордости. Поэтому, если бы и Христос был ниже

Отца, то сказанное Им служило бы не к оправданию, а к большему обвинению; но так как Он равен Отцу, то в Его словах нет вины. Если хотите, я объясню сказанное мной примером. Носить багряницу и иметь на голове диадему позволительно только царю, и никому другому. Итак, если бы кто-нибудь из толпы явился в таком облачении и потом, быв приведен в судилище, сказал: так как в это одеяние облачается царь, то и я облакаюсь; то он не только не избавился бы от обвинения, но таким способом оправдания подверг бы себя большему наказанию и мучению. Также только царскому великодушию свойственно освобождать от наказания и мучения негоднейших людей, например, убийц, разбойников, грабителей могил и других подобных преступников. Поэтому, если бы какой-нибудь судья отпустил осужденного без царского разрешения и, быв обвиняем за это, стал говорить: так как царь отпускает то и я отпускаю, - то этим способом оправдания он не только не избавился бы от наказания, но возбудил бы против себя еще больший гнев. И весьма справедливо. Не справедливо - низшим как бы в опьянении присваивать себе власть высших и ее приводить в свое оправдание; потому что это великое оскорбление тем, которые верили им начальство. Поэтому низшее никогда не будет оправдываться таким образом: а царь и облеченный одинаковым с ним достоинством смело скажет это; потому что, где одинаковая степень начальства, там по справедливости может быть и одинаковая власть. Если же кто-нибудь оказывается оправдывающимся таким образом, тот непременно должен иметь власть одинаковую с тем, чью власть он приписывает себе. Итак, если и Христос таким образом оправдывался перед иудеями, то этим Он несомненно показал нам, что Он имеет одинаковое достоинство с Отцом. Применим, если угодно, приведенные примеры к словам Христа и к делу, которое Он совершил. Пусть властное нарушение субботы будет тоже, что багряница и диадема и отпущение виновных. Последнее позволительно только царю, и никому из подданных; если же кто окажется делающим то же самое, и делающим справедливо, то несомненно, что и он - царь. Так точно и здесь: если Христос оказывается делающим это со властью и потом, подвергаясь обвинению, ссылается на Отца, и говорит: "Отец Мой доныне делает", то несомненно, что и Он равен Тому, Кто делает это со властью; потому что если бы не был равен Ему, то не употребил бы такого способа оправдания. А чтобы вы еще яснее уразумели сказанное, вспомните, что и ученики Его нарушили некогда субботу, срывая колосья и съедая их в субботу (Матф. 12:1); теперь нарушил ее и сам Он; иудеи обвиняли их, обвиняли и Его. Посмотрим же, как Он оправдывает их и как самого Себя, дабы из различия между тем и другим тебе уразуметь превосходство Его оправдания. Как же оправдывал Он учеников? "Разве вы не читали, что сделал Давид, когда взалкал" (Матф. 12:3)? Оправдывая рабов, Он ссылается на подобного им раба Давида, а, оправдывая Себя, возводит речь к Отцу: "Отец Мой делает, и Я делаю". Но, может быть, кто-нибудь скажет: о какой деятельности говорит Он, если после шести дней "почил в день седьмой от всех дел Своих" (Быт. 2:2)? О ежедневном промыслении, потому что Бог не только создал тварь, но и сохраняет Свое создание. Укажешь ли ты на ангелов, или архангелов, или на высшие силы, и вообще на все видимое и невидимое, - все находится под Его промыслением, и если бы стало вне Его деятельности, то распалось бы, разрушилось бы и погибло бы. Итак, Христос, желая показать, что Он промыслитель, а не предмет промысления, деятель, а не предмет деятельности, сказал: "Отец Мой делает, и Я делаю", желая показать Свое равенство с Отцом.

5. Помните же и со всей ревностью соблюдайте это, и любомудрие в жизни соединяйте с правотой догматов; так я прежде увещевал вас, и теперь увещеваю, и не перестану увещевать; а жизнь и любомудрие ни от чего так не зависят, как от пребывания здесь. Как сухая земля, никем не поливаемая, изобилует тернием и волчцами, а возделываемая руками земледельцев цветет, красуется и приносит много плодов; так и душа, орошаемая

божественными вещаниями, цветет, красуется и приносит обильные плоды духа; а оставленная в засухе и пренебрежении и редко получающая такое орошение, пустеет, зарастает травой и производит множество терния греховного. А где терние, там драконы, змеи, скорпионы и вся сила дьявола. Если ты не веришь этим словам, то мы сравним отсутствующих и нас самих, и вы увидите тогда великое различие; или лучше, посмотрим на самих себя, каковы бываем мы, когда наслаждаемся божественным учением, и каковы, когда долго бываем лишены этого полезного учения. Не будем же терять своей пользы. Пребывание здесь есть источник всех благ; выходя отсюда и муж для жены кажется почтеннее, и жена для мужа милее, так как жену делает любезной не благообразие тела, но добродетель души, не притирания и подкрашивания, не золото и драгоценные одежды, но целомудрие, кротость и постоянный страх Божий. Эта духовная красота нигде так успешно не развивается, как в этом дивном и божественном месте, где апостолы и пророки смывают, исправляют, стирают старость греха, наводят цвет юности, уничтожают всякое пятно, всякий "порок", всякую "скверну" нашей души (Ефес. 5:27). Постараемся же, и мужи и жены, вселить в себя эту красоту. Телесную красоту и болезнь сушит, и продолжительность времени портит, и старость погашает, а наступившая смерть совершенно уничтожает; напротив, душевную красоту не может разрушить ни время, ни болезнь, ни старость, ни смерть, и ничто подобное, но она постоянно остается цветущей. Красота телесная часто возбуждает невоздержание в тех, кто взирает на нее, а красота душевная располагает самого Бога любить ее, как говорит и пророк, обращая речь к церкви: "слыши, дочь, и смотри, и приклони ухо твое, и забудь народ твой и дом отца твоего. И возжелает Царь красоты твоей" (Пс. 44:11-12). Итак, возлюбленные, чтобы нам сделаться любезными Богу, будем развивать эту красоту, ежедневно смывая всякую нечистоту чтением Писаний, молитвами, милостынями, единомыслием друг с другом, чтобы Царь, возлюбив наше душевное благообразие, удостоил нас царства небесного, которого да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, вместе со Святым Духом, слава ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

РАССУЖДЕНИЕ ПРОТИВ ИУДЕЕВ И ЯЗЫЧНИКОВ О ТОМ, ЧТО ИИСУС ХРИСТОС ЕСТЬ ИСТИННЫЙ БОГ

Полное заглавие этого творения следующее: "против иудеев и язычников доказательство того, что Христос есть Бог, заимствованное из многократных предсказаний о Нем пророков". Оно по всей вероятности не было произнесимо с церковной кафедры, а назначалось для чтения, и написано тогда, когда св. Иоанн еще не был в Константинополе (отд. 9) и когда приготавливал Слова исключительно против иудеев (отд. 17). Таким образом местом написания этого рассуждения можно полагать г. Антиохию, а временем написания или обнародования - 386 или 387 год по Р. Х.

Нелюбовь большинства людей к длинным рассуждениям. - Простое общедоступное рассуждение. - Обращение к язычникам с доказательствами, что Иисус Христос есть Бог: основание Церкви, быстрое распространение Евангелия, обращение римлян и варваров, совершенное в непродолжительное время лицами совне презренными, без всякой посторонней помощи. - Такое дело не могло быть делом рук человеческих. - Обращение к иудеям. - Против них гласит Ветхий Завет. - Все главные тайны и события христианства предсказаны были пророками. - О том, что Христос будет Богом и человеком, предсказывал пророк Варух. - Что Он родится от девы - Исаия. - Что родится в Вифлееме -

Михей. - Что будет исцелять всякие болезни - Исаия. - Неблагодарность иудеев также предсказана Давидом и Исаией. - Проповедь апостолов - Давидом и Иоанном. - Об отвержении иудеев предсказывали Малахия, Исаия, Моисей. - Страшный суд предвозвещен Малахией, Давидом, Варухом, Исаией. - Чествование, воздаваемое кресту. - Частое употребление крестного знамения. - Части истинного Креста, находимые по всему миру. - Исполнение пророчеств Иисуса Христа. - Чудо распространения Евангелия. - Поражение императоров в войне, воздвигнутой ими против Церкви. - Тщетность усилий, которые иудеи с помощью Юлиана отступника употребляли для восстановления храма вопреки пророчеству Иисуса Христа.

Так как много есть людей, из которых одни по сродной им беспечности, другие по чрезмерной заботливости о делах житейских, а иные по великому невежеству, не охотно принимают продолжительные речи, то я признал нужным устранить затруднение, происходящее от многоречия, чтобы краткостью речи пресечь леность беспечных и самых несклонных к чтению расположить - с большой охотой выслушать предлагаемое мною рассуждение. Посему, не украшая речи отборными словами и выражениями, но употребляя такие слова, которые были бы удобовразумительны и понятны и слуге и служанке, и вдовой женщине и торговцу, и корабельщику и земледельцу, я всячески постараюсь, сколько возможно, соблюсти краткость и в немногих словах преподать наставление, и таким образом в нерадивых слушателях возбудить желание легко и без всякого труда вникнуть в предлагаемое рассуждение и, удержав его в памяти, получить пользу. Начну состязание с язычников. Если язычник спросит: откуда видно, что Христос есть Бог? (это нужно предложить прежде всего, так как все прочее следует за этим), то я для доказательства не укажу на небо или на что-либо другое подобное. Если я скажу ему, что он сотворил небо, землю и море, он не примет этого; если скажу, что Он воскрешал мертвых, исцелял слепых и изгонял демонов, и этого он не примет; если скажу, что Он обетовал царство и неизреченные блага, если буду говорить о воскресении, он не только не примет, но еще будет смеяться. Чем же мы будем убеждать его, особенно если он - простолюдин? Чем иным, как не тем, что одинаково и беспрекословно признается и мною и им, и в чем он не может сомневаться? Если я наперед скажу, что Христос сотворил небо и прочее, о чем я говорил, то он не скоро согласится поверить. Что же это такое, что и язычник признает делом Христа и чему он никогда не станет противоречить? То, что Христос насадил христианство; и язычник, конечно, не будет противоречить тому, что Христос основал церкви по всей вселенной. Отсюда мы и заимствуем доказательство силы Его и покажем, что Он есть Бог, и скажем, что для простого человека невозможно в краткое время обойти столь обширную вселенную, и землю и море, и привлечь к христианству столько людей, и притом предзанятых дурными обычаями, или, лучше сказать, преданных таким порокам. Однако, Христос успел освободить род человеческий от всего этого, не только римлян, но и персов и вообще племена варварские. Он совершил это, не употребляя оружия, не истрачивая денег, не предводительствуя войском, не возбуждая войн, но в начале через одиннадцать человек, незнатных, уничиженных, неученых, простых, бедных, полуобнаженных, безоружных, не имевших ни обуви ни двух одежд. Что я говорю: совершил? Он успел расположить столь многие поколения людей любомудрствовать не только о настоящем, но и о будущем, отвергнуть отеческие законы, истребить древние обычаи, укоренившиеся в столь долгое время, и принять другие, оставить легкие дела и предаться Его нелегким требованиям, и притом Он совершил это несмотря на то, что все противодействовали Ему и смеялись над Ним, как потерпевшим на кресте позорную смерть. И язычники, конечно, не станут противоречить тому, что Христос был распят иудеями и претерпел от них бесчисленные мучения, и что проповедь

(евангельская) со дня на день возрастает. Особенно удивительно, что она процветает не только здесь, но и у персов, хотя и ныне подвергается у них гонениям. Уже и между язычниками есть много мучеников, и те, которые были свирепее самых волков, по принятии проповеди стали смиреннее овец и уже любомудрствуют о бессмертии, о воскресении и неизреченных благах.

2. Притом такие благодетельные действия появились не только в городах, но и в пустыне, и в деревнях, и в селах, и на островах, и в корабельных пристанях; и не только простолюдины и их начальники, но и сами облеченные диадимами с полною верою покорились Распятому. А что все это произошло не случайно, но еще задолго до исполнения было предсказано, я постараюсь доказать в настоящем рассуждении; или лучше, чтобы слова мои не подверглись подозрению, нужно раскрыть книги распявших Его иудеев и заключающиеся в этих Писаниях, еще и ныне хранимых ими, свидетельства о Нем изложить пред глазами неверующих. Так, Иеремия первый возвещает, что Бог соделается человеком, не переставая быть Богом: "сей есть Бог наш, и никто другой не сравнится с Ним. Он нашел все пути премудрости и даровал ее рабу Своему Иакову и возлюбленному Своему Израилю. После того Он явился на земле и обращался между людьми." (Варух. 3:36-38). Видишь ли, как ясно он изобразил в немногих словах все, и то, что Бог, не переставая быть Богом, соделался человеком, и обращался с людьми, и что Он же сам основал и Ветхий Завет? "Нашел", говорит пророк, "все пути премудрости и даровал ее рабу Своему Иакову и возлюбленному Своему Израилю". Этими словами он показывает, что Господь и до явления Своего во плоти, Сам управлял всем, Сам совершал все: давал законы, промышлял, сохранял, благодетельствовал. А другой пророк, послушай, как говорит, что Господь не только соделается человеком, но и родится от Девы: "се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил, что значит: с нами Бог" (Ис. 7:14; Мф. 1:23). Потом, дабы показать, что Господь не по видимому только, а поистине будет человеком, он присовокупляет: "Он будет питаться молоком и медом, доколе не будет разуметь отвергать худое и избирать доброе; ибо прежде нежели этот младенец будет разуметь отвергать худое и избирать доброе" (Ис. 7:15-16). И что Господь не только соделается человеком и родится от Девы, но и произойдет из дома Давидова, о том, послушай, как задолго предсказывает Исаия, хотя не собственными, а переносными словами, однако предсказывает так: "и произойдет отрасль от корня Иессеева, и ветвь произрастет от корня его; и почиет на нем Дух Господень, дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия; и страхом Господним исполнится" (Ис. 11:1-3). Иессей был отец Давида. Отсюда видно, что Господь произошел из этого колена, и не только из этого колена, но из дома Иессеева как и предсказал пророк в словах: "произойдет отрасль от корня Иессеева", разумея не просто жезл, но Христа и Его царство. А что он сказал это не о жезле, он сам объяснил в последующих словах; ибо сказав: "произойдет отрасль", он присовокупил: "и почиет на нем Дух Господень, дух премудрости и разума". Никто, даже весьма неразумный, не скажет, что благодать Духа низошла на дерево, но очевидно, что она вселилась в тот пречистый Храм. Почему пророк не сказал: придет, но говорит: "почиет"? Потому, что Дух, сошедши (на Христа), остался в Нем и не отступил от Него, о чем ясно сказал евангелист Иоанн: "я видел Духа, сходящего с неба, как голубя, и пребывающего на Нем" (Ин. 1:32). Евангелисты не умолчали и о том, какое настроение обнаружили иудеи при самом Его рождении. Матфей говорит: "услышав это, Ирод царь встревожился, и весь Иерусалим с ним" (Мф. 2:3). А Исаия, послушай, как задолго предсказывал и об этом: "будут отданы на сожжение, в пищу огню. Ибо младенец родился нам - Сын дан нам; владычество на раменах Его, и нарекут имя Ему: Чудный, Советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира" (Ис. 9:5-6). Что этого нельзя сказать о простом человеке, очевидно и для людей, весьма склонных к словопрениям; ибо искони никто из людей не назывался

Богом крепким и князем такого мира, о каком говорит пророк: "умножению владычества Его и мира нет предела" (Ис.9:7). Опыт действительно показал, что мир Христов распространился по всей земле, по всему морю, по всей вселенной, обитаемой и необитаемой, по горам, и пещерам, и холмам, с того дня, в который Он, пред вознесением Своим, сказал ученикам: "мир Мой даю вам; не так, как мир дает, Я даю вам" (Ин. 14:27). Почему же так сказал Христос? Потому что мир человеческий легко бывает нарушаем и подвержен многим изменениям; а Его мир тверд, непоколебим, крепок, постоянен, бессмертен, бесконечен, хотя против него повсюду воздвигаются бесчисленные гонения и ежедневно строится множество козней. Всесильное слово Его устроило и это вместе со всем прочим.

3. И не только то, что Господь станет человеком, но и самый образ пришествия Его предсказали пророки. Он пришел, не посылая грома и молнии свыше, не колебля землю, не потрясая неба, и не производя какие-либо страшные явления, но родившись без шума и в неизвестности, в доме плотника, бедном и незнатном; о чем, послушай, как не умолчал Давид: "сойдет", говорит он, "как дождь на скошенный луг" (Пс. 71:6), выражая этими словами тишину, спокойствие. И не только об этом, но и о том, как милостиво и кротко Он будет обращаться со всеми, посмотри, как ясно говорит другой пророк. Подвергаясь оскорблению, оплеванию, злословию, бесчестию, бичеванию и наконец крестной смерти, Христос не мстил делавшим это, но великодушно и кротко переносил все: поношения, козни, бешенство и безумную ярость народа и другие нападения; все это пророк выразил словами: "трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит; будет производить суд по истине, не ослабеет и не изнеможет, доколе на земле не утвердит суда, и на закон Его будут уповать острова" (Ис. 42:3-4). А другой пророк означил и место, где Господь имел родиться: "И ты", говорит он, "Вифлеем-Ефрафа, мал ли ты между тысячами Иудиными? из тебя произойдет Вождь, Который упасет народ Мой, Израиля, и Которого происхождение из начала, от дней вечных"(Мих. 5:2; Мф. 2:6). Он указывает и на Божество и на человечество (Христа); ибо словами: "происхождение из начала, от дней вечных", изображает предвечное существование Господа; а словами: "произойдет Вождь, Который упасет народ Мой, Израиля", - рождение Его по плоти. Заметь здесь еще другое ясное предсказание. Пророк сказал не только то, что Господь родится, но что и место Его рождения, прежде незнатное и маловажное, делается славным: "мал ли ты между тысячами Иудиными". Действительно, вся вселенная теперь стекается в Вифлеем, чтобы видеть место, где родившийся Господь был положен, и стекается не для чего другого, а только для этого. Другой пророк предсказал и время, в которое Господь имел явиться: "Не отойдет", сказал он, "скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не придет Примиритель, и Ему покорность народов. Он привязывает к виноградной лозе осленка своего и к лозе лучшего винограда сына ослицы своей; моет в вине одежду свою и в крови гроздов одеяние свое; блестящи очи [его] от вина, и белы зубы от молока" (Быт.49:10-12). Заметь соответствие этого предсказания с самым событием. Господь действительно пришел тогда, когда иудейские правители уже потеряли самовластие и были подчинены скипетру римскому; так исполнились слова пророчества: "не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не придет Примиритель", - сказанные о Христе. В одно время с рождением Его сделана и первая перепись народа, когда римляне стали господствовать над иудеями и подчинили их игу своей власти. Еще и другое нечто означает словами: "и Ему покорность народов" - то, что Господь, пришедши, привлек к Себе все народы. Ирод, преследуя родившегося Иисуса, повелел умерщвлять бывших в том месте младенцев. И об этом не умолчали пророки, но задолго предсказали так: "голос слышен в Раме, вопль и горькое рыдание; Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться о детях своих, ибо их нет" (Иер. 31:15; Мф. 2:18). Также и о возвращении Его из Египта ими было предсказано в словах: "из

Египта воззвал Я Сына Моего" (Ос. 11:1). Предсказано было и то, что Христос вскоре по явлении Своем в открытых местах будет совершать знамения и учить. Послушай, что говорит Исаия: "земля Завулонова и земля Неффалимова, на пути приморском, за Иорданом, Галилея языческая, народ, сидящий во тьме, увидел свет великий, и сидящим в стране и тени смертной воссиял свет" (Ис. 9:1-2; Мф. 4:15-16); этим он указывает на явление и учение Господа в тех местах, и на исповедание, произведенное в людях чудесами Его. Далее изображает пророк и другие чудеса и говорит, как Он будет исцелять хромых, врачевать слепых, делать говорящими немых: "тогда откроются глаза слепых, и уши глухих отверзнутся. Тогда хромым вскочит, как олень, и язык немого будет петь" (Ис. 35:5-6). Таких чудес никогда не было до пришествия Христова. О некоторых знамениях в частности пророки также предсказали. Например, когда Иисус входил в храм, дети, еще молоком питавшиеся и неумевшие членораздельно говорить, воспели Ему священные песни, восклицая: "осанна в вышних, благословен грядущий во Имя Господне" (Матф. XXI, 9). Это пророк задолго предсказал в словах: "из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу, ради врагов Твоих, дабы сделать безмолвным врага и мстителя" (Пс. 8:3). Видишь ли, как дети невинные и не имеющие членораздельного голоса, вопреки своей природе, прославляют Создателя и возглашают апостольское благовестие?

4. Часто, беседуя с иудеями, по причине жестокосердия их Господь о многом говорил прикровенно, в загадочных выражениях и притчах, о чем также задолго было предсказано: "открою уста мои в притчах, произнесу гадания из древности" (Пс. 77:2). И премудрость бесед Его задолго предвозвестил пророк в словах: "благодать излилась из уст Твоих" (Пс. 44:3). О том же предсказал и другой пророк так: "се уразумеет Отрок Мой, и вознесется и прославится зело" (Ис. 52:13 – слав.). Тот же пророк, кратко повествуя о благодеяниях пришествия Его, соединенных с знамениями, говорил так: "Дух Господа Бога на Мне, ибо Господь помазал Меня благовествовать нищим, послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедывать пленным освобождение и узникам открытие темницы" (Ис. 61:1). И то было предсказано, что после столь многих благодеяний Его люди будут отвращаться от Него тщетно и напрасно, не имея повода ни в чем обвинять Его, ни в малом, ни в великом. Послушай, как Давид предвозвестил об этом: "с ненавидящими мир", говорит он, "Я мирен: но только заговорю, они - к войне" (Псал. 119:6-7). Что Господь, восседая на осленке, войдет в город, и это задолго предсказал Захария в таких словах: "ликуй от радости, дочь Сиона, торжествуй, дочь Иерусалима: се Царь твой грядет к тебе, праведный и спасающий, кроткий, сидящий на ослице и на молодом осле, сыне подъяремной" (Зах. 9:9).

Он изгнал из храма торговавших голубями и менявших деньги (Мф. 21:12; Ин. 2:15). Это сделал Он, ревнуя о доме Божиим и вместе желая показать, что Он не противится Богу, но согласен с Отцом; поэтому и наказывал за дом Его, в котором производилась торговля. И это не оставлено без указания, но предсказал об этом пророк Давид, предвозвестив и намерение, с каким Христос совершал это наказание: "ревность по доме Твоем", говорит он, "снедает Меня" (Пс. 68:10). Что может быть яснее этого? Христу предстояло быть преданным, и это предательство имел совершить тот, кто разделял с Ним трапезу. Посмотри, как и это предсказал тот же пророк в словах: "человек мирный со мною, на которого я полагался, который ел хлеб мой, поднял на меня пята" (Пс. 40:10). Заметь, как согласно с ним повествует евангелист: "опустивший со Мною руку в блюдо, этот предаст Меня" (Мф. 26:23). Предатель не просто предал Господа, но продал драгоценную кровь Его и получив за нее деньги. И об этом не умолчал пророк, но указал и на бесстыдные условия и совещания врагов Христовых. "Боже хвалы моей!" - говорит он, - "не премолчи, ибо отверзлись на меня уста нечестивые и уста коварные" (Пс. 108:1). Тот же предатель, познав потом вину свою, бросил сребренники, прекратил жизнь свою, повесившись на

дереве, оставив жену свою вдовою, детей - сиротами и дом опустевшим. Посмотри, как описывает пророк и это печальное событие: "дети его да будут сиротами, и жена его - вдовою" (Пс.108:9-10). Место предателя заступил Матфий; и это предсказал тот же пророк в словах: "достоинство его да возьмет другой" (Пс.108:8). После того, как Христос был предан и добровольно отдал Себя в руки врагов, составилось из иудеев и язычников судилище, исполненное великого беззакония. Посмотри, как и это предвозвещает пророк: "Зачем", говорит он, "мятутся народы, и племена замышляют тщетное?" (Пс. 2:1)? И не только это предвозвестили пророки, но Исаия ясно сказал и о молчании Господа, которое Он хранил, когда окружавшие Его много говорили и обвиняли Его: "как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих" (Ис. 53:7). Потом, показывая несправедливость приговора, Он присовокупляет: "во смирении Его суд Его" (Ис.53:8), то есть, никто не судил о Нем справедливо; а далее объясняет и причину смерти Христовой. Он, как непорочный и невинный, не за Свои грехи страдал, но предан был за грехи вселенной; на то и другое, посмотри, как указал пророк: "не сделал греха, и не было лжи в устах Его" (Ис.53:9). Этими словами он объяснил, почему и Христос был предан. Следует и другая причина: "за преступления народа Моего претерпел казнь" (Ис.53:8). Желая показать не только причину, но и плоды крестной смерти Его, посмотри, как предвозвещает о том пророк: "все мы", говорит, "блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу; наказание мира нашего [было] на Нем, и ранами Его мы исцелились" (Ис.53:5-6). Потом тот же пророк предрекает и наказание, которому имели подвергнуться иудеи за эти беззакония в следующих словах: "Ему назначали гроб со злодеями, но Он погребен у богатого"[1] (Ис.53:9). И Давид, сказав: "Расторгнем узы их, и свергнем с себя оковы их", присовокупил: "Живущий на небесах посмеется, Господь поругается им. Тогда скажет им во гневе Своем и яростью Своею приведет их в смятение" (Пс. 2:3-5), разумея рассеяние иудеев по всей вселенной, о чем и сам Христос в Евангелии предсказал в следующих словах: "врагов же моих тех, которые не хотели, чтобы я царствовал над ними, приведите сюда и избежите предо мною"(Лк. 19:27). Кроме того, сказав о смерти Господа, пророки не умолчали и о самом способе смерти, но и его изъяснил Давид так: "пронзили руки Мои и ноги Мои, можно было бы перечесть все кости Мои" (Пс. 21:17-18). Не умолчал он и о беззаконии, совершенном после крестной смерти Христовой, сказав: "делят ризы мои между собою и об одежде моей бросают жребий" (Пс.21:19). Далее, он сказал и о погребении Господа в словах: "Ты положил меня в ров преисподний, во мрак, в бездну" (Пс. 87:7). Посмотри, как он же предсказал и о том, что Христос воскреснет: "Ты не оставишь", говорит, "души Моей в аде и не дашь святому Твоему увидеть тление" (Пс. 15:10). И пророк Исаия о том же, только другими словами, предсказывает так: "Господь хочет очистить Его от язвы: явить Ему свет, оправдать праведного, благо служащего многим"[2] (Ис. 53:10-11). Тот же пророк предсказал, что смерть Господа искупит людей от грехов: "Он понес на Себе грех многих" (Ис.53:12); и то, что Христос будет изгонять из людей демонов: "и с сильными будет делить добычу"(Пс.53:12). Не умолчал он и о том, что Господь совершит это Своею смертью: "за то", говорит, "что предал душу Свою на смерть" (Ис.53:12); предсказал и то, что Христос получит власть над вселенною: "Он наследует многое"[3] (ст. 12). Не умолчали пророки и о том, что Господь, сошедши во ад, приведет его в смущение, исполнит смятения и страха, и сокрушит твердыню его. Об этом Давид говорит так: "поднимите, врата, верхи ваши, и поднимитесь, двери вечные, и войдет Царь славы!" (Пс. 23:7); а Исаия говорит другими словами: "Я пойду пред тобою и горы уравнию, медные двери сокрушу и запоры железные сломаю; и отдам тебе хранимые во тьме сокровища и сокрытые богатства, невидимое открою тебе"[4] (Ис.45:2), разумея здесь ад. Хотя это был ад, но он содержал души святые и сосуды драгоценные - Авраама, Исаака и Иакова. Поэтому пророк и назвал их сокровищами, а темными потому, что тогда еще не озарило ада Солнце правды и не благовестило о воскресении. А что Господь по воскресении Своем не сопричтется ни к

ангелам, ни к архангелам, ни к другой какой служебной силе, но возсядет на царском престоле, о том, послушай, как опять говорит Давид: "сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих" (Пс. 109:1).

5. Исаия предвозвестил потом, что Христос пошлет апостолов (на проповедь), в следующих словах: "как прекрасны на горах ноги благовестника, возвещающего мир, благовествующего радость" (Ис. 52:7). Заметь, как он прославляет телесные члены - ноги, которые повсюду пронесли благовестников. А Давид объясняет и способ их победы: "Господь", говорит он, "дал слово благовествующим с великой силою" (Пс. 67:12). Действительно они побеждали, не употребляя оружия, не издерживая денег, не силою телесною, не многочисленностью войск, и не иным каким-либо подобным средством, но простым словом, имевшим великую силу - силу знамений. Они проповедывали Распятого и совершали знамения, и таким образом победили вселенную. Поэтому и говорит пророк: "Господь дал слово благовествующим с великой силою", разумея здесь чудеса. И подлинно, неизреченная сила была в том, что рыбарь, мытарь и скинотворец одними повелениями воскрешали мертвых, изгоняли демонов, избавляли от смерти, обуздывали языки философов, заграждали уста риторов, преодолевали царей и властителей, побеждали варваров, еллинов, весь род человеческий. Хорошо сказал пророк. Все это они совершали словом, и силою мною соделывали мертвых живыми, грешников - праведными, слепых - зрячими, изгоняя болезни из тела и пороки из души. А откуда явилась у них такая сила? От Духа Святого, как и об этом сказано: "явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святаго" (Деян. 2:3-4). Мужчины и женщины стали пророчествовать, о чем также задолго предвозвестил Иоиль в словах: И будет после того, излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; старцам вашим будут сниться сны, и юноши ваши будут видеть видения. И также на рабов и на рабынь в те дни излию от Духа Моего, прежде нежели наступит день Господень, великий и просвещенный (страшный – синод.)" (Иоил. 2:28-31); под великим и просвещенным днем он разумеет здесь и день сошествия Духа и будущий день кончины мира. Тот же пророк предвозвещает и спасение верою (ибо и об этом не умолчано) так: "и будет: всякий, кто призовет имя Господне, спасется" (Иоил.2:32).

6. Что Господь во всю вселенную пошлет проповедников, и что никто не останется неслышавшим проповеди, это также предсказано. Послушай пророческие об этом слова Давида: "по всей земле проходит звук их, и до пределов вселенной слова их" (Пс. 18:5). Тот же пророк в другом месте предсказывает, что они будут проповедывать со властью, и будут могущественнее облеченных диадимами: "Ты поставишь их князьями по всей земле" (Пс. 44:17). Действительно самые дела показывают, что Петр и Павел превзошли царей и властителей. Законы царей отменяются даже при жизни их; а законы этих рыбарей и по смерти их пребывают твердыми и непоколебимыми, хотя и демоны, и долговременная привычка, и нечестие, и сладострастие и другие бесчисленные силы старались ниспровергнуть их. Далее, желая показать, что эти постановленные "князи" будут для всех вождельны и возлюбленны, пророк присовокупил: "посему народы будут славить Тебя во веки и веки" (Пс.44:18), то есть, будут благодарить Тебя, будут питать великую благодарность за то, что Ты даровал им таких князей. Предсказано было и то, что проповедь (евангельская) повсюду одержит победу. Посмотри, как Давид представляет тебе это в следующих словах: "проси у Меня, и дам народы в наследие Тебе и пределы земли во владение Тебе" (Пс. 2:8). То же самое другой пророк предвозвещает, выражаясь так: "земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют море" (Ис. 11:9). И замечь, как легко совершится эта покорность: "и уже не будут учить друг друга, брат брата, и говорить: "познайте Господа", ибо все сами будут знать Меня, от малого до большого"

(Иер. 31:34); и какова непоколебимость церкви: "и будет в последние дни, гора дома Господня будет поставлена во главу гор и возвысится над холмами, и потекут к ней все народы" (Ис. 2:2). А что церковь будет не только тверда, непреклонна и непоколебима, но и распространит по вселенной обильный мир, что после того, как многие царства и державы падут, возвысится над всеми единое царство, в котором, не как в прежних, будет господствовать обильный мир; - так как в древности даже художники всякого рода и риторы брались за оружие и становились в ряды войска, по пришествии же Христа все это прекратилось, и война сделалась занятием только известных людей; - и об этом один пророк ясно сказал так: "перекуют мечи свои на орала, и копыя свои - на серпы: не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать" (Ис. 2:4). Действительно прежде все люди занимались войною: а ныне забыли о воинском искусстве; или вернее, - большая часть людей вовсе не прикасалась к нему; а если есть некоторые (занимающиеся им), то немногие, редко и в малом числе, между тем как прежде во всяком народе были беспрестанные возмущения. Далее пророк предсказывает и то, из кого составит церковь. Так как не только скромные, кроткие и добрые люди, но и свирепые и бесчеловечные и нравами своими подобные волкам, львам и волам, имели присоединиться к тем, и все составить одну церковь, то послушай, как пророк сказал о разнообразии этого стада: "тогда волк будет жить вместе с ягненком" (Ис. 11:6), выражая этим простоту жизни царей. А что речь идет не о зверях, пусть скажет иудей, когда это бывало? Волк и ягненок никогда не паслись вместе; а если бы когда и стали вместе пастись, то какая от того была бы польза для рода человеческого? Нет, он говорит о свирепых нравами людях, о скифах, фракийцах, маврах, индийцах, савроматах, персах. Что все эти народы подчинятся под одно иго, о том и другой пророк ясно говорил: "поработают Ему под игом одним, и поклонятся Ему каждый от места своего[5]" (Соф. 3:9), не в одном Иерусалиме, но по всей вселенной; потому что не будет повеления людям ходить в Иерусалим, но каждый, оставаясь дома, будет совершать это богослужение.

7. Не умолчали пророки и о том, что иудеи будут отвержены; посмотри как об этом предсказал пророк: "и среди вас затворятся двери, и не зажжете огня на алтаре Моем даром"[6] (Мал. 1:10). Предсказано и то, кто будет служить Богу: "от востока солнца до запада", говорит пророк, "велико будет Имя Мое между народами, и на всяком месте будут приносить фимиам имени Моему, чистую жертву" (Мал.1:11). Видишь ли, как он изобразил достоинство этого богослужения, его превосходство и установление вместо прежнего, - и то, что это богочтение будет зависеть не от места, но от внутреннего расположения, и будет состоять не в курении и дыме, но в некотором другом богослужении. Как же, скажут, апостолы привлекли к себе все народы? Как владеющий только одним языком иудейским мог убедить скифа, индееца, савромата и фракийца? Получив от Духа Святого благодатный дар многих языков для убеждения язычников; а для убеждения Израиля - дарование языков. Но иудеи не вняли убеждению, о чем, послушай, как говорит пророк: "худыми устами и на чужом языке... будут говорить к этому народу, но они не хотели слушать", глаголет Господь (Ис. 28:11-12). - Что может быть, яснее этого? Иудеи не уверовали, а язычники обратились; и это было предсказано. Послушай пророка Исаию, который ясно говорит: "Я открылся не вопрошавшим обо Мне; Меня нашли не искавшие Меня. "Вот Я! вот Я!" говорил Я народу, не именовавшемуся именем Моим" (Ис. 65:1); а об израильтянах: "всякий день простираю Я руки Мои к народу непокорному" (Ис.61:2); и еще: "взошел пред Ним, как отпрыск и как росток из сухой земли" (Ис. 53:2); и еще: "кто поверил слышанному от нас, и кому открылась мышца Господня?" (Ис.53:1)? Пророк не сказал: "учению нашему", желая этим показать, что апостолы не от себя говорили, но возвещали то, что слышали от Бога. Что наше богослужение превосходнее иудейского, о том предвозвестил Моисей, сказав: "Я раздражу" вас "не народом,

народом бессмысленным огорчу" вас (Втор. 32:21); выражением: "не народом", он означил прежнее уничиженное состояние народа языческого, который и не считался народом по своей презренности, по невежеству, по безумию; но вера произвела в язычниках такую перемену, что они сделались гораздо досточтимее бывших в чести иудеев. Здесь же открыто, что это сильно тронет иудеев и они от того сделаются лучшими; ибо пророк не сказал просто: "предпочту", но указал и то, что исправление их произойдет от завистливого раздражения. "Я раздражу" вас "не народом", говорит он, как бы так говоря: Я дам им столько благ, что вы будете завидовать, что вы будете раздражаться. Это и сделало их лучшими. Те, которые видели расступившееся море, раздавленные камни, воздушные необыкновенные перемены и другие чудеса, или вернее - те, которые закалили своих детей и служили Веельфегору и предавались многим волхвованиям, после того, как явилась наша вера, которая гораздо предпочтительнее содержимой ими, так были раздражены завистию, что исправившись и смирившись, из зависти нам стали совершать то, чего не совершали, слушая пророков и созерцая чудеса. Теперь никто из них уже не закаляет детей своих, не обращается к идолам, не поклоняется тельцу. Красота девства в Ветхом Завете не была известна даже и по названию, а в Новом надлежало возсиять, о чем вот как предсказывает Давид: "ведутся к Тебе девы, подруги ее, приводятся с весельем и ликованьем, входят в чертог Царя" (Пс. 44:15-16). Не умолчали пророки и о священниках, т. е. о епископах: "поставлю правителем твоим мир и надзирателями твоими - правду", говорит Исаия (Ис. 60:17).

8. Христос опять придет и потребует отчета от рода человеческого, между прочим и от иудеев; об этом, посмотри, как предсказывает Давид и Малахия; последний говорит: "И кто выдержит день пришествия Его, и кто устоит, когда Он явится? Ибо Он - как огонь расплавляющий и как щелок очищающий, и сядет переплавлять и очищать серебро" (Мал. 3:1-3), согласно с словами Павла, который пишет так: "день покажет, потому что в огне открывается" (1 Кор. 3:13). И Давид словами: "является Бог, грядет Бог наш" (Пс. 49:2-3), указывает также на второе пришествие Его. Первое пришествие Христа было весьма смиренное; но не таково будет второе, страх и ужас будут сопутствовать ему, ангелы - предшествовать, и самое явление будет озарять все подобно молнии: "как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого" (Мф. 24:27), говорит Господь, выражая этим блеск, возвещающий сам о себе, так как он не нуждается в провозвестнике, но являет сам себя. Тоже и Давид выражает словами: "грядет Бог наш". Потом, изображая будущий суд, пророк присовокупляет: "пред Ним огонь поядующий, и вокруг Его сильная буря" (Пс.49:3). Сказав о наказаниях, он изображает и торжественность суда: "Он призывает свыше небо и землю, судить народ Свой" (Пс. 49:4), разумея под землю род человеческий. Далее, вместе со всем родом человеческим упомянув и об иудеях (к которым особенно обращается), пророк продолжает так: "соберите ко Мне святых Моих, вступивших в завет со Мною при жертве". И небеса провозгласят правду Его, ибо судия сей есть Бог"

(Пс.49:5-6). Об отмене пришедшим Христом жертвенного богослужения и о введении вместо его нашего богослужения, послушай, как предсказано: "Жертвы и приношения Ты не восхотел; уготовал же мне тело; всесожжения и жертвы за грех Ты не потребовал" (Пс. 39:7); на то же указывает пророк и в другом месте: "народ, которого я не знал, служит мне; по одному слуху о мне повинуются мне" (Пс. 17:44-45), т. е. не созерцая море расступившееся и камни раздавленные, но выслушав моих апостолов. Сказав: "уготовал же мне тело", пророк еще присовокупляет: "тогда я сказал: вот, иду; в свитке книжном написано о мне" (Пс. 39:8). Здесь указывается на два обстоятельства: на то, что Господь придет, и на то, что Он придет тогда, когда будут отменены жертвоприношения; это произошло тогда, как власть над иудеями перешла к римлянам. О пришествии Господа

мы находим предсказание у Варуха, который говорит: "Он явился на земле и обращался между людьми." (Варух. 3:38). Также Моисей говорит: "Я воздвигну им Пророка из среды братьев их, такого как ты, и вложу слова Мои в уста Его, и Он будет говорить им все, что Я повелю Ему, а кто не послушает слов Моих, которые [Пророк тот] будет говорить Моим именем, с того Я взыщу" (Втор. 18:12-19). На ком другом сбылось это, как не на одном Христе? Хотя многие восстали пророки, и хотя всех их иудеи не послушали, но за это ничего не потерпели; а за непослушание Христу, они теперь повсюду влачат жизнь, как блуждающие и бесприютные, как беглецы и изгнанники. Посмотри, как они, лишившись гражданства, отеческих законов и обычаев, всюду подвергаются бесчестию и посрамлению, наказанию и мучению. А сколько они пострадали при Веспасиане и Тите, этого и сказать невозможно: так бедственная участь их превысила всякое несчастье; так исполнились пророческие слова: "кто не послушает слов Моих, которые [Пророк тот] будет говорить, с того Я взыщу" . За то у них превратилось все в пустыню, что они не послушались того Пророка. Что Господь воскресит всех, это предсказал Исаия в следующих словах: "Оживут мертвецы Твои, восстанут мертвые тела! Воспряните и торжествуйте, поверженные в прахе: ибо роса Твоя - роса растений, и земля извергнет мертвецов" (Ис. 26:19). И не только это он предсказал, но и то, что после крестной смерти Господа деяния Его будут блистательнее, и что по воскресении Его проповедь (евангельская) наиболее распространится. Он был предан своим учеником, связан, оскорблен, поруган, мучен и распят, и не получил бы погребения, если бы это зависело от иудеев; а одежды Его были разделены воинами, и окончил жизнь с подозрением в домогательстве власти, с именем богохульника и возмутителя; - ибо о нем говорили: "всякий, делающий себя царем, противник кесарю" (Ин. 19:12), и еще: "вот, теперь вы слышали богохульство Его!"

(Мф. 26:65); так как все это имело совершиться, то пророк, желая возбудить и ободрить слушателя, говорит: не бойся этого; Тот, Который был распят, подвергаем бичеванию, поносим разбойниками, умерщвлен по подозрению в богохульстве, по смерти и воскресении совершит такие дела, о которых никто не скажет, что они не исполнены великой чести. Это и сбылось, как о том задолго предсказывал пророк: "И будет в тот день: к корню Иессееву, который станет, как знамя для народов, обратятся язычники, - и покой его будет слава" (Ис. 11:10). Он как бы так сказал: "такая смерть досточтимее диадимы; цари, слагая диадимы берут крест - знак Его смерти; на порфирах крест, на диадиме, крест, при молитвах крест, на оружии крест, на священной трапезе крест, и во всей вселенной крест сияет светлее солнца" - "и покой его будет слава".

9. Не таковы дела человеческие; но обыкновенно с ними бывает напротив! Дела знаменитых людей, пока они живут, процветают; но по смерти их погибают. Это можно видеть в судьбе не только богача и начальника, но даже и царей. И законы их отменяются, и изображения затемняются, и память их истребляется, и имя их забывается, и приближенные к ним подвергаются презрению; между тем, как прежде они потрясали оружием, мановением своим передвигали народы и города, и изменяли положение дел, имели власть предавать смерти и возвращать к жизни отводимых на казнь. Все это исчезает, хотя прежде было в славе. А у Христа - все напротив. Пред крестной смертью Его обстоятельства были печальны; Иуда предавал, Петр отрицался, прочие ученики обратились в бегство, Он один оставался среди врагов; многие веровавшие в Него возвращались вспять. Но после Его страданий и смерти, дабы ты знал, что Распятый был не простой человек, обстоятельства становятся блистательнейшими, славнейшими и превосходнейшими. До распятия Христова верховный из апостолов не перенес угрозы привратницы, но после такой тайной вечери отвечал, что он не знает (Иисуса), а после распятия он же прошел (с проповедью) вселенную; с того времени бесчисленные сонмы

мучеников были умерщвлены, решившись лучше умереть, нежели сказать то, что сказал верховный из апостолов, убоявшись угрозы одной привратницы. С того времени все страны, и города и пустыни, места обитаемые и необитаемые, оглашаются прославлением Распятого; цари, военачальники, градоначальники и судии, рабы и свободные, простолюдины, мудрые и немудрые, варвары и различные племена человеческие, населяющие всю подсолнечную землю, призывают Имя Его и поклоняются Ему, дабы ты знал, что значит: "и покой его будет слава". Самое место, где было погребено тело Распятого, малое и весьма тесное, сделалось блистательнее множества царских чертогов и досточтимее самих царей. "И покой его будет слава". Особенно удивительно то, что не только с Ним, но и с учениками Его произошло то же самое. При жизни их брали и водили, подвергая поношению, заключению в оковы и другим бесчисленным мучениям: а по смерти они стали досточтимее самих царей. Каким образом? Это можешь усмотреть из следующего. В царствующем городе Рима, оставив все, прибегают к гробницам рыбаля и скинотворца, и цари, и правители, и военачальники; и в Константинополе облеченные диадимами признали любимым местом для погребения тел их не близ самых апостолов, но в преддверии вне храмов их, и таким образом цари сделались привратниками рыбаля; и такое погребение вменяют себе не в бесчестие, но в прославление, не только сами цари, но и потомки их. "И будет", говорит Писание, "покой Его слава!" Все величие этой чести ты познаешь тогда, когда посмотришь на знак Его смерти, смерти проклятой, смерти поноснейшей из всех родов смерти; ибо на этот один род смерти наложено проклятие. В древности, например, иных преступников сожигали, других побивали камнями, иных другим каким-либо способом наказания лишали жизни; но распятый и повешенный на древе (креста) страдал не только от того, что наказывался с таким мучением, но и от того, что подвергался проклятию: "ибо проклят пред Богом [всякий] повешенный [на древе]", говорит Писание (Втор. 21:23). Но этот проклятый, поносный знак крайнего мучения ныне стал вожделенным и достолюбезным. Не столько царский венец украшает голову, сколько крест, драгоценнейший всего мира; изображение креста, некогда для всех страшное, теперь столь любезно всем, что найдешь его везде, у начальников и подчиненных, у жен и мужей, у дев и замужних, у рабов и свободных; все непрестанно полагают знамение креста на благороднейшей части своего тела и носят каждодневно это знамение изображенным на челе своем, как на столпе. Оно блистает на священной трапезе, при рукоположении священников и вместе с телом Христовым на тайной вечери, всюду можно видеть его возносящимся: на домах, на торжищах, в пустынях, на дорогах, на горах, в пещерах, на холмах, на море, на кораблях, на островах, на ложах, на одеждах, на оружии, в чертогах, на пиршествах, на золотых и серебряных сосудах, на драгоценных камнях, на стенных картинах, на теле больных животных, на теле одержимых демонами, на войне, в мире, днем и ночью, в пиршественных собраниях и в келлиях подвижников; так для всех стал вожделенен этот дивный дар, исполненный неизреченной благодати! Уже никто не стыдится и не закрывается при мысли, что крест есть знак проклятой смерти; напротив, все мы почитаем его украшением для себя более венцов и диадим и многих ожерелий из драгоценных камней. Так он стал не только не страшен, но и вожделенен, любезен и досточтим для всех, и блистает изображаемый повсюду: на стенах домов, на кровлях, на книгах, в городах, в селах, в необитаемых и обитаемых местах. Теперь я охотно спросил бы язычника, от чего этот знак ужасной казни и проклятой смерти сделался любезным и вожделенным для всех, если не от великой силы Распятого?

10. Но если ты так бесстыден, что считаешь это за ничто и восстаешь против истины, и остаешься слепым при свете; то теперь я представлю тебе и другое доказательство того, как это важно. Какое же это доказательство? У судей есть много видов орудий для мучения: дерево, кнуты, когти, свинцовые зубцы, которыми скоблят тело, расторгают и

раздробляют члены. Кто решился бы внести такие орудия в дом свой? Кто согласился бы прикоснуться к рукам делающих их палачей, или видеть их близко? Напротив, большая часть людей не отвращается ли, а некоторые не считают ли встречу с ними дурным признаком, и не решаются ни коснуться их, ни смотреть на них? Не убегают ли прочь и не отвращают ли своих взоров? Таков в древности был и крест, или еще гораздо страшнее; потому что, как я выше сказал, он был знаком не только смерти, но смерти проклятой. От чего же, скажи мне, он теперь сделался столь вожделенным и столь любезным для всех и досточтимее всего? Почему к этому самому дереву, на котором святое тело Иисусово было распостерто и пригвождено, все наперерыв притекают? Почему многие, как мужи, так и жены, получив малую частицу этого дерева и обложив ее золотом, вешают на свою шею, как украшение, между тем как оно было некогда знаком осуждения и наказания? Потому, что создавший все и все преобразующий, избавивши вселенную от нечестия и соделавший землю небом, Он и это орудие ненавистное и позорнейшее всех смертей превознес выше небес. Все это предвидя, пророк сказал: "И покой его будет слава". Этот знак смерти (не перестану постоянно говорить о нем) соделался источником великого благословения, стеною от всякой опасности, смертоносным отражением диавола, уздою демонов, грозою сопротивным силам; он попрали смерть, сокрушил медные врата ада, сломил его железные веревки, разрушил твердыню диавола, рассек пути греха, избавил всю вселенную от осуждения, исцелил рану, нанесенную нашей природе по определению Божию. Что я говорю? Чего не могли сделать ни море расступившееся, ни камни раздавленные, ни воздух изменившийся, ни манна посылаемая в течение сорока лет столь многим тысячам, ни закон, ни другие знамения, совершенные как в пустыне, так и в Палестине, то возмог сделать крест, и не в одной стране, но во всей вселенной; крест, этот знак некогда проклятый, всеми избегаемый, всем ненавистный, позорный, возмог по смерти Распятого легко совершить все это. И не только эти, но и последующие действия являют его силу. Прежде вселенная была бесплодна в отношении к добродетели; земля была несколько не лучше пустыни и не надеялась произвести что-либо доброе; а крест вдруг сделал ее раем и матерью многочаднейшей. И об этом пророк задолго предсказал так: "Возвеселись, неплодная, нерождающая; воскликни и возгласи, немучившаяся родами; потому что у оставленной гораздо более детей, нежели у имеющей мужа" (Ис. 54:1). Сделав ее такою, Господь дал ей и закон превосходнейший прежнего, о чем также не умолчали пророки; посмотри, что они предвозвестили: "заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет, не такой завет, какой Я заключил с отцами их в тот день, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской; тот завет Мой они нарушили, хотя Я оставался в союзе с ними, говорит Господь. Но вот завет, который Я заключу" с ними, "вложу закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу его" (Иер.31:31-33). Далее пророк изображает быструю перемену их и легкое принятие учения: "И уже не будут учить", говорит он, "друг друга, брат брата, и говорить: "познайте Господа", ибо все сами будут знать Меня, от малого до большого" (Иер.31:34). Что пришедший Господь дарует всем прощение грехов, и это также предсказал пророк в словах: "Я прошу беззакония их и грехов их уже не вспомяну более" (Иер. 31:34). Что может быть яснее этого? Такими предсказаниями он возвестил призвание язычников, превосходство Нового Завета пред Ветхим, легкость обращения и благодатные дары, получаемые верующими через крещение.

11. Тот, кто совершил все это, некогда придет Судиею; о чем также не умолчали пророки и предсказали, некоторые созерцая Его в том самом виде, в каком Он придет, другие возвещая это своими словами. Так Даниил, находясь среди вавилонских варваров, видел Его грядущего на облаках; выслушай самые слова пророка: "Видел я", говорит он, "с облаками небесными шел как бы Сын человеческий, дошел до Ветхого днями и подведен был к Нему. И Ему дана власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и языки

служили Ему (Дан. 7:14). А самый суд Его пророк изображает так: "Видел я, наконец, что поставлены были престолы, и воссел Ветхий днями; одеяние на Нем было бело, как снег, и волосы главы Его - как чистая волна; престол Его - как пламя огня, колеса Его - пылающий огонь. Огненная река выходила и проходила пред Ним; тысячи тысяч служили Ему и тьмы тем предстояли пред Ним; судьи сели, и раскрылись книги"

(Дан. 7:9-10). Кроме того пророк показывает, какой чести сподобятся праведники: "и суд дан был святым Всевышнего, и наступило время, чтобы царством овладели святые" (Дан.7:22). А пророк Малахия предсказывает, что этот суд будет производим через огонь: "Он - как огонь расплавляющий и как щелок очищающий" (Мал.3:2). Видишь ли, с какою точностью пророки предвозвестили все будущее? Неужели же ты дерзнешь не верить после столь разительных доказательств силы Христовой, после пророчеств, связанных за столь долгое время, и событий, совершившихся согласно с предсказаниями, так что решительно ничто не осталось не исполненным? А что все это не выдуманно нами, о том свидетельствуют (священные) книги и те, которые прежде всех получили и доныне содержат и хранят их, враги наши и потомки распявших Господа. Почему же, скажут, они не веруют, имея у себя эти книги? Потому же, почему они не веровали, видя чудеса Его. Но это вина не того, кому не веруют, а тех, которые среди дня ничего не видят. Так Бог создал и видимый мир, этот прекрасно настроенный орган, повсюду провозглашающий и прославляющий Создателя; однако есть люди, из которых одни считают все образовавшимся само собою, другие считают все видимое существующим от вечности, иные приписывают сотворение и сохранение его демонам, или случаю и судьбе, естественному развитию, влиянию звезд и т. п. Но в этом не виновен Создатель, а достойны осуждения те, которые при таких врачевствах страждут крайними болезнями. Душа благоразумная видит, что должно делать, не имея нужды во многих пособиях; а неразумная и бесчувственная, хотя бы имела множество руководителей, предавшись страстям, остается слепою. Это можно видеть везде, не только в настоящем деле (веры), но и в других. Сколько, например, таких людей, которые не слыхали о законах, и однако проводили жизнь сообразную с ними? А другие от первого возраста до глубокой старости изучали законы, и однако непрестанно нарушали их. Так бывало и в древности. Иудеи, видевшие множество знамений и чудес, не сделались лучшими. А ниневитяне, услышав только воззвание, переменились и воздержались от пороков. Это можно видеть не только на людях высших, но и на низших. Какого учения не удостоился Иуда? и однако сделался предателем. Какое наставление слышал разбойник? - и однако на кресте исповедал Господа и провозвестил царство Его. Не суди же о предметах по мнениям развращенных людей, но по истинному свойству предметов составляй надлежащее мнение о людях благонамеренных. Не уверовали иудеи, уверовали язычники. И об этом не умолчали пророки; так пророк Давид взывает: "иноплеменники солгали мне, иноплеменники одряхлели и уклонились от стезей своих" (Пс. 17:46); и Исаия говорит: "Кто поверил слышанному от нас, и кому открылась мышца Господня?" (Ис. 53:1)? И еще: "Я открылся не вопрошавшим обо Мне; Меня нашли не искавшие Меня" (Ис. 65:1). Так и при земной жизни Господа хананеянка и самарянка уверовали в Него, а священники и старейшины враждовали и строили козни против Него, побуждали к тому и других, и уверовавших в Него изгоняли из синагоги. Итак не удивляйся этому. Подобных примеров исполнена наша жизнь, как в наше время, так и в прежние времена; впрочем и из иудеев, хотя не все, но многие и тогда и ныне уверовали (во Христа); а что не все, это не ново, и не странно; такова неблагодарность, такова безрассудность души, преданной страстям! Изложив пророчества о Христе, сказанные пророками и предвозвещенные за столько лет, теперь я представлю те пророчества, которые сам Он, когда жил на земле и обращался с людьми, изрек о будущих событиях, чтобы ты и из них познал силу Его. Господь, пришедши тогда на землю и устроая спасение людей, как живших, в прошедшие времена,

так и имеющих жить впоследствии, устраивал это спасение различным образом. И смотри, как Он поступает. Он творит чудеса и предсказывает некоторые из будущих отдаленных событий, уверяя тогдашних слушателей современными им событиями в истине будущих событий, а для будущих поколений делая достоверными совершенные Им в то время чудеса посредством исполнения Его предсказаний, и таким сугубым доказательством внушая веру в Свое царство.

12. Пророчества Иисуса Христа были двоякого рода: одни из них должны были исполниться в настоящей жизни, а другие сбудутся при самой кончине мира; они взаимно подкрепляют себя и с великою силою доказывают истинность тех и других. Неясные слова я постараюсь объяснить примером. Двенадцать учеников были спутниками Господа; даже название церкви тогда еще ни приходило никому на ум, потому что синагога еще находилась в цветущем состоянии. Когда почти вся вселенная предана была нечестию, что сказал и предвозвестил Господь? "На сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее" (Мф. 16:18). Рассматривай, как хочешь, это изречение, и увидишь истинность его в полном блеске. Не то одно удивительно, что Он во всей вселенной устроил Свою церковь, но и то, что сделал ее непреодолимою, и непреодолимою тогда, как она испытывает столько враждебных нападений. Слова: "врата ада не одолеют ее" означают опасности, низводящие во ад. Видишь ли истину предсказания? Видишь ли силу исполнения его? Видишь ли слова, блистательно оправданные делами, и непреодолимую силу, легко совершающую все? Кратко изречение: "сздам Церковь Мою", но не пробегай его без внимания, а вникни в него умом и представь, сколь великое дело - наполнить всю землю под солнцем церквами, обратить столько племен, убедить народы, уничтожить отеческие обычаи, исторгнуть укоренившуюся привычку, свергнуть владычество сладострастия и силу нечестия, как прах; жертвенники, капища, идолов и их службы, бесчинные празднества и нечистые жертвоприношения развеять как дым; и воздвигнуть алтари истинному Богу повсюду, - в стране римской, в Персии, в Скифии, в Мавритании, в Индии; что я говорю? - даже за пределами нашей вселенной; ибо и Британские острова, лежащие за пределами моря, на самом океане, - ощутили силу изречения Господня; и там воздвигнуты церкви и алтари. Это изречение, сказанное тогда Господом, теперь насаждено во всех душах и находится во всех устах; вся, так сказать, земля, наполненная тернием, очистилась, сделалась чистою нивой и приняла семена благочестия. Великим, поистине великим делом, или, лучше сказать, доказательством чрезвычайного величия и божественной силы было бы - без всякого препятствия, во время мира, при содействии многих и без всяких врагов, вдруг отторгнуть вселенную от порочных навыков, утвердившихся в течение столь долгого времени, и обратить к другим, гораздо труднейшим. А здесь противниками были не только навык, но и сладострастие, - эти два тирана. Надлежало отвергнуть то, что с давних времен было принято от отцов, дедов, прадедов и древнейших предков, от философов и риториков; это было весьма трудно; - и принять другие новые обычаи, требующие великих подвигов, что было еще труднее. Христос изгонял роскошь, водворял пост; изгонял любостяжание, водворял нестяжательность; изгонял невоздержание, водворял целомудрие; изгонял гнев, водворял кротость; изгонял зависть, водворял дружелюбие; отводил от пути пространного и широкого и приводил на путь тесный, скорбный и трудный, и приводил тех, которые привыкли к пространному. Не других каких-нибудь людей взял Он вне вселенной без этих навыков, но тем самым, которые растлились в этом мире и сделались негоднее грязи, повелел идти путем тесным и скорбным, жестким и суровым, и убедил их. И сколь многих убедил? Не одного, не десять, не двадцать, не сто, но почти всех живущих под солнцем. И через кого убедил? через одиннадцать человек неученых, простых, не знавших языков, незнатных, бедных, не имевших ни отечества, ни богатства, ни телесной силы, ни славы, ни знаменитости предков, ни силы слова, ни искусства красноречия, ни преимуществ

учености; но рыбаей, скинотворцев, говоривших на своем языке не одинаковом с языком тех, кому проповедывали, но чуждом и отличным от всех прочих языков, т. е. еврейском, и через них Христос устроил Свою церковь, простертую от концов до концов вселенной!

13. И не только это удивительно, но и то, что эти люди, простые, бедные, немногочисленные, незнатные, неученые, уничиженные, говорившие на чуждом языке и презираемые, избранные для исправления всей вселенной и получившие повеление обращать ее к труднейшим делам, совершили это не во время мира, но при воздвигаемых против них отвсюду бесчисленных нападениях. В каждом народе и городе, - что я говорю: в народе и городе? - в каждом доме предстояла им борьба. Проповедуемое ими учение часто разлучало сына с отцом, невестку с свекровью, брата с братом, раба с господином, подчиненного с начальником, мужа с женою, жену с мужем, отца с детьми; потому что не все вдруг принимали его; это подвергало их ежедневной вражде, непрерывной борьбе, тысячи смертей, и располагало людей обращаться с ними, как общими врагами и неприятелями. Все гнали их: цари, правители, простолюдины, свободные, рабы, народы и города; а не их только, но и тех, которые приняли их учение, но еще не были крепки в вере. Была общая война и против учеников и против учителей, так как это учение казалось противным и царским постановлениям, и привычке, и отеческим обычаям. Они увещевали отвергнуть идолов, презреть жертвенники, которые чтимы были всеми отцами и предками, отказаться от нечистых верований, гнущаяся празднеств и отвращаться от обрядов, к которым люди питали благоговение и страх, и за которые они готовы были скорее отдать свою душу, нежели принять проповедуемое апостолами и веровать в Рожденного от Марии, осужденного игемоном, поруганного, претерпевшего бесчисленные страдания и поносную смерть, погребенного и воскресшего. И то производило недоверчивость, что страдания Его были явны для всех, бичевания, удары по ланитам, оплевания по лицу, заушения, распятие на кресте, великое осмеяние, поругание от всех, погребение, дарованное в виде милости; а обстоятельства воскресения еще не были известны, так как Он по воскресении Своим явился одним ученикам. И однако такую проповедью они убедили и устроили церковь. Как и каким образом? Силою Того, Кто им повелел это; Он сам был их руководителем: Сам делал все трудное легким. Если бы божественная сила не содействовала, то это дело не получило бы ни вступления, ни начала. И как бы оно могло сделаться? Но Тот, Кто изрек: да будет небо, - и совершил это на деле; Кто сказал: да созиждется земля, - и даровал ей бытие; Кто повелел: да воссияет солнце, - и явил светило; Кто сотворил все Своим словом, Тот насадил и эти церкви; и Его слово: "создам Церковь Мою", совершило все это. Таковы слова Божии; они совершают дела, дивные и чудные. Некогда Он сказал: "да произрастит земля зелень" (Быт. 1:11), - и вдруг все стало садом, все - лугами, и земля, вняв повелению, покрылась бесчисленными растениями. Так и ныне Он изрек: "создам Церковь Мою", - и это совершилось с великой легкостью; и тогда как против нее вооружались властители, потрясали оружием воины, свирепствовали сильнее огня целые народы, противостояла привычка, восставали риторы, софисты, богатые, простые люди и начальники, слово Его, действуя сильнее огня, истребило терния, очистило нивы, посеяло евангельское учение. И между тем, как из уверовавших одни были заключаемы в темницы, другие отправляемы в ссылку, иные лишаемы имущества, иные умерщвляемы и рассекаемы, сожигаемы, потопляемы и подвергаемы всякому роду мучений, поругаемы и изгоняемы отовсюду, как бы общие враги, являлись новые исповедники в большем числе, которые, смотря на страдания других, не только не охладели к вере, но еще охотнее и лучше стремились к этому прекрасному улову, и были уловляемы не принуждением, не насилием, но прибегая сами и изъявляя благодарность приведшим их ко Христу; взирая на потоки крови верующих, они становились более пламенными к вере и более смелыми;

и тогда как не ученики только, но и учителя, иные были заключаемы в узы, другие изгоняемы, иные бичуемы, и претерпевали другие бесчисленные мучения, число верующих умножалось и ревность их увеличивалась. Об этом Павел говорит так: "и большая часть из братьев в Господе, ободрившись узами моими, начали с большею смелостью, безбоязненно проповедывать слово Божие" (Флп. 1:14); и в другом месте: "Ибо вы, братия, сделались подражателями церквам Божиим во Христе Иисусе, находящимся в Иудее, потому что и вы то же претерпели от своих единоплеменников, что и те от Иудеев, которые убили и Господа Иисуса и Его пророков, и нас изгнали, и Богу не угождают, и всем человекам противятся" (1 Фесс. 2:14-15). И еще в послании к другим он говорит: "Вспомните прежние дни ваши, когда вы, быв просвещены, выдержали великий подвиг страданий, зная, что есть у вас на небесах имущество лучшее и непреходящее" (Евр. 10:32, 34). Видишь ли превосходную силу Совершившего все это? Мученики, подвергаясь страданиям, не только не малодушествовали, не только не скорбели, но радовались, торжествовали, ликовали. И об этом Павел говорит, что "расхищение имения вашего приняли с радостью" (Евр. 10:33); а об учителях Лука в книге Деяний повествует, что они с радостью возвратились из синедриона, удостоившись принять бесчестие за имя Христово (Деян. 5:41). И о самом себе также Павел говорит: "Ныне радуюсь в страданиях моих за вас и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за Тело Его" (Кол. 1:24). И что удивительного, если он среди страданий радовался, когда он, готовясь претерпеть смерть, не только радовался, но и учеников своих призывал к участию в своей радости, что свойственно чрезвычайно радующейся душе. "Радуюсь", говорит он, "и сорадуюсь всем вам. О сем самом и вы радуйтесь и сорадуйтесь мне" (Фил. 2:17-18). Что сделалось, скажи мне, что ты исполнился такой радости? "Ибо я", говорит он, "уже становлюсь жертвою, и время моего отшествия настало" (2 Тим. 4:6).

14. Таким образом они повсюду устроили церковь. Никто не мог бы построить даже одну стену из камня и извести, подвергаясь гонению и встречая препятствия; а они устроили столько церквей по всей вселенной, подвергаясь ранам, узам, гонениям, ссылкам, отнятию имений, бичеваниям, задушению, сожжению, потоплению вместе с учениками, и устроили не из камней, но из душ и волей человеческих, что гораздо труднее построения из камней. Не все равно, построить ли стену, или душу, столько времени бывшую во власти демонов, расположить к покаянию и от безумного неистовства обратить к целомудрию. Однако это были в состоянии сделать апостолы, бедные и не имевшие обуви, в одной одежде обходя всю вселенную; потому что они имели поборником и помощником своим непреодолимую силу изрекшего: "на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее". Исчисли, сколько властителей восставали против нея, сколько они воздвигали тягчайших гонений на нее, в каком положении она находилась во все предшествовавшее время, когда вера была еще только насаждаема, когда умы людей были еще не тверды в ней.

15. Царями были язычники, Август, Тиверий, Гай, Нерон, Веспасиан, Тит и все последующие до времен блаженного царя Константина; и все они гнали церковь, одни с меньшею, а другие с большею жестокостью, но все гнали ее. Хотя некоторые из них, по видимому, и оставляли ее в покое, но то самое, что цари явно были преданы нечестию, служило поводом к гонениям, так как другие из лести угождали им гонением на церковь. Но все такие козни и нападения расторгались легче паутины, рассеивались скорее дыма, развеивались быстрее праха. Самыми этими кознями они произвели великий сонм мучеников и оставили церкви бессмертные сокровища, башни и столпы, которые не только при жизни, но и по смерти своей соделались для последующих христиан источником великого благополучия. Видишь ли силу предсказания: "и врата ада не одолеют ее"? После этого веруй, что и в будущем никто из них не одолеет ее. Если тогда,

когда она состояла из немногих, когда казалась нововведением, когда учение только что было преподавано, когда было столько препятствий и столько враждебных нападений со всех сторон, враги не могли преодолеть и не преодолели ее, то тем более по распространении ее на всей вселенной и на всяком месте, по горам и пещерам и холмам. Действительно, она объяла и море и все племена, находящиеся под солнцем, и уже у немногих господствует нечестие, по уничтожении жертвенников, капищ, идолов и всего, празднеств, обрядов, дыма и смрада и нечестивых сборищ. Как же такое великое дело при таких препятствиях получило столь блистательный конец и успех, свидетельствующий об его истине, если не некоторою божественною и непобедимою силою предсказавшего и совершившего это? Никто не станет противоречить этому, кроме разве кого-нибудь из крайне безумных и сумасшедших, лишившихся естественного смысла. И не только те, но и другие предсказания свидетельствует о непобедимой силе Его. Так Он предсказывал о будущем со всею истиною и приводил (Свои предсказания) в исполнение; и ничто из сказанного Им не может остаться тщетным, но скорее погибнут земля и небо, нежели что-нибудь из слов и предсказаний Его окажется изреченным ложно. Поэтому и сам Он, указывая на это прежде исполнения событий, ясно сказал о Своих изречениях так: "небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут" (Мф. 24:35); и весьма понятно; потому что они не простые слова, но слова Божии, которыми создаются дела; так Бог сотворил небо, так землю, так море, так солнце, так сонмы ангелов, так прочие невидимые силы. Объясняя это и пророк сказал: "Он сказал, - и сделалось; Он повелел, - и явилось" (Пс. 32:9), разумея всю тварь, высшую и низшую, чувственную и духовную, телесную и бестелесную. Так и предсказание о церкви, как я выше сказал, доказывает величие, силу и превосходство Его истинности, промысления, благости и попечительности.

16. Теперь мы рассмотрим другое предсказание Его, блистающее яснее солнца и светлейшее солнечных лучей, находящееся пред взорами всех и простирающееся на все последующие поколения, подобно предыдущему. Таковы большей частью предсказания Его. Они не ограничиваются кратким временем и не исполняются при одном поколении, но всем людям, настоящим, будущим и следующим за ними, и далее за этими и до скончания века имеющим быть, всем дают понять силу своей истинности, подобно предыдущему. По этому предсказанию церковь с того дня, как оно было изречено, до скончания века пребудет твердою и непоколебимою, цветущею и блистающею, с каждым днем преуспевая, возрастая, укрепляясь и сообщая всем людям, имеющим быть с того времени до (второго) пришествия Христова, величайшие блага и неизреченную пользу. Как бывшие прежде нас, так и бывшие прежде этих и еще прежде тех бывшие познали силу его, видя нападения, воздвигавшиеся против церкви, опасности и козни, смятения, волнения и бури, а ее видя непотопляемую, непреодолимою, непобеждаемою, неистребляемою, но цветущею, преуспевающею и возрастающею больше и больше. И то предсказание, о котором я намереваюсь теперь сказать, таково же для доказательства Его силы и истинности изреченного Им. Какое же это предсказание? Христос вошел некогда в храм иудейский, который находился тогда в цветущем состоянии, блестел везде множеством золота, красотою и великолепием зданий, содержал все другие драгоценности искусственные и вещественные, и, тогда как ученики Его удивлялись, что Он говорит им? "Видите ли все это? Истинно говорю вам: не останется здесь камня на камне; все будет разрушено" (Мф. 24:2), разумея будущее его разрушение, истребление, запустение, нынешние развалины в Иерусалиме; и подлинно все эти блистательные и знаменитые здания обратились в развалины. Видишь ли великую и неизреченную силу Его в том и другом, - в том, что почитающих Его Он устроил и размножил, и в том, что враждовавших против Него смирил, сокрушил и искоренил? Нигде не было такого храма, столь славного и пользовавшегося таким почитанием. Иудеи, жившие повсюду до самых пределов земли, издревле приходили туда, принося дары, жертвы, милостыни, начатки и

много другого, и украшая храм богатством вселенной; и все иудейские прозелиты (из язычников) отовсюду стекались туда, и велика была слава этого места, достигавшая до самых последних пределов вселенной. Но одно слово Христово уничтожило и истребило все это и рассеяло, как прах; и туда, куда прежде не всем иудеям, даже не всем священникам, а только одному первосвященнику дозволялось входить, и притом только однажды в год в его облачении, венцах и митре и прочей священной одежде, теперь можно входить и блудникам распутным и прелюбодеям развратным без всякого препятствия; потому что слово (Христово), обращенное к нему, разрушило и уничтожило все; и от этого храма остается столько, сколько нужно для указания, где он находился в древности. Представь же, какова сила, совершившая это дело. Те, которые имели такое могущество, преодолевали народы и царей, многократно одерживали победы на войнах без пролития своей крови и воздвигли множество необыкновенных и дивных трофеев, не могли построить одного храма с того времени до ныне, и притом тогда, как было столько царей, содействовавших им, и такое множество их самих, рассеянных по вселенной и имевших у себя такие богатства. Видишь ли, как того, что Он устроил, никто не разрушил, а что Он разрушил, того никто не построил? Он устроил церковь, и никто не может разрушить ее; Он разрушил храм, и никто не может восстановить его, и притом в такое продолжительное время; между тем и церковь пытались разрушить, но не могли, и храм старались восстановить, но не могли. Это было дозволено, чтобы никто не мог говорить, что, если бы они попытались, то могли бы (восстановить храм). Вот они и пытались, но не могли ничего сделать. При нашем поколении превзошедший всех нечестием царь (Юлиан) дал им тогда позволение и содействовал им, и они приступили к делу, но не могли иметь никакого успеха, так как вырвавшийся из основания огонь разогнал их. А что они желали построить, доказательством этого доныне служит обнаженное основание (храма), чтобы ты видел, что они пытались раскапывать землю, но построить не могли, так как им противодействовало упомянутое изречение (Христово). Этот храм и прежде был разрушен, но по возвращении (иудеев из плена вавилонского) через семьдесят лет он тотчас был восстановлен, о чем говорили и предсказывали пророки прежде события. А теперь прошло уже более трехсот лет, и нет ни мысли, ни вероятности, ни надежды на то, что он опять явится. Что же препятствовало, если не божественная сила, противящаяся этому? Разве нет у них великого обилия богатства? Разве патриарх их, отовсюду со всех собирая доходы, не владеет несчетными сокровищами? Разве этот народ не смел, не бесстыден, не настойчив, не дерзок, не воинствен? Разве не много их в Палестине? Разве не много - в Финикии? Разве не много - везде? Как же они не могли восстановить одного храма, и притом видя, что от этого их богослужение повсюду задерживается, и обычаи иудейские нарушаются, и жертвы и приношения и прочие подобные постановления закона отменяются и прекращаются? Ибо ни поставить жертвенника, ни принести жертвы, ни сделать возлияния, ни возложить овцы и фимиама, ни читать закона, ни совершить праздника, и ничего другого подобного им не было дозволено вне преддверий того храма.

17. Находясь некогда в Вавилоне и быв принуждаемы врагами петь, они не соглашались и не повиновались, хотя были пленниками и рабами угнетавших их господ; но и не имея отечества и свободы, и подвергаясь опасению за свою жизнь, и находясь в руках пленивших, как в сети, когда им приказывали петь песни на инструментах, они говорили так: "При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, там пленившие нас требовали от нас слов песней, и притеснители наши - веселья: "пропойте нам из песней Сионских". Как нам петь песнь Господню на земле чужой?" (Пс. 136:1-4)? И никто не может сказать, что они поступали так по неимению инструментов; они сами привели причину этого в словах: "Как нам петь песнь Господню на земле чужой?" А инструменты были с ними; "на вербах", говорят они, "посреди его, повесили мы наши арфы" (Пс.136:2).

Там непозволительно было им и поститься. Указывая на это, пророк говорил им: "когда вы постились и плакали в пятом и седьмом месяце, притом уже семьдесят лет, для Меня ли вы постились?" (Зах. 7:5)? А что им непозволительно было делать ни курений, ни возлияний, о том послушай трех отроков, которые говорят: "нет у нас в настоящее время ни князя, ни пророка, ни вождя, ни всесожжения, ни жертвы, ни приношения, ни фимиама, ни места, чтобы нам принести жертву Тебе и обрести милость Твою" (Дан. 3:38). Они не сказали, что нет священника; потому что священники были; но чтобы ты знал, что все зависело от места и все законодательство прикреплено было к нему, они и сказали: "нет места". Но что я говорю: делать курения и возлияния? Даже просто читать закон там непозволительно было им; и за это некогда укоряя их, другой пророк говорил: "и прочитали извне закон, и призвали исповедание" (Ам. 4:5 – слав.); ни совершать пасхи, ни пятидесятницы, ни праздника кущей, и ничего другого подобного. И однако зная, что запустение места сделало для них непозволительным все это, и что, если они станут покушаться на что-нибудь подобное, то станут покушаться противозаконно и будут наказаны за это, они не могли воздвигнуть и восстановить того места, в котором позволено было совершать все это по закону. Так сила Христова, создавшая церковь, разрушила это место. И пророк предсказал о том, что придет Христос и совершит это, хотя сам жил уже после плена. Послушай, что говорит он: "лучше кто-нибудь из вас запер бы двери, чтобы напрасно не держали огня на жертвеннике Моем. Нет Моего благоволения к вам. Ибо от востока солнца до запада велико будет имя Мое между народами, и на всяком месте будут приносить фимиам имени Моему, чистую жертву" (Мал. 1:10-11). Видишь ли, как он ясно и отверг иудейство и представил христианство блистающим и распространившимся по всей земле? Свойство же этого богослужения другой пророк изображает так: "и Ему будут поклоняться, каждый со своего места и служить Ему единомудушно" (ср. Соф. 2:11; 3:10); и еще иной: "упала, не встает более дева Израилева! повержена на земле своей, и некому поднять ее"(Ам. 5:2). И Даниил ясно говорит, что все прекратится, и жертва и возлияние, и помазание и суд (Дан. 9:27). Впрочем, это яснее и пространнее я раскрою тогда, когда буду говорить к иудеям, а пока буду держаться предположенного пути, в опровержение умствований безрассудных язычников. Я не говорил тебе ни о воскрешении мертвых, ни об очищении прокаженных, чтобы ты не сказал: это - ложь, выдумка, басня, кто это видел, кто слышал? Те, которые сказали, что Христос был распят и принимал удары по ланитам, те самые сказали и об этом. Почему же ты, считая их достоверными в последнем, восстаешь против сказанного ими о первом, как бы несбыточном? Если бы они для прославления своего учителя писали по суетному тщеславию, то они умолчали бы о событиях прискорбных и кажущихся для многих позорными, а между тем они в доказательство своей истинности в особенности останавливались на этих последних и рассказали все с точностью и большой подробностью, не опуская ни малого ни великого; о знамениях и чудесах они очень многое умолчали, а о страданиях и событиях, кажущихся позорными, на которых останавливались, все сказали все с точностью. Я же не сказав тебе ничего об этом, т. е. о чудесах и знамениях, дабы сильнее удержать всякий бесстыдный язык, представил то, что теперь явствует, теперь находится пред глазами, что яснее солнца, распространено по всей земле и объемлет всю вселенную, что совершилось превыше человеческой природы и было только делом Божиим. Ты говоришь, что Он не воскрешал мертвых? Но ты не можешь сказать, что нет церквей во вселенной, что оне не подвергались гонениям и что они не преодолевают и не побеждают. Сказать это так же невозможно, как сказать, что нет солнца. А разрушение иудейского храма разве ты не видишь совершившимся пред глазами всей вселенной? Почему ты не рассуждаешь сам с собою так: если действовал не Бог и Бог крепкий, то отчего почитающие Его так умножились даже при гонениях, а распявшие Его и нападавшие так унижены, что и лишились всего государства и странствуют скитальцами, изгнанниками и беглецами, и столь долгое время не изменило

того и другого? Против римской власти иудеи предпринимали войны, поднимали оружие, продолжали ополчаться много времени, иногда и одерживали победы и причиняли немало беспокойств тогдашним императорам, и однако эти самые иудеи, воевавшие и ополчившиеся против таких царей, и имевшие такое множество и денег и оружия и воинов и отражавшие многих полководцев, не могли восстановить одного храма; синагоги они построили во многих городах, а того места, которое давало силу собственному их государству, где они привыкли совершать все и чем держалось иудейство, того одного места восстановить не могли.

[1] Здесь смысл неясен, слав.: "и дам лукавые вместо погребения Его, и богатые вместо смерти Его".

[2] Синод. перевод: "Господу угодно было поразить Его, и Он предал Его мучению; когда же душа Его принесет жертву умилостивления, Он узрит потомство долговечное, и воля Господня благоуспешно будет исполняться рукою Его. На подвиг души Своей Он будет смотреть с довольством; чрез познание Его Он, Праведник, Раб Мой, оправдает многих и грехи их на Себе понесет".

[3] Синод. перевод: "Я дам Ему часть между великими, и с сильными будет делить добычу".

[4] В Синод. переводе последней фразы нет.

[5] В Синод. переводе: "Я дам народам уста чистые, чтобы все призывали имя Господа и служили Ему единокорно".

[6] В Синод. переводе: "лучше кто-нибудь из вас запер бы двери, чтобы напрасно не держали огня на жертвеннике Моем".

ПРОТИВ ИУДЕЕВ.

Восемь "слов против иудеев" произнесены были св. Иоанном Златоустом в Антиохии в два приема: первые три - осенью 386, а последние пять - осенью же 387 года. Поводом к их произнесению послужило то печальное обстоятельство, что многие христиане - или по старой привычке, или по неразумию и увлечению - принимали участие в совершавшихся местными иудеями праздниках и постах, и посещали синагоги. Против этого неразумия и направлены слова Златоуста, который выясняет в них, что иудейство уже потеряло свое значение и потому соблюдение его обрядов противно воле Божией. Первое слово было произнесено вскоре после первого же слова против аномеев, напечатанного выше на стр. 493. На него именно и делается указание в начальных строках первого слова.

СЛОВО ПЕРВОЕ.

Прерывая свои беседы против аномеев о непостижимости существа Божия, проповедник переходит к обличению иудействующих. – Христианам не должно принимать участия в праздниках иудейских, потому что 1) иудеи люди жалкие, делающие все несвоевременно. – Они не постились, когда следовало им поститься, и постятся теперь, когда не следует поститься: потому-то они и отвергнуты и на их место явились христиане.

– 2) Их синагога не лучше театра, место распутства и вертеп разбойников; она есть обиталище демонов, между тем как церковь есть дом Божий. – Обладание св. Писанием не делает синагогу досточтимой и не может служить оправданием для тех, кто посещает ее, ибо 1) иудеи оскорбляют св. Писание, утверждая, что оно не говорит ничего об Иисусе Христе; 2) они пользуются им лишь для того, чтобы обольщать немощных; 3) не только синагога, но и самая душа иудеев есть обиталище демонов. – Бог отверг их жертвы, их праздники и самый храм, предавая его в руки язычников. – Не может служить оправданием посещения синагоги и желание получить исцеление от какой-нибудь болезни, потому что 1) обитающие в ней демоны не могут исцелять; 2) даже если бы они и могли, не следует губить душу ради исцеления тела. – Нужно употреблять все средства к тому, чтобы отвращать своих братьев от иудействования, особенно потому, что не делая этого, мы участвуем в их преступлении и подвергнемся одинаковому с ними наказанию.

Сегодня хотел я сообщить вам остальное из того предмета, о котором недавно беседовал с вами и показать яснее, сколь непостижим Бог. Об этом мы много и долго говорили в прошедшее воскресенье, когда приводили свидетельства и из Исаяи, и из Давида, и из Павла. Первый взывал: “Но род Его кто изъяснит?” (Ис. 53:8). Второй благодарил Бога за Его непостижимость, говоря: “Слаблю Тебя, потому что я дивно устроен. Дивны дела Твои” (Пс. 138:14); и еще: “Дивно для меня ведение [Твое], - высоко, не могу постигнуть его!” (ст. 6). А Павел, не углубляясь в исследование самой сущности (Бога), а вникнув только в Его промышление, или лучше - обняв малую только часть этого промышления, открывшуюся в призвании язычников, и как бы увидев обширное и необъятное море, воскликнул: “О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!” (Рим. 11:33). Конечно, достаточно бы и этих свидетельств для доказательства, но я не удовольствовался пророками, не остановился и на апостолах, но взошел на небо, показал вам хор ангелов, говорящий: “Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!” (Лк. 2:14). Вы слышали также серафимов, со страхом и трепетом взывающих: “Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его!” (Ис. 6:3). Присовокупил я и херувимов, вопиющих: “Благословенна слава Господа от места своего!” (Иез. 3:12). Три свидетеля на земле [1], и три на небе [2], показывают неприступность славы Божией. Доказательство наконец стало несомненным; много было рукоплесканий, народ был воодушевлен, собрание воспламенялось. А я радовался не тому, что меня хвалили, но тому, что славил моего Владыку; ибо эти рукоплескания и похвалы доказывали любовь души вашей к Богу. Как любящие слуги, услышав, что кто-нибудь хвалит их господина, воспламеняются любовью к хвалящему, потому что любят господина; так поступили и вы тогда: громкими рукоплесканиями вы показали великую любовь к Господу. Хотел бы и я сегодня заняться теми же прениями: если уже враги истины не могут насытиться хулами на Благодетеля, тем более мы должны быть ненасытны в прославлениях Бога всяческих. Но что мне делать? Другая, еще более тяжкая, болезнь вызывает язык наш к её врачеванию, - болезнь, поразившая тело церкви. Её-то и должно прежде всего искоренить, а потом уж позаботиться и о внешних; должно прежде излечить своих, а потом заняться и чужими. Какая же это болезнь? У жалких и несчастных иудеев наступает непрерывный ряд праздников: трубы, кущи, посты; а многие из тех, которые считаются нашими и говорят о себе, будто веруют по нашему, одни ходят смотреть на эти праздники, а другие даже участвуют в праздниках и постах (иудейских). Этот-то злой обычай я и хочу теперь изгнать из церкви. Против аномеев можно поговорить и в другое время, и от замедления в этом не будет никакого вреда: но, если зараженных иудейством не уврачуем теперь, когда праздники иудеев близки и у дверей, то боюсь, чтобы некоторые (из христиан), по неудержимой привычке и великому невежеству, не приняли участия в этом нечестии; тогда напрасны уже были бы и наши слова об этом. Ибо, если они, ничего не услышав от

нас сегодня, будут поститься с иудеями; то после того, как грех уже будет сделан, напрасно станем мы прилагать и врачевство. Поэтому-то я и спешу предупредить (зло). Так поступают и врачи: они прежде всего употребляют средства против сильных и самых острых болезней. Притом же, настоящее слово (против иудеев) сродно с прежним (против аномеев): как сродно нечестие аномеев и иудеев, так и настоящие состязания ваши сродны с прежними. Аномеи ставят в вину (И. Христу) то же самое, за что обвинили Его иудеи. За что же обвинили они? За то, что (Иисус Христос) называл Бога Своим Отцом, делая Себя равным Богу (Ин. 5:18). За это же обвиняют Его и аномеи, или вернее сказать, не обвиняют, но даже совсем извращают самые слова (И. Христа) (Ин. 5:17), и смысл их, если не руками, так мыслию.

2. Не удивляйтесь, что иудеев я назвал жалкими. Истинно жалки и несчастны они, намеренно отринувшие и бросившие столько благ, с неба пришедших в их руки. Воссияло им утреннее Солнце правды: они отвергли свет Его, и сидят во тьме, а мы, жившие во тьме, привлекли к себе свет и избавились от мрака заблуждения. Они были ветвями святого корня, но отломились: мы не принадлежали к корню, и принесли плод благочестия. Они с малолетства читали пророков, и распяли Того, о Ком возвещали пророки: мы не слышали божественных глаголов, и Тому, о Ком предсказано в них, воздали поклонение. Вот почему жалки они; ибо тогда как другие восхищали и усвоили себе блага, им (иудеям) ниспосланные, сами они отвергли их. Они, призванные к усыновлению, ниспали до сродства с псами, а мы, будучи раньше псами, возмогли, по благодати Божией, отложить прежнюю неразумность и возвыситься до почести сынов (Божиих). Из чего это видно? “Не хорошо взять хлеб у детей и бросить псам” (Мф. 15:26) - так сказал Христос хананейской жене, называя чадами иудеев, а псами язычников. Но смотри, как после изменился порядок: те (иудеи) сделались псами, а мы чадами. “Берегитесь псов, - говорит о них Павел, - берегитесь псов, берегитесь злых делателей, берегитесь обрезания, потому что обрезание - мы” (Флп. 3:2-3). Видишь, как бывшие прежде чадами сделались псами? Хочешь узнать, как и мы, бывшие прежде псами, сделались чадами? “А тем, которые приняли Его, - говорит евангелист, - дал власть быть чадами Божиими” (Ин. 1:12). Нет ничего жальче иудеев: они всегда идут против собственного спасения. Когда надлежало соблюдать закон, они попрали его; а теперь, когда закон перестал действовать, они упорствуют в том, чтобы соблюдать его. Что может быть жальче тех людей, которые раздражают Бога, не только преступлением закона, но и соблюдением его? Поэтому, говорит (св. Стефан): “Жестоковыйные! люди с необрезанным сердцем и ушами! вы всегда противитесь Духу Святому” (Деян. 7:51), - не только нарушением закона, но и неблагоприятным желанием соблюдать его. И справедливо он назвал их жестоковыйными, потому что они не понесли ига Христова, хотя оно было благо и не заключало в себе ничего тяжкого и изнурительного. “Научитесь, - говорит (Иисус Христос), - от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем”, - и ещё: “Возьмите иго Мое на себя, ... ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко” (Мф. 11: 29-30). Однако же они не понесли (этого ига) по своей жестоковейности; и не только не понесли, но сокрушили и расторгли его. “Ибо издавна, - сказано, - Я сокрушил ярмо твое, разорвал узы твои” (Иер. 2:20, ср. 5:5 и Пс. 2:3). Не Павел говорит это, но пророк вопиет, разумея под игом и узами символы власти (Христовой); ибо (иудеи) отвергли владычество Христа, когда говорили: “Нет у нас царя, кроме кесаря” (Ин. 19:15). Ты (иудей) сокрушил иго, разорвал узы, отторгся от царства небесного и подчинился человеческим властям! А ты (слушатель) смотри, как точно пророк обозначил необузданность иудеев; он не сказал: ты отверг иго, но - сокрушил иго, а это порок животных рьяных, необузданных, не терпящих власти. Но от чего произошла эта жестоковейность? От пресыщения и пьянства. Кто говорит об этом? Сам Моисей: “И (ел Иаков, и) утучнел Израиль ... и разжирел; и оставил он Бога, создавшего его” (Втор. 32:15). Как животные, когда пользуются обильным кормом,

разжирев, делаются буйными и неукротимыми, не допускают к себе ни ярма, ни узды, ни руки возничего; так и иудейский народ, от опьянения и пресыщения низвергшись в крайнее нечестие, заскакал, не взял на себя ига Христова, и не повлек плуга (евангельского) учения. На это указывая, и другой пророк говорил: “Ибо как упрямая телица, упорен стал Израиль” (Ос. 4:16); а другой называет народ иудейский: “телец неукротимый” (Иер. 31:18). А такие животные, будучи негодны для работы, годны бывают для заклания. Это случилось и с иудеями: сделав себя негодными для работы, они стали годными только для заклания. Поэтому и Христос сказал: “Врагов же моих тех, которые не хотели, чтобы я царствовал над ними, приведите сюда и избежите предо мною” (Лк. 19:27). Поститься тебе, иудей, надлежало тогда, когда пьянство причиняло тебе столько бедствий, когда пресыщение порождало нечестие, - тогда, а не теперь, потому что теперь пост неуместен и мерзок. Кто говорит это? Сам Исая, громко взывающий: “Таков ли тот пост, который Я избрал” (Ис. 58:5). Почему? Потому что “Вы поститесь для ссор и распрей и для того, чтобы дерзкою рукою бить других” (ст. 4). Если же твой пост был мерзок, когда ты бил подобных тебе рабов; то приятен ли он будет тогда, как ты убил Владыку? Как же так? Постящемуся должно быть кротким, сокрушенным, смиренным, и не опьянять себя гневом: а ты бьешь подобных себе рабов? Тогда иудеи постились “для ссор и распрей”, а теперь (постятся) в неумеренности и крайней невоздержности, пляша босыми ногами на площади; по намерению они постящиеся, а по виду пьянствующие! Послушай, как пророк повелевает поститься: “Назначьте, - говорит, - пост, - не сказал: шумно празднуйте пост; - объявите торжественное собрание, созовите старцев” (Иоиль. 1:14). А они, собрав толпы изнеженных людей и скопище распутных женщин, весь этот театр и актеров увлекают в синагогу; ибо между театром и синагогою нет никакого различия.

3. Знаю, что некоторые сочтут меня дерзким за то, что я сказал: нет никакого различия между театром и синагогою; а я считаю их дерзкими, если они думают иначе. Если я решаю так сам собою, вини меня; но, если говорю слова пророка, прими решение. Знаю, что многие уважают иудеев, и нынешние обряды их считают священными: потому спешу исторгнуть с корнем это губительное мнение. Я сказал, что синагога несколько не лучше театра, и приведу на это свидетельство из пророка; иудеи, конечно, не больше пророков заслуживают вероятия. Так, что же говорит пророк? “У тебя был лоб блудницы, ты отбросила стыд” (Иер. 3:3). А где блудница предается блудодеянию, то место и есть непотребный дом. А лучше сказать, синагога есть не только непотребный дом и театр, но и вертеп разбойников и логовище зверей: “Не соделался ли вертепом разбойников (в другом переводе – вертепом гиены – и.Н.) в глазах ваших дом сей, над которым наречено имя Мое?” (Иер. 12:8, 7:11), - вертеп не просто зверя, но зверя нечистого. И еще: “Я оставил дом Мой; покинул удел Мой” (Иер. 12:7); а когда Бог оставит, то какая уже надежда на спасение? Когда оставит Бог, тогда место то делается жилищем демонов. Конечно (иудеи) скажут, что и они поклоняются Богу. Но этого сказать нельзя; никто из иудеев не поклоняется Богу. Кто говорит это? Сын Божий. “если бы вы знали Отца Моего, - говорит Он, - то знали бы и Меня” (ср. Ин. 8:19 – Златоуст цитирует не общепринятое чтение – и.Н.). Какое еще можно привести мне свидетельство достовернее этого? Итак, если они не знают Отца, распяли Сына, отвергли помощь Духа; то кто не может смело сказать, что место то (синагога) есть жилище демонов? Там не поклоняются Богу, нет; там место идолослужения. А между тем некоторые (из христиан) обращаются к этим местам, как к священным; и это говорю не по догадкам, но по указанию самого опыта. Ибо за три дня пред этим - поверьте, не лгу, - я видел, что какой-то негодяй и безумец, выдающий себя за христианина (не могу назвать истинным христианином, отважившегося на такой поступок) принуждал одну почтенную, благородную, скромную и верную женщину войти в синагогу еврейскую, и там поклясться по спорному между ним и ею делу. Так как эта женщина взывала о помощи и просила остановить такое беззаконное насилие, говоря,

что ей, причастнице божественных тайн, не подобает идти в такое место; то я, возгорев и воспламенясь ревностью, встал и не дозволил влечь ее на такое преступное дело, но освободил от этого нечестивого принуждения. Потом я спросил влекшего, христианин ли он? И когда он признал себя таким, я строго выговаривал ему, порицая его за бесчувственность и крайнее бессмыслие, и говорил, что он ничем не лучше осла, если, говоря о себе, что покланяется Христу, в то же время влечет кого-нибудь в вертепы иудеев, распявших Его. И долго говорил я ему, во-первых, на основании Божественных Евангелий, что вовсе не должно ни самому клясться, ни другого принуждать к клятвам; потом, что не должно принуждать к клятве не только верную и посвященную (в таинства христианские), но и никого из непосвященных. Когда же, поговорив много и долго, изгнал я из души его ложную мысль (о важности синагоги); то спросил его и о причине, по которой он, оставя церковь, влек эту женщину в еврейское сбирище. Он отвечал, что многие сказывали ему, будто клятвы, там даваемые, особенно страшны. При этих словах я застонал, воспламенился гневом, и потом засмеялся. Видя коварство диавола, и то, к чему успел он склонить людей, я стонал; размышляя о беспечности обольщаемых, я воспламенился гневом; а смотря опять на то, каково и как велико неразумие обольщенных, я смеялся. Об этом я рассказал и сообщил вам потому, что вы бесчувственны и несострадательны к тем (из христиан), которые и сами делают и другим позволяют делать с собою такие вещи. Видя, что кто-нибудь из ваших братий впадает в подобные беззакония, вы считаете это чужою бедой, а не своею, и думаете оправдаться пред обличающими вас, говоря: а мне какая забота? что у меня общего с ним? - слова, выказывающие крайнее бесчеловечие и сатанинское жестокосердие! Что говоришь ты? Будучи человеком, имея одну и ту же природу, или даже, - если уже говорить об общности природы, - имея одну главу - Христа, ты осмеливаешься сказать, что у тебя ничего нет общего с твоими членами? Как же ты исповедуешь, что Христос есть глава церкви? Глава, естественно, соединяет все члены, с точностью направляет их друг к другу и связывает между собою. Если (на самом деле) у тебя ничего нет общего с твоими членами; то ничего нет у тебя общего и с твоим братом, и Христос не глава тебе. Иудеи пугают вас, как малых детей, а вы не чувствуете этого. Как негодные слуги, показывая детям страшные и смешные личины (сами-то по себе они не страшны, но только представляются такими по слабости детского ума), возбуждают большой смех; так и иудеи пугают только слабых христиан своими личинами. Могут ли, в самом деле, устрашать обряды их, срамные и постыдные, - обряды людей, прогневавших Бога, подпавших бесчестию и осуждению?

4. Не таковы наши церкви; нет, они истинно страшны и ужасны. Ибо, где Бог, имеющий власть над жизнью и смертью; где так много говорят о вечных муках, об огненных реках, о ядовитом черве, о несокрушимых узах, о тьме кромешной, - то место страшно. А иудеи ничего этого и во сне ее видят, так как живут для чрева, прилепились к настоящему, и по своей похотливости и чрезмерной жадности несколько не лучше свиней и козлов; только и знают, что есть да пить, драться из-за плясунов, резаться из-за наездников. Это ли, скажи мне, заслуживает почтения и страха? Кто может утверждать это? Отчего женам представляется это страшным? Разве уже кто скажет, что и опозорившиеся слуги, не смеющие вымолвить слова и выгнанные из господского дома, страшны для (слуг) почетных и пользующихся свободой? Но это - не так, нет. Корчемницы отнюдь не почетнее царских палат; а синагога бесчестнее и всякой корчемницы, потому что служит убежищем не просто для разбойников и торгашей, но для демонов; а вернее сказать, не синагоги только (служат таким убежищем), но и сами души иудеев, что и постараюсь доказать в конце слова. Итак, прошу вас помнить особенно эту беседу; потому что мы говорим теперь не для того, чтобы показать себя и вызвать рукоплескания, но чтобы уврачевать ваши души. Ибо, какое остается еще нам извинение, когда, при таком множестве врачей, есть между нами больные? Апостолов было (только) двенадцать, - и

они привлекли всю вселенную; (а у нас) большая часть города состоит из христиан, и, однако же, есть еще больные иудейством. Какое же оправдание нам - здоровым? Конечно, и они, больные, достойны осуждения; но и мы не свободны от него, когда небрежем о них в болезни; нельзя было бы им долго оставаться в недуге, если бы они пользовались особенным попечительством с нашей стороны. Поэтому увещаю вас теперь, чтобы каждый из вас привлек брата, хотя бы для этого нужно было сделать принуждение, употребить силу, причинить неприятность, или вступить в спор; все сделай, только бы исхитить его из сети диавола и исторгнуть из общества христуубийц. Если бы ты увидел на площади, что кого-нибудь, осужденного по справедливому приговору, ведут (на смерть), и имел бы власть вырвать его из рук палача, скажи мне, не употребил ли бы ты всех средств для освобождения его? А теперь видишь своего брата, незаконно и несправедливо влекомого в пропасть гибели, не палачом, а диаволом, и не хочешь вступить в борьбу, чтобы избавить его от такого злодейства? Получишь ли же какое снисхождение? - Но он, скажешь, сильнее и могущественнее тебя? - Покажи его мне: скорее решусь сложить свою голову, нежели дозволю ему вступить в это священное преддверие, если он будет упорствовать и оставаться при том же. Что у тебя (скажу ему) общего со свободною [3], с вышним Иерусалимом? Ты избрал нижний (Иерусалим); с ним и работай: ибо и он, по слову апостола, "с детьми своими в рабстве" (Гал. 4:25). Ты постишься с иудеями? Так сними вместе с ними и обувь, ходи по площади босыми ногами, и будь сообщником их позора и срама. Но ты на это не можешь решиться: тебе стыдно и позорно. Так иметь одинаковую с ними внешность ты стыдишься, а участвовать в их нечестии не стыдишься? Какого же можешь ожидать себе снисхождения, когда ты христианин только на половину? Поверьте, скорее сложу свою голову, нежели оставлю без внимания кого-нибудь из таких больных, если только увижу; если же не буду знать, то Бог, конечно, простит. Об этом пусть поразмыслит и каждый из вас самих, и никто пусть не считает этого дела маловажным. Разве вы не знаете, что диакон постоянно возглашает во время совершения таинств: познавайте друг друга [4]? Как он этим обязывает вас к строгому наблюдению за вашими братьями! Так поступай и по отношению к этим людям: когда узнаешь, что кто-нибудь иудействует, останови, объяви о нем, чтобы и тебе самому не подвергнуться вместе с ним опасности. И в воинских лагерях, если кто из среды воинов обличен будет в преданности варварам и единомыслии с персами, не только сам он подвергается опасности, но и всякий из знавших об этом, но не объявивших вождю. А как и вы составляете войско Христово, то тщательно разыскивайте и разузнавайте, не вмешался ли между вами кто-нибудь из иноплемеников, и объявляйте о нем, не для того, чтобы мы, подобно тем (вождям), убили его, или истязали и наказали, но для того, чтобы нам избавить его от заблуждения и нечестия, и свое дело исполнить во всей точности. Если же не хотите этого, и зная (виновного), станете скрывать; то будьте уверены, что подвергнетесь одинаковому с ним наказанию. И Павел подвергает наказанию не только творящих зло, но и соизволяющих им (Рим. 1:32); и пророк одинаково осуждает как тех, кои крадут, так и тех, кои бегут вместе с ними (Пс. 69:18); и это справедливо. Кто, зная о злодее, прикрывает его, тот дает ему повод к большему своеволию, и располагает его делать зло с большим бесстрашием.

5. Но надобно опять возвратиться к больным. Итак подумайте, с кем имеют общение постыющиеся теперь? С теми, которые кричали: "Распни, распни Его!" (Лк. 23:21); с теми, которые говорили: "Кровь Его на нас и на детях наших" (Мф. 27:25). Осмелился ли бы ты подойти к осужденным за покушение на верховную власть и говорить с ними? Не думаю. Как же странно, - с таким старанием избегать сделавших зло человеку, а с оскорбившими Бога иметь общение, и поклонникам Распятого праздновать вместе с распявшими Его? Это не только глупо, но и крайне безумно. А как некоторые считают синагогу местом досточтимым; то необходимо сказать несколько и против них. Почему вы уважаете это

место, тогда как его надлежит презирать, гнушаться и убегать? В нем, скажете, лежит закон и пророческие книги. Что же из этого? Ужели, где будут эти книги, то место и будет свято? Вовсе нет. А я потому-то особенно и ненавижу синагогу и гнушаюсь ею, что, имея пророков, (иудеи) не веруют пророкам, читая Писание, не принимают свидетельств его; а это свойственно людям, в высшей степени злобным. Скажи мне: если бы ты увидел, что какого-нибудь почтенного, знаменитого и славного человека завели в корчемницу, или в притон разбойников, и стали бы его там поносить, бить и крайне оскорблять, неужели бы ты стал уважать эту корчемницу или вертеп потому, что там оскорбляем был этот славный и великий муж? Не думаю: напротив, по этому-то самому ты почувствовал бы особенную ненависть и отвращение (к этим местам). Так рассуждай и о синагоге. Иудеи ввели туда с собою пророков и Моисея не для того, чтобы почтить, но чтобы оскорблять и бесчестить их. Ибо, когда они говорят, будто (пророки и Моисей) не знали Христа и ничего не сказали о Его пришествии, то какое же еще может быть большее оскорбление для этих святых, как не обвинение их в том, будто они не знают своего Владыку и участвуют в нечестии иудеев? Значит, поэтому-то больше и следует ненавидеть их, вместе с синагогою, что они оскорбляют святых тех. Но что говорить о книгах и местах? Во время гонений палачи держат в руках у себя тела мучеников, терзают, поражают бичами: так ужели их руки стали святы оттого, что держали тела святых? Нисколько. Если же руки, державшие тела святых, скверны по тому самому, что держали беззаконно; то те, которые имеют у себя Писания святых и оскорбляют их столько же, как и палачи тела мучеников, неужели поэтому будут заслуживать уважение? Не крайне ли было бы это безумно? Если беззаконное держание тел (святых) не только не освящает, но делает еще более скверными держащих: тем более чтение Писаний (пророческих) без веры не может принести пользы читающим. Так это именно настроение, с каким иудеи держат у себя (священные) книги, обличает их тем в большем нечестии. Не имея пророков, они не заслуживали бы такого осуждения; не читая книг, не были бы так нечисты и мерзки. Теперь же они не заслуживают никакого снисхождения; потому что, имея проповедников истины, питают враждебное настроение и к самим проповедникам и к истине. Следовательно, поэтому-то они особенно мерзки и нечисты, что, имея пророков, пользуются ими с враждебным настроением. Поэтому умоляю вас бегать и уклоняться их собраний: (иначе, произойдет) не малый вред для немощных братий и не малый повод к гордости для иудеев. Когда они увидят, что вы, поклонники распятого им Христа, выполняете и почитаете их (обряды); то как им не подумать, что все обряды их прекрасны, а наши ничего не стоят, так как вы, почитая и соблюдая эти последние, в тоже время бежите к уничижающим их? “Ибо если кто-нибудь увидит, что ты, - говорит апостол, - имея знание, сидишь за столом в капище, то совесть его, как немощного, не расположит ли и его есть идоложертвенное?” (1Кор. 8:10). И я говорю: если кто увидит, что ты, имея знание, уходишь в синагогу и смотришь на (праздник) труб, немощная совесть его не расположится ли к почитанию иудейских обычаев? Падающий наказывается не за свое только падение, но и за то, что роняет других; равно как и устоявший не только награждается за свое мужество, но заслуживает уважения и за то, что и в других возбуждает ревность к тому же. Итак, избегайте и собраний, и мест, где бывают иудеи; и никто да не питает уважения к синагоге из-за (священных) книг, но из-за них-то пусть ненавидит ее и гнушается ею, потому что иудеи оскорбляют святых, не веря их словам и представляя их повинными в крайнем нечестии.

б. И чтобы вы убедились, что книги не придают святости месту, но что душевное настроение собирающихся в нем оскверняет его, расскажу вам одну древнюю историю. Птоломей Филадельф, собирая отовсюду книги и узнав, что у иудеев есть Писания, преподающие учение о Боге и о наилучшем устройстве жизни, вызвал из Иудеи мужей и чрез них перевел эти Писания, и положил их в храм Сераписа (он был язычник), где и

доселе находится этот перевод пророческих книг. Что же? Ужели храм Сераписа из-за этих книг стал свят? Нет; сами они святы, но месту не сообщают святости, вследствие нечистоты собирающихся в нем. Так надобно судить и о синагоге. Если там не стоит идол, зато живут демоны. И это говорю не о здешней только синагоге, но и о той, которая в Дафне: там пропасть, называемая пропастью Матроны, еще более пагубная. Слышал я, что многие из верующих ходят туда и спят подле этого места. Но нет, я никогда не назову таких людей верующими: для меня одинаково нечисто всякое капище как Матроны, так и Аполлона. Если же кто обвинит меня (за эти слова) в дерзости, и я в свою очередь обвиню того в крайнем безумии. Ибо скажи мне: не нечестиво ли то место, где живут демоны, если даже и не стоит там идол? (А место), где собираются христуубийцы, где преследуют крест, где хулят Бога, не знают Отца, поносят Сына, отвергают благодать Духа, где еще находятся и самые демоны, - такое место не более ли пагубно? Ибо там (в языческом капище) нечестие явно и очевидно, и не так легко привлечет или обольстит человека умного и здравомыслящего; но здесь (в синагоге иудеи), говорящие о себе, что поклоняются Богу, отвергают идолов, имеют и почитают пророков, этими словами устраивают только большую приманку и ввергают в свои сети людей простых и неразумных, по их неосторожности. Значит, нечестие как у иудеев, так и у язычников, одинаково; но обольщение у первых действует гораздо сильнее, потому что у них не виден ложный жертвенник, на котором они заклает не овец и тельцов, а человеческие души. Словом: если ты уважаешь все иудейское, то что у тебя общего с нами? Если иудейское важно и достойно почтения, значит, наше ложно; но если наше истинно, а оно и в самом деле истинно, то иудейское исполнено обмана. Говорю ни о Писаниях, нет; они привели меня ко Христу; но (говорю) о нечестии и нынешнем безумии иудеев. Но пора уже показать, что там, в (синагоге), живут и демоны, и не только в этом месте, но и в самых душах иудеев. "Когда нечистый дух, - сказал (Иисус Христос), - выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и, не находя, говорит: возвращусь в дом мой, откуда вышел. И, придя, находит [его] незанятым, выметенным и убранным; тогда идет и берет с собою семь других духов, злейших себя, и, войдя, живут там; и бывает для человека того последнее хуже первого. Так будет и с этим злым родом" (Лк. 11:24; Мф. 12:43-45). Видишь, что демоны живут в душах их, и нынешние - еще лютее прежних. И очень справедливо: потому что иудеи тогда оскорбляли пророков, а теперь ругаются над самим Владыкою пророков. Так вы собираетесь в одно место с людьми, одержимыми демонами, имеющими в себе столько нечистых духов, воспитанными в смертоубийствах и - не ужасаетесь? Следует ли даже обмениваться с ними приветствиями и делиться простыми словами? Напротив, не должно ли отвращаться их, как всеобщей заразы и язвы для всей вселенной? Какого зла они не сделали? Не все ли пророки употребляли множество длинных речей на обличение их? Какого злодейства, какого беззакония не затмили они своими гнусными убийствами? Они заклали в жертву демонам своих сыновей и дочерей, не познали самой природы, забыли муки деторождения, пренебрегали воспитанием детей, ниспровергли до основания законы родства, стали свирепее всех зверей. И звери часто жертвуют и жизнью и пренебрегают собственной безопасностью для защиты своих детенышей; а эти, без всякой необходимости, собственными руками заклали свои порождения, чтобы угодить врагам нашей жизни, неприязненным демонам. Чему прежде изумляться в них? Нечестию ли, или жестокости и бесчеловечию? Тому ли, что они заклали своих сыновей, или тому, что заклали их в жертву демонам? А похотливостью не превзошли ли они самых похотливых животных? Послушай, что пророк говорит о их невоздержности: "Это откормленные кони: каждый из них ржет на жену другого" (Иер. 5:8); не сказал: каждый питал похоть к жене ближнего; нет, с особенною силою выразил их неистовую похоть ржанием (известных) животных.

7. О чем еще сказать вам? О хищениях, о лихоимстве, о притеснении бедных, о кражах, о корчмничестве? Но для рассказа об этом не достанет и целого дня. Но праздники их, скажете, имеют в себе что-то важное и великое! - И их сделали они нечистыми. Послушай пророков, или лучше, послушай самого Бога, какое сильное отвращение показывает Он к ним: “Ненавижу, отвергаю праздники ваши” (Ам. 5:21). Бог ненавидит их, а ты принимаешь в них участие? Не сказано, (что ненавидит) такой-то и такой-то праздник, но вообще все. Хочешь знать, что Бог ненавидит (иудейское) служение Ему посредством тимпанов, цитр, псалтирей и других инструментов? “Удали от Меня, - сказал Он, - шум песней твоих, ибо звуков гуслей твоих Я не буду слушать” (ст. 23). Бог говорит: “Удали от Меня”, - а ты идешь слушать трубы? Но не мерзки ли сами жертвы их и приношения? “Не носите больше даров тщетных: курение отвратительно для Меня” (Ис. 1:13). Кадило их - мерзость, а место - не мерзость? И когда же мерзость? Прежде, чем они совершили самое главное злодеяние, - прежде Креста, прежде христоубийства. Так не гораздо ли более (мерзко их кадило) теперь? Что может быть благовоннее кадила? Но Бог судит о приношениях, обращая внимание не на свойство даров, а на расположение приносящих. “И призрел Господь на Авеля и, - потом уже, - на дар его”; увидел Каина, и потом отвернулся от жертв его. “На Каина, - сказано, - и на дар его не призрел” (Быт. 4:4-5). Ной принес в жертву Богу овец, тельцов и птиц: “И обонял Господь, - говорит Писание, - приятное благоухание” (Быт. 8:21), то есть, принял принесенное. У Бога конечно нет ноздрей: Божество - бестелесно. С жертвенника возносится кверху запах и дым от сжигаемых тел, а зловоннее этого запаха ничего не может быть; однако же, чтобы ты знал, что Бог то принимает жертвы, то отверщается их, смотря по расположению духа приносящих, (Писание) называет этот запах и дым вонюю благоухания, а кадило - мерзостью потому, что душа возносящих его исполнена великого зловония. Хочешь ли знать, что Бог отверщается, вместе с жертвами, органами, праздниками, фимиамом, и от храма, из-за людей, которые собираются в нем? Лучше всего Он показал это на деле, когда в известное время предал (храм иудейский) в руки варваров, а потом и совершенно разрушил. Впрочем, и до разрушения, Он взывает и говорит чрез пророка: “Не надейтесь на обманчивые слова: здесь храм Господень, храм Господень, храм Господень” (Иер. 7:4). Не храм, говорит Он, освящает собирающихся в нем, но собирающиеся делают его святым. Если же храм не приносил пользы тогда, когда в нем находились херувимы и кивот; тем менее он принесет пользы, когда все это уничтожено, когда Бог совершенно отвернулся от него, и когда открылось еще больше причин для такого отвращения. Как же глупо и безумно праздновать вместе с людьми, покрытыми бесчестием, оставленными Богом, и раздражавшими Господа? Если бы кто убил твоего сына, скажи мне, ужели ты мог бы смотреть на такого человека, слушать его разговор? Не избегал ли бы ты его, как злого демона, как самого дьявола? Иудеи умертвили Сына твоего Владыки; ты осмеливаешься сходить с ними в одном и том же месте? Умерщвленный (Иисус Христос) почтил тебя так, что сделал Своим братом и сонаследником; а ты столь бесславишь Его, что уважаешь убийц и распинателей Его, и угождаешь им участием в их праздниках, ходишь в скверные места их собраний, вступаешь в нечистые преддверия и участвуешь в бесовской трапезе? Так называть пост иудеев должен я после того, как они совершили богоубийство. И как же не демонам служат те, которые делают противное Богу? Но ты ищешь у демонов исцеления? Если демоны уже свиней загнали в море, когда Христос дозволил им войти в них; то пощадят ли человеческое тело? О, если бы они не убивали человека, если бы не строили козней (против него)! Они изгнали его из рая, лишили вышней почести: будут ли те врачевать его тело? Это - насмешка и басни. Демоны умеют только строить козни и вредить, а не врачевать. Они не щадят души; ужели, скажи мне, пощадят тело? Стараются извергнуть (человека) из царства: так захотят ли избавить его от болезни? Разве ты не слышал, как пророк, или вернее - сам Бог чрез пророка говорит, что они не могут сделать ни добра, ни зла? Но если бы они даже и могли и

хотели врачевать, - что, впрочем невозможно, - тебе однако же не следует из-за малой и скоропреходящей пользы навлекать на себя бесконечную и вечную погибель. Ужели хочешь уврачевать тело, чтобы погубить душу? Не хороша твоя прибыль: просишь своего зложелателя об уврачевании (тела), и раздражаешь Бога, сотворившего тело! Не легко ли же какому-нибудь нечестивому человеку, своим врачебным искусством, увлечь тебя к поклонению языческим богам? И язычники своим искусством часто вылечивали от многих болезней и восстанавливали здоровье недужных. Что же? Неужели этому должно принимать участие в их нечестии? Нет. Послушай, что Моисей говорит иудеям: "Если восстанет среди тебя пророк, или сновидец, и представит тебе знамение или чудо, и сбудется то знамение или чудо, о котором он говорил тебе, и скажет притом: "пойдем вслед богов иных, которых ты не знаешь, и будем служить им", - то не слушай слов пророка сего, или сновидца сего" (Втор. 13:1-3). Эти слова означают вот что: если явится какой-нибудь пророк и сотворит чудо, напр. воскресит мертвого, или очистит прокаженного, или исцелит расслабленного, и, по совершении чуда, будет склонять тебя к нечестию; не верь ему из-за совершенного им чуда. Почему? "Ибо [чрез] [сие] искушает вас Господь, Бог ваш, чтобы узнать, любите ли вы Господа, Бога вашего, от всего сердца вашего и от всей души вашей" (ст. 3). Отсюда видно, что демоны не исцеляют. Если же иногда, по попущению Божию, и сделают они какое исцеление, как и люди; то такое попущение бывает для твоего испытания, не потому, чтобы Бог не знал (тебя), но чтобы ты научился не принимать от демонов и исцеления. И что говорить об излечении тела? Если бы кто-нибудь грозил тебе геенною, чтобы принудить тебя отречься от Христа; не соглашайся; если бы обещал царство, только бы отвлечь тебя от едиnorodного Сына Божия: отвратись и возненавидь его, будь учеником Павла, поревнуй тем словам, которые громко произнесла эта блаженная и доблестная душа: "Ибо я уверен, - говорил он, - что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем" (Рим. 8:38-39). Его не могли отлучить от любви Божией ни ангелы, ни силы, ни настоящее, ни будущее, ни другая какая-нибудь тварь: а тебя отлучает врачевание тела? Какое же будет нам извинение? Христос должен быть для нас страшнее и геенны, вожденнее и царства. Пусть будем мы больны: лучше остаться больным, нежели, для освобождения от болезни, впасть в нечестие. Демон, если и уврачует, больше повредит, нежели принесет пользы: доставит пользу телу, которое, спустя немного, непременно умрет и сгниет; а повредит он бессмертной душе. Как похитители людей, предлагая маленьким детям лакомства, пирожки, игорные кости и другое, тому подобное, и чрез это приманивая их к себе, часто лишают их свободы и самой жизни; так и демоны, обещая человеку уврачевать тело, совершенно губят спасение души его. Но мы не потерпим этого, возлюбленные; напротив, всячески постараемся избегать нечестия. Не мог ли Иов, согласно убеждению жены, произнести хулу на Бога и освободиться от постигшего его несчастья? "Похули Бога, - говорила она, - и умри" (Иов. 2:9). Но он решился лучше страдать и мучиться, и перетерпеть невыносимый тот удар: нежели произнести хулу на Бога и избавиться от тяготевших на нем бедствий. Поревнуй ему и ты; пусть демон тысячу раз обещает избавить тебя от постигших тебя зол: не склоняйся, не уступай, как и тот праведник не послушался жены; нет, решишь лучше перенести болезнь, нежели потерять веру и спасение своей души. Бог часто попускает тебе впасть в болезнь не потому, чтобы Он оставил тебя, но с тем, чтобы более прославить тебя. Итак, будь терпелив, чтобы и тебе услышать: "Ты хочешь ниспровергнуть суд Мой, обвинить Меня, чтобы оправдать себя?" (Иов. 40:3).

8. Можно бы сказать и больше этого, но, чтобы не затруднить вам памятование о сказанном, я здесь окончу свою беседу словами Моисея: "Во свидетели пред вами призываю сегодня небо и землю" (Втор. 30:19), что, если кто из вас, здесь ли находящихся

или отсутствующих, отправится смотреть трубы (иудейские), или пойдет в синагогу, или взойдет в храм Матроны, или будет участвовать в посте и субботах, или совершать другой какой-нибудь малый или великий иудейский обряд, я чист от крови всех вас. Эти беседы предстанут и мне, и вам, в день Господа нашего Иисуса Христа. Если вы слушаете, они доставят вам великое дерзновение; а если не слушаете и прикроете кого из отваживающихся на такие дела, они противостанут вам, как строгие обличители. Я не упустил “возвещать вам всю волю Божию” (Деян. 20:27), напротив, еще отдал “серебро мое торгующим” (Мф. 25:27): вам уже предоставляется умножить данное и плоды от слушания (беседы) употребить на спасение ваших братий. Но, скажет кто-нибудь, тяжело и неприятно объявлять о виновных в этом (участии в иудейских обрядах)? - Нет, тяжело и неприятно молчать об этом: потому что такое молчание и для вас, которые, скрываете, и для тех, которых скрываете, губительно тем, что вооружает против вас Бога. Не гораздо ли лучше досадить подобным нам рабам, лишь бы приобрести спасение, нежели раздражать против себя Господа? Ближний, хотя теперь и понегодует, не может, однако же сделать тебе никакого вреда, а впоследствии будет еще благодарен тебе за врачевство; но Бог, если ты умолчишь и скроешь, в угодность своему ближнему, для него губительную, - подвергнет тебя самому тяжкому наказанию. Значит, молчанием ты и Бога вооружишь против себя, и брату повредишь; а объявлением и открытием (виновного) и Бога умиловишь к себе, и брату принесешь пользу, и сделаешь его самым пламенным другом, когда он на опыте узнает твое благодеяние. Итак не думайте, будто вы угождаете вашим братьям, когда, увидев, что они делают что-либо дурное, не обличаете их со всею строгостию. Если у тебя пропадет одежда, не одинаково ли считаешь своим врагом как укравшего, так и того, кто знает вора и не объявляет о нем? Общая мать наша (церковь) потеряла не одежду, но брата: украл его диавол, и держит теперь в иудействе. Ты знаешь укравшего, знаешь украденное; видишь, что я, зажегши, как бы светильник, слово учения, везде ищу (украденное) с плачем, и стоишь в молчании, и не объявляешь? Какого же ожидаешь ты себе снисхождения? Церковь не сочтет ли тебя величайшим врагом своим, не признает ли супостатом и изменником? Но не дай Бог, чтобы кто-либо из слушающих это наставление дошел когда до такого греха, чтобы ты предал брата, за которого Христос умер. Христос пролил за него кровь Свою; а ты не хочешь и слова сказать? Не (делайте этого), прошу; но, вышедши отселе, тотчас поспешите на эту ловлю, и каждый из вас пусть приведет ко мне одного из таких больных. Но лучше бы, если бы и не нашлось столько больных: так пусть двое или трое, или даже десять или двадцать из вас, приведут ко мне одного, чтобы я, увидев пойманную в сети добычу, предложил вам в тот день обильнейшую трапезу. Ибо, если увижу, что нынешний совет мой приведен будет в дело, с большим усердием примусь за врачевание больных, и великая будет польза как вам, так и им. Не поленились же, но все без изъятия, со всем усердием, ловите таких больных, женщины женщин, мужчины мужчин, рабы рабов, свободные свободных, дети детей, и, поймав, приходите в следующее собрание, чтобы и от нас получить вам похвалу, и, прежде еще наших похвал, заслужить от Бога награду, великую и неизреченную, которая гораздо превосходит труды подвизающихся в добре. Чего да удостоимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым слава Отцу, вместе со Святым Духом, ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

[1] Т. е. Исаия, Давид и Павел.

[2] Ангелы, херувимы и серафимы.

[3] Здесь указывается на посл. к Гал. 4:22-26, где Христова церковь или вышний Иерусалим уподобляется свободной Сарре, а иудейская церковь или нижний, земной Иерусалим - рабыне Агари.

[4] Ἐπιτιμωσικτε ἀλλήλους равносильно диаконскому возглашению в литургии верных: возлюбим друг друга, по употреблению в Св. Писании, 1 Кор. 16:18.

ПРОТИВ ИУДЕЕВ.

"Против тех, которые содержат иудейский пост, и против самих иудеев. Сказано за пять дней до их поста, после того, как уже было произнесено другое (αλλης) слово".

СЛОВО ВТОРОЕ.

Против тех, которые содержат иудейский пост, и против самих иудеев. – Не должно соблюдать иудейского поста, потому что 1) лишаются благодати Христовой те, кто служат ветхому закону, хотя бы в одном каком-нибудь отношении; 2) соблюдающие закон в одном отношении, тем самым обязываются соблюдать его весь под страхом проклятия. – Закон есть добрая вещь, но под условием, если он приводит к Иисусу Христу. – Он есть зло для тех, которых не приводит к Нему, следовательно, для иудействующих. – Бог более ревнует о чести верующих, чем о собственной славе; взаимно и верующие должны ревновать о чести Божией и не допускать своих жен посещать синагоги.

Уже при дверях беззаконный и нечистый пост иудейский. Не удивляйтесь, что я назвал этот пост нечистым: что делается против воли Божией, то сквернее всего, будет ли то жертва, или пост. Итак, через пять дней уже наступит беззаконный пост иудеев; а я за десять дней, или и больше, сделал вам предварительное увещание, чтобы предохранить от опасности ваших братьев. Но никто не обвиняй нас в неблаговременности слова, что мы предложили его за столько дней. Ведь, и тогда, как опасаются горячки, или другой какой болезни, предварительно стараются многими лекарствами предохранить тело человека, угрожаемого болезнью, и прежде, чем она придет на самом деле, спешат избавить его от угрожающих бед. Так и мы, видя, что угрожает самая тяжкая болезнь, заранее и задолго вперед объявили о ней, чтобы употреблены были вспомогательные средства прежде, чем зло постигнет нас на деле. Я не отложил увещания до наступления самых дней поста, чтобы тогда краткость времени не помешала вам ловить ваших братьев, но чтобы вы, пользуясь большим промежутком времени, могли с полною свободою отыскать и излечить страждущих этою болезнью. Так поступают и те, которые хотят справлять брак и готовят великолепный обед: они, не в самые дни (праздника), но задолго прежде сговариваются с рыбаками и птицеловами, чтобы после, когда времени будет уже мало, им не встретить какой помехи к приготовлению пиршества. Так и мы, намереваясь предложить вам трапезу (беседу) о безумии иудеев, наперед сговорились с вами - ловцами, чтобы вы поймали в сети слабейших братьев ваших и привели их послушать наши слова. Те из вас, которые уже поймали и держат крепко в сетях, пусть перевяжут (пойманных) словом увещания; а которые еще не наловили этой прекрасной добычи, имеют довольно времени за эти пять дней, чтобы справиться с ловом. Раскинем же сети учения, станем кругом, как ловчие псы, и будем отовсюду сгонять их в пределы церкви. А, если угодно, выведем на них, как какого-нибудь превосходного ловчего, блаженного Павла, который вопиет и говорит: "Вот, я, Павел, говорю вам: если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа" (Гал. 5:2). Многие из диких и неукротимых животных, скрывающихся в лесу, услышав голос охотника, от страха выскакивают, и гонимые силою этого голоса, против воли понуждаемые сильным криком, попадают в самые тенета. Так и ваши братия, скрывающиеся в иудействе, как бы в каком лесу, если услышат голос Павла, я уверен, легко попадут в сети спасения, и совершенно

отринут иудейское заблуждение. Ибо и говорит не Павел, но Христос, движущий его душою. Значит, когда услышишь, что тот взывает и говорит: “Вот, я, Павел, говорю вам: если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа”, - представляй, что это только голос Павла, а мысль и учение - Христа, Который внутренне наставляет его. Но, может быть, кто скажет: ужели обрезание так вредно, что при нем бесполезно все домостроительство Христово? Точно, обрезание так вредно не само по себе, а по неразумию (обрезающихся). Было некогда время, когда закон был полезен и необходим; но теперь он пришел и остается без действия. Посему, если ты примешь его не вовремя, он сделает для тебя бесполезным дар Божий. Потому-то и “не будет вам никакой пользы от Христа”, - что вы не хотите придти (к Нему). Если бы кто, за прелюбодеяние и (другие) гнуснейшие пороки, заключен был в темницу, а потом, когда уже надлежало бы произвести суд и произнести ему обвинительный приговор, пришло от царя письмо об освобождении всех заключенных в темнице, без всякого допроса и исследования; между тем тот (человек), не захотев принять (царской) милости, стал бы настаивать на том, чтобы его подвергли допросам и розыскам; то он, конечно уже не может воспользоваться этою милостью: предав сам себя суду, розыску и приговору, он добровольно лишил себя царской милости. То же случилось и с иудеями. Смотрите: все человечество уличено в самых гнусных пороках. “Все согрешили”, - говорит апостол (Рим. 5:12), и заключены были под проклятием греха, как бы в темнице; надлежало уже произнести приговор над ними, как пришло с небес послание Царя, или лучше - пришел сам Царь и освободил всех от уз греха, не произведя ни исследования, ни допросов.

2. Посему все, прибегающие (к Спасителю), пользуются даром и спасаются благодатью; а те, которые хотят оправдаться законом, лишаются и благодати. Стараясь спастись собственными силами, они не могут и воспользоваться царским человеколюбием, и привлекают на себя проклятие закона, “ибо делами закона не оправдается никакая плоть” (Гал. 2:16). Посему-то апостол и говорит: “Если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа” (Гал. 5:2); ибо усиливающийся спастись делами закона не имеет никакого общения с благодатью. То же самое разумел Павел, когда говорил: “Но если по благодати, то не по делам; иначе благодать не была бы уже благодатью. А если по делам, то это уже не благодать; иначе дело не есть уже дело” (Рим. 11:6). И опять: “А если законом оправдание, то Христос напрасно умер” (Гал. 2:21). И еще: “Вы, оправдывающие себя законом, остались без Христа, отпали от благодати” (Гал. 5:4). Ты умер для закона, сделался мертвым, и уже не находишься под игом и неволею его. К чему же все и напрасно усиливаешься беспокоить сам себя? Но для чего Павел поставил здесь свое имя, и не сказал просто: “Это я говорю вам”? Он хотел напомнить галатам о той ревности, какую сам прежде показал в пользу иудейства. Если бы я был из язычников, говорит он, и не знал иудейства; то иной, может быть, сказал бы, что я потому изгоняю обрезание из церковных догматов, что не знаю силы его, так как сам не жил в иудействе. Вот для чего он поставил свое имя, - чтобы напомнить им о том, что сделал он для закона. Как бы так говорит он: это делаю не по вражде к обрезанию, но по знанию истины; это говорю я, Павел, тот Павел, который “обрезанный в восьмой день, из рода Израилева, колена Вениаминова, Еврей от Евреев, по учению фарисей, по ревности - гонитель Церкви Божией” (Флп. 3:5-6); “входя в дома и влача мужчин и женщин, отдавал в темницу” (Деян. 8:3); - все это может убедить самых безрассудных, что я постановил этот закон (об упразднении обрезания), не по вражде какой, или по незнанию иудейства, но по знанию высочайшей Христовой истины. “Еще свидетельствую всякому человеку обрезывающемуся, что он должен исполнить весь закон” (Гал. 5:3). Для чего не сказал: возвещаю же, или заповедую же, или говорю же, но: “свидетельствую”? Для того, чтобы этим выражением напомнить нам о будущем суде; ибо, где свидетели, там суд и приговор. Так он устрашает слушателя, напоминая ему о царском престоле, и показывая,

что эти слова будут ему свидетелями в тот день, когда каждый должен будет дать отчет в том, что он сделал, что сказал, и что слышал. Эти (слова апостола) слышали некогда галаты, а теперь пусть послушают и страждущие болезнью галатов; если их и нет здесь, пусть от вас услышат, как Павел взывает и говорит: “Свидетельствую всякому человеку обрезывающемуся, что он должен исполнить весь закон”. Не говори мне, что обрезание составляет только одну заповедь: эта одна заповедь налагает на тебя все иго закона. Если ты хотя частью подчиняешь себя владычеству закона, то необходимо должен повиноваться и прочим повелениям его; если же не исполняешь их, то по всей необходимости подлежишь наказанию и навлекаешь на себя проклятие. Когда воробей попадает в тенета, то, хоть у него запутывается только нога, однако и все остальное тело находится в плену. Подобно этому, и исполняющий одну заповедь закона: об обрезании ли то, или о посте, из-за этой одной заповеди отдал всего себя во власть закона, и не в состоянии уже освободиться от неё, пока имеет желание повиноваться ему, хотя отчасти. Мы говорим это не с тем, чтобы обвинять закон, нет; но чтобы показать преизобильное богатство благодати Христовой. Закон не противоречит Христу; да и как это может быть, когда он дан Им и к Нему руководит нас? Но говорить обо всем этом мы вынуждаемся неуместною ревностью тех, которые пользуются законом не так, как должно. Они-то и оскорбляют закон, когда: то повелевают отстать от него и приступить к Христу, то снова держатся его. Согласен и я, и никогда не буду отрицать, что закон принес очень много пользы нашему роду; но ты, держась его не вовремя, не даешь (вполне) обнаружиться его великой пользе. Как для воспитателя самую великую похвалю бывает то, что воспитанный им юноша уже не имеет нужды в его надзоре для сохранения целомудрия, потому что уже довольно укрепился в этой добродетели; так и для закона величайшею похвалою является то, что мы уже не имеем нужды в его помощи. Ибо этим-то самым мы и обязаны закону, что душа наша сделалась довольно способною к принятию высшего любомудрия. Значит, кто доселе остается при законе и ничего не может видеть больше того, что там написано, тот не получил от него большой пользы; а я, который оставил его и возвысился до высочайших догматов Христовых, могу восхвалять его особенно за то, что он сделал меня способным возвыситься над мелочностью написанного в нем и взойти на высоту учения, преподанного нам Христом. Закон много принес пользы нашей природе, если только приблизил нас к Христу; а если нет, то повредил еще тем, что, привязав нас к меньшему, лишил большего, и доселе держит в бесчисленных греховных ранах. Ибо, если из двух врачей, из которых один слабее, а другой сильнее (в своем искусстве), один приложит к ранам лекарства и не в состоянии будет освободить больного от боли, возбужденной ими [1]...

З.....брат твой..... “оставь там дар твой пред жертвенником, и пойдя прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой” (Мф. 5:24). Не сказал: совсем оставь жертву и уйди, но: оставь дар пока не принесенным, и ступай, примиришься с братом твоим. Впрочем, Он сказал так не только здесь, но еще и в другом месте. Так, если кто имеет жену неверную, то есть, язычницу, то не принуждается прогонять ее. “Если какой брат, - говорит апостол, - имеет жену неверующую, и она согласна жить с ним, то он не должен оставлять ее” (1 Кор. 7:12); а если - распутную и прелюбодеицу, то ему не возбраняется прогнать ее: “Кто, - говорит Иисус Христос, - разводится с женою своею, кроме вины прелюбодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать” (Мф. 5:32). Следовательно, за любоддеяние можно отпускать жену. Видишь человеколюбие и попечительность Божию? Если, говорит, жена твоя язычница, не прогоняй; а если прелюбодеица, то не возбраняю сделать это. Если она, говорит, оскорбит Меня - не прогоняй, а если обесчестит тебя, никто не мешает прогнать. Такой-то Бог удостоил нас чести; а мы неужели не почтим Его, и столько же (сколько Он почтил нас), но дозволим своим женам оскорблять Его, зная притом, что нас постигнет величайшее мучение и казнь, если пренебрежем спасением

жен? Для того-то Он и сделал тебя главою жены, для того-то и Павел повелел: “Если же они хотят чему научиться, пусть спрашивают [о том] дома у мужей своих” (1 Кор. 14:35), чтобы ты, как учитель, попечитель и предстоятель, возбуждал ее к благочестию. А вы, когда время собрания призывает в церковь, не пробуждаете (жен) от беспечности; когда же диавол зовет их к трубам и они с готовностью повинуются ему, не останавливаете их, но равнодушно смотрите, как они увлекаются к преступному нечестию и предаются невоздержности. Ибо туда, обыкновенно, собираются и любодеицы, и изнеженные мужчины, и целая толпа плясунов. И что говорить о совершающихся там прелюбодеяниях? Ужели ты не боишься того, что жена твоя возвратится оттуда с диаволом в душе? Разве ты не слышал, как ясно показало нам предыдущее слово, что демоны обитают и в душах иудеев, и в местах, где они собираются? Как же осмеливаешься ты, скажи мне, после пляски с демонами снова идти в апостольское собрание? Как не страшишься приступать к священной трапезе, участвовать в ней и приобщаться драгоценной крови после того, как ты ходил к пролившим кровь Христа и имел с ними общение? Тебя не ужасают, не приводят в страх такие преступления? Или ты не благоговеешь пред самой этой трапезой? Все, что сказал я вам, вы передайте им [2], а они пусть передадут своим женам: “назидайте один другого” (1 Фес. 5:11). Если страждущий этою болезнью (иудейством) будет оглашенный, то да извержется из преддверия; если верный и посвященный, да будет отлучен от священной трапезы. Ибо не все грехи требуют только увещания и совета; нет, есть и такие, которые исправляются решительным и самым быстрым пресечением. Как более легкие раны уступают слабейшим лекарствам, а загнившие, неизлечимые и губящие все тело требуют острия железного и огня; так и из грехов, одни имеют нужду в продолжительном увещании, а другие - в строгих обличениях. Потому и Павел велел не увещевать только, но и строго обличать, говоря так: “По сей причине обличай их строго” (Тит. 1:13). Обличим же их теперь нещадно, чтобы они, устыдившись наших слов и осудив сами себя, не заражались более беззаконным (иудейским) постом. Для того и я, оставив наконец увещание, свидетельствую и провозглашаю: “Кто не любит Господа Иисуса Христа, анафема, маранафа” (1 Кор. 16:22). А чем более может кто-либо доказать, что он не любит Господа, как не тем, когда участвует в празднике (иудеев), убивших Его? Таковых не я предал анафеме, а Павел; или даже и не Павел, а Христос, говорящий чрез Павла и выше сказавши, что “Вы, оправдывающие себя законом ... отпали от благодати” (Гал. 5:4). Скажите им эти слова, прочтите этот приговор, и, со всею заботливостью спаси их и исхитив из челюстей диавола, приведите к нам в день поста, чтобы мы, отдав вам остальное из обещанного, единодушно и одними устами с нашими братьями, прославили Бога и Отца Господа Иисуса Христа, потому что Ему слава во веки. Аминь.

[1] Здесь недостает окончания, а в следующем отделении начала.

[2] т. е., склонных к иудейству.

ПРОТИВ ИУДЕЕВ.

"К тем, которые по-прежнему постятся в пасху". Слово это, как показывает самое начало, произнесено после второго, или даже и третьего, слова против аномеев.

СЛОВО ТРЕТЬЕ.

К тем, которые по-прежнему постятся в Пасху. - Не должно участвовать в соблюдении поста, который иудеи соблюдают перед своей пасхой, потому что это может служить причиной раскола и разномыслия, а разномыслие есть худшее из зол: таково учение Павла и отцов Никейского собора. - Бог, разрушая город, в котором только и можно было законно совершать иудейскую пасху, с достаточностью показал, что Он отверг все праздники иудейские и освободил нас от обязанности соблюдать дни, установленные законом. - У самих иудеев соблюдение места должно бы стоять выше и иметь больше важности, чем соблюдение времен, потому что соблюдение времен часто бывает совершенно невозможным.

Опять крайняя и настоятельная нужда, прервав порядок прежних бесед, заставляет нас сегодня говорить о ней самой и отвлекает от прений с еретиками. Мы намерены были побеседовать с вашей любовью опять о славе Единородного, но нелепое упорство желающих по-прежнему поститься в пасху вынуждает нас все нынешнее поучение употребить на их врачевание. И хороший пастух, не только отгоняет волков (от своего стада), но и со всей заботливостью лечит заболевших овец: ибо какая польза, когда овцы, хоть и избегают пасти зверей, за то истребляются болезнью? Так и наилучший военачальник, не только отражает замыслы (внешних) врагов, но еще прежде этого умиряет волнующийся город, зная, что внешняя победа не принесет никакой пользы, пока будет продолжаться внутренняя, междоусобная война. А чтобы тебе увериться, что нет ничего губительнее (внутреннего) раздора и несогласия, послушай, что говорит Христос: "всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет" (Матф. 12:25). Что, кажется, могущественнее государства, у которого есть и денежные доходы, и оружие, и стены, и крепости, и огромное войско, и конница, и бесчисленное множество других средств, увеличивающих его силу? Однако же, если в нем возникнет междоусобие, вся эта сила сокрушается: ибо ничто так не ослабляет (общества), как ссоры и распри, и напротив, ничто столько не усиливает и не укрепляет, как любовь и согласие. Созная это, и Соломон говорил: "Брат от брата вспомоществуемый – как город крепкий и высокий, и силен, как прочное царство" (Притч. 18:19). Видишь, как сильно единодушие, и как губителен раздор? Царство, раздираемое междоусобием, гибнет; а два человека, соединившиеся и тесно связанные между собой, - непоколебимее всякой стены. Знаю, что у нас, по милости Божьей, большая часть стада свободна от этой болезни; однако, поэтому не должно еще пренебрегать врачеванием. Если бы даже больных было только десять человек, или пять, или два, или только один, и тогда не надлежало бы оставлять его без внимания; пусть он и один, притом незначительный и презренный человек, однако и он брат, за которого Христос умер. О малых-то Христос заботится много. "А кто соблазнит", говорит Он, "одного из малых сих верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его в глубине морской" (Матф. 18:6). И опять: "так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне" (Матф. 25:45). И еще: "нет воли Отца вашего небесного, чтобы погиб один из малых сих" (Матф. 18:14). Как же будет безрассудно, если мы вознерадим о малых, когда Христос столько заботится о них? Не о том говори, что он (больной) один, но о том, что один, оставленный без внимания, передает свою болезнь и прочим. "Малая закваска", говорит апостол, "заквашивает все тесто" (Гал. 5:9). Это-то и губит и расстраивает все, что

мы пренебрегаем малым; от того-то и (малые) раны делаются большими, точно так же, как большие легко сделаются малыми, если о них позаботятся надлежащим образом. Так вот что мы наперед скажем им [1]: ничего нет хуже, как раздор и брань, как расторгать церковь и раздирать на многие части хитон, которого не осмелились разорвать и разбойники. Не довольно ли других ересей? Нет, мы еще рассечем сами себя! Разве не слышишь, что говорит Павел: "если же друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом" (Гал. 5:15)? Ходишь ты вне стада, и не боишься, скажи мне, льва, который бродит около (стада)? "Потому что противник ваш дьявол", говорит апостол, "ходит как рыкающий лев, ища кого поглотить" (1 Петр. 5:8). Смотри мудрость пастыря: не пустил (зверя) в самую середину овец, чтобы не перепугать стада: не прогнал его и далеко, чтобы опасением зверя заставить всех (овец) собраться вместе. Не боишься ты Отца? Побойся врага: если отделишься от стада, он, наверно, схватит тебя. Христос мог бы прогнать его и далеко, но позволил ему рыкать около (стада), чтобы заставить тебя быть бодрым и заботливым, и постоянно прибегать к матери (церкви), чтобы находящиеся в стаде, слыша голос его, больше соединились между собой и прибегали друг к другу. Так поступают и сердобольные матери: когда дети расплачутся, они грозят бросить их на съедение волкам, не с тем, чтобы в самом деле бросить, но чтобы дети перестали плакать. Так Христос все сделал, чтобы мы жили в мире и согласии друг с другом.

2. Поэтому и Павел, хотя мог обличать коринфян во многих и важных (грехах), но, прежде всего, обличает их в раздорах. Так, он мог бы осудить их и за блуд, и за гордость, и за языческие судилища, и за пиршества в идольских капищах, и за то, что жены их не покрывали своих голов, а мужчины покрывали; кроме этого, за презрение к бедным, за превозношение дарованиями и (за сомнение) касательно воскресения мертвых; но, так как мог он, вместе со всем этим, обличить их еще за раздор и несогласие между собой, то, оставив все прочие пороки, наперед исправляет этот последний. И если я не затрудню вас, то докажу самыми словами Павла, что это действительно так. Так, что они блудодействовали, об этом послушай, что говорит он: "есть верный слух, что у вас появилось блудодеяние" (1 Кор. 5:1). Что они были горды и надменны: "как я не иду к вам, некоторые возгордились" (1 Кор. 4:18). Что судились у язычников: "как смеет кто у вас, имея дело с другим, судится у нечестивых" (1 Кор. 6:1)? Что ели идоложертвенное: "не можете быть участниками в трапезе Господней и в трапезе бесовской" (1 Кор. 10:21). Послушай, как он укоряет их и за то, что женщины у них не покрывались, а мужчины напротив: "всякий муж, молящийся или пророчествующий с покрытой головой, постыжает свою голову. И всякая жена, молящаяся или пророчествующая с открытой головой, постыжает свою голову" (1 Кор. 11:4-5). А что они презирали бедных, и это ясно показал апостол словами: "иной бывает голоден, иной же упивается" (1 Кор. 11:21); и еще: "или пренебрегаете церковь Божью, и унижаете неимущих" (1 Кор. 11:22)? Так как все они домогались больших дарований духовных, и никто не хотел принимать меньших, то он говорит: "все ли апостолы, все ли пророки" (1 Кор. 12:29)? А что они сомневались касательно воскресения мертвых, и об этом говорит: "но скажет кто-нибудь: как воскреснут мертвые? и в каком теле придут" (1 Кор. 15:35)? Но, несмотря на то, что мог он обличить их в столь многом, (апостол) ни о чем не сказал им прежде, как о несогласии и раздоре, лишь только начал послание, уже и говорит так: "умоляю вас, братья, именем Господа нашего Иисуса Христа, чтобы все вы говорили одно, и не было между вами разделений" (1 Кор. 1:10). Он знал, очень хорошо знал, что это не терпело отлагательства. Блудник, и гордец, и зараженный другим каким-нибудь пороком, очень скоро отстанет от него и исцелится, если всегда будет ходить в церковь и постоянно слушать поучения; но кто прервал связь с этим собранием, уклонился от отеческого наставления и убежал из лечебницы, тот, хотя и кажется здоровым, скоро подвергнется болезни. Как искусный

врач прежде прекращает горячку и потом залечивает раны и вереды, так поступил и Павел; уничтожив наперед раздор, он потом начал уже врачевать и раны каждого члена. Поэтому, прежде всего он говорит о том, чтобы (коринфяне) не ссорились между собой, не выбирали сами себе начальников, и не рассекали тела Христова на многие части. Впрочем, он говорил это не им только, но и тем, которые после них страдают той же болезнью; таких людей и я хотел бы спросить, что значит Пасха? Что такое Четыредесятница? Что такое иудейская пасха и что наша? Почему та ежегодно бывает только однажды, а эта совершается в каждое собрание [2]? Что такое опресноки? (Хотел бы спросить еще) и о многом другом, что только относится к этому же самому предмету. И тогда вы хорошо бы узнали, как неразумно упорство тех, которые и не могут дать отчета в своих поступках, и не учатся у других, как будто они умнее всех. А это-то и заслуживает крайнего осуждения, когда они и сами не знают дела, и приказаний не слушают, но, действуя без рассуждения, по глупой привычке стремятся в бездну и пропасть.

3. Как же они умничают, когда мы так возражаем им? Вы сами, говорят они, не так ли постились прежде [3]? Не твое дело говорить об этом мне, а я вправе сказать тебе, что и мы прежде постились в это же время, однако общее согласие предпочли совпадению времен. Что Павел говорил галатам, то и я говорю вам: "будьте, как я, потому что и я, как вы" (Гал. 4:12). Что это значит? Он убеждал их отстать от обрезания, оставить субботы, и дни, и все другие обряды, предписываемые законом. Потом, заметив их боязнь и опасение, как бы им за нарушение закона не подвергнуться ответу и наказанию, он ободряет их собственным примером, говоря: "будьте, как я, потому что и я, как вы". Разве я, говорит он, пришел от язычников? Разве я не знаю подзаконной жизни и того наказания, которое ожидает нарушителей закона? "Еврей от евреев, по учению фарисей, по ревности - гонитель церкви Божьей, по правде законной - непорочный. Но что для меня было преимуществом, то ради Христа я почел тщетой" (Фил. 3:5-7), то есть решительно отстал от них. Итак, будьте, как и я; потому что и я был, как вы. И что говорю я о себе? Более трех сот отцов, собравшись в Вифинской стране, постановили это [4], и ты бесчестишь всех их? Одно из двух: ты обвиняешь их или в невежестве, будто бы они не знали хорошо (того, что учреждали), или в робости, будто бы они, хотя и зная, лицемерили и изменили истине. Это необходимо следует, коль скоро ты не исполняешь их постановления. Но что они обнаружили тогда и великую мудрость и мужество, это показывают все деяния (собора). О мудрости их свидетельствует изложенная тогда вера, которая заградила уста еретиков и, как непоколебимая стена, отразила все козни их; а о мужестве - только что окончившееся гонение и несогласие в церквах. Как храбрые воины, воздвигшие бесчисленное множество трофеев и покрытые многими ранами, пришли тогда со всех сторон предстоятели церквей, нося на себе раны Христовы и свидетельствуя о множестве мучений, которые претерпели они за исповедание веры. Одни из них могли рассказать о рудокопнях и перенесенных ими там страданиях; другие о лишении всего имущества, иные о голоде, а иные о частых бичеваниях. Одни могли указать на истерзанные ребра; другие на избитую спину, иные на исторгнутые глаза или на другую какую-нибудь часть тела, которой лишились они за Христа. Из таких-то подвижников состоял тогда весь собор; они-то, вместе с изложением веры, постановили и то, чтобы праздник (пасхи христиане) совершали все вместе и согласно. Итак, могли ли эти мужи, не изменившие вере в столь тяжкие времена, лицемерить в назначении известных дней (поста и пасхи)? Смотри, что ты делаешь, когда осуждаешь столь многих отцов, так мужественных и мудрых. Если фарисей, осудив мытаря, потерял все, что было у него доброго; то какое извинение, какое оправдание будешь иметь ты, когда восстаешь против столь многих боголюбивых учителей, и притом несправедливо и совершенно неосновательно! Разве ты не слышал, что говорит сам Христос: "ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них" (Матф. 18:20)? Если же Христос находится

посреди двух или трех, тем более Он находился, все определял и постановлял там, где было более трех сот. А ты обвиняешь не только их, но и всю вселенную; потому что и она одобрила их определение. Или думаешь, что иудеи умнее отцов, собравшихся со всей вселенной; иудеи, которые лишились всего отечественного устройства и ни одного праздника не совершают (по надлежащему)? Что у них нет ни опресноков, ни пасхи (многие, как слышу я, говорят и то, что пасха (христианская) должна быть с опресноками), - что у них нет опресноков, выслушай об этом слова законодателя (Моисея): "не можешь ты закалать пасху в котором-нибудь из жилищ твоих, которые Господь Бог твой даст тебе: но только на том месте, которое изберет Господь Бог твой, чтобы пребывало там имя Его" (Втор. 16:5-6), разумея здесь Иерусалим. Видишь, как Бог, привязав этот праздник к одному городу, впоследствии разрушил и самый город, чтобы и по неволе отклонить их от прежнего порядка жизни? Всякому известно, что Бог предвидел будущее. Для чего же Он собрал их туда со всей вселенной, если предвидел, что этот город погибнет? Не ясно ли, что Он хотел отменить и самый праздник? Бог отменил его, а ты последуешь иудеям, о которых пророк говорит: "кто так слеп, как раб Мой; и глух, как вестник Мой" (Иса. 42:19)? В самом деле, к кому не были они неблагодарны и бесчувственны? К апостолам ли, к пророкам ли, к учителям ли своим? Но что и говорить об учителях и пророках, когда они убивали даже детей своих! Они, ведь, закалали в жертву демонам своих сыновей и дочерей (Пс. 105:37). Они не познали самой природы, и усердствовали соблюдать дни? Попрали родство, забыли детей, забыли самого Бога, создавшего их: "Заступника, родившего тебя", говорит Моисей, "ты забыл, и не помнил Бога, создавшего тебя" (Втор. 32:18); оставили Бога, и - усердствовали соблюдать праздники? Кто бы мог сказать это? И Христос праздновал с (иудеями) пасху, не для того, чтобы мы праздновали ее с ними, но чтобы посредством тени ввести истину. Он и обрезанию подвергся, и наблюдал субботы, и совершал их праздники, и вкушал опресноки, и все это делал в Иерусалиме; но мы ни к чему этому не обязаны; напротив, Павел взывает к нам: "если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа" (Гал. 5:2). И опять об опресноках: "посему станем праздновать, не со старой закваской, не с закваской порока и лукавства, но с опресноками чистоты и истины" (1 Кор. 5:8). Наши опресноки состоят не в замешанной муке, но в безукоризненном поведении и добродетельной жизни.

4. Для чего же Христос совершил тогда (пасху)? Так как древняя пасха была образом будущей, а за образом надлежало следовать истине; то Христос, наперед показав тень, потом предложил на трапезе и истину. А с появлением истины, тень уже скрывается и делается неуместной. Итак, не представляй мне этого в возражение, а докажи, что Христос повелел делать это и нам. Я, напротив, докажу, что Он не только не повелел нам наблюдать дней (Моисеева закона), но и освободил нас от этой необходимости. Послушай, что говорит Павел; а когда назову Павла, разумею Христа, потому что Он движет душой Павла. Так что же говорит он? "Наблюдаете дни, месяцы, времена, и годы. Боюсь за вас, не напрасно ли я трудился у вас" (Гал. 4:10-11). И опять: "ибо всякий раз, когда вы едите хлеб сей, и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете" (1 Кор. 11:26). А словом: елижды (всякий раз) апостол отдал на волю (христианину, когда) приступать (к таинству евхаристии), и таким образом вовсе освободил его от наблюдения времен. Ведь пасха и четырехдесятница не одно и то же; но иное - пасха, иное - четырехдесятница. Четырехдесятница в каждый год бывает однажды, а пасха (евхаристия) трижды в неделю, а иногда и четырежды, и даже столько раз, сколько мы захотим; потому что (наша) пасха - не пост, а приношение и жертва, совершающаяся всякий раз, как бывает собрание (литургия). А что (наша) пасха в этом и состоит, послушай слов Павла: "пасха наша, Христос, заклан за нас" (1 Кор. 5:7); и: "всякий раз, когда вы едите хлеб сей, и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете" (1 Кор. 11:26). Значит, всякий раз, как ты приступаешь (к приобщению святых таин) с чистой совестью, ты совершаешь пасху, - не тогда, т. е.

когда постишься, но - когда участвуешь в этой жертве. "Всякий раз, когда вы едите хлеб сей, и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете"; а возвещение смерти Господней и есть пасха. И сегодняшнее приношение, и то, которое совершено вчера, и совершается каждодневно, одинаково с тем, которое совершилось тогда в субботний день; и то несколько не священнее этого, и это не ниже того, но и то и другое - одинаково, равно страшно и спасительно. Для чего же, скажете, мы постимся в эти сорок дней? В древности многие приступали к святым тайнам, без разбора и как случилось, особенно в то время, когда Христос преподавал их. Заметив вред, какой происходит от небрежного приступления, отцы, собравшись вместе, назначили сорок дней поста для молитв, слушания (слова Божья), и церковных собраний, дабы все мы, тщательно очистив себя в эти дни молитвами, милостыней, постом, всенощными бдениями, слезами, исповедью, и всеми другими средствами, приступали, таким образом, с чистой совестью, насколько нам это возможно. И что они сделали великое дело, когда, по такой снисходительности, установили у нас обычай поститься, это видно из следующего. Вот, мы в течение всего года не перестаем взывать и проповедовать о посте, и - никто не внимает словам нашим; но лишь настанет время четыредесятницы, тогда, хотя бы никто не убеждал и не советовал, и самый ленивый пробуждается, потому что получает совет и убеждение от самого времени. Итак, если иудей и еллин спросят тебя: для чего постишься? не говори, что для пасхи или креста: этим ты дашь ему сильное оружие против тебя. Нет, мы постимся не для пасхи и не для креста, но ради своих прегрешений, потому что намереваемся приступить к тайнам; пасха же есть предмет не поста и плача, но веселья и радости. Ибо крест изгладил грех, сделался очищением всего пира, примирением долговременной вражды; отверз врата небесные, людей ненавистных (Богу) сделал друзьями, возвел наше естество на небо, и посадил одесную Престола, доставил нам и другие бесчисленные блага. Итак, из-за всего этого должно не плакать и сокрушаться, а веселиться и радоваться. Поэтому и Павел говорит: "а я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа" (Гал. 6:14). И опять: "но Бог Свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками" (Римл. 5:8). И Иоанн вот что говорит: "ибо так возлюбил Бог мир" (Иоан. 3:16). Как, скажи? Умолчав обо всем прочем, он указал на крест. Ибо сказав: "ибо так возлюбил Бог мир", прибавил: "что отдал Сына Своего Единородного на распятие, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную". Итак, если крест есть предмет любви и похвалы, то не будем говорить, что мы из-за него плачем: нет, мы плачем не из-за него, но из-за своих прегрешений. Вот почему мы постимся.

5. Только оглашенный никогда не совершает пасхи, хотя и постится ежегодно, потому что он не участвует в приношении (евхаристии); между тем, как и не постящийся, но приступающий с чистой совестью, совершает пасху, сегодня ли, завтра ли, или вообще всякий раз, когда он участвует в приобщении. Ибо достойное причащение зависит не от наблюдения времени, но от чистой совести. А мы делаем напротив: сердца не очищаем, но, если только приступим в (субботний) день, то уже и думаем, что совершаем пасху, хотя бы и обременены были бесчисленными грехами. Но это не так, нет; напротив, если ты приступишь и в субботу с лукавой совестью, то все-таки не получишь приобщения, и уйдешь, не совершив пасхи; и наоборот, если и сегодня приобщишься, заглотив грехи свои, то в точности совершишь пасху. Итак, эту-то точность и тщательность вы должны бы показывать не в наблюдении времен, но в приступлении (к причащению). И, как вы теперь готовы лучше перенести все, нежели переменить обычай, так надлежало бы вам пренебречь этим обычаем и решиться все претерпеть и сделать, только бы не приступать (к приобщению) в грехах. А что Бог не обращает внимания на такое наблюдение времен, послушай, как Он судит: "ибо алкал Я", говорит Он, "и вы дали Мне есть; жаждал и вы напоили Меня; был наг и вы одели Меня" (Матф. 25:35-36); а стоящих ошуюю укоряет за

противное этому. И опять, когда приведен был иной раб, (Бог) наказывает его за злопамятство: "злой раб! весь долг тот я простил тебе: не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего, как и я помиловал тебя" (Матф. 18:32-33)? Он не впустил также юродивых дев в чертог жениха за то, что у них не было елея в светильниках; а одного осудил за то, что он вошел не в брачном одеянии, но в нечистых одеждах, то есть, оскверненный прелюбодеянием и нечистотой; напротив, никто никогда не был наказан и осужден за то, что совершал пасху в такой-то и такой-то месяц. И что говорить о нас, которые освобождены от всякой такого рода необходимости, и живем горе - на небесах, где нет ни месяцев, ни солнца, ни луны, ни годовичного круговращения? Кто захочет тщательно вникнуть в дело, тот увидит, что сами иудеи не много обращают внимания на время, но выше его ставят место - Иерусалим. Ибо когда люди, пришедши к Моисею, говорили: "мы нечисты от прикосновения к мертвым телам человеческим: для чего нас лишать того, чтобы мы принесли приношение Господу" (Числ. 9:7): "постойте", сказал им Моисей, "я послушаю, что повелит Господь о вас" (Числ. 9:8). Потом, вознеся жертву, дал им закон, предписывающий, что "если кто будет нечист от прикосновения к мертвому телу, или будет в дальней дороге, в четырнадцатый день второго месяца совершит Пасху Господню" (Числ. 9:10). Таким образом, даже у иудеев допускается нарушение определенного времени, только бы пасха совершалась в Иерусалиме; а ты не предпочитаешь времени единение с церковью, но, чтобы соблюсти дни, оскорбляешь общую нашу мать и рассекаешь святое собрание? Как же можешь ты заслужить прощение, когда без всякой причины решаешься на такой грех? И что говорить об иудеях? Ведь и мы, сколько бы ни желали, ни старались, никак, однако же, не можем соблюсти тот день, в который Христос распят: это видно из следующего. Если бы иудеи и не согрешили, и не сделались неблагодарными, бесчувственными, небрежными и презрителями; если бы они и не потеряли отечественного устройства, но вполне сохраняли бы его доселе: и тогда невозможно было бы нам, последую им, соблюсти тот день, в который Христос был распят и совершил пасху. А как это, я и скажу теперь. Когда Христос был распят, тогда был первый день опресноков и пяток; но пяток и первый день опресноков не всегда могут совпадать. Вот, например, в настоящем году первый день опресноков совпадает с воскресеньем: поэтому надлежало бы поститься всю неделю, и нам, когда уже пройдут и страсти, и настанет крест (распятие Христово) и воскресение, пришлось бы все еще поститься. И часто случалось, что пост (иудейский) продолжался после креста, после воскресения, пока не кончится неделя. Таким образом, никак нельзя соблюсти время.

б. Не будем же спорить и говорить: я столько лет соблюдал (иудейский) пост, и теперь ли переменить мне обычай? Поэтому-то самому и перемени: столько времени ты отделялся от церкви, возвратись же, наконец, к матери. Ведь никто не говорит: так как я столько времени был во вражде, то теперь стыдно мне помириться. Стыдно коснеть в неразумной настойчивости, а не переменяться на лучшее. То-то и погубило иудеев, что они, стараясь всегда соблюдать древний обычай, дошли до нечестия. И что говорить о посте и наблюдении дней? Павел строго соблюдал закон, много подъял трудов, много совершил путешествий, много перенес и других бедствий, и точностью в исполнении обрядов иудейских превосходил всех своих сверстников; однако, и по достижении высшего совершенства в (иудейской) жизни, как только узнал, что все это он делал к вреду и на погибель (себе), тотчас переменялся. Он не спрашивал себя: что это такое? Ужели я напрасно употреблял столько усердия, потерял столько труда? Нет, для того-то он и переменялся скорее, чтобы снова не понести той же потери, для того и презрел праведность законную, чтобы получить праведность от веры: "что для меня было преимуществом", взывает он, "то ради Христа я почел тщетой" (Фил. 3:7). — "Если ты принесешь дар твой", говорит Иисус Христос, "к жертвеннику, и там вспомнишь, что брат

твой имеет что-нибудь против тебя: оставь там дар твой перед жертвенником, и пойди прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой" (Матф. 5:23-24). Что скажешь на это? Когда просто брат твой имеет что-нибудь против тебя, Христос не позволяет тебе принести жертву, доколе не помиришься с братом; а когда имеет (нечто) против тебя вся церковь и столько отцов, ты осмеливаешься и дозволяешь себе приступать к божественным тайнам, не прекратив этой неразумной вражды? И как же можешь ты, в таком расположении духа, совершить пасху? Говорю это не к тем только, но и к вам - здоровым, чтобы вы, сколько ни увидите таких, всех их с великой осторожностью и ласковостью взяли и собрали, и привели к матери. Если даже они будут противиться, будут уклоняться, или другое что делать, не отстанем, доколе не убедим их; ибо ничто не может сравниться с миром и согласием. Поэтому и отец наш (епископ), вошедши (в церковь), не прежде восходит на эту кафедру, как, испросив всем вам мир; и встав, не прежде начинает учить вас, как, преподав всем мир. И священники, когда хотят благословлять, прежде всего, испросят мир для вас, и потом уже начинают благословлять; также и диакон, приглашая молиться, вместе с прочими прошениями повелевает в молитве просить ангела мирного; да и все возносимые им моления исполнены мира, и наконец, отпуская вас из сего собрания, он желает вам этого же, говоря: "идите с миром". Вообще, без мира ничего нельзя ни сказать, ни сделать. Он есть наш питатель и отец, который лелеет нас с великой заботливостью. Мир же я разумею не тот, что состоит в пустом приветствии и общении трапез, но мир в Боге, происходящий от духовного единения. Это-то единение многие теперь расторгают, когда, по неразумной ревности, унижая наши постановления и придавая большую важность иудейским, считают их (иудеев) учителями, заслуживающими большего доверия, чем наши отцы, и христубийцам верят (в том, что касается) страдания (Христового). Что может быть бессмысленнее этого? Разве не знаешь, что иудейская пасха есть образ, а христианская - истина? Смотри, какая между ними разность: та избавляла от телесной смерти, а эта прекратила гнев (Божий), которому подпала вся вселенная; та избавила некогда от Египта, эта освободила от идолослужения; та погубила фараона, эта - дьявола; после той - Палестина, после этой - небо. Что же ты сидишь со свечой, когда уже вошло солнце? Зачем хочешь питаться молоком, когда дается тебе твердая пища? Для того тебя и кормили молоком, чтобы ты не оставался на молоке; для того и светила тебе свеча, чтобы ты пришел к солнцу. Итак, когда настало совершеннейшее состояние, не будем возвращаться к прежнему, - не будем наблюдать дней, времен и годов, но во всем неуклонно последуем церкви, всему предпочитая любовь и мир. Если бы даже и ошибалась церковь, и в таком случае не столько бы было похвально точное наблюдение времен, сколько осуждения достойны разделение и раскол. Вот я нисколько не забочусь о времени, так как и Бог не (заботится), что мы уже и показали (ибо и об этом я уже много говорил); одного только домогаюсь, чтобы нам делать все в мире и единомыслии, чтобы, когда мы постимся со всем народом, и священники совершают общественные молитвы за вселенную, в это время ты не оставался дома пьянствовать. Подумай, ведь это - дьявольское наваждение, и составляет не один, не два, не три греха, но гораздо более: отделяет тебя от стада (Христового), заставляет обвинять столь многих отцов, ввергает в упорство, увлекает к иудеям и выставляет тебя на соблазн и домашним и чужим. Ибо как станем мы упрекать их в том, что они сидят дома, когда и ты бежишь к ним? А кроме этих важных грехов может произойти большой вред, когда ты во время постов тех (с иудеями) не будешь пользоваться ни Писанием, ни собраниями, ни благословением, ни общими молитвами, но все это время проведешь с нечистой совестью, в страхе и трепете, чтобы не уличили тебя, как какого-нибудь иноплеменника и инородца, между тем как тебе надлежало бы, вместе с церковью, совершать все с дерзновением, с удовольствием, с радостью и совершенной свободой. Церковь не знала строгого наблюдения времен; но когда затем всем отцам (церкви) угодно было собраться вместе из различных стран и

назначить определенный день (пасхи), то церковь, во всем почитающая согласие и любящая единомыслие, приняла их определение. А что ни вам, ни нам и никому другому (из христиан) не возможно так ограничивать наш воскресный день, это достаточно доказано выше. Не будем же сражаться с тенью, и, споря из-за случайного, не повредим себе в важнейшем. Поститься в то или другое время - не предосудительно, но разделять церковь, жить в раздорах, производить расколы и постоянно уклоняться от (церковного) собрания, это не простительно, достойно осуждения и влечет за собой тяжкое наказание. Можно бы сказать и больше этого, но для внимательных достаточно и сказанного; а для не внимательных не было бы пользы, если бы сказано было и больше. Посему, заканчивая здесь слово, все вместе попросим наших братьев возвратиться к нам, возлюбить мир, отстать от неразумного упорства, и, оставив без внимания маловажное, проникнуться возвышенными и важными мыслями, и освободиться от наблюдения дней, чтобы всем нам единодушно, едиными устами прославлять Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, ныне и всегда, и во веки веков. Аминь.

[1] Христианам, держащимся иудейства.

[2] Здесь и в других местах этого слова св. Златоуст под Пасхой христианской понимает таинство евхаристии.

[3] т. е. вместе с иудеями, до определения Никейского собора о праздновании христианской Пасхи не в одно время с иудейской.

[4] т. е. касательно празднования христианской Пасхи не в одно время с иудейской. Разумеется первый вселенский собор в 325 г. по Р. Х.

ПРОТИВ ИУДЕЕВ.

Полное заглавие: "его же (Златоуста) против иудеев слово четвертое, на трубы их пасхи. Говорено в Антиохии, в великой церкви". Самое начало этой беседы показывает, что она произнесена, спустя довольно долго после первых трех слов против иудеев.

СЛОВО ЧЕТВЕРТОЕ.

Против иудеев, на трубы их пасхи. Сказано в Антиохии, в великой церкви. - Чтобы судить, хорошо, или худо известное действие, нужно не столько соображаться с его сущностью, сколько с волей Божией. - Между тем пост иудейский идет против воли Божией. - Все священнодействия должны в действительности совершаться в Иерусалиме, а не в другом каком-либо месте, как это доказывает сам закон и пример святых праведников. - Разрушая Иерусалим, Бог ясно показал, что Ему не благоугодно было более богослужение иудеев.

Опять, жалкие и несчастнейшие из всех людей, иудеи хотят поститься, и опять нужно оградить стадо Христово. И пастухи, пока не беспокоит их никакой зверь, расположившись под дубом или сосной, играют на свирели, оставляя овец пастись на всей воле; а как приметят приближение волков, бросив свирель, берут в руки пращу, и, оставив рожок, вооружаются палками и камнями, и, став впереди стада и подняв большой и сильный крик, часто одним этим криком, не делая еще нападения на зверя, прогоняют его. Так и мы, в предшествующие дни услаждаясь, как бы на лугу каком изъяснением Писания, не употребляли ни одного спорного слова, потому что никто не беспокоил нас; а

как сегодня, свирепейшие всех волков, иудеи хотят окружить наших овец, то необходимо бороться и ратовать, чтобы ни одна овца не была похищена у нас зверями. И не дивитесь, что мы, еще за десять и более дней до наступления поста (иудейского), уже вооружаемся и ограждаем ваши души: ведь и трудолюбивые земледельцы, если имеется по близости быстрый поток, опустошающий нивы, не во время дождливой погоды, но еще до этой поры, ограждают и берега (потока), и поднимают насыпи, и проводят каналы, и всячески укрепляются против него. Пока он еще тих и маловоден, легко удержать его; но когда увеличится и весьма быстро понесет воды свои, тогда уже не так легко останавливать его: вот почему (земледельцы) за долго предупреждают напоры его, придумывая все возможные преграды. Так же поступают, обыкновенно, и воины, и корабельщики, и жнецы. Те, еще до сражения, вычищают и латы, и осматривают щиты, и заготавливают удила, и кормят лошадей с большим старанием, и все прочее устраивают старательно. И корабельщики, прежде чем спустить корабль в пристань, исправляют и киль, и подновляют бока (корабля), и обтесывают весла, и сшивают паруса, и упорядочивают все остальные принадлежности корабля. Подобным образом и жнецы, за много дней оттачивают и серпы, и готовят гумно, и волов, и телегу, и все прочее, что потребно для жатвы. Да и все люди, известно, заранее делают приготовления к своим занятиям, чтобы, когда настанет время занятий, легко было им сделать дело. Им-то подражая, и мы за много дней вперед ограждаем ваши души, и увещаем вас бегать от этого нечестивого и незаконного поста (иудейского). Не говори мне, что (иудеи) постятся; но докажи то, согласно ли с волей Божьей они это делают; если же нет, то пост их - незаконнее всякого пьянства. Должно не на дела их только смотреть, но исследовать и причину дел. Что бывает по воле Божьей, то, хотя бы казалось и худым, лучше всего; а что противно и не угодно Богу, то, хотя бы и казалось самым лучшим, хуже и незаконнее всего. Если кто даже совершит убийство по воле Божьей, это убийство лучше всякого человеколюбия; но если кто пощадит и окажет человеколюбие вопреки воле Божьей, эта пощада будет преступнее всякого убийства. Дела бывают хорошими и худыми не сами по себе, но по Божьему о них определению.

2. И чтобы удостовериться тебе в справедливости этого, послушай вот что. Некогда Ахав, взяв в плен одного сирийского царя, вопреки воле Божьей сохранил ему жизнь, посадил его вместе с собой (на колесницу) и отпустил с великой честью. Затем один пророк, пришедши к ближнему своему, сказал: "по слову Господа бей меня: но этот человек не захотел бить его; и сказал ему: за то, что ты не слушаешь гласа Господня, убьет тебя лев, когда пойдешь от меня. Он пошел от него; и лев, встретив его, убил его. И нашел он другого человека, и сказал: бей меня: этот человек бил его до того, что изранил" лицо его (3 Цар. 20:35-37). Что может быть страннее этого? Поразивший пророка остался цел, а пощадивший - наказан: знай же, что, когда Бог повелевает, тогда не должно рассуждать о свойстве самого дела, но только повиноваться. И вот, чтобы первый (ближний) не пощадил пророка из уважения к нему, пророк не просто сказал ему "бей меня", но: "по слову Господа", то есть, Бог повелел, ни о чем больше не спрашивай; царь предписал закон, уважь достоинство повелевшего, и повинуйся со всей готовностью. Но тот не послушался, за что и потерпел тяжкое наказание, и своим несчастьем вразумляет потомков повиноваться и покоряться всему, что ни повелит Бог. Потом, когда второй поразил и поранил пророка, этот обвязал голову свою полотном, прикрыл глаза и сделал так, чтобы его не узнали. А для чего он сделал это? Он хотел обличить царя и произнести над ним суд за спасение сирийского царя. Так как царь был нечестив и ненавидел пророков, то чтобы, увидев его, не прогнал с глаз, а, прогнав, не остался без исправления, пророк прикрывает свое лицо и рассказывает о самом деле, дабы иметь возможность говорить (с царем) и получить от него сознание в том, в чем хотелось (пророку). И вот, когда царь проходил мимо, пророк закричал к нему и сказал: "раб твой ходил на

сражение, и вот человек подвел ко мне человека, и сказал: стереги этого человека; если его не станет, твоя душа будет за его душу, или ты должен будешь отвесить талант серебра. Когда раб твой занялся теми и другими делами, его не стало; и сказал ему царь израильский: таков тебе и приговор, ты сам решил. Он тотчас снял покрывало с глаз своих, и узнал его царь, что он из пророков. И сказал ему: так говорит Господь: за то, что ты выпустил из руки твоих человека, закланного Мною, душа твоя будет вместо его души, народ твой вместо его народа" (3 Цар. 20:39-42). Смотри, как не только Бог, но и люди судят одинаково, - обращая внимание не на свойство дел, но на их цель и причины. Вот и царь говорит пророку: ты сам себе судья передо мной, ты совершил убийство. Ты, говорит, человекоубийца, потому что отпустил неприятеля. Вот для чего пророк и покрыл себя покрывалом и потребовал суда как бы по чужому делу, чтобы царь произнес правильное решение; - что и случилось. Ибо, когда царь произнес над ним суд, пророк сняв покрывало, сказал: "за то, что ты выпустил из руки твоих человека, закланного Мною, душа твоя будет вместо его души, народ твой вместо его народа". Видишь, как (Ахав) осужден за человеколюбие, и какое наказание потерпел за пощаду? Он сохранил жизнь (врагу), и - наказан; а другой совершил убийство, и - заслужил похвалу. Вот Финеес в одно мгновение совершил два убийства, умертвил мужа и жену, и почтен священством: так он руку свою не только не осквернил кровью, но еще сделал более чистой. Итак, видя, что бывший пророка остается цел, а не бывший погибает, что пощадивший наказывается, а не пощадивший похваляется, во всех случаях старайся узнать прежде волю Божию, а не свойство самого дела, и, что найдешь согласным с ней, то только и одобряй.

3. Этим-то правилом руководствуясь, будем судить и об этом (иудейском) посте. Если мы не станем так делать, но будем выставлять и рассматривать только голые дела, как они есть, то произойдет большое замешательство, большой беспорядок. Например, терпят побои и разбойники, и гробограбители, и обманщики, но то же терпят и мученики; дела одинаковы, но расположение духа и причина, по которой они бывают, не одинаковы, а потому между (мучениками) и теми людьми большое различие. И как в этом случае мы обращаем внимание не на одни мучения, но, еще прежде того, на расположение души и на причину, из-за которой бывают мучения, а поэтому и мучеников любим не за то, что они мучатся, но за то, что мучатся за Христа, и разбойников презираем не за то, что они наказываются, но за то, что наказываются за злодеяния; так же суди и о том, что делается у иудеев. И если увидишь, что они постятся для Бога, похвали это; если же увидишь, что делают это вопреки воле Божьей, отвратись и возненавидь их более чем пьянствующих и неумеренных в пище и питье. Но в этом посте должно смотреть не на причину только, но и на место и на время. Впрочем, прежде чем бороться с иудеями, лучше побеседуем с теми из наших членов, которые, по-видимому, стоят вместе с нами, но на деле следуют иудейским обычаям, и всячески защищают их, и которых поэтому я считаю более достойными осуждения, чем самих иудеев. В этом согласятся с нами не только мудрые и умные люди, но и все, кто только имеет сколько-нибудь разума и смысла. Чтобы доказать это, не нужно умствований, исследований и длинных оборотов речи; нет, довольно только спросить их и - уловить на самом ответе их. Что же? Спрошу я у каждого из страдающих этим недугом: ты христианин? Для чего же следуешь обычаям иудеев? Или ты иудей? Так зачем беспокоишь церковь? Перс соблюдает ли того, что в обычае персов? Варвар не следует ли обычаям варваров? Живущий в римском государстве не подчиняется ли нашему уставу? И если кто из живущих между нами будет обличен в том, что поступает как варвар, такой, скажи мне, не тотчас ли подвергается наказанию без суда и исследования, хотя бы и представлял тысячу оправданий? Равно, если кто из варваров окажется соблюдающим римские законы, не потерпит ли и он того же самого? Как же ты думаешь спастись, уклоняясь к иудейским беззаконным обычаям? Разве ничтожно различие между нами и иудеями? Разве спор у

нас о пустых вещах, так что можно считать за одно и то же (и христианство и иудейство)? Что ты соединяешь несоединимое? Они распяли Христа, Которому ты поклоняешься: видишь какое различие! Как же бежишь к ним, убийцам, ты, говорящий о себе, что поклоняешься Распятому? Я ли выдумаю этот способ обвинения и этот род обличения? Не этот ли способ употребляет против них и Писание? Послушай, что говорит именно против них Иеремия: "пошлите в Кидар, и рассмотрите; пойдите на острова Хиттимские, и посмотрите: было ли что-нибудь подобное сему". Что же это такое? "Переменил ли какой народ богов своих, хотя они и не боги? А Мой народ променял славу свою на то, что не помогает" (Иер. 2:10-11). А это значит вот что: те (язычники), говорит, поклоняясь идолам и служа демонам, так тверды были в своем заблуждении, что не захотели оставить идолов и обратиться к истине; а вы, поклонники истинного Бога, оставив отеческое благочестие, перешли к чуждым обычаям; вы даже не показали и того постоянства в истине, какое имеют те в заблуждении. Вот почему говорит: "было ли что-нибудь подобное сему? Переменил ли какой народ богов своих, хотя они и не боги? А Мой народ променял славу свою на то, что не помогает". Не сказал: "променяли Бога своего", потому что Бог неизменяем (Малах. 3:6), но: "променяли славу свою". Не Меня, говорит, оскорбили вы; ибо Мне нельзя сделать вреда; вы обесчестили сами себя, умалили не Мою славу, но свою собственную. Позвольте же и мне сказать это и к нашим, если только должно называть нашими тех, которые мыслят по иудейски: пойдите в синагоги и посмотрите, переменяли ли иудеи свой пост, постились ли в пасху с нами, ели ли когда в этот день? Их пост не есть несть^[1], но беззаконие, грех и преступление; и однако же они не переменяли его; а вы переменяли славу свою на то, от чего не получите никакой пользы, и перешли на их сторону. Когда постились они в пасху? Когда совершали с нами праздник мучеников? Когда сообщались с нами в день Богоявления? Они не бегут к истине, а вы бежите к нечестию: называю (праздники их) нечестием потому, что совершаются не в свое время. Было некогда время, когда надлежало соблюдать эти праздники, но теперь - не время. Вот почему то, что некогда было законно, теперь беззаконно.

4. Позвольте мне сказать к этим людям словами Илии. Он, видя, как иудеи поступают нечестиво, и то повинуются Богу, то служат идолам, так говорит к ним: "долго ли вам хромать на оба колена? Если Господь есть Бог, последуйте Ему; а если Ваал, то ему последуйте" (3 Цар. 18:21). Это же и я теперь скажу к ним: если вы почитаете истинным иудейство, то зачем обременяете собой церковь? Если же истинно христианство, каково оно и есть, то неуклонно следуйте ему. Скажи мне, ты участвуешь в таинствах, поклоняешься Христу, как христианин, у Него испрашиваешь благ, и - празднуешь с Его врагами? С какой же, наконец, совестью приходишь ты в церковь? Но довольно сказали мы против тех, которые говорят о себе, что мыслят по-нашему, и между тем следуют иудейским обычаям. А как я хочу сразиться с иудеями, то позвольте мне предложить более пространное поучение и показать, как иудеи уничижают закон, постясь теперь, и попирают заповеди Божьи, делая всегда только противное Ему. Вот, когда Он хотел, чтобы иудеи постились, они утучняли себя и расширялись; когда же хочет, чтобы не постились, они упорствуют поститься. Когда хотел, чтобы приносили жертву, они бежали к идолам; а когда не хочет, чтобы они совершали свои праздники, тогда усердствуют праздновать. Поэтому Стефан говорил к ним: "вы всегда противитесь Духу Святому, как отцы ваши, так и вы" (Деян. 7:51). Вы, говорит, о том только и старались, как бы сделать противное тому, что Бог заповедовал. Так поступают они и теперь. Откуда это видно? Из самого закона, ибо в отношении к праздникам иудейским закон повелел наблюдать не только время, но и место (празднования). Так, заповедуя им и об этой пасхе, он говорит вот что: "не можешь ты закалать пасху в котором-нибудь из жилищ твоих, которые Господь, Бог твой, даст тебе" (Втор. 16:5). Напротив, постановив совершать пасху в

четырнадцатый день первого месяца, закон также повелел праздновать ее только в Иерусалиме; равно и для празднования пятидесятницы назначил определенное место и время, повелев совершать ее спустя семь недель, и опять прибавив: "в месте, какое изберет Господь Бог твой" (Втор. 12:11). Точно также (постановлено) и о празднике кущей. Но посмотрим, что из этих двух более необходимо - время или место: то есть, если когда нельзя соблюсти то и другое вместе, должно ли пренебречь местом и соблюсти время, или, пренебрегши временем, соблюсти место? Я хочу сказать вот что: Господь повелел совершать пасху в первый месяц, в Иерусалиме, т. е. в определенное время и в определенном месте. Теперь предположим, что совершают пасху двое: один пусть нарушает место, а соблюдает время; другой пусть соблюдает место, а нарушает время, притом, соблюдающий время, но нарушающий место, пусть совершает пасху в первый месяц и вне Иерусалима, где-нибудь вдали, а соблюдающий место, но пренебрегающий время, совершает пасху в Иерусалиме, не в первый месяц, а во второй. Затем посмотрим, кто из двух этих достоин осуждения, и кто одобрения, преступивший ли время и совершившей пасху в определенном месте, или оставивший место и соблюдавший время? Если приступивший время с тем, чтобы совершить пасху в городе, окажется достойным одобрения, а соблюдавший время, но пренебрегший местом - осуждения и обвинения, как нечестивец; то очевидно, что и иудеи поступают нечестиво, когда не совершают пасхи в своем месте, хотя бы и тысячу раз говорили о себе, что соблюдают время. Откуда же видно это? От самого Моисея. Когда (евреи) совершили пасху вне (Иерусалима), то пришли они к Моисею, говоря: "мы нечисты от прикосновения к мертвым телам человеческим: для чего нас лишать того, чтобы мы принесли приношение Господу в назначенное время среди сынов Израилевых? И сказал им Моисей: постойте, я послушаю, что повелит Господь о вас. И сказал Господь Моисею, говоря: скажи сынам Израилевым: если кто из вас или из потомков ваших будет нечист от прикосновения к мертвому телу, или будет в дальней дороге, то и он должен совершить Пасху Господню в четырнадцатый день второго месяца" (Числ. 9:7-11). Это значит: кто в первый месяц будет на пути, тот пусть не совершает (пасхи) вне города, но пусть совершит во второй месяц, когда придет в Иерусалим; пусть преступит время, только бы не быть вне города. Это показывает, что соблюдение места более необходимо, чем соблюдение времени. Что же могут сказать на это совершающие (пасху) вне Иерусалима? Ведь, когда они опускают более необходимое, их не может оправдать соблюдение менее необходимого. Значит, они, хотя бы тысячу раз уверяли себя, что не нарушают времени, поступают крайне незаконно. И это видно не только отсюда, но и из примера пророков. Известно, что пророки и не приносили жертв, и не воспевали песней, и не соблюдали ни одного такого поста на чужой земле: какое же эти (нынешние иудеи) могут иметь извинение? Те, хотя и ожидали возвращения прежнего устройства, однако оставались в повиновении закону, и исполняли предписания его, как закон того требовал; а эти, не имея никакой надежды на возвращение прежнего устройства (ибо каким местом из пророков могут доказать это?), не хотят успокоиться. Между тем, если бы они даже ожидали, что порядок тот возвратится, и в таком случае им следовало бы подражать святым тем, и не поститься и не делать что-либо другое, тому подобное.

5. А для удостоверения, что те (святые) ничего такого не делали, послушай, что они отвечали спрашивавших их. Когда иноплеменники настоятельно и с принуждением заставляли их употребить в дело свои органы, говоря: "пропойте нам из песней сионских", они, хорошо зная, что закон не позволяет им делать это вне (Иерусалима), отвечали: "как нам петь песнь Господню на земле чужой" (Пс. 136:3-4)? И опять, три отрока, жившие в Вавилоне, говорили: "нет у нас в настоящее время ни князя, ни пророка, ни места, чтобы нам принести жертву Тебе и обрести милость" (Дан. 3:38). Места, конечно, там было много, но так как не было храма, то они оставались без жертвоприношений. Да и к другим

Бог (говорит) через Захарию: "уже семьдесят лет для Меня ли вы постились" (Зах. 7:5), разумея здесь годы (вавилонского) плена. Как же ты ныне постишься, скажи мне, когда предки твои и не приносили жертв, и не постились, и не праздновали? Уже и отсюда видно, что они не совершали и пасхи: ибо, где не было жертвы, там не было и праздника, потому что все (праздники) надлежало совершать с жертвоприношениями. Но чтобы представить тебе и доказательство на это, послушай, что говорит Даниил: "в эти дни я, Даниил, был в сетовании три седмицы, вкусного хлеба я не ел; мясо и вино не входило в уста мои, и мастьми я не умащал себя до исполнения трех седмиц дней. А в двадцать четвертый день первого месяца видел видение" (Дан. 10:2-4). Здесь слушайте меня со вниманием; ибо из этих слов видно, что иудеи (в Вавилоне) не совершали пасхи. Как же это, я и скажу теперь. В дни опресноков иудеям не позволялось поститься; а Даниил в течение двадцати одного дня не вкушал ничего. Но из чего, скажешь, видно, что эти двадцать один день были дни опресноков? Из того, что он сказал: "в двадцать четвертый день первого месяца"; а пасха оканчивается в двадцать первый день; ибо, начав четырнадцатым днем первого месяца, и потом празднуя семь дней, иудеи таким образом доходят до двадцать первого дня. Но Даниил, и по прошествии пасхи, продолжал еще не вкушать; потому что, начав с третьего дня первого месяца, потом, продолжив (пост) двадцать один день, он, таким образом, провел четырнадцатый день, а за ним еще семь и три дня. Итак, не беззаконно ли и не нечестиво ли поступают иудеи, что, тогда как те святые никаких обрядов не совершали на чужой земле, они по упорству и настойчивости делают противное? Ведь, если бы говорили и делали это какие-нибудь беспечные и неблагочестивые люди, то несоблюдение ими (праздников) можно бы приписать их беспечности; но если это были люди благочестивые и боголюбивые, такие, которые и душу свою отдали за заповеди Божьи, то явно, что они не соблюдали закона (о праздниках) не по беспечности, но по убеждению из самого закона в том, что ни одного из этих обрядов не должно соблюдать вне Иерусалима. Из этого открывается и другая важнейшая истина, - именно, что соблюдения жертв, суббот, новомесечий, и всего тому подобного требовало тогдашнее (иудейское) устройство не необходимо, и что ни соблюдение их не могло придать ничего особенного добродетели, ни опущение - сделать доброго (человека) худым, или отнять что-либо от душевноголюбомудрия. Так эти (святые мужи), провоздавшие на земле жизнь равную ангельскомулюбомудрию, хотя и не делали ничего этого, - не приносили жертв, не совершали праздника, не соблюдали такого поста, однако так угодили Богу, что стали выше и самой природы, и тем, что случилось с ними, обратили всю вселенную к Богопознанию. Что может сравниться с Даниилом? Что с тремя отроками, которые так задолго выполнили уже на деле величайшую евангельскую заповедь, - главизну всех благ? Ибо (в Евангелии) сказано: "нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих" (Иоан. 15:13); а они душу свою положили за Бога. Впрочем, они достойны удивления не по этому только, и потому еще, что делали это не за какую-либо награду. Потому-то и говорили, что "Бог наш, Которому мы служим, силен спасти нас. Если же и не будет того, то да будет известно тебе, царь, что мы богам твоим служить не будем" (Дан. 3:17-18). Довольно нам, говорят, и той награды, что умираем за Бога. И это они делали, такую являли доблесть, не соблюдая ничего предписанного в законе (обрядовом).

б. Для чего же, скажете, Бог установил эти (обряды), если не хотел исполнения их? А если бы хотел исполнения, то для чего разрушил ваш город? Если бы Он хотел, чтобы эти обряды соблюдались постоянно, то надлежало бы сделать Ему одно из двух: или не повелевать приносить жертвы на одном только месте, если уже Он хотел рассеять вас по всей вселенной, или, если хотел, чтобы вы приносили жертвы только там (в Иерусалиме), не рассеивать вас по вселенной и не делать для вас недоступным того именно города, в котором одном надлежало приносить жертву. Что же? Бог, скажешь, противоречит

самому Себе: повелев приносить жертвы в одном только месте, сам же потом запер это место? Вовсе нет; напротив, Он совершенно верен Себе. Сначала Он и не хотел позволить вам жертвы; свидетелем этого приведу самого пророка, который говорит так: "слушайте слово Господнее, князя Содомские; внимай закону Бога нашего, народ Гоморский" (Иса. 1:10). А это говорит он не к содомлянам и не к жителям Гоморры, но к иудеям. Называет же их так за то, что они, подражая нечестию тех, вступили в родство с ними. Точно также он называет их и псами (Ис. 56:11) и конями женонеистовыми (Иер. 5:8), не потому, чтобы они приняли природу этих животных, но потому, что высказывали их похотливость. "К чему Мне множество жертв ваших? говорит Господь" (Иса. 1:11). А мы не видим, чтобы жители Содома когда-нибудь приносили жертвы: значит, слово это обращено к иудеям, и называет их именем тех по указанной мной причине. "К чему Мне множество жертв ваших? говорит Господь. Я пресыщен всесожжениями овнов, и туком откормленного скота, и крови тельцов и агнцев и козлов не хочу. Когда вы приходите являться пред лицо Мое; кто требует от вас, чтобы вы топтали двory мои?" Слышал ты глас (Божий), весьма ясно говорящий, что сначала Он не требовал от вас этих жертв? Ибо, если бы требовал их, то этим установлениям первыми подчинил бы всех древних, которые еще до них прославились. Для чего же, скажешь, Он позволил после? Снисходя к вашей немощи. Как врач, видя, что больной горячкой человек, своенравный и нетерпеливый, хочет напиться холодной воды, и угрожает, если ему не дадут, накинуть на себя петлю, или броситься со стремнины, для предотвращения большего зла, допускает меньшее, только бы отклонить больного от насильственной смерти; так точно поступил и Бог. Как увидел Он, что (евреи) беснуются, скучают, хотят жертв, готовы, если им не позволят этого, обратиться к идолам, или даже не только готовы обратиться, но уже и обратились, то позволил им жертвы. И что это было причиной, можно видеть из самого времени (позволения). Бог позволил им жертвы уже после того, как они совершили праздник в честь злых демонов, как бы так говоря им: вы беснуетесь и хотите приносить жертвы; так приносите их, по крайней мере, Мне. Впрочем, и позволив это, Он не навсегда дал такое позволение, но, премудрым способом опять отнял его. Как врач (ничто не мешает мне опять употребить тот же пример), уступая прихоти больного, приносит из своего дома сосуд и приказывает ему пить из него одного, а потом, когда больной согласится на это, тайно велит подающим питье разбить этот сосуд, чтобы незаметно и, не подавая вида, отклонить больного от его прихоти: так поступил и Бог. Позволив иудеям приносить жертвы, Он не позволил делать это ни в каком другом месте, кроме Иерусалима; потом, когда они несколько времени приносили жертвы, разрушил этот город, чтобы, как врач разбитием сосуда, так и Бог разрушением города - отвлечь их, и по неволе, от этого дела. Если бы Он прямо сказал: перестаньте; они не легко бы согласились оставить страсть к жертвам; но теперь по самой необходимости их местопребывания Он незаметно отвел их от этой страсти. Так пусть будет врач - Бог, сосуд - город, больной - упорный народ иудейский, холодное питье - позволение и свобода приносить жертвы. И вот, как врач отводит больного от его неразумного требования, разбивая сосуд; так и Бог отклонил (иудеев) от жертв, разрушив самый город и сделав его для всех недоступным. Если бы Он не это имел в виду, то для чего заключил все богослужение в одном месте, будучи вездесущим и все наполняя? Для чего же Он, соединив богослужение с жертвами, жертвы с местом, место со временем, время с одним городом, потом разрушил этот самый город? И вот что удивительно и странно: вся вселенная открыта иудеям, и нигде на ней не позволено приносить жертв; один Иерусалим недоступен, а в нем только и позволялось им приносить жертвы. Итак, не ясна ли и не очевидна ли, даже для самых несмышленных, причина разрушения Иерусалима? Если домостроитель, положив уже основание, выведши стены, устроив свод и прикрепив его к одному, положенному в середине камню, отнимет этот камень, то разрушит весь состав здания; так и Бог, сделав город как бы связью (иудейского)

богослужения, и потом, разрушив его, этим самым разрушил и все остальное здание того богослужения.

7. Но перестанем пока бороться с иудеями. Сегодня мы только начали сражение, сказав столько, сколько требовалось для предостережения наших братьев, или даже гораздо больше. Нужно, наконец, убедить и вас, здесь присутствующих, чтобы вы усердно позаботились о наших членах, и не говорили: "какая мне надобность? Зачем мне хлопотать и беспокоиться?" Господь наш умер за нас: а ты не хочешь и слова сказать? Какое же будешь иметь извинение? Какое получишь оправдание? Как, скажи мне, станешь с дерзновением перед судилищем Христовым, показав равнодушие к гибели стольких душ? Если бы мог я знать всех, кто только бегаёт туда (в синагоги), то не нуждался бы в вас, но сам весьма скоро исправил бы их. Когда нужно исправить брата, то, хотя бы понадобилось отдать и душу, не откажись; поревнуй своему Владыке; есть у тебя слуга, или жена, удерживай их дома с великой строгостью. Если ты не позволяешь им ходить в театр, тем более не позволяй ходить в синагогу, потому что это преступление больше того: там - грех, а здесь - нечестие. Говорим это не с тем, чтобы вы позволяли им ходить в театр, ибо и это худо; но чтобы гораздо более воспрещали им ходить в синагогу. Что бежишь ты видеть в синагоге богопротивных иудеев, скажи мне? Людей, трубящих в трубы? Но надлежало бы тебе, сидя дома, скорбеть о них и плакать о том, что они противятся заповеди Божьей, ликуют вместе с дьяволом. Ибо, как я сказал прежде, делаемое вопреки воле Божьей, хотя бы и было когда дозволено, после становится беззаконием и влечет за собой множество наказаний. Трубили некогда иудеи, когда были у них жертвы; а теперь им не позволено это делать. Послушай, для чего и получили они трубы? "Сделай себе", говорит Бог, "две трубы серебряные, чеканные сделай их" (Чис. 10:2); потом, говоря об их употреблении, прибавляет: "рубите трубами на всесожжениях ваших и при мирных жертвах ваших" (Чис. 10:10). Где же теперь жертвенник? Где кивот? Где скиния и святое святых? Где священник? Где херувимы славы? Где золотая кадилница? Где очистилище? Где чаша? Где сосуды возлияния? Где огонь, свыше ниспосланный? Все оставил ты, и удерживаешь только трубы? Видишь ли, что иудеи скорее играют, чем служат (Богу)? Но если их мы упрекаем за то, что они беззаконничают, тем более - вас за то, что сходитесь с беззаконниками; (упрекаем) не только тех, которые бегут туда, но и тех, которые могли бы удержать их, и не хотят. Не говори мне: "что у меня общего с ним? Он мне чужой и незнакомый". Пока он верный, приобщается одних с тобой тайн, и ходит в ту же церковь, дотоле он ближе к тебе и братьев, и знакомых, и родственников, и всех вообще. Следовательно, как подвергаются одинаковому наказанию не только крадущие, но и те, которые могли им помешать и не помешали; так одинаково же наказываются не только сами нечестивцы, но и те, которые могли отклонить их от нечестия, но не хотели по нерадению, или по беспечности. И зарывший талант возвратил его господину в целостности; но так как не умножил его, то и наказан. И ты, если даже сам останешься чистым и непорочным, но не умножишь своего таланта, и погибающего брата не обратишь к спасению, то потерпишь одинаковую с (рабом) тем участь. Многого ли требую от вас, возлюбленные? Пусть каждый из вас обратит к спасению одного из братьев, пусть позаботится об этом, пусть потрудится, чтобы в следующее собрание нам придти с великим дерзновением, неся дары Богу, дары самые драгоценные, возвращая (к Нему) души заблудших. Пусть даже придется понести обиды, получить удары, потерпеть что-либо другое, - все сделаем, только бы возвратить их. Ведь мы сносим же упрямство, оскорбления и брань от больных, не огорчаемся обидами, но желаем только одного, чтобы здоров был тот, кто так безрассудно поступает. И у врача больной часто разрывает одежду, но тот не перестает из-за этого лечить его. Если же заботящиеся о телах показывают столько усердия, то, как неуместно предаваться беспечности, когда гибнет столько душ, и не решаться перенести какую-либо

неприятность, когда гниют наши члены? Не так поступал Павел; а как? "Кто", говорил он, "изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы и я не воспламенялся" (2 Кор. 11:29)? Зажги и ты в себе этот огонь; и, если увидишь брата погибающим, пусть он тебя бранит, пусть оскорбляет, пусть бьет, пусть угрожает сделаться твоим врагом, пусть делает что бы то ни было другое: все перенеси благодушно, только бы тебе приобрести его спасение. Пусть он сделается тебе врагом, за то Бог будет твоим другом, и наградит тебя великими благами в тот день (суда). Дай Бог, чтобы молитвами святых, и заблудшие обратились ко спасению, и вы имели успех в этой ловле, и самые те богохульники (иудеи), оставив нечестие, познали Христа, за них распятого, да все мы единым сердцем и едиными устами прославим Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава вместе со Святым Духом во веки веков. Аминь.

[1] Здесь или отсканировано плохо, или опечатка, не имея под рукой книги не могу исправить. – и.Н.

ПРОТИВ ИУДЕЕВ.

СЛОВО ПЯТОЕ.

Похвала усердию слушателей. - Храм иудейский не будет восстановлен. - Это доказывается: 1) предсказанием Иисуса Христа, которое несомненно возымеет силу, так как другие предсказания Сына Божия уже исполнились; 2) на основании пророков: те же пророки, которые предсказывали начало и конец трех первых пленений, не только не указали конца для четвертого, теперешнего их пленения, но прямо предсказывали, что оно не окончится; 3) тщетностью усилий, которые иудеи употребляли для восстановления их храма; 4) на основании пророчеств, которыми предвозвещено, что новозаветное богослужение распространится по всей земле. - Увещание христианам удалиться от праздников иудейских.

Отчего это у нас сегодня собрание сделалось многочисленнее? Конечно, вы собрались для истребления обещанного, пришли получить очищенное огнем серебро, которое я обещал отдать вам. "Слова Господни", сказано, "слова чистые, серебро, очищенное от земли в горниле" (Псал. 11:7). Благословен Бог, вложивший в вас такое усердие к слушанию духовного наставления! Как пристрастные к вину и напиткам, каждый день, лишь только встав, разведывают и осведомляются, где напитки, пиры и ужины, праздники и собрания пьющих, сосуды, чаши и стаканы: так и вы каждый день, лишь встанете, осведомляетесь, где увещание и совет, поучение и наставление, и слово во славу Христа. Поэтому и мы тем охотнее беремся за это дело, и со всей готовностью предлагаем, что обещали. Итак, наша борьба с иудеями окончилась, как следует: поставлен и трофей, сплетен нам и венец, получили мы награду уже и за предыдущую беседу. Нашей целью было доказать, что делаемое теперь иудеями есть беззаконие и нечестие, брань и война людей против Бога: это и доказано, при помощи Божьей, со всей точностью. Ибо, если бы они и имели надежду опять получить свой город, возвратиться к прежнему устройству и видеть свой храм восстановленным, чего, впрочем, никогда не будет, то и в таком случае не могли бы ничем оправдать того, что теперь делают. Вот, и три отрока, и Даниила, и все другие, жившие в плену (вавилонском), надеялись опять получить свой город, через семьдесят лет увидеть отечественную землю и жить по прежним законам; однако и, имея

ясное и несомненное обетование, они, до исполнения этого обетования и до возвращения (в Иерусалим), не дерзали сделать что-либо из постановленного (о праздниках), как это делают нынешние иудеи. Так можешь и ты заградить уста иудею. В самом деле, спроси его: почему ты постишься, не имея города? И если он скажет: потому, что надеюсь опять получить город; скажи ему: так оставайся в покое, пока не получишь; ибо те святые, пока не возвратились в свое отечество, не осмеливались делать то, что ты делаешь теперь. Отсюда видно, что ты теперь, если и надеешься, как ты говоришь, опять получить город, поступаешь незаконно, нарушаешь заветы с Богом, и оказываешь неуважение самому учреждению иудейства. Итак, для обуздания наглости иудеев и обличения их в том, что они поступают незаконно, достаточно и сказанного вашей любви в предыдущей беседе. Но так как мы поставили себе целью не только, чтобы заградить уста иудеям, но и то, чтобы больше научить церковь собственным догматам; то вот теперь докажем подробно и то еще, что и храм (иерусалимский) уже не будет восстановлен, и иудеи не получат опять прежнего устройства. Таким образом, и вы вернее узнаете апостольские догматы, и они более будут уличены в нечестии. А свидетелем этого представим не ангела, не архангела, но самого Владыку всей вселенной, Господа нашего Иисуса Христа. Вошедши в Иерусалим и увидев храм, Он сказал, что "Иерусалим будет попираем язычниками, доколе не окончатся времена язычников" (Лук. 21:24), то есть, время до скончания мира. Эту же угрозу Он произнес и о храме, сказав ученикам, что "не останется здесь камня на камне; все будет разрушено" (Матф. 24:2); и, таким образом, предвозвестил совершенное разрушение и конечное запустение храма. Но иудей, конечно, отвергает это свидетельство и не принимает сказанного (Иисусом Христом). Это сказал, говорит он, мой враг; я распял его, как же приму его свидетельство? Это-то и дивно, иудей, что Тот, Кого ты распял, уже по распятии своем, разрушил твой город, рассеял твой народ и разбросал по всему лицу земли твое племя; а этим и показал, что Он воскрес и жив и теперь на небесах. Так как ты не захотел познать Его могущество в благодеяниях, то Он дал тебе понять Свою непобедимую и необоримую силу в карах и наказаниях. Но ты и после этого не веришь, и не признаешь Его Богом и Владыкой всей вселенной, но считаешь обыкновенным человеком. Но рассуди (о Нем), даже как о (простом) человеке. А как мы делаем рассмотрение о людях? Когда увидим, что известные люди всегда говорят правду, и ни в чем никогда не лгут, то хотя бы они были нам и враги, мы, если только у нас есть ум, принимаем их слова; напротив, как увидим, что они лгут, то, хотя бы они о чем-либо сказали и правду, мы не легко принимаем слова их.

2. Теперь посмотрим, каков обычай Христа, каков нрав Его. Он предсказал и предвозвестил не то одно, но много и другого, чему надлежало совершиться спустя долгое время. Представим же эти пророчества, и, если увидишь, что в них Он говорит ложь, не принимай и не считай верным и этого (пророчества о разрушении храма); но если увидишь, что Он всегда говорит правду, что и это пророчество исполнилось, и что неизмеримое время свидетельствует об истине предсказанного, то перестань бесстыдствовать, не спорь против таких дел, которые - яснее солнца. Посмотрим же, что и еще Он предсказал. Приступила к Нему женщина, с алавастровым сосудом драгоценного мира, и возлила (на Него) миро. Вознегодовали на это ученики, говоря: "для чего бы не продать это миро за триста динариев и не раздать нищим" (Иоанн. 12:5). Но (Иисус) укорил их и сказал так: "что смущаете женщину? она доброе дело сделала для Меня. Истинно говорю вам: где ни будет проповедано Евангелие сие в целом мире, сказано будет в память ее и о том, что она сделала" (Матф. 26:10,13). Что же, солгал Он, или сказал правду? Сбылось пророчество, или нет? Спроси иудея; и, пусть будет он безмерно нагл, не может, однако же, спорить против этого пророчества. Мы слышим, как о той женщине читается во всех церквах, и слушателями во всех городах стоят консулы, полководцы,

мужчины, женщины, благородные, знатные, славные; куда бы ты ни пришел, везде найдешь, что все в глубоком молчании слушают (повествование) о поступке той женщины и нет места во вселенной, в котором бы он был не известен. Сколько было царей, которые оказали много великих благодеяний городам, успешно воевали, воздвигли себе трофеи, спасли народы, построили города, и собрали себе бесчисленные сокровища; однако же, о них и о делах их не говорится ни слова. Много было и цариц и великих жен, оказавших бесчисленные благодеяния подчиненным; но и они никому не известны и по имени. А эта бедная женщина возлила только миро, и прославляется по вселенной; столько уже прошло времени, но память о ней не изгладилась, и не изгладится никогда. Между тем и дело ее не важное: ибо, что такое возлить миро? И личность она не знатная: ибо она была женщина отверженная; и свидетелей немного: ибо она сделала это при (одних) учениках; и место не открытое: ибо сделала это не на зрелище, но в доме, где было только человек десять. Однако ни незначительность лица, ни малочисленность свидетелей, ни безвестность места, ни другое что не могло истребить памяти о ней: нет, эта женщина теперь славнее всех цариц и всех царей, и такое продолжительное время не предало забвению поступка ее. Отчего, скажи мне? Кто сделал это? Не Бог ли, Которому она тогда послужила, распространил этот слух (о ней) повсюду? Итак, скажи мне, человеческой ли способности свойственно предсказать такое событие? Какой же умный человек скажет это? Чудно и необычайно, когда (Христос) предсказывает о чем-либо таком, что сам Он сделает; но гораздо важнее и удивительнее, когда Он предсказывает еще и о том, что сделают другие, и устраивает так, что это становится для всех достоверным и очевидным. Опять Он предсказал Петру: "на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее" (Матф. 16:18). Что же, скажи мне, иудей, можешь ты возразить против этих слов и доказать, что это пророчество ложно? Но этого не позволит тебе свидетельство самых дел, как бы ты ни усиливался. Сколько браней воздвигалось на церковь! Приготавливались великие полчища, изощрялись оружия, изобретаемы были все виды казней и мучений, сковороды, оружия расстрела, котлы, печи, ямы, стремнины, зубы зверей, моря, ссылки и другие бесчисленные истязания, которых нельзя ни изобразить словом, ни перенести на деле; и такие истязания не от чужих только, но и от своих. Все объяла тогда какая-то междоусобная война, или даже такая, которая свирепее всякой междоусобной брани; ибо сражались не только граждане с гражданами, но и родные с родными, свои со своими, друзья с друзьями. Однако же ничто не разрушило церкви, не обессилило ее; и что особенно дивно и необычайно, все это происходило в первое время (существования церкви). Если бы эти бедствия постигли ее тогда, когда проповедь была уже насаждена и укоренена во всей вселенной, не так было бы дивно то, что церковь не разрушилась. Но если столько браней возгоралось в самом начале (христианского) учения, когда семя веры только что было брошено, и умы слушателей были еще очень слабы, а между тем наши дела не только не потерпели никакого ущерба, но еще более усилились: это уже выше всякого чуда. Чтобы ты не говорил, будто теперь церковь стоит твердо по причине мира с царями, Бог попустил ей терпеть гонение тогда, когда она была меньше и казалась слабее, дабы ты убедился из этого, что и нынешняя твердость ее зависит не от мира с царями, но от силы Божьей.

3. А что это правда, подумай, сколь многие хотели ввести между еллинами (новое) учение, и установить новый образ жизни, как-то: Зенон, Платон, Сократ, Диагор, Пифагор, и весьма многие другие; однако они так мало имели успеха, что неизвестны народу даже по имени. А Христос не только предписал (новый) образ жизни, но и насадил его во всей вселенной. Сколько говорят о делах Аполлония Тианского? Но дабы ты знал, что все ложь и вымысел, и нет тут ничего истинного, (дело Аполлония) рушилось и покончилось. Пусть никто не считает оскорблением для Христа, что, говоря о Нем, мы упомянули о Пифагоре и Платоне, Зеноне и (Аполлонии) Тианском; это мы делаем не по своему произволу, но

снисходя к немощи иудеев, почитающих (Христа) простым человеком. Так поступил и Павел: пришедши в Афины, он говорил афинянам не из пророков и не из евангелий, но начал увещание с жертвенника; не потому, чтобы считал жертвенник более достойным вероятия, нежели Евангелие, и не потому, чтобы сделанная на том жертвеннике надпись была важнее писаний пророческих, но потому, что он говорил с язычниками, которые не веровали ничему нашему; так он уловил их их же учением (Деян. 17:23). Вот почему, говорит он, "для Иудеев я был как Иудей, для чуждых закона - как чуждый закона, - не будучи чужд закона пред Богом, но подзаконен Христу" (1 Кор. 9:20-21). Так поступает и Ветхий Завет, когда, беседуя о Боге к иудеям, говорит: "кто, как Ты, Господи, между богами" (Исх. 15:11)? Что говоришь, Моисей? Может ли быть какое сравнение между Богом истинным и ложными богами? Я сказал это, говорит он, не потому, чтобы делал сравнение, а потому, что беседую с иудеями, которые имеют высокое понятие о демонах; снисходя к их немощи, употребил я такой образ учения. Так как и у нас речь к иудеям, которые Христа считают простым человеком, и притом нарушителем закона, то посему мы и привели в пример тех, которые особенно уважаются еллинами. Если же хотите (видеть примеры) и таких людей, которые между самыми иудеями покушались на то же, собирали себе учеников, провозглашали себя начальниками и предводителями, и - тотчас исчезли: представим и такие примеры. Так заградил (иудеям) уста и Гамалиил. Когда увидел он, что иудеи беснуются и жаждут пролить кровь учеников (Христовых); то, чтобы обуздать их неукротимую ярость, он, приказав вывести Апостолов на короткое время, так говорил к ним: "подумайте сами с собою о людях сих, что вам с ними делать. Ибо незадолго перед этим явился Февда, выдавая себя за кого-то великого, и к нему пристало около четырехсот человек; но он был убит, и все, которые слушались его, рассеялись и исчезли. После него во время переписи явился Иуда Галилеянин и увлек за собою довольно народа; но он погиб, и" ученики его погибли. "И ныне, говорю вам, отстаньте от людей сих и оставьте их; ибо если это предприятие и это дело - от человеков, то оно разрушится, а если от Бога, то вы не можете разрушить его; [берегитесь], чтобы вам не оказаться и богопротивниками" (Деян. 5:35-39). Откуда же можем видеть, что если "дело от человеков", то разорится? Имеете, говорит, пример в Иуде и Февде. Так, если и этот (Христос), проповедуемый сими (апостолами), таков же, как и те (Иуда и Февда); если и здесь все делается не божественной силой; то потерпите немного, и самый исход дела уверит вас, по концу увидите ясно, обманщик ли он (Христос) и беззаконник, как говорите вы, или Бог, все содержащий и неизреченной силой устраивающий наши дела. Так и было; подождали они, и божественная и необоримая сила открылась в самых делах; а та хитрость, выдуманная для обольщения людей, обратилась на голову дьявола. Когда дьявол увидел, что Христос пришел, то, стараясь затмить Его пришествие и истинное домостроительство, выслал несколько обманщиков, о которых мы выше сказали, с тем, чтобы и Христа относили к числу их. Что он сделал по отношению к кресту, подготовив двух разбойников к распятию с Христом, то же сделал и по отношению к Его пришествию, - силился примесью лжи помрачить истину: однако же, нисколько не успел ни там, ни здесь, напротив, это самое особенно и показало силу Христову. Почему, скажи мне, из трех распятых в одном и том же месте, в одно и тоже время, и по определению одних и тех же судей, о тех (двух разбойниках) все молчат, а одному (Христу) поклоняются? Отчего опять, хотя многие старались ввести новый образ жизни и иметь учеников, они неизвестны доселе и по имени, а этому служат по всей вселенной? Дела объясняются особенно через сравнение. Сравни же, иудей, и познай превосходство истины. Какой обманщик устроил себе столько церквей по всей вселенной, распространил свою религию от концов до концов земли, всех подчинил себе, и притом не смотря на бесчисленное множество препятствий? Нет ни одного такого. Итак, явно, что Христос не обманщик, но Спаситель, Благодетель, Промыслитель и Начальник жизни нашей. Приведу еще одно пророчество (Христово), и затем возвращусь к своему предмету. "Не мир пришел Я",

сказал Христос, "принести, но меч" (Матф. 10:34), понимая не то, чтобы Он хотел этого, но то, что таков будет исход самых событий. "Ибо Я пришел", говорит Он, "разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее" (Матф. 10:35). Как бы Он мог предсказать это, скажи мне, если бы был простой, обыкновенный человек? Слова Его имеют такой смысл: так как случилось, что в одном доме был один верный, а другой неверный, и отец увлекал своего сына к нечестию, то, предсказывая это, Христос говорит: сила проповеди будет иметь такую власть, что дети презрят отцов, и дочери - матерей, и родители - детей; верные решатся не только оставить родных, но и отдать свою душу, потерпеть и перенести все, только бы не отречься от благочестия. Как мог Он и узнать и устроить это, если бы был обыкновенный человек? Откуда пришло Ему на мысль, что Он будет и для детей почтеннее родителей, и для родителей приятнее детей, и для жен любезнее мужей? И это не в одном доме, не в двух, или трех, не в десяти, или двадцати, или в сотне, но во всей вселенной, во всех городах и странах, на суше и на море, в местах обитаемых и необитаемых. Нельзя сказать и того, что Он только сказал это, но не привел в исполнение. Ибо в начале и в первые времена (церкви) было много таких, да и теперь еще есть такие, которых ненавидят за благочестие, изгоняют из отеческих домов; однако же, они не обращают на это внимания, находя себе достаточное утешение в том, что терпят это за Христа. Какой человек мог когда сделать это, скажи мне? Итак, Христос, предсказавший все это, - и о той жене, и о церкви, и об этой борьбе, - предсказал также и то, что храм разрушится, Иерусалим будет взят, и город этот не будет более городом иудеев, как прежде. Если Он в том солгал, если те пророчества не исполнились, не верь и этому; но, если видишь, что те блистательно исполнились, и с каждым днем получают новую силу, - что врата адовы не одолели церкви, о поступке жены через столько времени проповедуется во всей вселенной, и люди, уверовавшие в Него, предпочли Его и родителям, и женам, и детям своим, то для чего, скажи мне, не веришь одному этому пророчеству, особенно когда свидетельство времени заграждает уста твоей наглости? Когда бы после взятия (Иерусалима) прошло каких-нибудь десять, или двадцать, или тридцать, или пятьдесят лет; то и тогда не следовало бы упорствовать, хотя охотникам спорить и оставался бы еще некоторый предлог к этому. Но вот, не пятьдесят, но сто, дважды и трижды столько, и даже гораздо более лет прошло после разрушения (Иерусалима), а доселе не видно ни следа, ни тени ожидаемой вами перемены: для чего же упорствуешь напрасно и без всякого основания?

4. Достаточно бы и сказанного нами для доказательства, что (иерусалимский) храм никогда не восстановится. Но как у истины весьма обильны средства, то, оставив Евангелие, обращаюсь к пророкам, которым иудеи, по-видимому, особенно верят, и на них докажу, что иудеи никогда не получат ни храма, ни города. Для меня собственно и не было никакой нужды доказывать, что (храм) не восстановится, и не мое, а их было бы дело доказать противное, т. е. что будет восстановлен. У меня в самом времени имеется доказательство, которое свидетельствует и стоит за меня; но они, которых опровергают самые события и которые не в состоянии подтвердить слова свои делами, а только хвастаются попусту и без основания, они-то именно и должны представить это свидетельство. То, что я говорю, подтверждается самыми делами; и то, например, что город пал, и то, что он не восстановлен через столько времени; а что они говорят, все то заключается в пустых словах. Им следовало бы доказать, что город снова будет восстановлен: и в судебных местах, как видим, доказательства производятся таким же образом. Когда люди спорят между собой о чем-либо, и один из них представляет письменные доказательства слов своих, а другой отвергает показания (соперника), то этот именно и должен уже представить свидетелей и другие опровержения на то, что дело не так было, как гласят письменные показания (противника), а не тот, кто, представляет эти показания. Так надлежало бы сделать теперь и иудеям, представить нам пророка,

который бы говорил, что город их непременно будет восстановлен; потому что, если бы настоящему их пленению надлежало окончиться, пророки непременно предсказали бы об этом. Это очевидно для всякого, кто хотя сколько-нибудь вникал в книги пророческие. У иудеев издревле пророки обыкновенно заранее предсказывали обо всем, чему только надлежало случиться с ними хорошего, или худого. Для чего это, и почему? По великому вероломству и бесстыдству (иудеев). Они постоянно забывали о Боге, оказывавшем им благодеяния, а все события приписывали демонам, и их считали виновниками добра. Так, по выходе из Египта, когда разделилось море и совершались другие чудеса, они, забыв Бога, сотворившего эти чудеса, приписали их тем, которые не суть боги, и говорят Аарону: "сделай нам бога, который бы шел перед нами" (Исх. 32:1). А к Иеремии являются с такими словами: "слова, которое ты говорил нам именем Господа, мы не слушаем от тебя; но непременно будем делать все то, что вышло из уст наших, чтобы кадить богине неба и возливать ей возлияния, как мы делали, мы и отцы наши, цари наши и князья наши: потому что тогда мы были сыты и счастливы и беды не видели. А с того времени, как перестали мы кадить богине неба и возливать ей возлияния, терпим во всем недостаток и гибнем от меча и голода" (Иер. 44:16-18). Итак, чтобы иудеи ни одного события не приписывали идолам, но верили, что и наказания и благодеяния всегда насылаются на них от Бога, - те за их грехи, а эти по человеколюбию (Божьему), пророки заранее предсказывали им о будущем. А дабы тебе убедиться, что это было причиной предсказания, послушай, что говорит велегласнейший Исаия к народу иудейскому: "я знал, что ты упорен, и жилы железные", т. е. непреклонна, "в шее твоей, и лоб твой – медный", т. е. бесстыдно (Иса. 48:4). Так и мы часто имеем обыкновение бесстыдных людей называть меднолобыми. "И объявлял тебе", говорит пророк, "задолго, прежде, нежели это приходило" (Иса. 48:5). Потом, изъясняя причину предсказания, прибавил: "чтобы ты не сказал: идол мой сделал это, и истукан мой и изваянный мой повелел этому быть". Притом, так как были люди, которые по своему упорству и лживости, даже после самого исполнения (пророчеств) нагло противоречили, как будто бы и не слышали (предсказания); то пророки не только предсказывали о будущем, но еще брали на это свидетелей. Так тот же Исаия говорит: "и я взял себе верных свидетелей: Урию священника и Захарию, сына Варахиина" (Иса. 8:2). Мало этого; (Исаия) записал еще свое пророчество в новую книгу, чтобы, по исполнении его, самые письмены свидетельствовали против иудеев, что это наперед и задолго предсказано им. Поэтому пророк и пишет, не просто в книге, но в новой книге, которая могла бы сохраниться долго, не так легко бы повредилась, но осталась бы целой до исполнения того, что в ней написано. И что это правда, что Бог предсказывал иудеям обо всем будущем, докажу не только отсюда, но и из самых событий иудейских, как бедственных, так и счастливых.

5. Три рабства, самые тяжкие, испытали иудеи, и ни одного Бог не навел на них без предсказания, напротив, обо всех предвозвестил им, предсказав с точностью и место, и время, и лицо, и вид бедствия, и избавление от него, и все прочее. Прежде всего, скажу о египетском рабстве. - Беседуя с Авраамом, (Господь) так говорит: "знай, что потомки твои будут пришельцами в земле не своей, и поработят их, и будут угнетать их четыреста лет. Но Я произведу суд над народом, у которого они будут в порабощении", сказал Бог: "в четвертом роде возвратятся они сюда с большим имуществом" (Быт. 15:13-14,16). Видишь, как Бог сказал и о числе лет – "четырееста лет", и о качестве рабства, потому что не просто "поработят", но и "озлобят". Послушай же, как впоследствии Моисей повествует об этом озлоблении: "солемы не дают рабам твоим, а кирпичи, говорят нам, делайте" (Исх. 5:16). Притом, каждый день бичевали их. Вот что значит: "поработят и озлобят. Но Я произведу суд над народом, у которого они будут в порабощении" (говорит Бог), и этим указывает на потопление египтян в Черном море. А Моисей, описывая это в песнях, так говорит: "коня и всадника его ввергнул в море" (Исх. 15:1). Потом сказано и об образе

возвращения (иудеев из Египта), - что они возвратятся с множеством сосудов: "выпросит у соседки своей и у живущей в доме ее вещей серебряных и вещей золотых" (Исх. 3:22). Так как иудеи проработали долго и не получили платы, то Бог заставил египтян и заплатить им. И восклицает пророк: "и вывел [Израильтян] с серебром и золотом, и не было в коленах их болящего" (Пс. 104:37). Так вот одно рабство предсказано со всей подробностью! Теперь обратим речь и к другому. К какому же? К вавилонскому. И о нем с точностью предсказал Иеремия, говоря: "Ибо так говорит Господь: когда исполнится вам в Вавилоне семьдесят лет, тогда Я посету вас и исполню доброе слово Мое о вас, чтобы возвратить вас на место сие. и возвращу вас из плена и соберу вас из всех народов и из всех мест, куда Я изгнал вас, говорит Господь, и возвращу вас в то место, откуда переселил вас" (Иер. 29:10,14). Видишь, как Бог и здесь опять указал и город, и число лет, и то, откуда хотел собрать их, и куда собрать? Поэтому Даниил не прежде стал и молиться за них, как когда увидел, что семьдесят лет уже исполнилось. Кто же об этом говорит? Сам Даниил так: "и я, Даниил, начал заниматься царскими делами; я изумлен был видением сим и не понимал его" (Дан. 8:27). "Сообразил по книгам число лет, о котором было слово Господне к Иеремии пророку, что семьдесят лет исполнятся над опустошением Иерусалима. И обратил я лицо мое к Господу Богу с молитвою и молением, в посте и в ретище и пепле" (Дан. 9:2-3). Слышал ты, как и это рабство предсказано, и как пророк не осмелился, ранее определенного времени, вознести молитву и прошение к Богу, чтобы не молиться напрасно и без пользы, чтобы не услышать того же, что услышал Иеремия: "ты же не проси за этот народ и не возноси за них молитвы и прошения, и не ходатайствуй предо Мною, ибо Я не услышу тебя" (Иер. 7:16)? Но когда (Даниил) увидел, что (Божье) определение исполнилось, и уже наступило время возвращения (из плена); тогда начинает молиться, и не просто, но "в посте и в ретище и пепле". По отношению к Богу он поступил так, как обыкновенно бывает между людьми. И мы, когда увидим, что какие-нибудь (господа), за большие и частые проступки, посадили своих слуг в тюрьму, не сейчас, не сразу, не в самом начале наказания просим (за виновных), но, дав им в течение нескольких дней образумиться, потом уже приступаем к господам с просьбой, имея подмогу себе и в самом времени. Так поступил и пророк: когда иудеи потерпели уже наказание, хотя и не соразмерное с их преступлениями, но потерпели вполне, тогда он и приходит к Богу помолиться за них. Если хотите, выслушаем и самую молитву. "Исповедался", говорит пророк, "и сказал: Молю Тебя, Господи Боже великий и дивный, хранящий завет и милость любящим Тебя и соблюдающим повеления Твои" (Дан. 9:4). Что делаешь ты, Даниил? Ходатайствуя за людей, согрешивших и оскорбивших (Бога), упоминаешь о тех, которые хранят Его законы? Ужели заслуживает прощения преступающие заповеди Его? Не ради этих говорю это, отвечает пророк, но ради древних праотцев, ради Авраама, ради Исаака, ради Иакова. Им, говорит, Бог обещал (милость Свою), им, которые сохранили заповеди Его. Так как эти (потомки) не имеют никакого права на спасение, поэтому я и упомянул о предках. И дабы ты не подумал, что пророк это говорит об этих (потомках), он, после слов: "хранящий завет и милость любящим Тебя и соблюдающим повеления Твои", тотчас присовокупил: "согрешили мы, поступали беззаконно, действовали нечестиво, упорствовали и отступили от заповедей Твоих и от постановлений Твоих; и не слушали рабов Твоих, пророков" (Дан. 9:5-6). Грешникам, после грехов, остается одно оправдание, - исповедание своих грехов. А ты обрати здесь внимание и на добродетель праведника, и на нечестие иудеев. Тот, не зная за собой ничего худого, весьма строго осуждает себя, говоря: "согрешили мы, поступали беззаконно, действовали нечестиво"; а эти, виновные в бесчисленных грехах, поступали напротив, говоря: "соблюдали постановления Его; и ныне мы считаем надменных счастливыми: лучше устраивают себя делающие беззакония" (Малах. 3:14-15). Ибо, как праведным обычно смиряться и после добрых дел, так злым - тщеславиться после грехов. Ничего не знавший за собой говорил: "действовали нечестиво, отступили от заповедей

Твоих"; а те, у которых было на совести бесчисленное множество грехов, говорили: "соблюдали постановления Его"! Это говорю для того, чтобы мы этого (тщеславия) избегали, а тому (смирению) подражали.

б. Обличив беззаконие иудеев, пророк говорит затем и о наказании, которое они потерпели, стараясь и этим преклонить Бога на милость: "и за то излились на нас", говорит, "проклятие и клятва, которые написаны в законе Моисея" (Дан. 9:11). Какая эта клятва? Хотите, прочтем ее? "Если же не будешь стараться исполнять все заповеди, говорит Моисей, Господа Бога твоего, пошлет на тебя Господь народ издалека, народ наглый, которого языка ты не разумеешь, и останется вас немного" (Втор. 28:15,49-50,62). На это самое указывали и три отрока; и они, показывая, что такое наказание постигло их за их дела, и, исповедуясь перед Богом в общих грехах (народа), говорили: "и предал нас в руки врагов беззаконных, ненавистнейших отступников, и царю неправосудному и злейшему на всей земле" (Дан. 3:32). Видишь, как исполнилась та клятва, гласившая: "останется вас немного"; и еще: "пошлет на тебя народ наглый". На это же самое указывает Даниил и здесь, говоря: "наведя на нас великое бедствие, какого не бывало под небесами и какое совершилось над Иерусалимом" (Дан. 9:12). Какое же это зло? Матери ели своих детей. Моисей предсказывает об этом, а Иеремия говорит, как уже о случившемся. Тот говорит, что "Женщина, жившая у тебя в неге и роскоши, которая никогда ноги своей не ставила на землю по причине роскоши и изнеженности, при недостатке во всем, тайно будет есть сына своего и дочь свою" (Втор. 28:56-57). А Иеремия, показывая, что это случилось, говорил: "руки мягкосердых женщин варили детей своих" (Плач. 4:10). Но и сказав о грехах, которые иудеи сделали, и, представив наказание, которое они потерпели, (Даниил) еще не считает их поэтому достойными помилования. Смотри, какой это добросовестный раб! Показав, что иудеи еще не потерпели столько, сколько заслужили грехами, и своими страданиями не загладили беззаконий, он прибегает наконец к благоутробию и человеколюбию Божьему, говоря: "и ныне, Господи Боже наш, изведший народ Твой из земли Египетской рукою сильною и явивший славу Твою, как день сей! согрешили мы, поступали нечестиво" (Дан. 9:15). Как их Ты спас не за добрые дела их, но потому, что увидел (их) скорбь и тесноту, и услышал вопль их, так и нас освободи от настоящих бедствий по единому Твоему человеколюбию; другого права на спасение нет у нас. Сказав это, и поплакав довольно, Даниил представляет наконец город, как некую пленную жену, и говорит: "воззри светлым лицом Твоим на опустошенное святилище Твое, Приклони, Боже мой, ухо Твое и услышь, открой очи Твои и воззри на опустошения наши и на город, на котором наречено имя Твое" (Дан. 9:17-18). Так как, пересмотрев людей, он не увидел между ними ни одного, который бы мог умиловать Бога; то обращается к зданиям, выставляет на вид самый город, указывает на его запустение, и, заключив этим слово (молитвы), умиловил Бога, как это видно из последующего. Но о чем говорил я? Нужно опять возвратиться к самому предмету слова; впрочем, и это ввел я не напрасно и не без намерения, но чтобы дать несколько отдохнуть вашему уму, утомленному беспрестанными прениями. Итак, возвратимся к тому, с чего началось это отступление, и покажем, что имевшие постигнуть иудеев бедствия заранее были предсказаны со всей точностью. Рассуждение о двух рабствах доказало, что они постигли иудеев после пророчеств, а не внезапно и неожиданно. Остается, наконец, представить и третье рабство, а потом уже сказать и о настоящем, в котором они находятся теперь, и ясно показать, как ни один пророк не обещал, что они получат избавление и освобождение от нынешних своих бедствий. Какое же третье рабство? То, которое было при Антиохе Епифане. Когда Александр, царь македонский, низвергнув Дария, царя персидского, и подчинив себе владения его, умер, ему преемствовали четыре царя. От одного из них произошел, спустя много времени,

Антиох: он-то сжег храм, опустошил святое святых, истребил жертвы, поработил иудеев и ниспроверг все общественное их устройство.

7. И все это, со всей точностью, даже до единого дня, предсказано Даниилом, - предсказано, и когда будет, и как, и от кого, и каким образом, и где кончится, и на что переменится. Но вы яснее увидите это, когда выслушаете о самом видении, которое пророк изложил нам в притче, назвав персидского царя Дария овном, греческого царя, т. е. Александра Македонского, козлом, восставших после него царей четырьмя рогами, а самого Антиоха последним рогом. Впрочем, лучше выслушать самое видение. "Видел я в видении", говорит пророк, "как бы я был у реки Улая" (так он называет на персидском языке одно место): поднял я глаза мои и увидел: вот, один овен стоит у реки; у него два рога, и рога высокие, но один выше другого, и высший поднялся после. Видел я, как этот овен бодал к западу и к северу и к югу, и никакой зверь не мог устоять против него, и никто не мог спасти от него; он делал, что хотел, и величался. Я внимательно смотрел на это" (Дан. 8:2-5). Это он говорит о персидском могуществе и господстве, которое простиралось на всю землю. Потом, рассказывая об Александре Македонском, говорит: "и вот, с запада шел козел по лицу всей земли, не касаясь земли; у этого козла был видный рог между его глазами" (Дан. 8:5). Далее говорит о нападении Александра на Дария и о решительной победе его над ним: "он пошел на того овна, имеющего рога, и расвирепел на него и поразил овна", - можно сократить рассказ, - "и сломил у него оба рога, и не было никого, кто мог бы спасти овна от него" (Дан. 8:6-7). Затем, упомянув о смерти Александра, говорит о появлении после него четырех царей: "но когда он усилился, то сломился большой рог, и на место его вышли четыре, обращенные на четыре ветра небесных" (Дан. 8:8). Наконец, отселе перешедши к царствованию Антиоха, и показывая, что этот Антиох произошел от одного из тех четырех царей, так говорит: "от одного из них вышел небольшой рог, который чрезвычайно разросся к югу и к востоку" (Дан. 8:9). Далее показывает, что и Антиох разрушил иудейское царство, говоря: "и отнята была у Него ежедневная жертва, и поругано было место святыни Его. И воинство предано вместе с ежедневною жертвою за нечестие". Действительно, по ниспровержении алтаря и попрании святыни, Антиох поставил внутри храма идола, и заказал незаконные жертвы демонам. "И он, повергая истину на землю, действовал и успевал" (Дан. 8:12). Потом, говоря в другой раз об этом самом царствовании Антиоха, о пленении и взятии (Иерусалима) и опустошении храма, пророк определяет и самое время. Именно, начав с царствования Александра и к концу книги рассказав обо всем, что случилось в течение этого времени, что сделали, во взаимной борьбе, Птоломеи и Селевкиды и их полководцы, о кознях и победах, о походах и войнах на море и на суше, и дошедши до Антиоха, пророк оканчивает этот рассказ так: "и поставлена будет им часть войска, которая осквернит святилище могущества, и прекратит ежедневную жертву" (Дан. 11:31), разумя под "всегдашним" постоянные ежедневные жертвоприношения; "и поставит мерзость запустения, поступающих нечестиво против завета", то есть иудеев, нарушающих закон, "привлечет к себе лестью", возьмут с собой и переселят; "но люди, чтящие своего Бога, усилятся", разумя здесь подвиги Маккавеев, совершенные Иудой Симоном и Иоанном. "И разумные из народа вразумят многих, хотя будут несколько времени страдать от меча и огня", - это говорится опять о сожжении города, - "от плена и грабежа; и во время страдания своего будут иметь некоторую помощь": этими словами пророк дает разуметь, что среди самых тех бедствий (иудеи) получают возможность отдохнуть и освободиться от постигших их зол. "И многие присоединятся к ним, но притворно. Пострадают некоторые и из разумных для испытания их": этими словами пророк показывает, что многие из стоявших падут. Потом высказывает и причину, по которой Бог попустил иудеям впасть в такие бедствия. Какая же это причина? "Для испытания их, очищения и для убеления к последнему времени; ибо есть еще время до

срока". То есть, Бог для того попустил это, чтобы очистить их и показать верных между ними. Затем, рассказывая о могуществе того же самого царя (Антиоха), пророк говорит: "будет поступать царь тот по своему произволу, и вознесется и возвеличится". А, указывая на богохульные замыслы его, пророк прибавляет, что он "и о Боге богов станет говорить хульное и будет иметь успех, доколе не совершится гнев", и этим дает разуместь, что Антиох так усилился не по собственной воле, но по гневу Божьему на иудеев. Наконец, еще с большей подробностью сказав о том, сколько зла причинит (Антиох) Египту и Палестине, как возвратится, и по чьему зову, и по какой побудительной причине, Даниил говорит и о перемене обстоятельств, - о том, что иудеи, пережив все это, получают помощь, именно к ним на помощь послан будет ангел: "и восстанет в то время Михаил, князь великий, стоящий за сынов народа твоего; и наступит время тяжкое, какого не бывало с тех пор, как существуют люди, до сего времени; но спасутся в это время из народа твоего все, которые найдены будут записанными в книге" (Дан. 12:1), т. е. достойные спасения.

8. Однако же вопрос наш доселе еще не решен. В чем же он состоит? В том, что Бог определил, сколько иудеям провести времени и в этом рабстве, подобно как в первом четыреста, а во втором семьдесят лет. И так посмотрим, не означает ли и здесь какое-нибудь время. Но где можно найти это? В дальнейшем повествовании (пророка Даниила). Когда он услышал о многих и тяжких бедствиях, о сожжении (Иерусалима), ниспровержении государства (иудейского), пленении своих единоплеменников, то захотел узнать, будет ли конец этим бедствиям. И сказал он, вопрошая об этом: "господин мой! что же после этого будет? И отвечал он: иди, Даниил; ибо сокрыты и запечатаны слова сии" (указывая этим на неясность слов) "до последнего времени". Потом открывает причину пощущения бедствий: "многие очистятся, убелятся и переплавлены будут [в искушении]; нечестивые же будут поступать нечестиво, и не уразумеет сего никто из нечестивых, а мудрые уразумеют" (Дан. 12:8-10). Затем, предсказывая и самое время, в продолжение которого будут тяготеть над ними эти бедствия, говорит: "со времени прекращения ежедневной жертвы". Всегдашней называлась ежедневная жертва потому, что была постоянная и непрерывная. У иудеев был обычай приносить жертву Богу вечером и утром каждого дня: отчего и жертву ту пророк назвал всегдашней. И так как Антиох, пришедши, уничтожил этот обычай и прекратил его, то ангел и говорил, что "со времени прекращения ежедневной жертвы", т. е. со времени прекращения этой жертвы, "тысяча двести девяносто дней", то есть, три года с половиной, и несколько более. Потом, открывая, что будет конец и прекращение этим бедствиям, он присовокупил: "блажен, кто ожидает и достигнет тысячи трехсот тридцати пяти дней", приложив, т. е. к тысяче двумстам девяноста дням сорок пять дней; потому что один месяц с половиной продолжалась война, которая кончилась (для иудеев) блистательной победой, и вместе с совершенным освобождением от тяготевших (над иудеями) бедствий. Итак, словами: "блажен, кто ожидает и достигнет тысячи трехсот тридцати пяти дней", ангел предрек освобождение (от бедствий); впрочем, сказал он не просто: "достигнет", но "кто ожидает и достигнет". Многие и из нечестивых увидели перемену обстоятельств, но не ублажает ангел без разбора, а только тех, которые пострадали во время бедствий, не изменили благочестию и потом уже достигли покоя. Вот почему он не просто сказал: "достигнет", но "кто ожидает и достигнет". Что может быть яснее этого? Видишь, как пророк предсказал и о плене, и об освобождении от плена со всей точностью, не только до последнего года и месяца, но до последнего дня. А в подтверждение, что я говорю это не по своей только догадке, приведу вам и другого свидетеля, которого иудеи почитают заслуживающим особенного вероятия, - разумею Иосифа, который и описал трогательно бедствия их, и подробно изложил весь Ветхий Завет. Живя уже после пришествия Христа и поговорив о предсказанном Им пленении (иудеев римлянами), Иосиф рассказал и об этом, бывшем (при Антиохе Епифане) пленении, причем и истолковал видение пророка об овне, козле,

четырёх рогах и о последнем, явившемся за ними, роге. И чтобы не стал кто подозревать слов наших, вот мы предложим подлинные его слова. Восхвалив Даниила до чрезмерности и поставив его выше всех других пророков, Иосиф обращается и к этому видению и говорит так [1]: "он (Даниил) оставил писания, в которых предложил нам точное и достоверное описание своего пророчества. Он говорит, что в Сузах, столице Персии, вышел он в поле с некоторыми из своих, и, как случилось внезапное землетрясение, друзья его убежали, и он остался один. Тогда он пал на лице, опершись на обе руки; и, как некто прикоснулся к нему и велел встать и посмотреть, чему надлежало, после многих поколений, случиться с его соотечественниками, он встал, и ему показался великий овен, у которого выросло много рогов, но последний из них был выше других. Потом, взглянув на запад, увидел несущегося по воздуху козла, который сразился с овном, дважды ударил его рогами, повалил на землю и истоптал. После этого увидел, что козел стал выше, и на лбу у него вырос преобладающий рог; когда этот рог был сломан, выросли другие четыре, обращенные к каждому из (четырех) ветров; а из них вышел другой меньший (рог), который потом вырос. Показав это (Даниилу), Бог сказал, что народ его будет побежден, город взят силой, храм разграблен, жертва прекращена; и это продолжится до тысячи двухсот девяносто дней. Вот что видел Даниил, как сам он написал, на поле в Сузах, а изъяснение видения, говорит он, дал ему Бог, Который сказал, что овен означает царство персидское и мидийское, а рога - будущих царей; последний рог означает последнего царя, который превзойдет всех богатством и славой. Козел означает, что от греков произойдет царь, который, дважды напав на персидского царя, победит его на войне и совсем лишит власти. Большой (первый) рог на лбу козла означает первого царя; а четыре другие, выросшие по сокрушении его и обращенные к четырем странам света, указывают на преемников первого царя и на разделение между ними царства; ибо ни дети, ни родственники его не будут, в течение многих лет, властвовать над вселенной. От этих-то (преемников) произойдет один царь, который завоюет (иудеев), отменит и законы и постановления их, разграбит храм, и запретит на три года жертвоприношения. И все это довелось потерпеть нашему народу от Антиоха Епифана, как предсказал и записал Даниил за много лето, до самого события".

9. Что может быть яснее этого? Пора теперь, впрочем, если только мы не утомили вас, обратиться к главному предмету, т. е. к настоящему пленению, к нынешнему рабству (иудеев), из-за которого мы и сказали все это. Будьте же внимательны, ибо у нас дело идет не о маловажных предметах. Сидящие на олимпийских играх с полуночи до полудня ждут увидеть, кому достанется венок; принимают на обнаженную голову раскаленные лучи солнца, и оставляют зрелище не прежде, как когда произнесен будет суд о подвигах борцов; так неуместно теперь и нам и жаловаться на утомление, когда борьба идет даже не за подобный венок, но за нетленный венец. Итак, мы достаточно уже доказали, что было предсказано о трех пленениях, из коих одно продолжалось четыреста лет, другое семьдесят, а третье три с половиной года. Скажем теперь и о нынешнем. А что и о нем предвозвестил пророк, свидетелем представляю опять того же самого Иосифа, их (иудеев) единомышленника. После того, как он сказал о вышеописанном, послушай, что говорит далее: "подобным образом Даниил написал и о владычестве римлян, и о том, что Иерусалим будет ими взят и храм опустошен". Здесь прими во внимание то, что написавший это, хотя был и иудей, однако же, не решился подражать вам в страсти к препирательствам. Ибо, сказав, что Иерусалим будет взят, он не осмелился прибавить, что (этот город) снова будет восстановлен, и указать определенное для этого время; но, так как знал, что пророк не назначил времени, то, хотя выше, относительно победы Антиоха и произведенного им опустошения, сказал, сколько дней и лет будет продолжаться пленение, однако касательно владычества римлян ничего этого не прибавил; написал только, что Иерусалим и храм будут опустошены, а будет ли когда конец произведенному

ими опустошению, этого не прибавил, потому что видел, что и пророк не прибавил этого. "Когда же все это, говорит (Иосиф), Бог показал Даниилу, он записал и оставил нам, чтобы мы, читая пророчества его и видя их исполнение, дивились той чести, какой Бог удостоил Даниила". Итак, посмотрим, где Даниил сказал, что храм будет опустошен? После того, как он сотворил вышесказанную молитву во вретище и в пепле, пришел к нему Гавриил и сказал: "семьдесят седмин определены" о народе твоём, "и святого города твоего" (Дан. 9:24). Вот здесь, скажете, указано и время? Да, время, только не (окончания) плена, а время, после которого должен случиться плен. Ибо иное дело сказать, сколько времени будет продолжаться плен, иное - через сколько времени он должен последовать и настать. "Семьдесят седмин", говорит, "определены для народа твоего"; не сказал: о народе моём, хотя пророк и говорил: "воззри на народ твой"; нет, Бог уже чуждается (народа иудейского) за будущий его грех. Потом указывает и причину: "чтобы покрыто было преступление, запечатаны были грехи и заглажены беззакония". Что значит: "запечатаны были грехи и заглажены беззакония"? Много, говорит, грешат они (иудеи), но верх их беззаконий будет тогда, когда они умертвят своего Владыку. Об этом говорит и Христос: "дополняйте же меру отцов ваших" (Матф. 23:32). Вы, говорит, убили рабов: прибавьте уже и кровь Владыки. Смотри, какое согласие в мыслях. Христос сказал: дополняйте; пророк говорит: "запечатаны были грехи и заглажены беззакония". Что значит: "запечатаны"? То, что уже не останется ничего (сделать иудеям столь беззаконного). "Чтобы приведена была правда вечная". Какая же это вечная правда, если не та, которая дарована Христом? "И запечатаны были видение и пророк, и помазан был Святой святых", т. е. прекратится наконец пророчество, - ибо это значит запечатать, - прекратится помазание, прекратится видение. Посему то Христос сказал: "все пророки и закон прорекли до Иоанна" (Матф. 11:13). Видишь, как Бог угрожает здесь иудеям совершенным опустошением и возмездием за грехи и нечестия? Не (обещает) простить, но угрожает наказать их за грехи!

10. Когда же это сбылось? Когда пророчества совсем прекратились? Когда уничтожилось помазание так, что никогда уже не восстановится? Если мы умолчим, то камни возопиют: так ясно говорят события! Да и не можем мы указать на какое либо другое время, в которое бы это исполнилось, кроме настоящего, которое столько уже продолжается и еще более продолжится. Далее Бог, еще точнее, говорит: "разумей: с того времени, как выйдет повеление о восстановлении Иерусалима, до Христа Владыки семь седмин и шестьдесят две седмины" (Дан. 9:25). Теперь слушайте меня со вниманием: ибо здесь заключается весь вопрос. Семь седмин и шестьдесят две седмины составляют четыреста восемьдесят три года: седмины здесьразумеются не дней или месяцев, но годов. Но от Кира до Антиоха Епифана и (бывшего при нем) пленения прошло (только) триста девяносто четыре года. Итак (Бог) дает разуметь, что Он говорит не о том опустошении храма (от Антиоха Епифана), но о бывшем после него от Помпея, Веспасиана и Тита; и, таким образом, проводит время далее. Затем, чтобы показать нам, откуда должно вести счисление, говорит, что (считать надобно) не со дня возвращения, а откуда? С того времени, как выйдет повеление о восстановлении Иерусалима; но он был выстроен не при Кире, а при Артаксерксе Лонгимане. Ибо по смерти (Кира) восшел на (престол) Камбиз, за ним Маги, после них Дарий Истасп, потом Ксеркс, сын Дария, после него Артабан; после Артабана царствовал в Персии Артаксеркс Лонгиман, и в его-то царствование, в двадцатый год его правления, Неемия, возвратившись (из плена), восстановил город. Об этом подробно рассказал нам Ездра. Итак, если мы отсюда начнем считать четыреста восемьдесят три года, то, верно, дойдем до времени этого (последнего) разрушения (храма). Поэтому говорит (Бог): обстроятся улицы и стены. Так с того времени, говорит, как (город) восстанет (из развалин) и получит свой вид, считай семьдесят седмин, и увидишь, что еще не кончается настоящее пленение. И чтобы еще яснее показать это, т.

е., что бедствия, которые тяготеют над иудеями, не будут иметь конца, Он говорит так: "по истечении шестидесяти двух седмин предан будет смерти Христос, и не будет; а город и святилище разрушены будут народом вождя, который придет, и конец его будет как от наводнения", так что не будет уже ни останков, ни корня, который бы вновь пустил росток; "и до конца войны будут опустошения". И опять об этом же плене говорит: "прекратится жертва и приношение, и" сверх того "и на крыле святилища мерзость запустения, и окончательная предопределенная гибель постигнет опустошителя" (Дан. 9:26-27). А когда слышишь ты, иудей, "до конца", то чего тебе еще ожидать? "И сверх того": что значит это "сверх того"? Значит, что к этому, о чем сказано, к отнятию жертвы и возлияния присоединится еще новое большее зло. Какое же? "И на крыле святилища мерзость запустения" святилищем называется здесь храм, а мерзостью запустения статуя, которую разрушитель города поставил в храме. "И окончательная", говорит он, "предопределенная гибель". Поэтому и Христос, во плоти пришедший уже после Антиоха Епифана, предсказывая о предстоявшем пленении (иудеев), и показывая, что об этом-то пленении пророчествовал Даниил, говорит: "когда увидите мерзость запустения, сказанную через пророка Даниила, стоящую на святом месте, - читающий да понимает" (Матф. 24:15). Так как у иудеев всякий идол и всякое изваяние человеческое почиталось мерзостью; то Христос, таинственно указав на ту статую, предсказал вдруг, и когда, и от кого произойдет пленение. А что это сказано о римлянах, засвидетельствовал и Иосиф, как мы показали выше. Итак, что нам остается еще сказать, когда пророки о других пленениях предсказали с назначением времени (продолжения их), а для нынешнего не только не назначили никакого времени, но еще прибавили противное, что "окончательная предопределенная гибель постигнет опустошителя"? И что сказанное - не ложь, на это мы представим и свидетельство самого опыта. Если бы (иудеи) не покушались построить храм, то могли бы говорить, что когда бы мы захотели приступить и приняться за постройку, так наверно успели бы в этом. Но вот я покажу, что они не раз, не два, но даже три раза покушались и были отражены как это (бывает с бойцами) на олимпийских играх, так что венец (победы) бесспорно принадлежит церкви.

11. Когда же покушались они, эти всегда противящиеся Святому Духу, затейливые и мятежные иудеи? После опустошения, произведенного при Веспасиане и Тите, возмущившись при Адриане, они усиливались восстановить у себя прежнее государство, а того не знали, что идут против определения Божьего, положившего, чтобы город их навсегда оставался в запустении, и что, воюя против Бога, невозможно победить. Итак, восстав против (римского) царя, они только заставили его опустошить (город) в конец. Ибо он, поразив и усмирив их, и уничтожив все, что еще оставалось (в Иерусалиме), чтобы они вперед не могли уже поступать дерзко, поставил (там) свою статую; потом, размыслив, что она от времени может когда-нибудь разрушиться, и, желая наложить на иудеев неизгладимое пятно поражения и обличительный знак их мятежности, остаткам города (Иерусалима) дал свое имя. Так как сам он назывался Элием-Адрианом, то так же повелел именоваться и городу: от этого (Иерусалим) и доселе называется Элией, по имени того, кто его взял и разрушил. Видишь первое покушение бесстыдных иудеев? Посмотри и на бывшее после него. При Константине они опять покушались на то же; но царь (в наказание им) обрезал им уши, и, положив на их теле знак их возмущения, водил их всюду, как беглецов и негодяев, таким искажением тела делая их приметными для всех, и вразумляя живших повсюду (иудеев) не отваживаться на подобные дела. Но все это (скажете) старое и было давно; однако и о нем знают еще ваши старики; а вот, что я скажу сейчас, то известно и самым молодым; ибо случилось не при Адриане и Константине, но при царе, который жил только за двадцать лет, на нашем веку. Когда Юлиан, превзошедший нечестием всех царей, сперва приглашал (иудеев) к идолослужению и склонял к собственному нечестию, потом предлагал (восстановить) древнее (иудейское)

богослужение, говоря, что и предки-де ваши так служили Богу; тогда они и по неволе исповедали то самое, что мы доказывали теперь, т. е. что им не позволено приносить жертвы вне города, и что те поступают незаконно, которые совершают (священные) обряды на чужой земле. Итак, говорили они (Юлиану), если хочешь, чтобы мы приносили жертвы, возврати нам город, восстанови храм, открой нам святая святых, возобнови алтарь, и мы - будем приносить жертвы и теперь так же, как и прежде. И не стыдились, негодные и бесстыдные, просить об этом царя нечестивого и язычника, и приглашать скверные руки его к созиданию святыни; не чувствовали, что они покушаются на невозможное, и не постигали, что если бы человек разрушил эту святыню, то человек же мог бы и восстановить ее, но когда Бог разрушил их город, человеческая сила никогда не может переменить положенного определением Божиим. "Ибо Господь Саваоф определил, и кто может отменить это? рука Его простерта, - и кто отвратит ее?" (Иса. 14:27)? Что Он восставит и захочет, чтобы было твердо, того людям не возможно разрушить; равно, что Он разорит и хочет, чтобы навсегда оставалось разоренным, того восстановить также не возможно. Допустим, однако же, иудеи, что царь возвратил бы вам храм и восстановил алтарь, чего вы напрасно ожидаете: но мог ли бы он низвести вам свыше и огонь небесный? А без него ваша жертва была бы и нечиста и нечестива. Дети Аароновы за то и погибли, что внесли чуждый огонь. Но, слепые для всего этого, они упросили и умолили его соединиться с ними и приступить к созиданию храма. А он назначил и деньги на издержки, послал и смотрителей за работами, вызвал отовсюду и художников, все делал, все приводил в движение, чтобы постепенно и мало-помалу довести их до принесения жертв, думая, что от этого они легко перейдут и к идолослужению, и вместе надеясь, умоисступленный и безумный, уничтожить определение Христово, что не будет восстановлен храм их. Но "уловляет мудрых в лукавстве их" (1 Кор. 3:19) тотчас показал на деле, что Божьи определения сильнее всего и могущественны действия слов Божьих. Ибо, как только иудеи взялись за это незаконное дело, и начали расчищать основание, и вытащили не мало земли, и уже хотели приступить к постройке, вдруг вышедший из земли огонь сжег многих людей, и даже камни, бывшие на том месте, и остановил эту неблагоприятную дерзость, так что не только принявшиеся за работу, но многие и иудеи, видевшие это, приведены были в изумление и стыд. Услышав об этом, царь Юлиан, хотя и имел столь безумную ревность к этому делу, однако же, убоился, чтобы, продолжив его далее, не привлечь огня на свою голову, и прекратил работу, побежденный таким образом со всем язычеством. И вот, если бы ты пошел в Иерусалим, то увидишь только одни основания; а если бы спросил о причине, то не услышишь никакой другой, кроме этой (о которой мы сказали). Свидетели этого все мы, ибо это случилось при нас, не так давно. Смотри же, как знаменита победа. Случилось это не при благочестивых царях, дабы не сказал кто, что христиане напали и помешали иудеям; нет, когда вера наша была гонима, когда все мы опасались за свою жизнь и лишены были всякой свободы, а язычество процветало; когда одни из верных скрывались в домах, другие переселялись в пустыни и бежали из городов, тогда и случилось это, чтобы иудеям не осталось никакого предлога к бесстыдному упорству.

12. Итак, еще ли ты упорствуешь, иудей, когда видишь, что против тебя свидетельствуют и предсказание Христово, и доказательство, заимствованное из пророков и из самых событий? Но и не удивительно: таков уже ваш народ, искони бесстыдный, сварливый, привыкший всегда спорить против очевидного. Хочешь ли, вооружу против тебя и других пророков, которые ясно говорят то же, что ваше (иудейское) прекратится, а наше (христианство) будет процветать, что проповедь Христова распространится по всей вселенной, и введена будет иная жертва, с уничтожением ваших жертв? Послушай же Малахию, который пришел уже после других пророков: не привожу пока свидетельства ни из Исаии, ни из Иеремии, ни из других пророков, живших до пленения, чтобы ты не

сказал, что эти бедствия, о которых они предсказывали, случились во время пленения (вавилонского); нет, привожу пророка, который жил уже по возвращении вашем из Вавилона и по восстановлении города, и - ясно предсказал о судьбе вашей. В самом деле, после того, как иудеи уже возвратились (из плена) и вновь построили город, создали храм, и начали приносить жертвы, Малахия, предсказывая о настоящем пленении и уничтожении жертв, так говорит от лица Божия: "может ли Он милостиво принимать вас? говорит Господь Саваоф. Ибо от востока солнца до запада велико будет имя Мое между народами, и на всяком месте будут приносить фимиам имени Моему, чистую жертву: а вы хулите его" (Мал. 1:9,11-12). Когда случилось это, иудей? Когда стал приноситься на всяком месте фимиам Богу? Когда жертва чистая? Не можешь указать ни на какое другое время, кроме того, которое настало после пришествия Христова; потому что если пророк предсказывает не об этом времени, не о нашей жертве, но об иудейской, то его пророчество будет противозаконно. Так как Моисей не позволил приносить жертв ни в каком другом месте, но только в том, которое избрет Сам Господь Бог, и так как Он привязал иудейские жертвы к одному месту; то пророк, говоря, что фимиам и жертва чистая будут приноситься на всяком месте, восстал и пошел бы против Моисея. Но противоречия и разногласия нет: потому что об иной жертве говорил Моисей, и об иной после него пророчествовал Малахия. Из чего это видно? И из того, что уже сказано, и из других весьма многих признаков. И во-первых - из места: ибо Малахия предсказал, что богослужение будет совершаться не в одном городе, как у иудеев, но "от востока до запада"; потом из самой жертвы: ибо назвал ее "чистой"; этим показал он, о какой жертве он говорит; наконец - из лиц приносящих ее; ибо не сказал: в Израиле, но "между народами". И дабы ты не подумал, что это богослужение будет учреждено в одном, или двух, или трех городах, он не просто сказал: "на всяком месте", но "от востока до запада", показывая, что всю землю, какую только освещает солнце, обнимет и проповедь (Христова). А жертву называет "чистой" потому, что прежняя была нечиста, не по своей природе, но от расположения приносящих. Потому и сказал: "курение отвратительно для Меня" (Ис. 1:13). Впрочем, если сравнить и самую жертву (ветхозаветную с новозаветной), то найдем между ними великое и неизмеримое расстояние, так что, при таком сравнении, одну только эту жертву (новозаветную) по преимуществу и должно назвать чистой. И что сказал Павел о законе и благодати, что "то прославленное даже не оказывается славным с сей стороны, по причине преимущественной славы" (2 Кор. 3:10); то же и мы можем смело сказать здесь, - что эта жертва в сравнении с той (древней) одна только может быть названа чистой: ибо приносится не с дымом и испарениями, не с кровью и выкупом, но с благодатью Духа. Послушай, как и другой пророк предсказывает о том же и говорит, что служение Богу не будет заключено в одном месте, но все люди, наконец, познают Его. Вот что говорит Софония: "страшен будет для них Господь, ибо истребит всех богов земли, и Ему будут поклоняться, каждый со своего места" (Соф. 2:11); между тем Моисей не позволил этого, но повелел служить (Богу) в одном месте. Итак, когда слышишь, как пророки предсказывают и предвозвещают, что люди уже не будут принуждены собираться отовсюду в один город и в одно место, но каждый будет служить Богу, сидя дома; то к какому другому времени можешь отнести это, как не к настоящему? Послушай, как и евангелие и апостол согласны с этим пророком (Софонией). Пророк сказал: "явится Господь"; апостол говорит: "явилась благодать Божия, спасительная для всех человеков" (Тит. 2:11). Тот сказал: "на народы"; этот говорит: "для всех человеков". Тот сказал: "истребит всех богов земли"; этот: "научающая нас, чтобы мы, отвергнув нечестие и мирские похоти, целомудренно, праведно и благочестиво жили в нынешнем веке". Опять, Христос говорит жене самарянке: "поверь Мне, что наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу. Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине" (Иоан. 4:21,24). Этими словами Он уничтожает уже необходимость наблюдения места, и вводит Богослужение

возвышеннее и более духовное. Можно бы, вместе с этим, доказать еще и то, что у иудеев не будет уже ни жертвы, ни священства, ни царя. Конечно, все это ясно доказано самым разрушением города; но можно бы привести пророков, которые прямо говорят об этом же. Но я вижу, что вы утомились продолжительностью беседы, и боюсь, чтобы мне, напрасно и без пользы не обременить вас. Посему, обещая сказать вам об этом в другое время, теперь прошу вас вот о чем: спасите ваших братьев, избавьте от заблуждения, возвратите к истине. Ибо нет никакой пользы от слушания поучений, когда слова не доказываются делами. Да и то, что сказано, сказано не для вас, а для тех немощных, чтобы они, узнав это от вас, и оставив худую привычку, обнаружили в себе чистое и истинное христианство, и избегали вредных собраний и синагог иудейских, как в городе, так и в предместий бывающих, - этих вертепов разбойничьих, этих жилищ демонских. Итак, не пренебрегите их спасением, но, разведав и отыскав больных, приведите их опять к Христу, чтобы нам и в настоящей и в будущей жизни, получить награду свыше заслуг, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с которым слава Отцу, со Святым и Животворящим Духом, ныне и всегда, и во веки веков. Аминь.

[1] Josephi Flavii Antiqu. Jud. lib. X, cap. XI, 7.

ПРОТИВ ИУДЕЕВ.

"Произнеся раньше длинную беседу против иудеев и получив горловую болезнь от продолжительности речи, (Златоуст) сказал теперь это (слово)".

СЛОВО ШЕСТОЕ.

Предшествующая длинная беседа, как причина горловой болезни проповедника. - Жажда к обличению иудеев. - Краткое обобщение предшествующей беседы. - Чему иудеи могут приписать теперешнее свое бедствие. - Нельзя приписывать его ни тяжести грехов, ни могуществу людей. - Несмотря на старание соблюдать закон, они теперь более несчастны, чем когда-либо, и это потому, что они распяли Господа Иисуса. - Подтверждение этого на основании пророков. - Из их бедствий обнаруживается божество Иисуса Христа, потому что если бы Он был обманщик, то несмотря на все их грехи, Бог пощадил бы их ради Имени Своего, чтобы не дать основания для прославления врага Своего. - Кроме своего города и своего храма, иудеи потеряли и все свои преимущества, они не имеют более и священства. - Что же такое их теперешние священники в сравнении с древними священниками? - Изложение обрядов посвящения и других обстоятельств, придававших досточтимый характер священству в древности. - Обличение христиан, посещающих синагоги. - Поведение их подлежит осуждению и неизвинительно ни в каком отношении. - Увещание к более благоразумным отвращать своих собратьев от этих нелепых, как и преступных суеверий.

Звери, пока живут в лесах и не вступают в борьбу с людьми, бывают довольно смирны и кротки. Но как скоро охотники, поймав их, приведут в город, и, заперев в клетку, возбудят к бою с людьми, и они, напав (на людей), отведают мяса и испьют крови человеческой; то уже не так легко могут отстать от этого лакомства, но с великой жадностью бросаются на такую добычу. Это же случилось и с нами. И мы, как вступили в борьбу и, напав на бесстыдные их возражения, ниспровергли их замыслы и "всякое превозношение,

восстающее против познания Божия", и умствования пленили "в послушание Христу" (2 Кор. 10:5), то возымели еще большую охоту воевать с ними. Но что мне делать? Видите, что голос у меня ослабел и не может выдержать еще такой же продолжительной беседы, и мне кажется, что со мной случилось теперь то же, что с воином, который, изрубив несколько неприятелей, и с великой яростью напав на вражеский отряд и повергнув многих врагов, переломил свой меч, и с прискорбием возвращается к своим. Наше горе даже еще тяжелее. Воину, переломившему меч, можно выхватить другой у кого-нибудь из стоящих, и воспользовавшись (воинским) жаром, выказать великую храбрость; но когда спал голос, у другого нельзя взять голоса. Что же? Воротиться и нам? Но не позволяет сила вашей любви. Стыжусь и присутствия отца нашего, стыжусь и вашего усердия. Потому, поручив себя вполне его молитвам и вашей любви, попытаюсь взяться и за то, что выше сил моих. И никто из вас да не укоряет слово наше в неблаговременности за то, что сегодня, когда созвали нас мученики, мы, оставив сказание об их подвигах, выступаем против иудеев: и для них (мучеников) это слово приятнее. От наших похвал они нисколько не сделаются славнее. В самом деле, какая нужда в наших словах тем, которых и подвиги выше смертной природы, и награды выше силы и понятия (человеческого)? Они пренебрегли настоящей жизнью, попрали пытки и мучения, презрели смерть, воспарили к небу, освободились от волнения житейских забот, достигли тихой пристани, неся с собой не золото и серебро и драгоценные одежды, но сокровища некрадомые - терпение, мужество и любовь. Они востекают теперь в общение с Павлом, окрыляясь, еще до (получения) венцов, ожиданием венцов, и избегая, наконец, неизвестности будущего. Какая же им нужда в наших словах? И вот почему им приятнее настоящий предмет. От наших похвал, как я сказал выше, ничего не прибавит к их славе; а от наших ратований против иудеев будет им великое удовольствие, и они охотно выслушают особенно слова, высказываемые в защиту славы Божьей. Мученики особенно не любят иудеев, потому что сильно возлюбили Того, Которого те распяли. Те говорили: "кровь Его на нас и на детях наших" (Матф. 27:25); а эти пролили и свою кровь за Того, Кого те убили. Так они с удовольствием выслушают эти слова.

2. Итак мы достаточно доказали, что, если бы настоящее рабство иудеев должно было окончиться, то пророки и об этом предсказали бы и не умолчали; (мы доказали это), показав, что все пленения - египетское, вавилонское и бывшее при Антиохе Епифане, постигли иудеев по предсказанию. Мы доказали божественным Писанием, что для каждого из этих пленений предвозвещено и место, и время, а настоящему ни один пророк не назначил времени (продолжения). Что оно настанет, все приведет в запустение, изменит общественное устройство (иудеев), также, через сколько времени по возвращении из Вавилона случится, - об этом предсказал Даниил; но что оно будет иметь конец, и что эти бедствия когда-нибудь прекратятся, этого ни этот, ни другой пророк не открыл: напротив, Даниил предсказал еще, что это рабство будет тяготеть над ними до скончания века. Самое время подтверждает слова наши: столько протекло его с тех пор, а доселе не видно ни следа, ни начала полезной для них перемены, хотя они и многократно покушались восстановить храм. Да, они покушались и раз, и два, и три, при Адриане, Константине и Юлиане, но всякий раз были останавливаемы, - сперва воинами, а после огнем, вышедшим из оснований и прекратившим их безвременную попытку. А мне хотелось бы, наконец, спросить их: отчего это, скажи мне, прожив столько времени в Египте, вы опять получили свое отечество; потом, отведенные в Вавилон, также возвратились в Иерусалим; опять, потерпев столько бедствий при Антиохе, снова пришли в прежнее положение, снова получили, с прежним достоинством, и жертвы, и жертвенник, и святое святых, и все прочее? А теперь ничего этого не случилось; нет, вот уже прошло сто лет, дважды, трижды, четыре раза столько, и даже гораздо более: ибо с того времени (от Антиоха) до нашего прошло уже пятьсот лет; а мы не видим, чтобы где-

нибудь показался хотя намек на такую перемену, напротив дела их расстроились в конец, и даже во сне не представляют такой надежды, какую - прежде. Если они укажут на свои грехи и скажут: так мы согрешили пред Богом и оскорбили Его, за это и не получаем родной земли; если эти люди, которые без стыда слышали постоянные обличения пророков, и не сознавались, когда те сильно упрекали их в убийствах, если они теперь исповедуют и сознают грехи свои, то я еще спрошу каждого из них: так за грехи свои, иудей, ты живешь столько времени вне Иерусалима? Что же здесь нового и необычайного? Разве вы теперь только живете в грехах, а прежде жили праведно и добродетельно? Разве вы не искони и не изначала пребывали в бесчисленных беззакониях? Разве не обличал вас в бесчисленных (злых делах) пророк Иезекииль, когда представил двух блудниц - Олу и Оливу и сказал, что вы сделали блуд в Египте, безумствовали с иноплеменниками, и служили чуждым богам (Иез. 23)? Что же? Когда разделялось море, расторгались камни, и столько чудес совершалось в пустыне, разве тогда вы не поклонялись тельцу? Разве вы не часто покушались убить Моисея, то бросая в него камни, то изгоняя его, то нанося ему другие бесчисленные оскорбления? Разве не часто произносили хулу на Бога? Разве не служили Веельфегору? Разве не приносили сынов своих и дочерей своих в жертву демонам? Разве не совершали всякого рода нечестия и грехи? Разве не говорил вам пророк от лица Божия: "сорок лет Я был раздражаем родом сим, и сказал: это народ, заблуждающийся сердцем" (Пс. 94:10)? Как же Бог тогда не отвернулся от вас, но и после детоубийств, после идолослужения, после великого нечестия, после невыразимой неблагодарности, позволил еще быть у нас пророку - великому Моисею, и совершал дивные и необычайные знамения? И чего не было ни с кем из людей, то случилось с вами, - облако простерлось над вами вместо покрова, столп путеводил вас вместо светильника, враги добровольно покорялись вам, города сдавались почти от одного только звука голоса. Вам не было нужды в оружии, ни в войске, ни в сражении: вы только протрубили, и стены рушились сами собою. У вас была новая и необычайная пища, так что пророк восклицает: "хлеб ангельский ел человек; послал Он им пищу до сытости" (Пс. 77:25). Отчего же, скажи мне, вы тогда, хотя и жили нечестиво, служили идолам, убивали детей, побивали камнями пророков, совершали бесчисленные преступления, однако пользовались таким благоволением, таким покровительством Божиим; а теперь, хотя и не служите идолам, не умерщвляете детей, не побиваете камнями пророков, однако живете все в рабстве? Разве тогда был один Бог, а теперь другой? Разве не один и тот же (Бог) и тогдашние дела устраивал и нынешние совершает? Отчего же, скажи мне, когда больше были грехи (ваши), тогда велика была честь вам у Бога, а когда теперь меньше беззаконничаете, Он совершенно отвернулся от вас и предал вас постоянному бесчестью? Ведь если теперь Он отвращается от вас за грехи, тем более надлежало (Ему отвращаться) тогда; если же Он тогда снисходил к вам, хотя и жили вы нечестиво, тем более надлежало бы снисзойти теперь, когда вы не делаете таких преступлений. За что же Он не оказал снисхождения? Если вы стыдитесь сказать причину, скажу прямо я, или вернее - не я, но сама действительная истина: за то, что вы убили Христа; за то, что подняли руки на Владыку; за то, что пролили драгоценную кровь; вот за что нет вам облегчения, нет, наконец, прощения, нет извинения. Тогда вы оскорбляли рабов, - Моисея, и Исаию, и Иеремию; тогда, хотя и совершалось нечестие, но еще не было сделано главное зло. А теперь вы затмили все прежние (беззакония), и после злодеяния против Христа для вас не остается уже никакого большого беззакония. Вот почему вы и наказываетесь теперь больше. Иначе, если не в этом причина вашего настоящего унижения, почему Бог терпел вас тогда, когда вы убивали детей, а теперь, когда ничего такого не делаете, отвращается? Ясно, что, убив Христа, вы сделали более великое и тяжкое преступление, чем детоубийство и всякое другое беззаконие.

3. Итак, ужели вы, скажите мне, осмелитесь после этого называть Его обманщиком и беззаконником? Не убежите ли, напротив, и не скроетесь ли, вместо того, чтобы противоречить столь ясной истине событий? Если бы Иисус был, как вы говорите, обманщик и беззаконник, то вам следовало бы еще прославиться тем, что вы убили Его. Если Финеес, умертвив одного кого-то, совершенно прекратил этим гнев (Божий) на (иудейский) народ: "восстал", сказано, "Финеес и произвел суд, - и остановилась язва" (Пс. 105:30); если он поражением одного беззаконника избавил от гнева Божия такое множество людей виновных в нечестии; тем более так должно бы случиться с вами, если бы Распятый вами был беззаконник. Отчего же Финеес, умертвив беззаконника, оправдан и почтен священством; а вы, распяв, как говорите, какого-то обманщика и противника Богу, не только не заслужили похвалы и чести, но еще подверглись большим бедствиям, чем в то время, когда закалали собственных сыновей? Не очевидно ли для самых малоумных, что вы терпите такое наказание за то, что поступили беззаконно со Спасителем и Владыкой вселенной? Теперь вы удерживаетесь и от преступного кровопролития (детей) и соблюдаете субботы, а тогда нарушали и этот день. И Бог обещал через Иеремию пощадить ваш город, если перестанете носить тяжести в субботу (Иер. 17:21); но вот теперь вы так и делаете, не носите тяжестей в субботу, и, однако же, Он не примиряется с вами, потому что этот ваш грех (против Христа) больше всех грехов. Значит, вы напрасно указываете на нынешние грехи свои (как на причину настоящих бедствий ваших). Нет, не за другие дела ваши, но за то именно (величайшее) беззаконие вы терпите такие бедствия, - так что, если бы его не было, Бог не отвращался бы столь долго от вас, хотя бы вы сделали бесчисленное множество грехов. Это видно как из всего сказанного, так и из того, о чем я намерен теперь сказать. Что же это такое? Мы слышали, как Бог часто говорил через пророков вашим отцам, что вы достойны были бесчисленных бедствий, "но Я, говорит, творю (милость) ради имени Моего, чтобы оно не обеславилося у язычников". И опять: "не для вас Я сделаю это, дом Израилев, а ради святого имени Моего" (Иезек. 36:22,32). Это значит: вы заслуживали еще более тяжкого наказания и мучения, но дабы кто не сказал, что Бог, по слабости и неимению сил спасти, предал иудеев в руки врагов, я заступаюсь и помогаю вам. Значит, если бы Христос, которого вы распяли, был беззаконник, то, хотя бы вы сделали бесчисленное множество грехов, даже более тяжких, чем прежние, Бог наверно спас бы вас для того, чтобы имя Его не обеславилося, чтобы Того (Христа) не почитали великим, и не сказали, что вы это потерпели за Него. Ибо, если (Бог) ради Своей славы, по-видимому, пренебрегает вашими грехами; тем более Он поступил бы так теперь, одобрил бы это убийство и изгладил бы множество ваших грехов. Но когда Он показывает совершенное отвращение к вам, то, очевидно, этим своим гневом и совершенным оставлением вас, вразумляет и самых упорных, что убитый вами был не беззаконник, но сам Законодатель и виновник бесчисленных благ. Вот почему вы, поступившие с Ним нечестиво, находитесь в угнетении и бесчестии, а мы, поклоняющиеся Ему, прежде бывшие бесчестнее всех вас, теперь по благодати Божьей, славнее и почтеннее всех вас. - Но откуда, скажете, видно, что Бог отвратился от нас? Нужно ли еще словами доказывать это, скажи мне? Когда самые дела вопиют и издают звук громче трубы, - разрушением города, опустошением храма и всем прочим, что только случилось с вами, - ужели еще нужно вам словесное доказательство? Но на нас, скажете, навели эти бедствия люди, а не Бог. Напротив, это сделал именно Бог. Если же ты приписываешь свои несчастья людям, то возьми в рассмотрение то, что люди, сколько бы ни покушались на это, не могли бы исполнить своего предприятия, если бы оно было неугодно Богу. Когда варвар напал (на Иудею), ведя за собой всю Персию, надеялся этим набегом захватить всех, и запер всех в городе, как в сетях и тенетах; тогда, так как Бог был милостивее к вам, (враг) и без войны, без сражения, без боя, бежал от вас, оставив сто восемьдесят пять тысяч убитых воинов, и считая за счастье, что хоть сам спасся. И множество других войн часто так же решал Бог. Значит, и теперь если бы Он не

оставил вас вовсе, люди не могли бы разрушить ваш город и опустошить храм, запустение не продолжалось бы доселе, и столь многочисленные ваши попытки (восстановить его) не остались бы безуспешными.

4. Но кроме этого постараюсь и иначе доказать вам, что римские цари сделали вам все это не своей силой, но потому, что Бог прогневался на вас и оставил вас. Если бы это было дело человеческое, то надлежало бы вашим бедствиям ограничиться только пленением и вашему унижению не простираться далее. Пусть будет по вашему, что люди разорили стены, разрушили город и ниспровергли жертвенник: но ужели люди же прекратили и (ряд) пророков? Ужели они отняли (у вас) благодать Духа? Ужели они же разрушили и прочие святыни ваши, как-то: голос от святилища, силу помазания и "явление" (Исх. 28:30) на камнях (одежды) священника? Начала устройства иудейского не все были земные, но большинство и самые важные из них были свыше, с небес. Например, Бог позволил приносить жертвы; жертвенник, конечно, был на земле, также и дрова, и нож, и священник; но огонь, долженствовавший сходиться в то святилище и поесть жертвы, имел начало свыше. Ибо не человек вносил огонь в храм, но свыше сходило пламя и исполняло службу при жертве. Также, если когда надобно было узнать что-либо, то исходил голос изнутри херувимов от святилища, и предвозвещал будущее. Опять на камнях, которые были на груди первосвященника, было некоторое сияние, или так называемое "явление", и через него открывалось будущее. Кроме этого, когда нужно было совершать над кем-нибудь помазание, ниспосылалась благодать Духа и нисходила на елей: пророки совершали эти действия и часто облако и дым покрывали святилище. Итак, чтобы иудеи не упорствовали и не приписывали своего порабощения людям, Бог попустил не только пасть городу и разрушиться храму, но прекратиться и тому, что имело свое начало с неба, как-то: огню, голосу, сиянию камней и т. п. Посему, когда иудей станет говорить тебе: люди восстали на нас, люди сделали зло, скажи ему, что люди не восстали бы, если бы Бог не попустил этого. Пусть люди разрушили твою стену: но ужели человек запретил нисходить огню свыше? Ужели человек возбранил голосу, который постоянно слышался от святилища? Ужели и откровение на камнях, и священное помазание, и все прочее уничтожил человек? Не Бог ли истребил это? Всякому понятно. Почему же Он истребил? Не очевидно ли, что по гневу и совершенному отвращению к вам? - Нет, скажете, но, так как у нас нет столицы, то нет и этого. А отчего у вас нет столицы? Не оттого ли, что Бог оставил вас? Впрочем, чтобы совершенно заградить бесстыдные уста иудеев, докажем из самого Писания и то, что причиной прекращения пророчества было не разрушение храма, но гнев Божий, и что они теперь раздражают Его враждой на Христа гораздо более, чем тогда, когда поклонялись тельцу. Когда пророчествовал Моисей, тогда не было ни храма, ни жертвенника, и, однако же, хотя они делали бесчисленное множество нечестивых дел, помазание пророческое не отнималось у них; напротив, были тогда как этот великий и доблестный муж, так и другие, кроме его, семьдесят пророков. Да не только тогда (были у них пророки), но и после, когда дан был храм и весь чин богослужения. Потом, когда (храм) был сожжен и все иудеи отведены были в Вавилон, и тогда Иезекииль и Даниил, хотя и не видели святого святых, не стояли перед жертвенником, а находились в земле иноплеменной, среди беззаконных и нечистых людей, однако же, исполнялись Духа, предсказывали будущее, даже говорили о более многочисленных и дивных предметах, чем прежние (пророки), и видели божественное видение, насколько им возможно было видеть его. Отчего же, скажи мне, теперь нет у вас пророков? Не оттого ли, очевидно, что Бог отвратился от вас? За что же Он отвратился от вас? Очевидно также, что за Распятого и за (совершенное над Ним) беззаконное дело. Из чего это видно, скажешь? Из того, что вы прежде, хотя и жили нечестиво, однако же, имели все; а теперь, после креста, хотя живете, по-видимому, лучше, терпите, однако же, большее наказание и ничего прежнего не имеете.

5. Но, чтобы вам узнать причину настоящих бедствий и от самих пророков, которые ясно и подробно возвещали об этом, послушайте, что говорит Исаия, как предсказывает и о будущих всем благодеяниях Христовых, и о вашей неблагодарности. "Ранами Его мы исцелились", говорит Он, предсказывая о спасении всех крестом. Потом, изъясняя, кто таковы мы, прибавил: "все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу". А изъясняя крестные страдания, так говорит: "как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригушим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих. От уз и суда Он был взят" (Иса. 53:5-8). А где можно видеть это исполнившимся? В незаконном судилище Пилата. Ибо, после того, как было столько свидетелей против Иисуса, Он, говорит (евангелие), ничего не отвечал им. И когда правитель сказал ему: "не слышишь, сколько свидетельствуют против Тебя" (Матф. 27:13), Он ничего не отвечал, но стоял молча. Об этом-то и сказал пророк задолго прежде: "как овца, веден был Он на заклание, и как агнец перед стригушим его безгласен". Потом, показывая, какое беззаконие совершилось тогда в судилище, он говорит: "от уз и суда Он был взят". Ибо тогда никто не произносил праведного суда над Ним, но приняли ложные свидетельства против Него. Причиной же было то, что Он не хотел защищаться: ибо, если бы захотел, то все бы поколебал и потряс. Если уже, будучи на кресте, Он расторг камни, помрачил вселенную, отвратил солнечные лучи, из дня сделал ночь по всей земле; то, конечно, мог сделать то же самое и в судилище. Но Он не восхотел этого, чтобы показать Свою кротость и смирение. Поэтому и говорит пророк: "от уз и суда Он был взят". Потом, показывая, что Он не был из числа обыкновенных людей, пророк присовокупил: "но род Его кто изъяснит"? В самом деле, о ком это говорит пророк, что "Он отторгнут от земли живых"? Поэтому и Павел говорит: "жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге. Когда же явится Христос, жизнь ваша, тогда и вы явитесь с Ним во славе" (Кол. 3:3-4). Но так как я предположил сказать и доказать, что за Него именно иудеи терпят настоящие бедствия, то время уже привести слова Исаии. Где же он говорит об этом? Сказав о судилище, об убийстве, о принятии Им на Себя (наших грехов), сказав, "Он отторгнут от земли живых", пророк присовокупил: "Ему назначали гроб со злодеями, но Он погребен у богатого" (Иса, 53:9). Не просто сказал: иудеев, но "злодеев". Ибо кто может быть лукавее тех, которые, после стольких благодеяний, убили своего Благодетеля? Если бы не произошло этого, если бы вы не опозорили себя теперь, и не лишились всего отеческого; если бы храм ваш не обратился в развалины, и ваша судьба не была плачевна свыше всякого описания, ты мог бы еще не верить, иудей; но, если вопиют дела и пророчество сбылось, то для чего напрасно и попусту упорствуешь? Ибо где теперь ваша святыня? Где первосвященник? Где одежда, и слово судное (Исх. 27:15), и явление (Исх. 27:30)? Не говори мне о (нынешних ваших) патриархах, - корчемниках, торгашах, исполненных всякого беззакония. Какой тут священник, скажи мне, когда нет того древнего помазания, ни всей прочей святыни? Какой священник, скажи мне, когда нет ни жертвы, ни алтаря, ни богослужения? Хочешь, расскажу тебе законы о священстве, по которым в древности были поставляемы (первосвященники), дабы ты знал, что нынешние, так называемые вами, патриархи не священники, но только носят личину священников, и играют как бы на сцене, или даже, не могут выдержать и личины, - так далеки они, не только от истины, но даже от ее подобия. Итак, вспомни, как тогда Аарон поставлен был священником, сколько Моисей принес о нем жертв, сколько заклал животных, как омыл его, как помазал у него край уха, правую руку, правую ногу, потом приказал ему пробыть внутри (скинии) назначенное число дней. Но лучше выслушать и самые слова Писания. "Вот", сказано, "участок Аарону и участок сынам его" (Лев. 7:35). "И сказал Господь Моисею, говоря: возьми Аарона и сынов его с ним, и одежды и елей помазания, и тельца для жертвы за грех и двух овнов, и корзину опресноков и собери все общество к входу скинии собрания. И сказал Моисей к обществу: вот что повелел Господь сделать". И потом "привел" их - изложим сокращенно – "омыл их

водою, возложил на него хитон, и опоясал его поясом, и надел на него верхнюю ризу, и возложил на него ефод, и опоясал его поясом ефода, и возложил на него наперсник, и на наперсник положил урим и туммим, и возложил на голову его кидар, а на кидар с передней стороны его возложил полированную дощечку"; потом "взял Моисей елей помазания, и покропил им на жертвенник, и помазал жертвенник и все принадлежности его и умывальницу и подножие ее, чтобы освятить их, и возлил елей помазания на голову Аарона"; тоже сделал и с сынами его, "и привел тельца". И как заклал его, то, по возложении рук Аарона и сынов его, взял "и взял крови, и перстом своим возложил на рога жертвенника со всех сторон, и очистил жертвенник, а [остальную] кровь вылил к подножию жертвенника и освятил его, чтобы сделать его чистым". Потом, сжегши некоторые части тельца, одни внутри, другие вне скинии, привел еще овна и принес его во всесожжение. Далее, привел другого "овна посвящения", и, по возложении на него рук Аарона и сынов его, заклал его, и, взяв "взял крови его, и возложил на край правого уха Ааронова и на большой палец правой руки его и на большой палец правой ноги его"; тоже сделал и с сыновьями его. Потом, взяв некоторые части жертвы, положил на руки Аарона и сынов его, и так принес (Богу). И опять взял "Моисей елей помазания и крови, которая на жертвеннике, и покропил Аарона и одежды его, и сынов его и одежды сынов его с ним". И освятил их, и повелел сварить мясо во дворе скинии и там съесть его. "Семь дней не отходите от дверей скинии собрания", сказал он, "пока не исполнятся дни посвящения вашего, ибо семь дней должно совершаться посвящение ваше" (Лев. 8:1-3,5-12,15,23,30,33). И так, когда (Писание) говорит, что Аарон таким образом поставлен, таким образом очищен, таким образом освящен, таким образом умиловил Бога, а теперь ничего этого не бывает, - ни жертвы, ни всесожжения, ни возлияния крови, ни помазания елеем; когда нет и скинии собрания, и нынешний священник иудейский не пребывает определенного числа дней в святилище; то, очевидно, что он и не совершен, и не чист, и беззаконен, и скверен, и гневит Бога. Ибо, если священник не иначе мог быть поставлен, как таким образом, то, очевидно, что у них нет священства, когда нет этих обрядов. Видишь, я справедливо сказал, что они далеко уклонились не только от истины, но и от самого подобия ее.

б. Впрочем, не только из этого, но и из другого еще можно узнать, как почтенно было достоинство священства. Так, когда некоторые нечестивые и зловерные люди восстали против Аарона, покушаясь лишить его начальства, и оспаривая у него честь, кротчайший Моисей, желая вразумить их самым делом, что он не потому возвел Аарона в его достоинство, что он ему брат, родной и свой человек, но что вручил ему священство, повинувшись определению Божью, - повелел принести по жезлу каждому колену, а также и Аарону. Когда принесли, он, взяв все жезлы, положил их в скинии, и, положив там, повелел ожидать Божьего решения через эти жезлы. И вот, когда все жезлы остались в том же виде, один Ааронов вдруг прозяб, покрылся листьями и плодами, дабы познали, что Владыка природы опять рукоположил (Аарона), употребив листья вместо письмен. Ибо, кто сказал в начале: "да произрастит земля зелень, траву", и возбудил силу ее к плодоношению, Тот заставил прозябнуть и это древо, сухое и бесплодное, без земли и корня. И был уже тот жезл обличением и свидетельством, как злобы тех людей, так и суда Божьего, не издавая голоса, но самым видом сильнее трубы вразумляя всех чтобы впредь не покушались на подобные дела. И не только этим, но и другим еще образом Бог рукоположил Аарона. Когда многие, возмущившись, захотели Аароновой чести (власти, как-то домогаются и желают многие), - Моисей опять повелел им принести кадильницы, положить в них фимиама, и ждать решения свыше. И когда они воскурили фимиам, земля разверзлась, поглотила всех соучастников их, а взявших кадильницы сжег небесный огонь. А чтобы это с течением времени не забылось и потомки знали о дивном решении Божьем, Моисей повелел кадильницы те повесить около жертвенника, дабы как жезл и

без голоса говорил своим видом, так и эти дощечки всем потомкам говорили, внушали и советовали не подражать в безумии предкам, чтобы не потерпеть одинакового с ними наказания. Видишь, как в древности рукополагались священники? А теперь у иудеев все детские игрушки, все смех, и срам, и корчемничество, все исполнено неисчислимого беззакония. Так неужели им-то последуешь ты, скажи мне, им, которые всегда усиливаются и делать и говорить только противное законам Божиим? В их-то синагоги бежишь? И не боишься, что упадет с неба молния и сожжет твою голову? Разве не знаешь, что, хотя бы кто и не разбойничал, но только оказался в вертепе разбойников, подвергается одинаковому с ними наказанию? И что говорить о разбойниках? Вы все, конечно, знаете и помните, что, когда некоторые негодяи и обманщики низвергли у нас (царские) статуи, то не только эти преступники, но и все, кто только оказался при этом, были схвачены вместе с ними, отведены в судилище, и потерпели жестокое наказание? А ты торопишься, скажи мне, бежать туда, где оскорбляется Отец, хулится и Сын, где унижается Святой и Животворящий Дух? И не боишься, не трепещешь, входя в эти мерзкие и нечистые места? Какое же будешь иметь оправдание, скажи мне, какое извинение, когда сам добровольно толкаешь себя в бездну и бросаешься в пропасть? Не говори мне, что там лежит закон и книги пророков: этого не довольно для освящения места. Что важнее, то ли, когда (священные) книги лежат в (известном) месте, или то, когда (люди) говорят о том, что содержится в этих книгах? Очевидно то, когда и говорят и размышляют о содержащемся в книгах? Что же, скажи мне, когда дьявол говорил от Писания, неужели освятились уста его? Нельзя, сказать этого: он остался тем, чем был, дьяволом. А демоны? И они проповедовали и говорили: "сии человеки - рабы Бога Всевышнего, которые возвещают нам путь спасения" (Деян. 16:17): ужели поэтому поставим их в ряду апостолов? Никак; напротив, мы также (как и прежде) отвергаем их и ненавидим. Так даже произношение (священных) слов не освящает; а книги тем, что лежат, освящают? Как же это возможно? За то-то особенно и ненавижу синагогу, что в ней лежат закон и пророки, и ненавижу теперь более чем когда бы в ней не было их. А почему? Потому, что это служит сильной приманкой, большим соблазном для простых душ. Потому-то и Павел скорее изгнал демона, когда он заговорил, чем когда бы он молчал: "вознегодовав", сказано, "сказал духу: повелеваю тебе выйти из нее" (Деян. 16:18). За что? За то, что кричал: "сии человеки - рабы Бога Всевышнего". Храня молчание, (демоны) не так бы прельщали; но, говоря, они увлекали бы многих слабых людей, и заставляли бы слушать себя и в других случаях. Чтобы отворить дверь своим обманам и придать лжи больше благовидности, демоны примешали к ней несколько и истины, подобно тому, как приготовляющие ядовитые составы, обмазывая края сосуда медом, достигают того, что вредное зелье легко принимается. Вот почему особенно Павел не стерпел и поспешил заградить им уста, что они присваивали себе не принадлежавшее им достоинство. И я за то ненавижу иудеев, что они имеют закон, но нарушают его, и тем стараются обольстить простодушных. Они не были бы так виновны, если бы отвергали Христа потому, что не верили бы пророкам. А теперь они лишили себя всякого извинения, говоря о себе, что верят пророкам, и, однако же, понося Того, о Ком те пророчествовали.

7. Наконец, если ты считаешь место святым от того, что там лежат закон и книги пророческие, то тебе уже придется считать святыми и идолов и храмы идольские. Случилась некогда у иудеев война; азотяне, победив их, взяли ковчег и внесли его в свое святилище (1 Цар. 5). Так ужели их храм стал свят от того, что в нем был ковчег? Нет, он остался мерзким и нечистым, и это тотчас оказалось на деле. Чтобы враги узнали, что победа их произошла не от слабости Бога, но от нечестия служивших Ему, ковчег, и взятый в плен, в чужой земле показал свою силу, дважды повергши идола на землю так, что он разбился. Ковчег не только не освятил места, но еще противоборствовал этому месту. Притом же, какой теперь ковчег у иудеев, когда у них нет ни святилища, ни помазания, ни

скрижалей завета, ни святого святых, ни завесы, ни архиерея, ни фимиама, ни всеожжения и жертвы, ни всего другого, что делало тогда ковчег досточтимым? Мне кажется, этот (нынешний) ковчег их ничем не лучше, и даже гораздо хуже тех сундуков, которые продаются на площади: эти нисколько не могут вредить подходящим, а тот каждодневно наносит великий вред приближающимся к нему. "Братия! не будьте дети умом: на злое будьте младенцы" (1 Кор. 14:20); и тех, кто питает страх к этим вещам, освобождайте от этого неуместного страха, и вразумите, что должно страшиться и бояться, - не ковчега этого, но того, чтобы не разрушить храм Божий хождением в синагогу, привязанностью к иудейству, этим безвременным соблюдением (иудейских обрядов). Ибо сказано: "оправдывающие себя законом, отпали от благодати" (Гал. 5:4). Вот чего нужно бояться, как бы вам в тот день не услышать от Того, Кто будет судить вас: "отойдите, не знаю вас" (Лук. 13:27); потому что вы общались с распявшими Меня, вопреки Моей воле, восстанавливали праздники, которые Я отменил, и бегали в синагоги иудеев, которые беззаконно поступили со Мною. Я разрушил их храм, превратил в развалины это святилище, содержащее в себе страшные вещи; а вы оказывали почтение таким храминам, которые ничем не лучше корчемниц и разбойничьих вертепов. Если уже тогда, когда были херувимы, когда был ковчег еще, когда обитала (в храме иудейском) благодать Духа, Господь говорил, в одном месте: "вы сделали его вертепом разбойников" (Матф. 21:13), в другом: "дом торговли" (Иоан. 2:16), (и назвал его так) за беззакония и убийства иудеев; то теперь, когда оставила их благодать Духа и уничтожена вся их святость, а они между тем, вопреки воле Божьей, совершают свое беззаконное служение, чем назвать (их) синагоги, как найти достойное их имя? Если (храм) был вертепом разбойников уже тогда, когда еще содержал свой устав; то теперь, назовешь ли его любодейным домом, местом ли беззакония, жилищем ли демонов, крепостью ли дьявола, губителем ли душ, пропастью ли и рвом совершенной гибели, или как бы то ни было, все не назовешь так, как он заслуживает. Желаете видеть храм? Не беги в синагогу, но будь сам храмом. Бог разрушил один храм в Иерусалиме, и воздвиг тысячи храмов, которые гораздо досточтимее того: "вы храм Бога живого", сказано (2 Кор. 6:16). Укрась этот дом, изгони (из себя) всякий злой помысел, чтобы тебе сделаться почетным членом Христовым, чтобы быть храмом Духа; сделай и других такими же. Видя бедных, вы не хотите пройти мимо их; так, и, видя бегущего в синагогу, не пропускай его, но удержи словом, как бы уздой, и приведи в церковь. Эта милостыня больше той и прибыль от нее больше десяти тысяч талантов. И что говорю - десяти тысяч талантов? (Больше) всего видимого мира, так как и человек дороже всего мира: для него созданы и небо, и земля, и море, и солнце, и звезды. Подумай же о достоинстве того, кого можешь спасти, и не оставь позаботиться о нем. Хотя бы кто роздал тысячи денег, он сделает не столько, сколько тот, кто спасает душу, отводит от заблуждения и руководит к благочестию. Подавший убогому утолит голод, а исправивший иудействующего прекратит нечестие; тот облегчит бедность, этот остановит беззаконие; тот избавит тело от муки; этот исхитит и душу из геенны. Я показал сокровище, не потеряйте прибыли. Здесь нельзя жаловаться на бедность, нельзя ссылаться на нищету: вся трата в словах, вся издержка в речах. Так не поленимся, но со всем усердием и ревностью будем уловлять наших братьев, и, привлекая их - даже против воли - в свои дома, предложим им обед и сегодня же разделим с ними трапезу, чтобы, они, у нас же на виду разрешив пост, и дав нам достаточное свидетельство и удостоверение в своей перемене на лучшее, сделались виновниками вечных благ для себя и для нас, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым слава Отцу, вместе со Святым Духом, ныне и всегда, и во веки веков. Аминь.

ПРОТИВ ИУДЕЕВ

СЛОВО СЕДЬМОЕ

Если храм иудейский, как доказано выше, разрушен окончательно, то вследствие этого у иудеев не может уже быть ни жертвоприношений, ни священства. - Эти учреждения, как доказывает св. Писание и особенно ап. Павел, отменены вследствие их несовершенства, жертвоприношением воплотившегося Бога, и они не будут восстановлены. - На место священства по чину Ааронову явилось священство по чину Мелхиседека и древний закон заменен новым, соответственно новому священству.

Не пресытились ли вы уже борьбой с иудеями? Или хотите, чтобы и сегодня занялись мы тем же предметом? Хотя много уже сказано и прежде, однако вы, кажется мне, желаете еще слышать о том же предмете; ибо, кто не пресыщается любовью к Христу, тот никогда не пресытится и войной с врагами Его. Кроме того, это (против иудеев) слово необходимо для нас и по другой причине: еще есть остатки их праздников. Как трубы их были незаконнее позорищных, и посты бесчестнее пьянства и всякого пирования, так и кущи, которые они теперь строят, нисколько не лучше корчемниц, в которых водятся женщины распутные и играющие на флейте. И пусть никто не считает этих слов за дерзость: напротив, было бы крайней дерзостью и нечестьем иначе думать об этом. В самом деле, как не произнести (об иудеях) такого приговора, когда они упорствуют против Бога и противятся Святому Духу? Праздник этот был некогда досточтимым, когда совершался по закону и по Божьему повелению, а теперь уже не то: все достоинство его уничтожено тем, что он совершается вопреки воле Божьей. И, однако же, те, которые наиболее нарушают и закон и древние праздники, те думают о себе, что они теперь лучше всех соблюдают их; тогда как более всех почитаем закон мы, которые оставляем его в покое, как старца, не влечем его на старости на поле битвы и не принуждаем сражаться не во время. А как мы достаточно уже доказали и прежде, что теперь не время закона и древнего порядка вещей, то сегодня рассмотрим и остальное. Довольно уже на основании всех пророков доказано, что совершать такие праздники вне Иерусалима есть незаконие и нечестье; ибо, если бы и справедливо было то, о чем всегда с хвастовством толкуют (иудеи), т. е., что они снова получают город, и тогда они не могли бы быть свободными от обвинения в нарушении закона. Но мы вполне доказали и то, что город их никогда не будет восстановлен и они уже не получают опять своего (древнего) устройства. А когда это доказано, то, очевидно, стало и все прочее, то есть, что не может стоять никакой вид жертвы, ни всесожжение, ни сила закона, ни что-либо другое из того (древнего) учреждения. Во-первых, закон повелевал всякому человеку мужского пола приходить в храм трижды в год; но это уже не возможно, когда храм разрушен. Затем, он повелевал, чтобы семеноточивый, прокаженный, жена в месячной (болезни) и родильница приносили жертвы: и это также не возможно, когда нет места и не существует жертвенника. Повелевал он петь священные песни; но мы прежде уже доказали, что и это ограничено местом и что пророки осуждают (иудеев) за то, что они читали закон и произносили исповедание вне (Иерусалима). Итак, если нельзя было даже читать закон вне города, то, как же можно исполнять его вне города? Посему-то Господь и говорил в угрозу им: "Я оставлю наказывать дочерей ваших, когда они блудодействуют, и невесток ваших, когда они прелюбодействуют" (Ос. 4:14). Что же это значит? Постараюсь объяснить, прочитав вам древний закон. Какой же это закон? "Если изменит кому жена, и нарушит верность к нему, и переспит кто с ней и изольет семя, и это будет скрыто от глаз мужа ее, и она осквернится тайно, и не будет на нее свидетеля, и не будет уличена, и

найдет на него дух ревности, и будет ревновать жену свою, когда она осквернена" (Числ. 5:12-14). Эти слова (закон) вот что значат: если жена совершит любодеяние и муж станет подозревать ее в прелюбодеянии, или если она и не совершит любодеяния, но он будет подозревать ее в том, между тем не будет ни свидетеля, ни беременности, которая бы изобличала ее; тогда "пусть приведет муж жену свою к священнику", сказано, "и принесет за нее в жертву десятую часть ефы ячменной муки" (Числ. 5:15). Отчего же не крупчатой и не пшеничной, а ячменной? Так как дело идет о неприятности, обвинении и подозрении в худом поступке; то и наружный вид жертвы согласовался с домашним несчастьем. Поэтому (закон) говорит: "но не возливает на нее елея и не кладет ливана": Потом (скажем короче) "священник пусть приведет и поставит ее перед лицом Господним, и возьмет священник святой воды в глиняный сосуд, и возьмет священник земли с полу скинии и положит в воду; и поставит священник жену перед лицом Господним. И заклянет ее священник и скажет жене: если никто не переспал с тобой, и ты не осквернилась и не изменила мужу своему, то невреждена будешь от этой горькой воды, наводящей проклятие. Но, если ты изменила мужу твоему и осквернилась, и если кто переспал с тобой, кроме мужа твоего: да предаст тебя Господь проклятию и клятве в народе твоём". Что значит: "проклятию и клятве"? То, что станут говорить: о, если бы со мной не случилось того, что случилось с этой женой! "И да сделает Господь лоно твое опавшим: и да пройдет вода сия, наводящая проклятие, во внутренность твою, чтобы опух живот [твой] и опало лоно [твое]. И скажет жена: аминь, аминь. И, когда напоит ее водой, тогда, если она нечиста, горькая вода, наводящая проклятие, войдет в нее, к вреду ее, и опухнет чрево ее и опадет лоно ее, и будет эта жена проклятой в народе своем. Если же жена не осквернилась и была чиста, то останется неврежденной и будет оплодотворяема семенем" (Числ. 5:15-22,27-28). Итак, поскольку с того времени, как (иудеи) отведены были в плен, ничего этого быть не могло, потому что не было ни храма, ни жертвенника, ни скинии, ни жертвоприношения, то Господь и угрожал им такими словами: "Я оставлю наказывать дочерей ваших, когда они блудодействуют, и невесток ваших, когда они прелюбодействуют" (Ос. 4:14).

2. Видишь ли, что закон заимствует силу от места? А отсюда видно уже и то, что не может быть и священника, когда нет города. Как нельзя быть царю, когда нет ни войска, ни диадемы, ни порфиры, ни других принадлежностей царской власти; так не возможно быть и священнику, когда упразднена жертва, возбранено приношение, разрушено святилище, уничтожен весь чин (богослужения); ибо священство во всем этом и состояло. Таким образом, как я сказал выше, для доказательства, что не восстановятся ни жертвы вообще, ни всесожжения, ни прочие (жертвы) очищения, ни другое что-либо из иудейского устройства, достаточно уже было показать, что храм (иерусалимский) не будет восстановлен. Ибо, как теперь, когда его нет, все уничтожено, и если что, по-видимому, бывает, то делается незаконно; так, когда словом доказано, что (храм) никогда не будет восстановлен в (прежний) свой вид, вместе с этим доказано и то, что и остальное служение не придет опять в прежнее положение, не будет (у иудеев) ни священника, ни царя. Если уже никому из племени их, даже частному человеку, не позволялось служить иноземцам, тем более самому царю не позволительно подчиняться чужим. Но так как цель нашего труда и заботы состоит не в том только, чтобы заградить уста иудеям, но и вразумить вашу любовь; то вот мы еще иначе докажем то же самое, т. е. что их жертвы и священство прекратились, и уже не будут восстановлены в прежнее состояние. Кто говорит об этом? Дивный и великий пророк Давид. Желая показать, что одна жертва имеет быть отменена, а введется другая, он сказал так: "много сделал Ты, Господи, Боже мой: о чудесах и помышлениях Твоих о нас - кто уподобится Тебе! - хотел бы я проповедовать и говорить" (Пс. 39:6). Замечай мудрость пророка. Сказав: "много сделал Ты, Господи, Боже мой: о чудесах и помышлениях Твоих", и изумившись чудным делам

Божьим, он ничего не говорит нам ни о видимой твари, - о небе и земле, о море, воде и огне, ни о дивных чудесах, совершившихся в Египте, ни о других подобных знамениях, но что называет дивным? "Жертвы и приношения Ты не восхотел" (Пс. 39:7). Что говоришь, скажи мне; это ли дивно и чудно? Никак, говорит. Просвещенный свыше, он пророческими очами видел не это одно, но и обращение (к вере Христовой) язычников, - как они, преданные (ложным) богам, поклонявшиеся камням и бывшие хуже бессловесных, вдруг прозрели и познали Владыку всех, и, оставив скверное служение демонам, стали совершать чистое и бескровное служение Богу; видел еще, что не только язычники, но и иудеи, из более простодушных, оставив жертвы и всесожжения и прочие чувственные обряды, обратились к нашему любомудрию; и, размыслив о неизреченном человеколюбии Божьем, превосходящем всякий ум, и изумившись тому, какая произошла перемена в делах и как Бог преобразил все, как людей из демонов сделал ангелами и ввел (между ними) образ жизни достойный неба (а все это сбылось тогда, когда была отменена древняя жертва и введена другая жертва тела Христова), - изумившись и удивившись этому, (пророк) сказал: "много сделал Ты, Господи, Боже мой: о чудесах и помышлениях Твоих". А (чтобы показать), что он произнес все это пророчество от лица Христова, Давид к словам: "жертвы и приношения Ты не восхотел", прибавил: "но тело уготовал Мне", разумея тело Владычное, общую за вселенную жертву, которая очистила наши души, разрешила грехи, уничтожила смерть, отверзла небеса, показала нам многие и великие надежды и все прочее устроила. Видя это, и Павел воскликнул так: "о, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его" (Римл. 11:33). Провидя все это (Давид) и сказал: "много сделал Ты, Господи, Боже мой: о чудесах и помышлениях Твоих". Потом, сказав от лица Христова: "всесожжения и жертвы за грех Ты не потребовал", он присовокупил: "тогда я сказал: вот, иду" (Пс. 39:7-8). "Тогда" - когда же? Когда наступит время совершеннейшего учения; ибо, менее совершенному (люди) должны были научиться от рабов Его, а возвышеннейшему и превышающему природу человеческую от Самого Законодателя. Посему-то и Павел сказал: "многokrатно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках, в последние дни сии говорил нам в Сыне, Которого поставил наследником всего, через Которого и веки сотворил" (Евр. 1:1-2). И Иоанн также: "закон дан чрез Моисея; благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа" (Иоан. 1:17). Значит, величайшая заслуга закона и в том, что он приготовил природу человеческую для этого Учителя. Потом, дабы ты не подумал, будто (Христос) есть новый Бог и вводит какое-нибудь новшество, вот что говорит: "в свитке книжном написано о мне" (ст. 8). То есть, пророки издревле предвозвестили Мое пришествие, и в самом начале священных книг открыли людям познание о Моем Божестве.

3. Так, когда Бог говорит в начале творения: "сотворим человека по образу Нашему по подобию Нашему" (Быт. 1:26), то гадательно открывает нам Божество Сына, к Которому он обращает речь. Потом, желая показать, что новое не противно прежнему учреждению, но что была воля Божия и на то, чтобы та жертва прекратилась и на место ее введена была эта (тут было в самом деле стремление к улучшению, а не противоречие и не борьба), Давид к словам: "в свитке книжном написано о мне", присовокупил: "я желаю исполнить волю Твою, Боже мой, и закон Твой у меня в сердце". Затем, чтобы изъяснить, в чем состоит воля Божья, он, не упоминая о жертвах, всесожжениях и приношениях, о трудах и тяжких подвигах, говорит: "Я баговествовал правду Твою в собрании великом" (ст. 10). Что значит: "баговествовал правду"? Не сказал он просто: я дал, но: "баговествовал". Что же это значит? То, что (Христос) оправдал род наш, не за добрые дела, не за труды, не за удовлетворение (правосудию Божьему), но единой благодатью. Это-то объясняя, и Павел сказал: "ныне, независимо от закона, явилась правда Божия" (Рим. 3:21): правда же Божия (достигается) верой Иисуса Христа, а не какими-либо

трусами и усилиями. Эти же слова (Давида) приводит он в свидетельство, когда говорит, "закон, имея тень будущих благ, а не самый образ вещей, одними и теми же жертвами, каждый год постоянно приносимыми, никогда не может сделать совершенными приходящих. Посему [Христос], входя в мир, говорит: жертвы и приношения Ты не восхотел, но тело уготовал Мне" (Евр. 10:1,5), разумея здесь пришествие Единородного в мир, домостроительство воплощения. Ибо Он пришел к нам не так, чтобы переменить одно место на другое (как сказать это о вездесущем и все наполняющем?), но так, что явился нам во плоти. Но так как у нас борьба не с иудеями только, но и с язычниками и многими из еретиков, то раскроем вам глубже, какой здесь смысл, и исследуем, почему Павел, имея тьмы свидетельств, доказывающих упразднение закона и древнего учреждения, упомянул именно об этом. Не просто же и не случайно он сделал это, но по какой-нибудь неизреченной мудрости и основанию. А что он мог, если бы захотел, привести и другие более обширные и разительные свидетельства о том же предмете, в этом все будут согласны. Вот и Исаия говорит: "к чему Мне множество жертв ваших? Я пресыщен всесожжениями овнов и туком откормленного скота, и крови тельцов и агнцев и козлов не хочу. Когда вы приходите являться пред лице Мое, кто требует от вас, чтобы вы топтали двory Мои? Не носите больше даров тщетных: курение отвратительно для Меня" (Ис. 1:11-13). Он же в другом месте: "а ты, Иаков, не взывал ко Мне; ты, Израиль, не трудился для Меня. Жертвами твоими не чтил Меня, и не послужил Мне в дарах твоих; Я не заставлял тебя служить Мне хлебным приношением и не отягощал тебя фимиамом" (Иса. 43:22-23). И Иеремия: "для чего Мне ладан, который идет из Савы, и благовонный тростник из дальней страны? Всесожжения ваши неуютны" (Иер. 6:20); он же: "всесожжения ваши прилагайте к жертвам вашим и ешьте мясо" (Иер. 7:21). Другой пророк так сказал: "удали от Меня шум песней твоих, ибо звуков гуслей твоих Я не буду слушать" (Амос. 5:23). И еще в другом месте, когда иудеи говорили: "но можно ли угодить Господу тысячами овнов или неисчислимыми потоками елея? Разве дам Ему первенца моего за преступление мое и плод чрева моего - за грех души моей" (Мих. 6:7), пророк, укоряя их, сказал: "о, человек! сказано тебе, что - добро и чего требует от тебя Господь: действовать справедливо, любить дела милосердия и смиренномудренно ходить перед Богом твоим" (Мих. 6:8). И Давид так говорил: "не приму тельца из дома твоего, ни козлов из дворов твоих" (Пс. 49:9). Почему же, имея возможность указать на столь многие свидетельства, в которых Бог видимо, отвергает эти (иудейские) жертвы, новомесячия, субботы, праздники, (апостол), оставив все те свидетельства, упомянул об этом одном? Не без причины и не случайно, но вот почему. Многие из неверных, и даже из самых иудеев, ратуя против нас, говорят, что древняя религия отменена не по несовершенству своему, и не потому, что введена лучшая наша (христианская) религия, но по развращению тех, которые приносили тогда жертвы. Так, Исаия говорит: "и когда вы простираете руки ваши, Я закрываю от вас очи Мои; и когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу" (Ис. 1:15). Потом, представляя причину, присовокупляет: "ваши руки полны крови". Здесь не жертвы обвиняются, но обличается нечестие приносящих; и Бог потому не принимал жертв, что (иудеи) приносили их нечистыми руками. И Давид, сказав: "не приму тельца из дома твоего, ни козлов из дворов твоих", прибавил: "грешнику же говорит Бог: "что ты проповедуешь уставы Мои и берешь завет Мой в уста твои, а сам ненавидишь наставление Мое и слова Мои бросаешь за себя? Когда видишь вора, сходишься с ним, и с прелюбодеями общаешься; уста твои открываешь на злословие, и язык твой сплетает коварство; сидишь и говоришь на брата твоего, на сына матери твоей клевету" (Пс. 49:16-20). Отсюда видно, что Бог здесь отверг жертвы не без причины, но потому, что иудеи прелюбодействовали, крали, строили ковы братьям. Да и каждый, говорят, из пророков, обвиняя приносящих жертвы, дает знать, что за это-то Бог и отверг их.

4. Так говорят наши противники, но Павел нанес им сильный удар, и достаточно заградил бесстыдные уста их этим свидетельством. Желая доказать, что Бог отверг и упразднил иудейскую религию, как несовершенную, он воспользовался этим именно свидетельством, в котором нет обвинения на приносящих жертвы, а открывается в наготу несовершенство самой религии. Ибо пророк, не обвинив иудеев ни в чем, просто говорит: "жертвы и приношения Ты не восхотел, но тело уготовал Мне, Всесожжения и [жертвы] за грех неуютны Тебе". А Павел, изъясняя это, сказал: "отменяет первое, чтобы постановить второе" (Евр. 10:9). Если бы он, сказав: "жертвы и приношения Ты не восхотел", замолчал, такая речь давала бы (противникам) некоторую возможность к оправданию; но теперь он, сказав: "но тело уготовал Мне", и указав на введение другой жертвы, не подал уже никакой надежды на восстановление прежней. Это самое изъясняя, Павел сказал: "по сей-то воле освящены мы единократным принесением тела Иисуса Христа" (Евр. 10:10). "Ибо если кровь тельцов и козлов и пепел телицы, через окропление, освящает оскверненных, дабы чисто было тело, то насколько больше Кровь Христа, Который Духом Святым принес Себя непорочного Богу, очистит совесть нашу от мертвых дел" (Евр. 9:13-14). Итак, этим достаточно доказано, что иудейские жертвы прекращены и никогда уже не восстановятся, а на место их введена другая жертва. Теперь, наконец, прямо и ясно покажем из самого Писания то, что давно мы старались доказать, (то есть), что прежнего священства и нет уже, и не будет опять. Сначала предположим некоторое предисловие, чтобы сделать понятнее изъяснение того, о чем будет речь. Авраам, возвратившись из Персии, родил Исаака, потом этот - Иакова; Иаков - двенадцать патриархов, от которых произошли двенадцать, или вернее тринадцать колен, потому что вместо Иосифа сделались начальниками колен дети его, Ефрем и Манассия. И как по имени каждого из сынов Иакова назывались колена: Рувимовым, Симеоновым, Левиным, Иудовым, Нефалимовым, Гадовым, Асировым, Вениаминовым; так и по именам детей Иосифовых, Ефрема и Манассии, названы были два колена, одно Ефремовым, а другое - Манассиным. Из этих тринадцати колен все другие владели полями и большими доходами, все возделывали землю, и исправляли другие житейские работы; одно колено Левино, почтенное священством, было освобождено от житейских дел, и не обрабатывало земли, не занималось ремеслами и ничем подобным, но прилежало одному священству и получало от всего народа десятину и вина, и пшеницы, и ячменя, и всех прочих плодов; все давали (левитам) десятину, и в этом заключался их доход. Не позволялось священнику быть ни из какого другого колена. Ибо из этого колена, то есть, из Левиина, был Аарон, и потомки его по преемству принимали священство, а из других колен никогда не было ни одного священника. Итак, эти левиты получали от тех (прочих колен) десятины и этим питались. Но еще до Иакова и Исаака, при Аврааме, когда не было ни Моисея, ни писанного закона, когда не явилось еще священства левитского, не было ни скинии, ни храма, ни отдельных колен, когда не видно было Иерусалима, и никто еще не получил власти править иудейскими делами, был некто Мелхиседек, священник Бога Вышнего. Этот Мелхиседек был вместе и царь и священник: ему надлежало быть образом Христа, и Писание ясно упоминает о нем. Когда Авраам, напав на персов, и отняв из их рук племянника своего Лота, и взяв с собой всю добычу, возвращался после совершенной над ними победы, то (по этому случаю) Писание так говорит о Мелхиседеке: "и Мелхиседек, царь Салимский, вынес хлеб и вино, - он был священник Бога Всевышнего, - и благословил его, и сказал: благословен Авраам от Бога Всевышнего, Владыки неба и земли; и благословен Бог Всевышний, Который предал врагов твоих в руки твои. [Авраам] дал ему десятую часть из всего" (Быт. 14:18-20). Итак, если явится какой-либо пророк и скажет, что после Аарона и его священства, после этих (иудейских) жертв и приношений, восстанет иной священник, не из того (Левиина) колена, но из другого, из которого никогда не бывало священника, не по чину Ааронову, но по чину Мелхиседекову; то будет очевидно, что древнее священство прекратилось, а на место его

введено другое новое; потому что, если бы древнее священство должно было оставаться в силе, ему следовало бы именоваться не по чину Мелхиседекову, но по чину Ааронову. Кто же об этом говорит? Тот самый, кто говорил о жертвах; он же в другом месте, беседуя о Христе, вот что говорит: "сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня" (Пс. 109:1).

5. Дабы не подумал кто, будто это говорится о каком-нибудь обыкновенном человеке, говорит это не Исаия, не Иеремия, и не другой какой-либо пророк из частных людей, но сам царь; а царь (ты знаешь) никого не может назвать своим Господом, как только Бога. Если бы это был частный человек, то иной бесстыдный мог бы сказать, что (Давид) говорит о человеке; но теперь, будучи царем, он, конечно, не назвал бы своим Господом человека. Если бы Давид говорил это о каком-нибудь простом человеке, то, как бы он сказал что (этот человек) сел одесную великой и неизреченной славы (Господа)? Это невозможно. А он об этом (лице) говорит: "сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих". Потом, чтобы ты не подумал, что будто (это лицо) слабое и бессильное, Давид присовокупил: "в день силы Твоей" (Пс. 109:3). А чтобы показать это еще яснее, сказал: "из чрева прежде денницы подобно росе рождение Твое". Но прежде денницы не родился ни один человек. "Ты священник вовек по чину Мелхиседека" (Пс. 109:4). Не сказал: по чину Ааронову. Спроси же иудея: если древнее священство не должно было уничтожиться, то почему (Бог) ввел другого Священника - по чину Мелхиседекову? До этого-то места дошедши Павел, смотри, как объяснил его. Сказав о Христе, что "клялся Господь и не раскается: Ты священник вовек по чину Мелхиседека", он присоединил: "о сем надлежало бы нам говорить много; но трудно истолковать" (Евр. 5:11); потом, укорив учеников, - скажем сокращенно, - он говорит, кто такой Мелхиседек, и приводит вот какую историю о нем: "который встретил Авраама и благословил его, возвращающегося после поражения царей, которому и десятину отделил Авраам от всего". Затем, раскрывая значение этого образа, говорит: "видите, как велик тот, которому и Авраам патриарх дал десятину из лучших добыч своих" (Евр. 7:1-2,4). Это сказал он не просто, но с тем, чтобы показать, что наше священство гораздо важнее иудейского. И это превосходство наперед уже открывается из самых образов вещей. Авраам был отец Исаака, дед Иакова и прадед Левия; ибо, у Иакова был сын Левий. От Левия получило свое начало иудейское священство. Но этот-то Авраам, прародитель левитов и священников иудейских, перед Мелхиседеком, который был образом нашего священства, стал на месте мирянина, и показал это двояким образом: тем, что дал ему десятину, ибо миряне давали священникам десятину; и тем, что получил от него благословение, ибо миряне же получают благословение от священников. Так смотри, сколь велико превосходство нашего священства, когда Авраам, патриарх иудеев, прародитель левитов, благословляется Мелхиседеком и дает ему десятину. О том и другом рассказывает Ветхий Завет, т. е. и о том, что Мелхиседек благословил Авраама, и о том, что Авраам дал ему десятину (Быт. 14:19-20). Это-то самое поставив на вид, Павел сказал: "видите, как велик тот". Кто? "Мелхиседек", говорит, "которому и Авраам патриарх дал десятину из лучших добыч своих" (Евр. 7:4). "Получающие священство из сынов Левиных имеют заповедь - брать по закону десятину с народа, то есть со своих братьев, хотя и сии произошли от чресл Авраамовых" (Евр. 7:5). Это значит: левиты, иудейские священники, имели право по закону получать десятину от других иудеев. Хотя все произошли от Авраама, как левиты, так и остальной народ, но, не смотря на то, левиты получают десятину от братьев своих. А Мелхиседек, "не происходящий от рода их" (ибо произошел не от Авраама, и не от колена левитского, но от другого рода), "получил десятину от Авраама", т. е. взял от него десятину. Но кроме этого он сделал еще и нечто другое. Что же такое? "и благословил имевшего обетования" (Евр. 7:6). Что же, скажешь, это значит? То, что Авраам гораздо меньше Мелхиседека. Как это? "Без всякого же

прекословия меньший благословляется большим" (Евр. 7:7). Значит, если бы Авраам, прародитель левитов, не был меньше Мелхиседека, то этот не благословил бы того, и тот не дал бы ему десятину. Потом, желая показать, что с Мелхиседеком так и было, Павел прибавил: "и, так сказать, сам Левий, принимающий десятины, в [лице] Авраама дал десятину" (Евр. 7:9). Что же это значит? То, что сам Левий, еще не родившись, дал уже десятину Мелхиседеку в лице отца своего. "Ибо он был еще", говорит, "в чреслах отца, когда Мелхиседек встретил его" (Евр. 7:10). Поэтому-то Павел и сказал наперед: "и, так сказать". И чтобы показать, для чего он говорил об этом, делает вон какой вывод: "если бы совершенство достигалось посредством левитского священства, - ибо с ним сопряжен закон народа, - то какая бы еще нужда была восставить иному священнику по чину Мелхиседека, а не по чину Аарона именоваться" (Евр. 7:11)? Что же это значит? Если иудейские обряды были совершенны и закон не был тенью будущих благ, но сам всему давал совершенство и не должен был уступить (своего места) другому; если прежнее священство не должно прекратиться и на его место быть введено новое; то почему пророк сказал: "Ты священник вовек по чину Мелхиседека" (Пс. 109:4)? Надлежало бы сказать: "по чину Аронову". Вот почему Павел говорит: "если бы совершенство достигалось посредством левитского священства: какая бы еще нужда была восставить иному священнику по чину Мелхиседека, а не по чину Аарона именоваться"? Из этого видно, что то священство кончилось и на его место введено новое, гораздо лучшее и возвышеннее. Если же это справедливо, то справедливо и то, что введется и другое устройство жизни, сообразное с (новым) священством, и законодательство лучшее, именно наше. Это-то доказывая, Павел и говорит: "с переменою священства необходимо быть перемене и закона, все - от Единого" (Евр. 7:12; Евр. 2:11). Так как большая часть постановлений закона касалась обязанностей священства, а прежнее священство было отменено; то, очевидно, что, с введением другого священства, надлежало ввести и лучшее законодательство. Далее, объясняя, о ком это говорится, апостол продолжает: "Тот, о Котором говорится сие, принадлежал к иному колену, из которого никто не приступал к жертвеннику. Ибо известно, что Господь наш воссиял из колена Иудина, о котором Моисей ничего не сказал относительно священства" (Евр. 7:13-14). Таким образом, когда показано, что Христос происходит от этого колена, т. е. Иудина, и есть священник по чину Мелхиседека, а Мелхиседек гораздо выше Авраама, вместе с этим уже вполне доказано и то, что и другое священство, вводимое вновь, гораздо выше первого. Ибо, если образ (Мелхиседек) был так велик и гораздо славнее иудейского священства, тем более самая истина. Это-то доказывая, Павел и сказал: "по подобию Мелхиседека восстает Священник иной, Который таков не по закону заповеди плотской, но по силе жизни не переставшей" (Евр. 7:15-16). Что это значит: "не по закону заповеди плотской, но по силе жизни не переставшей"? То, что ни одна из (Христовых) заповедей не была плотской: Он повелел не овец и тельцов закалать, но служить Богу душевной добродетелью, и в награду за это предложил нам жизнь, никогда не переставшую. И опять, Он Своим пришествием воскресил нас, умерших от грехов, и оживотворил, разрушив двоякую смерть, смерть греха и смерть плоти. Так, поелику Он принес нам столь великие блага, поэтому Павел говорит: "не по закону заповеди плотской, но по силе жизни не переставшей".

б. Итак, этим доказано уже и то, что с переменою священства необходимо надлежало быть перемене и закона. Впрочем, можно бы это же самое доказать и прямо, и привести еще в свидетели пророков, которые говорят, что закон переменится, общественное устройство получит лучший вид, и что у иудеев никогда уже не будет царя. Но так как надобно говорить столько, сколько может принять слушатель, а не все за один раз и вдруг; то, отложив это до другого времени, здесь теперь окончим слово, с советом вашей любви помнить, что (теперь) сказано, и присоединить это к прежде сказанному. И теперь

опять попросим о том же, о чем и прежде просили мы вас: обратите ваших братьев к спасению, и усердно позаботьтесь о пренебреженных членах. Мы не для того поднимаем такой труд, чтобы только говорить, или слышать рукоплескания и шум, но для того, чтобы уклонившихся возвратить на путь истины. И никто не говори мне: "у меня нет ничего общего с ним; дай Бог мне исправить свои собственные дела". Никто не может исправить своих дел, не любя ближнего и не заботясь о его спасении. Поэтому и Павел говорит: "никто не ищи своего, но каждый [пользы] другого" (1 Кор. 10:24), зная, что собственная польза каждого соединена с пользой ближнего. Ты здоров, но брат твой болен. Итак, если у тебя доброе сердце, ты сильно поболедуешь о страждущем и станешь подражать в этом блаженному (Павлу), который говорил: "кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазнится, за кого бы я не воспламенялся" (2 Кор. 11:29)? Если мы радуемся, когда подадим кому-нибудь две мелкие монеты и издержим на бедных несколько серебра; то, какое получим удовольствие, если успеем спасти души ближних? Какой удостоимся награды в будущем веке? Ибо и здесь мы, сколько раз ни будем встречаться с ними, всегда будем чувствовать от этой встречи великое удовольствие, припоминая об оказанном им добре; и там - на страшном судилище, увидев их, получим великое дерзновение. Как люди несправедливые и любостыжательные, похищающие чужое и делающие своим ближним множество зла, когда отойдут туда (в вечную жизнь) и увидят обиженных ими (а увидят их непременно, как показывает история о богатом и Лазаре), то не в состоянии будут ни уста открыть, ни сказать что-нибудь в свое оправдание, но покрытые стыдом и бесчестьем, от лица тех (обиженных) отведены будут в реки огня; так, напротив, те, которые в здешней жизни учат и наставляют (ближних), когда увидят там, что спасенные ими ходатайствуют за них, исполнятся великого дерзновения. Объясняя это, Павел сказал: "мы будем вашей похвалой, равно и вы нашей" (2 Кор. 1:14). Когда? Скажи. "В день Господа нашего Иисуса Христа". И Христос убеждает к этому, говоря: "приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители" (Лук. 16:9). Видишь, какое великое дерзновение будет нам от благодетельствованных нами теперь? Если же такие венцы, такая награда, такое воздаяние только за издержку денег; то не большие ли и не важнейшие ли блага будут (даны) нам за помощь, оказанную душе? Если Тавифа возвращена от смерти к жизни за то, что одевала вдовиц и помогала бедным; если слезы благодетельствованных ею снова ввели в тело ее отошедшую душу, когда еще не настало воскресение; то чего не сделают слезы тех, которые спасены тобой? Как эту, вдовицу, окружив, возвратили от смерти к жизни, так и тебя тогда окружают спасенные тобой, исходатайствуют тебе великое человеколюбие (Судии), и исхитят тебя из гееннского огня. Зная это, будем пламенны и усердны не до настоящего только часа но, вышедши отсюда, воспламените огонь, который теперь в вас, и устройте спасение всего города; а если не знаете, кто болен, постарайтесь отыскать таковых. Тогда и мы будем беседовать с вами охотнее, узнав по самому опыту, что посеяли не на камень; и вы сами будете усерднее к добродетели. Как в денежных делах, получивший прибыли две златницы воспламеняется большим желанием собрать и скопить еще десять и двадцать; так бывает и с добродетелью: кто сделает одно доброе дело и подвиг, тот от этого самого подвига получает побуждение и поощрение к предприятю других (подвигов). Итак, чтобы нам и братьев спасти, и себе предуготовить прощение в грехах, а особенно великое дерзновение (к Богу), и, прежде всего другого, содействовать прославлению имени Божьего, выйдем, вместе с женами, детьми и домочадцами, на эту ловлю, исхитим из сетей дьявола плененных им в его волю, и не отстанем, пока не сделаем все возможное для нас, будут ли они слушаться нас, или нет. Впрочем, невозможно, чтобы они, христиане, не послушались. А чтобы не было у вас и этой отговорки, скажу вот что: когда ты, истощив много слов и исполнив все зависящее от тебя, увидишь, что ближний упорствует, отведи его к священникам; они, конечно, при помощи Божьей благодати, поймают добычу; а успех весь будет

принадлежать тебе, как приведшему его. Об этом говорите мужья с женами, жены с мужьями, отцы с детьми, и друзья с друзьями. Пусть иудеи и те, которые кажутся единомышленными нам, но (на самом деле) держатся их образа мыслей, пусть узнают, что мы стараемся, заботимся и неусыпно печемся о наших братьях, которые убегают к ним. И, наверно, прежде нас, они прогонят от себя тех, которые от нас убегают к ним. А скорее - никто уже и не осмелится от нас перебежать к ним, напротив, тело церкви будет чисто. Бог же, "хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины" (1 Тим. 2:4), и вас да укрепит на эту ловитву, и их да изведет из этого заблуждения и, спасши всех вообще, да сделает достойными царства небесного, - во славу Свою, ибо Ему подобает слава и держава во веки веков. Аминь.

ПРОТИВ ИУДЕЕВ

СЛОВО ВОСЬМОЕ

Недостаточно только предостерегать своих собратьев прежде, чем они согрешили; нужно еще заботиться о них и после того, как они подпали греху. - Так Бог действовал по отношению к Адаму и Каину, ап. Павел по отношению к блуднику, самарянин к израненному разбойниками. - Мы не должны разглашать о проступках наших братьев, а должны стараться о том, чтобы излечить согрешающих и удержать их от иудействования, внушая им особенно, как нелепо прибегать к демонам для поправления здоровья. - Христианин должен скорее страдать, чем грешить, по примеру Иова, расслабленного и Лазаря. - Эти страдания посылаются от Бога для исправления нас, и сын не должен жаловаться на отца, когда он исправляет его. - Кроме того, терпение в страдании приносит добрые плоды; на земле оно приобретает похвалу и преклоняет Бога к исцелению переносимых болезней, а на небе оно подготавливает получение венца мученического.

Прошел пост иудейский, а вернее сказать - пьянство иудейское. Можно ведь и без вина упиваться, можно и в трезвом состоянии быть пьяным и неистовствовать от упоения. Если бы нельзя было упиваться без вина, то пророк не сказал бы: "они пьяны, но не от вина" (Иса. 29:9). Если бы нельзя было упиваться без вина, Павел не сказал бы: "не упивайтесь вином" (Еф. 5:18). Так как можно упиваться и иным чем-то, поэтому он и сказал: не упивайтесь "вином". Можно, действительно можно упиваться и гневом, и нечистой похотью, и сребролюбием, и тщеславием, и бесчисленным множеством других страстей. Ибо упоение есть не иное что, как потеря здравых понятий, умоисступление, расстройство душевного здоровья. Итак, не только о том, кто выпил много вина, но и о том, кто питает в душе другую страсть, можно сказать, что он сильно опьянел. Опьянен, например, тот, кто любит чужую жену и живет с блудницами. Как выпивший много вина и обессиленный им произносит неприличные слова и видит одно вместо другого; так и объятый нечистой похотью, как бы вином каким, не произносит ни одного здравого слова, а (говорит) только срамные, развратные, низкие и смеха достойные (слова), и видит одно вместо другого; слеп ко всему, что перед глазами, а везде только и видит ту, к которой питает страсть, и, подобно помешанному и безумному, в собраниях и на пиршествах, во всякое время и на всяком месте, о чем кто бы ни говорил ему, не слышит, кажется, ничего, но о ней только и думает, о грехе только и мечтает; все подозревает, всего боится, и ничем не лучше какого-нибудь животного, пораженного стрелой. Опьянен так же и одержимый гневом, у него и

лицо раздувается, и голос делается хриплым, и глаза наполняются кровью, и ум помрачается, и смысл теряется, и язык трясется, и взор блуждает, и уши слышат одно вместо другого, потому что гнев сильнее всякого вина ударяет в мозг и производит в нем бурю и неукротимое волнение. Если же опьянен всякий одержимый похотью и гневом, тем более опьянен и безумен человек нечестивый, оскорбляющий Бога, противящийся Его законам и никак не желающий оставить это неразумное упорство; он хуже и неистовых, и умоисступленных, хотя сам, кажется, и не чувствует этого. Опьянению особенно и свойственно то, что человек, поступая бесчинно, нисколько не чувствует этого, так как и несчастье сумасшествия заключается особенно в том, что больные не сознают даже и того, что они больны. Так и иудеи, пьянствуя теперь, не чувствуют этого. Итак, их пост, позорнее всякого пьянства, прошел; но мы, однако же, не прекратим попечения о наших братьях, и не будем думать, будто не время уже заботиться о них, но поступим, как поступают воины. По окончании сражения обратив врагов в бегство, они, возвращаясь от преследования, не тотчас бегут в палатки, но наперед идут на место сражения, отбирают падших своих товарищей, и - умерших зарывают в землю, а если кого найдут между трупами еще дышащим и неубитым до смерти, того, подняв, уносят в палатки со всей бережливостью, извлекают из него стрелы, и, позвав врачей и оттерев кровь, дают ему лекарства, и, употребив все другие пособия, возвращают ему здоровье. Так и мы, как уже прогнали, по милости Божьей, иудеев, вооружив против них пророков, теперь, возвращаясь, посмотрим во все стороны, не пал ли кто из наших братьев, не увлекся ли кто этим постом, не участвовал ли кто в празднике иудейском; погребению-то не предадим никого, а всех поднимем и вылечим. На внешних сражениях воин, который раз пал и отдал душу, не может уже восстать и возвратиться к жизни; а на этой войне и брани, хотя кто и получит смертельную рану, мы можем, если захотим, при содействии благодати Божьей, возвратить его к жизни. Здесь смерть не по природе, как там, но по свободе и произволению; а умершую волю можно воскресить, мертвую душу можно заставить возвратиться к своей жизни и познать своего Господа.

2. Не поленимся же, братья, не ослабеем, не потеряем бодрости. Никто не говори мне таких слов, что надобно-де было предостеречь и сделать все еще до поста (иудейского), а теперь, как пост уже окончился, как грех сделан, как беззаконие совершено, какая будет польза (от вразумления)? Кто знает, что такое попечение о братьях, тот знает и то, что теперь-то особенно и должно позаботиться и показать все усердие. Должно не только предостерегать прежде греха, но после падения подать руку. Если бы и Бог из начала поступал так, если бы, т. е. предостерегал только прежде греха, а после греха, отвергал (человека) и оставлял навсегда лежать в падении, в таком случае никто из нас не спасся бы никогда. Но Он, человеколюбивый и милостивый, и более всего желающий нашего спасения, не делает этого, но и после грехов (наших) показывает (о нас) великое попечение. Так Он и Адама предостерег еще до греха, и сказал ему: "от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь" (Быт. 2:16-17). Вот (Бог) предостерегал и легкостью закона, и обилием дозволенных (плодов) и строгостью угрожаемого наказания, и скоростью его последования (ибо не сказал: спустя один, или два, или три дня, но: в тот самый день, "в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь"), и всяким способом, каким только надлежало предостеречь человека. Однако же, когда человек, и после такого попечения, научения, вразумления и благодетельствования, пал и не послушал повеления, Бог не сказал: "чего еще ожидать больше добра? Какой пользы? (Человек) вкусил, пал, преступил закон, поверил дьяволу, не почтил Моей заповеди, получил удар, сделался мертвым, предался смерти, подпал осуждению; к чему еще говорить с ним?" Ничего такого не сказал Он; напротив, тотчас пришел к нему, беседовал с ним, утешал его, и дал ему еще врачество - труд и пот, и дотоле не переставал

употреблять все меры и средства, пока восстановил падшую природу, освободил от смерти, возвел на небо, и дал ей блага большие потерянных, самым делом показав дьяволу, что он ничего не выиграл своим наветом; напротив, изгнав людей из рая, увидит их, спустя немного, на небе вместе с ангелами. Так же (Бог) поступил и с Каином. И его остерегал и вразумлял еще до греха, говоря: "если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним" (Быт. 4:7). Смотри, сколько премудрости и разума! Ты боишься, говорит Бог, чтобы брат твой, Мной почтенный, не отнял у тебя преимущества, принадлежащего первородным, чтобы не похитил принадлежащего тебе первенства (ибо первородным надлежало пользоваться большей честью, нежели родившимся после них). Будь благонадежен, не бойся, и не беспокойся об этом: "он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним". То есть, оставайся при чести первородного, будь брату прибежищем, покровом и защитой, и обладай и господствуй над ним; только не вдайся в убийство, не дойди до законного поражения (брата). Однако же, Каин и после этого не послушал и не успокоился, но совершил гнусное то убийство, и погрузил правую руку свою в братнюю выю. Что же? Сказал ли Бог: "оставим его, наконец, какого еще ожидать добра? Он совершил убийство, умертвил брата, пренебрег Моим вразумлением, дерзнул на неисправимое и непростительное смертоубийство, после того, как столько пользовался таким попечением, наставлением и увещанием; все это выбросил из ума, ни на что не обратил внимания. Так пусть же будет он, наконец, оставлен и брошен, и не удостоится никакого с Моей стороны попечения". Ничего такого Бог не сказал, не сделал; напротив, еще приходит к нему в другой раз, исправляет этого человека, и говорит: "где Авель, брат твой"? (Быт. 4:9). Не оставляет его и тогда, когда он отрекается; напротив доводит его, и против воли, до сознания в преступлении; и когда (Каин) ответил: "не знаю", - "голос", сказал (Бог), "крови брата твоего вопиет ко Мне" (Быт. 4:10); самое дело, говорит, возвещает о смертоубийстве. Что же Каин? "Наказание мое больше, нежели снести можно; вот, Ты теперь сгоняешь меня с лица земли, и от лица Твоего я скроюсь" (Быт. 4:13-14). Это значит: я согрешил так тяжко, что не заслуживаю извинения, ни прощения, ни оставления вины; но если бы Ты захотел отмстить мне за содеянное, то я, лишенный Твоей защиты, да буду подлежать всем (желающим убить меня). Что же Бог? "За то всякому, кто убьет Каина, отомстится всемеро" (Быт. 4:15). Не бойся этого, говорит; ты будешь долго жить, и кто убьет тебя, тот подвергнется многим наказаниям (число семь в Писании означает неопределенное множество). Так как Каин обречен был многим наказаниям, - беспокойству, трясению, стенаниям, унынию и расслаблению тела; то умертвивший тебя (Каина), говорит Бог, и освободивший от этих наказаний, сам навлечет на себя казнь. Слова эти кажутся тяжкими и невыносимыми, однако же, показывают великое попечение. Желая вразумить потомков, Бог изобрел такой способ наказания, который мог и самого Каина очистить от греха. Если бы Он тотчас умертвил Каина, этот умер бы, скрыв свой грех, и не был бы известен потомкам. Но теперь, оставленный жить долгое время в трясении том, он сделался учителем для всех, с кем ни встречался, самым видом своим и трясением тела убеждал всех не покушаться на подобные дела, чтобы не потерпеть таких же и наказаний. С другой стороны, и сам он делался лучшим: ибо трепет и страх, постоянное беспокойство и расслабление тела удерживали его, как бы какой уздой, и не позволяли ему опять впасть в другое такое же преступление, непрестанно напоминали о прежнем грехе, и таким образом душу его делали более смиренной.

3. Но между тем, как я говорил это, мне пришло на мысль предложить вопрос: почему Каин, хотя исповедал свой грех, осудил свой поступок, и сказал о себе, что согрешил непростительно и совершенно не заслуживает извинения, однако же, не мог очиститься от греха (тогда как пророк говорит: "скажи ты беззакония твои прежде, да оправдаешься" (Ис. 43:26), напротив - еще осужден? Потому что не сказал, как повелел пророк. Пророк

сказал не просто: "скажи ты беззакония твои", но как? "скажи ты беззакония твои прежде". Главное вот в чем: не просто сказать, но сказать первому, не выжидать обличителя и обвинителя. А Каин не сказал первый, но выждал обличения от Бога, да и тогда, как Бог обличал его, отрицался. Наконец, и сознался в грехе уже тогда, когда дело решительно обнаружилось, а это уже не исповедь. Так и ты, возлюбленный, когда согрешишь, не выжидай обличения от другого, но прежде, нежели будешь обличен и обвинен, сам осуждай свои поступки; потому что, если уже обличит тебя другой, твоя исповедь будет не твоим делом, но плодом стороннего обличения. Вот почему и другой некто говорит: "праведный себя самого обвиняет в первых словах" (Притч. 18:17). Значит, главное дело не в том, чтобы обвинять себя, но в том, чтобы обвинять себя первому, а не выжидать обличения от других. Вот и Петр, так как после тяжкого своего отречения (от Христа) сам тотчас вспомнил о своем грехе и исповедал свою вину без всякого обличителя, - и "плакал горько" (Матф. 26:75); то омыл свое отречение так, что сделался даже первым между апостолами, и ему вверена была вся вселенная. Но надобно возвратиться к предмету. Сказанное достаточно показало нам, что падающих братьев не должно оставлять без попечения и в небрежении; что надобно и предостерегать их от греха, и много заботиться о них после греха. Так делают и врачи: и здоровым людям говорят, что может сохранить их здоровье и отогнать всякую болезнь, и не бросают пренебрегших их приказаниями и впадших в болезнь, но тогда-то особенно и показывают великую заботливость о том, чтобы освободить их от болезни. Так поступил и Павел: не бросил блудника после того тяжкого беззакония, которого не обретается и между язычниками, но и тогда, как он отвергал узду, не хотел принять врачевства, скакал и отбивался, довел его до излечения, и довел так, что опять соединил с телом Церкви. И не сказал сам себе: какого ожидать успеха, какого добра? Он соблудил, сделал грех, и не хочет отстать от разврата, но еще надмился, гордится и делает рану неизлечимой; так оставим его и бросим. Ничего такого не сказал; напротив, по этому-то самому и показал особенную заботливость, что видел его повергшимся в ужасный разврат, и не переставал устрашать, грозить и наказывать, употреблять все меры и средства, и сам и через многих других, пока не привел его к сознанию греха, к ощущению беззакония, и не очистил совершенно от всякой скверны. Так сделай и ты; поревнуй тому евангельскому самарянину, который показал столько заботливости о раненом. Там шел мимо и левит, шел и фарисей; и ни тот, ни другой не наклонился к лежащему, но оба без жалости и сострадания оставили его и ушли. Некий же самарянин, несколько не близкий к нему, не прошел мимо, но, остановившись над ним, сжалился, и возлил на него масло и вино; посадил его на осла, привез в гостиницу, и одну часть денег отдал, а другую обещал за излечение совершенно чужого ему человека (Лук. 10:30-35). И не сказал сам себе: какая мне нужда заботиться о нем? Я самарянин, у меня нет ничего общего с ним; мы вдали от города, а он не может идти. Что, если он не в состоянии будет вынести дальности пути? Мне придется привести его мертвым, могут заподозрить меня в убийстве, обвинять в смерти его? Ведь многие, когда, идя по дороге, увидят раненых и едва дышащих людей, проходят мимо не потому, чтобы им тяжело было поднять (лежащих), или жалко было денег, но по страху, чтобы самих их не повлекли в суд, как виновных в убийстве. Но тот добрый и человеколюбивый (самарянин) ничего этого не побоялся, но, пренебрегши всем, посадил (раненого) на осла и привез в гостиницу; не страшился он ничего: ни опасности, ни траты денег, ни другого чего. Если же самарянин был так сострадателен и добр к незнакомому человеку, то мы чем извиним свое небрежение о наших братьях, подвергшихся гораздо большему бедствию? Ведь и эти (христиане), постившиеся ныне, впали в руки разбойников - иудеев, которые даже свирепее всех разбойников, и делают больше зла тем, кто им попался. Не одежду они разодрали у них, не тело изранили, как те (разбойники), но изъязвили душу, и, нанеся ей тысячу ран, ушли, а их оставили лежать во рве нечестия.

4. Не оставим же без внимания такое бедствие, не пройдем без жалости мимо столь жалкого зрелища, но, хотя бы другие так сделали, ты не делай так; не скажи сам себе: я человек мирской, имею жену и детей, это дело священников, дело монахов. Ведь самарянин тот не сказал: где теперь священники? Где теперь фарисеи? Где учителя иудейские? - Нет, он, как будто нашедши самую великую ловитву, так и схватился за добычу. И ты, когда увидишь, что кто-либо нуждается в лечении для тела или для души, не говори себе: почему не помог ему такой-то и такой-то? Нет, избавь (страждущего) от болезни, и не обвиняй других в беспечности. Если бы ты, скажи мне, нашел лежащее золото, то неужели сказал бы себе: почему такой-то и такой-то не подняли его? Напротив, не поспешишь ли унести его прежде других? Так рассуждай и на счет падших братьев, и попечение о них почитай находкой сокровища. Ибо, если ты на падшего возлиешь, как бы масло, слово учительное, если обвяжешь его кротостью, если исцелишь терпением; он обогатит тебя более всякого сокровища. "Если извлечешь", говорит Господь, "драгоценное из ничтожного, то будешь как Мои уста" (Иерем. 15:19). Что может сравниться с этим? Чего не может сделать ни пост, ни лежание на земле, ни всенощные бдения, ни другое что-либо, то делает спасение брата. Подумай, сколько раз согрешали уста твои, сколько произнесли срамных слов, сколько извергли богохульств, сколько ругательств; и все это ты можешь возместить попечением о падшем, потому что одним этим добрым делом можешь очистить всю эту скверну. И что говорю очистить? Ты сделаешь свои уста устами Божьими. Что может сравниться с этой честью? Не я обещаю это; сам Бог сказал, что если хоть одного кого изведешь, уста твои будут, как Его уста, чисты, святы. Итак, не вознерадим о братьях, и не будем, хотя везде, говорить о том, сколь многие постились, сколь многие обольщены; но лучше позаботимся о них. Хотя бы многие и постились, ты, возлюбленный, не разглашай и не выставляй на показ это несчастье церкви, но постарайся исправить его. И, если кто скажет, что постились многие, загради ему уста, чтобы этот слух не распространился; и скажи ему: я же никого не знаю; ты, друг, обманулся и говоришь неправду; увидел ты двух или трех обольстившихся, и говоришь, что их много. Так и разглашателю загради уста, да и обольщенных не оставь без внимания, чтобы церкви была великая польза и от того, что не распространяется этот слух, и от того, что и сами увлеченные (в синагоги) опять приходят к священному стаду. Не будем же, ходя повсюду, разглашать, кто согрешил; но постараемся о том, как бы только нам исправить согрешивших. Дурная, истинно дурная привычка - только поносить братьев, но не заботиться о них; только разглашать о страданиях больных, но не врачевать их. Искореним же, возлюбленные, эту дурную привычку; потому что она причиняет не малый вред, и вот именно как. Кто-нибудь услышал от тебя, что многие постились с иудеями и, ничего не разведав, передал эту весть другому; тот, опять не разведав ничего, пересказал об этом другому: таким образом, эта худая молва мало-помалу распространяется, и с тем вместе более и более бесславится церковь, а погибшим не бывает никакой пользы, напротив - еще (бывает) вред и им, и многим другим. Хотя бы их было и немного, но мы, множеством рассказов, умножаем их, и тех, которые еще стоят, ослабляем, а близких к падению толкаем. Брат, услышав, что многие постились, и сам будет беспечнее; равно и слабый, услышав о том же, побежит ко множеству падших. Итак, хотя бы было и много согрешивших, не станем злорадствовать этому несчастью так, чтобы разглашать о них и говорить, что их много; но будем удерживать от этого (и других) и заграждать им уста. Не говори мне, что многие постились, но исправь этих многих. Я не для того потратил столько слов, чтобы ты поносил многих, но чтобы многих-то сделал немногими или даже и этих самых немногих спас. Итак, не разглашай о грехах, но врачуй их. Разглашающие, и только этим одним занятые, делают то, что, хоть согрешивших и немного, однако же считается много: напротив, возбраняющие и заграждающие уста разглашателям, и притом пекущиеся о падших, хотя бы этих было и много, легко

исправляют и их самих, и никому другому не дают потерпеть вред от молвы об их падении. Не слышал ли ты, что говорил Давид, оплакивая Саула? "как пали сильные! Не рассказывайте в Гефе, не возвещайте на улицах Аскалона, чтобы не радовались дочери Филистимлян, чтобы не торжествовали дочери необрезанных" (2 Цар. 1:19-20). Если же Давид не хотел, чтобы разглашалось дело явное, дабы не радовались неприятели; тем более не должно доводить об этом (грехе христиан) до слуха не только чужих, но даже и наших, чтобы и враги, слыша о том, не радовались, и свои, узнавая, не падали; напротив, должно возбранять и всячески удерживать (от разглашения). Не говори мне: я сказал лишь такому-то; удержи слово у себя, потому что как ты не вытерпел смолчать, так и он не сдержит себя.

5. Говорю это не только о настоящем посте, но и о других бесчисленных грехах. Не на то только будем смотреть, многие ли увлеклись (к греху), но на то посмотрим, как бы отвести их (от греха). Не станем возвышать дела врагов и унижать наши; не будем выказывать врагов сильными, а свои дела слабыми: но поступим совершенно наоборот. Молва часто и подавляет и возбуждает душу; внушает ревность, которой дотоле не было, и погашает ту, которая была. Поэтому убеждаю распространять ту молву, которая возвышает наши дела и придает им важность, а не ту, которая покрывает бесславием общество братьев. Таким образом, если услышим что доброе, сообщим о нем всем; а если что худое и дурное, скроем это у себя и всячески постараемся искоренить. И теперь вот обойдем везде, разведем, посмотрим, кто пал; и, хотя бы надобно было войти в дом, не поленимся. Если же падший будет тебе незнакомый и совсем чужой человек, разведай и разузнай, кто ему друг и приятель, кому он больше всего доверяет, и, взяв этого человека, войди в дом; не стыдись, не красней. Если бы ты пришел просить денег и получить от него какой-нибудь подарок, тогда следовало бы стыдиться; но если ты идешь для его спасения, эта причина твоего прихода освобождает тебя от всех нареканий. Сядь же и поговори с ним, начав, впрочем, с другого чего-либо, чтобы не (вдруг) было приметно твое желание исправить его. Хвалишь ты, скажи мне, иудеев за то, что они распяли Христа, и теперь хулят Его, и называют беззаконником? Конечно, он не решится, если только он христианин, хотя бы и тысячу раз иудействовал, не решится сказать: хвалю; напротив, зажмет уши и скажет тебе: нет, друг, говори о чем-нибудь другом. Потом, как получишь его согласие, опять начни и скажи: как же ты общаешься с ними? Зачем участвуешь в их празднике? Зачем постишься вместе с ними? Затем, осуди их нечестие, укажи все беззаконие, которое я изложил вашей любви в предшествовавшие дни, и которое обличается и местом, и временем, и храмом, и предсказаниями пророков; покажи, что они напрасно и попусту все делают, никогда не получают прежнего (общественного) устройства, и что им не позволено совершать вне Иерусалима ничего такого. А сверх этого, напони о геенне, о страшном судилище Господнем, о тамошних истязаниях, и о том, что за все это мы дадим ответ, и отваживающихся на это ожидает немалое наказание. Напони и о Павле, который говорит: "оправдывающие себя законом, отпали от благодати" (Гал. 5:4), и опять угрожает: "если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа" (Гал. 5:2). Скажи еще, что, как обрезание, так и пост иудейский постящегося лишает небес, хотя бы у него была тысяча других добрых дел. Скажи, что мы для того и называемся христианами, чтобы нам повиноваться Христу, а не для того, чтобы бегать к этим врагам. Если же он укажет на какие-нибудь врачевания, и скажет тебе, что (иудеи) обещают вылечивать, и поэтому-то он и бегаёт к ним: раскрой их хитрости, чары, привески, снадобья. Они не иначе и вылечивают, как этим способом; впрочем, только кажется, что вылечивают, а на самом деле и не вылечивают, - совсем нет. Я пойду еще далее, и скажу вот что: если иудеи и точно вылечивают, то лучше умереть, нежели прибегнуть к врагам Божиим, и через них получить исцеление. Какая, в самом деле, польза вылечивать тело, когда гибнет душа? Какая выгода здесь (на земле) получить

некоторое облегчение, а там быть отосланным в огонь не угасающий? А чтобы не указывали на эти исцеления, послушай, что говорит Бог: "если восстанет среди тебя пророк, или сновидец, и представит тебе знамение или чудо, и сбудется то знамение или чудо, о котором он говорил тебе, и скажет притом: "пойдем вслед богов иных, которых ты не знаешь, и будем служить им", - то не слушай слов пророка сего, или сновидца сего; ибо [чрез] [сие] искушает вас Господь, Бог ваш, чтобы узнать, любите ли вы Господа, Бога вашего, от всего сердца вашего и от всей души вашей" (Второз. 13:1-3). Это значит: если какой пророк скажет: могу воскресить мертвеца, или исцелить слепого, только послушайте меня, и поклонимся демонам, или послужим идолам; затем, если бы даже говорящий это исцелил слепого, или воскресил мертвого, не слушай его и после этого. Почему? Потому что Бог, искушая тебя, попустил ему сделать это, не от того, чтобы сам Он не знал расположения души твоей, но для того, чтобы дать тебе случай доказать, точно ли ты любишь Бога. А любящему свойственно не оставлять любимого, хотя бы старающиеся отвлечь нас от него воскрешали и мертвых. Если же Бог так говорил иудеям, тем более - нам, которых Он привел к высшему любомудрию, которым отворил дверь воскресения, которым повелевает не привязываться к настоящему, но все надежды устремлять к жизни будущей.

б. Но что говоришь ты? Что тебя мучит и терзает болезнь телесная? Но ты еще не потерпел столько, сколько блаженный Иов, (не потерпел) даже и малейшей части (страданий) его. У него после того, как вдруг погибли стада овец и волов и все прочее (имущество), похищены были и все дети; и все это случилось в один день, чтобы не только свойством искушений, но и непрерывным следованием их подавить подвижника. А после всех этих потерь, он, получив неисцелимые язвы на теле, видел, как из тела его выползали черви, нагой сидел на куче навозной, и представлял для всех зрелище бедственности - он, "был человек этот непорочен, справедлив и богобоязнен и удалялся от зла" (Иов. 1:1). Но бедствия не остановились и на этом, нет; присовокупились болезни дневные и ночные, и мучил его какой-то странный и необыкновенный голод. "До чего не хотела коснуться душа моя, то составляет отвратительную пищу мою" (Иов. 6:7). Далее ежедневные поношения, ругательства, брань, смех. Слуги мои, говорил он, и "дети чрева моего" восстали на меня (19:16-18); потом ужасы в сонных видениях, какое-то непрерывное волнение в мыслях (Иов. 7:14). И от всех этих бедствий жена обещала ему избавление, говоря так: "похули Бога и умри" (Иов. 2:9), произнеси, то есть, хулу на Бога, и освободишься от тяготеющих над тобой бедствий. Что же? Этот совет поколебал ли святого мужа? Напротив, только более укрепил его, так что он еще укорил жену свою. Он хотел лучше скорбеть, бедствовать и терпеть бесчисленные несчастья, нежели богохульством приобрести избавление от столь многих бедствий. Так и находившийся в болезни тридцать восемь лет (расслабленный) ежегодно приходил к купели, и всякий раз уходил, не получив исцеления; видел ежегодно, что другие, имея много прислужников, исцелялись, а он постоянно оставался в расслаблении, за неимением, кто бы помог ему. И не смотря на это, он не прибег к волшебникам, не пошел к чародеям, не навязал на себя перевязок, но ожидал помощи от Бога; поэтому и получил, наконец, чудесное и необычайное исцеление (Иоан. 5:5-9). А Лазарь постоянно томился голодом, болезнью и одиночеством, не тридцать восемь только лет, но целую жизнь: так он умер, лежа у ворот богатого, терпя презрение и насмешки, терзаемый голодом, брошенный как бы на съедение псам, потому что тело его так расслабело, что он не мог отгонять и собак, которые прибегали и лизали гной на нем. И, однако, он не искал волхвователя, не обвешивал себя привесками, не прибегал к волшебству, не приглашал к себе чародеев и не делал вообще чего-либо запрещенного, но решился лучше умереть в этих бедствиях, нежели хоть сколько-нибудь изменить благочестию (Лук. 16:20-21). Чем же извинимся мы, если в то время как эти люди терпеливо перенесли столько несчастий, мы либо из-за лихорадки, либо из-за ран,

бежим в синагоги и приглашаем в свои дома чародеев и волшебников? Не слышал ли ты, что говорит Писание? "Сын мой! если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу твою к искушению: управь сердце твое и будь тверд, и не смущайся во время посещения; прилепись к Нему и не отступай, дабы возвеличиться тебе напоследок. Все, что ни приключится тебе, принимай охотно, и в превратностях твоего унижения будь долготерпелив, ибо золото испытывается в огне, а люди, угодные Богу, — в горниле унижения" (Сирах. 2:1-5). Если ты побьешь своего слугу, а он, получив тридцать или пятьдесят ударов, тотчас с воплем потребует освобождения, или оставит тебя, своего господина, и уйдет к другому кому-либо из числа твоих недругов, и этим раздражит (тебя): может ли он, скажи мне, получить прощение? Может ли кто заступиться за него? Никак. Почему же? Потому что господин имеет право наказывать слугу; да и не поэтому только, но и потому, что, если уже надобно было (слуге) прибегнуть (к кому-нибудь), так не к врагам, не к ненавистникам, но к искренним друзьям (господина). И ты, как увидишь, что Бог наказывает тебя, прибегай не к врагам Его - иудеям, чтобы не раздражить Его еще более, но к друзьям Его - мученикам, святым угодникам Его, которые имеют к Нему великое дерзновение. Но что говорить о слугах и господах? Сын не может сделать этого из-за побоев от отца, и отказаться от родства с ним. И естественные, и самими людьми установленные законы повелевают (сыну) благодушно переносить все: бьет ли его (отец), лишает ли стола, выгоняет ли из дому, наказывает ли каким бы то ни было образом; и если (сын) не покоряется и не сносит (наказания), его не прощает никто. Нет, сколько бы побитый сын ни жаловался, все говорят ему такие слова: "тебя побил отец и господин, который властен сделать все, что ему угодно; и должно (тебе) все переносить с кротостью". Так слуги переносят от господ и сыновья от отцов часто даже и тогда, как они наказывают их несправедливо; а ты не потерпишь наказания от Бога, Который и выше (всех) господ, и любит тебя больше (всех) отцов, Который все предпринимает и делает не по гневу, но для (твоей) пользы? Напротив, лишь случится какая-нибудь легкая болезнь, тотчас уклоняешься от Его владычества, бежишь к демонам, и спешишь в синагоги?! Можешь ли получить, наконец, прощение? Как будешь в состоянии опять призвать Его? Может ли кто и другой, хотя бы имел дерзновение Моисеево, попросить за тебя? Никто. Разве не слышишь, что Бог говорит Иеремии об иудеях? "Ты же не проси за этот народ и не возноси за них молитвы и прошения, и не ходатайствуй предо Мною, ибо Я не услышу" их (Иер. 7:16; 15:1). Так есть грехи, которые выше всякого прощения и не могут быть оставлены. Не будем же навлекать на себя столь великого гнева (Божия). Притом иудеи, хотя бы, по-видимому, и прекращали горячку (в теле) своими чарами, - на самом-то деле они не прекращают, - за то вводят в совесть другую жесточайшую горячку, так как мысль каждый день будет уязвлять тебя, совесть - мучить и говорить: "ты поступил нечестиво, совершил беззаконие, нарушил завет со Христом, из-за легкого недуга изменил благочестию. Разве ты один подвергся этому? Не гораздо ли более тебя потерпели другие? Однако же, никто из них не отважился на подобное (твоему) дело: а ты, слабый и изнеженный, сгубил душу свою. Как ответишь Христу? Как призовешь Его в молитвах? С какой совестью, наконец, войдешь в церковь? Какими глазами будешь смотреть на священника? Какой рукой прикоснешься к священной трапезе? Какими ушами станешь слушать читаемое там Писание"?

7. Вот что будет ежедневно говорить тебе терзающая мысль и мучающая совесть. Какое же это здоровье, когда внутри у нас столько обвинителей? Но если потерпишь немного, если отвергнешь и с великим бесчестием выведешь из своего дома тех, кто захотел бы или наговорить тебе какое-либо чарование, или обвязать тело какой-либо перевязкой: сейчас получишь росу (успокоения) от совести. Пусть горячка жжет, сколько угодно: твоя душа доставит тебе прохладу лучше и спасительнее всякой росы, всякой влаги. Как по принятии волшебного снадобья ты, если и выздоровеешь, будешь чувствовать себя хуже больных

горячкой, от мысли о грехе; так и теперь, отвергши тех нечестивцев, хоть и будешь страдать горячкой и терпеть множество бедствий, почувствуешь себя лучше всякого здорового, от того, что мысль твоя будет светла, душа весела и радостна, совесть станет тебя хвалить, одобрять, и говорить: "хорошо, хорошо, друг мой, раб Христов, верный муж, подвижник благочестия, готовый лучше умереть бедственно, нежели изменить вверенному (тебе) благочестию; в тот день (суда) ты станешь с мучениками". Они порешили терпеть бичевания и пытки, чтобы получить честь (от Бога): и ты сегодня порешил терпеть удары и муки от горячки и ран, только бы не принять нечестивых чарований и перевязок; и, питаемый этими надеждами (на вечные награды), ты не будешь и чувствовать тяжких болезней. Если не унесет тебя эта горячка, то унесет, конечно, другая; если не умрем теперь, умрем после. Тленное получили мы тело, не для того, чтобы из-за его болезней увлекаться к нечестию, а для того, чтобы его болезнями утверждаться в благочестии. Самая тленность и смертность тела послужит нам, если только будем благоразумны, основанием славы и доставит в день (судный) великое дерзновение, и не только в тот день, но и в настоящей жизни. Ибо, когда ты выгонишь волшебников из дому с великим бесчестьем, все, услышав об этом, похвалят тебя, подивятся, и скажут друг другу: такой-то, в болезни и недуге, хотя некоторые просили его, убеждали и уговаривали воспользоваться какими-то волшебными снадобьями, не принял их, но сказал: лучше умереть так, чем изменить благочестию. Затем последуют многие рукоплескания от слушателей, которые все будут изумляться, прославлять Бога. А это скольких статуй будет для тебя почетнее, скольких картин славнее, какой чести знаменитее? Все (и тебя) похвалят, ублажат и увенчают; и сами будут лучше, поревнуют и станут подражать твоему мужеству. Если и другой сделает то же (что ты), награду получишь именно ты, как сделавший почин к этой ревности. Впрочем, последствием твоего доброго дела будут не одни только похвалы, но и самое скорое прекращение болезни, потому что и самая доблестная решимость твоя подвигнет Бога к большому благоволению, и все святые будут сорадоваться твоему усердию и из глубины сердца молиться о тебе. Если же здесь такие награды за это мужество, то подумай, сколько венцов получишь там, когда Христос, в присутствии всех ангелов и архангелов, придет и, взяв тебя за руку, выведет на середину того зрелища, и в слух всем скажет: "этот человек, объятый некогда огневицей, когда весьма многие убеждали его излечиться от болезни, ради Моего имени и страха, чтобы не оскорбить Меня как-нибудь, отверг и презрел обещавших вылечить его (волшебными) средствами, и порешил лучше умереть от болезни, нежели изменить любви ко Мне". В самом деле, если (Христос) выводит на среду (прославляет) тех, которые напоили Его, одели и напитали, тем более тех, которые ради Его порешили потерпеть мучения огневицы. Не все равно, дать ли хлеб и одежду, или вытерпеть продолжительную болезнь; нет, последнее гораздо труднее первого. А чем больше труд, тем блистательнее будет и венец. Об этом-то будем и сами размышлять, и здоровые и больные, и с другими говорить; и как увидим себя когда-либо в тяжелой горячке, скажем себе вот что: "а что, если бы кто взвел на нас обвинение, затем повлекли бы нас в суд, а там схватили бы и начали бить по бокам, не пришлось ли бы нам, и по неволе, вытерпеть все, и притом без всякой пользы и награды?" Так будем рассуждать и теперь; будем притом представлять себе и награду за терпение, которая может ободрить и впавшую (в уныние) душу. Но если горячка жестока? Так сопоставь с этой горячкой огонь геенский, которого ты наверно избежнешь, если порешишь терпеливо вынести эту болезнь. Вспомни об апостолах, сколько они страдали; вспомни о праведниках, как они постоянно были в скорбях. Вспомни о блаженном Тимофее, - он никогда не имел покоя от болезни, но жил в постоянном недуге. На это-то указывая, Павел говорил: "употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов" (1 Тим. 5:23). Если же такой праведник и святой, которому вверено было управление вселенной, который воскрешал мертвых, изгонял демонов и исцелял других от

бесчисленных болезней, если он страдал так тяжело; то какое извинение будешь иметь ты, который и в кратковременных болезнях смущаешься и ропщешь? Не слышал ли ты, как Писание говорит, что "кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает" (Евр. 12:6)? Как многие и сколько раз хотели получить мученический венец? Вот это (терпение в болезни) настоящий мученический венец! Мучеником бывает не тот только, кто, получив повеление (от мучителя) привести жертву (языческим богам), порешил лучше умереть, чем принести эту жертву; нет, мученичество, очевидно, есть и то, когда человек вообще соблюдает (ради Христа) что-либо такое, чем может навлечь на себя смерть.

8. А чтобы увериться тебе, что это точно так, вспомни, как умер Иоанн (Креститель), отчего и почему, - и как Авель. Ни тот, ни другой, из них не видел ни горящего жертвенника (идольского), ни стоящего идола, и не был принуждаем принести жертву демонам; но одному отсекали голову за то только, что обличил Ирода, а другой убит за то, что принес Богу лучшую жертву, нежели брат его. Ужели же они не получили мученических венцов? Кто осмелится сказать это? Самый род смерти их может удостоверить всех, что они стоят в лике первых мучеников. Если же ты хочешь видеть и Божье о том определение, послушай, что говорит Павел; а что вещает он, то, очевидно, есть (вещание) Духа: "а думаю", говорит он о себе, "и я имею Духа Божия" (1 Кор. 7:40). Что же говорит Павел? - Начав с Авеля, и сказав, что он "верой Авель принес Богу жертву лучшую, нежели Каин, ею он и по смерти говорит еще" (Евр. 11:4), затем перешедши к пророкам, дошедши до Иоанна, и сказав: "умирали от меча, терпя недостатки" (Евр. 11:37), и упомянув о множестве различных смертей, Павел заключил так: "имея вокруг себя такое облако свидетелей, свергнем с себя всякое бремя и запинаящий нас грех и с терпением будем проходить предлежащее нам поприще" (Евр. 12:1). Видишь, что он мучениками назвал и Авеля, и Ноя, и Авраама, и Исаака, и Иакова. Ибо и они так же умерли ради Бога, как и Павел говорит о себе: "я каждый день умираю" (1 Кор. 15:31), хотя он не умер на самом деле, но только готовностью (умереть) терпел смерть. Так и ты, если отвергнешь волхования, чары и ворожбы, и умрешь от болезни, будешь совершенный мученик, потому что, когда обещали тебе выздоровление посредством нечестия, ты порешил лучше умереть с благочестием. Это сказано нами к тем, которые хвалятся и говорят, что демоны исцеляют. А чтобы тебе увериться, что и это неправда, послушай, что Христос говорит о дьяволе: "он был человекоубийца от начала" (Иоан. 8:44). Бог говорит: "човекоубийца", а ты бежишь, как к врачу? Какой же, скажи мне, дашь ответ на обвинение в том, что обманам этих людей веришь более, нежели изречению Христа? Если Бог говорит, что (дьявол) человекоубийца, а эти люди, вопреки Божьему решению, говорят, что он может врачевать болезни, и ты принимаешь их чары и волшебные лекарства, то таким поступком своим ты показываешь, что им веришь более, нежели Христу, хотя и не высказываешь этого словами. А если дьявол - человекоубийца, то, очевидно, таковы же и служители его - демоны. Это Христос показал тебе на самом деле: когда Он позволил им войти в свиное стадо, они все это стадо потопили в море (Лук. 8:33), дабы ты знал, что они то же сделали бы и с людьми, и тотчас погубили бы их, если бы Бог позволил им. Но вот Он удержал и обуздал их, и не позволил им делать что-либо такое: это и доказали они, когда получили власть над свиньями. Ибо, если они не пощадили свиней, тем более не пощадили бы нас. Итак, возлюбленный, не увлекайся их обольщениями, но будь тверд в страхе Божьем. Как войдешь ты в синагогу? Если запечатлеешь лицо свое (крестным знаменем), тотчас убежит вся вражеская сила, обитающая в синагоге; а если не запечатлеешь, то уже при самом входе ты бросишь свое оружие, и тогда дьявол, нашедши тебя беззащитным и безоружным, причинит тебе множество зла. Но к чему нам говорить об этом? Что и сам ты считаешь величайшим грехом идти в нечистое то место (синагогу), это видно из того, как ты отправляешься туда.

Ты стараешься уйти туда тайно, и слугам, и друзьям, и соседям запрещаешь доносить на тебя священникам; а если кто донесет, сердисься. Как же безумно - от людей стараться укрыться, а пред очами Бога вездесущего, совершать без стыда, такое беззаконие? Но ты не боишься Бога? Так постыдись хоть самих иудеев. Какими глазами станешь смотреть на них? Каким языком будешь говорить с ними, когда, исповедуя себя христианином, бежишь в их синагоги и просишь у них помощи? Или не думаешь, какой они поднимают над тобою смех, какие ругательства, какое поношение, какой срам, какой позор, если и не явно, так в совести своей?

9. Можно ли, скажи мне, терпеть, можно ли сносить это? Если бы надлежало тысячу раз умереть, если бы надлежало вытерпеть самые тяжкие страдания: не лучше ли было бы перенести все эти страдания, нежели сделаться предметом насмешек и поруганий для этих нечестивцев, и жить с нечистой совестью? Говорю это не для того, чтобы вы только слушали, но чтобы врачевали болящих этим недугом. Как их укоряем мы в том, что они немощны в вере, так укоряем и вас в том, что не хотите исправлять немощных. Разве в том дело, возлюбленный, чтобы ты, вышедши сюда, выслушал поучение? Это-то и служит к осуждению, когда со слушанием поучений не соединяется самое дело. Ты христианин для того, чтобы подражал Христу и повиновался Его законом. Что же Он делал? Не сидел в Иерусалиме и не призывал больных к Себе, но ходил по городам и селениям, врачую болезни - и телесные и душевные. Мог, конечно, Он, находясь в одном месте, привлечь к себе всех: однако же, не делал этого, подавая нам пример, как (следует) ходить везде и искать погибающих. На это же самое указал Он и притчею о пастыре. И этот не сел при девяносто девяти овцах, и не стал выжидать, пока заблудшая придет к нему; нет, он сам пошел, нашел ее, и нашедши, положил на плеча свои, и принес (Лук. 15:4-6). Не видишь ли, что и врачи поступают точно так же? Они не требуют, чтобы больные, лежащие на постелях, приносимы были в их дома, но сами приходят к ним. Так поступи и ты, возлюбленный, зная, что настоящая жизнь кратка, и что, если мы (здесь) не соберем таких приобретений, там никак не получим спасения. Часто приобретение и одной души может уничтожить бремя бесчисленных грехов, и сделаться для нас выкупом в день (судный). Подумай, для чего посылались так часто пророки, для чего - апостолы, для чего - праведники, для чего - ангелы? Для чего пришел Сам Единородный Сын Божий? Не для того ли, чтобы спасти людей? Не для того ли, чтобы заблудших возвратить на путь? Это сделай и ты по силе своей, покажи все старание и заботливость о возвращении заблудших на путь (истины). К этому постоянно убеждаю вас в каждое собрание, и будете ли вы внимать, или не будете, я не перестану говорить. Нам постановлено от Бога законом исполнять это служение, будет ли кто слушать, или не будет. Только, если вы станете слушать и исполнять слова наши, мы будем делать это с великим удовольствием; если же будете небрежны и беспечны, - с великой скорбью. Ибо нам-то, конечно, не будет никакого вреда от вашего непослушания, потому что мы исполнили свой долг; однако же, хоть мы сами и безопасны, исполнив свой долг, но скорбим, что вы будете обвинены в тот день. Да, слушание (поучений) будет не безопасно для вас, если оно не будет сопровождаться делами. Послушай, как Христос, осуждая учителей за сокрытие слова, в то же время угрожает и поучаемым. Сказав: "надлежало тебе отдать серебро мое торгующим", и присовокупив: "и я, придя, получил бы мое с прибылью" (Матф. 25:27), этим Он показал, что принявшие наставление, по выслушивании его (это-то и есть отдача серебра), должны приносить прибыль. А прибыль учения состоит не в другом чем, как в делах. Итак, поскольку и мы передали серебро (учения) слуху вашему, то необходимо уже, чтобы вы представили Господу прибыль, то есть, спасение ваших братьев. Поэтому, если вы только удержите в себе эти слова мои, и не сделаете ничего сами, я боюсь, чтобы вам не быть осужденными подобно закопавшему талант. Ибо и он связан был по рукам и ногам, и выброшен во тьму кромешную (Матф. 25:30) за то, что не передал другим, что

сам слышал. Итак, чтобы и нам не подвергнуться той же участи, будем подражать получившим пять и два таланта; и нужно ли будет для спасения ближнего употребить слово, или деньги, или телесный труд, или другое что-либо, не поленимся, дабы, всячески умножив данный нам от Бога талант, каждый в своей мере, могли мы услышать этот блаженный голос: "хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего" (Матф. 25:21). Ее-то да сподобимся мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым слава и держава Отцу, вместе со Святым Духом, во веки веков. Аминь.

СЛОВО О ПРОКЛЯТИИ

Предлагаемое Слово составлено св. Иоанном Златоустым по поводу образовавшихся в Антиохии отдельных обществ, из которых одно состояло из преданных епископу Мелетию (мелетиан), другое - из признававших своим епископом Павлина (павлиниан), третье - из ариан с епископом Евзовием, и четвертое - из приверженцев не православного Аполлинария Лаодикийского. Так как во взаимных пререканиях иногда одни из них позволяли себе проклинать других, то для прекращения соблазна в местной церкви святитель Иоанн вскоре по рукоположении своем во пресвитера в 386 году и произнес это Слово, которого полное заглавие следующее: "о том, что не должно проклинать ни живых ни умерших".

Связь этого слова с беседами против аномеев. - После опровержения еретиков проповедник обращается к тем из своих слушателей, которые по избытку ложной ревности проклинали еретиков, не имея права на то. - Проклинающие грешат против человеколюбия. - Любовь Иисуса Христа ко всем людям. - Пример ап. Павла. - Его мягкость и умеренность. - Не должно проклинать ни живых, ни мертвых, потому что суд над ними принадлежит уже Богу.

Прежде беседуя с вами о познании непостижимого Бога и предложив много собеседований об этом [1], я доказывал как словами Писания, так и рассуждениями естественного разума, что совершенное познание Божества недоступно и для самых невидимых сил, - для тех сил, которые ведут невещественную и блаженную жизнь, и что мы, живущие во всегдашней беспечности и рассеянности и преданные всяким порокам, (напрасно) усиливаемся постигнуть то, что неведомо и для невидимых существ; мы впали в этот грех, руководствуясь в таких рассуждениях соображениями собственного разума и суетной славой перед слушателями, не определяя благоразумием границ своей природы и не следуя божественному Писанию и отцам, но увлекаясь, как бурным потоком, неистовством своего предубеждения. Теперь же, предложив вам надлежащую беседу о проклятии и показав важность этого зла, считаемого ничтожным, я через это загражу необузданные уста и открою вам недуг тех, которые употребляют проклятие, как случится. У нас дошло дело до такого бедственного состояния, что, находясь в крайней опасности, мы не сознаем этого, и не преодолеваем гнуснейших из страстей, так что на нас исполнилось пророческое изречение: "неочищенные и не обвязанные и не смягченные елеем" (Иса. 1:6). С чего же я начну говорить об этом зле? С постановлений ли заповедей Господних, или с вашей неразумной невнимательности и бесчувственности? Но, когда буду говорить об этом, не станут ли некоторые смеяться надо мной, и не покажусь ли я исступленным? Не возопиют ли против меня, что я намереваюсь беседовать о таком прискорбном и достойном слез предмете? Что же мне делать? Я скорблю и сокрушаюсь

душой и терзаюсь внутренне, видя такую бесчувственность, когда наши дела превзошли преступления иудеев и нечестие язычников. Я встречаю на дороге людей, не имеющих ума, научившегося божественному Писанию, и даже вовсе ничего не знающих из Писания, и с великим стыдом молчу, видя, как они беснуются и пустословят, "не разумея ни того, о чем говорят, ни того, что утверждают" (1 Тим. 1:7), невежественно дерзают преподавать одно только свое учение и проклинать то, чего не знают, так что и чуждые нашей вере смеются над нами, - людей, не заботящихся о доброй жизни, ни научившихся делать добрые дела.

2. Увы, какие бедствия! Увы мне! Сколько праведников и пророков "желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали" (Матф. 13:17); а мы обращаем это в шутку! Вникните в эти слова, увещаю вас, дабы нам не погибнуть. Ибо, если через ангелов возвещенное учение было твердым, и всякое преступление и преслушание получало справедливое наказание, то, как мы избежим его, не радея о таком спасении? Какая, скажи, цель евангелия благодати? Для чего совершилось явление Сына Божия во плоти? Для того ли, чтобы мы терзали и снедали друг друга? Заповеди Христовы, которые во всем совершеннее повелений закона, особенно требуют от нас любви. В законе говорится: "люби ближнего твоего, как самого себя" (Лев. 19:18); а в новом завете повелевается и умирать за ближнего. Послушай, что говорит сам Христос: "некоторый человек шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставив его едва живым. По случаю один священник шел тою дорогою и, увидев его, прошел мимо. Также и левит, быв на том месте, подошел, посмотрел и прошел мимо. Самарянин же некто, проезжая, нашел на него и, увидев его, сжалился, и подойдя, перевязал ему раны, возливая масло и вино; и, посадив его на своего осла, привез его в гостиницу и позаботился о нем. а на другой день, отъезжая, вынул два динария, дал содержателю гостиницы и сказал ему: позаботься о нем; и если издержишь что более, я, когда возвращусь, отдам тебе. Кто из этих троих, думаешь ты, был ближний попавшемуся разбойникам? Он сказал: оказавший ему милость. Тогда Иисус сказал ему: иди, и ты поступай так же" (Лук. 10:30-37). О чудо! Не священника, не левита назвал Он ближним, но того, кто, по учению, был отвержен от иудеев, т. е. самарянина, чуждого, во многом богохульствовавшего, этого одного Он назвал ближним, потому что он оказался милостивым. Таковы слова Сына Божия; то же показал Он и делами Своими, когда пришел в мир и принял смерть не за друзей только и близких к Себе, но и за врагов, за мучителей, за обманщиков, за ненавидевших, за распявших Его, о которых Он прежде сотворения мира знал, что они будут такими, и которых предвидя сотворил, победив предвидение благостью, и за них Он пролил собственную кровь, за них принял смерть. "Хлеб же", говорит Он "есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира" (Иоан. 6:51). И Павел говорит в послании: "будучи врагами, мы примирились с Богом смертью Сына Его" (Римл. 5:10); также и в послании к Евреям говорит, что Он "вкусил смерть за всех" (Евр. 2:9). Если же сам Он так поступал, и Церковь следует этому образцу, каждый день совершая молитвы за всех, то как ты осмеливаешься говорить свое? Ибо, скажи мне, что значит то, что ты называешь проклятием (анафема)? Вникни в это слово, рассуди, что ты говоришь; понимаешь ли ты силу его? В богодухновенном Писании найдешь это слово произнесенным об Иерихоне: "город будет под заклятием, и все, что в нем, Господу" (Иис. Нав. 6:16). И у нас до настоящего дня господствует всеобщий обычай говорить: такой-то, совершив это, сделал приношение (анафема) такому-то месту. Итак, что значит слово: анафема? Оно говорится и о каком-либо добром деле, означая посвящение Богу. А изрекаемое тобою "анафема" не то ли значит, чтобы такой-то был предан дьяволу, не имел участия в спасении, был отвержен от Христа?

3. Но кто ты, присваивающий себе такую власть и великую силу? "Тогда сядет" Сын Божий, "и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов - по левую" (Матф. 25:31,33). Почему же ты присваиваешь себе такую честь, которой удостоен только сонм апостолов и истинные и во всем точные их преемники, исполненные благодати и силы? И они, строго соблюдая заповедь, отлучали еретика от церкви, как бы исторгая этим у себя правый глаз, чем доказывается их великое сострадание и соболезнование, как бы при отнятии поврежденного члена. Посему и Христос назвал это исторжением правого глаза (Матф. 5:29), выражая сожаление отлучающих. Поэтому они, будучи строго исполнительными как во всем другом, так и в этом деле, обличали и отвергали ереси, но никого из еретиков не подвергали проклятию. И апостол, как видно, по нужде в двух только местах употребил это слово, впрочем, не относя его к известному лицу; именно в послании к Коринфянам он сказал: "кто не любит Господа Иисуса Христа, анафема, маранафа" (1 Кор. 16:22); и еще: "кто благовествует вам не то, что вы приняли, да будет анафема" (Гал. 1:9). Почему же, тогда как никто из получивших власть не делал этого или не смел произносить такого приговора, ты осмеливаешься делать это, поступая вопреки (цели) смерти Господней, и предупреждаешь суд Царя? Хотите ли знать, что сказал один святой муж, бывший прежде нас преемником апостолов и удостоившийся мученичества? Объясняя тяжесть этого слова, он употребил такое сравнение: как облекший себя в царскую багряницу простолюдин - и сам и его сообщники предаются смерти, как тираны; так, говорит он, и злоупотребляющие определением Господним и предающие человека церковной анафеме подвергают себя совершенной гибели, присваивая себе достоинство Сына Божия [2]. Или вы считаете маловажным - прежде времени и Судии произнести на кого-нибудь такое осуждение? Ибо анафема совершенно отлучает от Христа. Но что говорят люди, способные на всякое зло? Он еретик, говорят они, имеет в себе дьявола, произносит хулу на Бога и своими убеждениями и суетной лестью ввергает многих в бездну гибели; посему он отвержен отцами, особенно учитель его, произведший разделение в церкви, - разумея Павлина или Аполлинария. Различия между тем и другим они по большей части не касаются, ловко избегая нового разделения и служа доказательством того, что заблуждение усилилось в недрах грубейшего предубеждения. Но ты поучай, "с кротостью наставлять противников, не даст ли им Бог покаяния к познанию истины, чтобы они освободились от сети дьявола, который уловил их в свою волю" (2 Тим. 2:25-26). Прости сеть любви, не для того, чтобы хромлющий погиб, но лучше, чтобы он исцелился; покажи, что ты по великому добродушию хочешь собственное благо сделать общим; закинь приятную уду сострадания, и, таким образом, раскрыв сокровенное, извлеки из бездны гибели погрязшего в ней умом. Научи, что принимаемое по пристрастию или по неведению за хорошее - несогласно с преданием апостольским, и если человек заблуждающийся примет это наставление, то, по изречению пророка, он "то и он жив будет, потому что был вразумлен, и ты спас душу твою" (Иез. 3:21); если же он не захочет и останется упорным, то, дабы тебе не оказаться виновным, засвидетельствуй только об этом с долготерпением и кротостью, чтобы Судия не взыскал души его от руки твоей, - без ненависти, без отвращения, без преследования, но оказывая искреннюю и истинную любовь к нему. Ее ты приобретаешь и, хотя бы ты не получил никакой другой пользы, это - великая польза, это - великое приобретение, чтобы любить и доказать, что ты - ученик Христов. "По тому", говорит Господь, "узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собой" (Иоан. 13:35), а без нее ни познание тайн Божьих, ни вера, ни пророчество, ни нестяжательность, ни мученичество за Христа не принесут пользы, как объявил апостол: "если", говорит он, "имею [дар] пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что [могу] и горы переставлять, а не имею любви, нет мне в том никакой пользы: Если я говорю языками ангельскими, и если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, то я ничто: Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не

превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит" (1 Кор. 13:1-7).

4. Никто из вас, возлюбленные, не показал такой любви к Христу, как эта святая душа (Павла); никто из людей, кроме его, не осмелился произнести таких слов. Сама душа его горела, когда он говорил: "восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых" (Кол. 1:24); и еще: "я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти" (Римл. 9:3); и еще: "кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал" (2 Кор. 11:29)? И, однако, имея такую любовь к Христу, он никого не подвергал ни обиде, ни принуждению, ни анафеме: иначе он не привлек бы к Богу столько народов и целых городов; но, подвергаясь сам унижению, бичеванию, заушению, посмеянию от всех, он делал все это, оказывая снисхождение, убеждая, умоляя. Так, прибыв к афинянам и нашедши всех их преданными идолопоклонству, он не стал укорять их и говорить: безбожники вы и совершенные нечестивцы; не сказал: вы все почитаете за Бога, одного только Бога отвергаете, Владыку и Творца всех. Но что? "Проходя", говорит он, "и, осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано "неведомому Богу". Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам" (Деян. 17:23). О, дивное дело! О, отеческое сердце! Он назвал богочтительными еллинов - идолопоклонников, нечестивых. Почему? Потому, что они, подобно благочестивым, совершали свое богослужение, думая, что они чтут Бога, быв сами уверены в этом. Подражать этому увещаваю всех вас, а вместе с вами и самого себя. Если Господь, предвидящий расположение каждого и знающий, каков будет каждый из нас, сотворил этот (мир) для того, чтобы вполне показать дары и щедрость Свою, и, хотя сотворил не для злых, но удостоил и их общих благ, желая, чтобы все подражали Ему; то как ты делаешь противное, ты, который приходишь в церковь и приносишь жертву Сына Божия? Разве вы не знаете, что Он "трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит" (Иса. 42:3)? Что это значит? Послушай: Иуду и подобных ему падших Он не отверг, доколе каждый не увлек сам себя, предавшись заблуждению. Не за неведение ли народа мы приносим моления? Не за врагов ли, ненавидящих и гонящих, нам заповедано молиться? Вот мы и совершаем это служение, и увещаваем вас: рукоположение не к властолюбию ведет, не к высокомерию располагает, не господство предоставляет; все мы получили одного и того же Духа, все признаны к усыновлению: кого Отец избрал, тех Он сподобил с властью служить братьям своим. Итак, исполняя это служение, мы увещаваем вас и заклинаем отстать от такого зла. Ибо тот, кого ты решился предать анафеме, или живет и существует еще в этой смертной жизни, или уже умер. Если он существует, то ты поступаешь нечестиво, отлучая того, кто еще находится в неопределенном состоянии и может обратиться от зла к добру: а если он умер, то - тем более. Почему? Потому, что он "перед своим Господом стоит, или падает" (Римл. 14:4), не находясь более под властью человеческой. Притом опасно произносить суд свой о том, что сокрыто у Судии веков, который один знает и меру ведения и степень веры. Почему мы знаем, скажи мне, прошу тебя, за какие слова он подпадет обвинению или как оправдает себя в тот день, когда Бог будет судить сокровенные дела людей. Поистине "как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его: кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему?" (Римл. 11:33-34; Иса. 40:13)? Неужели никто из нас, возлюбленные, не думает, что мы сподобились крещения, и никто не знает, что будет некогда суд? Что я говорю: суд? О самой смерти и исходе из тела мы не помышляем от ослепившей нас привязанности к предметам житейским. Отстаньте, увещаваю вас, от такого зла. Вот я говорю и свидетельствую перед Богом и избранными ангелами, что в день суда оно будет причиною великого бедствия и невыносимого огня. Если в притче о девах людей, имевших светлую веру и чистую жизнь, Господь всех, видевший дела их, отверг от чертога за недостаток милосердия (Матф. 25:11); то, как мы, живущие в

совершенной беспечности и немилосердно поступающие с единоплеменниками своими, удостоимся спасения? Посему увещаю вас, не оставляйте без внимания этих слов. Еретические учения, несогласные с принятым нами, должно проклинать и нечестивые догматы обличать, но людей нужно всячески щадить и молиться об их спасении. О, если бы все мы, питая любовь к Богу и ближнему и исполняя заповеди Господни, удостоились встретить небесного Жениха с елеем и горящими светильниками в день воскресения, и представить Ему многих, обязанных славой нашему состраданию, благодатью и человеколюбием Единородного Сына Божия, с Которым Отцу, вместе со Святым Духом, слава ныне и всегда и во веки. Аминь.

[1] Разумеются Слова против аномеев.

[2] Подобные мысли находятся в послании св. Игнатия Богоносца к Смирнянам, отд. 4-6.

СЛОВО НА НОВЫЙ ГОД.

Это слово сказано святителем Иоанном Златоустом в Антиохии 1-го января 387 года по Р. Х., как с вероятностью можно заключать из самого его содержания, и потому помещается между его словами, произнесенными в 386 и 387 годах. Полное его заглавие следующее: "Слово в Календы, в отсутствии епископа антиохийского Флавиана, сказано против наблюдающих новомесечия и совершающих ликования в городе, и на слова апостола: "все делайте в славу Божию" (1Кор. 10:31).

Сожаление об отсутствии епископа (Флавиана). - Намерение проповедника продолжать похвалу ап. Павлу, начатую за несколько дней раньше, но обстоятельства заставили его изменить предмет речи и заняться обличением безумств, происходивших в городе Антиохии. - Обличение языческих суеверий. - Заблуждение тех, которые думают, что для того, чтобы весело и счастливо провести наступающий год, необходимо весело и счастливо провести первый день его. - Истинное средство быть счастливым в течение всего года состоит в том, чтобы и начать, и проводить его в страхе Божиим и в соблюдении Его заповедей. - Дни не разделяются на счастливые и несчастные. - Кто имеет чистую совесть - всегда счастлив, а чья совесть обременена грехами - всегда несчастлив, что бы он ни делал. - Изъяснение изречения ап. Павла: "аще убо ясте, аще ли пиете, вся во славу Божию творите".

Как для хора нужен начальник и для общества мореплавателей кормчий, так и сонм священников желал бы сегодня быть вместе с своим архиереем и общим отцом. Но в хоре и на корабле за отсутствием начальников часто многого недостает для порядка и безопасности; а здесь не так; потому что, хотя (епископ) не присутствует здесь телом, но присутствует духом; и ныне он с нами, хотя сидит дома, равно как и мы с ним, хотя стоим здесь. Сила любви такова, что она обыкновенно совокупляет и соединяет находящихся на далеком расстоянии друг от друга. Того, кого любим, мы представляем себе каждый день, хотя бы он жил на чужбине и был отделен от нас обширными морями; равно как того, кто нам не нравится, хотя бы он находился близ нас, часто как бы совсем не видим. Так, где есть любовь, там расстояние места несколько не вредит; а где нет ее, там нет никакой пользы от близости мест. Недавно, когда я говорил в похвалу блаженного Павла, вы были в таком восторге, как бы видели его самого присутствовавшим с нами, хотя тело его лежит

в царственном городе Риме, а душа в руке Божией; "души праведных в руке Божией, и мучение не коснется их" (Прем. 3:1); однако сила любви представляла его пред вашими глазами. Хотел бы я и сегодня заняться тем же предметом, но слово мое стремится к другим неотложным предметам, к сегодняшним погрешностям всего города. Желающим слышать похвалы Павлу наперед должно сделаться подражателями добродетелей Павла и достойными слышать о них. Итак, хотя нет с нами нашего отца, но ободряясь его молитвами, я предложу вам поучение. Так и Моисей, хотя телом не находился вместе с сражавшимися (израильтянами), но не менее, а гораздо более сражавшихся способствовал победе, простертием рук подкрепляя своих и приводя в трепет противников (см. Исх. 17). Как сила любви не останавливается расстоянием мест, так и действие молитвы; но как любовь соединяет разлученных друг от друга, так и молитва может принести величайшую пользу находящимся вдали друг от друга. Итак, смело вступим в борьбу; ибо и нам теперь предстоит борьба не с амаликитянами, нападшими, как в то время, и не с другими какими-либо варварами, сделавшими набег, но с демонами, которые ходят торжественно по площади. Происходящие сегодня дьявольские всеночные гулянья, шутки, бранные крики, ночные пляски и смешные забавы хуже всякого неприятеля пленили наш город; и тогда, как должно было бы сокрушаться, плакать, стыдиться, как согрешившим, так и несогрешившим, одним смотря на свои грехи, а другим смотря на бесчиние братий, наш город веселится, красуется и увенчивается; площадь, как любящая наряды и роскошная женщина, сегодня заботливо украшается, облакаясь в золотые и драгоценные одежды, обувь и прочее тому подобное; всякий мастеровой, выставляя на показ свои работы, старается перещеголять своего товарища. Такое соревнование, хотя показывает ребяческий ум и душу неспособную к великим и возвышенным помыслам, но не слишком большой влечет за собою вред: есть только какое-то безрассудное рвение, навлекающее на соревнователей осмеяние. Если ты хочешь украшать, то украшай не мастерскую, но твою душу, - не площадь, но ум, чтобы ангелы дивились, и архангелы одобряли твое дело, и Владыка ангелов наградил тебя Своими дарами, а хвастовство совершающееся ныне, возбуждает и смех и зависть, - смех в тех, которые мыслят несколько выше, а зависть и великую ненависть в тех, которые подвержены тем же болезням.

2. Но, как я выше сказал, такое соревнование заслуживает небольшого порицания; а более всего прискорбны состязания, которые происходят сегодня в гостиницах и преисполнены распутства и великого нечестия: нечестия потому, что занимающиеся ими замечают дни, гадают и думают, что если первый день этого месяца они проведут в удовольствии и веселии, то и во весь год будет то же; а распутства потому, что на самом рассвете и женщины и мужчины, наполнив стаканы и чаши вином, напиваются с великою неумеренностью. Это несообразно с нашим любомудрием, сами ли вы делаете это, или позволяете делать другим, слугам, или друзьям, или соседям. Неужели ты не слышал слов Павла: "наблюдаете дни, месяцы, времена и годы. Боюсь за вас, не напрасно ли я трудился у вас" (Гал. 4:10-11)? Крайне безумно по одному счастливому дню ожидать того же на весь год; и не только от безумия, но и от дьявольского влияния происходит та мысль, будто в делах вашей жизни надобно полагаться не на собственную ревность и деятельность, а на дневные обращения времени. Счастлив для тебя будет год во всем не тогда, как ты будешь пьянствовать в первый день, но если и в первый и в каждый день будешь делать угодное Богу. День бывает худ или хорош не по своей природе, - потому что день ото дня ничем не разнится, но - по нашему усердию или беспечности. Если ты сделал добро, то день для тебя хорош, а если ты согрешил, то - худ и неразлучен с наказанием. Если ты будешь так рассуждать и так настраивать себя, совершая каждый день молитвы и милостыни, то весь год для тебя будет счастлив; а если ты, не заботясь о добродетели, будешь ожидать радостей для души своей от начала месяцев и исчисления

дней, то не будет тебе ничего доброго. Дьявол, зная это и стараясь отклонить нас от подвигов добродетели и подавить душевную ревность, научил людей счастье и несчастье приписывать дням. Кто убежден, что есть дни счастливые и несчастные, тот в несчастный день не будет заниматься добрыми делами, думая, что весь его труд останется тщетным и бесполезным по роковому свойству дня; равно и в счастливый день не займется теми делами, думая, что его нерадение нисколько не повредит ему, по хорошему свойству самого дня, и таким образом он в том и другом случае будет терять свое спасение, и, считая труды свои то бесполезными, то излишними, будет проводить жизнь недейтельную и порочную. Зная это, мы должны избегать козней дьявола, исторгать из души такое убеждение, не наблюдать дней, не пренебрегать одним днем и не привязываться к другому. Лукавый демон ухищряется против нас таким образом не только для того, чтобы ввергнуть нас в нерадение, но чтобы и оклеветать и создания Божии, и вовлечь души в нерадение и вместе в нечестие. Мы должны удаляться от этого, и ясно знать, что нет зла, кроме одного греха, и нет добра, кроме одной добродетели и угождения Богу во всем. Радость бывает не от пьянства, но от духовной молитвы, не от вина, но от назидательного слова. Вино производит бурю, а слово - тишину; вино причиняет шум, а слово прекращает смятение; вино помрачает ум, а слово просвещает и помраченный; вино вселяет скорби, которых не было, а слово отгоняет и те, которые были. Ничто обыкновенно так не ведет к спокойствию и радости, как правила любомудрия - презирать настоящее, стремиться к будущему, не считать ничего человеческого постоянным - ни богатства, ни власти, ни почестей, ни покровительства. Если ты научился так мудрствовать, то не будет терзать тебя зависть, когда увидишь богатого, и когда впадешь в бедность, не унизишься от бедности; и таким образом, будешь в состоянии постоянно праздновать. Христианину свойственно праздновать не в известные месяцы, не в первый день месяца, не в воскресные дни, но всю жизнь проводить в приличном ему праздновании. Какое же прилично ему празднование? Об этом послушаем Павла, который говорит: "Посему станем праздновать не со старою закваскою, не с закваскою порока и лукавства, но с опресноками чистоты и истины" (1 Кор. 5:8). Итак, если у тебя чиста совесть, то ты имеешь постоянный праздник, питаешься добрыми надеждами и утешаясь упованием будущих благ; если же ты не спокоен в душе и виновен во многих грехах, то и при тысячах праздников и торжеств ты будешь чувствовать себя не лучше плачущих. Какая мне польза от светлого дня, когда душа моя помрачена укоридами совести? Итак, если ты хочешь получить пользу и от начала новых месяцев, то поступай так: по окончании года возблаговари Владыку, что Он сохранил тебя до этого предела годов; сокрушись своим сердцем, исчисли время твоей жизни, и скажи сам себе: дни бегут и проходят; годы оканчиваются; много пути нашего мы уже совершили; а что мы сделали доброго? Неужели пойдём отсюда без всего, без всякой добродетели? Суд при дверях, остальная жизнь клонится к старости.

3. Так любомудрствуй при начале новых месяцев; это приводит на память при годовых кругообращениях; станем помышлять о будущем дне, чтобы не сказал кто-нибудь о нас того же, что сказал пророк об иудеях: "Исчезли дни их в суете и лета их в смятении" (Пс. 77:33). Такой праздник, о каком я сказал, постоянный, не ожидающий круговращения годов, не ограничивающийся известными днями, может равно праздновать и богатый и бедный; потому что здесь не деньги нужны, не богатство, а одна добродетель. Нет у тебя денег? Но есть страх Божий, сокровище лучшее всяких богатств, которое не повреждается, не изменяется и не истощается. Посмотри на небо, на небеса небес, на землю, море, воздух, разнородных животных, разнообразные растения, на всю человеческую природу; помысли об ангелах, архангелах, вышних силах; вспомни, что все это - богатство твоего Владыки. Быть не может, чтобы слуга столь богатого Владыки был беден, если Господь его милостив к нему. Наблюдать дни несообразно с христианским любомудрием, но это -

дело языческого заблуждения. Ты приписан к вышнему граду, принят в тамошнее гражданство, вступил в общество ангелов, где нет света переходящего во тьму, ни дня оканчивающегося ночью, но всегда - день, всегда - свет. Туда будем стремиться непрестанно. "Ищите горнего", говорит (апостол), "где Христос сидит одесную Бога" (Кол. 3:1). Ты не имеешь ничего общего с землею, где есть течение солнца и круговращения времен года и дней; но если ты живешь праведно, то и ночь для тебя становится днем, равно как для тех, которые проводят жизнь в распутстве, пьянстве и невоздержании, день обращается в ночной мрак, не потому, чтобы померкло солнце, но потому, что ум их омрачен пьянством. Замечать дни, находить в них особенное удовольствие, зажигать на площади светильники, плести венки, есть дело детской несмысленности; а ты уже вышел из этой немощи, достиг мужеского возраста и вписан в гражданство небесное; не освещай же площади чувственным огнем, но озаряй ум твой светом духовным. "Так да светит", сказал (Господь), "свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного"(Мф. 5:16). Такой свет принесет тебе великое воздаяние. Не украшай венками дверей своего дома, но веди такую жизнь, чтобы получить на свою голову от руки Христовой венец правды. Ничего не должно делать напрасно, без цели; Павел заповедал делать все во славу Божию. "Едите ли, пьете ли", говорит он, "или иное что делаете, все делайте в славу Божию"

(1 Кор. 10:31). Но как можно, скажешь ты, есть и пить во славу Божию? Призови бедного, участником твоей трапезы сделай Христа; и таким образом ты ел и пил во славу Божию. И не только это делать во славу Божию заповедал апостол, но и все прочее, как то: выходить на улицу и оставаться дома; то и другое должно быть для Бога. А как возможно, чтобы то и другое было для Бога? Когда ты приходишь в церковь, когда участвуешь в молитве и духовном поучении, то тогда выход из дома бывает во славу Божию. Также и дома оставаться можно для Бога. Как и каким образом? Когда ты слышишь, что шум, бесчиния, дьявольские торжества, порочные и распутные люди наполнили площадь, останься дома, удались от этого шума, и ты останешься дома во славу Божию. Как оставаться дома и выходить из дома можно для Бога, так можно (во славу Божию) и хвалить и обличать. Как можно, скажешь, хвалить кого-нибудь или укорять во славу Божию? Вы иногда сидите в мастерских, видите, как проходят мимо дурные и негодные люди, нахмутив брови, с надменным видом, в сопровождении множества нахлебников и льстецов, в дорогих одеждах и пышных украшениях, люди, похищающие чужое и любостыжательные; тогда, если кто скажет: как завидно их состояние, как они счастливы! - такого укори, обличи, загради ему уста, желей, плачь: это значит укорять для Бога. Такая укоризна для сидящих вместе с тобою будет уроком любомудрия и добродетели о том, чтобы не увлекаться вещами житейскими. Того, кто сказал это, спроси: почему ты считаешь его счастливым? Потому ли, что у него чудный конь, с позлащенной уздой, что у него много слуг, что он одет в светлую одежду, и безмерно упивается и роскошествует каждый день? Но поэтому он несчастен и жалок и достоин обильных слез. Я вижу, что в нем самом вы не можете ничего похвалить, а хвалите все вне его: коня, узду, одежду; а все это - не он. Что же, скажи мне, может быть горестнее того, когда конь его, узда коня, красота одежды и телесное благообразие слуг возбуждают удивление, а в нем самом не находится ничего похвального? Кто может быть беднее того человека, который не имеет никакого собственного добра и ничего такого, с чем бы мог отойти отсюда в (вечность), но украшается всем чужим? Собственное наше богатство и украшение составляют не слуги, одежды и кони, но добродетель души, богатство добрых дел и дерзновение пред Богом.

4. Напротив, когда увидишь нищего, пренебрегаемого, презираемого, живущего в бедности, но добродетельно; и когда сидящие с тобою назовут его жалким: ты похвали его; и твоя похвала проходящему мимо будет наставлением и увещанием к жизни

честной и добродетельной. Если скажут: как он несчастен и жалок! - ты скажи, что он блаженнее всех; потому что имеет Бога своим другом, живет добродетельно, приобрел богатство никогда неоскудевающее, имеет чистую совесть. Что за потеря для него, что нет денег, когда он получит в наследие небо и небесные блага? Если ты и сам будешь так мудрствовать и наставлять других, то получишь и за укоризну и за похвалу великое возмездие; так как и то и другое ты делал во славу Божию. Что я не напрасно говорю это, что великое воздаяние уготовано от Бога тем, которые так размышляют, и что великую добродетель составляет подобное суждение о провождающих такую жизнь, послушай, что говорит пророк, и как он поставляет в числе добродетелей обличение людей порочных и прославление боящихся Бога. Исчислив прочие добродетели человека, имеющего получить почести от Бога, и сказав, каков должен быть тот, "кто обитает во святом жилище Его"; что "он ходит непорочно и делает правду, и говорит истину в сердце своем"; и еще сказав: "не клеветает языком своим, не делает искреннему своему зла и не принимает поношения на ближнего своего", потом он присовокупляет: "в глазах которого презрен отверженный, но который боящихся Господа славит" (Пс. 14:1-4); этим он показывает, что к числу добродетелей принадлежит и то, чтобы презирать порочных и хвалить и ублажать добродетельных. О том же говорит он и в другом месте: "А мне весьма почтенны друзья Твои, Боже, весьма надежно их владычество"[1] (Псал. 138:17). Кого хвалит Бог, того ты не порицай; а Он хвалит того, кто живет праведно, хотя бы он был и беден. Кого Бог отвращается, того не хвали; а Он отвращается того, кто живет порочно, хотя бы он изобиловал богатством. Будешь ли хвалить кого или порицать, делай то и другое согласно с волею Божиею. Можно и порицать во славу Божию. Как? Мы часто досаждем на слуг наших; каким же образом можно порицать их для Бога? Если ты видишь, что слуга, или друг, или кто другой из близких к тебе пьянствует, крадет, ходит на зрелища, нерадит о своей душе, клянется, преступает клятвы, лжет; то вознегодуй, накажи, вразуми, исправь его, и все это ты сделаешь для Бога. Если же увидишь, что он виновен против тебя, нерадив в услужении тебе, то прости его; и ты простишь для Бога. А ныне многие поступают напротив и с друзьями и со слугами своими. Когда кто согрешит против них самих, тогда они делаются жестокими и неумолимыми судьями; а когда кто оскорбляет Бога, и губит свою душу, то они не обращают на это никакого внимания. Еще нужно ли приобрести друзей? Приобретай для Бога. Нужно ли приобрести врагов? Приобретай для Бога. Но как можно приобретать друзей и врагов для Бога? Если будем искать дружбы не с тем, чтобы достать денег, участвовать в трапезе, найти покровительство человеческое, но будем искать и делать своими друзьями таких людей, которые могут всегда вразумлять нашу душу, давать надлежащие советы, укорять за грехи, обличать за проступки, восстанавливать после падения и при помощи советов и молитв приводить нас к Богу. Также можно и врагов приобретать для Бога. Если ты видишь человека распутного, негодного, порочного, зараженного нечистыми мнениями, угрожающего причинить тебе падение и вред, то отойди, отбеги от него, как повелел и Христос, сказав: "если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя" (Мф. 5:29), повелевая и таких друзей, которые дороги для нас, как глаза, и необходимы в делах житейских, устранять и отвергать, если они вредят спасению нашей души. Если находишься в обществе и ведешь длинную речь, делай и это для Бога; и если молчишь, молчи для Бога. А как можно быть в обществе для Бога? Если ты, сидя там, будешь разговаривать не о житейских делах, не о пустых, тщетных и нисколько не относящихся к нам, но о нашем любомудрии; о геенне, о небесном царстве, а не о чем-нибудь излишнем и бесполезном, например: кто достиг власти, кто лишен власти, за что такой-то наказан, от чего такой-то получил прибыль и разбогател, что такой-то по смерти оставил такому-то, почему лишен наследства такой-то, думавший быть в числе первых наследников? - и прочем тому подобном. Об этом и сами мы не будем разговаривать, и другим не будем позволять, но будем обращать внимание на то, какими делами или

словами можно угодить Богу. Также можно и молчать для Бога тогда, когда тебя обижают, поносят, и причиняют тебе тысячи огорчений, а ты переносишь все великодушно и ни одним словом не злословишь того, кто так с тобою поступает. Не только можно хвалить и укорять, оставаться дома и выходить, говорить и молчать, но и плакать и печалиться, и радоваться и веселиться можно во славу Божию. Когда ты, видя, что брат твой грешит, или сам ты впал в грех, будешь вздыхать и скорбеть, то ты посредством такой скорби приобретешь спасение, о котором не будешь раскаиваться, как говорит Павел: "печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению"

(2 Кор. 7:10). Если видя, что другой благоденствует, не позавидуешь ему, но за это, как бы за собственное благо возблагодаришь Бога, соделавшего брата твоего столь славным, то за эту радость ты получишь великую награду.

5. Что может быть, скажи мне, горестнее состояния завистливых людей, которые, имея возможность радоваться и получать возмездие за свою радость, вместо этого предаются скорби о благополучии других и с такою скорбью еще навлекают на себя наказание от Бога и невыносимые мучения? Но что говорить о похвалах и укоризнах, о печалях и радостях, когда и от самых маловажных и низменных дел можно получать весьма великую пользу, если мы совершаем их во славу Божию? Что маловажное стрижения волос? Но и это можно делать для Бога. Если ты не будешь изысканно убирать волос, не будешь украшать лица, не будешь наряжаться к соблазну и прельщению взирающих на тебя, а оденешься просто, как случится, и как требует только нужда; то ты сделаешь это для Бога и без сомнения получишь награду за то, что обуздал порочную похоть и укротил неуместное тщеславие. Подлинно, если тот, кто подает для Бога "чашу холодной воды", наследует царство небесное (Мф. 10:42), то представь, какое получит возмездие тот, кто все делает для Бога! Можно и ходить для Бога и смотреть для Бога. А как можно смотреть и ходить для Бога? Когда ты не стремишься к нечестию, не занимаешься чужою красотой; когда, видя идущую навстречу женщину, удерживаешь свое зрение, ограждаешь лице свое страхом Божиим, то ты сделаешь это для Бога; также когда мы одеваемся не в дорогие и изнеживающие нас одежды, но в такие, которые могут только прикрыть нас. Можно распространить это правило и на обувь. Многие дошли до такой изнеженности и роскоши, что даже обувь свою украшают и всячески испещряют не менее, чем другие лице, это - знак нечистой и развращенной души. Хотя это кажется маловажным, однако как в мужчинах, так и в женщинах это есть знак и доказательство великого невоздержания. Итак и обувь можно употреблять для Бога, если всегда будем удовлетворять только нужде ее ставить мерою при пользовании вещами. А что и походкой и одеянием можно прославлять Бога, о том, послушай, что говорит мудрый муж: "одежда и ослабление зубов и походка человека показывают свойство его" (Сир. 20:27). Если мы в одежде будем соблюдать приличие и степенность и во всем показывать великую скромность, то и неверный и невоздержный и буйный, как бы он ни был бесчувствен, при первой встрече с таким человеком будет удивляться ему. Когда мы в брак вступаем, то и это должны делать для Бога, имея в виду не то, чтобы получить богатое имение, но чтобы найти в жене благородство души, не множество денег и знаменитость предков, но добродетель и кротость нравов; мы должны брать спутницу в жизни, а не участницу в пиршествах. Но к чему исчислять все? Мы можем, подобно вышесказанному, проследить каждое событие и дело, и все совершать для Бога. Как торговцы, плавающие по морю и пристающие к городам, выходят из пристани на торжище не прежде, как узнав, что можно получить прибыль от своих товаров, так и ты ничего не делай и не говори, от чего не будет пользы во славу Божию. Не говори мне, что невозможно делать все для Бога. Если обувь, стрижение волос, одежда, походка, взгляд, беседы и собрания, входы и выходы, шутки и похвалы, укоризны и одобрения, дружба и

вражда могут быть для Бога, то что еще остается, что не может совершаться для Бога, если мы захотим? Что хуже положения темничного стража? Жизнь его не почитается ли ниже всякой другой? Однако может и он, если захочет, проводить эту жизнь с пользой для себя, когда будет щадить узников, услуживать заключенным несправедливо, не торговать чужими несчастьями, когда будет общим пристанищем для всех имеющих в том нужду. Так спасся темничный страж, приставленный к Павлу (см. Деян. 16). Отсюда видно, что мы от всего, если захотим, можем получить себе пользу.

б. Что, скажи мне, тяжелее убийства? Но и оно некогда было вменено в правду дерзнувшему совершить его; так важно делать что-нибудь для Бога. А каким образом убийство могло быть вменено в правду? Маданитяне, желая некогда возбудить гнев Божий против иудеев и надеясь преодолеть их, когда лишат их благоволения Господня, наряжали своих дочерей, ставили их в виду войска и, прельщая евреев, приводили их сперва к блудодеянию, а потом и к нечестию. Видя это, Финеес взял меч и, застав двух блудодействующих в самом действии греха, пронзил обоих, и тем, отклонил гнев Божий от исполнения (мщения) (см. Чис. 25). Таким образом, хотя это действие было убийством, но следствием его было спасение всех погибавших, а потому вменено сделавшему его в правду. Такое убийство не только не осквернило рук его, но сделало их более чистыми, и весьма справедливо: потому что он сделал это не из ненависти к убитым, но для спасения прочих; убил двоих, а спас многие тысячи. Он поступил так, как поступают врачи, когда они, отсекая гниющие члены, сохраняют здоровье всего тела. Посему и говорит псалмопевец: "и восстал Финеес и произвел суд, - и остановилась язва, и [это] вменено ему в праведность в роды и роды во веки" (Пс. 105:30-31). Памятование о таком поступке осталось бессмертным. Другой напротив молился, и разгневал Бога; так опасно делать что-нибудь не для Бога; я разумею фарисея (ср. Лк. 18). Финеес сделал убийство и снискал Божие благоволение; а этот, молясь, разгневал Бога, конечно, не молитвою, но расположением духа, с каким он молился. Таким образом и духовное действие может причинить великий вред, когда совершается не для Бога; напротив и житейское дело может принести великую пользу тому, кто совершает его из любви к Богу. Что может быть хуже и тяжелее убийства? Однако и оно сделало праведником осмелившегося совершить его. Какое же мы будем иметь оправдание, утверждая, что нельзя отовсюду получать пользу и делать все для Бога, когда нашелся такой, который получил пользу даже от убийства? Если мы захотим быть внимательными, то во всю жизнь можем вести такую духовную торговлю - как в купле, так и в продаже; например, когда не будем требовать цены незаконной, когда не будем ожидать времени дороговизны, чтобы тогда продать нуждающимся. "Кто удерживает у себя хлеб", говорится в Писании, "того клянет народ" (Прит. 11:26). Но к чему говорить о всем порознь, когда можно представить все в одном примере? Как строящие дом, намереваясь выстроить стену, протягивают размерный шнурок из угла в угол, и таким образом воздвигают здание, в котором поверхность не имеет никакой неровности, так и мы, вместо этого размера, будем употреблять апостольское изречение: "едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все делайте в славу Божию" (1 Кор. 10:31). Итак, молимся ли мы, или постимся, обвиняем или прощаем, хвалим или укоряем, входим или выходим, продаем или покупаем, молчим или разговариваем, или другое что делаем, будем делать все во славу Божию; а что не служит к славе Божией, того не станем ни делать, ни говорить и, где бы мы ни находились, будем носить с собою, вместо великого жезла, вместо оружия, охраны и несчетных сокровищ, сказанное изречение, начертанное в уме, дабы делая и говоря и предпринимая все во славу Божию, нам получить от Него славу и здесь и по отшествии отсюда. "Прославляющих Меня", говорит Господь, "Я прославлю" (1 Цар. 2:30). Итак, не словами только, но и делами будем прославлять Его непрестанно со Христом Богом нашим; Ему подобает всякая слава, честь и поклонение, ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

О ЛАЗАРЕ.

Семь слов о Лазаре, т.е. на евангельскую притчу о богатом и Лазаре, произнесены святителем Иоанном в Антиохии в течение 387 года, с некоторыми промежутками времени. Первое из них сказано на другой день после "слова на новый год", как можно заключать из его содержания и видно из полного заглавия его - такого: "сказано в следующий день после Календ в Антиохии против пьянствующих и входящих в кабаки и устраивающих пляски в городе, и о том, что учителю не должно отчаиваться в учениках, хотя бы в настоящее время они не убеждались, и о бедном Лазаре и о богатом".

СЛОВО ПЕРВОЕ.

Похвала слушателям за то, что они не предавались новогодним безумствам и сделали из новолетия день духовных радостей. - Многие однако перешли от церкви в корчемницу, издеваясь над увещаниями. - Обличение их. - Их издевательства не препятствуют высказывать истину и восставать против безобразий. - Образ действий Иисуса Христа по отношению к Иуде, которого Он не переставал предостерегать и наделять благами, чтобы напоминать ему о его обязанностях. Так же нужно и вообще поступать по отношению к грешникам. - Неодинаковая судьба уготована в будущей жизни тем, которые живут в изнеженности и наслаждениях, и тем, которые проводят жизнь в бедности и страдании. - Пример Лазаря и бессердечного богача. - Трапеза христианина должна сопровождаться молитвой и чтением св. Писания. - Нужно есть и пить умеренно.

Вчерашний день, бывший сатанинским праздником, вы сделали праздником духовным, приняв слова мои с великою благосклонностью, и большую часть дня проведши здесь, насладившись питием, исполненным любомудрия, и ликовавши вместе с Павлом. Таким образом вы получили двойную пользу: уклонились от бесчинной пляски пьянствующих, и предавались восторгам духовным, совершающимся с великою благопристойностью; пили из чаши, не вино изливающей, но исполненной духовного учения, и сделались свирелью и кифарою для Святого Духа; тогда как другие ликовали в честь диавола, вы, соделав себя чрез пребывание здесь органами и сосудами духовными, предоставили Духу коснуться ваших душ и вдохнуть благодать Свою в ваши сердца; оттого вы и возгласили стройную песнь, услаждающую не только людей, но и горние силы. Посему и сегодня вооружим язык против пьянства и восстанем против нетрезвой и распутной жизни; обличим провождающих ее не для того, чтобы их стыдить, но чтобы избавить их от стыда; не для того, чтобы их осуждать, но чтобы исправить их; не для того, чтобы их выставить на позор, но чтобы удалить от гнусного позора и вырвать из рук диавола, потому что, кто проводит время в пьянстве, разгуле и объедении, тот подпал жестокой власти самого диавола. И о, если бы произошла какая-нибудь польза от слов моих! Впрочем, если они и после увещания останутся в том же состоянии, я и тогда не перестану предлагать им совет. Источники текут, хотя бы никто не черпал из них, и родники источают воду, хотя бы никто не брал ее, и реки бегут, хотя бы никто не пил из них; так и проповедник, хотя бы никто не внимал ему, должен исполнять все от него зависящее. Ибо вам, принявшим служение Слова, постановлен человеколюбивым Богом закон - никогда не оставлять своего дела и

не молчать, хотя бы слушали нас, хотя бы убегали. Когда Иеремия, изрекавший иудеям много угроз и предсказывавший будущие бедствия и за то поносимый слушателями и осмеиваемый целый день, хотел прекратить такие пророчества, по слабости человеческой не могши переносить насмешек и злословий, то послушай, что сам он говорит в следующих словах: "и подумал я: "не буду я напоминать о Нем и не буду более говорить во имя Его"; но было в сердце моем, как бы горящий огонь, заключенный в костях моих, и я истомился, удерживая его, и не мог" (Иер. 20:9). Смысл слов его такой: я хотел прекратить пророчество - говорит он - потому что иудеи не слушали; но как только я решился на это, сила Духа, как огонь, напала на душу мою и опалила все внутренности, измождая и снедая кости мои, так что я не мог вынести этого жара. Если же тот, кто каждый день подвергался осмеянию, поношению и злословию, испытал такое мучение, когда решился замолчать; то как могли бы удостоиться прощения мы, если бы, не потерпев еще ничего такого, по небрежности некоторых впали в малодушие и перестали предлагать им учение, и особенно тогда, когда есть столько внимающих?

2. Впрочем я говорю это не для своего утешения и ободрения; я убедил душу свою, чтобы, доколе буду дышать и Богу угодно будет продолжать мою настоящую жизнь, исполнять это служение и делать повеленное, будет ли кто слушать меня, или не будет слушать; но так как есть такие люди, которые расслабляют руки у многих и кроме того, что сами не приносят никакой пользы для нашей жизни, ослабляют усердие и в других, насмехаясь, издеваясь и говоря: оставь советоваться, перестань увещевать; не хотят слушать тебя; не общайся с ними; - так как есть некоторые говорящие это, то, желая исторгнуть из души народа эту злобную и бесчеловечную мысль и диавольский навет, я поведу речь об этом подолее. Я знаю, что даже и вчера произносили такие слова многие, которые, увидев некоторых проводивших время в корчемнице, с насмешкою и издевательством говорили: так хорошо они убедились; совсем никто не пошел в корчемницу; все отрезвились! Что говоришь ты, человек? Разве я обещал уловить всех в один день? Если бы убедились только десять человек, если бы только пять, если бы даже один: не достаточно ли и этого для моего утешения? Скажу еще большую крайность. Пусть будет, что никто не убедился моими словами, хотя невозможно, чтобы осталось бесплодным слово, посеянное в слух столь многим; но пусть это будет так; однако и в таком случае слово мое не бесполезно. Если они и входили в корчемницу, то входили уже не с таким бесстыдством; и за столом часто вспоминали о словах моих, укоризне, обличении, и вспоминая стыдились, краснели мысленно, и делали обычные дела уже не с такою наглостью. А вполне почувствовать стыд, вполне осудить свои дела, это - начало спасения и прекрасной перемены. Кроме того произошла от этого и другая не меньшая польза для меня. Какая? Та, что трезвых я сделал более степенными и словами своими убедил в том, что лучше всех ведут себя те, которые не увлекаются толпою. Я не восстановил болящих? Но здоровых сделал более благонадежными. Слово не отклонило некоторых от порока? Но живущих добродетельно сделало более внимательными. Присовокуплю к этому и нечто третье. Не убедил я сегодня? Но, может быть, успею убедить завтра. И завтра не успею? Но, может быть, послезавтра, или еще в последующий за тем день. Кто сегодня слушал и отверг слышанное, тот, может быть, завтра послушает и примет; а кто сегодня и завтра оказал пренебрежение, тот, может быть, спустя много дней окажет внимание к словам моим. Так и рыболов нередко, целый день закидывая сеть напрасно и уже намереваясь уйти, вечером уловляет во весь день убегавшую от него рыбу, и с нею уходит. Если бы мы, вследствие всегдашних случающихся неудач, вздумали оставаться в праздности и отстать от всех дел, то у нас расстроилась бы вся жизнь и погибло бы все не только духовное, но и житейское. Так, если бы земледелец, вследствие случившейся один и два и несколько раз дурной погоды, решился бросить земледелие, то мы все скоро погибли бы от голода. И если бы кормчий, вследствие случившейся один и два и несколько раз бури, оставил

море, то никто из нас не плавал бы по морю, и от этого жизнь наша опять потеряла бы много полезного. И в каждом искусстве, если о нем будешь так же судить и внушать, все совершенно погибнет, и земля делается необитаемой. Зная это, все, хотя один и два и несколько раз не достигают окончания дел, которыми занимаются, однако опять принимаются за них с одинаковым усердием.

3. Зная все это, и мы возлюбленные, увещаю вас, не будем так рассуждать, не станем говорить: какая нам нужда в столь многих словах? Никакой нет пользы от этих слов. Земледелец, засеявши один и два и несколько раз одну и ту же ниву и не получив плода, однако опять возделывает ее, и часто в один год вознаграждает убыток всего прежнего времени. И купец часто, потерпев много кораблекрушений, не отстает от пристани; но стаскивает судно, подряжает корабельщиков и, занявши денег, принимается за те же дела, хотя будущее ему так же неизвестно. И всякий, чем бы кто ни занимался, обыкновенно поступает так же, как земледелец и купец. Если же они оказывают такое усердие к житейскому, хотя окончание дел им неизвестно, то неужели мы, как скоро слова наши не будут выслушиваемы, тотчас перестанем говорить? Какое же мы будем иметь прощение, какое оправдание? Притом тех в случае неудач никто не вознаградит за потери; например, если море потопит корабль, то никто не избавит от обеднения потерпевшего кораблекрушение; если наводнение затопит ниву и заглушит семена, то земледелец должен уйти домой с пустыми руками. Но с нами, говорящими и увещающими, бывает не так; но, если ты повергаешь семена, и слушатель не примет их и не принесет плода послушания, тебе уготована награда от Бога за совет, и ты получишь такое же воздаяние - хотя он не послушался - какое ты получил бы, если бы он и послушался; потому что ты исполнил все с своей стороны. Наш долг не убедить слушателей, но только посоветовать; наше дело предложить увещание, а убедиться - их дело. Как, если они сделают много добрых дел без наших увещаний, вся награда будит принадлежать им одним, а нам не будет никакой пользы, потому что мы не предлагали совета; так и если они не послушаются наших увещаний, все наказание постигнет их, а нам не будет никакого осуждения, но еще будет дана великая награда от Бога, потому что мы все свое исполнили. Нам повелевается только "отдать серебро торгующим" (Мф. 25:27), сказать и предложить совет. Скажи же и сделай увещание брату. Но он не послушался? А тебе уготована награда, только бы ты всегда делал это, только бы не отставал, доколе не убедишь, доколе не воодушевишь его. Окончанием совета пусть будет послушание принимающего увещание. Дьявол непрестанно противодействует нашему спасению, сам не получая от этого усердия никакой пользы, но еще испытывая величайший вред; и однако он одержим таким неистовством, что нередко отваживается даже на невозможные дела, и нападает не только на тех, которых надеется непременно побороть и низвергнуть, но и на тех, которые, вероятно, преодолеть козни его. Так услышав, что Иова хвалит ведущий все сокровенное Бог, он возымел надежду, что успеет низложить и его, и не переставал, коварный, употреблять все меры и хитрости, чтобы побороть этого человека, и не отчаивался в этом нечистый и злейший демон, хотя сам Бог признал в праведнике такую добродетель. После этого, скажи мне, как нам не стыдиться и не краснеть, если, тогда как дьявол никогда не отчаивается в нашей гибели, а всегда ожидает ее, мы будем отчаиваться в спасении братьев? Ему надлежало бы, и, не делая опыта, отступить от борьбы, потому что Бог свидетельствовал о добродетели праведника; однако он не отступил, но по великому неистовству своему против нас, и после свидетельства Божия, надеялся преодолеть того доблестного мужа. А нас ничто такое не заставляет впасть в отчаяние, и, однако, мы отступаем. Дьявол, не смотря на воспрещение Божие, не отступает от борьбы с нами; а ты уклоняешься, когда Бог располагает и побуждает тебя к поднятию падших? Дьявол слышал Бога, изрекшего: "человек непорочный, справедливый, богобоязненный и удаляющийся от зла", и "нет

такого, как он, на земле" (Иов. 2:3), и однако после столь многих и столь сильных похвал продолжал говорить: а может быть непрерывностью и величиной наводимых на него бедствий я успею преодолеть его и низложить эту великую башню!

4. Какое же будет прощение нам, возлюбленные, и какое оправдание, если злой демон с таким неистовством действует против нас, а мы не окажем и малой части подобного усердия к спасению наших братьев, имея притом Бога своим помощником? Итак, когда ты увидишь брата жестоким и непокорным и невнимательным к тебе, скажи сам себе: может быть, со временем не успеем ли убедить его? Так и Павел повелел делать: "рабу же Господа не должно ссориться, но быть приветливым ко всем, учительным, незлобивым, с кротостью наставляя противников, не даст ли им Бог покаяния к познанию истины" (2 Тим. 2:24-25). Не видишь ли, как отцы, нередко уже отчаявшись в своих сыновьях, садились при них, плачут, горюют, целуют их и делают все с своей стороны до последнего издыхания? Так и ты поступай с братом. Они плачем и слезами не могут ни прогнать болезнь, ни отклонить угрожающую смерть; а ты нередко можешь, с терпением и настойчивостью, плачем и слезами привлечь и восстановить отчаянную душу. Ты советовал, и не убедил? Плачь, и приступай к нему часто; стеной горько, чтобы он, устыдившись твоей попечительности, обратился ко спасению. Что успею сделать я один? Я не могу один каждый день быть со всеми вами; мне недостает сил одному беседовать с таким множеством. Если же вы захотите принять участие в спасении друг друга, и взять на себя каждый по одному из беспечных братий, то у нас быстро пойдет вперед дело назидания. Нужно ли говорить о тех, которые исправляются после тщательного увещания? Даже и о тех, которые страждут неисцельной болезнью, не следует отчаиваться и нерадеть, хотя бы мы предвидели ясно, что они и после долгого о них попечения и вразумления не получают никакой пользы. Если эти слова кажутся вам странными, то я подтверждаю верность их тем, что сделал и сказал Христос. Мы, люди, не знаем будущего, и потому не можем утверждать о слушателях, убедятся ли они, или не убедятся нашими словами; а Христос, ясно зная и то и другое, не переставал до конца исправлять того, кто имел оказаться непослушным Ему. Зная, что Иуда не отстанет от предательства, Христос не переставал отклонять его от этого предательства советами, увещаниями, благодеяниями, угрозами и всяким способом вразумления, и постоянно удерживать словом, как бы какою уздою. Он делал это, научая и нас, чтобы мы, хотя бы и знали наперед, что братия не послушаются, исполняли все с своей стороны, так как нам за совет уготована награда. Смотри же, как Он постоянно и мудро удерживал Иуду Своими словами: "один из вас предаст Меня" (Мф. 26:21); и еще: "не о всех вас говорю; Я знаю, которых избрал" (Ин. 13:18); и еще: "один из вас диавол" (Ин. 6:70). Ему угодно было подвергнуть беспокойству всех, чтобы не выставить на позор предателя и явными обличениями не сделать его более бесстыдным. А что эти слова причиняли и прочим (ученикам) беспокойство и страх, хотя они не сознавали за собою ничего худого, послушай, как каждый из них говорил со смущением: "не я ли, Господи?" (Мф. 26:22)? Но не только словами, но и делами Христос вразумлял Иуду. Так как Он часто и во всем являл Свое человеколюбие, очищая прокаженных, изгоняя демонов, исцеляя больных, воскрешая мертвых, укрепляя расслабленных, всем благоволит, но никого не наказывал и постоянно говорил: "Я пришел не судить мир, но спасти мир" (Ин. 12:47): то, дабы не подумал Иуда, что Христос может только благоволить, а не наказывать, Господь научает его и этому, т. е., что Он может и наказывать и карать согрешающих.

5. Посмотри, как мудро и целесообразно Он и Иуду научил, и никого из людей не подверг наказанию и не покарал. Как же (Он поступил), чтобы ученик познал карательную силу Его? Если бы Он наказал кого-нибудь, то показалось бы, что Он противоречит собственным словам Своим: "Я пришел не судить мир, но спасти мир" (Ин. 12:47). С

другой стороны, если бы Он никого не наказал, ученик остался бы невразумленным, не узнав на деле карательной силы Его. Чему же надлежало быть? Чтобы и ученик утратился и не сделался по небрежности худшим, и никто из людей не был поражен и не потерпел наказания и кары, Христос являет эту силу на смоковнице, сказав: "да не будет же впредь от тебя плода вовек" (Мф. 21:19), и простым словом тотчас иссушив ее. Таким образом и люди все остались невредимыми, и Он явил Свою силу, когда наказанию подверглось дерево. Ученик же, если бы он был внимателен, получил бы великую пользу от этого наказания; однако он и через это не исправился. А Христос, хотя и предвидел это, сделал и кроме этого еще другое, гораздо большее. Когда иудеи, вооружившись на Него мечами и кольями, хотели наложить на Него руки, тогда Он ослепил всех их; ибо это выражает Он словами: "кого ищите?" (Ин. 18:4). Так как (Иуда) часто говорил: "что вы дадите мне, и я вам предаю Его?" (Мф. 26:15), то Господь, желая и иудеев убедить и его вразумить в том, что Он добровольно идет на страдание и что все зависит от Него, а злоба Иуды не может преодолеть Его, в то время, как сам предатель стоял вместе со всеми, говорит: "кого ищите?" Разве Иуда не знал Того, кого намеревался предать? Но Господь ослепил его зрение; и не только это сделал, но поверг их всех на землю Своими словами (Ин. 18:6). Когда же и это не сделало их более кроткими и не отклонило от предательства нечестивца, который остался неисцельным, и тогда Христос не оставил еще Своего благоволения и попечения о нем, но посмотри, как трогательно касается бесстыдной души его, и произносит слова, которые могли бы смягчить и каменную душу. Когда Иуда устремился облобызать Его, тогда что Он говорит? "Иуда! целованием ли предаешь Сына Человеческого?" (Лк.22:48), не стыдишься и самого способа предательства? Это сказал Христос, чтобы тронуть его и напомнить ему о прежнем общении. Но, несмотря на то, что Господь столько и делал и говорил, Иуда не сделался лучшим, не по немощи Вразумлявшего, но по собственной беспечности. А Христос, хотя и предвидел все это, не переставал, с начала до конца, делать все с своей стороны. Итак, зная все это, возлюбленные, и мы должны непрерывно и постоянно исправлять и дружески вразумлять беспечных братьев наших, хотя бы и не было никакой пользы от увещания. Если такое попечение о человеке, не хотевшем воспользоваться вразумлением, имел Тот, Кто знал, что таков будет конец; то можем ли удостоиться прощения мы, когда, не зная исхода дел, так нерадим о спасении ближних, оставляя их после первого и второго увещания? После всего сказанного, обратим внимание и на себя самих, как мы ежедневно слушаемся Бога, каждый день вещающего нам чрез пророков и апостолов, и однако Он не перестает всегда вещать и убеждать непокорных и невнимательных. И Павел взывает так: "Сам Бог увещевает через нас; от имени Христова просим: примиритесь с Богом" (2 Кор. 5:20). Если можно сказать еще нечто удивительное, то достоин не таких похвал тот, кто предлагает увещание, зная наперед, что принимающий увещание непременно послушается, каких - тот, кто многократно говорил, и советовал, и не имел успеха, и однако не переставал делать это. Первого, хотя бы он был ленивее всех, возбуждает к увещанию надежда, что слушатель убедится; а последний, постоянно увещевая и не видя послушания и однако не переставая делать это, представляет доказательство пламенной и искренней любви, как не ободряемый никакою подобною надеждою, но единственно по любви к слушателю не оставляющий попечения о брате. Впрочем довольно уже доказано, что не должно никогда оставлять падших, хотя бы мы наперед знали, что они не послушаются нас. Надобно наконец перейти к обличению предающихся веселью; ибо, доколе продолжается этот праздник и диавол наносит раны опьянения душам пьянствующих, дотоле и нам должно прикладывать к ним врачевства.

6. Вчера мы приводили против них Павла, который говорит: "едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все делайте в славу Божию" (1 Кор. 10:31). А сегодня укажем им на Владыку

Павла, Который не только увещевает и советует воздерживаться от веселья, но и наказывает и карает живущего в веселье; ибо повествование о богатом и Лазаре, и о судьбе того и другого, указывает не на что-либо иное, как именно на это. Впрочем, чтобы нам не сделать это поверхностно, я прочитаю вам притчу с самого начала. "Некоторый человек был богат, одевался в порфиру и виссон и каждый день пиршествовал блистательно. Был также некоторый нищий, именем Лазарь, который лежал у ворот его в струпьях и желал напиться крошками, падающими со стола богача, и псы, приходя, лизали струпья его" (Лк. 16:19-21). Для чего Господь говорил притчами, и почему одни из них изъяснял, а другие не объяснял, и что такое притча, и все подобные вопросы отложим до другого времени, чтобы не уклониться от предстоящего теперь предмета речи; а пока скажем вам только о том, кто из евангелистов повествует, что Христос сказал эту притчу. Кто же? Один Лука. Необходимо знать и то, что из сказанного [Иисусом Христом] одно изложили все четыре [евангелиста], а другое каждый особо. Для чего же? Для того, чтобы и чтение прочих [евангелистов] было для нас необходимо и видно было совершенство их согласия; ибо, если бы они все сказали обо всем, то мы не всем им внимали бы прилежно, так как и один мог научить всему: а если бы они все говорили обо всем различно, то не видно было бы совершенства их согласия. Посему они о многом написали и все вообще, и каждый особо. Итак, эту притчу Христос научает следующему. Некоторый человек, говорит Он, был богат, жил весьма порочно, не испытывал никакого несчастья, но все притекало к нему, как бы из источников. Что с ним не случилось ничего неожиданного, никакого повода к унынию, никакой житейской неприятности, на это самое указывают слова: "каждый день пиршествовал блистательно". А что он жил порочно, это видно и из постигшей его кончины, и еще прежде кончины, из оказанного им презрения к бедному. Этот самый бедняк доказал собою, что богач не имел сострадания не только к нему, лежавшему у ворот, но и ни к кому другому; ибо, если даже тому, который припадал постоянно к воротам и лежал пред глазами, которого он по необходимости, входя и выходя, ежедневно видел, и не раз, и не два, а многократно: потому что (бедняк) лежал не на распутье и не в тайном и тесном месте, но там, где богач непрестанно входил и выходил, и невольно должен был видеть его, - если он не оказал сострадания даже тому, который находился в таком жестоком страдании и жил в такой нищете, или лучше - во всю жизнь мучился болезнью, и болезнью жесточайшею, то к кому же из встречавшихся с ним был он сострадательен? Если он в первый день прошел мимо (Лазаря), то во второй надлежало бы ему почувствовать что-нибудь; если же и в этот день пренебрег им, то в третий, или в четвертый, или в последующий день ему непременно надлежало бы тронуться, хотя бы он был свирепее диких зверей. Но он не чувствовал никакого сострадания, а был жесточе и безжалостнее того судии, который ни Бога не боялся, ни людей не стыдился (Лк. 18:2-5); того, сколь он ни был жесток и суров, настойчивость вдовы заставила оказать милость и склонила на просьбу; а этого ничто не могло склонить на помощь бедному, хотя и просьба была неодинакова, но просьба этого бедного была гораздо удобоисполнимее и справедливее. Та просила судью против врагов своих, а этот просил утолить голод его и не презреть погибающего; та беспокоила частыми просьбами, этот же многократно в день являлся богатому лежащим в молчании: а это очень может смягчить даже и каменную душу. Когда часто беспокоят нас, то мы раздражаемся; но когда видим, что нуждающиеся стоят с полным молчанием и не говорят ничего, что они, и не достигая никогда успеха, не негодуют, но только молчаливо являются к нам, тогда мы, хотя бы были бесчувственнее самых камней, трогаемся, стыдясь их чрезмерной скромности. Кроме того было и нечто другое, не меньшее этого, именно: самый вид бедного был жалкий, изможденный голодом и продолжительною болезнью. Однако все это несколько не смягчило богача жестокосердного.

7. Итак, первый порок богатого - жестокость и бесчеловечие в высшей степени. Ибо не все равно - не помогать нуждающимся тому, кто живет в бедности, или пренебрегать другими, измождаемыми голодом, тому, кто наслаждается таким веселием. Опять не все равно, - раз или два раза, увидя бедного, пройти мимо его, или видеть его каждый день и даже эту непрерывностью зрения не пробудиться к жалости и человеколюбию. Опять не все равно - не помогать ближним тому, кто сам находится в несчастьях, скорбях и в дурном расположении духа, или оставлять без внимания других, измождаемых голодом, тому, кто наслаждается таким веселием и постоянным благоденствием, ожесточиться и не сделаться более человеколюбивым даже от самых радостей. Вы знаете, что мы, хотя бы были жестокосерднее всех, от благополучия обыкновенно делаемся благосклоннее и добрее. Но этот богач и от благополучия не сделался лучшим, но оставался зверским или, лучше сказать, своими нравами превзошел жестокость и бесчеловечие всякого зверя. И однако, живший в пороках и бесчеловечный наслаждался благополучием, а праведный и преданный добродетели находился в крайнем злополучии. А что Лазарь был праведен, это также показала кончина его, и еще прежде кончины самое терпение среди бедности. Как вам кажется, не видите ли вы самые дела их пред собою? У богатого корабль был полон товара и плыл при попутном ветре. Но не дивитесь: он поспешал к кораблекрушению, потому что не хотел обращаться с грузом осторожно. Хочешь ли, я покажу тебе, в чем состоял и другой порок его? В том, что он каждый день веселился без опасения. Ибо и это крайнее зло, не только теперь, когда требуется от нас такое любомудрие но и прежде - в ветхом завете, когда такое любомудрие еще не было открыто. Послушай, что говорит пророк. Горе вам, "приходящие в день злой, приближающиеся и прикасающиеся субботам лживым?" [1] (Амос. 5:18). Что значит: прикасающиеся субботам лживым? Иудеи думают, что суббота дана им для праздности. Но не эта причина (установления субботы), а та, чтобы они, воздерживаясь от житейских дел, весь досуг употребляли на дела духовные. Что действительно суббота назначена не для праздности, а для духовной деятельности, это видно из самых обстоятельств. Священник в этот день делает двойное дело: тогда как каждый день приносится простая жертва, в этот день повелевается приносить двойную. А если бы суббота решительно назначена была для праздности, то священнику прежде всех надлежало бы быть праздным. Посему, так как иудеи, освободившись от дел житейских, не занимались духовными - целомудрием, скромностью и слушанием божественных вещаний, но делали противное этому, угождая чреву, упиваясь, пресыщаясь, предаваясь веселью, за это и осуждал их пророк. Сказав: горе вам, приходящие в день злой, и присовокупив: прикасающиеся субботам лживым, этим прибавлением он объяснил, как у них ложны были субботы. Как же они делали их ложными? Совершая беззакония, предаваясь веселью, упиваясь и делая множество постыдных и злых дел. А что это действительно так, выслушай последующее, ибо то, что я говорю, выражает и пророк, тотчас присовокупляя следующие слова: "вы, которые лежите на ложах из слоновой кости и нежитесь на постелях ваших, едите лучших овнов из стада и тельцов с тучного пастбища, поете под звуки гуслей, думая, что владеете музыкальным орудием, как Давид, пьете из чаш вино, мажетесь наилучшими мастями" (Ам.6:4-6). Ты получил субботу для того, чтобы освободить душу от пороков, а ты делаешь их еще более. Что может быть хуже этой изнеженности, как спать на ложах из слоновой кости? Другие грехи доставляют хотя малое какое-нибудь удовольствие; например - пьянство, корыстолюбие, сладострастие; а спать на ложах из слоновой кости - какое удовольствие, какое утешение? Неужели красота ложа делает сон приятнее и слаще? Скорее от этого он бывает самым тяжелым и самым неприятным, если мы благоразумны; ибо, если ты представишь, что, когда ты спишь на ложе из слоновой кости, другой не может и хлеба вкушать спокойно, то не осудит ли тебя совесть и не восстанет ли с обвинением против такой несообразности? Если же предосудительно спать на ложах из слоновой кости, то какое мы будем иметь

оправдание, когда они еще будут со всех сторон обложены серебром? Хочешь ли видеть красоту ложа? Я покажу тебе теперь благолепие ложа, принадлежащего не простолюдину и не воину, а царю. Я знаю, что ты, хотя бы был самолюбивее всех, не захочешь иметь ложа благолепнее царского, и, что еще важнее, не какого-нибудь царя, но первого и знаменитейшего из всех царей, и донине восплаемого по всей вселенной; я покажу тебе ложе блаженного Давида. Какое же оно было? Оно было со всех сторон украшено не серебром и золотом, но слезами и исповеданиями (грехов). Об этом сам он говорит так: "каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими омочаю постель мою" (Пс. 6:7). Слезы, как жемчужины, виднелись на нем со всех сторон.

8. И посмотри, какая у него боголюбивая душа: так как днем беспокоили и развлекали его многочисленные заботы о правителях, военачальниках, племенах, народах, воинах, сражениях, мире, о делах общественных и домашних, дальних и близких, то свободное время, которое все мы проводим во сне, он проводил в исповедании (грехов), молитвах и слезах. И это делал он не одну ночь, а в другую успокаивался, не две и не три ночи, а в промежутки переставал, но каждую ночь делал это: "каждую ночь", говорит он, "омываю ложе мое, слезами моими омочаю постель мою", указывая на обилие и непрерывность слез. Когда все покоились и находились в тишине, он один взывал к Богу, и неусыпающее Око было присуще скорбевшему и плакавшему, и исповедывавшему грехи свои. Такую постель и ты устрой; потому что постель, обложенная серебром, и в людях возбуждает зависть, и свыше воспламеняет гнев. А такие слезы, каковы Давидовы, могут погасить самый гееннский огонь. Хочешь ли покажу тебе и другое ложе? Разумею ложе Иакова. Он имел под собою землю, а под головою своею камень; посему и увидел духовный Камень и ту лестницу, по которой восходили и нисходили ангелы (см. Быт. 28). Такие постели устроим и мы, чтобы видеть такие же сны. Если же будем лежать на серебряном ложе, то не только не получим никакого удовольствия, но и потерпим скорбь; ибо, когда ты представишь, что в крайнюю стужу, среди ночи, когда ты спишь на ложе, бедняк лежит на соломе в преддверии бань, прикрывшись тростником, дрожа, корчась от холода и терзаясь голодом, то, хотя бы ты был каменным больше всех, я уверен, осудишь себя за то, что сам нежишься сверх нужды, а ему не даешь пользоваться и необходимым. "Никакой воин", говорит (апостол), "не связывает себя делами житейскими" (2 Тим. II, 4). Ты воин духовный, а такой воин спит не на ложе из слоновой кости, но на земле, и не намащается маслом; потому что такая забота свойственна людям сладострастным и испорченным, живущим на сцене и в беспечности; а тебе должно благоухать не мастями, но добродетелью. Ничего нет грязнее души, когда тело имеет такое благовоние; потому что благовоние тела или одежды может быть доказательством внутреннего зловония и нечистоты. Когда диавол, приступив к душе, изнеживает ее и ввергает в великое расслабление, тогда она нечистоту своего растления отражает и на теле посредством благовоний. И как страждущие насморком марают и одежду, и руки, и лицо, постоянно отирая текущую из носа влагу, так и душа сообщает телу нечистоту своей дурной влаги. Кто подумает что-нибудь благородное и доброе о человеке, который пахнет мастями и уподобляется женщине, или лучше - блуднице и подражает жизни пляшущих? Пусть благоухает душа твоя духовным благовонием, чтобы тебе приносить величайшую пользу и себе самому и живущим с тобою. Нет, нет ничего хуже веселья. Послушай, что еще говорит о нем Моисей: "и утучнел Израиль, и стал упрям; утучнел, отолстел и разжирел; и отвергся возлюбленный"[2] (Втор. 32:15). Не сказал отступил, но: отвергся возлюбленный, показывая нам упрямство и непокорливость его. И еще в другом месте: "когда будешь есть и насыщаться, тогда благословляй Господа, Бога твоего, за добрую землю, которую Он дал тебе. Берегись, чтобы ты не забыл Господа, Бога твоего" (Втор. 8:10-11). Так веселье обыкновенно доводит до забвения. Ты же, возлюбленный, когда сядешь за трапезу, вспомни, что после трапезы тебе должно молиться: и затем умеренно наполняй

чрево, чтобы, обременивши себя, не сделаться бессильным преклонить колена и помолиться Богу. Не видите ли, что подъяремные животные от яслей выступают в дорогу, несут тяжести и исполняют свою службу? А ты после трапезы бываешь неспособен и негоден ни к какому делу; не будешь ли ты хуже и самых ослов? Почему? Потому, что тогда особенно и должно не спать и бодрствовать; ибо время после трапезы есть время благодарения, а благодарящему должно не пьянствовать, но не спать и бодрствовать. Будем же от трапезы обращаться не на ложе, но на молитву, чтобы нам не быть бессмысленнее бессловесных.

9. Знаю, что многие осудят эти слова, как вводящие в жизнь обычай новый и странный, но я еще более осужу дурную привычку, теперь владеющую нами. Что за пищу и трапезою должны следовать не сон и покой, но молитвы и чтение божественных Писаний, это весьма ясно показал Христос. Напитав тогда в пустыне несметное множество народа, Он не отослал его на ложе и ко сну, но призвал к слушанию божественных вещаний. Он не переполнил их чрева пищею и не довел до упоения, но, удовлетворив их потребности, привел к пище духовной. Так и мы будем поступать и приучимся употреблять пищи столько, сколько необходимо только для поддержания жизни, а не для пресыщения и отягощения. Ибо мы не для того родились и живем, чтобы есть и пить, но для того едим, чтобы жить. Не жизнь для пищи, но пища для жизни дарована от начала. А мы, как будто для ядения пришли в мир, все проживаем на это, всю жизнь тратим на это. Но, чтобы обличение веселья было сильнее и больше коснулось живущих в нем, теперь обратим опять речь к Лазарю. Таким образом увещание и совет будут у нас вернее и действительнее, когда вы не из слов, но из дел увидите, как вразумляются и наказываются преданные пресыщению. Итак, богач жил в таком нечестии и веселился каждый день и одевался блистательно, навлекая на себя жесточайшее наказание, приготовляя большой пламень, заслуживая себе осуждение неумолимое и мучение неотменяемое. А бедный лежал у врага его, и не роптал, не богохульствовал и негодовал; не сказал самому себе, как говорят многие: "что это значит? Этот человек, живущий в нечестии, жестокости и бесчеловечии, пользуется всем сверх потребности, и не терпит ни печали, ни какого-либо другого неожиданного бедствия, которых много бывает с людьми, но наслаждается чистым удовольствием, а я не могу получить и необходимой пищи; к нему, проживающему все на тунеядцев и льстецов и на пьянство, все течет, как из источников; а я, истощаемый голодом, лежу притчею для зрителей, позором и посмешищем; неужели это от Промысла? Неужели какая-то правда надзирает за делами человеческими?" Ничего такого он не сказал и не подумал. Из чего это видно? Из того, что ангелы, окружая его, отнесли и положили в лоно Авраама, столь великой чести он не удостоился бы, если бы был богохульником. Многие удивляются этому человеку потому только, что он был в бедности; а я могу насчитать девять мучений, которые он вытерпел не в наказание, но для того, чтобы сделаться более славным, что и исполнилось. И бедность действительно есть бедствие; это знают испытывавшие ее; никакое слово не может изобразить той скорби, какую терпят живущие в нищете и не умеющие любомудрствовать. Но у Лазаря не одно это было бедствие, и присоединялась к тому и болезнь, и притом чрезмерная. И смотри, как (Господь) показывает, что то и другое несчастье дошло до крайности. Что бедность Лазаря была тогда выше всякой бедности, это Господь выразил, сказавши, что он не получал и крупниц, падавших от трапезы богатого; а что и болезнь его дошла одинаково с бедностью до той меры, далее которой простираться уже невозможно было, это самое также Господь выразил, сказавши, что псы лизали раны его. Лазарь был так слаб, что и псов не мог отгонять, и лежал живым трупом, видя их, прибегающих к нему, но прогнать их не имея сил. Так у него члены были расслаблены, так иссушены болезнью, так измождены страданием! Видишь ли, что и бедность и болезнь с крайней жестокостью осаждали тело его? Если же каждое из этих

бедствий само по себе невыносимо и ужасно, то, когда они соединились вместе, не адамантом ли был терпевший их? Многие часто бывают больны, но не нуждаются в необходимой пище; другие живут в крайней бедности, но наслаждаются здоровьем, и одно бывает облегчением другого; но здесь сошлись вместе то и другое зло. Ты, может быть, назовешь мне кого-нибудь, который находится в болезни и бедности? Но - не в такой беспомощности. Тот, лежа на открытом месте, мог, если не от себя и не от домашних, то от видевших его получить помощь; а у этого вышесказанные бедствия еще более отягчались отсутствием каких-либо помощников; и эту беспомощность опять еще более тяжкою делало то, что он лежал в воротах богатого. Если бы он так страдал и был пренебрежен, лежа в пустыне и месте необитаемом, ему было бы не так больно: ибо то самое, что никого нет, невольно заставляет переносить приключаемое; но лежать посреди столь многих упивающихся и благоденствующих и ни от кого не получать ни малейшего сострадания, это еще более усиливало в нем чувство скорби и еще более производило уныние. Мы, обыкновенно, страдаем в несчастиях, не столько тогда, когда нет помощников, сколько тогда, когда и есть они, но не хотят подать руку помощи, отчего тогда и он страдал. Не было никого, кто бы или словом успокоил, или делом утешил его: ни друга, ни соседа, ни сродника, никого из видевших его: потому что развращен был весь дом богатого.

10. Притом скорбь его умножало еще и то, что он видел другого благоденствующим; не потому, чтобы он был завистлив и зол, но потому, что все мы обыкновенно яснее сознаем свои несчастия при благоденствии других. А при богатом было нечто другое, что еще более могло мучить Лазаря. Он сильнее чувствовал свои бедствия не только от сравнения собственного злополучия с благоденствием богатого, но и от мысли о том, что этот при жестокости и бесчеловечности своей во всем счастлив, а он, при своей добродетели и кротости, терпит крайние бедствия; от этого он страдал неутешною скорбью. Если бы богач был человек праведный, кроткий, дивный и исполненный всякой добродетели, то не опечалил бы Лазаря, а теперь, когда он живет порочно, и дошел до крайней степени нечестия, и такое показывает бесчеловечие, и питает самое враждебное расположение, и проходит мимо его, как мимо камня, бесстыдно и безжалостно, и после всего этого наслаждается таким благополучием, - представь, какими непрерывными, так сказать, волнами он вероятно заливал душу бедного; представь, каково было Лазарю видеть, как тунеядцы, льстецы, слуги поднимались вверх, сходили вниз, выходили, входили, бежали, шумели, упивались, скакали и делали всякие другие бесчинства. Как будто пришедши для этого именно, чтобы быть свидетелем чужого благополучия, он лежал в воротах, имея в себе жизни столько, чтобы только чувствовать собственные бедствия, испытывая кораблекрушение в пристани, близ источника мучась в душе жесточайшею жаждою. Сказать ли еще о другом бедствии сверх того? Он не мог видеть другого Лазаря. Мы, хотя бы терпели бесчисленные бедствия, можем, воззревши на него, получить достаточное утешение и иметь великую отраду; потому что для скорбящих бывает великое утешение, когда они находят соучастников своих бедствий, на самом ли то деле, или в рассказах. Но он не мог видеть никого другого, страдавшего одинаково с ним; не мог даже и слышать, чтобы кто-либо из его предков так же страдал; а это - в состоянии омрачить душу. Можно к этому прибавить еще и то, что он не мог сколько-нибудь любознательно о воскресении, но думал, что настоящие дела оканчиваются с настоящею жизнью; ибо он был из числа живших до благодати. Если же теперь между нами, при таком богопознании, при радостных надеждах воскресения, при ожидающих там грешников наказания и уготованных добродетельным благам некоторые бывают так малодушны и жалки, что не исправляются и этими ожиданиями; то как должен был страдать он, не имея и этого якоря? Он еще не мог ни о чем таком любознательно, потому что еще не наступило время этих догматов. Было при этом и еще нечто другое, - то, что неразумные люди могли

иметь о нем превратное мнение. Обыкновенно толпа, видя кого-нибудь в непрестанном голоде и недуге и в крайних бедствиях, составляет о таких людях недоброе мнение, от несчастия заключает о жизни, и думает, что они так бедствуют непременно за свои пороки, и много другого подобного говорит между собою, хотя неразумно, однако говорить: "если бы этот человек был любезен Богу, Он не попустил бы ему бедствовать в нищете и других несчастиях". Так было и с Иовом и с Павлом. Тому говорили: "[если] попытаемся мы [сказать] к тебе слово, - не тяжело ли будет тебе? Впрочем кто может возбранить слову! Вот, ты наставлял многих и опустившиеся руки поддерживал, падающего восставляли слова твои, и гнущиеся колени ты укреплял. А теперь дошло до тебя, и ты изнемог; коснулось тебя, и ты упал духом. Богобоязненность твоя не должна ли быть твоею надеждою, и непорочность путей твоих - упованием твоим?" (Иов. 4:2-6)?

Смысл этих слов такой: если бы ты сделал что-нибудь доброе, то не потерпел бы того, что ты потерпел; но ты несешь наказание за свои грехи и беззакония. Это более всего и огорчало блаженного Иова. И о Павле тоже говорили варвары: ибо, когда они увидели повисшую на руке его змею, то не подумали о нем ничего доброго, но сочли его за одного из величайших беззаконников, как видно из слов их: "когда его, спасшегося от моря" говорили они, "суд [Божий] не оставляет жить" (Деян. 28:4). А обыкновенно и это не мало возмущает нас. И однако, когда волны были столь многочисленны и неслись одна за другою, ладья (Лазаря) не потонула; но находясь в раскаленной печи, он любомудрствовал так, как бы прохлаждался непрерывною росой.

11. Он не сказал в самом себе ничего такого, что обыкновенно говорят многие: "если этот богач по смерти будет там наказан и предан мучению, то одно за одно; а если и там он будет наслаждаться такими же почестями, то два - не одно". Не носят ли многие из вас с этими словами по торжищам и из конского ристалища и языческих театров не вносят ли их в церковь? Я стыжусь и краснею, что высказал эти слова пред всеми, но надобно сказать о них, чтобы вы избавились от непристойного смеха и срама, и вреда, происходящего от этих слов. Их многие часто произносят, смеясь, но и это - дело дьявольской злобы: под видом шутивных слов вводит в жизнь нашу неправильные мнения. Их многие непрестанно повторяют и в мастерских, и на площади, и в домах; а это происходит от крайнего неверия и безумия, поистине смешного и детского смысла. Ибо говорить: если порочные по смерти будут наказаны, и не иметь твердого убеждения, что они непременно будут наказаны, свойственно неверующим и сомневающимся; а думать, что если и это случится, как и действительно случится, то они получат равное с праведными воздаяние, крайне безумно. Скажи мне, что это ты говоришь: "если богач по смерти наказывается там, то одно за одно?" Основательно ли это? Сколько лет хочешь ты дать ему наслаждаться здесь богатством? Хочешь ли, дадим сто? Я, со своей стороны, полагаю двести, и триста, и дважды столько, а если хочешь - и тысячу, что невозможно, потому что "Дней лет наших - семьдесят лет", говорится в Писании, "восемьдесят лет" (Пс. 89:10); но пусть будет и тысяча. Разве можешь ты, скажи мне, представить здесь жизнь, не имеющую конца и не знающую предела, какова жизнь праведных там? Итак, скажи мне, если бы кто, в продолжение ста лет, увидев в одну ночь приятный сон и во время его насладившись великим весельем, за это был наказываем сто лет, неужели он может говорить об этом: "одно за одно" и одну ночь сновидений считать равною со ста годами? Нельзя сказать этого. Так рассуждай и о будущей жизни. Что одно сновидение в сравнении со ста годами, то настоящая жизнь в сравнении с будущей жизнью, или лучше сказать - гораздо менее; что малая капля в сравнении с беспредельным морем, то тысяча лет в сравнении с будущей славою и блаженством. Что еще больше можно сказать (о будущей жизни) кроме того, что она не имеет предела и не знает конца, и какое различие между сновидениями и действительностью, такое же различие эта между настоящим и

тамошним состоянием? С другой стороны порочные и живущие во грехах, еще прежде тамошнего наказания, уже и здесь наказываются. Не говори мне только о том, что этот человек наслаждается роскошным столом, одевается в шелковые одежды, окружен толпами слуг и гордо выступает по площади, но открой пред мною совесть его, и увидишь внутри великий мятеж грехов, постоянный страх, бурю, смущение; - (увидишь), что ум, как бы на судилище, восшедши на царский престол совести и восседая подобно судии, представляет помыслы, как бы палачей, истязает душу и терзает ее за грехи и громко взывает, тогда как никто не знает об этом, кроме одного всевидящего Бога. Так прелюбодей, хотя бы был безмерно богат и не имел ни одного обвинителя, сам непрестанно обвиняет себя внутренне; удовольствие у него кратковременно, а скорбь постоянна; отовсюду страх и трепет, подозрение и беспокойство; он боится переулков, страшится самых теней, собственных рабов, как тех, которые знают, так и тех, которые не знают, той самой, которую он обесчестил, и оскорбленного мужа ее; где ни ходит, везде носит с собою жестокого обвинителя - совесть, сам осуждает себя и не может нимало успокоиться. Ибо и на ложе и за столом, и на площади и дома, и днем и ночью, и в самых сновидениях он часто видит образы своего греха, проводит жизнь Каина "изгнанником и скитальцем на земле" (Быт. 4:12) и, чего никто не знает, внутри себя имеет огонь, всегда пламенеющий. То же испытывают и хищники и корыстолюбцы, то же и пьяницы и вообще каждый из живущих во грехах; потому что невозможно извратить это судилище. Хотя бы мы и не совершали добродетели, однако скорбим, что не следуем ей; и хотя бы делали зло, однако, по прошествии греховного удовольствия, чувствуем скорбь. Не будем же говорить о живущих здесь в богатстве и пороках и о праведниках, наслаждающихся там, что "одно за одно" и что "два - не одно". Праведным и тамошнее и здешнее доставляют великое удовольствие: а порочные и корыстолюбивые и здесь и там наказываются. Они и здесь наказываются ожиданием тамошнего мучения, худым всеобщим о них мнением, и тем самым, что грешат и растлевают свою душу, и по отшествии отсюда терпят невыносимые мучения. Напротив праведники, хотя бы здесь терпели бесчисленные бедствия, питаются добрыми надеждами, вкушая удовольствие чистое, постоянное, непоколебимое; а после получают бесчисленные блага, как и этот Лазарь. Не говори мне, что он был в ранах, но обрати внимание на то, что он имел душу драгоценнее всякого золота, или лучше сказать, имел не только душу такую, но и тело; потому что доблесть тела состоит не в тучности и дородности, но в перенесении многих и столь тяжелых страданий. Не тот достоин отвращения, кто имеет на теле такие раны, но тот, кто, имея на душе бесчисленные язвы, нисколько не заботится о них, каков был и тот богач, внутренне весь изъязвленный. Как у Лазаря псы лизали раны его, так у богатого демоны - грехи его; и как первый жил в алчбе пищи, так последний - в алчбе добродетели.

12. Зная все это, будем любомудрствовать и не станем говорить, что, если бы такого-то Бог любил, то не попустил бы ему быть бедным. Это самое и служит величайшим доказательством любви Его: "Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает"(Евр. 12:6). И еще: "Сын мой! если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу твою к искушению: управь сердце твое и будь тверд"(Сир. II,3:1-2). Отвергнем же, возлюбленные, те негодные мысли и те простонародные слова: "сквернословие", говорит апостол, "пустословие и смехотворство, никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших"

(см. Еф. 5: 34; 4:29). Не будем и сами произносить их, а если увидим, что другие произносят их, заградим и им уста, сильно восстанем против них, удержим их бесстыдный язык. Если бы ты увидел, что какой-нибудь предводитель разбойников бегаёт по дорогам, нападает на проходящих, похищает находящееся на полях, зарывает золото и серебро в пещерах и подземельях, и запирает там много стад, одежд и рабов, приобретая их

своими набегами; то скажи мне, стал ли бы ты называть его блаженным за это богатство, и не назвал ли бы несчастным по имеющему постигнуть его наказанию? Хотя он еще не схвачен и не предан в руки судии, и не попал в темницу, и не обвинялся, и не осужден приговором, но веселится, пьянствует, наслаждается великим достатком; однако мы не считаем блаженным за настоящее и видимое, но называем несчастным по ожидающему его будущему. Так рассуждай и о богачах корыстолюбивых. Они - какие-то разбойники, засевающие при дорогах, грабящие проходящих и зарывающие имущества других в своих кладовых, как бы в пещерах и подземельях. Не станем же ублажать их за настоящее, но будем называть их несчастными за будущее, то страшное судилище и неизбежные истязания, тьму кромешную, которая постигнет их. Хотя разбойники нередко избегали рук человеческих; однако и зная это, мы и себе и врагам не желали бы их жизни и проклятого богатства. Но о Боге нельзя сказать этого: никто не избегнет Его приговора; но все, живущие любостыжанием и хищением, непременно навлекут на себя от Него наказание вечное и не имеющее конца, как и тот богач. О всем этом помышляя в самих себе, возлюбленные, будем считать блаженными не богатых, но добродетельных, а называть несчастными не бедных, но порочных; будем взирать не на настоящее, но на будущее, рассматривать не внешнее одеяние, но совесть каждого, и, стремясь к доблести и радости, проистекающей от добрых дел, будем и богатые и бедные подражать Лазарю. Он перенес не один, не два и не три только, но множество подвигов добродетели; именно: бедность, болезнь, отсутствие помощников, перенес все эти бедствия в доме, который мог прекратить их, и не удостоился ни от кого утешения, видел пренебрежение от наслаждавшегося таким весельем, и не только наслаждавшегося таким весельем, но и жившего в нечестии, и не терпевшего никакого бедствия; не мог видеть другого Лазаря, и не был в состоянии сколько-нибудь любомудрствовать о воскресении; кроме сказанных бедствий, терпел еще от толпы худое о себе мнение за эти несчастья, и не два или три дня, но во всю жизнь видел себя в таком несчастном состоянии, а богатого в противоположном. Какое же мы будем иметь оправдание, если, тогда как он с таким мужеством переносил все совокупившиеся бедствия, мы не перенесем и половины их? Ибо ты не можешь, не можешь указать и назвать еще другого, кто бы потерпел столь многие и столь тяжкие бедствия. Посему Христос и выставил его на вид, чтобы мы, если когда-либо впадем в несчастье, видя чрезмерность скорбей этого бедняка, получили достаточное ободрение и утешение от его любомудрия и терпения; он представляется общим во вселенной учителем для претерпевающих какое либо бедствие, предлагая всем смотреть на него и превосходя всех чрезмерностью собственных несчастий. Итак, возблагодарив за все это человеколюбивого Бога, будем извлекать пользу из этого повествования, постоянно имея при себе (Лазаря) и в собраниях, и дома, и на площади и везде и тщательно собирая все богатство из этой притчи, чтобы нам и настоящие бедствия переносить беспечально и получить будущие блага, чего да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, вместе со Святым Духом, слава, честь, поклонение, ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

[1] Здесь русифицированный славянский перевод.

[2] Последние слова даются в соответствии с Септуагинтой.

О ЛАЗАРЕ.

Полное заглавие этого слова следующее: "О Лазаре, и о том, что души умерших насильственной смертью не делаются демонами, и о суде и милостыне".

СЛОВО ВТОРОЕ.

Продолжение истории Лазаря и бессердечного богача. - Опровержение народного поверья, перешедшего от язычников, что люди, умершие насильственной смертью, становятся демонами. - Если Иисус Христос называет иудеев сынами диавола, то потому, что они подражали делам диавола. - Через свои грехи, а не через насильственную смерть люди могут уподобляться демону. - Трогательное описание смерти бедного Лазаря и смерти бессердечного богача. - Жестокость богача в сопоставлении с человеколюбием Авраама. - Закон милостыни. - Если бедный нуждается в хлебе, то нужно подать ему, хотя бы он был негодным человеком.

Я удивлялся вам, возлюбленные, когда недавно предлагал слово о Лазаре, что вы и хвалили терпение бедного и осуждали жестокость и бесчеловечие богатого: это - не малые доказательства доблести. Если мы, даже и не стяжав добродетели, однако хвалим добродетель, то, конечно, можем и стяжать ее; и если не избегаем порока, однако порицаем порок, то конечно можем и избежать его. Итак, если вы приняли с великим благорасположением ту беседу, то теперь я предложу вам и остальное. Тогда вы видели Лазаря в воротах богатого, сегодня посмотрите на него в лоне Авраама; видели его облизываемого псами, посмотрите на него несомого ангелами; видели его тогда в бедности, посмотрите теперь на него в наслаждении; видели в голоде, посмотрите в великом изобилии, видели подвизающимся, посмотрите на венчаемого; видели его труды, посмотрите на его награды, - (посмотрите) и богатые и бедные: богатые, чтобы вам не почитать великим богатство без добродетели; а бедные, чтобы вам не почитать бедности злом; для тех и других он стал учителем. Ибо, если он в бедности не роптал, то какое получают прощение делающие это в богатстве? Если он в голоде и стольких бедствиях благодарил, то какое будут иметь оправдание те, которые в достатке не хотят стяжать такой же добродетели? С другой стороны, какое получают прощение бедные, которые от нищеты негодуют и ропщут, тогда как он в голоде и бедности, в беспомощности и постоянной болезни, живя в доме богатого, оставаясь в пренебрежении от всех и не видя другого страдавшего подобно ему, оказывается столь любомудрым? От него научимся богатых не называть блаженными, а бедных несчастными; а лучше, если правду сказать, богат не тот, кто имеет многое, но тот, кто не нуждается во многом; и беден не тот, кто ничего не имеет, но тот, кто желает многого; это должно считать мерою бедности и богатства. Итак, если ты увидишь кого желающим многого, то считай его беднее всех, хотя бы он владел имениями всех; и с другой стороны, если увидишь кого не нуждающимся во многом, то считай его богаче всех, хотя бы он не имел ничего. Мы обыкновенно судим о бедности и богатстве по расположению души, а не по мере имущества. Как мы не назовем здоровым одержимого непрестанною жаждою, хотя бы он имел во всем достаток, хотя бы находился при реках и источниках (ибо что пользы от этого обилия воды, когда он остается в неутолимой жажде?); так будем относиться и к богатым: непрестанно желающих и жаждущих чужого никогда не будем считать здоровыми и наслаждающимися довольством. Кто не может удержать своего желания, тот хотя бы владел имениями всех, как будет когда-либо в избытке? А тех, которые довольствуются своим и остаются при своем, не засматриваясь на чужое имущество, хотя бы они были всех скуднее, должно считать благоденствующими более всех; ибо тот и благоденствует более всех, кто не нуждается в чужом, а с любовью довольствуется своим. Впрочем, если угодно, обратимся к предположенному предмету. "Умер, - говорит Господь, Лазарь, - и отнесен был Ангелами" (Лк. 16:22). Здесь хочу я исторгнуть из вашей

души злой недуг. Многие из простых людей думают, будто души умерших насильственной смертью делаются демонами. Нет, нет. Демонами делаются не души умерших насильственной смертью, но души живущих во грехах, не потому, чтобы переменилось их существо, но потому, что воля их подражает злобе демонов. Указывая на это, и Христос говорил иудеям: “Ваш отец диавол” (Ин. 8:44); сынами диавола Он назвал их не потому, чтобы они изменились в существо его, но потому, что совершали дела его; поэтому Он и присовокупил: “И вы хотите исполнять похоти отца вашего” (Ин. 8:44). Также Иоанн говорит: “Порождения ехиднины! кто внушил вам бежать от будущего гнева? Сотворите же достойные плоды покаяния и не думайте говорить в себе: отец у нас Авраам” (Лк. 3:7-8). Писание обыкновенно называет узами родства не те, которые бывают от природы, но которые - от добродетели и порока; и с кем кто одинаков в нравах, того Писание называет и сыном и братом его.

2. Но для чего диавол вселил такое дурное мнение? Он хотел поколебать славу мучеников. Так как они умирают насильственной смертью, то он, желая распространить дурное мнение о них, употребил это средство, но не успел в этом; ибо они продолжают сиять своею славою. Он же сделал другое тягчайшее зло, убедив этими мнениями служащих ему чародеев убивать многих простых юношей, в надежде, что они сделаются демонами, и потом будут служить им. Но это неправда, неправда! Почему же, скажешь, демоны говорят: “я душа такого-то монаха”? - Поэтому я и не верю, что говорят это демоны; потому что они обманывают слушающих. Посему и Павел заградил им уста, хотя они и правду говорили, чтобы они, воспользовавшись случаем, к истине не примешали и лжи, и не показались заслуживающими доверия. Так, когда они говорили: “Сии человеки - рабы Бога Всевышнего, которые возвещают нам путь спасения” (Деян. 16:17); то (Павел), наскучив этим, запретил прорицательному духу, и повелел ему выйти; между тем, что худого они говорили? “Сии человеки - рабы Бога Всевышнего”. Но так как многие из простых людей не умеют всегда обсуживать то, что говорят демоны, то (Павел) прямо лишил их доверия. Ты, говорит он, из числа отверженных, не смеешь говорить, молчи, онемей: не твое дело проповедовать; это - право апостолов; для чего похищаешь чужое? Молчи, ты отвержен. Так сделал и Христос. Когда демоны говорили Ему: “Знаю Тебя, кто Ты” (Мк. 1:24; Лк. 4:34), Он весьма строго запретил им, научая никогда не верить демону, хотя бы он говорил тебе что-либо здоровое. Зная это, не будем ни в чем верить демону, но, хотя бы он говорил что-либо истинное, отвратимся и убежим от него; потому что здоровое и спасительное учение можно узнать верно не от демонов, но из божественного Писания. А (то), что душа, вышедшая из тела, не подлежит насилию демонов, об этом послушай, что говорит Павел: “Умерший освободился от греха” (Рим. 6:7), т. е. уже не грешит. Если диавол не может сделать насилия душе, обитающей в теле, то, очевидно, - и вышедшей из тела. Как же, скажешь, грешат (души), если не терпят насилия? По своей воле и своему желанию предавая (греху) сами себя, а не по принуждению, не насильно; это доказали все те, которые преодолели козни диавола. Так Иова, сколько ни смущал, диавол не мог заставить произнести какое-либо богохульное слово (Иов. 2:9-10). Отсюда ясно, что мы властны следовать и не следовать его внушениям, и что не подлежим никакому принуждению и насилию со стороны его. Впрочем, не только из сказанного, но и из предложенной притчи очевидно, что, вышедши из тела, души не остаются здесь, но тотчас отводятся, и послушай, как. “Умер нищий, - говорит (Господь), - и отнесен был Ангелами” (Лк. 16:22). Но туда отводятся души не только праведных, но и живших порочно; это видно из примера другого богача. Когда “у одного богатого человека был хороший урожай в поле; и он рассуждал сам с собою ... И сказал: вот что сделаю: сломаю житницы мои и построю большие” (Лк. 12:16-18). Нет ничего жальче такой мысли. Точно, он разорил свои житницы; потому что безопасные житницы суть не стены, но утробы бедных; а он, оставив эти, заботился о стенах. Что же говорит ему Бог? “Безумный! в сию ночь душу твою

возьмут у тебя” (ст. 20). Посмотри, там сказано: “отнесен был Ангелами”, а здесь: “возьмут”; этого отвели, как узника, а того понесли с торжеством, как увенчиваемого. Как получившего на ристалище много ран и обгащенного кровью, потом украшенного венцом, стоящие пред ристалищем с великою славою берут и отводят домой, рукоплеща, восхваляя, удивляясь: так и Лазаря отвели тогда ангелы; а душу богача взяли некоторые страшные силы, может быть посланные для этого; ибо душа не сама собою отходит в ту жизнь, так как это и невозможно. Если мы, переходя из города в город, имеем нужду в руководителе; то тем более душа, исторгнутая из тела и переселяющаяся в будущую жизнь, нуждается в путеводителях. Поэтому часто она, готовясь выйти из тела, то возвышается, то ниспадает, и страшится и трепещет. Сознание грехов и всегда мучит нас, но особенно в тот час, когда предстоит нам быть отведенными на тамошние истязания и страшное судилище. Тогда похитил ли кто, или присвоил себе что-нибудь, оклеветал ли кого-нибудь, или враждовал против кого-нибудь несправедливо, или сделал другое какое-либо зло, - весь этот ряд грехов возобновляется; предстает пред глазами и мучит душу. И как живущие в темнице всегда бывают унылы и печальны, но особенно в тот день, в который они должны быть выведены и приведены к самым дверям судии, а стоя пред решетками судилища и слыша внутри голос судии, задыхаются от страха и бывают несколько не лучше мертвых; так и душа, хотя и в самое время греха весьма скорбит и мучится, но гораздо более тогда, когда она должна быть исторгнута и отведена отсюда.

3. Вы молчите, слушая это? Благодарю вас за это молчание более, нежели за рукоплескания; рукоплескания и похвалы делают меня славнейшим, а это молчание делает вас благоразумнейшими. Знаю, что слова мои огорчают, но и доставляют великую и невыразимую пользу. Если бы тот богач имел кого-нибудь, кто преподал бы ему подобное наставление, а не льстецов, которые предлагали все советы в угождение ему и влекли его к веселью, то он не был бы отведен в геенну, не подвергся бы невыносимым мучениям, и не раскаивался бы потом безутешно; но так как все говорили в угодность ему, то и предали его огню. О, если бы возможно было всегда и непрестанно так любомудрствовать и говорить о геенне! “Во всех делах твоих, - говорит (премудрый), - помни о конце твоём, и вовек не согрешишь” (Сир. 8:39). И еще: “Соверши дела ... окончи их на поле твоём, и потом устрой и дом твой” (Притч. 24:27). Если ты у кого похитил что-либо, возврати, и скажи подобно Закхею: “Воздам вчетверо” похищенное (Лк. 19:8). Если ты оклеветал кого, если сделался врагом кому-либо, примиришься до судилища. Все окончи здесь, чтобы тебе без забот увидеть то седалище (судии). Доколе мы здесь, дотоле имеем добрые надежды; а когда отойдем туда, то уже не в нашей власти будет покаяться и смыть с себя грехи. Посему должно приготовляться непрестанно к исходу отсюда. Что, если Владыке угодно будет позвать нас вечером? Что если завтра? Будущее не открыто нам, чтобы мы всегда были озабочены и готовы к отшествию туда, подобно как Лазарь постоянно был в скорби и терпении; за то и отведен был с такою честью. “Умер и богач, и похоронили его” (Лк. 16:22); душа его закопана была в теле, как в могиле, и носила на себе плоть, как гроб. Он был связан, как бы какими оковами, пьянством и чревоугодием, потому и душу свою сделал недейтельною и мертвою. Не оставляй без внимания, возлюбленный, слов: “похоронили его”; но представь здесь посребренные столы, постели, ковры, покрывала, все прочие домашние вещи, масти, ароматы, множество вина, разнообразные яства, сласти, поваров, льстецов, оруженосцев, рабов и всю прочую роскошь - померкшею и исчезнувшею. Все - пепел, все - прах и пыль, слезы и вопли; никто уже не может ни помочь, ни возвратит отшедшую душу. Тогда обличилась сила золота и великого богатства. От такого множества прислужников он отводим был нагим и одиноким, бессильным унести отсюда что-нибудь из такого богатства, оставленным всеми, беспомощным; не было при нем никого из служивших, кто бы помог ему и избавил его от наказания и мучения, но отторгнутый от всех, он один влеком был на

невыносимые муки. Подлинно, “Всякая плоть - трава, и вся красота ее - как цвет полевой. ...Трава засыхает, цвет увядает, а слово Бога нашего пребудет вечно” (Ис. 40:6,8). Пришла смерть, и все это истребила, и, как пленника, взяла и отвела его, поникшего долу, покрытого стыдом, оробевшего, трепещущего, уstraшенного, как будто во сне насладившегося всем прежним весельем; и теперь богач стал просить нищего и нуждаться в трапезе того, кто некогда томился голодом и доступен был устам псов; так изменились обстоятельства и все узнали, кто был этот богач, и кто был этот нищий, и что Лазарь был богаче всех, а тот - беднее всех. Как на сцене являются принимающие на себя лица царей, и военачальников, и врачей, и риторов, и софистов, и воинов, на самом деле не будучи ничем этим; так и в настоящей жизни - и бедность и богатство суть только маски. Посему, как ты, сидя в театре и увидев кого-либо из играющих внизу представляющим лицо царя, не называешь его счастливым и не считаешь за царя, и сам не пожелал бы быть таким, но, зная, что это - кто-либо из обращающихся на торжище, может быть, веревочник, или медник, или другой кто-либо такой, не считаешь его счастливым за его маску и одежду, и по ним не судишь об его жизни, напротив - отвращаешься от него за ничтожество его в других отношениях; так и здесь в мире, как бы сидя в театре и смотря на играющих на сцене, когда увидишь многих богатеющими, не почитай их истинно богатыми, но только представляющими мнимые лица богатых. Как тем, представляющим на сцене царя и военачальника, часто бывает раб или из числа продающих на рынке смоквы и виноград; так и этот богач часто бывает беднее всех. Если снимешь с него маску, раскроешь совесть и вникнешь в душу, то найдешь там великую бедность в добродетели, и его - самым бесчестным из всех людей. Ибо, как в театре, по наступлении вечера и по выходе сидевших там, эти представлявшиеся всем царями и военачальниками, вышедши вон и сбросив поддельный вид, являются уже тем, что они на самом деле; так и теперь, когда приходит смерть и зрелище закрывается, все отходят туда, сложив с себя мнимые виды богатства и бедности, и только, судя по делам, оказывается, кто из них истинно богатые и кто бедные, кто - досточтимые, а кто - бесчестные.

4. Часто иной из здешних богачей оказывается там беднее всех, подобно как и тот богач. Когда наступил вечер, т. е. смерть, и вышел он из зрелища настоящей жизни и сбросил мнимое лицо, то оказался там беднее всех, и столь бедным, что не имел в своем распоряжении даже капли воды, но и её просил, и даже этого просимого не получил. Что может быть беднее такой бедности? И, послушай, как это было: “Он поднял глаза свои, ... и, возопив, сказал: отче Аврааме! умилосердись надо мною и пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой” (Лк. 16:23-24). Видишь ли, что значит бедствие? Когда Лазарь был близко, он пробегал мимо его; а теперь, когда тот далеко, зовет его; на кого часто, и, входя и выходя, не смотрел, на того издали смотрит пристально. А для чего смотрит на него? Много раз, может быть, говаривал этот богач: “какая мне нужда в благочестии и добродетели? Все течет ко мне, как из источников; я наслаждаюсь великим богатством, великим благоденствием, не терплю никакой неприятности; для чего мне заботиться о добродетели? Этот нищий, живя в правде и благочестии, терпит бесчисленные бедствия”. Это же многие и ныне часто говорят. Чтобы вырваны были с корнем подобные злые мысли, богач видит, что и пороку уготована казнь, и подвигам благочестия - слава и венец. Но не для этого только богач смотрел на Лазаря, но и для того, чтобы ему потерпеть теперь в большей мере то, что терпел бедный; как у того усиливалось страдание тем, что он лежал в воротах богатого и видел чужое благоденствие; так и у этого наказание отягчалось теперь тем, что он лежал в геенне и видел блаженство Лазаря, так что его мучение было невыносимее не только по свойству наказаний, но и по сравнению с почестью бедного. Как, изгнавши Адама из рая, Бог поселил его напротив рая (Быт. 3:24 – со слав.) для того, чтобы постоянное воззрение на

рай - возобновляя скорбь, пробуждало в нем живейшее чувство потери благ, так и этого богача Он поместил прямо против Лазаря для того, чтобы он увидел, чего лишил себя. Я послал, говорит Он, к тебе в ворота нищего Лазаря, чтобы он был для тебя наставником добродетели и предметом человеколюбия; ты пренебрег этим благом и не хотел надлежащим образом пользоваться этим средством ко спасению; прими же его, как средство к большему наказанию и мучению. Из этого мы познаем, что все, нами оскорбляемые и обижаемые, предстанут тогда пред лицом нашим. Хотя Лазарь ни в чем не был обижен богатым, так как богатый не брал его денег, и только не давал ему своих. Если же не уделявший своего имеет обвинителем того, кому не оказал милости, то похитивший чужое, какое получит прощение, когда со всех сторон окружают его обиженные? Там не нужны ни свидетели, ни обвинители, ни доказательства, ни подтверждения: но самые дела явятся пред очами нашими в том виде, как мы их совершили. Вот человек, сказано будет, и дела его! - А не уделять из своего имущества есть также похищение. Может быть, слова мои кажутся вам удивительными; но не удивляйтесь; я представлю вам из божественных Писаний свидетельство о том, что не только похищать чужое, но и не уделять из своего другим означает хищение, и любостыжание, и отнятие. Какое же это свидетельство? Укоряя иудеев, Бог через пророка говорит: земля принесла плоды свои, и вы не внесли десятин; но похищенное у бедного в домах ваших (Мал. 3:10). Так как вы, говорит, не дали обыкновенных приношений, то похитили собственность бедного. Этими словами Он внушает богатым, что они владеют собственностью бедных, хотя бы получили отцовское наследство, хотя бы собрали богатство каким-либо другим способом. И еще в другом месте говорит: "Не отказывай в пропитании нищему" (Сир. 4:1); а лишаящий - отнимает чужое; потому что отнятием называется то, когда мы берем и удерживаем у себя чужое. Итак, из этого мы научаемся, что, когда мы не подаем милостыни, то будем наказаны наравне с похитителями. Эти имущества Господни, откуда бы мы их ни собрали; и если мы уделим из них бедным, то приобретем великое богатство. Бог попустил тебе иметь больше других не для того, чтобы ты тратил на блудодеяние, и пьянство, и пресыщение, и дорогие одежды, и на другие предметы роскоши, но для того, чтобы ты уделял нуждающимся. Как казнохранитель, получивший царские деньги, если не раздаст их кому приказано, а истратит на собственную прихоть, подвергается наказанию и гибели; так и богач есть как бы приемщик денег, следующих к раздаче бедным, получивший повеление разделить их нуждающимся из его сослужителей; посему, если он истратит на себя сколько-нибудь сверх необходимой нужды, то подвергнется там жесточайшей ответственности; потому что имущество его принадлежит не ему собственно, но его сослужителям.

5. Будем же беречь имущество, как чужое, чтобы оно стало нашим. Как же нам сберечь его, как чужое? Если будешь тратить его не на излишние надобности, и не на свои только, но и уделять в руки бедных; если ты богат, но тратишь сверх нужды, то ты дашь отчет во вверенных тебе деньгах. Это бывает и в домах вельмож; многие вверяют свои сокровища слугам своим; а получившие берегут вверенное им и не злоупотребляют сокровищами, но раздают их, кому и когда прикажет господин. Так поступай и ты; ибо не для того ты получил и принял больше других, чтобы истрачивать одному, но чтобы и для других ты был хорошим домоправителем. И то достойно рассмотрения, почему богатый видел Лазаря не у другого праведника, а в лоне Авраама. Авраам был гостеприимен; поэтому богатый видит Лазаря с ним для того, чтобы и это было обличением его негостеприимства. Тот и мимоидущих уловлял и привлекал в дом свой; а этот пренебрегал и лежавшим в доме его, и, имея такое сокровище и средство ко спасению, каждый день пробегал мимо его, и не воспользовался надлежащим образом покровительством нищему. Но патриарх поступал не так, а совсем напротив: сидя пред дверями, он уловлял всех проходивших; и подобно как рыболов, забрасывая сеть в море,

вытаскивает рыбу, а часто вытаскивает и золото и жемчужины, так и он, уловляя людей, уловил некогда и ангелов, и, что удивительнее, сам того не зная. Изумляясь этому, и Павел увещевает так: “Страннолюбия не забывайте, ибо через него некоторые, не зная, оказали гостеприимство Ангелам” (Евр. 13:2). И хорошо сказал он: “не зная”. Если бы патриарх, зная, принял их с такою благосклонностью, то не сделал бы ничего великого и дивного; но вся заслуга его в том, что, не зная, кто были проходившие, и, полагая, что это обыкновенные путники, - он с таким усердием пригласил их в свой дом. Так и ты, если покажешь великое усердие, принимая какого-нибудь знаменитого и славного человека, не сделаешь ничего удивительного; потому что знатность гостя часто заставляет и негостеприимного человека показать всю готовность; но весьма важно и дивно то, когда мы и людей обыкновенных, отверженных и низких принимаем с великим радушием. Посему и Христос, похваляя поступающих так, говорил: “Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне” (Мф. 25:40). И еще: “Нет воли Отца вашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих” (Мф. 18:14). И еще: “А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской” (ст. 6). И везде у Христа выражается великое попечение о малых и меньших. Зная это, и Авраам не расспрашивал проходивших, кто они и откуда, как мы ныне делаем; но просто принимал всех проходивших; потому что оказывающий благотворительность должен не жизнь бедного исследовать, но помочь бедности и удовлетворить нужде. Одно оправдание у бедного - недостаток и нужда; ничего больше не спрашивай у него; но если он, хотя бы был порочнее всех, нуждается в необходимой пище, то утолим голод его. Так поступать повелел и Христос: “Да будете, - говорил Он, - сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных” (Мф. 5:45). Милосердный есть пристань для нуждающихся, а пристань принимает всех, потерпевших кораблекрушение, и спасает от опасностей; злые ли, или добрые, или кто бы ни были те, которые находятся в опасности, - она принимает их в свои объятия. Так и ты, видя человека подвергшегося на земле кораблекрушению бедности, не осуждай и не требуй отчета, но избавь от несчастья. Для чего ты навлекаешь на себя труды? Бог освободил тебя от всякой заботы и беспокойства. Сколько стали бы многие говорить и негодовать, если бы Бог повелел - сперва с точностью разведывать жизнь, разузнавать поведение и поступки каждого, и потом уже подавать милостыню? А теперь мы освобождены от всякого такого затруднения. Для чего же мы сами навлекаем на себя излишние заботы? Иное - судия, иное - податель милостыни. Милостыня потому так и называется, что мы подаем ее и недостойным. Так поступать увещевает и Павел: “Делая добро, - говорит он, - да не унываем, ... будем делать добро всем, а наипаче своим по вере” (Гал. 6:9-10). Если мы станем расспрашивать и разведывать о недостойных, то и достойные не скоро попадутся нам; а если будем подавать и недостойным, то и достойные и подобные всем им попадут в наши руки, как и случилось с блаженным Авраамом, который, не расспрашивая и не разведывая о проходящих, сподобился принять некогда и ангелов. Будем же и мы подражать ему, а с ним и потомку его Иову; ибо и этот со всею точностью подражал великодушию предка, и потому говорил: “Двери мои я отворял прохожему” (Иов. 31:32); не для такого-то открыта, а для другого затворена, но для всех вообще была открыта.

б. Так, увещеваю, будем делать и мы, ничего не разведывая сверх надлежащего. Достоинство бедного составляет одна нужда; кто бы когда ни пришел к нам с нею, не станем ничего исследовать более; потому что мы подаем не нраву, а человеку, и жалеем его не за добродетель, а за несчастье, чтобы и самим нам привлечь на себя великую милость от Господа, чтобы и самим нам, недостойным, сподобиться Его человеколюбия. Если же мы станем в сослужителях наших отыскивать и исследовать достоинства, то и с

нами Бог сделает то же; и, стараясь истребовать отчет от равных нам рабов, сами лишимся вышнего человеколюбия. “Ибо каким судом судите, - говорит Господь, - [таким] будете судимы” (Мф. 7:2). Но обратим речь опять к своему предмету. Итак богач, увидев Лазаря в лоне Авраама, говорит: “Отче Аврааме! умилосердись надо мною и пошли Лазаря” (Лк. 16:24). Почему он обратил речь не к Лазарю? Мне кажется, потому, что он постыдился и посовестился, и по своим с ним поступкам полагал, что Лазарь непременно будет злопамятствовать. Если я, полагал он, наслаждаясь таким богатством и не потерпев никакого оскорбления, пренебрег этим человеком, находившимся в таких бедствиях, и не уделял ему даже крупниц, то тем более он, так пренебреженный, не склонится на милость. Говорю это не в осуждение Лазаря; нет, он был не таков; но потому, что богач, убоявшись этого, не его попросил, но воззвал к Аврааму, который, по его мнению, не знал происходившего (на земле), и попросил того перста, которому часто попускал быть лизанным псами. Что же тот? “Чадю! вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей” (ст. 25). Посмотри на любомудрие, посмотри на милосердие праведника. Он не сказал: бесчеловечный, жестокий и презлбный, столько зла причинивший этому человеку; ты вспоминаешь теперь о человеколюбии, милости и сострадании, и не совестишься и не стыдишься? Но что сказал он? “Чадю! ... ты получил уже доброе твое”, “Не смущай сердца уже огорченного”, - говорит премудрый, говорит премудрый (Сир. 4:3); довольно для него наказания; не будем еще нападать на него в несчастии. А с другой стороны, чтобы богач не подумал, будто Авраам по злопамятству за прошлое не посылает Лазаря, называет его чадом, как бы защищая самого себя этим названием. В чем властен я, говорит он, то даю тебе: но отсюда придти туда - уже не в нашей власти. “Ты получил уже доброе твое”. Почему он не сказал: приял, но: восприял (получил)[1]? Великая, вижу я, бездна мыслей здесь открывается нам. Посему, тщательно соблюдая все сказанное, со всею верностью будем хранить сказанное как теперь, так и прежде; и пусть послужит это к тому, чтобы вам сделаться более способными к слышанию имеющего быть сказанным; если вам будет возможно, помните все; если же не можете всего, то вместо всего, прошу, непрестанно помните то, что не уделять бедным из своего имущества значит - похищать у бедных и отнимать у них жизнь, и что мы владеем не нашею, но их собственностью. Если мы будем так настроены, то, конечно, станем раздавать свое имение, и, напивав здесь алчущего Христа и сложив там великое богатство, сподобимся получить будущие блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, вместе со Святым Духом, слава, честь, держава, ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

[1] В синодальном переводе мы видим одно слово "получил", которое не передает те оттенки смысла, который видит здесь Златоуст, т.е. можно просто "взять", а можно "взять у кого-нибудь".

О ЛАЗАРЕ

Полное заглавие этого слова следующее: "о Лазаре и о том, почему не сказал Авраам; приял "уже доброе твое в жизни твоей", но: восприял "получил", и почему праведники часто подвергаются опасностям, а грешники избегают их"

СЛОВО ТРЕТЬЕ

Почему сказано богачу не: "приял еси благая твоя в животе твоём", но "восприял"? - Почему праведники часто подвергаются опасностям, а грешники избегают их? - Необходимо всем христианам читать св. Писание, не только духовным, но и светским. - Последним еще более необходимо это чтение, потому что они более подлежат искушениям. Св. книги так превосходны, что они всегда полезны даже и тем, которые понимают их лишь немного. - То, что осталось непонятным при первом чтении, делается понятным при втором. - Незнание св. Писания есть источник ересей. - Бог не оставляет без вознаграждения никакого добра, даже совершенного злыми людьми, равно как не оставляет без наказания никакого греха, даже у добрых людей, и у них даже в особенности. - Нет ничего опаснее положения нечестивого, который благоденствует. - Похвала терпению. - Нетерпеливость есть мать богохульства. - Почему Бог не наказывает всех в этом мире? - Примеры терпения, заимствованные из Ветхого Завета.

Притча о Лазаре не мало пользы доставила нам, и богатым и бедным, одних научив легко переносить бедность, а других расположив не надмеваться богатством, самыми делами показав, что несчастнее всех тот, кто живет в роскоши и не уделяет никому из своего имущества. Поэтому и сегодня опять займемся тем же предметом; так и те, которые работают в рудниках, продолжают копать там, где увидят много золотых жил, и отстают не прежде, как извлеки все, что открывается. Возвратимся же к тому месту, где мы недавно остановили речь, и оттуда начнем ее. Конечно, можно было и в один день изъяснить вам всю эту притчу; но мы заботимся не о том, чтобы только сказать о многом и уйти, но чтобы вы, тщательно приняв и усвоив сказанное, получили от такой внимательности духовную пользу. Так, если чадолюбивая мать, намереваясь грудное дитя перевести на твердую пищу, станет вдруг вливать в его уста много вина, то не получает никакого успеха, потому что дитя извергает вон то, что ему дается, и заликает у себя на груди рубашку; но если мать станет вливать постепенно и понемногу, то дитя безвредно принимает данное. Посему, чтобы и вы не извергли преподанного, я не вдруг предложил вам чашу учения, но разделил ее для вас на многие дни и дал вам в промежутки этих дней успокоиться от труда слушания, чтобы и то, что уже преподано, твердо укоренилось в уме вашем, возлюбленные, и то, что имеет быть сказано, вы приняли душой спокойно и бодро. Для этого я часто за несколько дней наперед говорю вам содержание того, о чем будет сказано, чтобы вы в эти промежуточные дни, взяв Библию, прочитав весь отдел ее и узнав, что уже сказано и что еще осталось, сделали свой ум более способным к слушанию того, о чем будет сказано после. Я всегда внушаю и не перестану внушать, чтобы вы не только здесь внимали тому, что говорится, но и дома постоянно занимались чтением божественных Писаний. Это я всегда внушал и тем, которые частным образом бывают вместе со мною. Никто пусть не говорит мне этих холодных и достойных всякого осуждения слов: я привязан к судилищу, занимаюсь делами общественными, упражняюсь в ремесле, имею жену, воспитываю детей, управляю домом, я человек мирской; не мое дело читать Писания, но тех, которые отказались от мира, поселились на вершинах гор и ведут такую жизнь постоянно. Что говоришь ты, человек, будто не твое дело заниматься Писаниями, - вследствие того, что ты развлекаешься бесчисленными заботами? Нет, это - твое дело больше, нежели их; потому что они не столько имеют нужду в помощи божественных Писаний, сколько обращающиеся среди множества дел. Монахи, удалившись от торжища и от смятений торжища, устроив келии в пустыне и не имея ни с кем никакого общения, но любомудрствуя беспрепятственно в своей мирной тишине, как бы сидя в пристани, наслаждаются великою безопасностью; а мы, волнуемые, как бы среди моря, и впадающие во множество грехов, всегда нуждаемся в постоянном и непрерывном утешении от Писаний. Те сидят вдали от борьбы, от чего и немного получают ран; а ты постоянно находишься в боевом строе и получаешь непрерывные удары; поэтому и больше нуждаешься во врачевствах. И жена раздражает тебя, и сын

огорчает, и слуга приводит в гнев, и враг строит козни, и друг завидует, и сосед клеветает, и сослуживец поставляет ногу, не редко и судья угрожает, и бедность печаливает, и небрежность домочадцев заставляет плакать, и счастье надмевает, и несчастье повергает в уныние; и со всех сторон окружают нас многие случаи и поводы то к гневу, то к заботам, то к унынию и печали, то к тщеславию и гордости, и отовсюду несутся бесчисленные стрелы. Посему нам постоянно нужно всеоружие Писаний. "Знай", говорит премудрый, "что ты посреди сетей идешь и по зубцам городских стен проходишь" (Сир. 10:18). И похоти плотские сильнее восстают на обращающихся среди людей; ибо и благообразное лицо и красивое тело поражают нас чрез глаза, и постыдное слово, вошедши чрез слух, возмущает нашу мысль; а часто и песнь, искусно пропетая, нарушает доброе настроение души. Но что я говорю об этом? То, что кажется ничтожнее всего этого, именно запах благовоний, навеянный как-нибудь на пути распутными женщинами, по простой случайности увлекает человека в свой плен.

2. И много есть подобных обстоятельств, которые осаждают нашу душу; почему нам нужны божественные врачевства, чтобы мы могли и врачевать раны, уже полученные, и предотвращать еще не полученные, но угрожающие, издали обессиливая и отражая дьявольские стрелы постоянным чтением божественных Писаний. Ибо невозможно, невозможно спастись никому, кто не упражняется постоянно в духовном чтении; но и то еще хорошо, если мы, пользуясь непрестанно этим врачевством, успеем спастись когда-нибудь. Если же, получая каждый день раны, мы не будем пользоваться никаким врачевством, то какая нам надежда на спасение? Не видишь ли, как медных, золотых и серебряных дел мастера, или занимающиеся каким бы то ни было ремеслом, берегут в целости все орудия своего ремесла, и, хотя бы принуждал голод или угнетала бедность, лучше решаются потерпеть все, нежели продать, для своего пропитания, какое-нибудь из орудий своего ремесла? Многие часто решались скорее войти в долги, чтобы прокормить дом и детей, нежели продать даже малейшее из орудий своего ремесла; и весьма справедливо. Они знают, что когда проданы будут орудия, то все мастерство будет для них бесполезно и уничтожится всякая возможность благоприобретения; а когда орудия целы, то, упражняясь постоянно в своем ремесле, они могут со временем уплатить сделанные займы; если же поспешат продать их другим, то уже не будут в состоянии найти где-нибудь облегчение своей нищеты и голода. Так и мы должны настраивать себя. Как для них орудиями ремесла служат молот, наковальня и клещи; так и для нас орудиями нашего искусства служат апостольские и пророческие книги и все Писание, "богодуховенное и полезное" (2 Тим. 3:16). И как они теми орудиями обделывают всякие сосуды, за какие ни возьмутся: так и мы этими пособиями устроаем душу нашу, исправляем расстроившуюся, обновляем обветшавшую. Притом они показывают свое искусство не более, как в устройстве внешнего вида вещей: ибо не могут изменить вещества сосудов, ни сделать серебра золотом, но только изменяют формы их; а ты - не так: ты можешь сделать больше их; взяв деревянный сосуд, можешь когда-нибудь сделать его золотым. Свидетель этому Павел, который говорит так: "А в большом доме есть сосуды не только золотые и серебряные, но и деревянные и глиняные; и одни в почетном, а другие в низком употреблении. Итак, кто будет чист от сего, тот будет сосудом в чести, освященным и благопотребным Владыке, годным на всякое доброе дело" (2 Тим. 2:20-21). Итак, не будем пренебрегать приобретением (священных) книг, чтобы нам не получить смертельных ран; не будем зарывать золото в землю, но станем собирать себе сокровище духовных книг. Золото, когда умножается, тогда особенно и вредит приобретшим его; а эти книги приносят великую пользу имеющим их у себя. Как хранящиеся где-нибудь царские орудия, хотя бы и никто не пользовался ими, доставляют великую защиту живущим в том месте, потому что ни разбойники, ни подкапыватели стен, ни другие какие-либо злодеи, не осмеливаются напасть на этот дом; так, где есть

духовные книги, оттуда прогоняется всякая сила дьявольская, и живущим там бывает великое назидание в добродетели. Даже один вид таких книг делает нас более воздержными от греха; если мы и дерзаем на что-нибудь запрещенное и сделаем себя нечистыми, то, возвратившись домой и взглянув на эти книги, мы более осуждаем себя в совести и делаемся менее склонными к повторению тех же грехов, а если, напротив, будем жить благочестиво, то получим оттуда еще большую пользу. Как только кто касается Евангелия, то тотчас благоустраивает ум свой, и при одном только взгляде на него отрешается от (всего) житейского. Если же присоединится и внимательное чтение, то душа, как бы вступая в таинственное святилище, очищается и делается лучшею, так как с нею беседует Бог через эти Писания. А что, скажут, если мы не понимаем содержащегося в них? Даже если ты и не понимаешь содержащегося в них, от самого чтения бывает великое освящение. Впрочем невозможно, чтобы ты одинаково не понимал всего; благодать Духа для того именно и устроила, что эти книги сложили мытари, рыбаки, скинотворцы, пастыри овец и коз, люди простые и неученые, чтобы никто из простых людей не мог прибегать к такой отговорке, чтобы всем было удобопонятно то, что говорится, чтобы и ремесленник, и слуга, и вдовья женщина, и необразованнейший из всех людей получали пользу и назидание от слушания; ибо не для суетной славы, как внешние (мудрецы), но для спасения слушателей сложили все это те, которые в начале удостоились благодати Духа.

3. Внешние философы, и риторы, и писатели, искавшие не общей пользы, но имевшие в виду только возбудить удивление к самим себе, если и говорили что-нибудь полезное, прикрывали это, как бы каким мраком, постоянной неясностью. Но апостолы и пророки делали все напротив: они преподавали учение ясное и понятное для всех, как общие учителя вселенной, чтобы каждый и сам собою при одном чтении мог понять сказанное. Предвозвещая это и пророк говорил: "и будут все научены Богом, и уже не будут учить друг друга, брат брата, и говорить: "познайте Господа", ибо все сами будут знать Меня, от малого до большого" (Иер. 31:34; Ин. 6:45). И Павел говорит: "и когда я приходил к вам, братия, приходил возвещать вам свидетельство Божие не в превосходстве слова или мудрости"

и еще: "И слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы", и еще: "Мудрость же мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века сего и не властей века сего преходящих" (1 Кор. 2:1,4,6). И для кого неясно все, что заключается в Евангелиях? Кто, слыша, что "блаженны кроткие, блаженны милостивые, блаженны чистые сердцем" (Мф. 5:5,7,8) и подобное этому, будет нуждаться в учителе, чтобы сколько-нибудь понять сказанное? А обстоятельства знамений и чудес и исторических повествований не всякому ли понятны и ясны? Вышесказанное есть только предлог, отговорка и прикрытие лени. Ты не понимаешь того, что содержится? Но как и понять тебе, когда ты не хочешь даже просто взглянуть в книгу? Возьми в руки книгу; прочитай всю историю, понятное удержи в памяти, а неясное и непонятное прочитай несколько раз; если же и при частом чтении не в состоянии будешь понять того, о чем говорится; ступай к мудрейшему, пойдешь к учителю, снесись с ним о сказанном, покажи великое усердие; и Бог видя, что ты употребляешь такое старание, не презрит твоей неусыпной заботливости; если человек не изъяснит тебе искомого, то Он сам несомненно откроет. Вспомни о евнухе царицы эфиопской, который, быв иноплеменником и занят множеством забот и отовсюду окружен многими делами, хотя не понимал того, что читал, однако читал, сидя в колеснице. Если же он на пути показал такое усердие, то представь, каков он был, находясь дома; если во время путешествия он не хотел оставаться без чтения, то тем более, сидя в доме; если и не понимая читаемого он не оставлял чтения, то тем более после того, как стал понимать. А что он не понимал читаемого, об этом

послушай, что говорит ему Филипп: "разумеешь ли, что читаешь" (Деян. 8:30)? Он же, услышав это, не покраснел, не устыдился, но признался в своем неведении и сказал: "как могу разуместь, если кто не наставит меня" (Деян.8:31). Так как он, еще не имея руководителя, читал столь усердно, то за это скоро получил и руководителя. Бог увидел его ревность, принял усердие, и скоро послал ему учителя. Но ныне нет Филиппа? За то есть Дух, подвигнувший Филиппа. Не будем же возлюбленные, пренебрегать своим спасением; "все это написано для нас, описано в наставление нам, достигшим последних веков" (1 Кор. 10:11). Великая защита от грехов - чтение Писаний, а незнание Писаний - великая стремнина и глубокая пропасть; великая потеря для спасения - не знать ничего из божественных постановлений. Это незнание породило ереси; оно привело и к развратной жизни; оно перевернуло все вверх дном; ибо невозможно, невозможно, чтобы без плода остался тот, кто постоянно с усердием занимается чтением (Писаний). Вот одна притча сколько пользы принесла нам? Сколько улучшила нашу душу? Я хорошо знаю, что многие ушли отсюда, получив довольно пользы от слушания; если же есть такие, которые не столько собрали плодов, однако и они, по крайней мере в тот день, когда слушали, конечно были лучше. Не маловажное дело и один день провести в сокрушении о грехах, устремить взор к высшему любомудрию и дать душе, хотя немного, успокоиться от житейских попечений. А если мы будем делать это при каждом собрании и неопустительно, то такая непрерывность слушания произведет в нас великое и прекрасное благо.

4. Теперь я сообщу вам и последующие обстоятельства притчи. Что же следует? Когда богатый сказал: "пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой"; послушаем, что говорит Авраам: "чадо! вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь - злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь; и сверх всего того между нами и вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят" (Лк. 16:24-26). Тяжки эти слова и много содержат в себе прискорбного для нас. Знаю это и я; но чем сильнее они действуют на совесть, тем больше приносят пользы душе испытывающих это действие. Если бы это там сказано было нам, как и богачу, то поистине надлежало бы плакать, скорбеть и сетовать о том, что нам уже не осталось времени на покаяние; но так как мы слышим это здесь, где возможно и покаяться, и омыть грехи, и приобрести великое дерзновение, и исправиться, убоявшись несчастья, случившегося с другими; то будем благодарить человеколюбивого Бога, наказанием других избавляющего нас от беспечности и пробуждающего нас от сна. Для того и сказано это упреждающе, чтобы нам не потерпеть того же. Если бы (Бог) хотел наказать нас, то не сказал бы этого предупреждения; но так как Он не хочет подвергнуть нас мучению, то наперед говорит об нем, чтобы мы, вразумившись этим предостережением, не испытали мучения на самом деле. Но почему не сказал (Авраам): приял еси благая твоя, а - восприял? Вы, конечно, помните сказанное мною, что здесь открывается нам великая и неизмеримая бездна мыслей. Словом: восприял показывается и раскрывается некоторый долг; ибо воспринимают должное. Если же этот богач был нечестив и преступен, и жесток и бесчеловечен; то почему Авраам не сказал ему: приял еси благая твоя, а - восприял, как бы по праву принадлежащее ему и должное? Чему научаемся мы отсюда? Тому, что, хотя некоторые и нечестивы и дошли до крайности во зле, но иногда и они делали хотя бы одно, или два, или три добрых дела. А что я говорю это теперь не по догадке, видно из следующего. Кто был преступнее, бесчеловечнее, нечестивее неправедного того судии, который ни Бога не боялся, ни людей не стыдился? Но, живя в таком нечестии, он сделал и нечто доброе: он сжалился над вдовою, которая постоянно беспокоила его, преклонился на милость, исполнил просьбу ее и наказал тех, которые обижали ее (Лк. 18:2-5). Так бывает, что иной невоздержан, но иногда милостив; или бесчеловечен, но

целомудрен; если же невоздержан и жесток, однако сделал когда-нибудь в жизни хотя бы одно доброе дело. То же, наоборот, надобно думать и о людях добрых. Как самые нечестивые иногда делают что-нибудь доброе, так и честные и добродетельные нередко в чем-нибудь погрешают; ибо "кто может сказать:", говорит премудрый, "я очистил мое сердце, я чист от греха моего?" (Прит. 20:9)? Поэтому, так как вероятно, что и богач, хотя дошел до крайнего нечестия, делал что-нибудь доброе, и Лазарь, хотя достиг верха добродетели, погрешал в чем-нибудь неважном, то посмотри, как на то и другое указал патриарх словами: восприял еси благая твоя, и Лазарь такожде злая. Смысл слов такой: если ты сделал что-нибудь доброе и тебе за это следовала награда, то ты все уже восприял в том мире, живя в веселии и в богатстве, наслаждаясь великим благоденствием и благополучием; и Лазарь, если сделал что-нибудь худое, то восприял все, пострадав от бедности, голода и крайних бедствий; и каждый из вас пришел сюда обнаженным - он от грехов, а ты от дел правды; поэтому здесь он имеет чистое утешение, а ты терпишь безотрадную муку. Подлинно, если добрые дела наши малочисленны и незначительны, а грехов великое и невыразимое бремя, и при этом еще будем здесь наслаждаться благополучием и не потерпим никакого бедствия, то отойдем отсюда совершенно обнаженными и отчужденными от награды и за добрые дела, как уже восприявшие все здесь; равно как, если наши добродетели велики и многочисленны, а грехи малочисленны и незначительны, между тем мы потерпим какое-либо бедствие, то, сложив с себя здесь и эти немногие грехи, мы там получим чистое и совершенное воздаяние за добрые дела. Итак, когда ты увидишь, что кто-либо, проводя жизнь в нечестии, не терпит здесь никакого бедствия, не ублажай его, но плачь и сожалей о нем, как о человеке, который там подвергнется всем бедствиям, как и этот богач. Напротив, когда увидишь, что кто-либо печется о добродетели и терпит бесчисленные искушения, ублажи его и подражай ему; потому что ему и здесь разрешаются все грехи, и там готовятся многие награды за терпение, как было и с этим Лазарем.

5. Из людей одни наказываются только здесь, а другие здесь не терпят никакого бедствия, но все наказание получают там; иные же наказываются и здесь и там. Которых же из этих трех (разрядов людей) вы ублажаете? Знаю, что - первых, которые здесь наказываются и слагают с себя грехи. А после них - которых ставите вторыми? Вы, может быть, тех, которые здесь ничего не терпят, но все наказание получают там? А я не этих, но тех, которые наказываются и здесь и там; потому что кто здесь понес наказание, тот легчайшей подвергнется казни там; а кто должен там понести все наказание, тот подвергнется непременно осуждению; подобно как и этот богач, не получив здесь никакого разрешения от своих грехов, там наказан так жестоко, что не мог получить и малой капли воды. Но и из этих грешников, которые не терпят здесь никакого бедствия, более несчастными я считаю тех, которые кроме того, что не наказываются здесь, наслаждаются еще весельем и счастьем. Как то, что грешники не несут наказания за грехи здесь, приготовляет им тягчайшее наказание там; так то, что они еще наслаждаются благополучием, весельем и богатством, бывает для них поводом и причиною большего наказания и мучения там. Когда мы, несмотря на грехи наши, пользуемся милостью от Бога, то это самое наиболее может ввергнуть нас в сильнейший огонь. Если испытывающий на себе только долготерпение (Божие), но не воспользовавшийся им, как должно, подвергнется тягчайшему наказанию, то кто избавит его от такого наказания, если он, при долготерпении, будет получать еще величайшие милости, и несмотря на это пребудет в нечестии? А что пользующиеся здесь долготерпением (Божием) собирают себе полное наказание там, если не покаются, об этом, послушай, что говорит Павел: "Неужели думаешь ты, человек, что избежишь суда Божия, осуждая делающих такие [дела] и (сам) делая то же? Или пренебрегаешь богатство благости, кротости и долготерпения Божия, не разумея, что благость Божия ведет тебя к покаянию? Но, по

упорству твоему и нераскаянному сердцу, ты сам себе собираешь гнев на день гнева и откровения праведного суда от Бога" (Рим. 2:3-5). Итак, когда мы увидим, что некоторые обладают богатством, живут в роскоши, намащаются благовониями, проводят дни в пьянстве, пользуются великою властью и славою, великим блеском и знатностью и, несмотря на грехи свои, не терпят никакого бедствия, то будем плакать и сожалеть о них особенно потому самому, что они, согрешая, не наказываются. Как, видя кого-нибудь одержимым водяною болезнью или расстройством печени, или страждущим какою-либо заразою и со всех сторон множеством ран, и при всем том предающимся пьянству и веселью и таким образом усиливающим свою болезнь, ты не только не удивляешься ему и не считаешь его счастливым от веселья, но по этому самому особенно и называешь его несчастным; так рассуждай и о душе. Когда ты увидишь, что человек живет в нечестии, однако наслаждается великим благоденствием и не терпит никакого бедствия; то потому более и пожалей его, что он, подвергшись болезни и самой тяжкой заразе, усиливает болезнь, от веселья и неумеренности делаясь худшим; ибо не наказание есть зло, но грех; он удаляет нас от Бога; а наказание приводит к Богу и прекращает гнев Его. Откуда это видно? Послушай пророка, который говорит: "утешайте, утешайте народ Мой, говорит Бог ваш; говорите к сердцу Иерусалима и возвещайте ему, что исполнилось время борьбы его, что за неправды его сделано удовлетворение, ибо он от руки Господней принял вдвое за все грехи свои" (Ис. 40:1-2). И еще: "Господи! Ты даруешь нам мир; ибо и все дела наши Ты устрояешь для нас" (Ис. 26:12). А чтобы вам убедиться, что одни наказываются здесь, другие там, а иные и здесь и там, об этом, послушайте, что говорит Павел, обличая тех, которые недостойно приобщаются таинствам. Сказав, что вкушающий и пьющий недостойно Тело и Кровь Господа, "виновен будет против Тела и Крови Господней", он тотчас присовокупил: "от того многие из вас немощны и больны и немало умирает. Ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы. Будучи же судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром" (1 Кор. 11:27, 30-32). Видишь ли, как здешнее наказание избавляет нас от тамошнего мучения? И о прелюбодее он говорит: "предать сатане во измождение плоти, чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа" (1 Кор. 5:5). И из примера Лазаря видно, что, если он сделал что-либо худое, то омыл это здесь, а таким образом отошел туда чистым; то же видно и из примера расслабленного, который, быв одержим недугом тридцать восемь лет, продолжительностью болезни загладил грехи. А что он так страдал за грехи, об этом, послушай, что говорит Христос: "вот, ты выздоровел; не грехи больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже" (Ин. 5:14). Из всего этого видно, что некоторые здесь наказываются и освобождаются от грехов.

б. А что некоторые наказываются и здесь и там, если здесь не получают наказания соответствующего тяжести грехов, об этом, послушай, что говорит Христос, касаясь содомлян. Сказав: "если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то отрясите прах от ног ваших", Он присовокупил: "отраднее будет земле Содомской и Гоморрской в день суда, нежели городу тому" (Мф. 10:14-15). Словом "отраднее" Он показал, что и содомляне будут наказаны, но легче, потому что и здесь уже потерпели наказание. А что есть такие, которые, не потерпев здесь никакого бедствия, там понесут все наказание, это показал нам упомянутый богач, претерпевающий там неослабную казнь и не получающий и малой отрады, потому что там ожидало его все наказание. Посему, как из грешников те, которые здесь не терпят никакого бедствия, большему наказанию подвергнутся там, так и из праведников те, которые здесь терпят много бедствий, большую честь получают там. И как из двух грешников, из которых один здесь наказан, а другой не наказан, наказанный блаженнее ненаказанного; так и из двух праведников, из которых здесь один потерпит большие, а другой меньшие скорби, блаженнее претерпевший большие, потому что Господь каждому воздаст по делам его. Что же? Неужели, скажут, нет ни одного такого,

который бы и здесь и там наслаждался спокойствием? Трудно это, человек, и даже невозможно. Невозможно, поистине невозможно тому, кто живет здесь в нерадении и беспечности, постоянно наслаждается всем и проводит жизнь тщетно и напрасно, удостоиться чести там. Если его не мучит бедность, то мучит похоть, и он предается ей, а в этом - немалый труд; если не беспокоит болезнь, то разжигает гнев, а победа над гневом сопряжена с немалым огорчением; если не нападают искушения, то непрестанно восстают лукавые помыслы. Не легко обуздать порочную похоть, укротить тщеславие, смирить гордость, отстать от веселья, вести строгую жизнь; а кто этого и тому подобного не делает, тому невозможно спастись. А что живущие в весельи не спасутся, послушай, что говорит Павел о вдовице: "сластолюбивая заживо умерла" (1 Тим. 5:6). Если же это сказано о жене, то тем более о муже. И что ведущему роскошную жизнь невозможно достигнуть небес, это объяснил и Христос, сказав так: "тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их"

(Мф. 7:14). Как же, скажут, Он говорит: "иго мое благо и бремя мое легко" (Мф. 11:30)? Если путь тесен и прискорбен, то как Он еще называет его удобным и легким? То - по свойству искушений, а это - по произволению идущих; ибо и невыносимое по свойству своему может сделаться легким, если мы примемся за него с охотой. Так и апостолы, потерпев побои возвращались с радостью о том, что удостоились принять бесчестие за имя Господне (Деян. 5:41); хотя мучения, по свойству своему обыкновенно причиняют боль и скорбь, но произволение потерпевших побои победило самую природу вещей. Поэтому и Павел говорит: "все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы" (2 Тим. 3:12); так что, если не преследует их человек, то враждует против них диавол; и нужно нам много любомудрия и великое терпение, чтобы бдеть и бодрствовать в молитвах, чтобы не желать чужого, чтобы раздавать имение нуждающимся, чтобы решительно отказаться от всякой роскоши как в одежде, так и в трапезе, чтобы избежать любостяжания, пьянства, злословия, чтобы воздерживать язык и не кричать бесчинно, как говорит апостол: "всякое раздражение и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякою злобою да будут удалены от вас"

(Еф. 4:31), чтобы не сквернословить, чтобы не произносить шуточных слов. А немалый труд - соблюдать это с точностью. Чтобы понять тебе, как трудно любомудрствовать и как не совместен с этим делом покой, послушай, что говорит Павел: "усмиряю и поработаю тело мое" (1 Кор. 9:27). Этими словами он указал на то принуждение и великий труд, какие необходимо употреблять желающим сделать тело свое благопокорным во всем. И Христос говорил ученикам: "в мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир" (Ин. 16:33). Эта скорбь, говорит Он, доставит вам покой; настоящая жизнь есть место борьбы; а на месте борьбы и среди подвигов не может наслаждаться покоем тот, кто хочет быть увенчанным. Итак, если кто хочет быть увенчанным, тот пусть изберет жизнь суровую и трудную, чтобы, потрудившись здесь немного времени, насладиться там вечною почестью.

7. Сколько огорчений встречается каждый день! Какова же должна быть душа, чтобы не роптать и не унывать, но благодарить, прославлять и почитать поклонением Того, Кто попускает такие искушения? Сколько неожиданностей, сколько стеснительных обстоятельств! Между тем надо подавлять лукавые помыслы и не позволять языку произносить что-нибудь неуместное, как и блаженный Иов, претерпевая бесчисленные скорби, не переставал благодарить Бога. А есть такие, которые, если потерпят в чем-нибудь неудачу или услышат злословие от кого-либо, или подвергнутся болезни, например, ног или головы, или какой-нибудь другой, тотчас начинают богохульствовать, и таким образом тяжесть болезни несут, а пользы от нее лишаются. Что делаешь ты,

человек, произнося хулу на своего Благодетеля, Спасителя, Заступника и Промыслителя? Или не чувствуешь, что ты несешься к пропасти и ввергаешь себя в бездну крайней гибели? Неужели ты облегчишь свое страдание, если будешь богохульствовать? Нет, ты только увеличиваешь его и делаешь свое мучение более тяжким. Для того диавол и наводит бесчисленные бедствия, чтобы низринуть тебя в эту бездну; и если видит, что ты богохульствуешь, то немедленно умножает и усиливает горести, чтобы мучимый ими, ты опять возроптал; а если видит, что ты переносишь мужественно, и чем более усиливается страдание, тем более благодаришь Бога, то он тотчас отступает, как уже нападающий тщетно и напрасно. Как пес, стоя у стола и видя, что человек, вкушающий пищу, часто бросает ему что-нибудь из лежащего на столе, остается тут безотлучно; если же, постоявши раз и два раза, не получит ничего, то отходит прочь, как пристававший тщетно и напрасно; так и диавол постоянно стоит пред нами с открытою пастью; если бросишь ему, как псу, богохульное слово, то он, схватив его, опять приступит; если же всегда будешь благодарить Бога, то уморишь его голодом и скоро отгонишь и заставишь отбежать. Но ты не можешь молчать, страдая от горести? И я не запрещаю тебе говорить, но вместо хулы - благодарение, вместо ропота - благословение. Исповедуйся Господу, молясь, громко восклицай, прославляя Бога; от этого у тебя и страдание облегчится, так как диавол отбежит вследствие благодарения, а помощь Божия приблизится. Если ты будешь богохульствовать, то и помощь Божию отстранишь и диавола усилишь против тебя, и себя подвергнешь большим страданиям; если же будешь благодарить, то и козни лукавого демона отразишь и привлечешь к себе помощь Бога-промыслителя. Часто язык по привычке порывается произнести худое слово. Но когда он будет порываться, то, прежде нежели он произнесет такое слово, прикуси его крепко зубами. Лучше ему теперь истечь кровью, нежели тогда, почувствовав нужду в капле воды, не получить этого утешения; лучше ему потерпеть временную боль, нежели тогда подвергнуться наказанию вечным мучением, подобно как и язык того богача, опаляемый огнем, не получил никакой прохлады. Бог заповедал тебе любить твоих врагов, а ты отвращаешься и от любящего тебя Бога? Заповедал превозносить поносящих, благословлять проклинаящих, а ты злословишь Благодетеля и Покровителя, не потерпев ничего худого? Разве Он не мог отратить искушения? Но он попустил для того, чтобы ты сделался опытнее. Но вот, говоришь ты, я падаю и гибну. - Не от свойства искушения, а от собственной твоей беспечности. Что легче, скажи мне, хула или благодарение? Та не делает ли слышащих ее врагами тебе и неприятелями, не ввергает ли в уныние и не причиняет ли потом великой скорби? А это не доставляет ли тебе бесчисленных венцов за любомудрие, бесчисленных знаков удивления от всех и великих наград от Бога? Почему же ты, оставляя полезное, удобное и приятное, вместо этого гонишься за тем, что вредит, печалит и мучит? Кроме того, если бы причиною богохульства была тяжесть искушения и бедности, то всем бедным надлежало бы богохульствовать; а между тем многие из живущих в крайней бедности, постоянно благодарят Бога; а другие, наслаждаясь богатством и весельем, не перестают богохульствовать. Таким образом не существо вещей, а наше произволение бывает виною того и другого. Для того я и прочитал эту притчу, чтобы ты знал, что беспечному не поможет и богатство, а внимательному и бедность не может повредить. Что я говорю, бедность? Если совокупятся даже все бедствия человеческие, то и они не возмутят души боголюбивого и любомудрого, и не принудят оставить добродетель (свидетель этому Лазарь); равно как нерадивому и изнеженному никогда не могут принести пользы ни богатство, ни здоровье, ни постоянное благоденствие, ни что-либо другое.

8. Итак, не будем говорить, что бедность, и болезнь, и нападения опасностей принуждают богохульствовать. Не бедность, а безумие; не болезнь, а небрежность; не нападения опасностей, а скудость благочестия доводит невнимательных и до богохульства и до

всякого зла. Но почему, скажешь, одни наказываются здесь, другие там, а не все здесь? Почему? Потому что, если бы так было, мы все погибли бы; так как все мы подлежим наказанию. С другой стороны, если бы никто не наказывался здесь, очень многие сделали бы еще небрежнее, а многие сказали бы, что нет и Провидения; ибо, если и теперь так многие богохульствуют, хотя и видят, что многие из порочных наказываются, то чего они не сказали бы, если бы и этого не было? До какого зла не дошли бы тогда? Посему Бог одних здесь наказывает, а других не наказывает; наказывает некоторых, отсекая их грехи и облегчая для них тамошнее наказание, или и совершенно освобождая их от него, их наказанием вразумляя живущих в нечестии; а других напротив не наказывает, чтобы они, если будут внимательны к самим себе, покаившись и устыдившись долготерпения Божия, избавились и от здешнего наказания и от тамошнего мучения; а если пребудут в нечестии, не вразумляясь долготерпением Божиим, то подверглись бы большему наказанию за свою крайнюю небрежность. Если же кто из считающих себя сведущими станет говорить, что наказываемые терпят несправедливость (потому что они могли бы покаяться), то мы скажем, что, если бы Бог предвидел их раскаяние, то и не наказал бы их. Если Он терпит тех, о которых знает, что они останутся неисправимыми, то тем более тех, о которых бы знал, что они употребят во благо Его долготерпение, пощадил бы в настоящей жизни, чтобы они отсрочкою времени воспользовались для покаяния. Между тем, поражая их ранее, Он и для них облегчает тамошнее наказание, и других вразумляет их наказаниями. А для чего Он это делает не со всеми грешниками? Для того чтобы остающиеся (в живых) вразумились страхом и наказаниями других, и, восхвалив долготерпение Божие и устыдившись Его снисхождения, оставили нечестие. Но они, скажешь, ничего такого не делают? В этом уже виновен не Бог, а беспечность тех, которые не захотели воспользоваться такими пособиями к своему спасению. А чтобы тебе увериться, что для этого Он так поступает, послушай. Смешал некогда Пилат кровь галилеян с кровью жертв, о чем некоторые, пришедши, возвестили Христу; Он же сказал: "думаете ли вы, что эти Галилеяне были грешнее всех Галилеян, что так пострадали? Нет, говорю вам, но, если не покаетесь, все так же погибнете" (Лк. 13:2-3). Еще другие восемнадцать погибли под развалинами некоторой башни; и о них Он сказал то же (Лк. 13:4-5). Словами: "думаете ли вы, что эти были грешнее всех; нет, говорю вам", Он выразил, что и оставшиеся в живых подлежали тому же; а словами: "если не покаетесь, все так же погибнете", показал, что и тем Бог попустил пострадать для того, чтобы оставшиеся в живых, утраившись случившегося с другими и покаившись, сделали наследниками царствия. Что же, скажешь, другой наказывается для того, чтобы я сделался лучше? Не для этого он наказывается, а за свой грех; но кроме того для внимательных он становится средством к спасению, страхом случившегося с ним делая их более исправными. Так поступают и господа: часто, наказав одного слугу, они страхом делают других более благоразумными. Итак, когда увидишь, что некоторые или погибли при кораблекрушении, или задавлены зданием, или истреблены пожаром, или потонули в реке, или другим каким-нибудь насильственным образом окончили жизнь, между тем как другие, грешившие подобно им или еще хуже, ничего такого не потерпели, не смущайся и не говори: почему согрешившие одинаково не пострадали одинаково? Но рассуждай так, что Бог одному попустил быть убитым и задавленным, чтобы облегчить ему тамошнее наказание, или и совсем освободить от него; а другому не попустил потерпеть ничего такого, чтобы он, вразумившись наказанием первого, сделался благонравнее; если же он будет оставаться в тех же грехах, то, по собственной своей беспечности, навлечет на себя неизменное наказание, и Бог не будет виною этого невыносимого мучения. Опять, если увидишь, что праведник скорбит или терпит все вышесказанное, не падай духом: эти бедствия служат ему к получению светлейших венцов. И вообще всякое наказание, если оно постигает грешников, облегчает тяжесть грехов, а если праведников, то делает душу

их более светлую; и для тех и других бывает величайшая польза от скорби, только бы мы переносили ее с благодарностью; ибо это и требуется от нас.

9. Для того история божественного Писания наполнена множеством таких примеров и представляет нам злостраждущими и праведных и порочных, чтобы, праведник ли кто, или грешник, имея такие примеры, переносил несчастья великодушно. Но она представляет тебе грешников не только страждущих, но и благоденствующих, для того, чтобы ты не возмущался их счастьем, узнав из случившегося с этим богачом, какой после ожидает их огонь, если они не исправятся. Итак нельзя, скажешь, и здесь и там наслаждаться покоем? Нельзя. Поэтому праведники и проводили здесь многотрудную жизнь. Что же, скажешь, Авраам? Но кто потерпел столько бедствий? Не оставил ли он отечества? Не отделился ли от всех сродников? Не терпел ли голода в чужой земле? Не переходил ли постоянно, как скиталец из Вавилона в Месопотамию, отсюда в Палестину, а оттуда в Египет? Что сказать о борьбе его за жену, о битвах с варварами, о плене родственного ему семейства, о других бесчисленных неприятностях? Когда же он получил сына, то не тягчайшую ли претерпел скорбь, услышав повеление заклать собственными руками своего вожделенного и возлюбленного? А обреченный на заклание Исаак не постоянно ли был гоним отовсюду соседями? Не был ли лишен жены, как и отец, и не оставался ли столько времени бездетным? А Иаков, воспитанный дома, не потерпел ли бедствий еще более жестоких, нежели дед его? Но чтобы нам, перечисляя все, не сделал слова продолжительным, послушай, что говорит он о всей своей жизни: "малы и несчастны дни жизни моей и не достигли до лет жизни отцов моих" (Быт. 47:9). Кто, увидев своего сына сидящим на царском престоле и пользующимся столь великою славою, не забыл бы прошедших несчастий? Но он так был сокрушен скорбью, что и при таком счастье не забыл прежних бедствий. А что Давид? Какие он испытал печали? Не то же ли, что Иаков, и он выражает словами: "дней лет наших - семьдесят лет, а при большей крепости - восемьдесят лет; и самая лучшая пора их - труд и болезнь" (Пс. 89:10)? А что Иеремия? Не прокликает ли он и день своего рождения, вследствие непрерывных бедствий (Иер. 20:10, 14)? А что Моисей? Не говорил ли он в изнеможении: "когда Ты так поступаешь со мною, то [лучше] умертви меня" (Числ. 11:15)? А Илия, эта небесная душа, заключивший небо, после многих чудес не вопиял ли с плачем к Богу: "довольно уже, Господи; возьми душу мою, ибо я не лучше отцов моих" (3 Цар. 19:4)? Но для чего говорить о каждом из них? Павел о всех их вместе повествует так: "скитались в милотях и козьих кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин" (Евр. 11:37-38). И вообще, желающему угождать Богу и быть добродетельным и чистым, совершенно необходимо вести жизнь не спокойную, приятную и беспечную, но прискорбную и исполненную многих трудов и подвигов; "ибо никто", говорит (апостол), "не увенчивается, если незаконно будет подвизаться" (2 Тим. 2:5); и в другом месте говорит: "все подвижники воздерживаются от всего" (1 Кор. 9:25), и от слова, и от взгляда, и от звука постыдного, и от злословия, и от хуления, и от срамословия (Кол. 3:8). Отсюда мы научаемся, что, если и не постигнет нас искушение извне, то мы сами должны каждый день упражнять себя постом, суровой жизнью, скудной пищей, простой трапезой, избегая роскоши во всем; ибо иначе нельзя угождать Богу. Никто не говори мне этих пустых слов, будто такой-то наслаждается и здешними и тамошними благами; это не может быть с людьми, живущими в богатстве, весельи и во грехах. Но о поражаемых бедствиями и скорбями можно сказать, что они наслаждаются и здешними и тамошними благами: тамошними, получая награду, а здешними, питаюсь надеждою тех благ и не чувствуя настоящих бедствий от ожидания будущих благ. Но выслушаем и то, что следует далее: "и сверх всего того", говорит (Авраам), "между нами и вами утверждена великая пропасть" (Лк. 16:26). Итак справедливо сказал Давид, что "человек никак не искупит брата своего и не даст Богу выкупа за него" (Пс. 48:8); ибо невозможно это, хотя бы то был брат, хотя бы

отец, хотя бы сын. Посмотри: Авраам назвал богача чадом, но ничего отеческого оказать ему не мог, богач назвал Авраама отцом, но отеческим благоволением, каким обыкновенно пользуется сын, воспользоваться не мог, дабы ты знал, что ни родство, ни дружба, ни сострадание, ни другое что-либо не может принести пользы тому, кто ранее предал себя собственной жизнью.

10. Говорю это потому, что многие часто, когда мы убеждаем их быть внимательными к себе и бодрствовать, остаются беспечными, обращают увещание в смех и говорят: ты заступишься за меня в тот день, и - я ободряюсь и не боюсь. А другой говорит: у меня отец - мученик; а иной: у меня дед - епископ; другие еще указывают на всех домашних своих. Но все это пустые слова; ибо тогда не может принести нами пользы добродетель других. Вспомни о тех девах, которые не уделили елєя пяти девам: сами они вошли в брачный чертог, а те остались за дверями. Великое благо иметь надежду спасения в собственных добрых делах; а никакой друг никогда не защитит там. Если и здесь, где от нас зависит перемена, Господь говорит Иеремии: "ты же не проси за этот народ и не возноси за них молитвы и прошения" (Иер. 7:16); то тем более там. Что говоришь ты? У тебя отец - мученик? Это самое особенно и может послужить к большему твоему осуждению, когда ты, имея дома примеры добродетели, окажешь себя недостойным добродетели предков. Но ты имеешь доблестного и дивного друга? И он тебе не поможет тогда. Как же говорит Христос: "приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители" (Лк. 16:9)? Не дружба здесь является защитой, а милостыня. Если бы одна дружба защищала, то надлежало бы сказать просто: "приобретайте себе друзей"; между тем, желая показать, что не дружба одна защищает, Он присовокупил: "богатством неправедным". Может быть, кто-нибудь скажет: я могу без богатства приобрести себе друга, и гораздо лучшего, нежели при помощи богатства. Но чтобы ты знал, что милостыня служит защитой для тебя, твое собственное дело и твоя добродетель, для этого Он повелел тебе полагаться не просто на дружество святых, но на дружество, приобретаемое через богатство. Итак, зная все это, возлюбленные, будем внимательны к самим себе со всем тщанием; наказываемся ли мы, будем благодарить; наслаждаемся ли благоденствием, будем беречь себя, и, вразумляясь бедствиями других, будем изъявлять благодарность покаянием и сокрушением и непрестанным исповеданием; и, если мы предались какому-либо греху в настоящей жизни, то, отвергнув его и с великим усердием очистив душу свою от всякой скверны, будем молить Бога, чтобы Он удостоил всех нас, по отшествии отсюда придти туда так, чтобы нам не с богачом, а с Лазарем успокоиться в лоне патриарха и наслаждаться вечными благами, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, вместе со Святым Духом, слава во веки веков. Аминь.

О ЛАЗАРЕ

Полное заглавие этого слова следующее: "о богатом и Лазаре, и о том, что совесть обыкновенно напоминает нам прежние грехи, и об Иосифе"

СЛОВО ЧЕТВЕРТОЕ

Предложение объяснения притчи о богаче и Лазаре. - Евангельские примеры и особенно пример богача показывают, что все мольбы отошедших отсюда отягченными грехами будут бесполезны. - Рассматриваемая притча есть превосходный урок для богатых и бедных, она может одинаково смирать первых и унижать последних, заставить нас

любить бедность и презирать богатство. - Св. Писание и разум с достаточностью убеждают нас в существовании загробной жизни; нет надобности, чтобы мертвые возвращались к нам для удостоверения нас в этом. - Сила и значение совести, напоминающей нам о старых наших прегрешениях. - Подтверждение этого изложением истории Иосифа.

Сегодня надобно окончить притчу о Лазаре. Вы, может быть, думаете, что у нас все сделано; но я не хочу воспользоваться вашим неведением для обмана, и не отстану, пока не возьму из притчи всего, что только представится, и тогда отойду; и земледелец, снявши весь виноград, не уходит дотол, пока не оборвет и последние ягоды. Так и я теперь вижу, что под словами (притчи), как бы под листьями, скрываются еще мысли, которые теперь и собираю тщательно, употребив вместо серпа слово. Виноградник, раз быв обобран, остается без плода, с одними листьями; но не так бывает с духовным виноградником божественных Писаний; но, хотя бы мы взяли все, что видим, в нем остается еще более. Многие конечно и прежде нас говорили об этом предмете; многие, может быть, будут говорить и после нас: но никто не будет в состоянии исчерпать все его богатство. Таково свойство этого богатства: чем более станешь проникать в глубину, тем более будут истекать божественные мысли; это источник неиссякающий. Надлежало бы отдать вам этот долг еще в предшествовавшее собрание; но я признал не безопасным пройти молчанием подвиги блаженного Вавилы и двоицы святых мучеников после него бывших [1]; поэтому я отсрочил уплату долга, сберегая вам полную уплату до настоящего дня. Теперь же, когда мы и отцам воздали славу, не по достоинству их, а по нашим силам, я преподам и вам остаток повествования о Лазаре. Но вы не утомляйтесь, пока я не дойду до конца, начав слово с того, на чем прежде остановил его. На чем же я остановил его? На пропасти, отделяющей праведных от грешников. Когда богач сказал: “Пошли Лазаря”, - Авраам отвечал ему: “Между нами и вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят” (Лк. 16:26). Я много уже говорил в доказательство того, что, после человеколюбия Божия, должно полагать надежду спасения в собственных делах, не рассчитывая на отцов, дедов и прадедов, ни на сродников, друзей, домашних и соседей, ибо “человек никак не искупит брата своего” (Пс. 48:8)? Сколько бы ни просили и ни умоляли отшедшие отсюда с грехами, все слова их будут тщетны и напрасны. И пять дев просили ел, у своих сверстниц, но не получили (Мф. 25:9); и скрывший в землю талант, хотя много оправдывался, однако был осужден (Мф. 25:28); и не напивавшие Христа алчущего и не напоившие жаждущего, хотя думали защититься неведением, но не получили прощения и оправдания (Мф. 25:45). А другие даже ничего не могли сказать, как напр. тот, который одет был в нечистую одежду: когда он был обвиняем, то молчал (Мф. 22:12). И не только этот, но и другой, который, злопамятствуя на ближнего, требовал ста динариев и потом за это самое был обвиняем господином в жестокости и бесчеловечии, также ничего не мог сказать (Мф. 18:28-34). Отсюда ясно, что нам ничто не поможет там, если не будем иметь добрых дел, но, станем ли мы умолять и просить или молчать, одинаково постигнет нас наказание и мучение. Послушай, как и этот богач, обратившись к Аврааму с двумя просьбами, не успел ни в одной из них. Сперва он просил о себе словами: “Пошли Лазаря”; - потом уже не о себе, а о братьях; но не успел ни в той, ни в другой просьбе. Первая была неисполнима, а вторая о братьях была излишня. Впрочем, если угодно, выслушаем внимательно самые слова их. Если в то время, когда начальник, выведши подсудимого на площадь, и, поставив около него палачей, начнет пытаться его, все поспешно стекаются, чтобы услышать, что будет спрашивать судья, и что станет отвечать подсудимый, то тем более здесь должно со вниманием слышать, о чем просит этот подсудимый, т. е. богач, и что отвечает ему праведный Судья чрез Авраама. Ибо не патриарх был судиею, хотя он говорил; но как в мирских судах, подсудимых разбойников и убийц законы поставляют вдали от судии и не позволяют им слышать голос его, обращая и это, между прочим, к бесчестию их, но какой-

либо посредник передает вопросы судии и ответы подсудимых; так было и тогда. Подсудимый не слышал голоса Божия к нему, но Авраам был посредником, передававшим слова Судии подсудимому; ибо он не от себя говорил то, что говорил, но изрекал богатому законы Божии и передавал приговоры, произносимые свыше; поэтому богатый и не мог прекословить.

2. Будем же усердно взимать словам (притчи). Я с намерением останавливаюсь на ней, и четвертый день не отстаю от неё потому, что вижу великую пользу от этого повествования и для богатых, и для бедных, и для тех, которые смущаются благоденствием порочных и бедностью и скорбью праведных. Подлинно, ничто столько не соблазняет и не смущает народ, как то, что богатые, живущее нечестиво, наслаждаются великим благоденствием, а праведники, живущие добродетельно, впадают в крайнюю бедность, и терпят множество других бедствий более тяжких, нежели бедность. Но эта притча может доставить врачевство, вразумляя богатых и утешая бедных; тех научая не превозноситься, а бедных утешая в настоящих бедствиях; тем внушая не восхищаться, когда порочные не терпят наказания здесь, так как они подвергнутся тягчайшей муке там, а бедных убеждая не смущаться при виде чужого благоденствия и не думать, будто нет о нас промысла, когда праведный здесь страдает, а порочный и нечестивый наслаждается постоянным благополучием. Тот и другой получают должное там, один - венцы за страдание и терпение, другой - наказание и мучение за нечестие. Эту притчу напишите и богатые и бедные: богатые - на стенах домов ваших, а бедные - на стенах души; и если она когда-либо изгладится от забвения, опять начертайте чрез воспоминание. А лучше, и богатые напишите ее прежде, чем на стенах дома, на сердце, и всюду носите с собою, и будет она для вас училищем и источником всякого любознания. Если мы всегда будем иметь ее написанной на сердце, то ни радостные обстоятельства настоящей жизни не возмогут надмнить нас гордостью, ни печальные - повергнуть в уныние и отчаяние, но на те и на другие мы будем смотреть так же, как на картины, написанные на стенах. Как, видя на стене изображение богатого и бедного, мы ни тому не завидуем, ни этого не презираем, потому что видимое нами есть тень, а не действительность; так, узнав свойство богатства и бедности, славы и бесчестия, и всего другого печального и радостного, мы будем свободны от смущения, ими производимого. Все это обманчивее тени, и человека возвышенного и благородного не может ничто блестящее и славное надмнить гордостью, и ничто смиренное и уничиженное довести до отчаяния. Впрочем, уже время нам выслушать слова богатого. "Прошу тебя, отче, - говорит он, т. е. прошу, умоляю, - пошли его в дом отца моего, ибо у меня пять братьев; пусть он засвидетельствует им, чтобы и они не пришли в это место мучения" (Лк. 16:27-28). Не успев в просьбе о себе, он просит о других. Посмотри, как человеколюбив и кроток он стал от наказания. Тот, кто презирал Лазаря, бывшего при нем, заботится о других отсутствующих; тот, кто проходил мимо лежавшего пред глазами его, теперь вспоминает о тех, которых не видит, и с великим почтением и усердием просит, чтобы сделано было им какое-либо внушение для избежания угрожающих им зол. Он просит послать Лазаря в дом отца его, где открыто было ему место подвигов и поприще добродетелей; пусть, говорит, увидят Лазаря увенчанным те, которые видели его подвизавшимся; свидетели его бедности, голода и множества бедствий, пусть будут теперь свидетелями происшедшей с ним перемены, его чести и славы, дабы они, вразумившись тем и другим, и, узнав, что дела наши не окончатся с настоящею жизнью, приготовились так, чтобы могли избежать будущего наказания и мучений. Что же Авраам? "У них есть, - говорит он, - Моисей и пророки; пусть слушают их" (ст. 29); ты, говорит, не столько печешься о своих братьях, сколько создавший их Бог; Он приставил к ним множество учителей, которые убеждают, советуют, внушают. Что же опять богатый? "Нет, отче Аврааме, но если кто из мертвых придет к ним, покаются" (ст. 30). Это - слова народной толпы. Где теперь те, которые говорят: кто

приходил оттуда? Кто воскресал из мертвых? Кто сказал о том, что в аде? Сколько такого и тому подобного говорил самому себе богач, когда веселился. Не без причины он просил, чтобы восстал кто-либо из мертвых, но потому, что сам, слушая Писания, пренебрегал ими, насмехался и считал сказанное в них баснями; и как сам относился к ним, так думал и о братьях. И они, говорит он, рассуждают так же: но, если кто из мертвых придет, они не будут не верить ему, не станут насмехаться, но скорее внемлют словам его. Что же Авраам? “Если Моисея и пророков не слушают, то если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят” (ст. 31). А истину того, что не слушающий Писаний не послушает и воскресших из мертвых, доказали иудеи: так как они не слушали Моисея и пророков, то не уверовали и тогда, когда видели мертвых воскресшими, но то искали убить Лазаря, то нападали на апостолов, хотя многие воскресли из мертвых во время крестной смерти (Христовой).

3. Но чтобы тебе и другим образом убедиться, что учение пророков достовернее сказания умерших, прими во внимание то, что каждый из умерших есть раб, а то, о чем говорят Писания, изрек Владыка; поэтому, хотя бы мертвый воскрес, хотя бы ангел сошел с неба, Писания достовернее всех, потому что их дал в виде закона Владыка ангелов, Господь мертвых и живых. А что желающие, чтобы мертвые пришли оттуда, требуют излишнего, это, кроме сказанного, можно доказать и примером нынешних судилищ. Геенна невидима для неверующих: для верующих она очевидна и ясна, а для неверующих невидима; но судилища видимы, и каждый день мы слышим, что такой-то наказан, имущество такого-то описано, иной работает в рудниках, другой сожжен на огне, иной погиб другим родом казни и мучения. Однако, слыша это, порочные, злодеи и обманщики не вразумляются. Но что я говорю: не вразумляются никогда не подвергавшиеся этим наказаниям? Многие даже из осужденных, избежав наказания, подкопав темницу и убежав из неё, нередко обращались к тем же преступлениям и совершали гораздо тягчайшие дела. Итак, не будем стараться услышать от мертвых то, чему гораздо яснее каждый день учат нас Писания. Если бы Бог признавал, что воскресшие из мертвых могут принести пользу живым; то Он, устрояющий все на пользу нашу, не оставил бы и не опустил бы столь полезного средства. Кроме того, если бы мертвые постоянно воскресали и извещали нас о всем тамошнем, то и это опять с течением времени было бы пренебрежено; а притом и диавол весьма удобно вводил бы нечестивое учение. Он часто мог бы показывать призраки, или, показывая некоторых притворно умерших и погребенных как бы воскресшими из мертвых, чрез них уверять умы обольщаемых во всем, в чем бы ни захотел. Если теперь, когда нет ничего такого, не редко обманывают и обольщают многих ночные призраки, представляющиеся в образе умерших, то гораздо более тогда, если бы это было на самом деле и утвердилось в умах людей, т. е., будто многие из умерших опять приходили сюда, нечистый демон строил бы бесчисленные козни и вводил бы в жизнь великое обольщение. Посему Бог заключил двери (вечности), и не попускает никому из отшедших возвращаться и возвещать о тамошней жизни, чтобы диавол, воспользовавшись этим, не ввел чего-либо от собственного (измышления). Так, когда были пророки, он воздвигал лжепророков; когда были апостолы, - лжеапостолов; когда явился Христос, - лжехристов; когда введены были здоровые догматы, он ввел нездоровые, повсюду рассеивая плевелы. Таким образом, если бы и то случилось, он и под это постарался бы подделаться чрез свои орудия, не на самом деле воскрешая мертвых, но, обольщая зрителей какими-нибудь призраками и обманами, или, как я прежде сказал: представляя некоторых притворно умершими, и все превратил бы вверх дном и привел в беспорядок. Но Бог, предвидя все это, преградил ему путь к таким козням, и, щадя нас, не попустил, чтобы кто-либо приходил оттуда возвещать живущим о тамошнем, научая нас признавать божественные Писания достовернейшими всех. Он явил нам такие дела, которые разительнее явления мертвых: обратил (к вере) всю вселенную, рассеял заблуждение, ввел истину; совершил все это

чрез рыбарей и простых людей, и повсюду представил нам достаточные доказательства Своего промысления. Не будем же думать, что дела наши ограничиваются пределами настоящей жизни, но будем веровать, что непременно настанет суд и воздаяние за все, здесь нами сделанное. Это так ясно и очевидно для всех, что и иудеи, и язычники, и еретики, и все вообще люди согласны в этом. Хотя не все мыслят, как должно, о воскресении, но касательно суда, наказания и тамошних судилищ все согласны в том, что есть там воздаяние за здешние дела; ибо, если бы этого не было, то для чего Бог распростер столь великое небо, распространил землю, расширил море, разлил воздух, явил такое промысление, - (для чего все это), если бы Он не хотел до конца иметь о нас попечение?

4. Не видишь ли, сколь многие из живших добродетельно претерпели многочисленные бедствия и отошли, не получив ничего доброго; а другие, напротив, жили весьма нечестиво, похищали чужое имущество, грабили и притесняли вдов и сирот, наслаждались богатством, роскошью и бесчисленными благами, и отошли, не потерпев ни малейшего бедствия? Когда же первые получают награду за добродетель, а последние понесут наказание за нечестие, если дела наши оканчиваются с здешнею жизнью? Если Бог существует, как и действительно существует, то всякий скажет, что Он праведен; если же Он праведен, то, несомненно и то, что и тем и другим Он воздаст по достоинству. Если же Бог имеет воздать тем и другим по достоинству, а здесь никто из них не получил, тот - наказания за грехи, а этот - награды за добродетель, то, очевидно, будет еще время, когда и тот и другой получат должное воздаяние. Иначе для чего Бог поставил в душе нашей этого непрерывно бодрствующего и неусыпного судию, т. е. совесть? Нет, подлинно нет между людьми ни одного судии, столь неусыпного, как наша совесть. Внешние судии и деньгами подкупаются, и лелью смягчаются, и от страха потворствуют, и много есть других средств, извращающих правоту их суда; а судилище совести ничему такому не подчиняется, но, хотя бы ты давал деньги, хотя бы льстил, хотя бы угрожал, или другое что делал, она произносит справедливый приговор против греховных помыслов, и согрешивший осуждает сам себя, хотя бы никто другой не обвинял его. Притом совесть делает это не однажды, не дважды, но многократно и во всю жизнь; и хотя бы прошло много времени, она никогда не забывает сделанного, но сильно обличает нас и при совершении греха, и до совершения, и по совершении, и особенно - по совершении. При самом совершении греха мы, упоенные удовольствием, бываем не так чувствительны (к упрекам совести); но, когда преступление сделано и окончено, тогда особенно, за исчезнувшим удовольствием, наступает язвительное чувство раскаяния, - противоположно тому, что бывает с рождающими женами. Они до рождения младенца терпят великое и невыносимое страдание и жестокие муки с расторгающими их (ложесна) болями; а после рождения чувствуют облегчение, как будто вместе с плодом выходит и болезнь; здесь же - не так; но пока мы зачинаем и рожаем незаконные намерения, дотоле радуемся и веселимся; когда же родим злое исчадие - грех, тогда, увидя гнусность рожденного, скорбим и мучаемся тяжелее рождающих женщин. Посему убеждаю вас не принимать в самом начале порочной похоти, а если примем, то подавлять в себе эти семена; если же по беспечности и это не сделаем, то перешедший в дело грех умерщвлять исповедью слезами, осуждением самих себя; ибо ничто столько не губительно для греха, как его обличение и осуждение, с покаянием и слезами. Ты осудил свой грех? Через это ты сложил с себя бремя. Кто говорит это? Сам Судия - Бог. "Скажи ты беззакония твои прежде, чтобы оправдаться" (Ис. 43:26). Почему, скажи мне, ты стыдишься и стесняешься сказать грехи свои? Разве ты сказываешь человеку, который станет упрекать тебя? Разве исповедуешься пред равным тебе рабом, который разгласит их? Владыке, промыслителю, человеколюбцу, врачу, ты показываешь рану. Разве Тот, Который знает наши дела еще до совершения их, не будет знать, если ты не скажешь?

Разве грех от обличения его делается тяжелее? Напротив, сноснее и легче. Бог требует от тебя признания не для того, чтобы наказать, но чтобы простить; не для того, чтобы Ему узнать грех твой, - разве Он и без этого не знает? - но для того, чтобы ты узнал, какой долг Он прощает тебе. Он хочет показать тебе величие Своей благодати для того, чтобы ты непрестанно благодарил Его, чтобы ты был медлительнее на грех и ревностнее к добродетели. Если же ты не скажешь, как велик твой долг, то не узнаешь и превосходства благодати. Я не заставляю тебя, говорит Он, выйти на средину зрелища и окружить себя множеством свидетелей; Мне одному, наедине, скажи грех, чтобы я уврачевал рану и избавил тебя от болезни. Вот для чего вложил Он в нас совесть, которая действует с любовью более, нежели отеческою. Отец, однажды или дважды, или трижды, или десять раз наказав сына, если увидит его неисправимым, в отчаянии отрекается от него, изгоняет его из дома и исключает из родства; но не так поступает совесть: хотя бы однажды или дважды, или трижды, или тысячу раз ты не послушал её голоса, она снова будет говорить и не отстанет до последнего твоего издыхания; и в доме, и на распутьях, за трапезою, и на торжище, и на пути, а часто и в самых сновидениях она представляет нам образы и виды соделанных грехов.

5. И посмотри на премудрость Божию. Бог не сделал обличение совести ни непрерывным (ибо мы, непрестанно быв обличаемы, не снесли бы этой тяжести), ни столь слабым, чтобы она, после первого или второго увещания, прекратила его. Если бы она стала угрызать нас каждый день и час, мы были бы подавлены унынием; а если бы, напомнив однажды или дважды, перестала обличать, мы не много получили бы пользы. Поэтому Он сделал это обличение, хотя и всегдашним, но не непрерывным: - всегдашним, чтобы мы не впали в беспечность, но, слыша всегда её напоминания, пребыли до самой кончины бдительными; - не непрерывным и не непрестанным, чтобы мы не падали духом, но ободрялись, получая некоторое облегчение и отраду. Как совершенное равнодушие к грехам пагубно и порождает в нас крайнюю бесчувственность, так непрерывное и чрезмерное сокрушение о них вредно. Чрезмерное уныние, не редко отнимая естественную рассудительность, может подавить душу и сделать неспособною ни к чему доброму. Посему Бог и устроил, чтобы обличение совести восставало на нас с промежутками времени, так как оно весьма жестоко, и обыкновенно уязвляет грешника сильнее всякого острия. Совесть сильно восстает и громко вопиет против нас, не только тогда, когда мы сами грешим, но и когда другие грешат, подобно нам. Блудник, прелюбодей, вор - чувствует как бы на себе удары не только, когда обвиняют его самого, но и когда слышит, что других обвиняют в подобных преступлениях; ибо укоризны, делаемые другим, напоминают ему об его собственных грехах; обвиняют другого, а он, и не подвергаясь обвинению, терпит поражение, если виновен в таких же, как тот, преступлениях. То же бывает и относительно добрых дел: когда другие прославляются и увенчиваются, тогда и совершившие подобные дела радуются и восхищаются, как бы не те, а сами они были прославляемы. Что же может быть несчастнее грешника, если он мучается и тогда, как другие бывают обвиняемы? Что блаженнее добродетельного, если он радуется и торжествует и тогда, как другие прославляются, - от похвал других получая напоминание о собственных добрых делах? Это - дела премудрости Божией; это - знаки величайшего Его промышления о нас. Обличение совести есть как бы некоторый священный якорь, не допускающий нас совершенно погрузиться в бездну греха. Часто совесть, не только в то время, когда мы грешим, но и по прошествии многих лет напоминает нам о прежних грехах; и на это я представляю ясное доказательство из самых Писаний. Продали некогда Иосифа братья, не за какую-либо вину его, а за то, что он видел сны, предвещавшие будущую славу его. Видел я, говорил он, что "ваши снопы стали кругом и поклонились моему снопу" (Быт. 37:7). За это надлежало бы беречь его; потому что он имел быть венцем всего дома и славою всего рода своего. Но такова

зависть: она идет против собственного блага, и завистливый лучше решится терпеть тысячу бедствий, нежели видеть ближнего прославляемым, хотя бы последствия этого прославления имели перейти на него самого. Что может быть жальче этого? Этой страсти предались и братья Иосифа; увидев его издали, несшего к ним пищу, они говорили друг другу: “Пойдем теперь, и убьем его, ... и увидим, что будет из его снов” (ст. 20). Если уже ты не устыдился его, как брата, и не уважил (единства) природы, то, по крайней мере, постыдился бы самой трапезы и услуги его, пришедшего с пищею для тебя. Заметь, как они даже против своей воли пророчествуют: “Пойдем, - говорят, - убьем его, и увидим, что будет из его снов”. Если бы они не замыслили зла, не устроили козней и не составили этого бесстыдного замысла, то не узнали бы силы тех слов; ибо не одно и то же, взойти ли на престол египетский, не претерпев никакого бедствия, или после стольких препятствий и затруднений достигнуть такой же славы. Если бы братья не замыслили зла, то не продали бы Иосифа в Египет; если бы не продали его в Египет, то не воспламенилась бы госпожа страстью к нему; если бы госпожа не воспламенилась страстью, то он не был бы ввержен в темницу, не толковал бы снов, не достиг бы царского достоинства; а если бы не достиг этого достоинства, то братья не пришли бы за покупкою хлеба и не поклонились бы ему. Таким образом, чрез то самое, что погубили его, они узнали значение снов его. Что же? Они ли были виновниками всех последующих благ и славы его? Нет; они замыслили предать его смерти, скорби, рабству и крайним бедствиям; но премудрый Бог направил злобу строивших козни к прославлению того, кого они продали и замыслили погубить.

б. А чтобы мы не думали, будто события жизни зависят от какого-то случая, или от непостоянства вещей, Бог чрез тех самых людей, которые противодействуют и препятствуют, приводит в исполнение то, чему они препятствуют; Он врагов Своих употребляет в орудия Своей славы, чтобы ты знал, что определения Божии никто не расстроит и высокой десницы Его никто не отвратит; чтобы ты, когда будет кто злоумышлять против тебя, не упал духом и не негодовал, но был уверен, что умысел будет иметь для тебя добрый конец, только бы ты великодушно переносил случающееся. Вот и здесь зависть братьев приобрела Иосифу царское достоинство, ненависть доставила диадему и принесла престол; замышлявшие против него сами довели его до этой великой власти; тот, против кого строились козни, получил царство, а строившие козни сделались рабами; тот принимал поклонение, а эти кланялись. Итак, когда будут постигать тебя частые и непрерывные бедствия, не смущайся и не унывай, но ожидай конца; потому что непременно последует достойное великой благости Божией, если только ты с благодарностью будешь переносить все, случающееся с тобою. И Иосиф хотя после тех снов был доведен до крайней опасности и продан братьями, хотя подвергся наветам госпожи, и потом был ввергнут в темницу, но не сказал самому себе: что же это такое? Сны эти были обман, я изгнан из отечества, лишен свободы; для Бога я не покорился госпоже, склонявшей к прелюбодеянию; за целомудрие и добродетель терплю наказание; и Он не отмстил и не простер руки, но попустил, чтобы я предан был постоянным узам и непрестанным бедствиям: после рва - рабство, после рабства - злоумышление, после злоумышления - клевета, после клеветы - темница. Но все это не смутило его; напротив, он пребывал в твердой надежде и уверенности, что слово Божие никогда не останется без исполнения. Бог, конечно, в тот же день мог исполнить слово Свое; но, чтобы показать и Свою силу и веру рабов Своих, Он дает пройти долготу времени и встретиться многим препятствиям, дабы ты и познал Его силу в том, что Он исполняет Свои обещания даже тогда, когда по-видимому не остается никакой надежды, и увидел терпение и веру рабов Его, которые не теряют доброй надежды, что ни случилось бы с ними. Между тем, братья Иосифа, как я сказал, пошли в Египет, когда голод, как воин какой, насильно гнал их и привел к начальствующему Иосифу, и хотели купить хлеба. Что же он говорит им? “Вы соглядатаи” (Быт. 42:9). Они подумали: что это

значит? Мы пришли купить хлеба; почему же подвергаемся опасности жизни? По справедливости; он принес вам некогда пищу, и подвергся опасности жизни; только он пострадал на самом деле, а вы терпите мнимую опасность; потому что он не враг, а только принял вид врага, чтобы вернее узнать о доме (родительском). Так как они были злы и неблагодарны к нему, а он не видел с ними Вениамина, то, опасаясь за этого отрока, не пострадал ли он, подобно ему, Иосиф повелевает одного из них связать и оставить в Египте, а всех прочих отпускает с хлебом назад, угрожая им смертью, если не приведут своего брата. Когда это происходило и он сказал им: оставьте кого-нибудь здесь и приведите вашего брата; иначе будете преданы смерти; тогда что они говорили друг другу? “Точно мы наказываемся за грех против брата нашего; мы видели страдание души его, когда он умолял нас” (Быт. 42:21). Видишь ли, через сколько времени они вспомнили о своем грехе? Отцу своему они сказали: “Хищный зверь съел его” (Иосифа) (Быт. 37:33); но в присутствии и в слух Иосифа исповедали грех свой. Что может быть удивительнее этого? Суд происходит без обличений, оправдание - без обвинения и доказательство - без свидетелей; сами сделавшие дело обличают себя и обнаруживают сделанное втайне. Кто убедил, кто принудил их открыть преступление, сделанное за столько времени? Не явно ли, что совесть, этот неумолимый судья, непрестанно тревожила их ум и смущала душу? Тот, кого они погубили, сидел тогда безмолвно и судил их; и когда еще не было произнесено против них никакого определения, они сами произнесли на себя обвинительный приговор. Так говорили они; а один из них оправдывался такими словами: “Не говорил ли я вам: не грешите против отрока?” Не делайте ему никакого зла, так как он брат наш, – “вот, кровь его взыскивается” (Быт. 42:22). Говоривший это (Рувим) ничего не сказал об убийстве и насилии, и сидевший (Иосиф) не спрашивал ни о чем таком, а только требовал к себе другого брата; но совесть их при этом случае восстала, и начала терзать их душу и заставила их, без всякого постороннего принуждения, сознаться в преступлении. Тоже часто бывает и с нами по отношению к прошедшим грехам: подвергаясь несчастьям и горестным обстоятельствам, мы вспоминаем о прежних грехах наших.

7. Зная все это, мы, сделав что-нибудь худое, не будем ожидать несчастий и злоключений, опасностей и уз, но каждый день и час будем воздвигать у себя это судилище и произносить на себя приговоры; постараемся всячески оправдаться пред Богом, и ни сами не будем сомневаться в воскресении и суде, ни другим не позволим высказывать такие сомнения, но всячески будем заграждать им уста тем, что сказано. Если бы не предлежало нам дать отчет в грехах там, то и здесь Бог не поставил бы в нас этого судилища (совести). Но и это есть доказательство Его человеколюбия. Так как Он тогда потребует от нас отчета в грехах, то Он поставил этого неподкупного судию (совесть), чтобы он, осуждая нас здесь за грехи и исправляя, избавил от суда, имеющего быть там. Об этом говорит и Павел: “Ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы” Господом (1 Кор. 11:31). Итак, чтобы нам тогда не быть наказанными и не подпасть суду, пусть каждый войдет в свою совесть, и, исследовав жизнь, и тщательно рассмотрев все грехи, пусть осудит душу, соделавшую их, пусть обуздает помыслы, скорбит и сокрушается в сердце своем, и накажет себя за грехи самоосуждением, строгим покаянием, слезами, исповедью, потом и милостынею, воздержанием и любовью, дабы всеми способами отложив здесь свои грехи, мы могли отойти туда с великим дерзновением, чего да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, вместе со Святым Духом, слава во веки веков. Аминь.

[1] Т. е. мучеников Ювентина и Максимиана.

О ЛАЗАРЕ

Заглавие этого слова следующее: "На слова апостола: "Не хочу же оставить вас, братия, в неведении об умерших, дабы вы не скорбели" (1Фес.4:13), - также об Иове и Аврааме"

СЛОВО ПЯТОЕ

Рассуждение о воскресении. - Объяснение слов ап. Павла о будущем воскресении 1Фес.4:12. - Утешение верующим в скорби по случаю смерти дорогих для них лиц. - Они должны отличаться от неверных своим поведением так же, как они отличаются от них и своим верованием. - При смерти дорогих и близких лиц не нужно предаваться скорби, а нужно уподобляться в этом отношении прав. Иову и Аврааму, которые оба обнаружили великодушие и мужество: первый не пал духом при лишении всех своих детей, а второй не поколебался даже принести в жертву своего единственного наследника - сына.

Четыре дня употребил я на изъяснение вам притчи о Лазаре, на исчерпывание сокровища, которое мы нашли в покрытом ранами теле (Лазаря), сокровища, содержащего в себе не золото и серебро, и драгоценные камни, но любомудрие, мужество, терпение и великую твердость. Как с чувственными сокровищами бывает, что на поверхности их только терния, волчцы и жестокая земля, а если раскопать глубже, то открывается великое богатство; так случилось и с Лазарем: сверху раны, в глубине неизъяснимое богатство; тело расслабленное, а душа мужественная и бодрая; и здесь можно было видеть исполнение слов апостольских: "Если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется" (2 Кор. 4:16). Можно бы и сегодня говорить о той же притче и бороться с еретиками, которые поносят Ветхий Завет, осуждают патриархов и изощряют язык против Создателя всех - Бога; но, чтобы речь не произвела в вас пресыщения, я отложу эту борьбу до другого времени, а теперь обращусь к иному предмету; однообразная пища производит пресыщение, а яства разнообразные частою переменною усиливают позыв к еде. Посему, чтобы так не было и с слушанием, возвратимся сегодня, после долгого времени, к блаженному Павлу; благовременно сегодня прочитано нам место апостольское, изъяснение которого будет согласно с тем, о чем недавно говорено было. Итак вы слышали, как Павел сегодня взывал и говорил: "Не хочу же оставить вас, братия, в неведении об умерших, дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды" (1 Фес. 4:13). То - евангельское сказание о Лазаре, это - апостольское изречение; но вещают они вполне согласно. И в той притче мы много рассуждали о воскресении и будущем суде, и теперь слово привело нас опять к тому же предмету. Таким образом, хотя мы станем разбирать апостольское место, но здесь найдем то же сокровище; ибо и тогда вся моя речь клонилась к тому, чтобы научить слушателей - считать за ничто блестящие предметы настоящей жизни, но устремлять надежды далее и ежедневно помышлять о тамошних приговорах, о страшном судилище и о неумолимом Судии. Это сегодня внушает нам и Павел в прочитанных словах. Внимайте же. "Не хочу же оставить вас, братия, в неведении об умерших (κεκοιμημένων), дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды. Ибо, если мы веруем, что Иисус умер и воскрес, то и умерших в Иисусе Бог приведет с Ним" (1 Фес. 4: 13-14). Здесь наперед надобно обратить внимание на то, почему апостол, когда говорит о Христе, называет смерть Его смертью, а когда говорит о нашей кончине, то называет ее не смертью, а успением. Не сказал: "об умерших"; но что? - "об усопших". И еще: "То и умерших в Иисусе Бог приведет с Ним" (так и Бог усопших во Иисусе приведет с Ним), а не сказал: "умершие". И еще: "Мы живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших" (мы живущии оставшии в пришествие Господне не имамы предварити усопших (ст. 15). И здесь не

сказал "умерших", но во всех трех местах смерть их назвал успением; а о Христе не так, но как? "Ибо, если мы веруем, что Иисус умер". Не сказал: "усоп", но: "умер". Почему же смерть Христову апостол назвал смертию, а нашу успением? Не просто и не без цели он употребляет эти различные выражения, но имея в виду нечто мудрое и великое. Говоря о Христе, он употребил слово: "смерть", чтобы показать действительность Его страданий, а о нас - "успение", чтобы умерить нашу скорбь. Там, где уже совершилось воскресение, он смело употребляет слово: "смерть", а там, где воскресение есть предмет надежды, употребляет слово: "успение", самым названием и утешая нас и укрепляя благие надежды. Спящий конечно, встанет; а смерть есть не что иное, как продолжительный сон. Не говори мне, что умерший не слышит, ни говорит, ни видит, ни чувствует; ибо таково же состояние и спящего. Если можно сказать нечто странное, то и душа спящего как бы спит; а у умершего, напротив, бодрствует. Но умерший, скажешь, гниет и тлеет и превращается в прах и пепел. Что же из этого, возлюбленный? Поэтому самому и надобно особенно радоваться. Тот, кто хочет перестроить развалившийся и ветхий дом, наперед выводит из него живущих, потом разрушает этот дом и снова воздвигает в лучшем виде. Выведенные не скорбят об этом, а еще радуются; потому что обращают внимание не на видимое разрушение, но воображают будущее, хотя еще и невидимое, здание. Так и Бог разрушает наше тело, намереваясь создать его (вновь), и сперва изводит живущую в нем душу, как бы из какого дома, дабы, потом воздвигнув его в лучшем виде, опять ввести в него душу с большею славою. Будем же обращать внимание не на разрушение, а на будущую славу.

2. Также, если у кого статуя испортилась от ржавчины и от времени, и многие части ее отвалились, то он, разбив ее, бросает в горнило и, тщательно переплавив, делает ее лучшею. И как разрушение такой статуи в горниле не есть уничтожение ее, но возобновление, так и смерть наших тел не есть уничтожение, но обновление их. Итак, когда ты увидишь, что тело наше, как бы в горниле, разлагается и тлеет, то не останавливайся на этом внешнем виде, но ожидай обновления, и этою стороною примера не довольствуйся, но простирайся умом к более важному. Ваятель, ввергая (в горнило) медное тело, получает оттуда статую не золотую и бессмертную, но делает ее такою же медною, а Бог, ввергая (в землю) тело перстное и смертное, возвращает тебе статую золотую и бессмертную; ибо земля, приняв тело смертное и тленное, возвращает его нетленным и бессмертным. Итак, видя умершего, не на то смотри, что он сомкнул глаза и лежит безгласным, но на то, как он воскреснет и получит неизъяснимую, изумительную и дивную славу, и от настоящего внешнего вида возведи помыслы к надежде будущего. А ты, по привычке, при этом скорбишь и плачешь? Но не странно ли, - когда ты отдашь дочь в замужество и муж отправится с нею в далекую страну и там будет жить счастливо, - не считать этого бедствием, так как скорбь разлуки облегчается слухом о их благополучии, а здесь, - когда не человек, не подобный тебе раб, но сам Владыка берет к Себе твоего ближнего, - печалиться и сетовать? Как же, скажешь, возможно человеку не скорбеть? Я и не говорю этого; я отвергаю не скорбь, а чрезмерность скорби; скорбь естественна, но скорбь чрезмерная свойственна душе безрассудной, умоисступленной и слабой. Поскорби, поплачь, но не ропщи, не малодушествуй, не негодуй; воздай благодарение Взавшему и, украсив отшедшего, препроводи его к Нему в светлой погребальной одежде. Если станешь роптать, то оскорбишь и умершего, и прогневаешь Взавшего, и повредишь самому себе; но если будешь благодарить, то и его украсишь, и прославишь Взавшего, и сделаешь пользу самому себе. Плачь, как Владыка твой плакал о Лазаре, показав нам меру, правила и пределы скорби, которых преступать не должно. Так и Павел сказал: "Не хочу же оставить вас, братия, в неведении об умерших, дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды". Скорби, говорит он, но не как язычник, не ожидающий воскресения, не имеющий надежды на будущую жизнь. Я стыжусь, поверьте мне, и краснею, когда вижу, как на торжище толпы женщин бесчинствуют, рвут на себе волосы,

ломают руки, царапают щеки, и притом - в глазах язычников. Чего не скажут они, чего не наговорят о нас? Это ли любомудрствующие о воскресении? Должно быть они; но дела их не согласуются с учением; на словах они рассуждают о воскресении, а на деле поступают, как не ожидающие его; если бы они твердо убеждены были, что есть воскресение, то не делали бы этого; если бы уверены были, что умерший отошел к лучшей жизни, то не плакали бы. Это и еще больше этого говорят неверные, слыша такой плач. Постыдимся же, образумимся, и не станем делать столько вреда и себе и видящим это. Почему, скажи мне, ты плачешь так об отшедшем? Потому ли, что он был порочен? В таком случае должно благодарить, что положен предел его порокам. Или потому, что он был честный и добрый человек? И о нем надобно радоваться потому, что скоро "восхищен", прежде нежели "злоба не изменила разума его" (Прем. 4:11), и отошел в страну, где пребывает уже в безопасности, где нельзя опасаться никакой перемены. Или потому, что он был молод? И за то прославь Взывшего, что скоро призвал его к лучшей жизни. Или потому, что он был стар? И за это опять благодари и прославь Взывшего. Постыдись самого вида выноса: псалмопения, молитвы, сонм отцов и такое множество братьев - не для того, чтобы ты плакал, скорбел и роптал, но чтобы благодарил Взывшего. Как призываемых к власти многие провожают с почестями, так и верующих отходящих все провожают с великою славою, как призванных к высшей почести. Смерть есть успокоение, освобождение от житейских трудов и забот. Итак, когда увидишь, что кто-либо из ближних отошел отсюда, не ропщи, но умились сердцем, войди в самого себя, испытай совесть, помысли, что и тебя немного после ожидает такой же конец. Вразумись и убойся, видя смерть другого, отринь всякую беспечность, рассмотри свои дела, исправь прегрешения, изменись к лучшему. Мы тем и отличаемся от неверующих, что иначе судим о вещах. Неверующий видит небо - и поклоняется ему, потому что признает его за бога; видит землю - и чтит ее, и прилепляется к чувственным вещам. А мы - не так; но видим небо - и удивляемся Создавшему его; потому что веруем, что оно не бог, а дело Божие; вижу всю тварь - и чрез нее восхожу к Создателю. Неверующий видит богатство - и изумляется, благоговеет: я вижу богатство - и посмеиваюсь; он видит бедность - и скорбит: я вижу бедность - и радуюсь. Иначе я смотрю на вещи, иначе он. Так поступаем и в отношении к смерти: он видит мертвого - и считает мертвым; я смотрю на умершего - и взираю на смерть, как на сон. И как на буквы все мы, и знающие и незнающие грамоту, смотрим одинаковыми глазами, но неодинаковою мыслию; незнающие, видя их, считают простыми буквами, а знающие искусно постигают заключающийся в них смысл; так и в жизни мы смотрим на события одинаковыми глазами, но не одинаковою мыслию и разумением. Итак, отличаясь от язычников во всем прочем, неужели мы сойдемся с ними в суждениях о смерти?

3. Помысли, к кому отошел умерший, и утешься; он отошел туда, где Павел, где Петр, где весь сонм святых; помысли, в какой славе и светлости он восстанет; помысли, что слезами и воплями ты не можешь исправить случившегося и крайне повредишь себе; помысли, кому ты в этом подражаешь, и убегай общения в грехе. Кому же ты подражаешь и соревнуешь? Неверным, не имеющим упования, как и Павел сказал: "Дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды". Обрати внимание на точность выражения; он не сказал: неимущие упования воскресения, но просто: "не имеющие надежды". Ибо не имеющий упования тамошнего суда, не имеет никакой надежды, не знает ни того, что есть Бог, ни того, что Он промышляет о всем настоящем, ни того, что над всем наблюдает божественная правда. А кто не знает и не промышляет об этом, тот бессмысленнее всякого зверя, и изгнал из души своей законы, и суды и определения, и вообще все доброе; ибо кто не готовится отдать отчет в делах своих, тот будет уклоняться от всякой добродетели и предаваться всякому пороку. Размыслив об этом и рассудив о невежестве и безумии язычников, с которыми мы сходимся в сетовании об умерших, будем избегать такого

согласия с ними. Для того и Павел упомянул об них, чтобы ты, размыслив о бесчестии, до которого ты ниспадаешь, стал выше согласия с ними и возвратился к свойственному тебе благородству. И не здесь только, но и во многих других местах блаженный Павел часто делает это. Когда он хочет удалить нас от грехов, то показывает, с кем сообщаемся мы чрез грехи, чтобы, устыдившись качества этого лица, ты убежал от такого сообщества. Так в послании к Фессалоникийцам он говорил: “Чтобы каждый из вас умел соблюдать свой сосуд в святости и чести, а не в страсти похотения, как и язычники, не знающие Бога” (1 Фес. 4:4-5). И в другом месте: “Посему я говорю и заклинаю Господом, чтобы вы более не поступали, как поступают прочие народы, по суетности ума своего” (Еф. 4:17). Также и здесь: “Не хочу же оставить вас, братия, в неведении об умерших, дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды”. Обыкновенно не свойство событий повергает нас в печаль, а наше произволение, не смерть скончавшегося, а немощь сетующих; верующего же ничто настоящее не может огорчить; он отличается от неверующих и тем, что, еще прежде будущих благ, в настоящей жизни получает немалые блага от христианскоголюбомудрия, доставляющего ему величайшее благодушие и постоянную радость. Посему и Павел говорит: “Радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь” (Флп. 4:4). Таким образом, еще прежде воскресения, мы получаем немалую награду в том, что не упадем духом ни в каком случающемся бедствии, но имеем великое утешение в надежде будущих (благ). Как мы получаем двойную пользу, так неверующий терпит двойной вред - и оттого, что в будущей жизни подвергается наказанию за неверие воскресению, и оттого, что в настоящей впадает в отчаяние, не ожидая после ничего доброго. Итак, мы должны благодарить Бога не только за воскресение, но и за надежду воскресения, которая может утешить сетующую душу и расположить к благодушию при разлуке с отшедшими, как имеющими воскреснуть и соединиться с нами. Если надобно скорбеть и плакать, то нужно плакать и сетовать о тех, которые живут во грехах, а не о тех, которые отошли с добродетелью. Так делает и Павел; в послании к Коринфянам он говорит: “Чтобы опять, когда приду, не унижил меня у вас Бог мой и [чтобы] не оплакивать мне многих, - не сказал: умерших, но - которые согрешили прежде и не покаялись в нечистоте, блудодеянии и непотребстве, какое делали” (2 Кор. 12:21). О таких надобно плакать. Тому же поучает и другой такими словами: “Плачь над умершим, ибо свет исчез для него; плачь и над глупым, ибо разум исчез для него. Меньше плачь над умершим, потому что он успокоился, а злая жизнь глупого — хуже смерти” (Сир. 23:9-10). Если же всегда достоин плача потерявший рассудок, то тем более - не имеющий праведности и оставивший надежду на Бога. Таких людей и мы будем оплакивать; такой плач полезен; своими слезами мы часто исправляем их. Сетование же об умерших бесполезно и вместе вредно. Итак, не станем превращать порядка, но будем плакать только о грехе; а все прочее - и бедность, и болезнь, и преждевременную смерть, и обиду, и клевету, и какое-нибудь другое из зол, постигающих человека, - все будем переносить благодушно. Эти бедствия послужат для нас поводом к получению многих венцов, если мы будем бодрствовать.

4. Но как можно, скажешь ты, человеку не скорбеть? Напротив я скажу: как можно скорбеть человеку, почтенному словом и разумом и надеждами будущих благ? Но кто, скажешь ты, не предавался этому чувству? Многие, и часто, и из нас, и из предков наших. Послушай, что сказал Иов, когда лишился целого сонма детей: “Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!” (Иов. 1:21). Дивны эти слова, когда и просто слышишь их; а если еще тщательно рассмотришь их, то они окажутся еще более дивными. В самом деле, подумай, что диавол не половину детей взял у него, а другую половину оставил, не большую часть взял, а меньшую оставил; но он сорвал весь плод, а дерева не повалил; все море возмутил волнами, а ладьи не потопил; истощил всю силу, а столба не потряс; напротив, отовсюду потрясаемый, он стоял непоколебим; тучи стрел неслись, а его не поражали; или лучше - направлялись в него, но не уязвляли. Подумай, каково

видеть погибель столь многих детей! Чего не доставало, чтобы поразить его? Все дети похищены, все вместе и в один день, в самом цвете лет, отличавшиеся великою добродетелью; окончили жизнь таким родом казни; после столь многих ударов нанесен этот последний удар отцу, который был сердобольный, а отшедшие - любезны ему. Если кто лишится детей порочных, то хотя и поражается скорбью, но не столь сильною: ибо порочность умерших не дает печали быть сильною; но если дети были добродетельны, то рана не закрывается, память о них не теряется, скорбь не имеет утешения, возбуждаясь двойною силою, - и чувством природы, и мыслию о добродетели скончавшихся. А что дети Иова были добродетельны, видно из следующего: отец так много об них заботился, что, вставши от сна, приносил за них жертвы, опасаясь и за тайные грехи их; и важнее этой заботы для него ничего не было. А это доказывает не только добродетель детей, но и чадолюбие отца. Если же Иов был отец, и столь чадолюбивый, питавший к ним привязанность, возбуждаемую не только природою, но и благочестием, и умершие были так добродетельны, то отсюда происходит тройное пламя скорби. Опять, когда похищаются только некоторые из детей, в скорби есть еще некоторое утешение; потому что оставшиеся умеряют печаль об умерших; но когда умрут все дети, то на кого может посмотреть (отец) многочадный, вдруг сделавшийся бесчадным? К этим можно еще присовокупить и пятый удар. Какой это? Тот, что все эти похищены внезапно. Если тогда, как умирают иные в три или пять дней, женщины и родственники все плачут особенно о том, что умерший так скоро и нечаянно похищен от взоров их; то тем более мог скорбеть Иов, не в три, не в два и не в один день, но в один час лишившийся всех детей. Бедствие, ожидаемое несколько времени, хотя бы было крайне тяжело, становится легче от самого ожидания; но случившееся сверх чаяния и внезапно бывает невыносимо. Когда бедствие и само по себе тяжело и еще увеличивается тем, что случилось неожиданно, подумай, как оно бывает невыносимо: оно выше всякого описания! Хочешь ли слышать и шестой удар? Иов потерял всех детей в самом цветущем их возрасте. Вы знаете, как прискорбны преждевременные смерти, и как много причиняют они слез. А эта смерть была не только преждевременная, но и насильственная; это был седьмой удар: ибо они не на ложе изнемогли и испустили дух, но задавлены зданием. Представь же, каково было тому, кто, разрывая эту грудь, вынимал оттуда то камень, то часть своего сына, и видел то руку еще держащуюся за чашу, то другую лежащую на блюде, то самый труп обезображенный, с придавленным носом, с разбитою головою, вырванными глазами, раскиданным мозгом, - вообще весь образ искаженный до того, что, за множеством ран, отцу нельзя было распознать черты любезных ему лиц. Вы смутились и плачете, слыша об этом; подумайте же, каково было ему это видеть. Если мы, после столь долгого времени, не можем без слез слышать об этом печальном событии, и притом слышать о чужом несчастье; то какой адамант был тот, кто видел это своими глазами, и любомудрствовал не над чужими, а собственными бедствиями? Однако он не возроптал, и не сказал ничего такого: что это значит? Это ли награда за мою благотворительность? Для того ли я отворял дом странникам, чтобы видеть его гробом детей? Для того ли я прилагал о них всякое попечение, чтобы они потерпели такую смерть? Ничего такого он не сказал и не подумал; но перенес все великодушно, хотя и лишился их после такого о них попечения. Как искусный ваятель, отделявая золотые статуи, украшает их весьма тщательно; так и Иов образовывал, улучшал и украшал души детей. И как трудолюбивый земледелец постоянно орошает пальмовые или оливковые деревья, ограждает, окапывает их и всячески ухаживает за ними; так и Иов не переставал, как бы какую плодоносную маслину, душу каждого из детей усовершенствовать в добродетели; увидев же, что эти растения напором злого духа вырваны, повержены на землю и бедственно погибли, не только не произнес никакой хулы, но еще благодарил Бога, и тем нанес диаволу смертельную рану.

5. Но, скажешь ты, у Иова было много сыновей, а иной нередко лишается единственного сына, поэтому и скорбь неодинакова? Хорошо ты говоришь; и я скажу, что скорбь неодинакова, но скорбь Иова гораздо больше. Какую пользу принесло ему многочадие? Его несчастье было тем поразительнее и скорбь тем мучительнее, что он получил рану в лице многих детей. Если же хочешь видеть и другого святого, который имел единокровного сына, и оказал такое же, и даже большее, мужество: то вспомни о патриархе Аврааме, который, хотя не видел Исаака умершим, но - что было еще мучительнее и прискорбнее - получил повеление (от Бога) самому заклать его и не воспротивился этому повелению, не возроптал и не сказал чего-нибудь подобного: за тем ли Ты сделал меня отцом, чтобы сделать детоубийцею? Лучше было бы прежде не давать его мне, чем, давши, отнять его таким образом. Ты хочешь взять его? Для чего же повелеваешь мне самому заклать и обгадить мою руку его кровью? Не чрез этого ли отрока Ты обещал заполнить моими потомками вселенную? Как же произведешь плоды, вырвавши корень? Как обещаешь потомство, повелевая заклать сына? Кто видал, кто слышал это? Я обманут, я обольщен. Ничего такого он не сказал и не подумал, не попркословил Повелевавшему, не потребовал объяснения, но, услышав: "Возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака; и пойди в землю Мориа и там принеси его во всесожжение на одной из гор, о которой Я скажу тебе" (Быт. 22:2), исполнил повеление с такою готовностью, что сделал еще больше повеления. Он скрыл это и от жены, утаил и от рабов, оставив их внизу горы, и взошел на нее, взяв с собою только жертву; так не против своей воли, но с великою готовностью он исполнил повеление. Представь же, каково было ему разговаривать с сыном наедине, без свидетелей, когда сердце сильнее разгорается и любовь бывает пламеннее, и это не в один или два дня, но в продолжение многих дней. Если бы он тотчас же исполнил повеление, то и это было бы удивительно и велико, однако не столь удивительно, как то, что он, в продолжение многих дней, испытывая страдание и борьбу душевную, не показал человеческой слабости в отношении к отроку. Бог для того и продолжил подвиги и распространил место борьбы, чтобы ты вернее узнал ратоборца. Поистине это был ратоборец, сражавшийся не с человеком, но с самою силою природы. Какое слово может изобразить его мужество? Он возвел отрока на гору, связал, положил на дрова, взял нож и хотел нанести удар. Затем, как и что сказать, не знаю; знает только сам сделавший это; никакое слово не может изобразить, как не оцепенела рука, как не ослабела крепость мышц, как не смутил его любезный вид отрока. Достоин удивления здесь и Исаак. Как отец его повиновался Богу, так он - отцу; и как тот, когда Бог повелел ему принести жертву, не потребовал объяснения, так и этот, когда отец связывал его и возлагал на жертвенник, не сказал: для чего ты делаешь это? - но преклонился под отеческую руку. Здесь виден был отец и вместе жрец, жертва бескровная, всесожжение без огня, образ смерти и воскресения на жертвеннике; потому что отец и заклал сына и не заклал: не заклал рукою, но заклал произволением. И Бог дал ему такое повеление не потому, чтобы хотел видеть пролитие крови, но для того, чтобы показать тебе произволение Авраама, посреди всей вселенной возвестить о доблести его, и всех потомков научить, что заповеди Божии должно предпочитать и детям, и природе, и всему имуществу, и самой душе своей. Итак, он сошел с горы, имея при себе Исаака, как живого мученика. Какое же прощение, скажи мне, какое оправдание будем иметь мы, если, видя этого доблестного с такою готовностью повинующимся Богу и во всем Ему покорствующим, сами будем роптать? Не говори мне о горести, ни о несносной тяжести несчастья, но размысли о том, что он и жестокою скорбью превозмог. Повеление было в состоянии смутить его ум, повергнуть его в недоумение и поколебать веру в предшествовавшие обетования. Кто из обыкновенных людей не почел бы обманом все сказанное о множестве потомков, обещанных ему? Но не таков был Авраам. Не менее должно удивляться и любомудрию Иова в несчастье, особенно потому, что он после такой добродетели, после такого

милосердия и человеколюбия, когда ни за собою, ни за детьми не сознавал ничего худого, а между тем испытывал столь великое, необычайное и неожиданное бедствие, какого ни с кем из крайне преступных людей не случилось, не огорчился, подобно обыкновенным людям, не помыслил, что добродетель бесполезна и сам он прежде поступал худо. Обоим этим мужам должно не только удивляться, но и соревновать и подражать их добродетели. Никто пусть не говорит, что они были дивные люди. Подлинно, они были дивны и велики; но от нас теперь требуется еще более любомудрия, нежели от них и всех живших в ветхом завете. "Ибо, говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное" (Матф. 5:20). Итак, отовсюду получив вразумление и припомнив это и все, что сказано нами о воскресении и о тех святых, будем непрестанно повторять душам своим, не только во время печали, но и когда бываем свободны от скорби. Поэтому и я, хотя никого не вижу в скорби, предложил ныне это слово, чтобы мы, когда подвергнемся подобному бедствию, припоминая сказанное, имели достаточное утешение; так и воины в мирное время занимаются воинскими упражнениями, чтобы, при наступлении войны, когда потребуются опытность в деле, благовременно показать искусство, в котором они усовершенствовались во время мира. Приготовим же и мы себе оружие и врачевство во время мира, чтобы, когда настанет борьба с неразумными страстями, или печалью, или унынием, или другим чем-либо подобным, мы, хорошо вооружившись и оградившись со всех сторон, могли с великою опытностью отражать нападения лукавого и верными мыслями, вещаниями Божиими, примерами праведных мужей, и вообще всеми способами защищать самих себя. Таким образом мы можем и настоящую жизнь провести благодушно, и сподобиться царства небесного о Христе Иисусе, Которому слава и держава, со Отцом и Святым Духом, во веки веков. Аминь.

О ЛАЗАРЕ

Полное заглавие этого слова следующее: "о землетрясении, и о богатом и Лазаре, и о том, откуда произошло рабство"

СЛОВО ШЕСТОЕ

Страшно проявление всемогущества и благодати Божией в землетрясении. - Но день последнего суда будет еще страшнее. - Нужно бояться не землетрясения, а причины, его производящей. - Нужно сожалеть не о тех, которые огорчены, а о тех, которые грешат. - Возвращение к притче о богаче и Лазаре. - Сравнение житейских событий с представлением на театральной сцене. - В будущей жизни всякий явится тем, что он в действительности. - Благородство состоит не в знаменитости предков, а в добродетели. - Происхождение рабства. - Всемирный потоп. - Сравнение ковчега с Церковью. - Употребление вина для исцеления скорби. - В чем состоит истинное рабство. - В чем состоит истинное богатство. - Различные степени праведников и грешников, но никто не без греха. - Добро и зло получают должное воздаяние.

Видели вы Божию силу, видели Божие человеколюбие? Силу в том, что Бог потряс вселенную; человеколюбие в том, что падающую ее остановил: а лучше, в том и другом - и силу и человеколюбие; и потрясти и остановить - дело силы и человеколюбия; потому что Он поколебал вселенную и утвердил ее, и колебавшуюся ее, и готовую упасть, восстановил. Но, хотя землетрясение миновало, страх пусть остается; колебание прошло,

а благоговение пусть не проходит; три дня мы молились, но не прекратим нашего усердия. За то (постигло нас) землетрясение, - за нерадение наше; мы вознерадели - и вызвали землетрясение; исправились - и отклонили (Божий) гнев; не будем же опять предаваться нерадению, чтобы опять не вызвать гнева и наказания; Бог не хочет "смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был" (Иез. 33:11). Видели вы бренность рода человеческого? Когда происходило землетрясение, я размышлял сам с собою так: где хищничество? где любостяжание? где могущество? где высокомерие? где господство? где угнетения? где разграбления бедных? где тщеславие богатых? где власть начальников? где угрозы? где страхи? Одна минута времени - и все расторглось легче паутины, все это расстроилось; и был плач в городе, и все бежали в церковь. Подумайте, что было (бы) с нами, если бы Богу угодно было все ниспровергнуть. Говорю это для того, чтобы постоянно жив был в вас страх от случившегося и укреплял умы всех. Потряс (Господь землю), но не ниспроверг; потому что, если бы хотел ниспровергнуть, то не потряс бы; но так как Он того не хотел, то землетрясение, как глашатай, предвозвещающий всем гнев Божий, предварительно произошло, чтобы мы, от страха сделавшись лучшими, отклонили от себя наказание на деле. Так поступил Он и с иноплемениками: "Еще сорок дней (три дня) и Ниневия будет разрушена" (Иона. 3:4). Почему же не превращаешь? Грозишь ниспровергнуть: почему же ты не ниспровергаешь? - Так как Я не хочу ниспровергнуть, то и угрожаю. - Для чего же говоришь? - Чтобы не сделать того, что говорю; пусть словом предупреждено и отвращено будет дело. "Еще сорок дней и Ниневия будет разрушена", - говорил тогда пророк, а ныне издают голос стены. Говорю это и не перестану говорить и бедным и богатым; подумайте, как велик гнев Божий, как все Ему легко и удобно; отстанем же от пороков; в краткую минуту времени Он так сокрушил душу и ум каждого, и потряс основания сердца; подумаем же, что в тот страшный день, когда будет не одна минута времени, но бесконечные веки, и потоки огня, и грозный гнев, и силы, влекущие на суд, и страшный престол, и нелицеприятное судилище, и дела каждого предстанут пред очи, и никто не будет заступником, ни сосед, ни ритор, ни сродник, ни брат, ни отец, ни мать, ни иноплеменник, ни кто-либо другой, - что тогда, скажи мне, мы будем делать? Навожу на вас страх, чтобы устроить ваше спасение. Я сделал учение более резким, чем железо, чтобы каждый из вас, имеющий язву, освободился от нее. Не всегда ли я говорил, и ныне говорю, и не перестану говорить: доколе вы будете привязаны к настоящему? Ко всем говорю, но особенно к недужным и невнимающим тому, что говорится; или лучше, это слово полезно тому и другому: больному - для выздоровления, здоровому - для избежания болезни. Доколе деньги? Доколе богатство? Доколе великолепие зданий? Доколе неистовство в бездушной любви к удовольствиям? Вот пришло землетрясение; какую пользу принесло богатство? Труд того и другого пропал, погибло имущество вместе с владением, дом вместе со строителем. Город сделался общим для всех гробом, устроенным внезапно не руками мастеров, но несчастным случаем. Где богатство? Где любостяжание? Видите ли, как все оказалось ничтожнее паутины?

2. Но скажешь мне: какая польза от слов твоих? Есть польза, если кто слушает меня. Я делаю свое; сеятель сеет. Вышел сеятель сеять; и пали семена - одни подле дороги, другие на камень, иные на терние, а иные на добрую землю (Мф. 13:3-8); три части (семян) погибли, одна только сохранилась; однако же (сеятель) не отстал от земледелия; но так как одна часть сохранилась, то и не перестал трудиться над землею. И теперь невероятно, чтобы семя, повергаемое в такое множество (слушателей), не принесло мне колоса; если не все послушают, половина послушает; если не половина, то третья часть; если не третья часть, то десятая; если не десятая, то хотя один из такого множества послушает, лишь бы послушал. Немаловажно спасти и одну овцу; так и тот пастырь (Мф. 18:12), оставив девяносто девять овец, пошел за одною заблудшею. Я не пренебрегаю

человеком; хотя бы он был один, но это - человек, живое существо, любезнейшее Богу; хотя бы он был раб, я не считаю его достойным презрения; потому что не звания ищу, а добродетели, не господства, не рабства, а души; хотя бы он был один, но это - человек, для которого небо распростерто, и солнце сияет, и луна течет, и воздух разлит, и источники бегут, и море расширено, и пророки посылались, и закон дан, но для чего перечислять все? - для которого едиnorodный Сын Божий соделался человеком. Владыка мой был заклан и пролил кровь Свою за человека, и я ли буду пренебрегать им? Какое будет мне прощение? Не слышите ли, что Господь разговаривал с самарянкою и изрек множество слов? Он не презрел ее за то, что она была самарянка, но оказал к ней внимание, потому что она имела душу; не пренебрег ею за то, что она была блудница, но приложил великое о ней попечение, потому что и она могла быть спасена и показала веру. Не перестану говорить и я, хотя бы никто не слушал: я врач, и предлагаю врачевство; я учитель, и должен увещевать, потому что говорит (Господь): "Поставил тебя стражем дому Израилеву" (Иез. 3:17). Никого не исправлю? Что же такое? Я не лишусь награды. Впрочем, это сказал я по преувеличению; невероятно, чтобы в таком множестве никто не исправился. Но таковы отговорки и предлоги нерадивых слушателей. Каждодневно, говорят, я слушаю, и не делаю. Слушай, хотя бы ты и не делал; потому что от слушания доходят и до делания; хотя бы ты и не делал, но будешь стыдиться за грех; хотя бы и не делал, но переменишь образ мыслей; хотя бы и не делал, но будешь осуждать себя за то, что не делаешь. А откуда это твое осуждение самого себя? Оно - плод моих слов. Когда ты скажешь: увы! я слышал, и не делаю! - это "увы" есть начало перемены к лучшему. Ты согрешил и поплакал? Этим ты загладил грех; потому что (написано): "Станем судиться; говори ты, чтоб оправдаться" (Ис. 43:26). Лишь бы ты печалился и скорбел; эта скорбь ведет ко спасению не по своему свойству, но по человеколюбию Владыки. Для имеющего грехи немалым служит облегчением скорбь о самом себе; ибо "видел, - говорит (Господь), - что опечалился, и исцелю его" (Ис. 57:17-18). О неизреченное человеколюбие! неизъяснимая благодать! Он опечалился, и Я исцелил его! Что же особенного в том, что он опечалился? Ничего особенного; но Я нашел в том повод исцелить печали его. Видите ли, как Он в краткую минуту времени все совместил? Размышляйте же непрестанно о том вечере землетрясения. Все другие устрешились землетрясения, а я устрешился причины его. Понимаете, что я сказал? Другие боялись, чтобы не обрушился город, и чтобы они не погибли; а я устрешился того, что Владыка гневается на нас; потому что не умереть тяжело, но тяжело - разгневать Владыку. Так я убоялся не землетрясения, а причины землетрясения; причина землетрясения есть гнев Божий, а причина этого гнева - грехи наши. Никогда не бойся наказания, но бойся греха, навлекающего наказание. Трясется город? Что же такое? Пусть только не колеблется душа твоя; так и в случае болезней и ран мы оплакиваем не тех, которые лечатся, но больных неизлечимо. А грех есть то же, что болезнь и рана, и наказание - то же, что отсечение и врачевание.

3. Поняли вы, что я говорю? Будьте внимательны; хочу преподать вам любомудрое наставление. Почему мы оплакиваем наказываемых, а не согрешающих? Не так тяжело наказание, как тяжок грех; потому что грех есть причина наказания. Итак, когда ты увидишь какого-нибудь человека, имеющего гнилую рану, у которого из тела выходят черви и гной, и который оставляет без внимания эту язву и гниение, а - другого такого, который, страдая тем же, пользуется пособием врачей, допускает прижигания и отсечения, и пьет горькие лекарства, то которого из них ты будешь оплакивать, скажи мне, - того ли, который болен - и не лечится, или того, который болен - и лечится? Очевидно того, который болен - и не лечится. Подобным образом, пусть будут два грешника, один наказываемый, а другой не наказываемый. Не говори: этот блажен, потому что богат, грабит сирот, утесняет вдов, не болеет, и при грабительстве своем

пользуется хорошим мнением, наслаждается почестью и властью, не испытывает ни одного из человеческих бедствий, ни горячки, ни чахотки, ни другой какой-либо болезни; у него сонм детей, маститая старость; но его-то преимущественно и оплакивай, потому что он и болен, и не лечится. Как? Я скажу. Если увидишь человека, одержимого водяною, у которого от болезни в селезенке раздулось тело, но который не спешит к врачу, а постоянно употребляет холодное питье, имеет роскошную трапезу, каждый день упивается, окружен прислужниками, и усиливает свою болезнь, то, скажи мне, блаженным ли считаешь его, или несчастным. А если увидишь другого, одержимого водяною, но пользующегося пособием врачей, изнуряющего себя голодом, отказывающего себя во многом, постоянно принимающего горькие лекарства, которые хотя неприятны, но эту неприятность способствуют здоровью, то не станешь ли ты ублажать этого человека более, чем того? Разумеется, потому что тот болен - и не лечится, а этот болен - и пользуется врачеванием. Но лечение неприятно? Зато конец его полезен. Так бывает и в настоящей жизни. Перенесись мыслью от тел к душам, от болезней к грехам, от горечи лекарств к наказаниям и суду Божию; ибо наказание от Бога есть то же, что и лекарство от врача, отсечение и прижигание. Как огонь, чрез многократное прикосновение, прижигает рану и останавливает ее развитие; и как железо отсекает гнилость, причиняя боль, но доставляя пользу; так и голод, и моровые язвы и все кажущиеся бедствия насылаются на душу вместо железа и огня, чтобы остановить, как это бывает с телами, развитие ее болезней и сделать ее лучшею. Опять, пусть будут два блудодея – допустим, это на словах для примера, - два блудодея: но один богатый, а другой бедный. Который из них имеет больше надежд на спасение? Разумеется, бедный. Не говори же: этот богач блудодействует и богатеет, и поэтому ублажаю его. Скорее надлежало бы тебе ублажать его тогда, когда бы он, блудодействуя, был беден и терпел голод; потому что он невольно имел бы в бедности учительницулюбимудрия. Когда ты увидишь порочного благоденствующим, плачь; потому что здесь два несчастья: и болезнь и неисцельность. Когда же увидишь порочного в несчастьи, утешайся, не потому только, что он становится лучшим, но и потому, что заглаждаются здесь многие из грехов его. Слушай внимательно мое слово. Многие из людей и здесь наказываются и там осуждаются; другие только здесь, а иные только там. Пойми это учение; потому что, если хорошо выразишь слова мои, они избавят ум твой от многих смятений. Но, если угодно, представим сперва такого человека, который там наказывается, а здесь наслаждается весельем. Пусть и богатые и бедные внимают моим словам; ибо это учение полезно и тем и другим. Что многие осуждаются и здесь и там, об этом послушай, как говорит Христос: “В какой бы город или селение ни вошли вы, наведывайтесь, кто в нем достоин, и там оставайтесь, пока не выйдете; а входя в дом, приветствуйте его, говоря: мир дому сему; и если дом будет достоин, то мир ваш придет на него; если же не будет достоин, то мир ваш к вам возвратится. А если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дома или из города того, отрясите прах от ног ваших; истинно говорю вам: отраднее будет земле Содомской и Гоморрской в день суда, нежели городу тому” (Мф. 10:11-15). Отсюда явно, что жители Содома и Гоморры и здесь осуждены и там наказываются; ибо, когда говорит (Господь), что отраднее будет содомлянам, чем этим людям, то показывает, что те хотя и наказываются, но не так, как эти.

4. Еще есть такие, которые наказываются только здесь, как тот прелюбодей, о котором, блаженный Павел, в послании к Коринфянам, говорил так: “Есть верный слух, что у вас [появилось] блудодеяние, и притом такое блудодеяние, какого не слышно даже у язычников, что некто [вместо] [жены] имеет жену отца своего. И вы возгордились, вместо того, чтобы лучше плакать, дабы изъят был из среды вас сделавший такое дело. А я, отсутствуя телом, но присутствуя [у вас] духом, уже решил, как бы находясь у вас: сделавшего такое дело, в собрании вашем во имя Господа нашего Иисуса Христа, обще с

моим духом, силою Господа нашего Иисуса Христа, предать сатане во измождение плоти, чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа” (1 Кор. 5:1-5). Видишь ли, как этот здесь наказывается, а там не наказывается? Так как здесь наказано было тело его, то там он уже не наказывается. Наконец хочу показать такого человека, который здесь веселился, а там наказывается. “Некоторый человек был богат” (Лк. 16:19). Вы уже наперед видите ход этого повествования, но подождите окончания слова. Конечно, мне честь, а вам похвала за то, что, когда только еще сеются начатки, вы уже собираете колосья. Постоянное слушание поучений сделало вас учителями; но так как с вами вошли сюда и некоторые чужие, то не спешите, но подождите хромящих. Церковь есть тело; есть в ней глаз, есть и голова. Как если пята уколет терние, глаз преклоняется вниз, потому что он есть член тела, и не говорит: я восседаю на высоте, презираю низший член; но преклоняется, оставляя свою высоту; что ниже пята, или благороднее глаза? - однако это неравенство исправляется сочувствием, и все соединяется любовью. Так и ты поступай; если ты быстр и приготовлен к слушанию, но имеешь брата, который не может следовать за тем, что предлагается, глаз твой пусть преклонится к пяте, пусть окажет сострадание к хромящему члену, чтобы он от твоей быстроты и своей медлительности не остался без научения. Не злоупотребляй твоим разумением к его гибели, но благодари Бога за свою быстроту. Ты богат? Радуюсь и восхищаюсь; но тот еще беден: пусть же не остается он в бедности вследствие твоего богатства. У него есть терние - беспокойный помысел: снизойди же к нему и исторгни терние. Что же говорит (Господь)? Человек “некоторый был богат” - по имени, а не на самом деле. “Некоторый был богат” и “одевался в порфиру”, предлагал роскошную трапезу, имел чаши с вином, украшенные венками, устраивал каждый день пиршества. Другой же - “некоторый нищий, именем Лазарь”. А где имя богача? Нигде, он без имени. Сколько богатства, - а у самого нет и имени! Какое же это богатство? Это - дерево, красующееся листьями, но не имеющее плода; дуб, распростершийся в высоту, но дающий желуди в пищу бессловесным; человек, не имеющий плода человеческого. Где богатство и хищничество, там виден волк; где богатство и свирепость, там вижу льва, а не человека; он погубил свое благородство неблагородством пороков. “Некоторый был богат” и каждодневно “одевался в порфиру”, а в душе был покрыт паутиной; дышал благовониями, а исполнен был зловония; предлагал роскошную трапезу, кормил тунеядцев и льстецов, утучнял рабыню - плоть, а госпожу - душу оставлял изнуряться голодом; дом у него был украшен венками, а основание состояло из извести греха; душа была погружена в вине. Итак, этот богач имел роскошную трапезу и украшенные венками чаши вина, кормил тунеядцев и льстецов - это непотребное сборище дьявольское, этих волков, которые пленяют многих из богачей, насыщая собственное чрево, устраивают их гибель, великою услужливостью и лестью истребляют их богатство. Не погрешит, кто назовет волками таких людей, которые, выставляя богача пред всеми, как овцу, превозносят его похвалами, надмевают величаниями, и не дают ему увидеть собственную рану, но ослепляют его ум и увеличивают его гнилость. Потом, как наступит перемена обстоятельств, эти друзья убегают, и остаемся состраждущими мы, обличающие, а те притворные личности скрываются, как это и ныне часто бывает.

5. Итак, этот богач кормил тунеядцев и льстецов, обратил дом свой в театр, наполнял каждого вином, жил в великом благоденствии; а другой некто Лазарь, покрытый ранами, сидел у ворот богача и желал крупиц от трапезы его. Возле источника он томился жаждою; подле избытка голодал. И где он брошен был? Не на распутье, не на улице, не в переулке, не среди площади; но в воротах богача, которыми этот должен был и входить и выходить, дабы не говорил: я не видал, не приметил, мои глаза не досмотрели. При входе твоем лежит жемчужина в грязи, и ты не видишь? Врач у ворот, и ты не лечишься? Кормчий в пристани, и ты терпишь кораблекрушение? Кормишь тунеядцев, а бедных не

питаешь? Это было тогда; но бывает и теперь. Для того и написано это, чтобы потомки научились от этих событий и не подверглись тому, чему подвергся богач. Итак, лежал в воротах бедный, бедный по внешности, но богатый внутренне; лежал покрытый ранами на теле, как соковище, у которого наверху терния, а внизу жемчужины. Какой ему вред от болезни тела, когда душа здорова? Пусть слышат это бедные, и не сокрушаются унынием; пусть слышат богатые, и отстанут от нечестия. Для того и предложены нам эти два образца, богатства и бедности, жестокости и мужества, любостыжательности и терпения, чтобы ты, когда увидишь бедного в ранах и пренебрежении, не называл его жалким, и, когда увидишь богатого в блеске, не считал его блаженным. Прибегай к этой притче; когда будет смущать тебя колебание помыслов, беги в эту пристань; получи утешение от этого повествования; представь Лазаря пренебрегаемого, представь богача благоденствующего и наслаждающегося роскошью, и никакое событие в жизни пусть не смущает тебя. Если ты будешь иметь верное суждение, то не потопят тебя волны; не погрузится ладья твоя, если благоразумным суждением будешь различать свойства вещей. Для чего ты говоришь мне: тело мое в бедственном положении? Был бы ум твой не поврежден. Такой-то богат и нечестив: что же такое? Нечестие не подлежит чувствам. Не суди о человеке по внешности, но по внутренним его качествам. Когда ты видишь дерево, что рассматриваешь в нем - листья, или плод? Так и в отношении к человеку; когда видишь человека, то суди о нем не по внешним, а внутренним его качествам, рассматривай плод, а не листья: не дикая ли это маслина, хотя и считается настоящею маслиною; не волк ли это, хотя и считается человеком. Узнавай человека не по (телесной его) природе, но по произволению, не по виду, но по образу мыслей; и не только по образу мыслей, но разведай и жизнь его. Если он нищелюбив, то он - человек; если же предан торговым оборотам, то он - дуб; если свиреп сердцем, то он - лев; если хищник, то - волк; если коварен, то - аспид. Но скажешь: я человека ищу; для чего же ты показываешь мне зверя вместо человека? - Познай, в чем состоит доблесть человека, и не смущайся. Итак, Лазарь лежал при воротах, покрытый ранами, мучимый голодом. Псы приходили и лизали раны его: псы были человеколюбивее человека, лизали раны Лазаря, снимали и очищали гной. А он лежал, поверженный, как золото в печи, делаясь более блестящим; не говорил, как говорят многие из бедных: это ли промышление? - разве Бог взирает на дела человеческие? Я при праведности беден; а этот при неправедности богат. Ничего подобного он не помыслил, но предавался непостижимому человеколюбию Божию, очищая свою душу, перенося страдания, являя терпение; лежа телом, но стремясь умом, окрыляясь мыслию, готовясь получить награду, удалившись от зла и сделавшись образцом добра. Он не говорил: тунеядцы наслаждаются до излишества, а я не достаиваюсь и крупicc; но что? Благодарил и прославлял Бога. Умер богач, и был похоронен; отошел и Лазарь; не скажу: умер; потому что смерть богача была действительно смертью и погребением, а смерть бедного - отношением и представлением к лучшему, переходом с поприща борьбы к наградам, из моря в пристань, от сражения к торжеству, от подвигов к венцу. Отошли оба туда, где предметы имеют истинный вид; театр закрылся и маски сняты. На здешнем театре в самый полдень употребляются завесы, и многие являются на сцене в чужом виде и с масками на лице, пересказывают старую басню и повествуют о тогдашних делах; иной представляется философом, не будучи философом; иной царем, не будучи царем, но только имея вид царя по содержанию басни; иной - врачом, не умея управиться и с деревом, но только надевши платье врача; иной - рабом, будучи свободным; иной - учителем, не зная и грамоты; представляются не тем, что они суть на самом деле, а что они действительно, тем не показываются: показывается врачом тот, кто вовсе не врач; показывается философом тот, кто только на маске имеет философскую прическу; показывается воином тот, у кого только платье воина; но как ни обманчив вид маски, он не изменяет природы, которой действительность извращает; маски держатся, пока увеселяющиеся сидят (в

театре); но когда наступит вечер, театр закроется, и все разойдутся, тогда маски сбрасываются, и кто в театре представлялся царем, вне его оказывается медником; маски сброшены, обман прошел, открылась истина: и оказывается вне театра рабом, кто внутри его представлялся свободным; внутри (театра), как я сказал, обман, а вне - истина; настал вечер, кончилось зрелище - и открылась истина. Так и в жизни и при кончине. Настоящее - театр; здешние предметы - обманчивая внешность, и богатство, и бедность, и власть, и подвластность, и тому подобное; а когда окончится этот день и наступит та страшная ночь, или лучше - день: ночь для грешников, а день для праведников; когда закроется театр; когда обманчивые виды будут отброшены; когда будет судим каждый со своими делами, не с богатством своим, не с властью своею, не с почестями и могуществом своим, но каждый с делами своими - и начальник, и царь, и женщина, и мужчина; когда (Судия) спросит нас о жизни и добрых делах, а не о важности званий, не о низком состоянии бедности, не о высоком состоянии надменности, (и скажет): подай Мне дела, хотя ты был раб, лучшие, чем у свободного, хотя ты была женщина, более мужественные, чем у мужчины; когда отброшены будут обманчивые внешности: тогда обнаружится и богатый и бедный. И как здесь, по окончании театра, иной из сидевших вверху, увидев в театральном философе медника говорит: э, не был ли этот в театре философом? - а теперь вижу его медником; этот не был ли там царем? - а здесь вижу в нем какого-то низкого человека; этот не был там богачом? - а здесь вижу его бедным; так будет и там.

б. Не распространяю речи, чтобы слушателя не привести в замешательство обилием сказанного; но хочу представить обманчивость зрелища только в двух лицах. Я представлял два лица, чтобы чрез них проложить вам дорогу и дать направление. Я расширил мысль вашу изображением настоящей жизни, чтобы каждый мог познать различие вещей. Итак, два лица: одно представлял богатый, а другое бедный; лицо бедного - Лазарь, лицо богатого - богач; видимые предметы - мнимые лица, а не действительные. Оба они отошли туда, и богатый и бедный; Лазаря приняли ангелы, после псов - ангелы, после ворот богача - лоно Авраамово, после голода - нескончаемое изобилие, после скорби - непрестанная радость; а богача после богатства постигла бедность, после роскошной трапезы - наказание и мучение, после наслаждений - невыносимые скорби. И посмотри, что делается: они отошли туда - и зрелище прекратилось, маски сняты - и являются наконец действительные лица. Оба они отошли туда, и богач, сгорая в огне, видит Лазаря в лоне Авраамовом, благодуществующим, наслаждающимся, веселящимся, и говорит: "Отче Аврааме! ... пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой, ибо я мучаюсь в пламени сем". Что же Авраам? "Чадо! вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь - злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь; и сверх всего того между нами и вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут" (Лк. 16:24-26). Будьте внимательны, потому что слово об этом полезно: оно устрашает, но и очищает; огорчает, но и исправляет. Прими то, что говорится. Богач, находясь в муках, взглянул и увидел Лазаря, - увидел новые предметы. В твоих воротах был он каждый день; не раз ты входил и выходил, и не видел его; а теперь, находясь в пламени, видишь издали? Когда ты жил в богатстве, когда в твоей воле было видеть, ты не хотел видеть его: от чего же теперь ты так зорко видишь? Не в воротах ли твоих он был? Как же ты не видел его? Вблизи не видел его, а теперь издали видишь, когда между вами такая пропасть? И что он делает? Авраама называет отцом! Как ты называешь отцом того, кому не подражал в гостеприимстве? Этот называет его отцом, а тот его - чадом; имена родственные, но помощи никакой. Впрочем (Господь) произносит эти названия, чтобы вы знали, что от родства нет никакой пользы. Благородство не в знатности предков, но в добродетельных нравах. Не говори мне: отец у меня консул. Что мне в этом? Не о том речь; отнюдь не говори мне: отец у меня консул. Хотя бы твоим отцом был апостол Павел, а братьями

мученики, но если ты не подражаешь их добродетели, то нет тебе никакой пользы от такого родства, а скорее оно повредит тебе и послужит к осуждению. Мать моя, говоришь, милосердная. А что от этого тебе бесчеловечному? Ее человеколюбие увеличивает виновность твоего злонравия. Что говорит Иоанн Креститель к народу иудейскому? “Сотворите же достойные плоды покаяния и не думайте говорить в себе: отец у нас Авраам” (Лк. 3:8). Ты имеешь знаменитого предка? Если ты будешь подражать ему, то получишь пользу; но если не будешь подражать, то знаменитый предок будет твоим обвинителем, за то, что ты от доброго корня вышел горьким плодом. Никогда не называй блаженным человека, имеющего родственником праведника, если он не подражает его нравам. Мать у тебя святая? Тебе ничего от этого. Мать у тебя порочная? И из этого тебе ничего. Как добродетель той не приносит тебе пользы, если не подражаешь ее добродетели: так и порочность этой не вредит тебе, если ты не предан порокам. Как там больше осуждения тебе, потому что, имея у себя образец, ты не подражал добродетели; так и здесь больше тебе похвалы, что, имея порочную мать, ты не подражал ее порокам, но от горького корня вышел сладким плодом. Не знаменитость предков требуется от нас, а добродетельный образ жизни. Я и раба назову благородным, и господина достойным цепей, когда узнаю образ жизни; и знатный для меня не благороден, если имеешь рабскую душу; ибо кто действительно раб, кроме совершающего грехи? Другое рабство зависит от неблагоприятных обстоятельств; а это рабство заключается в развращении сердца; так как и в начале отсюда произошло рабство.

7. В древности не было раба; Бог, созидая человека, сотворил его не рабом, но свободным. Он сотворил Адама и Еву, и оба они были свободны. Откуда же произошло рабство? Род человеческий уклонился от правого пути, и, преступив меру в желаниях, дошел до развращения; а как это, послушай. Настал потоп, общее крушение вселенной, отворились окна (небесные) и разверзлись бездны (Быт. 7:10), все стало водою, все видимое разложилось на стихии и разлилось, земли не видно было, но все стало морем, на основании гнева Божия; повсюду были волны, повсюду моря; высоко поднимались горы, но море и их покрыло; и было только море и небо; род человеческий погиб, и осталась лишь искра рода нашего - Ной, искра посреди моря, однако не погасшая, заключающая в себе начатки рода нашего, жену и детей, с голубем и вороном и всеми прочими существами. И были все внутри ковчега, а ковчег носился поверх воды среди бури, и не подвергся крушению; потому что кормчим его был Владыка всего; не доски спасли, а крепкая десница (Божия). И посмотри на чудо. Когда омылась земля, когда потреблены были делавшие зло, когда укротилась буря - явились верхи гор, ковчег сел, Ной выпустил голубя. Но в изложенном событии заключались тайны; прошедшее было прообразом будущего; именно: ковчег - церковь, Ной - Христос, голубь - Дух Святой, масличная ветвь - человеколюбие Божие. Кроткое животное было выпущено и удалилось от ковчега; но то образ, а ныне - истина; посмотри же на превосходство истины. Как ковчег спасал среди моря бывших внутри его, так и церковь спасает всех блуждающих; но ковчег только спасал, а церковь делает нечто большее; например: ковчег принял в себя бессловесных, - и спас их бессловесными; церковь приняла неразумных людей, и не только спасает их, но и преобразует; ковчег принял ворона, и выпустил ворона; церковь принимает ворона, а выпускает его голубем; принимает волка, а выпускает его овцой. Когда войдет сюда человек хищный, корыстолюбивый, и послушает вещаний божественного учения, то переменяет образ мыслей и из волка делается овцой: волк похищает и чужое, а овца уступает и свою шерсть... Ковчег остановился, и отворились его двери; Ной вышел, спасшись от потопления, и увидел землю опустошенную, увидел гробницу, образовавшуюся из грязи, общую гробницу для скотов и людей, в которой все тела лошадей, и людей, и всякого бессловесного скота, вместе были зарыты. Посмотрел

он на это печальное зрелище, посмотрел на землю, преисполненную бедствий, и впал в великое уныние; все погибли; ни человек, ни скот, ни другое какое-либо из существ, оставшихся вне ковчега, не спаслись; он видел только небо. Мучимый унынием и удручаемый скорбью, он выпил вина, и предался сну, чтобы облегчилась рана уныния. Лежал он на ложе, предавшись сну, как врачу, чтобы произвести в уме забвение о случившемся, как это бывает с состарившимся, пьющим вино и предающимся сну. Надобно сказать в оправдание праведника, что случившееся с ним произошло не от пьянства и страсти; но он просто врачевал свою рану. Так и Соломон говорил: “Дайте сикеру опечаленному и вино болящему” (Притч. 31:6). Посему многие из людей, особенно во время похорон, когда кто лишится сына или жены, когда скорбь терзает, и уныние одолевает, и сознание этого оказывает свою силу, берут друзей в дом свой и устроят обильный пир, и подается вино опечаленному, чтобы облегчилась рана его. То же случилось тогда и с этим старцем: мучимый унынием, он употребил вино, как лекарство, и от вина склонился ко сну. Но вам надобно узнать, откуда произошло рабство. Спустя немного времени взошел проклятый сын его, сын его по природе, а не сын по нраву (опять называю благородством не знатность предков, но добродетельный нрав); вошедши, сын увидел наготу отца. Следовало бы прикрыть ее, накрыть платьем, ради старости, ради горя, ради несчастья, ради того, что это - отец его; а он, вышедши, разгласил и сделал из того печальное зрелище. Но прочие его братья, взяв одежду, вошли, смотря назад, чтобы не видеть того, о чем тот разглашал, и прикрыли отца. Отец, вставши, узнал все, и начал говорить: “Проклят Ханаан; раб рабов будет он у братьев своих” (Быт. 9:25). Смысл слов его такой: ты будешь рабом, потому что обнаружил срамоту отца своего. Видишь ли, что рабство - от греха, что от нечестия произошло рабство? Хочешь ли, я покажу тебе освобождение от рабства? Был некто Онисим, раб, презренный беглец; он убежал и пришел к Павлу, принял крещение, омыл грехи и остался у ног апостола. Павел пишет к господину его: “Он был некогда негоден для тебя, а теперь годен тебе и мне; ... ты же прими его, как мое сердце”. Что же произошло? “Прошу тебя о сыне моем Онисиме, Которого родил я в узах моих” (Флм. ст. 10-12).

8. Видишь ли благородство? Видишь ли, что нрав доставляет свободу? Раб и свободный - суть простые названия. Что такое раб? Одно название. Сколько господ лежат пьяные на постели, а слуги стоят подле них трезвые! Кого же назвать рабом, - трезвого, или пьяного? Раба ли, служащего человеку, или пленника страсти? У того рабство внешнее; а этот внутри себя носит невольничество. Говорю это, и не перестану говорить, чтобы вы имели понятие о вещах, соответствующее природе их, и не увлекались заблуждением толпы, но знали, что такое раб, что бедный, что неблагородный, что блаженный, что страсть. Если вы научитесь различать это, то не подвергнетесь никакому смятению. Впрочем, чтобы слово, слишком распространяясь, не уклонилось к постороннему, обратимся к предмету. Итак, этот богач наконец стал бедным; или лучше, он был беден и тогда, как был богат. Ибо что пользы человеку, если он имеет чужое, а своего не имеет? Что пользы человеку приобрести деньги, и не приобрести добродетели? Для чего ты берешь чужое, а свое теряешь? Я имею, скажешь ты, землю плодоносную? Что же такое? Но не имеешь души плодоносной. Имею рабов? Но не имеешь добродетели. Имею одежды? Но ты не приобрел благочестия. Чужое имеешь, а своего не имеешь. Если бы кто вверил тебе залог, разве я мог бы назвать тебя богатым? Никак. Почему? Потому, что ты владеешь чужим; потому, что это - залог; и о, если бы это было только залогом, а не прибавлением к твоему наказанию! Итак, богач, увидев Лазаря, говорит: “Отче Аврааме! умилосердись надо мною” (Лк. 16:24). Слова бедного, нищего, убогого! “Отче Аврааме! умилосердись надо мною”. Чего ты хочешь? “Пошли Лазаря”. Мимо кого тысячу раз ты проходил, на кого и взглянуть не хотел, того теперь просишь послать к тебе для спасения? “Пошли Лазаря”. А где теперь твои виночерпии? Где ковры? Где тунейдцы? Где льстецы? Где надменность?

Где гордость? Где закопанное золото? Где одежды, изъеденные молью? Где серебро, почитаемое тобою? Где блеск и наслаждение? То были листья; настала зима - и все они посохли; то было сновидение; наступил день - и сновидение улетело; то была тень; пришла действительность - и тень исчезла. "Пошли Лазаря". Но почему богач видит не другого какого праведника, не Ноя, не Иакова, не Лота, не Исаака, но Авраама? Почему? Потому, что Авраам был странноприимный и привлекал прохожих в свою палатку; любовь его к странникам становится более сильною обвинительницею бесчеловечия богача. "Пошли Лазаря". Слыша это, возлюбленные, убоимся, как бы и нам, увидев бедных, не пройти мимо их, чтобы вместо одного Лазаря не было у нас тогда многих обвинителей. "Пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой, ибо я мучаюсь в пламени сем". Но какую мерою мерите, такую возмерится вам (Мф. 7:2); ты не дал крупиц, не получишь и капли. "Пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой, ибо я мучаюсь в пламени сем" Что же ему Авраам? "Чад! вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь - злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь" Чад, восприял еси благая твоя в животе твоём, и Лазарь такожде злая своя; и ныне же zde утешается, ты же страждеша (Лк. 16:24-25). Здесь опять он не сказал: приял, но: "Получил" (восприял). Большую разность делает приложение предлога. Много раз говорил я вам, возлюбленные, что надобно нам принимать во внимание и слоги, потому что сказано: "Исследуйте Писания" (Ин. 5:39); часто и одна иота или одна черта возбуждает мысль. Если же хочешь убедиться, что и прибавление одной буквы дает мысль, то этот патриарх Авраам прежде назывался Аврамом, и сказал ему Бог: "Не будешь ты больше называться Аврамом, но будет тебе имя: Авраам" (Быт. 17:5); прибавил букву "а", и сделал его отцом многих народов. Вот, как прибавка одной буквы показала великое благородство (патриарха). Итак, не пробегайте этого без внимания. Он не сказал: "Получал уже доброе твое" - приял еси благая твоя, но: "получил" - восприял; а кто восприимлет, тот получает должное ему. Обрати внимание на то, что я говорю. Иное дело - принять, а иное - воспринять. Восприимлют то, что имели; а принимают иногда то, чего не имели. Восприял еси благая твоя, и Лазарь злая своя. Вот, и богач восприял благое свое, и Лазарь злое свое! Все это сказано мною в виду тех, которые наказываются здесь, а не там, и тех, которые здесь веселятся, а там наказываются. Внимай же тому, что я говорю. "Ты получил уже доброе твое, а Лазарь - злое", - должное им, что следовало им. Обратите внимание на этот предмет, а я (по пословице) "спешу к месту, - дай мне окончить ткань". Но не смущайтесь при самом начале: когда я говорю что-нибудь подобное, подождите конца. Хочу изошрить ваш взор, и не поверхностно занимать вас, но низвести в глубину божественных Писаний, в глубину, недоступную бури, глубину более безопасную, чем тихая поверхность. Чем ниже спустишься, тем большую найдешь безопасность; потому что здесь не беспорядочное волнение вод, а стройное расположение мыслей. "Ты получил уже доброе твое (в жизни твоей), а Лазарь - злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь". Здесь - важный предмет для исследования. Я сказал, что восприимлет тот, кто получает должное. Что Лазарь был праведен, как и действительно был, это показали лоно Авраамово, венец, награды, покой, наслаждение, твердость, терпение; но богач был грешник, нечестивый, бесчеловечный, преданный удовольствиям и пьянству, предлагавший роскошную трапезу, живший в таком распутстве и непотребстве; почему же ему говорит (Авраам): "Ты получил уже"? Что следовало воздать ему, - человеку богатому, развратному и бесчеловечному? Что следовало воздать ему? Почему Авраам не сказал: приял еси, но: "получил" - восприял?

9. Обрати внимание на эти слова: ему следовали мучения, ему следовали наказания, ему следовали скорби. Почему же не сказал (Авраам): ты принял их, но: "Ты получил уже доброе твое в жизни твоей", т. е. ту жизнь, "а Лазарь - злое"? Напряги же ум твой; я спускаюсь в глубину мыслей. Из всех существующих людей одни - грешники, другие -

праведники. Заметь различие между праведниками; один праведен, а другой еще праведнее; выше стоит этот, а иной и его превосходит. И как есть много звезд, и солнце, и луна; так есть различие и в праведниках; “Иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится в славе” (1 Кор. 15:41); одни выше славою, а другие ниже. Каковы тела небесные, таковы и тела земные. И как между этими телами иное - олень, иное - собака, иное - лев, иное - какой-нибудь другой зверь, иное - аспид, иное еще что-нибудь подобное: так есть различие и в грехах. Итак между людьми одни праведные, другие грешные; но и между праведниками великое различие, и между грешниками великое и беспредельное. Послушай же: хотя бы кто был праведен, хотя бы был тысячу раз праведен и достиг до самой вершины, так что отрешился от грехов, он не может быть чист от скверны; хотя бы он был тысячу раз праведен, но он - человек. “Кто может сказать: “я очистил мое сердце, я чист от греха моего?”” (Притч. 20:9). Посему и повелено нам говорить в молитве: “И прости нам долги наши” (Мф. 6:12), чтобы мы, постоянно употребляя эту молитву, вспоминали, что мы там подлежим наказаниям. Даже Павел апостол, сосуд избранный, храм Божий, уста Христовы, лира Духа, учитель вселенной, обошедший землю и море, исторгший терния грехов, посеявший семена благочестия, тот, который был богаче царей, могущественнее богачей, сильнее воинов, мудрее философов, красноречивее риториков, который, ничего не имея, обладал всем, тенью своею разрешал узы смерти, одеждами своими прогонял болезни, поставил трофеи на море, восхищен был до третьего неба, входил в рай и проповедовал Христа Бога, - и он говорит: “Ибо [хотя] я ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь” (1 Кор. 4:4), - он, который стяжал так много и таких добродетелей, говорит: “Судия же мне Господь”. Итак, “кто может сказать: “я очистил мое сердце, я чист от греха моего?”” Невозможно человеку быть безгрешным. Что ты говоришь: такой-то праведник, милосерд, нищелюб? Но и он имеет какой-нибудь недостаток: или обижает несправедливо, или тщеславится, или делает другое что-нибудь подобное; нет нужды исчислять все. Иной милосерд, но часто не целомудрен; а иной и целомудрен, но не милосерд; этот славится одною добродетелью, а тот - другою. Пусть будет кто-либо праведен, но часто и праведный, имеющий все добродетели, и начинал гордиться этою праведностью, и гордость вредила его праведности. Фарисей, постившийся дважды в неделю, не был ли праведен? А что он говорит? “Я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодее, или как этот мытарь” (Лк. 18:11). Нередко человек с чистою совестью впадает в гордость; и если не повредил ему грех, то вредит гордость. Не может человек быть совершенно праведным так, чтобы быть чистым от греха; и с другой стороны не может ни один человек быть столь злым, чтобы не иметь какого-нибудь, хотя малого, добра. Например: такой-то похищает, предаётся любостыжанию, вредит; но иногда подает милостыню, иногда бывает целомудрен, иногда говорит доброе слово и хотя одному человеку оказал помощь, иногда плакал, иногда сокрушался. Таким образом, нет праведника без греха; нет и грешника без всякого добра. Что было нечестивее Ахав? Он сделал и похищение, и убийство: однако, так как он стал сокрушаться, Бог говорит Илии: “Видишь, как смирился предо Мною Ахав” (3 Цар. 21:29)? Видишь ли в какой бездне грехов нашлось еще некоторое малое добро? Что хуже Иуды предателя, пленившегося сребролюбием? Однако и он сделал потом некоторое, хотя малое добро: “Согрешил я, - говорит он, - предав кровь невинную” (Мф. 27:4). Порочность, как я говорил, не такова по свойству своему, чтобы добродетель при ней не имела места. Овца никогда не может быть свирепою, потому что она от природы кротка; волк никогда не может сделаться кротким, потому что он свиреп от природы. Законы природы не нарушаются и не колеблются, но остаются неизменными. Но во мне этого нет; я бываю и свирепым, когда захочу, и кротким, когда пожелаю, потому что я не связан природою, но одарен свободным произволением. Итак, нет, как сказал я, ни столь доброго человека, который бы не имел ни малого пятна, и нет столь злого, который бы не имел ни малого доброго. Так, за все

есть воздаяние, и за все есть возмездие; хотя бы кто был убийца, хотя бы нечестивец, хотя бы корыстолюбец, но сделал что-нибудь доброе, будет ему воздаяние за это доброе, и за пороки, которые он совершил, доброе не останется без награды. Также, хотя бы кто совершил тысячу добрых дел, но сделал что-нибудь худое, будет ему возмездие за это худое. Удержи это, соблюди твердо и непоколебимо: нет доброго человека без греха, нет и злого без добродетели. Повторяю опять то же, чтобы укоренить это, чтобы насадить и положить в глубине души вашей. Дьявол наводит на душу какие-нибудь заботы, чтобы ввести ваш ум в заблуждение и изгладить из него слова мои; поэтому я внедряю их в глубину. Если здесь сбережешь их верно, то, и вышедши отсюда, не можешь утратить их. Как, положив золото в кошелек, я завязываю и запечатываю его, чтобы вор и в мое отсутствие не взял золота; так я поступаю и относительно вас, возлюбленные: непрерывным повторением учения закрепляю и запечатываю, ограждаю ваш ум, чтобы он не растерялся от беспечности, но чтобы мне, лучше сохранив его, здешнею тишиною отклонить внешнее смятение. Итак, сказанное мною есть не многословие, но слова заботливости, любви и желания учителя, чтобы слова его не пропали. Говорить об этом “для меня не тягостно, а для вас назидательно” (Флп. 3:1). Я хочу научить, а не просто показать себя. Итак, нет праведника, который бы не имел греха, и нет грешника, который бы не имел добра, а так как есть воздаяние за все, то смотри, что бывает. Грешник получает за добрые свои дела соразмерное воздаяние, как бы ни было мало его добро; и праведник получает за грех свой соразмерное осуждение, хотя бы сделал какое-нибудь малое зло. Что же бывает, и что делает Бог? Он определил быть возмездием за грех и в настоящей жизни, и в будущем веке. Если кто праведен, но сделал что-нибудь худое и, пострадав здесь, подвергся наказанию, ты не смущайся, но подумай в самом себе и скажи: этот праведник когда-нибудь сделал какой-либо малый грех, и получает возмездие здесь, чтобы там не быть наказанным. Опять, если увидишь грешника, предающегося хищению и корыстолюбию и делающего множество зла, и, однако, благоденствующего, то подумай: он сделал когда-нибудь нечто доброе, и получает здесь блага, чтобы там не требовать награды. Так и праведник, если терпит какое-нибудь бедствие, то получает возмездие здесь, чтобы здесь сложить с себя грех, и отойти туда чистым; и грешник, преисполненный зла, имеющий множество неисцельных болезней, предающийся хищению и корыстолюбию, для того наслаждается здесь благоденствием, чтобы там не требовать награды. Так как и Лазарю случалось совершать некоторые грехи, и богачу нечто доброе, поэтому Авраам и говорит: здесь ничего не ожидай: “Ты получил уже доброе твое (в жизни твоей), а Лазарь – злое”. А чтобы тебе убедиться, что я не без основания говорю это, но что действительно так, (Авраам) говорит: “Получил уже доброе твое”. Какое? Ты сделал какое-нибудь добро? За то и “получил” свое богатство, здоровье, веселье, власть, честь: тебе ничего уже не следует в воздаяние; “получил уже доброе твое”. А Лазарь ни в чем не согрешил? Нет, согрешил, и получил злое. Когда ты получал “доброе”, тогда и Лазарь – “злое”; поэтому “ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь”. Итак, когда увидишь, что праведник наказывается здесь, почитай его блаженным, и говори: этот праведник или сделал грех и наказывается за него, и отходит туда чистым, или наказывается сверх меры грехов его, и избыток праведности вменится ему. Там бывает расчет, и говорит Бог праведнику: моего у тебя столько-то; например, Бог вверяет ему десять обол, и в счет ему ставит десять обол. Если же он употребит на дело шестьдесят обол, то Бог говорит ему: десять обол засчитываю тебе за грех, а пятьдесят вменяю в праведность. А чтобы тебе убедиться, что остальное вменяется ему в праведность, (припомни): Иов был праведен, непорочен, справедлив, благочестив, удалялся от всякого порочного дела; но тело его наказано было здесь, чтобы там он мог требовать наград; ибо что говорит ему Бог? “Ты хочешь ниспровергнуть суд Мой, обвинить Меня, чтобы оправдать себя” (Иов. 40:3)? Итак, если и мы покажем терпение, подобное терпению праведных, если и мы покажем искусство, соразмерное с

добродетельною их жизнью, то получим блага, уготованные святым, любящим Бога, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

О ЛАЗАРЕ

Полное заглавие этого слова следующее: "Против тех, которые ушли на воинские ристалища, и о евангельском изречении: "Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими (Мф. 7:13), - а к концу о богатом и Лазаре"

СЛОВО СЕДЬМОЕ

Огорчение при виде того, что многие из слушателей, несмотря на увещания проповедника, посещают ристалища. - Несмотря на тяжесть своей вины, пусть они не отчаиваются в возможности загладить свой грех покаянием. - Бессердечный богач - пример тех, которые следуют широким путем в жизни: Лазарь - пример тех, которые идут узким путем. - Великое различие цели, к которой каждый из них пришел по своей дороге. - В чем состоят истинные блага. - Находящиеся в бедности и огорчении не должны считать себя несчастными. - Пропасть, отделяющая Лазаря и бессердечного богача в загробной жизни. - Заключение.

Хочу опять приняться за обычное учение и предложить вам духовную трапезу; но медлю и удерживаюсь, видя, что вы не извлекаете никакого плода из непрестанного учения. И земледелец, после того, как щедрою рукою бросит семена в недра земли и не увидит произрастаний, соответственным трудам, уже не с прежнею охотою принимается за обработку земли; потому что всегда надежда на плодородие облегчает тяжесть трудов. Так и я легко бы перенес этот великий труд учения, если бы знал, что от моего увещания что-нибудь прибавляется для вашей пользы. А теперь, когда я увидел, что, после столь многих моих увещаний, после столь многих внушений и угроз (ибо я не переставал постоянно напоминать вам о страшном судилище и неизбежных наказаниях, и об огне неугасающем, и о черве неумирающем), некоторые из слышавших это (не против всех изрекаю осуждение, да не будет!), забыв все это, опять предались сатанинскому зрелищу конского ристалища, с какою еще надеждою примусь за те же труды и предложу им это духовное учение? Видя, что они не извлекают отсюда никакой для себя пользы, но просто по привычке и рукоплещут словам моим, и показывают, будто с удовольствием принимают мои слова, а после того опять бегут на конское ристалище, и еще больше и с неудержимым неистовством рукоплещут возницам, и с великою стремительностью стекаются, часто препираются между собою и говорят: этот конь не хорошо пробежал, а тот, споткнувшись, упал, и один берет сторону того возницы, другой - другого, а никогда не подумают и не вспомнят о моих словах, ни о духовных и страшных таинствах, здесь совершаемых, но, как бы плененные сетями диавола, проводят там целые дни, предаваясь сатанинскому зрелищу и выставляя себя на позор и иудеям и язычникам, и всем, кто хочет осмеивать наше (учение), - кто, хотя бы он был совсем каменный или бесчувственный, может перенести это без скорби, а не только мы, старающиеся показать отеческое о всех вас попечение? Нас печаливает не только то, что наш труд оказывается для вас бесполезным, но гораздо более мы сокрушаемся, когда помыслим о том, что так поступающие навлекают на себя тяжчайшее осуждение. Мы за труды свои ожидаем

награды от Владыки; так как сделали все свое - предложили серебро, раздали вверенный нам талант и не опустили ничего, что следовало нам сделать; но получившие это духовное серебро какое будут, скажи мне, иметь оправдание, какое прощение, когда потребуются от них не только это серебро, но и прибыль от него? Какими глазами они будут смотреть на Судию? Как они перенесут тот страшный день, те нестерпимые казни? Разве они могут сослаться на неведение? Каждый день мы взываем, увещеваем, убеждаем, показываем гибельность оболъщения, великость вреда, обманчивость сатанинского празднества, и однако не могли тронуть вас! Но что я говорю о том страшном дне? Займемся пока здешним. Как, скажи мне, могут участвовавшие в том сатанинском зрелище придти сюда с дерзновением, когда их совесть восстает против и вопиет громко? Или не слышат они, что говорит блаженный Павел, учитель вселенной: "Что общего у света с тьмою? Или какое соучастие верного с неверным?" (2 Кор. 6:14-15). Какого не заслуживает осуждения то, что верный, участвовавший в совершаемых здесь молитвах и страшных таинствах и духовном учении, после здешнего священнодействия уходит и садится на сатанинском зрелище вместе с неверным, - с блуждающим во мраке нечестия озаренный светом Солнца правды? Как же, скажи мне, можем мы заградить уста язычникам или иудеям? Как станем вразумлять их и убеждать обратиться к благочестию, когда они видят, что принадлежащие к нашему обществу смешиваются с ними на этих гибельных и всякой мерзости исполненных зрелищах? И для чего, скажи мне, ты, побыв здесь и очистив ум и настроив душу к бодрствованию и сокрушению, уходишь туда и снова оскверняешься? Или не слышишь, что говорит один премудрый: "Когда один строит, а другой разрушает: то что они получают для себя кроме утомления?" (Сир. 35:23). Тоже бывает и теперь. Когда построенное нами здесь посредством непрестанного учения и увещания духовного, ты, ушедши туда, все вдруг разрушишь и сравняешь, так сказать, с землею: какая польза в том, что мы снова созидаем здание, а вы снова разрушаете? Не крайне ли это безрассудно и безумно? Скажи мне: если бы ты увидел, что кто-нибудь делает это с вещественными зданиями, строяемыми из камней, то не смотрел ли бы ты на него, как на безумного, который тщетно и напрасно трудится и тратит все свои средства не надлежащим образом? Так же рассуждай и заключай и об этом духовном строении. Вот я, с тех пор как поставлен на это (служение) благодатью Божиею, каждый день воздвигаю в высоту это духовное здание, и стараюсь привести вас к учению о добродетели; а некоторые из приходящих сюда возведенное с великим трудом строение, по неизъяснимому легкомыслию, в одну минуту времени, почти собственными руками, разрушают до основания, причиняя чрез то мне великую скорбь, а себе величайший вред и невыносимую потерю.

2. Может быть, я сделал слишком строгое обличение; оно слишком строго по моей любви к вам, но по важности прегрешения еще не довольно сильно. Впрочем, так как должно подавать руку и падшим, и являть отеческую заботливость о дошедших до такой беспечности, то я и теперь не отчаиваюсь в их спасении, только бы они решились не впадать опять в те же проступки, не простираť дальше свою беспечность, и отказаться от хождения на конские ристалища и от всякого подобного сатанинского зрелища. Мы имеем человеколюбивого, кроткого и попечительного Владыку, Который, зная немощь нашей природы, когда мы, по беспечности преткнувшись, впадем в какой-нибудь грех, требует от нас только того, чтобы мы не отчаивались, но отстали от греха и поспешили к исповеданию. И если мы сделаем это, Он обещает нам скорое помилование; ибо сам Он говорит: "Разве, упав, не встают и, совратившись с дороги, не возвращаются?" (Иер. 8:4). Итак, зная это, не будем невнимательными к человеколюбивому Владыке, но преодолеем вредную привычку, и не будем ходить пространными вратами и широким путем, как сегодня слышали вы от общего всех Владыки, Который в Евангелии предлагает такое увещание: "Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь,

ведущие в погибель, и многие идут ими” (Мф. 7:13). Слыша о пространных вратах и широком пути, не обольщайся таким началом, и не смотри на то, что многие идут по этому пути, но помысли о том, что в конце он делается тесным. И о том разумно подумай, что здесь говорится не о чувственных вратах и не просто о пути, но предлагается увещание касательно всей жизни нашей, и касательно добродетели и порока. Потому Господь и начал речь словами: “Входите тесными вратами”, - называя так врата добродетели; потом, сказав: “Входите тесными вратами”, - объясняет нам и причину, по которой Он делает такое увещание. Хотя, говорит Он, и тесны эти врата, и весьма трудно войти в них, но если немного потрудитесь, то выйдете на великую широту и простор, который может доставить вам великую отраду. Итак, говорит Он, не смотрите на то, что эти врата тесны, пусть не смущает вас начало, и теснота входа пусть не делает вас нерадивыми; потому что пространные врата и широкий путь ведут к погибели. Так многие, обольстившись началом и входом, и не посмотрев наперед, что будет далее, пришли к погибели! Посему Он и говорит: “Потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими”. И справедливо назвал Он пространными врата и широким путь, ведущие к погибели. Те, которые спешат идти на конские ристалища и на другие сатанинские зрелища, небрегут о целомудрии, нисколько не пекутся о добродетели, хотят распутствоваться, предаются веселью и пресыщению, каждодневно истощаются безумною и неистовою страстью к деньгам и прилепляются к делам настоящей жизни, действительно идут пространными вратами и широким путем; когда же они, далеко ушедши вперед и собравши себе великое бремя грехов, придут к концу пути изнуренными, то уже не могут идти дальше, так как теснота пути задерживает их, и они, обремененные тяжестью грехов, не в состоянии пройти по нему; потому неизбежно низвергаются в самую пропасть погибели. Какая же польза, скажи мне, прошедшим недолго широким путем, подвергаться вечной погибели, и повеселившимся, так сказать, во сне наказание терпеть в действительности? Подлинно, вся настоящая жизнь в сравнении с ожидающим нас наказанием и мучением есть то же, что сновидение одной ночи. Неужели все это написано для того, чтобы мы только читали? Действием благодати Духа вещания Господа преданы письма для того, чтобы мы, получая отсюда предохранительные врачевства против наших страстей, могли избежать угрожающего нам наказания. Посему и тогда Владыка наш Христос, прилагая врачевства, соответствующие ранам, предложил такое увещание: “Входите тесными вратами”. Узкими назвал Он эти врата не потому, чтобы они по своему свойству были узки, а потому, что наша воля, наклонная больше к беспечности, считает их узкими. И не для того Он назвал их тесными, чтобы нас отвратить (от них), но для того, чтобы мы, уклонившись от других широких врат и узнав тот и другой пути по их концу, скорее избрали для себя путь тесный.

3. Но, чтобы речь была для всех ясна, теперь, если угодно я представлю таких людей, которые вошли в пространные врата и шли широким путем, и мы посмотрим, каков был у них конец; представлю и таких, которые вошли узкими вратами и шли скорбным путем, и мы узнаем, каких благ они достигли. Для этого я представлю вам одного из вошедших в пространные врата, и одного из шедших по пути узкому и скорбному, и докажу истину слов Господа, при посредстве опять той же притчи Господней. Итак, кто это вошедший в пространные врата, и шедший широким путем? Наперед надобно сказать, кто это такой, и какое пространство пути он прошел, идя по широкому пути, а затем объяснить вам, к какому он пришел концу. Знаю, что вы, как сведущие, уже поняли, что будет сказано; однако и мне необходимо сказать. Припомните же того богача, который каждодневно одевался в порфиру и виссон, устраивал блистательные пиршества, кормил тунеядцев и льстецов, наливал много вина, пресыщался каждый день, предавался великому веселью, вошел в пространные врата, и постоянно был в удовольствии и радости житейской. Все к

нему притекало, как бы из источников, - многочисленная прислуга, неопианное веселье, телесное здоровье, избыток денег, почет от народа, похвалы от льстецов, и ничто пока не печалило его. Кроме того, что, живя среди такого изобилия в напитках и лакомствах, он не только наслаждался телесным здоровьем и всяким удовольствием, но и мимо бедного Лазаря, лежавшего в воротах, покрытого ранами, окруженного и облизываемого псами и терзаемого голодом, он проходил безжалостно и не подавал ему даже крупиц. Так этот богач, вошедши в пространные врата, шел по широкому пути веселья, распутства, смеха, утех, объедения, пьянства, изобилия в деньгах, изнеженности в одежде. И долго, во все время настоящей жизни, шел он по широкому пути, не испытывая никакой печали, но постоянно стремясь как бы с попутным ветром; и так как он шел всегда по широкому пути, то и стремился с великою приятностью. Нигде не было ни скал, ни стремнин, ни подводных камней, ни кораблекрушения, ни необычайного поворота, но, как бы идя постоянно по твердой и ровной дороге, так он прошел настоящую жизнь; хотя он был каждодневно заливаем волнами пороков, но этого не чувствовал; хотя каждодневно терзаем был гнусными пожеланиями, но еще услаждался этим; хотя был постоянно осаждаем невоздержностью, пресыщением, безумною страстью к деньгам, но несколько не чувствовал этих зол, и не мог предвидеть, чем кончится его путь: напротив, наслаждаясь только приятностью настоящего, он и не думал о вечной скорби, но, так сказать, в очаровании шел по широкому пути, стремясь к самой пропасти, которой не мог видеть от великого опьянения. Успех во всех житейских делах, отуманив его ум, ослеплял мысленное око его и он, как потерявший зрение, шел, не зная, куда направляется. А может быть, он и не помышлял уже о человеческой природе, видя, что ему не было ни в чем неудачи. Он не только веселился, но и был богат; не только был богат, но и пользовался телесным здоровьем; не только пользовался телесным здоровьем, но и услугами других; и при этой большой услужливости, видя, что все притекает к нему, как бы из источников, жил в непрерывном удовольствии. Видите ли, возлюбленные, какими удовольствиями наслаждался человек, который вошел пространными вратами и шел постоянно по широкому пути? Но никто из слушающих это пусть не решается ублажать его прежде конца, но пусть подождет окончания дел, и тогда произнесет приговор. Теперь, если угодно, я представлю и того, кто вошел узкими вратами и шел скорбным путем, и тогда, посмотрев на конец того и другого, мы произнесем надлежащее мнение о каждом. Кого же другого можно представить теперь, как не Лазаря, который лежал в воротах богача, покрыт был ранами, видел, как языки псов касались язв его, и не имел силы даже прогнать их? Как тот, вошедши пространными вратами, шел по широкому пути; так этот, блаженный (уже называю его блаженным за то, что он решился войти узкими вратами) вошел узкими вратами, во всем противоположными широким. Как тот непрерывно веселился, так этот непрерывно боролся с голодом. Тот, при роскоши и телесном здоровье, наслаждался и избытком денег, и тратил все время в пресыщении и пьянстве; а этот, при голоде, изнуряясь крайнею бедностью, постоянно болезнью и невыносимыми ранами, не имел даже необходимой пищи, но желал крупиц от трапезы богача, и тех не достаивался.

4. Видишь ли, как этот, вошедши узкими вратами, постоянно шел по тесному пути? Видишь ли, как тот проходил чрез пространные врата и по широкому пути? Посмотрим же на конец их обоих, как тот пришел к тесному концу, а тот к широкому и исполненному великой отрады, чтобы, хорошо узнав это, нам не домогаться всячески широкого пути и не стараться входить пространными вратами, но искать врат узких и идти по пути тесному, дабы достигнуть доброго и отрадного конца. Когда пришел конец жизни каждого (богатого и Лазаря), посмотри, что говорит (Господь) прежде о том, который шел скорбным путем. "Умер нищий и отнесен был Ангелами на лоно Авраамово" (Лк. 16:22). Может быть, ангелы отводили его, предшествуя ему и окружая его, а после многих

скорбей и тесного шествования препровождая в страну покоя. Видишь ли, какой простор открывается в конце узких врат и тесного пути? Посмотри потом и на гибельный конец широкого пути. “Умер и богач, - говорит (Господь), - и похоронили его”. Никто не предшествует ему, никто не окружает, никто не путеводит его, как Лазаря. Так как он всем этим наслаждался на широком пути, имел много окружавших его и угрождавших ему, т. е. льстецов и тунеядцев; то, когда пришел к концу, лишился всего и остался одиноким после многих прежних удовольствий, или лучше, после краткого довольства и благоденствия; потому что вся настоящая жизнь кратка в сравнении с будущим веком. Итак, после кратковременного довольства, которым он наслаждался, идя по широкому пути, он вступил в страну тесноты и скорби. Тот покоился на лоне патриарха, получая воздаяние за труды и многие страдания, и после голода, ран и лежания в воротах, наслаждался неизреченною и неизъяснимою отрадою; а этот, после веселья и довольства, после великого пресыщения и пьянства, подвергшись неизбежному наказанию, страдал в пламени. И, чтобы тот и другой из них на деле узнал, первый - пользу тесного пути, а последний - вред и гибельность широкого, они видят друг друга на большом расстоянии. Послушай, как: “И в аде, будучи в муках, он поднял глаза свои, увидел вдали Авраама и Лазаря на лоне его” (Лк. 16:23). Думаю, что богач почувствовал сильнейшую скорбь, когда увидел столь внезапную перемену обстоятельств, как тот, который лежал в воротах, и был тревожим языками псов, пользуется таким дерзновением и пребывает на лоне патриарха, а сам он покрыт таким стыдом, и притом еще горит в огне. Таким образом, видя, что обстоятельства пришли в противоположное состояние, что сам он, так сказать, повеселившись во сне и тению, теперь терпит невыносимое наказание, и что широкий путь и пространные врата привели его к такому тесному концу, а с (Лазарем) произошло противное тому, и он за здешнее терпение наслаждается тамошними неизреченными благами, богач, пришедший в смущение и узнавши по опыту, что он подвергся полному обольщению, избрав широкий путь, обращается с просьбою к патриарху и произносит слова жалкие и исполненные слез. Тот, кто прежде не хотел и обращаться к Лазарю и смотреть на этого бедняка, лежавшего в воротах, и, можно сказать, гнушался им по причине зловония ран его и по причине собственной изнеженности, в какой постоянно жил он с весельем, теперь умоляет патриарха и говорит: “Отче Аврааме! умилосердись надо мною и пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой, ибо я мучаюсь в пламени сем” (Лк. 16:24). Слова эти могли бы привести в жалость; однако он и таким образом не помог себе; потому что исповедание было не своевременное, и молитва приносилась не в надлежащую пору. Пошли, говорит он, Лазаря, этого бедняка, которым прежде я гнушался, которому не уделял и крупич; в нем я нуждаюсь теперь и ищу того перста, который лизали псы. Видишь ли, как смирило его наказание? Видишь ли, к какому тесному концу привел широкий путь? Он обращается с просьбою не к Лазарю, а к патриарху; и справедливо: потому что на бедного он и взглянуть не смел. Думаю, что он вспомнил о собственном бесчеловечии, и, размыслив, как безжалостно поступал с Лазарем, думал, что этот, может быть, не удостоит его даже ответом. Поэтому и не обращается к нему с просьбою, но умоляет патриарха. Однако он и таким образом не получил никакого успеха: так велико зло - неблагоприятность и злоупотребление временем жизни, которое дано нам Божиим человеколюбием на дело нашего спасения. Какого алмазанта не смягчили бы эти слова и не расположили бы к жалости и состраданию? Однако и при этом патриарх не склоняется на просьбу, но хотя удостоивает его ответом, объясняет ему, что сам он был виновником своих бедствий. Патриарх говорит ему: “Чадю! вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь - злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь; и сверх всего того между нами и вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят” (Лк. 16:25-26). Страшны эти слова и могут тронуть имеющих ум. Чтобы дать богачу понять, что хотя он со своей стороны оказывает ему

сострадание и преклоняется на жалость, видя тяжесть его наказания, но не может ничего сделать к его облегчению, патриарх, как бы оправдывая себя, говорит ему: хотел бы я подать тебе руку помощи, облегчить твои страдания и уменьшить силу мучений, но ты сам заранее лишил себя этого утешения. Посему и говорит: “Чад! вспомни”. Посмотри на благость патриарха: чадом называет его! Но это хотя и может показать кротость Авраама, однако не доставляет богачу никакой помощи, потому что он предал сам себя. “Чад, - говорит, - вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей”. Приведи на мысль прошедшее, не забудь, каким ты наслаждался весельем, каким довольствием, какою пышностью, как провел всю жизнь в пресыщении и пьянстве, думая, что в этом состоит вся жизнь и считая это благами. Он сделал богачу ответ сообразно с его же мнением; ибо не помышляя ни о чем высоком, и не имея пред глазами ожидавших его будущих бедствий, он почитал эти наслаждения благами.

5. И ныне многие из пристрастившихся к роскоши и пресыщению, когда хотят выразить весьма великое довольство, имеют обычай говорить: мы имеем много благ. Не называй, человек, только эти вещи благом, рассуждая так, что они даны от Владыки на то, чтобы мы, пользуясь ими с умеренностью, поддерживали жизнь и подкрепляли немощь тела, но - есть другие истинные блага. Ничто из здешнего не есть благо - ни веселье, ни богатство, ни драгоценная одежда, но все это имеет только название блага. Что я говорю: имеет только название блага? Часто эти предметы бывают еще причиною нашей гибели, когда мы будем пользоваться ими не надлежащим образом. Так богатство тогда было бы благом для обладателя, когда бы он тратил его не на веселье только, не на пьянство и вредные удовольствия, но, умеренно пользуясь весельем, остальное раздавал бы бедным на пропитание: тогда богатство - благо! Если же кто будет предаваться веселью и другому распутству, то богатство не только не принесет ему никакой пользы, но и низведет его в глубокую пропасть, что и случилось с этим богачом. Посему патриарх и говорит ему: “Чад! вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей”. Что считал ты истинными благами, то и восприял; “а Лазарь - злое”; - не потому, чтобы Лазарь считал это злом, - да не будет! - но применительно ко мнению богача сказал (Авраам) и эти слова. Ибо он составил себе такое мнение, что богатство, веселье, пресыщение и изнеженность считал благами, а бедность, голод и тяжкую болезнь признавал злом. Посему, как сам ты полагал, имея такое ложное суждение, то припомни, что ты, согласно твоему мнению, восприял эти блага, когда шел по широкому и пространному пути, и Лазарь - зло, также по твоему суждению, когда он шел узкими воротами и тесным путем. Между тем как ты имел в виду только начало пути, он смотрел и на конец, не делаясь беспечнее по началу пути; поэтому ныне здесь он утешается, а ты страдаешь; конец у того и у другого из вас вышел противоположный. Видели вы на самом деле конец широкого и пространного пути; узнали, как, чрез узкие врата и тесный путь, избравший их пришел к благому концу; послушайте же и, еще более страшное. “И сверх всего того между нами и вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят”. Не пройдем, возлюбленные, этих слов без внимания, но размыслим о точности выражений и о том, какою честью и высоким местом пользуется лежавший в воротах, презренный, нищий, постоянно борющийся с голодом, покрытый ранами, доступный псам. С охотою обращаюсь так часто к этому предмету, чтобы никто из живущих в бедности или в болезнях и голоде не презирал себя и не считал несчастным, но, перенося все с терпением и благодарностью, питался благими надеждами и ожидал тех неизреченных наград и воздаяния за труды. “И сверх всего”. Что это такое - “и сверх всего”? Сказав богатому: ты восприял в настоящей жизни все, что считал благом, а Лазарь восприял то, что ты считал злом, Авраам присовокупил эти слова, внушая ему, что каждый из них и достиг соответственного конца, сверх всего сказанного: ты - скорби, тесноты и неугасимого огня после наслаждения тем, что почитал благом, а он - отрады и

наслаждения благами и пребывания со святыми, после борьбы в течение всей жизни с тем, что ты считал злом. И так как каждый из вас достиг соответственного конца - тебя пространные врата и широкий путь привели к этой тесноте, а его узкие и тесные врата к этой отраде, то и "и сверх всего того между нами и вами утверждена великая пропасть". Посмотри: бедняк, который был покрыт ранами (опять говорю об этом), отнесен к патриарху и приобщен к сонму праведников; "между нами и вами", - говорит он. Видишь ли, какой участи сподобился тот, кто с терпением и благодарностью переносил тяжкую болезнь и голод? "Между нами и вами", - говорит, - утверждена великая пропасть".

Многое, говорит, разделяет нас, и не просто пропасть, но великая; потому что действительно велико расстояние и велико различие между добродетелью и пороком: последний пространен и широк, а первая узка и тесна; роскошь пространна и широка, а бедность и нужда узка и тесна. Посему, как здесь пути противоположны, и один идет по пути узкому и тесному, соблюдая целомудрие, предпочитая нестяжательность и презирая тщеславие; другой же, спеша идти по пути пространному и широкому, предается пьянству и веселью, безумной страсти к деньгам, невоздержанию и губительным зрелищам, а велико различие между тем и другим! - так и во время наказания и награды окажется великое различие в воздаянии. "Великая пропасть, - говорит, - между нами и вами утверждена", - то есть, праведными, добродетельными, сподобившимися этой участи, и вами, то есть, проведшими жизнь в нечестии и грехе. И столь велика эта пропасть, что "хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят". Видишь ли великость пропасти? Видишь ли ответ более тяжкий, нежели геенна? Когда вы в начале слышали о благоденствии богача и о большой услужливости, какую пользовался он окружаемый всеми и каждодневно предававшийся веселью; не считали ли вы его блаженным; также, видя лежавшего в воротах и страдавшего от жестоких ран, не считали ли жизнь его жалкою? Но вот теперь при конце всего мы видим противное, - того в пламени после веселья и пьянства, а этого в лоне патриарха после крайней бедности и голода! Впрочем, чтобы не слишком продолжить слово, можно закончить здесь поучение и попросить вас, возлюбленные, не искать пространных врат и широкого пути и не домогаться всячески удовольствий, но помышлять о конце того и другого пути и представляя в уме участь постигшую богача, широкого пути избегать, а искать врат узких и пути тесного, чтобы после здешней скорби придти в страну отрады. Убегайте же, увещаю вас, сатанинских зрелищ и вредного посещения конских ристалищ; ибо по поводу тех, которые увлеклись и пошли по широкому пути, я и был вынужден сказать это, чтобы они, вразумившись, оставили этот путь и пошли путем тесным, т. е. путем добродетели, и таким образом удостоились, подобно Лазарю, лона Авраамова, и чтобы всем нам вообще избавившись от геенского огня, насладиться теми неизреченными благами, "не видел того глаз, не слышало ухо" (1 Кор. 2:9), чего да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

[К ОГЛАВЛЕНИЮ](#)

www.voskresensk.prihod.ru